SCRIPTA & e-SCRIPTA

Volume 3-4

"Boyan Penev" Publishing Center
Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences
Sofia, 2006

BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUE OF LITERATURE

SCRIPTA & *e*-SCRIPTA

БАН - Институт
за литература
БИБЛИОТЕКА

БОЯН ПЕНЕВ
ИЗДАТЕЛСКИ ЦЕНТЪР

This issue of **Scripta & e-Scripta** is realized as a co-operative project with Prof. Dr. Sebastian Kempgen, Department of Slavic Linguistics, University of Bamberg, Germany, with a grant from "Oberfrankenstiftung"

инв. № 54404/07
ПРОВЕРКА
2009 - 2010

Scripta & *e*-Scripta

The Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies

Volume 3-4

БАН - Институт за литература
БИБЛИОТЕКА

Sofia

2006

БАН
БИБЛИОТЕКА

SCRIPTA

& e - SCRIPTA

3 - 4 / 2005 - 2006

Editorial Board

Slavia Bărlieva (*Bulgaria*), **David J. Birnbaum** (*USA*), **Ralph Cleminson** (*United Kingdom*), **Margaret Dimitrova** (*Bulgaria*), **Sergej Ivanov** (*Russian Federation*), **Gabor Klaniczay** (*Hungary*), **Sebastian Kempgen** (*Germany*), **Anissava Miltenova** (*Bulgaria*), **Elissaveta Mussakova** (*Bulgaria*), **Tatjana Slavova** (*Bulgaria*)

Editorial Address

Institute of Literature
Bulgarian Academy of Sciences
52, Shipchenski prohod Str.
1113 Sofia, Bulgaria

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced in any form or any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the publisher.

Executive editors of this issue: **Sebastian Kempgen, Tatjana Slavova**

© **Anissava Miltenova, *editor***

© **Milena Vălnarova, *book designer***

© The copyrights of the articles belong to their authors

ISSN 1312-238X

"Boyan Penev" Publishing Center,
Institute of Literature, BAS

Grafic design and pre-press: ***Rumyan Lazov***

Printing press: ***Simolini***

Scripta & *e*-Scripta

Volume 3 – 4
Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences
Sofia, 2005–2006

Table of Contents

e-Scripta

Sebastian Kempgen, 'Kliment Std' – a Free Font for Slavic Medievalists 9
Manuscript Catalogues and Manuscripts via Internet *(Stilyana Batalova)* 25
International Workshop and Conference ***Azbuky.Net*** *(Dilyana Radoslavova)* 29

Scripta

Anna-Maria Totomanova, Morphonological Restraints on the Loss of the Weak Yers in Prefixes and Suffixes. 33
Антоанета Дželева, Типологическая характеристика родительного падежа в древнеболгарском языке ввиду глагольного управления 43
Роман Кривко, Среднеболгарский фрагмент НБКМ №113 в истории переводов славянских служебных миней 59
Boryana Velčeva, Andrei Bojadžiev, The Slavonic Text of *Acta Thomae in India* 95
Елена Томова, Третья русская редакция Тырновского проложного жития св. Йоанна Рыльского 121
Mariyana Tsibranska-Kostova, Творѧщихъ влъшвенїа и плѡдовь влаvенїа dans le Synodicon de Boril (quelques notes sur un témoignage écrit) 133
Yavor Miltenov, Omissions and Mistakes in the Slavonic Translation of the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios 147
Ekaterina Pantcheva, Some Principles of *Isocolic* Structuring in a Medieval Bulgarian Writing 161

Иван Петров, Древнеславянские источники и функциональный (семантический) подход к изучению развития языковой системы: на примере болгарского языка 173
Vessela Valiavitcharska, Imperial *Adventus* and Paul the Silentiary's *Ekphraseis of Hagia Sophia and Its Ambo* 183
Nicoletta Isar, L'espace iconique – inscription et transfiguration: La rhétorique paradoxale de l'image sacrée à l'âge post-byzantin 199
Mariana Dimitrova, Some Observations on the Slavic Sources for *Theta* Notation 225

Debuts

Desislava Naydenova, Die byzantinischen Gesetze und ihre slavische Übersetzung im Ersten Bulgarischen Reich 239
Aneta Dimitrova, The Infinitive in the *Life of Saint Anthony* 253
Iva Trifonova, Copies of the Book of Revelation of St. John in Festal Collections 285
Алексей Щекин, Список "Видения Исайи пророка о последнем времени" в рукописном сборнике XV века Златая Матица ... 307
Ольга Афиногенова, Греческий вариант апокрифа о борьбе архангела Михаила и Станаила 329

Reviews 349
New Books (*Margaret Dimitrova*) 375
Abstracts 405
Abbreviations 417

Scripta & e-Scripta
Том 3–4
Институт за литература, Българска академия на науките
София, 2005–2006

Съдържание

e-Scripta

Себастиян Кемпген, 'Kliment Std' – безплатен шрифт за слависти-медиевисти 9
Каталози на ръкописи и образци от ръкописи в Интернет (*Стиляна Баталова*) 25
Международен семинар и конференция *Azbuky.Net* (*Диляна Радославова*) 29

Scripta

Анна-Мария Тотоманова, Морфологични ограничения при загубата на слабите ерове в префикси и суфикси 33
Антоанета Джелъова, Типологичната характеристика на родителен падеж в старобългарски език с оглед на глаголното управление 43
Роман Кривко, Среднобългарският фрагмент в ръкопис НБКМ № 113 в историята на преводите на славянските служебни минеи 59
Боряна Велчева, Андрей Бояджиев, Славянският текст на Житие на св. апостол Тома 95
Елена Томова, Третата руска редакция на Търновското проложно житие на св. Иван Рилски 121
Марияна Цибранска-Костова, Творѧщихъ влъшвєніа и плѡдовь влаѵєніа в Бориловия синодик (бележки към едно писмено свидетелство) 133
Явор Милтенов, Пропуски и грешки в славянския превод на Диалозите на Псевдо-Кесарий 147
Екатерина Панчева, Принципи на изоколното изграждане в среднобългарското житие 161

Иван Петров, Старославянските източници и функционалният (семантически) подход към изучаване развитието на езиковата система: върху примери от български език 173
Весела Валявичарска, Императорският адвентус и екфразисите на Павел Силенциарий за "Св. София" и за нейният амвон 183
Николета Изар, Иконичното пространство – надпис и преобразяване: парадоксалната риторика на свещеното изображение в поствизантийската епоха 199
Мариана Димитрова, Някои наблюдения върху славянските извори за *тита*-нотацията 225

Дебюти

Десислава Найденова, Византийските закони и техният славянски превод в Първото българско царство 239
Анета Димитрова, Инфинитивът в Житието на св. Антоний 253
Ива Трифонова, Преписите на книга Откровение на св. Йоан Богослов в състава на календарни сборници 285
Алексей Щекин, Преписът на "Видение на пророк Исайя за последните времена" в ръкописния сборник от XV в. Златая Матица 307
Олга Афиногенова, Гръцката версия на апокрифа за борбата между архангел Михаил и Сатанаил 329

Рецензии 349
Нови книги (*Маргарет Димитрова*) 375
Резюмета 405
Съкращения 417

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3-4 / 2005-2006

'Kliment Std' – a Free Font for Slavic Medievalists

Sebastian Kempgen

During the past twenty years, the author has developed many fonts of special interest to Slavicists. These inlude, but are not limited to, fonts like the Old Church Slavonic *Method* font series, Glagolitic fonts like *Kirill* (round Glagolica) and *Glagol* (square Glagolica), *RomanCyrillic*, a Cyrillic font with historic characters included, phonetic fonts like *Trubetzkoy*, fonts with flying accents like *TAccents* and several others. While these fonts are commercially available and widely used by the Academic community, the purpose of the current paper is to introduce a new font, *Kliment Std*, that is available for free to any Slavic medievalist. Another free recent release, *RomanCyrillic Std*, will be introduced in a separate article (forthcoming).

1. Download URL, license

The official web page for the *Kliment Std* font is
http://kodeks.uni-bamberg.de/AKSL/Schrift/KlimentStd.htm

As can be seen from the address, it is part of the material offered on the 'Kodeks' server run by the author, online since 1996. At the same time, the font is being mirrored on the 'Repertorium' web-site maintained by David Birnbaum at
http://clover.slavic.pitt.edu/~repertorium/resources/fonts/fonts.html

The Kodeks server is a server dedicated to help with teaching and studying Slavic medieval languages, and the cultural history of the Slavic peoples and countries, and it contains a section on the Slavic scripts, too. The font page is part of this sub-section of the server.

The licensing conditions of the font allow it to be freely used for any scholarly research and publication; however, commercial use is not covered by the license. That the font is free for use does not mean that is in the public domain; rather, the author retains all copyright to the outlines used for the characters and to the final

product. The main reason for this is that the author has licensed the basic outlines himself from another, commercial font vendor. For any user of the font this has two important consequences: 1) The font is fully licensed and legal to use which means it does not violate anyone else's copyrights – in contrast to many other free fonts available on the internet! This is the most important consequence. 2) This also means that the font may not be altered, modified, changed, renamed etc. by the end-user. For most users this is completely without importance and practical relevance. If someone would like to see additions, or has some suggestions regarding the font and ist character set, the solution to this is really simple: contact the author and I will see what can be done with implementing new features, characters, shapes etc.

2. Font format, platforms, encoding, compatibility

The font is made available as a Unicode TrueType font in the Windows font file format (i.e. as a file with name ending with the suffix .tff). Because any computer running Mac OS X can also handle .tff files, this file can be used on Windows PCs as well as Macintoshes – there is only one font file for use on both platforms. This means that there is complete compatibility and interoperability between these two platforms for any documents that use this font. The same is true for web-sites that assume the presence of a specific font in their html code (see the Repertorium site, for example).

The encoding of the font is Unicode-based. This means that whereever possible, the correct Unicode number and slot is being used for any given character. However, especially in the area of Slavic medieval studies, the Unicode standard itself is evolving, with more characters being added and introduced from time to time. Consequently, the font itself will evolve over time to incorporate new characters, accents etc. The present version of the font is specified as 1.7 and it implements Unicode version 4.1 within the scope – and limitations – of scripts and characters supported by this standard. Because the font itself will evolve to contain more and more characters, it is a good idea to check the website given above from time to time to see if a newer version might be available.

The font contains certain characters (like Ⱑ Ⱆ Ⱨ Ꙩ Ⱡ) which are not part of the current Unicode standard. If the Unicode standard evolves to include such a character which previously has not been part of it, and for which a stop-gap measure had been offered, this means that in future versions of the font certain characters might be moved to new slots or locations with their final, official Unicode number. To avoid any negative consequences for existing documents, the current version (1.7) will remain available alongside newer versions.

Many of the problems and areas concerning 'missing characters' and features in Unicode with respect to Slavic philology have been discussed recently in two articles by the author. These articles present background information on many of the features implemented in *Kliment Std*. The acknowledgement that Slavic scripts are not yet fully implemented in Unicode also lead Ralph Cleminson to collect relevant material, arguments and suggestions to formulate and finalize a submission to Unicode, Inc. for inclusion of some 40 new Cyrillic characters and diacritics. At the time of this writing, his submission has been positively reviewed by the relevant bodies but the process of adopting these new characters has not yet been finalized. As soon as the new additions have been officially sanctioned and been made publicly available from the Unicode web-site, the *Kliment Std* font will be updated accordingly.

3. Design

Kliment Std is a serifed font that most closely matches the ubiquituous *Times* font, a standard in desktop publishing and a basic font whose presence is presupposed by any PostScript-compliant printer. *Times* is a font manufactured by Linotype GmbH and introduced to desktop typesetting and printing by Adobe Inc. on the Macintosh. Microsoft, however, licensed another very similar design, *Times New Roman*, from Monotype, for use on Windows machines. Many users will have both fonts installed and will not even be aware of the background just outlined. Although there are some subtle and some not so subtle differences between these two fonts, *Times New Roman* was considered to be so similar to *Times* that in earlier versions of Windows it was simply replaced by it when printed on a PostScript printer: *Times New Roman* was used and appeared on-screen, while *Times* was what got printed, at least on a PostScript printer. Because of the differences regarding the character set of the fonts, and because of considerable progress in printing and acceptance of TrueType fonts, this is usually no longer the case today.

Anyway, the suggestion is clear: *Kliment Std* can be and should be used along with *Times New Roman* and/or *Times* and can be mixed with those two fonts. This recommendation, is, of course, also true for any other font based on the same design, Cyrillic or Latin. *Kliment Std* uses the same outlines as the author's commercially available fonts, so there is no difference in printing quality, and the font can be used without limitation as to its quality. The only restriction that one should be aware of is that this free version of the font comes in one weight only, as a regular or upright typeface. At present, there is no free bold or italic version. An italic version may be mimicked by slanting the font - selecting 'italic' as the style in a word processor will result in a pseudo-italic oblique font. Similarly, selecting 'bold' may somewhat fatten the typeface but again this will not be a real bold font.

4. Characters, special features

In this section, we will outline some of the main features of the *Kliment Std* font. Some of them may be obvious and trivial, others may be more or less hidden and may merit special attention. The table in the Appendix presents a structured overview of what is available in *Kliment Std* in comparison to fonts like *Times* or *Times New Roman.* All in all, the font contains more than 1000 characters.

4.1. Latin characters

Kliment Std has a large set of Latin characters – several hundreds of them. In terms of 8-bit encodings or so-called 'code pages', they include the standard *Western* encodings (Windows 1252 Latin-1; MacOS Roman), the standard *Central European* (CE) encodings on both platforms (Windows 1250 Eastern Europe; MacOS Central European), and also encodings such as *Turkish* (MacOS Turkish; Windows 1254 Turkish), *Romanian* (MacOS Romanian; Windows: part of the East European character set), the *Baltic* languages (MacOS: included in the CE character set; Windows 1257 Baltic), *Croatian* (MacOS Croatian or Extended CE; Windows: included in the Eastern European encoding), Irish-Welsh (MacOS Welsh), and *Icelandic* (MacOS Icelandic; Windows: included in Latin-1).

In less technical terms, this means that all Slavic languages that use the Latin alphabet can be written with *Kliment Std* even though that's not its primary purpose. Also, all West-European and all non-Slavic East European languages (Romanian, Hungarian, Baltic) are supported by the font. But the Latin characters available in the font are not limited to these languages: many more characters are present, for languages like Esperanto, Maltese and others. By supporting all the above-mentioned languages, the font inherently also supports the transliteration of Cyrillic and Glagolitic into the Latin alphabet. In effect, this means that many papers and articles on Slavic medieval philology do not need any other font beside *Kliment Std* and it should be a valuable tool for students and staff alike.

The support for Latin primarily concerns the following Unicode tables: *Basic Latin* and *Latin-1 Supplement* both of which are fully supported, and *Latin Extended B* which is partly supported. From this last table, the font supports all characters of relevance to Slavists, namely the *Serbocroatian digraphs* (DZ Dz dz – DŽ Dž dž – LJ Lj lj – NJ Nj nj), *Macedonian transliteration* (Ґ ґ), *nasal o* (Ǫ ǫ), *Štokavian accents* (lowercase only: ă â ĕ ê ĭ î ŏ ř ŭ û) plus some additional characters. Support for even more Latin letters is in the *Latin Extended Additional* block, where characters for the transliteration of *historical Russian*, and *Macedonian* (Ḱ ḱ ˙ f Ẏ ẏ) are available.

4.2. IPA characters

Phonetic signs (Unicode block 'IPA Extensions') are partly implemented; again, only the most important characters (for Slavists) were put into the font, symbols like

ɐ ɑ ɘ ɜ ɛ ɨ ɪ ɯ ʁ ʁ ʃ ʌ ʒ ʔ ʤ ʤ ʦ ʧ

Even these few characters, however, offer much more than standard fonts like *Times New Roman* or *Times* do – these fonts do not have any real support for IPA characters.

A unique feature of the font is the next Unicode table (see Fig. 1). Called '*Spacing Modifier Letters*', these are characters ('letters') with a positive width ('spacing letters'). That is, they appear onscreen by themselves, and the cursor moves as soon as the character is inserted.

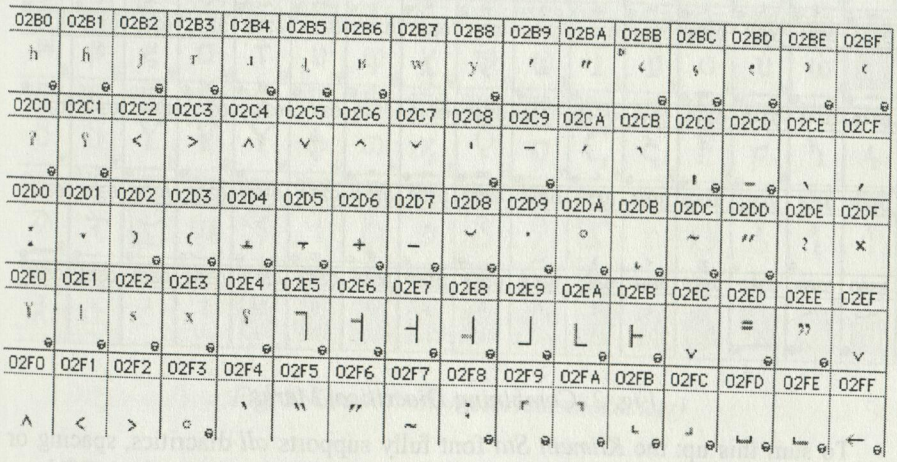

Fig. 1: Spacing Modifiers

This block features special signs which modify the meaning of preceding symbol – this is why they are called 'spacing modifier letters'. Among them, we find the official transliteration symbols for the hard and the soft sign (see 02B9 and 02BA), the sign for a long vowel (02D0) and many other symbols which will be of importance for anyone concerned with Slavic phonology and phonetics.

Also fully implemented is the next block of symbols which is closely related to the preceding one. Called '*Combining Diacritical Marks*' (see Fig. 2), the important difference to the group above is that these symbols are non-spacing. This means that they can be put on top (above) or below other, normal, lowercase characters. Thus, for example, with the *dieresis below* (0324) or the *ring below* (0325)

one can enter the base character first (like a b c r l u), and then the diacritic: r + ◌̥ = r̥ . It's in the nature of such combining diacritical marks that the fit between the base character and the diacritic cannot be perfect in each and every instance as one can see from the slight offset to the left of the ring below the 'r'. But such small imperfections aside it is still better to be able to typeset the desired combination than not to have this capability at all.

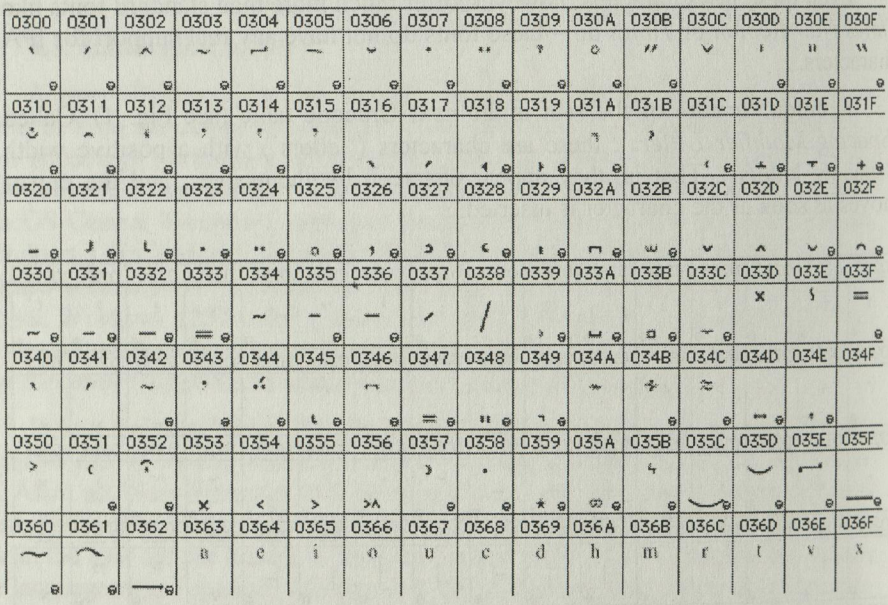

Fig. 2: Combining Diacritical Marks

To sum this up: the *Kliment Std* font fully supports *all* diacritics, spacing or non-spacing, which are defined in these sections of the Unicode standard v. 4.1.

4.3 Greek

The *Kliment Std* font also features a Greek alphabet (Unicode block 'Greek'), but is should be pointed out that this implementation is currently restricted to modern Greek and does not cover all the accents and breathing marks of Classical Greek (which is contained in another Unicode block). See Fig. 3 for an overview.

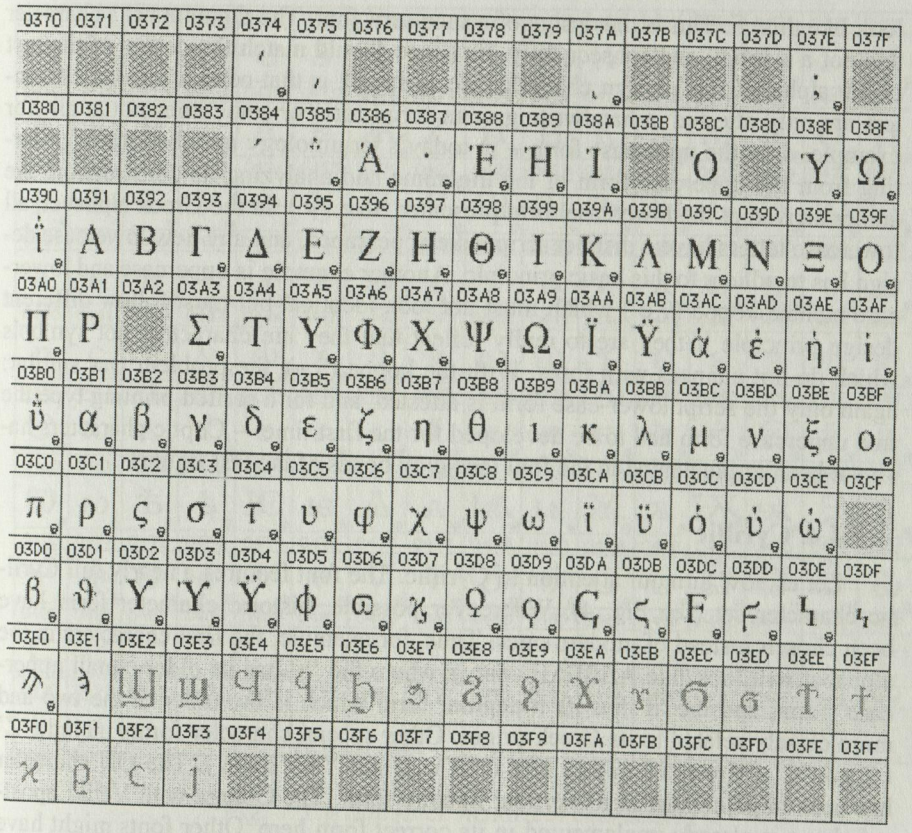

Fig. 3: Greek (incl. historical characters)

What may be worth mentioning is the fact the I have implemented all of the *historical characters* of the Greek script (see row 03D0 to 03DF) which are very useful for Slavicists, too, for example when writing about Old Church Slavonic number signs. Thus, the font features symbols like *archaic Koppa* (03D8, 03D9), *Stigma* (03DA, 03DB), *Digamma* (03DC, 03DD), *Koppa* (03DE, 03DF), and *Sampi* (03E0, 03E1), all of them in lowercase and uppercase forms!

Several of these designs are a unique feature of this typeface, and have been developed by the author for the first time. If one takes a closer look at the preceding table, it can be seen that for all character pairs, true uppercase and true lowercase forms have been designed which are true to the design principles of the Greek script. For example, in a serifed printing type the uppercase digamma must not

look like this: Ϝ. This is the design of a sans-serif font. The digamma is a character and not a symbol, and consequently, its shape should match the design of the rest of the alphabet. The design challenge, so to speak, is that certain historic characters are only attested in handwriting or in script form or sometimes not at all (for example, only the uppercase form – in today's terminology may be known). Starting from the uppercase form of the digamma and analyzing its construction, the author arrived at the lowercase form presented here (ϝ). In the Greek alphabet, all lowercase letters have a distinct script-like appearance, and any new lowercase design has to adhere to this basic principle. Another example is uppercase and lowercase archaic koppa (Ϙ ϙ) which must not look identical but must follow different design principle if they are to really reflect that they are characters not symbols which do not changes with fonts. With the koppa (Ҁ ҁ), the problem was similar: again only the script lower-case form is attested, and for a serifed printing type the true uppercase form had to be developed for the first time. – Coptic characters have not been implemented in the font (see grey boxes of the last figure).

4.4. Cyrillic

Let us now turn our attention to Cyrillic. The font features a nearly full Cyrillic character set (see Fig. 4). Whereever possible, historic character form have been chosen instead of modern ones. Thus, for example, the first characters in the alphabet will look like АБВГДЕ абвгде where the 'b' has its older 'small uppercase' form, and the 'd' has its triangular form which is the older of the two and more closely related to its Greek origin. Other special character forms include 'Z' (Ꙁ ꙁ), 'Č' (Ҷ ҷ), ŠT (Щ щ), Y (Ъ ы), and YA (Ꙗ ꙗ). The OU character has been implemented in its vertical ligature form. The Omega with Veliki apostrof above is already implemented in its correct form here. Other fonts might have the older, incorrect outline present in the first versions of the Unicode standard.

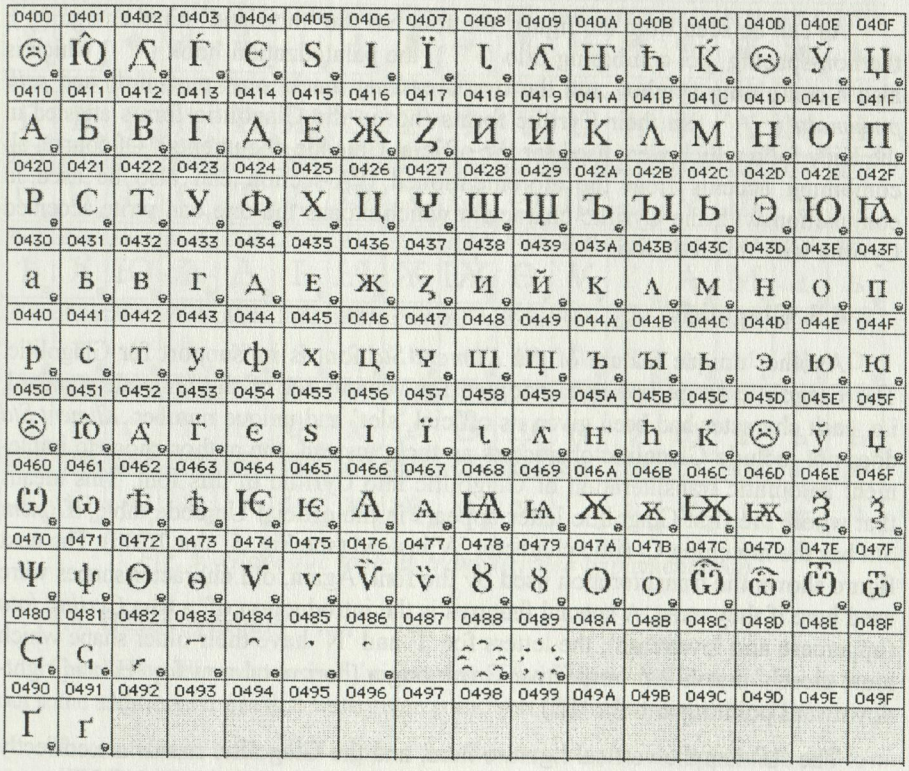

Fig. 4: Cyrillic (incl. historical characters)

The characters that have been left out in this section concern four accented modern Macedonian characters (lowercase and uppercase È Ѝ). Because they are modern characters, they have no place in a font whose aim is to help medievalists; in their places, one can see the 'smileys' in the table above. (If these characters need to be written using the *Kliment Std* font, one can always construct them from the base character with a combining accent added – that's the way they were produced here.)

The font also the full set of historical Slavic Cyrillic characters that are currently defined in Unicode 4.1 (see row 0460 to 047F and following). Here again, each character pair has its own carefully designed uppercase and lowercase variant. Several of the characters of Greek origin developed their own shapes in the context of the Cyrillic script, especially *ksi* and *psi*, and the uppercase *ksi* and the lowercase *psi* were given new, specially developed shapes that fit into a serifed Cyrillic font.

БАН
БИБЛИОТЕКА

As can be seen from the figure, the font has the 'thousand' number sign (͵), the non-spacing, i.e. combining titlo (◌҃), the palatalization hook (◌ᲂ) which is also a combining symbol, and the two breathing marks *dasi pneumata* and *psili pneumata* (◌ ◌) in their Cyrillic forms (not in the Glagolitic forms attested in the Kiev folia which were used for the official Unicode documents). Of course, all combining accents from the aforementioned IPA-section can also be used in conjunction with the Cyrillic characters which means the one can write accented Cyrillic with this font, too!

4.5. Glagolitic

Another unique feature of the *Kliment Std* font is its support for Glagolitic. The Glagolitic script had been adopted for version 4.1 of the Unicode standard, i.e. each character had been given its official 'slot' and unique number. *Kliment Std* does not include Glagolitic characters as such; instead, the author chose to implement automatic transliteration of Glagolitic into Cyrillic in this font. This means that where the first Glagolitic letter appears in the official Unicode table, *Kliment Std* has the matching Cyrillic character 'A' instead (see Fig. 5, slot 2C00). The next figure shows the transliteration used by the font. Again, old character shapes were used here if they exist. A special features is the introduction of a true *Cyrillic Iota* (uppercase and lowercase), the letters for 'I' and 'N' have their older shape which more closely match their respective Greek origin (horizontal arm for 'H' and right-downward pointing arm for 'N').

The 'U' has the vertical ligature here, and the Glagolitic nasals are correctly transliterated into Cyrillic with characters that are not available the Cyrillic section! A unique design is also the form of the so-called 'spidery X'. To indicate that it is a character that differs from the standard 'X', the author has designed a new character here for the first time. Its distinctive feature is the same trait that characterizes the Glagolitic character: the round 'belly' with its four legs. Implemented for a serifed font, this leads to the following shape: Ⱈ which, in my view, is the only logical way to mimic the Glagolitic character in a Cyrillic counterpart, and a much better solution than to write X_2.

The automatic transliteration of Glagolitic makes it possible, for instance, to take an already available Glagolitic text (as long as the encoding is Unicode-compliant), and to simply change the font to *Kliment Std* to have the text correctly transliterated. Of course, this also works the other way around: one can enter simple words in *Kliment Std* using the characters from table 5 and change the font to a Glagolitic one to see what the word would look like in that script. Thus, the font is a useful educational tool and a tool for editors, librarians etc. alike.

Fig. 5: Glagolitic table in transliterated implementation

4.6. Other symbols

Concluding this overview of the features of the *Kliment Std* font, I'd like to point out some additional areas that were given some sort of support in this typeface.

These areas include a full support for *Roman numerals* in uppercase and lowercase (MCDLIX), fractions (⅟ ⅓ ⅔ ⅕ ⅖ ⅙ ⅞), arrows (← ↑ → ↓ ↔ ↕), mathematical operators (∀ ∃ ∈ ∉), selected geometric shapes (■ □ ► ▷ ● ○), selected dingbats (★ ✓ ❋ ❦ ☙ † ☩ ☭) etc.

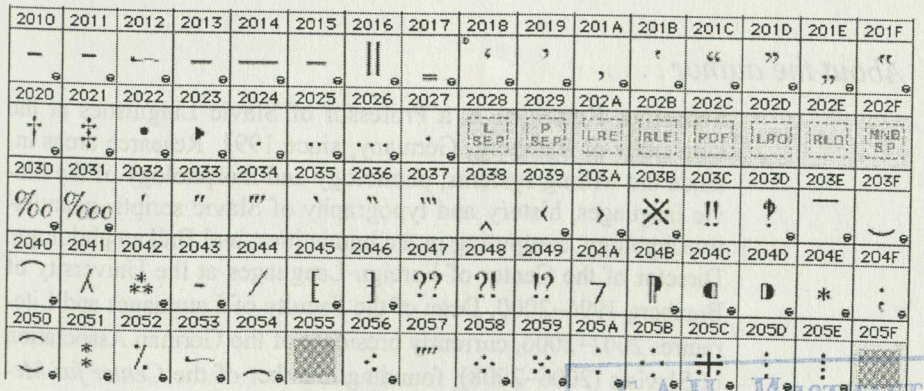

Fig. 6: General Punctuation

БАН - Институт за литература БИБЛИОТЕКА

Punctuation has also been given extensive support (see Fig. 6), including symbols used for marking up text for correction, dashes, dots etc.

5. Conclusion

The *Kliment Std* font is meant as a tool for Slavicists working in the area of medieval studies. A free download from the author's web-server, it can be used for publishing either in print or electronically as well as on the web. It is a high-quality standard serifed font that matches the fonts usually found in scholarly publications. The font is fully legal to use and does not violate anyone else's copyrights. The font is free to use but not in the public domain. It features several solutions and designs that currently no other font can offer. As the Unicode standard evolves to include more historical Cyrillic characters, the font will also be updated to reflect these changes.

REFERENCES

Kempgen 2006: Kempgen S., "Unicode 4.1 and Slavic Philology – Problems and Perspectives (I)". // Miltenova A. (ed.), *Proceedings of the Conference "Azbuki net", Sofia, 24.–27. October 2005.* Sofia, 2006, (in print).

Kempgen 2006a: Kempgen S., "Unicode 4.1 and Slavic Philology – Problems and Perspectives (II)." // Berger T., J. Raecke, T. Reuther (eds.), *Slavistische Linguistik 2004 & 2005.* München 2006, (in print).

Unicode: Unicode Inc.: http://www.unicode.org/charts/

About the author . . . .

Sebastian Kempgen is a Professor of Slavic Linguistics at the University of Bamberg, Germany, since 1991. Research areas include the writing systems, phonology and morphology of the Slavic languages, history and typography of Slavic scripts, quantitative typology, computing in the humanities, and Balkan philology. Director of the Center of Foreign Languages at the University of Bamberg 1996–2000, Dean of the Faculty of Languages and Literatures 2002–2006, currently president of the German Association of Slavists (2006–2008), founding member of the *Center for Medieval Studies* at the University of Bamberg.

An on-going project is the "Kodeks" web-server dedicated to teaching and learning Slavic medieval philology (online since 1996, address http://kodeks.uni-bamberg.de). Publications (see also http://web.uni-bamberg.de/split/slavling/Books.htm) include: *Die Kirchen und Klöster Moskaus. Ein landeskundliches Handbuch*, München 1994 (The Churches and Monasteries of Moscow) ; *Rusistika, Slavistika, Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*. Hrsg. von S. Kempgen, U. Schweier und T. Berger. München 2003; "Spezifika slawischer Schriften" // S. Kempgen (Hg.). *Slavistische Linguistik 1992*, München 1993, pp. 111-143. "Complex Script Systems on Today's Personal Computers". // *Computer Processing of Medieval Slavic Manuscripts. Proceedings. First International Conference, 24.-28. July, 1995, Blagoevgrad*, Bulgaria, Sofija 1995, pp. 68-78; "Nezhit – quid sit ignoratur" Zu Deutung und Bedeutung eines mittelbulgarischen Amulettes // W. Girke (Hg.). *Slavistische Linguistik 1995*, München 1996, pp. 162 –200 (with Ulrich Schweier). So far, he has organized three excursions to Bulgaria for his students.
See http://web.uni-bamberg.de/split/slavling/Exkursion.htm.
e-mail: sebastian.kempgen@split. uni-bamberg.de

Appendix: Features of 'Kliment Std' in comparison to other fonts

	Kliment Std v. 1.7 (Win/OS X)	Times / Helvetica v. 5.0d10e1 (OS X)	Times New Roman / Arial v. 3.05 (Win/OS X)
Basic **Latin**	✓	✓	✓
Latin-1 Supplement (= Western Europe)	✓	✓	✓
Latin Extended-A (= Eastern Europe & more)	✓	✓	✓
Latin Extended-B	some	most	some
Croatian Digraphs	✓	✓	– –
Maced. Translit. (ǵ)	✓	✓	– –
Štokavian Accents	✓	✓	– –
Nasal o	✓	✓	– –
Latin Extended Additional (256)	some	✓	ca. 1/3
Maced. Translit. (ḱ)	✓	✓	– –
Russ. Hist. Translit. (ѓ, ў)	✓	✓	– –
Sorbian (ḿ, ṕ)	✓	✓	– –
IPA – Phonetic	some	2/96	1/96
Spacing Modifiers	80/80	11/80	9/80
Translit. of Jers	✓	– –	– –
Combining Diacritics (= „Flying Accents")	112/112	40/112	5/112
Greek			
Modern Greek	✓	✓	✓
Archaic Letters (Koppa, Stigma, Sampi…)	✓	– –	– –
Classical Greek	– –	✓	– –

Cyrillic			
Std. Russian & Slavic	✓	✓	✓
Macedonian Add. (è, ѝ)	(✓)	✓	– –
Hist. Add. (ѣ ѧ ѫ ...)	✓	– –	– –
Ukrainian Ghe (Ґ ґ)	✓	✓	✓
Non-Slavic Cyrillic (ex GUS-Countries)	– –	ca 1/2	ca. 1/10
Glagolitic	– –	– –	– –
Transliteration into Cyrillic	✓	– –	– –
Armenian, Georgian, Hebrew, Arabic, Ethiopian	– –	– – (supported by other fonts)	Hebrew, Arabic
General Punctuation	70/112	18/112	27/112
Superscripts/Subscripts (0...9)	30/46	– –	– –
Currency (Euro...)	1/48	3/48	6/48
Comb. Diacr. for Symbols (O)	✓	— —	– –
Number Forms	49/64		
Add. Fractions (2/3...)	✓	– –	6/13
Roman Numerals	✓	✓	– –
Arrows	6/112	– – (complete in Apple Symbols)	7/112 (complete in Wingdings)
Mathematical Operators (Π, +, √, ∞, ∫)	45/256	12/256 (complete in Apple Symbols font)	15/256 (complete in other fonts)

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3-4 / 2005-2006

Manuscript Catalogues and Manuscripts via Internet

Manuscript cataloguing can serve to make information about text and image traditions available to scholars in humanities, and the ease of Internet publication now makes it possible to disseminate this information broadly and efficiently.The present provides a brief account of the available databases.

Manuscripts Online

Latin and vernacular manuscripts

Bayerische Staatsbibliothek, München

Since June 2004 an electronic catalogue of the manuscripts in the Bavarian State Library is accessible via the Internet. The electronic documentation complements the printed manuscript catalogues by recording scholarly progress since the publication of those catalogues. For the foreseeable future the electronic catalogue will be the only up-to-date source of information for a substantial part of the manuscript holdings at the Bavarian State Library.

http://www.bsb-muenchen.de/handruck/hsslit.htm

Bodleian Library, Oxford

Electronic cataloguing of medieval manuscripts at the Bodleian Library, Oxford, is designed to provide a single entry point for each manuscript. The catalogue is divided by period and arranged by collection within each period. It provides a new minimum-level description, an image of the old description from the appropriate printed catalogue, a bibliography, and an image of a sample page of the manuscript (where available). The new descriptions are encoded in EAD XML.

http://www.bodley.ox.ac.uk/scwmss/

http://www.bodley.ox.ac.uk/scwmss/wmss/online/online.htm

Illuminated manuscripts

Latin and vernacular manuscripts

Bayerische Staatsbibliothek, München

The collection of iconographical manuscripts – *Codices Iconographici Monacenses* – at the Bavarian State Library now comprises 528 units, dating from the fifteenth to the twenty century, for which no printed catalogue exists. When it is completed, the on-line electronic catalogue will include four different levels of information about the manuscripts in the collection:

Digital images of the descriptions in the nineteenth-century handwritten inventory (online since 2003)
Searchable full text of the handwritten inventory (2005)
Modern descriptions of ca. 130 mss dated before 1650 (in progress)
Complete digitization of these 130 mss (in progress)
http://www.bsb-muenchen.de/handruck/codicon.htm
http://mdz1.bib-bvb.de/cocoon/codicom/start.html

British Library, London

The British Library's *Digital Catalogue of Illuminated Manuscripts Project* aims to encompass all western manuscripts embellished with colors produces before about 1600, as well as later manuscripts that are medieval in character. The catalogue's goal is to provide access to images and information about its manuscripts to students, scholars, and the general public.

For each manuscript in the catalogue a summary description is being prepared through examination of the original and through reference to existing printed catalogues. The intention is that the descriptions will be enhanced over time, the bibliographies will be updated, and further images will be added.

http://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/welcome.htm
http://www.bl.uk/catalogues/manuscripts/
http://www.bl.uk/onlinegallery/ttp/ttpbooks.html
http://www.bl.uk/treasures/treasuresinfull.html
http://www.collectbritain.co.uk/
http://www.imagesonline.bl.uk/britishlibrary/
http://www.bl.uk/catalogues/bookbindings/welcome.htm

Bibliothèque Nationale de France (BNF), Paris

Mandragore is the electronic database created in the Department of Manuscripts at the Bibliothèque Nationale de France in order to index the painted or drawn decoration of any sort of manuscript document. The *Mandragore* database has a double

purpose: it is a scientific tool and a complement to printed catalogues for scholars-, and also an image bank for interested members of the general public.

http://mandragore.bnf.fr

Some sites and links

DScriptorium

DScriptorium is devoted to collecting, storing and distributing digital images of medieval manuscripts. All materials may be distributed freely for the personal use of students, scholars, and the general public. The site provides links to various manuscript images, as well as related resources on the Web.

http://www.byu.edu/~hurlbut/dscriptorium/

Koniklijke Bibliothek and Museum Meermanno-Westreenianum, Den Haag

Medieval Illuminated Manuscripts is a scholarly database that contains all kinds of information about the illuminated medieval manuscripts of the Koniklijke Bibliothek and Museum Meermanno-Westreenianum.

http://www.kb.nl/kb/manuscripts/

Monumenta Germaniae Historica, München

This site provides access to *Latin Manuscript Books before 1600* by Paul Oskar Kristeller, which is a list of the printed catalogues and unpublished inventories of extant collections.

http://www.mgh-bibliothek.de/kristeller/

Oxford University

Early Manuscripts at Oxford University provides access to over eighty early manuscripts now in such institutions as Balliol College, Bodleian Library, Corpus Christi College, Jesus College, Magdalen College, Merton College, and St. John College, all of which are assosiated with the University of Oxford. The digital facsimiles of complete manuscripts are scanned directly from originals.

http://image.ox.ac.uk/

Repertorium Chronicarum

The *Repertorium Chronicarum* is the first attempt to record in a single reference work the location of every known manuscript of every known Latin chronicle of the Middle Ages. The *Repertorium* is intended to assist scholars in rapidly surveying the genre of medieval chronicles to determine which texts are relevant to their own work, and then in finding their way to the manuscript sources of particular chronicles.

http://www.chronica.msstate.edu/chronica/index.htm

Slavonic literary monuments

Budapest Glagolitic Fragments

Online editions of the Budapest Glagolitic fragments by Ralph Cleminson in SGML and XML format.

http://userweb.port.ac.uk/~cleminsr/introd.html

Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense

Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense is an electronic corpus of Old Church Slavonic Texts such as Codex Marianus, Codex Suprasliensis, Vita Constantini, Vita Methodii, Prague fragments, Kiavian folia and Freising fragments in transliteration. It provides links to two sites – *Obshtezhitie* and *Kodeks*.

http://www.slav.helsinki.fi/ccmh/

There are several other sites that provide electronic editions of some of these texts in transliteration –

http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/pragfrag.html
http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/keivfol.html
http://www.kortlandtnl/editions/freis.html

National and University Library, Ljubljana

The Digitized *Kopitar Collection of Slavic Codices* is available at:

http://www.nuk.uni-lj.si/kopitarjevazbirka/

This site provides access to ca. 13-,000 digital images and bibliographical descriptions of manuscripts, as well as interactive searching of texts and images and free printing.

-Povest' vremennykh let (Rus' Primary Chronicle)

An interlinear critical edition by D. Ostrowski is available in static PDF form on Internet – http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl

A XML edition is under preparation by D. Birnbaum.

Sofia-Trondheim Corpus

An Electonic Corpus of nineteen Old Slavic texts dating from eleventh century in PDF form is available at:

http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/

The Baska Tablet

A photo and a transliteration of the epigraphic monument are accessible at:

http://www.hr/darko/etf/baska.html

Stilyana Batalova

SCRIPTA
& e - SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

International Workshop and Conference *Azbuky.Net*

The ***International Workshop and Conference Azbuky.Net*** (Sofia, 24–27 October 2005) was organized by the Institute of Bulgarian Language, the Institute of Literature, the Institute of Mathematics and Informatics, and the Central Library of Bulgarian Academy of Sciences (BAS). This was one in a sequences of forums over the past decade that have affirmed the position of Bulgaria as one of the coordinating centrers for the activities of leading specialists in the field of the application of informational technologies to humanities scholarship.

Among the participants in *Azbuky.Net* were scholars and students from Bulgaria, Great Britain, Germany, Denmark, Lithuania, Norway, Rumania, Russia, Serbia and Montenegro, Slovenia, the United States of America, etc. The conference was held right before the Annual meeting of Text Encoding Initiative (TEI) Consortium (28–30 October, Sofia), which provided an opportunity for more scholars and lecturers to attend *Azbuky.Net*, and which resulted in very fruitful meetings and discussions.

The workshops held during ***Azbuky.Net*** were devoted to problems of computational linguistics and the electronic publishing. These included: ***NooJ (Linguistic Software for eCorpora)***, presented by Max Silberztein (France); ***RelaxNG***, presented by Syd Bauman (USA); ***What the TEI Does and How It Works*** with lecturer Julia Flanders (USA), and the workshop ***Creating and Using TEI XML***, presented by the leading specialists Lou Burnard, Sebastian Rahtz (Great Britain), and Matthew Driscoll (Denmark).[1]

The Conference program[2] included papers and presentations on subjects in the field of electronic processing of Old and Modern Slavic languages and texts; electronic description, analysis, and edition of Slavic sources; Unicode and electronic publishing; creation of digital data-bases, etc.

Problems of the standardized electronic description and generation of data-bases and electronic catalogues of Medieval Slavic manuscripts were discussed in the papers of Anisava Miltenova from the Institute of Literature (BAS) and Andrej

[1] The workshop program is available at: http://www.tei-c.org/Talks/2005/Sofia/

[2] The Conference program is available at: http://www.cl.bas.bg/bsc/en/conf2005/

Bojadzhiev from Sofia University (*The Repertorium Initiative: Building Up Bridges*); Maria Nisheva-Pavlova and Pavel Pavlov from the Faculty of Mathematics and Informatics, Sofia University (*Knowledge-Based Searching in Collections of Digitized Manuscripts*); Elena Kashirina from the University of St. Petersburg (*A Distributed Information System for Supporting Complex Manuscripts Research*); Vera Podkovyrova from the Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, and Elena Kashirina (*A Digital Watermark Collection from G. A. Jensh's Paper Collection (XV-XIX c.)*.

Another focal topic in the conference was the computer analysis and electronic edition of Old Slavic texts, as discussed in the papers of David J. Birnbaum from the University of Pittsburgh, USA (*Macro-Level and Micro-Level Structural Analysis of Mixed-Content Miscellanies*); Victor A. Baranov from the Udmurtia State University, Russia (*The Computer Model of the Slavonic Text: Syntactic Units, Relationships, and Properties in the Database of the Manuscript System*); Ralph M. Cleminson from the University of Portsmouth, England and Central European University, Budapest (*Creating Electronic Critical Editions*); the Slovenian scholars Tomaž Erjavec from Jožef Stefan Institute and Matija Ogrin from Slovenian Academy of Sciences (*Monumenta Frisingensia A Digital Edition of the Oldest Slovenian Text*); and Tatyana Timchenko from the University of Vilnius (*One Problem of Cyrillic Texts Editing: Exletteral Signs*).

A special session of the conference was dedicated to the unification of Cyrillic and Glagolitic scripts in Unicode. This problem was discussed in the papers of Sebastian Kempgen from the University of Bamberg, Germany (*Slavic Philology and Unicode 4.1*); Dimitar Dobrev from the Institute of Mathematics and Informatics, BAS (*Use of Transliteration in the Transformation from Unicode to 8-bit Code Tables*); and Ivan A. Derzhanski from the same institute (*Old Cyrillic in Unicode*).

Zoran Kostić from Belgrade (Serbia and Montenegro) presented a system of computer fonts called *Hilandar Ustav*, incorporating the *Monah* font, which contains a significant number of Cyrillic glyphs found in the Medieval Serbian manuscripts.

A variety of topics and problems were discussed by researches working in the field of computational linguistics and creation of on-line linguistic corpora. Those were: Dan Tufiş from the Research Institute of Artificial Intelligence to the Romanian Academy of Sciences (*Reifying Word Alignments*); Svetla Koeva from the Institute of Bulgarian Language, BAS (*Infection Types of Compounds in Multi-Fields Dictionaries*); Kiril Simov and Petya Osenova from the Linguistic Modelling Laboratory, BAS (*Encoding of the HPSG-based Bulgarian Treebank in XML Local Stand-Off Annotation*); Mila Dimitrova-Vulchanova, Valentin Vulchanov, and Tsvetana

Dimitrova from The Norwegian University of Science and Technology, Trondheim (*Issues of POS-Tagging of Old Bulgarian Texts*); and a group of specialists from Sofia University: Yovka Tisheva and Marina Dzhonova (*Colloquial Bulgarian on the Web*); Atanas Atanasov (*Encoding Bulgarian Colloquial Speech Using the TEI Specification*) and Nikolai Vazov (*Electronic Linguistic Resources for Russian*).

Projects addressing the creation of data bases for presentation and preservation of the Slavic cultural heritage and projects on the creation of interactive educational on-line products were presented by: Vesna Šateva, Cvetana Krstev, and Duško Vitas from the University of Belgrade (*Serbian Proverbs in TEI Format – The New Edition*); Toma Tasovac from the Princeton University, USA (*The Transpoetika Project: A Preliminary Evaluation*); Miranda Remnek from the University of Illinois, Urbana-Champaign, USA (*Digitizing Art Materials from Central Europe: Promoting International Interoperability*), and Jurij Labyncev from the Institute for Slavic Studies to the Russian Academy of Sciences, Moscow (*New Information Technologies in Culturological Archeographic Expeditionary Searches on East Slavic Territories: The Initial Stage of the Creation of Text Databases*).

Azbuky.Net also hosted a round table for discussion of the projects, which was coordinated by the Commission for the Computer Processing of Medieval Slavonic Manuscripts and Early Printed Books to the International Committee of Slavists.

Financial support for ***Azbuky.Net*** was provided by the Bulgarian Academy of Sciences, the Information and Communication Technologies Development Agency (ICT) to the Bulgarian Ministry of Transport and Communications, and the Central European Initiative (CEI)[3], which sponsored the participants from the Balkan countries.

Dilyana Radoslavova

[3] http://www.ceinet.org/home.php.

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

SCRIPTA

Morphonological Restraints on the Loss of the Weak Yers in Prefixes and Suffixes

Anna-Maria Totomanova

It has been well known in Slavic studies that the loss of the weak *yers* inside the word depends not only upon their position and phonetic environment. To a great extent it is valid for the *yers* in root syllables, which usually turn into normal vowels depending on their position, and their successors coincide with the ones of the strong *yers*. For this very reason the mid-Bulgarian manuscripts do not reflect the difference between the strong and the weak *yers* and often mark them in the same way by a sign for a nasal vowel (the so called *great yus*), cf. in the Evangelium from Vratza сѫтъ (gen. pl. form сътъ 'honey-comb') мѫждѫ, дрѫколми, вѫзнѫзъ, вѫзнѧзъше etc. (Totomanova 1992: 57–58). No difference between the strong and the weak *yers* in the root syllables could be observed in the modern Bulgarian dialects, either, *yer* successors being exposed to the same oscillations, cf. *пън/пен, дън/ден, пъси/пес/нсе* on the one hand, and *стъбло/стебло, опъна/опена, жъна/жена, тъмно/темно, тънък/тенък* on the other. (Totomanova 1992: 55).

The exhaustive analysis of the behaviour of the root yers in Bulgarian demonstrates that both weak and strong *yers* obey to the same rules: 1. Tendency to preserve the syllabic structure of the word root. 2. Tendency to achieve such a root structure that will not obstuct the pronunciation of the speakers. That is why the variations in preserving and losing weak *yers* could be found exclusively between a noise and a following resonant nasal consonant *пъна* and *опна*, *дно* and *дъно*, *жумя* and *жмя* etc., i. e. in the cases where the loss of the *yer* would not destroy the consonant structure of the root and the etymological family (Totomanova 1992: 57) The tendency to preserve the weak root *yer* has no exception in monosyllabic roots. In disyllabic and polysyllabic roots as well as in the roots that due to decomposition of the derivative structure of the world are considered to be polysyllabic the loss of the root *yer* vowel is allowed and usually it brings to the creation of a new etymolo-

БАН
БИБЛИОТЕКА

gical family, compare the difference in *yer* behaviour in the East Bulgarian form *дъщеря* 'daughter' where probably due to the existence of the Vocative *дъще* the root is considered to be monosyllabic and the root vowel became a normal vowel and West Bulgarian *щерка,* which proves that speakers did not any more recognise the –er- formant as a single morpheme within the word structure (Totomanova 1992: 58). To this notorious example we can add the word *баница*, which undoubtedly derives from гъбаница meaning *something folded,* but due to the fact that the same root in Bulgarian lost its final –b-, cf. *гъна, сгъна, гънка* and the newer *сгъвам* etc., the native speakers stopped recognising it in form *гъб-* and decomposed the world to a root *гъбан-* and a suffix *–ица*. The perception of the root as a disyllabic allowed the loss of the weak *yer* and made the word break up with its etymological family. The brief survey we have made so far undoubtedly proves that the behaviour of the weak *yers* in the root morphemes is not being ruled by their phonetic position – rather it depends on a series of morphonological restraints that aim at preserving the root morpheme syllabic and therefore recognisable in the spoken chain.

In a number of cases however the loss of the weak *yers* in affixes may lead to the decomposition of the derivative structure of the word, thus destroying its original etymological family. In this regard it seems to be worth mentioning the well known *здраве* 'health' from the older съ – дравиѥ, that relates to the Protoslavic root *derv-/dorv-* 'tree/wood', or *гозба* 'food, course' which lost its old relation to *гост* and the very process of visiting, from which it derives, cf. the clear OCS гостьба. It appears logical to raise the question whether in similar cases it is not possible some morphological restraints to occur – thus impeding the unconditioned action of phonetic rules and preserving the weak *yers* in affixes in those cases, in which the latter could threaten the identification of the root morpheme. The regular addition of the weak *yers* vowels in the prepositions/prefixes въ, съ and въz- in the medieval manuscripts is most probably a manifestation of this tendency. This should be connected with the preserving of the weak *yers* in the demonstrative pronouns сь and тъ, in the adversative conjunction нъ, which in mid-Bulgarian manuscripts is written as нж, and with the preserving of the weak *yer* in the preposition къ. The contemporary situation in Bulgarian is also testimony to the existence of the tendency to preserve the old final *yer* in both prepositions and prefixes. Usually this is achieved through the extension of the form with some kind of particle, cf. the modern Bulgarian *този* 'this'or *към* 'toward' respectively from тъ-zи and from къ-мѣ, or through reduplication , cf. the modern *със* 'with' and *във* 'in', which represent the expressive variations of the prepositions *с/з* and *в/ф* and in the spoken chain are used not only before words beginning with *с/з* and *в/ф*, but also whenever it is necessary to accent the meaning of the statement. In reality both ways are used to achieve a biconsonant structure of the root morpheme, which benefits the preserving of the weak *yer* vowel.

In the cases, where the morphemes **съ** and **въ** function as afixes, the reduplication is impossible. From a phonetic point of view we should expect the preserving of the *yer* in the prefix **съ-** only before roots beginning with consonants *с* or *з*, where the loss of the weak *yer* would disrupt the morphemic structure of the word and would cancel the meaning of the prefix itself. Taking into account the characteristics of the consonant *с* – fricative and soundless – the loss of the weak *yer* following it could not cause disruptions in the structure of the rest of the roots, because the consonants *с* and *з* function as initial consonants in a number of consonant groups dating back to the Protoslavic era, cf. **скв**, **стр**, **здр** and similar in the beginning of the syllable. The contemporary situation in Bulgarian, however, shows that the weak *yer* of the prefix is preserved not only before a following root beginning with *с* or *з*, but also before consonants of all kinds, cf. *събарям, събитие* 'event', *съблазън* 'temptation', *съблича́м* 'undress', *съблюдавам* 'observe', *съболезновавам* 'sympatise', *събудя* 'wake up ', *събуя* 'take off one's shoes', *съвет* 'advice', *съвещавам* 'consult', *съгласна* 'consonant', *съглася се* 'agree', *съдействам* 'cooperate', *съжаля* 'pity, be sorry of', *съкруша* 'crush', *съчиня* 'write, compose, invent', *сшия* 'sew, stich, run together' (Pašov, Părvev 2002)[1]. Before a following vowel the *yer* is always preserved, cf. *съединя, съеша, съоръжа, съумея, съорудя, съобразя* etc. Especially significant are the cases, where within the same morphemic structure in one case the *yer* is lost, according to its phonetic position, while in another it is preserved. These cases in the Bulgarian language are not few at all, cf. *сбера, сбирам* 'gather', *сбор* (meaning both *sum* and *congregation*), *събера, събирам* 'gather, sum up', *събор* 'congregation'; *свестя, свяст* 'conscience,consciousness' and *съвест* 'conscience'; *свършен* 'finished, ended' and *съвършен* 'perfect'; *сгледам (verb), сгледа (noun)* 'visit to the home of the prospective bide' and *съгледам* 'catch the sight of'; *сграда* 'building' and *съградя* 'build, create; *сгреша* 'make a mistake' and *съгреша* 'commit a sin'; *сдружа* 'make friends, associate' and *съдружа* 'co-operate, enter in cooperation with some one'; *сдържам* 'stop' and *съдържам* 'contain'; *скрия, скрит* 'hide, hidden', but *съкровен* 'cherished, inmost', *съкровище* 'treasure'; *спрегна* 'conjugate; fold' and *съпрежен* 'concerning'; *сторя 'do'* and *сътворя* 'create'. In my opinion the last group of examples most clearly proves that the preserving of the *yer* in the prefix definitely serves distinctive and stylistic purposes. The preserved *yer* also marks the morphemic boundary more clearly and facilitates the preserving of the etymological connections between related words. The loss of the *yer* in the prefix could have the consequence of weakening the relation with the underlying stem and could lead to the disruption of the old etymological family and to the creation of a new one. This is the case with the modern Bulgarian *сторя* from the

[1] All further modern Bulgarian examples are taken from the same dictionary.

OCS съткорѭ, in which we do not identify the prefix any more due to the loss of the consonant *в* in the newly-formed (after the loss of the weak *yer*) initial group *ств-*. From *сторя* derives the secondary infinite verb **сторувам*, where the contemporary *струвам* 'cost' comes from. The disruption of the etymological family has also triggered the shift in the meaning of the new verbs. In *сътворя* however, such a shift did not occur because of the clear morphemic structure of the word and the preserved root consonant structure. Similar blurring of the morphemic boundary with the loss of the weak *yer* is also observed in the cases, where the old root is no longer being used without a prefix. This is the case with the modern words *срещна* 'meet', *среща* 'meeting, appointment, date', which derive from the OCS сърѣсти, сърѧщѫ. In the modern Bulgarian language the newly-derived root *срещ-/срет-* is riddled with its own derivates – *посрещам* 'meet, welcome', *срещна, насреща* 'towards, in fring of', *засрещна* 'meet', *пресрещна* 'meet'*; несрета* 'unhappiness, bad luck', *несретник* 'failure, loser' etc. The story of *здрав* 'healthy', *здраве* 'health', whose multiple derivates are formed from the new root *здрав-* is similar. The word *щастие* 'happiness' and its derivates should receive a more detailed explanation, although we are again dealing with the blurring of the morphemic boundary between the prefix *с-* and the root *част-*'part'. The problem is, that the prefix съ- in this case only formally coincides with the preposition-prefix съ from the older *sъn. Actually, in this case we are dealing with the prefix съ- from old *su-* that means *something good, beneficial*, cf. OCS and the protoslavic съ-мрьть, which means *good, painless death* (Dobrev 1982: 168)[2]. Also, even though the root *част* is being used prefixless in the modern Bulgarian language, its phonetics reflects a relatively late Russian and Church Slavonic influence. In Bulgarian this root is represented with the vocalism *е* – cf. *чест* in N. Gerov's dictionary meaning *favourable opportunity, sharing, meeting, wellbeing, happiness, luck, destiny* and the dialectal word *причестявам,* which means 'to receive communion'. Observe the same meaning in the collocations *зла чест* 'good luck', *добра чест* 'bad luck'. We can assume that the phonetic coincidence of *чест* from ѹѧсть 'part' and *чест* from ѹьсть 'honour' in the Bulgarian dialects has facilitated the penetration of *част* in our language. The prefix *с-/съ-* is common most of all for verbal roots and the noun roots that derive from them, cf. *събера, събор, сбирам, сбор,* which explains why before verbal roots with an initial sibilant the latter does not suffer phonetic assimilation, cf. *счета* 'consider, assume', *сшия* 'sew, stich together' and similar. The case with *щастие* however, is not the same. The decomposed stems of *здрав* и *смърт* that are not supported by the respective verbal derivates should be given a similar explanation.

[2] In fact even in the modern Bulgarian *смърт* we do not separate anymore the prefix *с-*, cf. *смъртен* 'mortal', *смъртник* 'dead man', *безсмъртен* 'immortal', *усмъртя* 'kill, murder'.

Morphonological Restraints on the Loss of the Weak Yers in Prefixes and Suffixes

Unlike the prefix *съ-* the prefix *въ-* usually loses its final *yer* when preceding verbal roots with an initial consonant, without disrupting the morphemic structure of the word. Exceptions from this are the verbs, whose roots begin with *в-*, such as *въведа* 'introduce', *въвлека* 'involve', *въвоня* 'start smelling something bad', *въвра* 'put in'. Most probably this is due to the fact that the newly formed consonant combinations (with the exception of the combinations with liquid consonants as a result of the liquid metathesis in the groups *vert, *vort, *velt, *volt cf. *врѣмѧ, врата, влѣшти, влаꙋити*) were completely unknown until the loss of the weak *yers*. The combination's oddness (in a number of cases in complete contradiction with the inherited from the Protoslavic syllabic structure, cf. *встъпвам* 'enter', *встрастявам* 'conceive a passion, get addicted', *всмуквам* 'absorb', *всмръквам* 'inhale' etc.) helps the morphemic segmentation of the word and the identification of the prefix. The special characteristics of the consonant *в*, which is in the process of transition from a resonant to a noise consonant, are the reason for the generalizing of both the prefix and preposition under the form of *ф-*, cf. the colloquial *флизам, фреждам, ф Русе, ф Габрово* etc., which is not observed with the preposition *с-*. In reality here we are also dealing with the morphological levelling supposed to produce a clear morphemic structure. If, however, the prefixed verb is motivated by or derives from a nominal combination, the *yer* in the prefix is preserved. This is the case with *въплътя* 'embody, incarnate' and *въдворя* 'intern'. Such an explanation should also be given to *въпреки* 'despite, in spite of' and *въпрос* 'question, problem', which also do not connect with verbal roots. The former derives from a noun, while in the latter case the motivating verb *въпросити* is lost. When preceding a vowel, however, the prefix always preserves the weak *yer*. The examples are *въоръжа* 'arm', *въобразя* 'imagine' and *въодушевя* 'excite, animate', i. e. always before the vowel *о*. The loss of the *yer* preceding an initial root vowel definitely leads to the blurring of the morphemic boundary, cf. *веднага* 'immediately'<*въ-єдинѫ-гда*, *веднъж* 'once, one time'<*въ єдинѫ шьды*, *ведно* 'together'<*въ єдьно*, the dialectal *вистина* 'really, indeed, infact'<*въ истинѫ*. In my opinion the morphemic boundary has faded in the rarely used *вям се, вядам се, вяждам се,* which mean *I'm sick of eating the same food; I'm overfed*, for which the dictionary of Pašov and Părvev recommends pronunciation with a sonorous initial *в*. My personal opinion is that the verb does not have any meaning in this form, unless it is pronounced with an initial *ф-*: *фяждам се.*

The fate of the prefix *въз-* where the preserved weak *yer* prevails, is to a great extent predetermined by the fact that the prefix *в-* usually does not preserve the weak contracted vowel and is well identifiable. The loss of the *yer* in *въз-* leads to the segmentation of the integrated morpheme *вз-* to a prefix *в-* and initial root *з-* and in general to the decomposition of the word. This happened to the verb *взема* 'take,

receive', which in Bulgarian is considered to derive from *зема* and a prefix *в*, as it may be judged by its derivates – *изземa* 'confiscate', *възземa* 'rise' etc. The dialectal forms *земна, з'омна, зъмна* 'take'confirm this observation as well. To avoid the decomposition of the word stems produced with the prefix *въз-* the *yer* vowel, although weak, is always preserved. The examples are numerous and are listed on nine pages in the dictionary we used. Moreover, it doesn't make any difference whether the prefix is connected with verbal or nominal roots, cf. *възмогна* 'overcome', *възвърна* 'get back', but also *възтопъл* 'warmish', *възчервен* 'reddish', *възнак* 'lying on the back' etc. The only cases, in which the prefix loses its weak *yer* can be found in the Russian influenced words *взвод* 'platoon', *взлом* 'burglary' and *взискателен* 'demanding'. Besides the contrast to the preposition-prefix, the almost overall preservation of the syllabic nature of *въз-* can also be attributed to the eventual sonantization of the labio-dental *в-* in the beginning of the word. This possibility should not be excluded when taking into account the examples of sonantization of *в* inside the word, cf. *цъфтя* 'flourish' from the older цвѣтѫ, and *съвна, съмна* 'sun rises' from свѣнѫ. Mid-Bulgarian manuscripts, which are typical of the Euthimius orthography also prove the existence of an active sonantization of the consonant *в* in the consonant environment, cf. for example the overall writing of the suffix -ьствьн- as –ьстъѵьвьн- in the manuscripts from Tărnovo.

Of course, in those Bulgarian dialects, in which the initial group въ- because of the bilabial characteristics of the consonant transforms in оѵ- after the loss of the weak *yers*, the preservation of the *yer* in the preposition-prefixes въ- and въз- is not necessary, because this transformation preserves the syllabic nature of the morpheme and therefore keeps it identifiable and expressive.

Although more rarely, the behaviour of the weak *yers* in the suffixes is also susceptible to morphological restrictions. The earliest example can be discovered in the OCS manuscripts in writings such as неповиннъ, истиннъ, старць etc., in which, as Ivan Dobrev proves, the weak final *yer* is marked and pronounced, while the phonetically strong *yer* dropped out by analogy with the rest of the forms in the words' paradigm. This phenomenon also involved root syllables, judging by the often used днь, всь, шьдъ. Recently it has become clear, that this Bulgarian dialectic development, where the syllabic nature of the morpheme – be it a root or suffix morpheme – is taken by the endings, was common for a big part of the Northern Slavonic dialects (Totomanova 1992: 56).[3] After all in the Bulgarian language the suffixes –ьць and –ьнъ have adopted patterns of alternation of the normalized into *e* small *yer* and the lost *yer* and these alternations have become a morphonological mark of the two

[3] See in the above cited work also a detailed bibliography on this matter.

derivation models. This is why it is not a coincidence that the adjectives with the suffix –нъ without a conjunctive vowel тѣснъ, пѫснъ today are observed as *тесен/тясна, пресен/прясна* instead of the expected results of the sonantization *тесън* and *пресън* (Totomanova 2001: 22) It is worth mentioning, however, that when used with the article, the nouns with the suffix *-ец* the stem with a normalized vowel appears, even though the phonetic situation might suggest the loss of the suffix *yer*, which is in a weak position. The same thing can be observed when forming the countable plural form of these nouns – *два венеца, три прозореца* etc. The same tendency manifests itself when using with article the borrowed foreign nouns with the suffix *-изъм*, where irregular forms such as *комунизъмът, социализъма, организъма* and so on are very often. For the borrowings with sonantized final *r* such as *театър, оркестър* etc. this form is considered to be regular in the literary language. In all the cases (with both original and epenthetic *yer*) we are dealing with the domination of the morphological and derivation model upon the phonetic processes. Yet, in the suffix *-ъкъ*, which is common for both nouns and adjectives, the alternation vowel /ø is preserved only in adjectives, whereas in nouns a model with preserving the weak yer in plural was confirmed, cf. *кротък, кротка, кротко, кротки* 'calm'*; малък, малки* 'small'*; жалък, жалки* 'pathetic', но *жълтък – жълтъци* 'yolk', *добитък – добитъци* 'cattle' etc. The preservation of the weak yer in plural together with the alternation of the final consonant in these nouns seem to mark the category of male nouns. From which we can deduct that the alternation vowel /ø may be found only in nouns, in which the alternation *к/ц* is missing.(Totomanova 2001: 23) The only exceptions are *потомък* 'heir, offspring', *момък* 'young man, boy'and *залък* 'bite', that do not preserve the yer in plural – *момци, потомци, залци*[4]. In the countable plural forms and forms with articles however it's the morphology again that predetermines the preservation of the yer – *два залъка, момъкът* etc.

The impact of the morphological and derivative models on the behaviour of the yers in suffixes may be illustrated also by the fate of the relative adjectives with the suffix *-ьствьнъ*, we mentioned above. Back in the mid-Bulgarian period these adjectives generalised in the whole paradigm the form with a sonantised *в*, that is phonetically justified in the female and neutral forms in singular and in plural. The contemporary Bulgarian forms – *естествен* 'natural', *божествен* 'divine', *царствен* 'regal' and so on are influenced by the Russian and Church Slavonic model without sonantisation and are attracted to the pattern of *естество* 'nature', *боже-*

[4] In the dictionary we used a doublet form *залъци* is registerd whereas in *New Orth. Dict.* only the forms with the preserved yer *залъци* and even *момъци* are considered to be normative.

ство 'deity', *царство* 'kingdom'. It is important to note that in suffixes -ьство and -ьствьнъ the conjunctive *yer* is preserved and normalised after a fricative consonant, where its loss would cause the disruption of the morphemic structure of the word. The morphemic boundary after resonant consonants is completely clear and the *yer* is not preserved (Totomanova 2001: 23–24). Indeed the impossibility of the resonant consonants followed by a group of fricatives to stay in the beginning of the syllable also prevents the assimilation here. The initial *yer* in the suffix -ьскъ drops out after the resonant consonants in a similar way, cf. *женски* 'female', *морски* 'marine' and so on. In domestic words it dropped out after fricatives as well, thus causing a series of assimilative-dissimilative phenomena at the morphemic boundary, cf. *мъжки* 'male', *глупашки* 'foolish', *юнашки* 'heroic' (dialectal *юначки, глупачки*). The stem decomposition in this case also happens not in the male nominative-accusative singular forms but in the rest of the forms of the respective paradigm. Moreover, in the dictionary form of these adjectives the conjunctive *yer* happens to be in a strong position and quite naturally normalised in vowel *e*, cf. мѫжескъ, отьческъ and so on, that are parallel to *мъжество* 'manhood, bravery, courage' *отечество* 'homeland' etc. The tendency to unify the adjective stem in all its declination led to adopting the pattern with the decomposed stem in masculine, too, and to adding the vocalic word ending *-и*. Due to morphological restraints the same *–и* stays also in the possessive adjectives such as *овчи,* 'ovine' *вълчи* 'lupine', *кози* 'belonging to a goat', etc. (Totomanova 2001: 24) However a tendency has recently been observed – to unify a stem, where the root ending is not susceptible to assimilation, cf. *старешки* and *старчески* 'senile'. *пътнишки* and *пътнически* 'passenger's'. In some cases an initial *е* introduces the new suffix *–шки,* cf. *жаби* and *жабешки* 'belonging to a frog', *крави* and *кравешки* 'belonging to a cow', *рачи* and *рачешки* 'belonging to a crab/scamp' etc.

What has been presented so far proves that the behaviour of the *yers* in prefixes and suffixes, as well as the behaviour of the root *yers*, is mainly regulated by morphological and morphonological rules and depends to a smaller extent on the purely phonetic conditions such as the *yer* position and its phonetic environment.

REFERENCES

Dobrev 1982: Добрев И., *Теория на основите*. С., 1982

Totomanova 1992: Тотоманова А., *Из българската историческа фонетика*. С., 1992.

Totomanova 2001: Тотоманова А., "Някои проблеми, свързани с еровата епентеза в историята на българския език"// Palaeobulgarica 2001, №2, 21–25.

DICTIONARIES

Gerov 1976: Геров Н., *Речник на българския език* (фототипно издание), С., 1976.
New Orth. Dict.: Нов правописен речник на българския език. С., 2002
Pašov, Părvev 2002: Пашов П., Хр. Първев. *Правописен и правоговорен речник на българския език.* С., 2002.

About the author . . .

Assoc. Prof. Dr. Anna-Maria Totomanova has been a member of the Department of Cyrillo-Methodian Studies since 1980, when it was established as a part of the Faculty of Slavic Studies to Sofia University "St. Kliment Ochridski". As Assistant Professor (1980–1995) she conducted seminars in Old Church Salvonic and Bulgarian historical grammar. After her habilitation she started lecturing the History of Bulgarian Language in Bachelor Program for Bulgarian Philology. She is involved as well in some not compulsory teaching (both on Bachelor and Master levels) such as *History of the official language in the Medieval Age* and *Theory and practice of the translation from Old Church Slavonic.*

Dr. Totomanova took part in the foundation of the Classical Gymnasium in Sofia as a teacher in Old Church Slavonic and together with Iv. Dobrev and J. Ikonomova prepared the textbook for 10th, 11th and 12th grades. In 1993–1994 she lectured Modern Bulgarian at the Oriental Institute in Naples, Italy.

Dr. Totomanova's field of research is tightly linked to her teaching subject. The most of her (over 60) publications belong to the area of Historical Phonetics and Historical Morphology. In 1992 her monograph *On the History of Bulgarian Phonetics* was published by the Sofia University Publishing House. In 1994–1996 working in the Apostolic Library Dr. Totomanova deciphered the oldest Cyrillic palimpsest from Vatican, that was issued in 1998. She dedicates quite a lot of time to translations from OCS in Modern Bulgarian and in 1993 published the first translation in a modern language of the *Treatise* of Constantine from Kostenec.

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

Типологическая характеристика родительного падежа в древнеболгарском языке ввиду глагольного управления

Антоанета Джелева

1. На основе некоторых теоретических обобщений (Добрев 1982: 90–91, 94–109, 187–102; Климов 1977: 82–95) разделяем мнение, согласно которому индоевропейский праязык – это активнотипологический язык. В древнеболгарском языке существуют рефлексы этого древнего состояния, которые можно установить путем применения формально-типологического и содержательно-типологического подходов при изъяснении категории падежа, отражающей явления и активной, и номинативной типологии.

Одними из важнейших импликаций активности являются бинарные оппозиции ***активные имена существительные*** (обозначающие названия людей и животных) – ***инактивные имена существительные*** (обозначающие природные объекты, явления, детенышей людей и животных, продукты человеческой деятельности) и ***активные – инактивые глаголы***. Имена представлены в классах ввиду их определенных семантических признаков. Основная языковая категория в языках активной типологии – это категория ***посессивности***. Предикация выражается посессивно. Предикативным центром являются существительные имена определенного типа, обладающие собственной внутренней и внешней активностью – ***субъект***, или обладающие только собственной внутренней активностью – ***квазисубъект***. Другое основное представление, имеющее специфическое языковое выражение в активнотипологической языковой системе – это представление о *дискретности* (множества, состоящего из отдельных частей) / *недискретности* (нечленимого, однородного множества) денотатов. Недискретные денотаты – это абстрактные понятия или вещества. Дискретные денотаты существуют самостоятельно и независимо по отношению к другому основному денотату, а также по отношению друг к другу. Они являются отделимо или неотделимо принадлежащими к определенному денотату. Семан-

тической доминантой в активнотипологических языках, определяющей грамматические особенности языковой системы, является система имен существительных. Разделение существительных на группы в зависимости от их класса и выражение отношений происходили при помощи лексико-грамматических морфем. Одни и те же аффиксы, находящиеся после корня, характеризовали классы активных имен существительных и активных глаголов, а другие аффикси – классы инактивных имен и инактивных глаголов.

2. Основные морфологические категории глагола в активнотипологических языках – это категории версии и способа действия. Версия не имеет залогового характера. Она является результатом наличия или отсутствия определенного типа косвенного дополнения при глаголе. Косвенное дополнение может выступать в роли бенефактива/малефактива, в пользу или во вред которому совершается действие – бенефактивная/малефактивная версия. В древнеболгарском языке наследником этого отношения являются глаголы с дательной рекцией. Косвенное дополнение может выступать в роли посессора, т.е. обладателя одного из объектов, упоминаемых в том же предложении – это посессивная версия. Кроме этих разновидностей, версия может выступать и в локативном значении. Локативное значение категории версии тоже выражает идею неотделимой принадлежности (см. БЭС 1998: 83). Категория версии имеет две основные разновидности: центробежную версию и центростремительную версию. При *центробежной версии* действие исходит ***от субъекта*** и совершается ***вне него***, а при *центростремительной версии* действие направлено ***к субъекту*** и совершаетя ***внутри него***. По мнению Иванова – Гамкрелидзе в пределах центростремительных глагольных структур разграничиваются субъектное и несубъектное версионные значения (Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 333–335). Несубъектным версионным значением мы считаем значение квазисубъектов и их действий или состояний. Центростремительной версией вероятно обладали субъекты, к которым относились инактивные действия и состояния, или квазисубъекты с инактивными действиями и состояниями. Эти две разновидности центростремительной версии оформляют два основных типа синтаксических конструкций: 1) активный субъект в активном падеже + инактивная основа глагола с активными окончаниями + квазисубъект или квазиобъект в инактивном падеже; 2) инактивный квазисубъект в инактивном падеже + инактивная глагольная основа с инактивными окончаниями. Номинативный древнеболгарский язык унаследовал предложения с конструкцией первого типа – *подлежащее в именительном падеже + сказуемое (наследник древних инактивных глаголов) + дополнение в родительном или в дательном падежах*. Наследником второго типа являются *абсолютивные синтаксические структуры – дательный самостоятельный,*

родительный самостоятельный, а также синтаксическая структура *дательный с инфинитивом*. Центробежную версию имели субъекты, выражающие активные действия с точкой отсчета активный субъект или инактивные квазисубъекты с инактивными действиями вне квазисубъектов. Наследниками активнотипологической центробежной версии с активным субъектом и активным глаголом в языках номинативной типологии являются синтаксические конструкции типа *подлежащее в именительном падеже + сказуемое (наследник старых активных глаголов) + объект в винительном падеже*. Проекцией другой центробежной версии с инактивным квазисубъектом и инактивным действием вне квазисубъекта в древнеболгарском языке являются *конструкции с глаголом в отрицательной форме, обозначающим существование, наличие + существительное имя, обозначающее квазисубъект или квазиобъект в родительном падеже*.

3. Другая значимая категория глагольной системы активнотипологических языков – это способ действия. В тематическом спряжении способы глагольного действия выражались при помощи алломорфных чередований в корне, а в атематическом спряжении такие чередования не встречаются столь часто и способы глагольного действия выражались суплетивно. Тематическое и атематическое спряжение отличались структурой основ. Доминирующей моделью тематического спряжения является биконсонантный корень CVC (C – *консонант*, V – *вокал*) с аффиксом CV, а атематического спряжения – корень VC и афикс CV. Рефлексы этого состояния наблюдаются в системе древнеболгарских глаголов. Наиболее показательным примером суплетивного выражения способа глагольного действия является глагол **бѣти** с его формами: наст. вр. **ѥсмь, ѥси** от **es*; буд. вр. **бѫдѫ, бѫдеши** от морфемы **bhu – bhu > bhu-n-d >* **бѫд-ѫ**; инфинитивная основа **бѣ-** тоже от праморфемы **bhu – bhu > bhū*, означающей ‘расти, жить’. В древнеболгарском самостоятельно этот глагол употребляется в следующих основных значениях: 1. ‘быть, существовать’ 2. ‘находиться, оказываться *где-либо*, пребывать, жить’ 3. в 3 л. ед. ч. и мн. ч. безличное: **ѥстъ, бѣѣстъ; нѣстъ** — налицо *что-л.*; нет; 4. ‘происходить/произойти, случаться/случиться, совершаться/ совершиться, наступать/наступить’ 5. ‘происходить, быть уроженцем’ 7. ‘возникать/возникнуть, появляться/появиться, начинать/начать существовать’ 8. с предл. **отъ** – происходить, произойти *от кого-л.*[1] (Старобългарски речник 1999: 127–129; Малък речник на старобългарския език 2001: 71).

К этой группе относим и глаголы: **ꙗсти** < **ēd-tī* < **e-ed-* ‘ем, питаюсь’, **пити** < **pe̯i* ‘пить’, **пѣти** < *poi̯-tī ‘петь’, **ѩти вѣрѫ** < * em-tī ‘поверить’. Их основы имеют структуру VC или CV. Такой была древняя морфемная струк-

[1] Перевод автора

тура до разделения морфем на корневые и аффиксальные. Морфемы **es, *ed/t, *eį, *em*, из которых развились индоевропейские глагольные корни *es- 'съм', *et- 'ям', *eį 'приходить, приближаться, проходить', функционируют и как аффиксальные морфемы для выражения квазисубъектных или квазиобъектных значений при существительных именах. В структуре CV находились фонемы *i* или *u*. Типичным примером такой структуры является глагол **бъıти** с морфемой в основе **бъı** < *bū* < *bu*.

При переходе от активной к номинативной типологии, нашедшем отражение в древнеболгарском, оба проявления категории версии – центробежная и центростремительная – видоизменяются в транзитивность/интранзитивность.

4. Перед тем, как приступить к содержательно-типологической характеристике родительного падежа, изъясним основные семантические понятия, которыми пользуемся. Формированные семантические понятия основываются на представлениях об *активности* (внешнем и внутреннем активном действии или состоянии) – *инактивности* (только внутреннем действии или состоянии), об *отделимой – неотделимой* принадлежности, о *дискретности – недискретности*. Указанные семантические понятия имеют следующее содержание. **Субъект (S)** – это семантическое обозначение денотатов с активным жизненным циклом и собственным движением (это живые существа, в основном люди). Они существуют самостоятельно и совершают разнообразные действия и деятельности – двигаются, передвигаются, шевелят отдельными своими частями. Субъекты могут быть и инактивными – находиться в определенном состоянии или совершать движение некоторой неотделимой своей частью. Субъект – это центр действия или состояния, которое может осуществляться в самом субъекте, может исходить от него, а может быть и направлено к объекту. Субъект сочетался с глаголами, обозначающими движение, действие, состояние – активные (действия, движения, состояния с внешней направленностью) и инактивные (движения, состояния в самом субъекте). При посессивном выражении предикации в простом предложении в активнотипологической системе субъект является посессивным центром (посессором) отделимой и неотделимой принадлежности. **Квазисубъект (qS)** обозначает: людей, животных, растения, природные объекты и явления, которые существуют самостоятельно. Они имеют определенный внутренний цикл или состояние, которое может изменяться. По отношению к субъекту они являются отделимо принадлежащими или существуют независимо в природе. Квазисубъекты инактивны. Их движение или состояние внутреннее. Квазисубъект – это обозначение денотатов, которые не совершают деятельности и движения с направленностью к внешнему субъекту или объекту. Квазисубъект сочетается с инактивными глаголами. Он может быть посес-

сивным центром, но только при выражении неотделимой принадлежности. Квазисубъект может быть множеством, состоящимся из однородных дискретно существующих объектов или разнородных объектов, связанных в единной функционирующей системе. **Квазиобъект (qO)** – это нечленимая целостность. Он обозначает часть целого или абстрактного понятия. Как часть целого квазиобъект выражает движения или состояния, принадлежащие субъекту или квазисубъекту. По отношению к субекту или квазиобъекту это движение является неотделимо принадлежащим. Квазиобъект может выражать и отделимую принадлежность – это самостоятельный объект, произведенный субъектом и отделенный от него (детеныши живых существ) или от квазисубъекта (плоды). Квазиобъект может обозначать и денотаты, представляющие неделимое множество взаимно связанных неделимых объектов – вещества. **Объект (O)** обозначает денотаты, которые не могут совершать самостоятельные движения и действия. Они продукт деятельности (или действий) субъекта или являются орудием деятельности субъекта. Объект не выражает отношения принадлежности.

Субъект, активный денотат, выступающий в роли посессивного центра, сочетался и с центробежными, и с центростремительными глаголами. Квазисубъект мог быть посессивным центром только при сочетании с инактивными (центростремительными) глаголами. Субъект в древнеболгарском маркирован именительным падежом, а квазисубъект – родительным или дательным в зависимости от сказуемого, являющегося наследником старых центробежных (активных) или центростремительных (инактивных) глаголов. В зависимости от выражения представления об отделимой – неотделимой принадлежности по отношению к субъекту или квазисубъекту родительным или дательным падежом маркирован и квазиобъект. Винительным падежом выражается объект.

Чтобы выяснить значение родительного падежа, необходимо обобщить в каких типах предложений употребляются существительные имена, маркированные родительным падежом с учетом характеристики посессивного центра – субъекта или квазисубъекта, специфики сказуемого и специфики существительного имени, маркированного родительным падежом и обозначающего квазисубъект или квазиобъект.

5. Основным лексико-грамматическим и грамматическим показателем для выражения посессивного значения в двух его разновидностях – активно-посессивного и инактивно-посессивного – мы считаем показатель ***s*** в его разнообразных вариантах в сочетании с вокалом в морфемах *os, es – so, se*; инактивность выражалась показателем *-n* в сочетании с вокалом *on, en, – no, ne*. Показатель *m* служит для обозначения центра. Степени прастарого основного гласного **V** – *o* и *e* выражают, соответственно, значения: *o* – тождество действия, состояния

и носителя этого действия, состояния; ***e*** – действие, состояние вне основного посессивного центра.

Появление гласного *o* в сочетании с *s* и *n* – *os*, *on* – обозначает существительное имя как денотат, являющийся центром или точкой пересечения активного или инактивного действия или состояния. Комбинация гласного *e* с *s* и *n* – *es*, *en* показывает, что активность или инактивность находятся вне основного посессивного центра. Маркированные показателями ***es*** и ***en*** существительные имена обозначают денотаты, которые находятся в отношении отделимой принадлежности по отношению к основному посессивному центру. Маркированные показателями *es*, ***en*** существительные тоже могут быть посессивными центрами, но только при выражении инактивного значения. В этом смысле *es* является маркером квазипосессивного центра, *on* – инактивного центра, а *om* – только центра, в котором действие/состояние и носитель тождественны.

6. Формально-грамматическое проявление родительного падежа в древнеболгарском – это окончания -ѧ, -ꙗ, -ѡ҇ существительных м. р. ед. ч. с основами на *ŏ-*, *i̯ŏ-*, *ŭ-* , окончания -ъı, -ѧ существительных ж. р. ед. ч. с основами на *ā-* и *-i̯ā-*, окончание -и существительных м. и ж. р. с основой на *-ĭ-*, окончание -ѣ существительных м., ж., ср. р. консонантного склонения; окончания -ъ, -ѣ род. п. мн. ч. всех существительных и прилагательных имен; окончание -ѡ҇ род. п. дв. ч. всех имен. Эти окончания происходят от аффиксов с показателями *s*, *i̯*, *m*, *n*: ѧ — ꙗ в *o* – *i̯o* осн. (от абл. ок.-*ōd*), санскр. *-a-sya*, восх. к **o-sjo*, гот. *is* от более древнего **e-so* (Савченко 1974: 192); -ѡ҇ (< *ou̯s*) в *ŭ*-осн.; ъı – ѧ (<-*ān*s – < -*i̯āns*) в *a* – *i̯ā-* сн., в др. и.-е. языках окончание р. п. ж. р. ед. ч. **ās* является результатом слияния тематического гласного с окончаниями – *eH-es/os* (Савченко 1974: 213); и (< *ei̯s*) в *i̯*-осн. – **nokwt-ei̯-s*, -ѣ (*es*) в именах с консонантной основой ⷆⷡⷮⷢⷣ < *mātere* < **māter-es*; в мн. ч. ъ — ь (< **om* – в большинстве языков окончание род. пад. мн. ч. восходит к прастарому **om* (Савченко 1974: 204); в дв. ч. ѡ҇ (< *ou̯s*). При сопоставлении окончаний им. падежа, маркированного показателем ***s*** (*-ŏ̄s* в сущ. с *o*-осн., *-ŭ̄s* в сущ. с *ŭ*-осн, *-i̯s* в сущ. с *ĭ*-осн., *-ū̄s* < *uHs* в сущ. с *ū*-осн., *-ŏ̄s* в сущ. с *es*-осн.) и родительного падежа, тоже содержащего показатель *-s* (– *ou̯s* в сущ. с *ŭ*-осн., *-ou̯es* в сущ. с *ū*- осн., *-ei̯s* в сущ. с *ĭ*-осн., *es* в сущ. с *men-*, *ent-*, *es-*, *er*-осн.), обращает на себя внимание разная степень вокала перед согласным ***s*** в окончаниях. Различные гласные перед *-s* в им. п. номинативных языков соответствуют обособлению отдельных семантических классов в активнотипологической языковой системе. Степень гласного перед *-s* в одном и том же существительном и в существительных одного и того же класса разграничивает функцию существительного в речевом сообщении активной синтаксической системы. Рефлексом этого состояния является

разная степень гласного в окончаниях именительного и родительного падежей, которая присутствует в других и.-е. языках и в результате фонетических изменений отсутствует в древнеболгарских окончаниях этих падежей. Отдельные основы, однако, все еще сохраняют пометы старого разделения существительных на классы.

Различается и степень гласного перед *-s* в двух основных типах активнотипологических синтаксических предложений. Степень краткого гласного *-o*, *-u*, *-i*, т. е. *-os*, *-us*, *-is* характеризует активный субъект как посессивный центр с центробежной версией. Степени *ou̯*, *ei̯* перед *-s*, т. е. *-ou̯s* и *-ei̯s*, *ō* перед *d*> *ōd* в окончании родительного падежа, унаследованном от старого аблативного падежа, *ō* перед *m* или *n* в окончаниях род. п. мн. ч.– *ōm* или *ōn*, характеризуют квазисубъект как посессивный центр с центростремительной версией или как посессивный центр с центробежной версией при отрицании.

И. Добрев считает окончанием род. п. мн. ч. показатель *-n*, а не *-m*. Показатель *-n* характерен и для форм вин. п. ед. ч. Ослабленное назальное произношение в конце слова обеих назальных согласных *-n* и *-m* привело к разным орфографическим обобщениям в отдельных индоевропейских языках. Свое утверждение автор объясняет существованием: окончания род. п. ед. ч. *-ѧ* в существительных с основой на *i̯a-* < *i̯āns*; суффикса *-n* в род. п. личного местоимения 1 л. ед. ч. *мене* < **me-n-es*; суффикса *-n* в косвенных падежах индоевропейских гетероклитных имен ср. р., унаследивших прастарый класс инертных существительных – др.-инд. им. п. ед. ч. *áhar* – род. п. ед. ч *áh-n-as* ‘день’, др.-инд. им. п. ед. ч. *ūdhar* – род. п. ед. ч. *ūdh-n-s* ‘вымя’, др.-инд. им. п. ед. ч. *yákr̥t* – род. пад. ед. ч. *yau-n-ás* ‘печень’, др.-инд. им. п. ед. ч. *ásr̥k* – род. п. ед. ч. *as-n-ás* ‘кровь’[2]; показателя *-n* в родительных формах ед. ч. литовских личных и возвратных местоимений и в род. формах мн. ч. имен с *ā*-осн. в некоторых германских языках (Добрев 1982: 198–202). Показатель *-n* выражал эфферентное движение (*ef-fero* ‘выносить’) и иллативное движение (*il-lātus* ‘погружены в’). Добрев считает, что показатель *-n* обладал и посессивным значением (Добрев 1982: 199). Принимаем эту возможность в контексте существования ценробежной и центростремительной версий при посессивном выражении предикации субъекта и квазисубъекта.

7. Одинаковая степень гласного в именительном падеже, в родительном падеже и в остальных косвенных падежах тоже имеет грамматическую значимость в контексте содержательно-типологической характеристики отдельных классов существительных. По чередованию гласного (V) в старом суф-

[2] Органы – квазиобъекты – *прим. автора*

фиксе -VC в им. п. и в останальных падежах парадигмы существительных консонантного склонения выделяются два основных класса: 1) существительные м. р. с чередованием гласного в суффиксе, где основа им. п., заканчивающаяся на лекс.-граммат. морфему ***-on***, противопоставляется основе косвенных падежей, заканчивающейся на лекс.-граммат. морфему ***-en*** – *kam-***on** –*kam-***en**-es > **камъı** – **кам-ен-е** и **пламъı** – **пламене**; 2) сущ. ср. р. с лекс.-граммат. показателем ***-en*** в вариантах ***-en***, ***-men***, ***-ent***, где не происходит чередование гласных в лекс.-граммат. морфеме, характеризующей им. п. и останальные падежи **sem-**en*** – **sem-**en**-es* > **сѣмѧ** – **сѣмене**. Формы им. п. первой группы денотатов с показателем ***-on*** в им. п. ед. ч., вероятно, выражали значение независимости, отдельного существования денотата от денотата выступающего в роли посесивного центра, а формы с гласным ***-e*** выражали значение зависимости денотата от денотата-посессивного центра.

8. В старых активных предложениях существительное, маркированное *-os*, обозначало активный субъект, являющийся посессивным центром, и связывалось с глаголами, обозначающими внешнюю и внутреннюю активность. Оно выступает предикативным центром двух основных проявлений категории версии – центробежной и центростремительной. При активном субъекте с центробежной версией, являющемся посессивным центром, существительное, обозначающее квазисубъект, выступает в роли косвенного дополнения и маркировано аффиксами, от которых развились окончания дательного падежа. При центробежной версии активного субъекта существительное, которым обозначается объект, имеет показатель, от которого развивается окончание винительного падежа. При центростремительной версии активного субъекта, являющегося посессивным центром, существительное, обозначающее квазисубъект, тоже выступает в роли косвенного дополнения, но маркировано аффиксами, к которым восходят окончания родительного падежа. При центростремительной версии активного субъекта квазиобъект маркирован показателями, от которых развились окончания родительного падежа. Квазисубъект и сам может быть посессивным центром в предложениях с центростремительной версией.

И при центробежной версии активного субъекта квазисубъект и квазиобъект маркированы показателями, от которых развились окончания родительного падежа.

Инактивный именной посессивный центр сочетается с глагольными основами, обозначающими внутренюю активность – движение самого квазисубъекта, частей его тела или изменение его состояния. Инактивный посессивный центр маркирован характерными для квазисубъекта окончаниями – окончаниями родительного или дательного падежей. Тождество между ква-

ope словофоормы имеют окончания дательного или винительного падежей.

9. Представленную выше последовательность функциональной нагрузки окончаний дательного падежа можно доказать теоретическим определением падежа с точки зрения его семантики. Падежное значение существительного в предложении определяется его синтаксическими связями с другими членами предложения. Эти связи могут быть сильными и слабыми, прямыми и косвенными, непосредственными и опосредованными. Сильные связи характерны для управляемых членов предложения, слабые – для согласуемых. Управляемые дополнения обычно выражаются существительными в косвенных падежах, согласуемые определения – прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, местоимениями в косвенных падежах. Обстоятельственные члены предложения выражаются существительными в косвенных падежах, наречиями, деепричастиями, инфинитивами. Сказуемое, выраженное глаголом, может управлять существительным в косвенном падеже, согласовываться с подлежащим в роде, числе, лице, наклонении, времени, залоге.

Падежное значение существительного в предложении определяется его синтаксическими связями с другими членами предложения. Эти связи могут быть сильными и слабыми, прямыми и косвенными, непосредственными и опосредованными. Сильные связи характерны для управляемых членов предложения, слабые – для согласуемых. Управляемые дополнения обычно выражаются существительными в косвенных падежах, наречиями, деепричастиями, инфинитивами. Сказуемое, выраженное глаголом, может управлять существительным в косвенном падеже, согласовываться с подлежащим в роде, числе, лице, наклонении, времени, залоге.

В языковые цепочки в древнеболгарском можно цепочки следующие глаголы:

1. В языковой системе с заключенными в ней грамматическими системами (подсистемами) со слабой пентаосновной вершиной с наличием в ней связующего предиката, управляющего определенных падежных форм, существительных, прилагательных, причастий, порядковых числительных, местоимений в косвенных падежах, наречий, деепричастий, инфинитивов, сказуемого, выраженного глаголом в личных формах, согласующихся с подлежащим в роде, числе, лице, наклонении, времени, залоге.

В языковой системе с заключенными в ней грамматическими системами (подсистемами) со слабой пентаосновной вершиной с наличием в ней связующего предиката, управляющего определенных падежных форм, существительных, прилагательных, причастий, порядковых числительных, местоимений в косвенных падежах, наречий, деепричастий, инфинитивов, сказуемого, выраженного глаголом в личных формах, согласующихся с подлежащим в роде, числе, лице, наклонении, времени, залоге.

В языковой системе с заключенными в ней грамматическими системами (подсистемами) со слабой пентаосновной вершиной с наличием в ней связующего предиката, управляющего определенных падежных форм, существительных, прилагательных, причастий, порядковых числительных, местоимений в косвенных падежах, наречий, деепричастий, инфинитивов, сказуемого, выраженного глаголом в личных формах, согласующихся с подлежащим в роде, числе, лице, наклонении, времени, залоге.

абстрактные существительные, т. е. они квазиобъекты – **qO**. Родительный падеж имен при них соответствует старому аблативу: **остани сѧ кѣсованиꙗ своѥго** [qO] (**Супр** 115.1). Кроме сказуемого, представленного глаголом в действительном залоге, возможно употребление сказуемого, представленного глаголом в страдательном залоге: **тебе бѫдѫ азъ исповѣденъ всѣхъ моихъ грѣхъ** [qO] (**СЕ** 72а 5). Дополнение при формально переходных глаголах представлено именем, обозначающим абстрактные понятия, что, с точки зрения содержательно типологической характеристики, является рефлексом представления о квазиобъекте в активнотипологических языках.

- **глаголы, обозначающие психическое и эмоциональное состояние или деятельность субъекта:**

а) психическую деятельность: **боѣти сѧ** ‘бояться’; **гнѫшати сѧ** ‘гнушаться, брезгать’; **мьстити** ‘отомстить, наказать’; **отъчаѣти сѧ** ‘отчаиваться/отчаяться’; **плакати, плакати сѧ** 1. ‘плакать, обливаться слезами’, 2. ‘оплакивать *кого-л, что-л*’; **радовати сѧ** ‘веселиться, радоваться’; **срамлѣти сѧ** ‘стыдиться, стесняться’; **стꙑдѣти сѧ** ‘стыдиться, совеститься, стесняться *кого-л, чего-л*’; **оужасати сѧ** ‘изумляться, поражаться; трепетать, пугаться’; **оустрашати сѧ** ‘страшиться, ужасаться’ – **боѣахѫ сѧ людии** [qS]; (Мк 11:32) (**М, З**) **радоуите сѧ велика сьѣта** [qS] (**Супр** 452.5); **оужасъша же сѧ вида того** [qO] (**Супр** 211.17).

б) действие со значением достижения полноты, насыщенности: **исплънити (сѧ)** 1. ‘наполнить’, 2. ‘исполнить, совершить; исполниться, совершиться’; **насладити сѧ** ‘насладиться, испытать наслаждение, удовольствие’; **насꙑтити** ‘насытить, накормить’– **насꙑтиши сѧ цѣсарьства** [qO] (**Супр** 384.4); **лаужштꙗѧ исплъни блага** [qO] (Лк 1:53).

в) достижение цели при каком-л. физическом или психическом процессе: **въждѣлѣти** ‘сильно захотеть, возжаждать *чего-л.*’; **въпросити** ‘спросить *кого-л.*’; **жѫдати** 1. ‘испытывать жажду, жаждать’, 2. ‘хотеть, жаждать’; **трѣбовати** 1. ‘нуждаться *в ком-л. чем-л*, испытывать потребность, нужду в *чем-л.*’, 2. ‘требовать’; **ѹꙗти** 1. ‘ждать, ожидать; жаждать; надеяться’ – **ѹсѣо еште трѣбоуемъ съвѣдѣтель** [qS] (Мт 26:65) (**З, М, А, С**); **вьждѣлѣхъ заповѣди твоихъ** [qO] (**СП** 118.40); **въпрашаѥши имене моѥго** [qO] (**Супр** 122.4); **жаждетъ покааниѣ нашего** [qO] **бг̃ъ** (**СЕ** 66.10)

г) восприятие: **видѣти** 1 ‘видеть/увидеть; узнать’, 2. в знач. ‘вѣдѣти – знать’; **зьрѣти** ‘видеть, смотреть’; **позорковати** ‘смотреть, быть зрителем’; **слоушати** ‘слушать, внимать’; **слъшати** 1. ‘слышать, обладать слухом’, 2. ‘слышать, услышать; слышать/услышать, внимать/внять; допрашивать’, 3. слышать/услышать, узнать’; **съмотрити** 1.’посмотреть/смотреть, поглядеть/глядеть; увидеть/

видеть, заметить/замечать', 2. принять/принимать во внимание, обратить/обращать внимание', 3. 'рассмотреть/рассматривать', 4. 'узнать/узнавать, осознать/осознавать'– послоушаетъ [Verb. центроб.] гласа моего [qO]; съмотрите [Verb. центроб.] цѣтъ селънъиихъ [qS] (Лк 12:27) (**З, М**); дивлѣхѫ сѧ видѧште [Verb. центроб.] дѣва облистьнѣвъша [qS] (**Супр** 18.16)

Существительные в родительном падеже обозначают лиц, природные явления и объекты, независимо существующие по отношению к определенному лицу, которые по перечисленным семантическим признакам можно отнести к квазисубъектам. Другие существительные обозначают органы или части человеческого тела, а также и явления, связанные с психической или физической деятельностью живого существа – их можно отнести к квазиобъектам.

- **глаголы с отрицателной частицей не, являющейся неотъемлемой частью самого глагола, обозначающего негативное эмоциональное состояние** – ненавидѣти, недоимѣти — ненадиважи дш҃ѫ своеѩ [qO] (Ио 12:25); ненавидитъ оустъ [qO] на бога влаголѫштихъ неправьдъı (**Супр** 510.5). Имена в родительном падеже обозначают абстрактные понятия или части человеческого тела.

II. В активнотипологической системе предложению с активным субъектом (посессивным центром) со старой центробежной версией активного субъекта и с наличием квазисубъекта или квазиобъекта, маркированных определенными аффиксами, в номинативной системе соответствует предложение, состоящее из подлежащего в именительном падеже, сказуемого, представленного переходным глаголом, и дополнения в род. падеже.

В качестве примеров в древнеболгарском можно привести следующие случаи употребления глаголов:

- **переходные глаголы, после которых дополнение имеет форму родительного падежа:** принеси пръста твоего [qO] сѣмо (Ио 20:27), (**М, З**) пръстъ (**А**); аште кто хотѧ своеѩ плъти [qO] оукѣжетъ (**СЕ** 103а 19). В род. падеже находится существительное, обозначающее денотат, являющийся частью тела живого существа, т. е. квазиобъект (qO).

- **глагол в форме супина** – придѫ обрѣзатъ отроуѧте [qO] (Лк 1:59), (**М, З, А**); тоуне приде х҃ъ пролитъ кръве своеѩ [qO] (**Клоц** 5б 33) – род. падежом маркирован квазисубъект отроуѧте (представляющий отделимую принадлежность) или квазиобъект, кръве своеѩ (представляющий неотделимую принадлежность). Сам супин обычно считается наследником старых отглагольных существительных с абстрактным значением (nomina actionis), образованных от существительных со старой *u*-основой в вин. п. (ГСбЕ 1991: 308).

• **глаголы, сочетающиеся с существительными, обозначающими денотаты, не имеющие определенную форму и состоящие из множества однородных отделимо или неотделимо связанных элементов.** В таких случаях родительный падеж обнаруживается при глаголах и с центробежной, и с центростремительной версией, а также при глаголах с центробежной и с центростремительной версией в отрицательной форме: вьсего брашъна [qO] вьзгѫшa сѧ (СП 106.18); егда же приѧтъ оцьта [qO] и҃съ (Ио 19:30) (**М**); оцьтъ – (**З, А**); вьлѣет водъı [qO] от с҃тъıх вогоавленеи вь нь (**СЕ** 21а 12); наплъните водоносъı водъı [qO] (Ио 2:7) (**М, А**); вина [qO] и творена квасa [qO] не иматъ пити; не носитъ ниүьсоже [qO] на кръмѫ ни хлѣба [qO] ни водъı [qO] ни иного ниүсоже [qO] (**Супр** 170.24) – родительный падеж обозначает квазиобъект.

III. В активнотипологической системе предложению с активным субъектом (посессивным центром) со старой центростремительной версией или со старой центробежной версией, отрицанием и квазисубъектом или квазиобъектом, маркированными определенными аффиксами, в номинативной системе соответствует предложение, состоящее из подлежащего в именительном падеже, сказуемого, представленного отрицательными формами переходных или непереходных глаголов, и дополнения в родительном падеже.

В качестве примеров в древнеболгарском можно привести следующие случаи:

• **глаголы, относившиеся к старому классу глаголов с центростремительной версией**: не ѕнаѧше ея҃ [qS] (Мт 1:25), (**А, С**); не прѣложи июдъı [qS] на добро (**Супр** 413.27); не послоүша ни приѧтъ оүүенькъ [qO](**Клоц** 5б 25). Маркированые род. падежом имена обозначают людей, абстрактные существительные.

• **глаголы в отрицательной форме, относившиеся к старому классу глаголов с центробежной версией**: не прѣста облобъıзаѧшти ногоү моею [qO] (Лк 7:45); не прѣполовıѧтъ днии своихъ [qS] (**СП** 54.24) – доминируют случаи, в которых в род. падеже употребляются существительные, обозначающие части человеческого тела, неотделимо принадлежащие ему, или существительные, обозначающие природные состояния или объекты.

IV. В активнотипологической системе предложению с квазисубъектом со старой центростремительной версией с экзистенциальным глаголом (инактивным) в номинативной системе соответствует экзистенциальное предложение с глаголом бъıти в роли сказуемого и именной структурой в родительном падеже в роли подлежащего.

В качестве примеров в древнеболгарском можно привести следующие случаи:

• глагол бъıти и имя в род. падеже

егда бѣстъ дѣвою на десѧте лѣтоу [qS] (Лк 2:42), (**M, A**); **сѫждо вѣаше водъı** [qO] **идеже живѣаше** (**Супр** 549.10).

Имя в родительном падеже выражает время (**лѣто**), состояние нечленимой материи (**водъı**). Супплетивные словоформы в парадигме глагола **бъıти** от прастарых лексических и лексико-грамматических морфем в гр. **bhū > bū > βύω*, лат. **bi > fi* и *es* в др.-болг. дают представление о типичном инактивном глаголе и по форме, и по значению – '*становиться*, *быть*, *расти*'). Указанные предложения являются приемниками старого типа инактивных предложений с квазисубъектом и инактивным глаголом.

- **конструкция родительного самостоятельного**, состоящая из имени в родительном падеже и причастия в родительном падеже, образованного от экзистинциального глагола, выражающая тождество между носителем действия и самим действием или состоянием, тоже может послужить доказательством характерных для родительного падежа квазисубектных функций: **и никогоже сѫшта оучителꙗ** [qS] **пръмѣни сѧ** (**Супр** 415.5). Идея о носителе состояния и неотделимого от него состояния обозначена употреблением показателей функциональной идентичности – **сѫшт-а оучител-ꙗ**.

V. В активнотипологической системе предложению с квазисубъектом или квазиобъектом со старой центробежной версией с негацией экзистенциального глагола в номинативной системе соответствует предложение с глаголом **бъıти** в отрицательной форме в роли сказуемого и именем в родительном падеже в роли подлежащего.

В качестве примеров в древнеболгарском можно привести следующие случаи:

- **безличные отрицательные синтаксические структуры** – **единъ естъ и нѣстъ иного** [qO] **разѣѣ его** (Мк 12:32) (**З, М, А**); **кораблѣ иного** [qO] **не бѣ тоу** (Ио 6:22), (**З, М, А**); **нѣстъ во семоу отъца** [qS] **на зѣми ни дроуга кого** [qS] **нъıнꙗ ни оученика** [qS] **ни жжикъı** [qS] **ни погрєбителꙗ** [qS] (**Супр** 455.23); **юже во нѣстъ пасхъı июдискъı** [qO] (**Клоц** 7б 14); **нѣстъ въ оустѣхъ ихъ истинъı** [qO] (**СП** 5.10); **госпⷣьскоу во цⷣрствоу не бѫдетъ конька** [qO] (**СЕ** 2б 21). Негация является импликацией центробежной версии квазисубъекта, так как он может быть посессивным центром при выражении только инактивных действий или состояний, сосредоточенных в самом квазисубъекте.

10. В итоге можно сделать следующее обобщение: родительный падеж – это грамматическое выражение квазисубъектов и неотделимо связанных с ними квазиобъектов. Доказательство, что родительный падеж – это падеж, эксплицирующий квазиобъекта и квазисубъекта, находим и в случаях, когда самостоятельный родительный появляется в восклицаниях:

ЗАН БИБЛИОТЕКА

о оуловѣколюбьствьнаго и свѧтаго гласа [qO] (**Супр** 341.17);
о несъказаѥмаго и несьвѣдомаго таинаго [qO] (**Супр** 344.16);
о гноусьнаго того гласа [qO] (**Супр** 410.28);
о силъı [qO] исоусовъı (**Супр** 437.18).

Глагольное управление, как языковое явление, проявляющееся на семантическом, лексическом и грамматическом уровнях двумя основными открытыми классами слов (глаголами и существительными) – это способ обратить взгляд на языковую картину мира, отраженную в различных типологических системах разными средствами: "через" формально-типологическое и содержательно-типологическое наблюдение.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

А: Kurz J., *Evangeliarium Assemani.* Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. T. 2. Praha, 1955.
З: Jagić V., *Quattour evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*. Graz, 1954.
М: Ягич И. В., *Мариинское четвероевангелие*. Graz, 1960.
Клоц: Dostál A., Clozianus. Praha, 1959.
С: Щепкин В., *Саввина книга.* // Памятники старославянского языка. I, 2. СПб., 1903.
СЕ: Nahtigal R., *Euchologium Sinaiticum.* Tekst s komentarjem. T. 2. Ljubljana, 1942.
СП: Северьянов С., *Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века.* // Памятники старославянского языка. IV. Петроград, 1922.
Супр: Заимов Й., М. Капалдо. *Супрасълски или Ретков сборник.* Т. 1. С., 1982.

БИБЛИОГРАФИЯ

Добрев 1982: Добрев Ив., *Старобългарска граматика. Теория на основите*. С., 1982.
ГСбЕ 1991: Граматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. С., 1991.
Гамкрелидзе, Иванов 1984: Гамкрелидзе Т. В., Вяч. Вс. Иванов. *Индоевропейский язык и индоевропейцы.* Т. I, II. Тбилиси, 1984.
Климов 1977: Климов Г. А., *Типология языков активного строя*. Москва, 1977.
Савченко 1974: Савченко А. Н., *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*. Москва, 1974.

СЛОВАРИ

БЭС 1998: Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 2-рое (репринтное) издание Лингвистического энциклопедического словаря. Москва, 1998.

Малък речник на старобългарския език 2001: Иванова-Мирчева Д., А. Давидов. *Малък речник на старобългарския език*. Велико Търново, 2001.

Старобългарски речник 1999: *Старобългарски речник*. Т. I. С., 1999.

Старославянский словарь 1994: *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва, 1994.

Несколько слов об авторе . . .

Антоанета Джелева окончила отделение болгарской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского в 1982 г. С 1984 г. по 1988 г. она была в аспирантуре на кафедре Кирилломефодиевистики Софийского университета им. Св. Климента Охридского. С 1989 г. А. Джелева работает преподавателем древнеболгарского языка на кафедре Общего языкознания Пловдивского университета.

Ее интересы в области типологии языков и теоретической лингвистики. Она исследует языковые явления, связанные с синхронией и диахронией болгарского языка. Занимается и проблемами культуры языка, орфографии, а также состоянием языковой нормы современного болгарского языка.

Антоанета Джелева автор научно-приложных изданий, учебников и учебных пособий.

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

Среднеболгарский фрагмент НБКМ № 113 в истории переводов славянских служебных миней[1]

Роман Кривко

Среди множества работ по древней славянской гимнографии почти нет исследований, посвященных XIII в. и вопросу о том, когда и где древнейший перевод служебных миней начал замещаться новым (Кривко 2005). Наиболее содержательным исследованием в этой области остается предисловие В. Ягича к его изданию служебных миней на сентябрь, октябрь и ноябрь. Как полагал В. Ягич, основываясь на известном ему материале, второй перевод служебных миней создавался с использованием старого в течение XIV в. в Сербии, он лег в основу современных церковнославянских миней (Jagić 1886: 45–132). Позднее, на основании записи иеромонаха Мефодия – переписчика синайского октоиха Sin. slav. 19 и ряда текстологических и филологических данных были высказаны мнения, что перевод богослужебных книг, связанный с иерусалимским уставом, был выполнен на Афоне или же был там существенно отредактирован (Йовчева 2004: 206; Пентковский 2004: 163). Однако, как доказано в работе М. Йовчевой (Йовчева 2004), "Особенностите на атонската редакция на Октоиха не подкрепят

[1] Статья написана во время стажировки автора в Институте славистики Венского университета при поддержке австрийского Фонда развития научных исследований (Fonds zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung (FWF), Lise-Meitner-Program, Projekt Nummer M819-G03). Приношу глубокую благодарность Й. Райнхарту (Вена) за неоценимую помощь в организации работы над проектом, а также за библиографические консультации. Приношу свою признательность Х. Ханнику (Вюрцбург), при содействии которого автором был получен доступ к копиям греческих рукописей, хранящихся в Институте славистики Вюрцбургского университета. При поддержке FWF автору статьи посчастливилось работать в НБКМ и БАН (София), в связи с чем выражаю искреннюю признательность С. Николовой и Л. Тасевой (София) за помощь в организации научной командировки в Болгарию. Копии рукописей и микрофильмов, хранящихся в НБКМ, БАН, были получены при любезном содействии Е. Мусаковой и Е. Узуновой (НБКМ), А. Милтеновой и Д. Крастева (БАН). Глубоко благодарю М. Йовчеву (София) за критические замечания и советы, высказанные в процессе работы над материалом.

схващането за осъществен от стареца Йоан изцяло нов превод на тази книга, въпреки свидетелството на йеромонах Методий" (Йовчева 2004: 225). Что касается служебных миней, то после работы В. Ягича исследователи не обращались ко "второму" (в терминологии В. Ягича), или "афонскому" (в современной терминологии), их переводу. О среднеболгарских же минеях XIII – XIV вв. В. Ягич писал, что в них "отчасти повторяется тот же старый перевод без существенных изменений, отчасти же в нем сделаны довольно значительные поправки или изменения. Дальнейшие исследования должны точнее определить, насколько тут дело идет действительно о старом, только переделанном переводе <...>, для каких же частей правдоподобнее было бы допустить, что они переведены снова" (Jagić 1886: 124).

Существенный вклад в историю среднеболгарской гимнографии XIII в. был сделан в работах Й. Иванова, С. Кожухарова и И. Добрева, которые выявили три службы, относящиеся к XIII в.: прп. Филофее Темнишской (оригинальный древнеболгарский текст), прп. Петке Епиватской[2], или, по месту первого пренесения мощей, Тырновской (перевод с несохранившегося греческого оригинала или его переработка[3]), прп. Иоанну Рыльскому (греческий текст канона написан Георгием Скилицей и затем переведен на древнеболгарский) (Иванов 1931: 425–431; Кожухаров 2004: 97–139; Добрев 2002). Относительно других переводных гимнографических текстов было сделано пока только одно краткое, но верное наблюдение, к сожалению, до сих пор не подтвержденное фактами: "За активното отношение на книжовниците от XIII в. към разгледаната литературна традиция говори едно важно обстоятелство. През този период (точна хронология не е възможно да се установи – поне при сегашното състояние на проучванията върху химнографските сборници) е извършена определена филологическа работа по сверяване на текстовете на химнографските сборници с гръцките образци с оглед функционалното групиране на материала, каквото в ръкописите до края на XII в. отсъства" (Кожухаров 1987: 30)[4].

Новые данные в историю переводной славянской гимнографии вносит отрывок служебной минеи XIII в. НБКМ114 (Цонев 1910: 85; Христова, Ка-

---

[2] В русской традиции прп. Параскева или прп. Параскева-Петка.

[3] Имеются сведения о переводе службы прп. Петке в 1234 г. (Кожухаров 1974), когда "Иван Асен II <…> подготвя възстановяването на Търновската патриаршия. Това е първото известие за превод на химнографска творба от гръцки език в Търново" (Търновската книжовна школа: 292), однако "какво е добавил или как е преработил текста 'според силите си' неизвестният книжовник, е трудно да се установи" (Кожухаров 2004: 113).

[4] Приношу искреннюю благодарность коллеге А. Костадиновой (София) за библиографическую справку.

раджова, Икономова 1982: 31). Фрагмент из трех листов содержит плохо сохранившийся текст служб на 28-е и 29-е июля и на второе и третье августа. Текст написан в двух колонках. Несплетенные листы имеют карандашную архивную пагинацию, не соответствующую правильной последовательности песнопений и синаксарных чтений. Содержание фрагмента следующее:окончание третьего тропаря и богородичен девятой песни канона апп. и диаконам Прохору, Никанору, Тимону и Пармену (память – 28 июля), л. 2об. *а*; три стихиры и первая и третья песни канона мч. Калинику (память – 29 июля), с седальном после третьей песни, четвертая, пятая и шестая песни канона мч. Калинику и синаксарь ему же, не законченный из-за лакуны в тексте, л. 2об. *а б* – 2*а*; богородичен четвертой песни, пятая и шестая песнь совмещенного канона прп. Иосифа песнописца на обретение мощей првмч. Стефана и канона Климента Охридского првмч. Стефану и свщмч. Стефану, папе Римскому (тексты объединены в службе на 2 августа, когда совершается память обретения мощей првмч. Стефана)[5], кондак и икос првмч. Стефану (после шестой песни), л. 1*а б*. За кондаком и икосом следуют синаксарные чтения: пр҃ѣнесени҃е мощемъ пръвомо҃нка стефа/на ѡ҃ крлма въ конс҃тан҃тиньгра҃ (л. 1об. *а*), въ т҃ѣ҃ т҃ѣ҃ дн҃ъ ... енномо҃к(ъ?)/стефана ... римскаго (л. 1об. *а*), въ т҃ѣ҃ т҃ѣ҃ […] дн҃ъ ст҃хъ ѕ҃ […] т[…]ѳ҃ […]/фес(кы?)ихъ (л. 1*б*–1об. *б*). Левая колонка л. 3*а* не читается невооруженным глазом, на лл. 3*б*–3об. *а б* находятся светилен првмч. Стефану и фрагменты службы препп. Исаакию, Далмату и Фавсту: три стихиры, общий отпустительный тропарь преподобным, первая, третья, четвертая песни и первый тропарь пятой песни канона преподобным с седальном после третьей песни. Таким образом, если следовать современной пагинации, последовательность листов фрагмента следующая: 2об.–2, 1–1об., 3–3об. Греческие оригиналы всех переводных песнопений находятся в соответствующих частях MRVI[6], кроме седальна и отпустительного тропаря препп. Исаакию, Далмату и Фавсту (см. приложение).

Перевод песнопений на второе и третье августа, представленный во фрагменте НБКМ114, содержится и в среднеболгарской минее ОГНБ 1/5 (часть Добриановой минеи, включающая службы на рядовые дни) XIII в. (Сводный каталог: 360). В Добриановой минее, однако, отсутствуют переведенные канон прп. Иосифа песнописца и кондак и икос првмч. Стефану, на их месте находится общий канон свт. Климента Охридского првмч. Стефану и сщмч. Стефану I

[5] Совмещенный канон в этой рукописи состоит, в основном, из канона свт. Климента Охридского (Йовчева 2001); из канона прп. Иосифа песнописца, посвященного обретению мощей первомученика, полностью читается только первый тропарь пятой песни.

[6] Славянский перевод часто опирается на другие греческие чтения, чем те, которые содержатся в MRVI (см. приложение).

(Йовчева 2001). Добрианова минея содержит также фрагменты древнего перевода, наиболее полно представленного в древнерусской письменности (Jagić 1886: 65–69). Однако перевод, содержащийя во фрагменте НБКМ114 и в соответствующей ему части Добриановой минеи, не совпадает ни с древнейшим, ни с более поздним, сохранившимся в южнославянских минеях XIV–XV вв., исправленных согласно Иерусалимскому уставу. Все три перевода отличаются разной передачей одного и того же греческого текста, опорой на разные его варианты и составом служб, что хорошо видно на примере изданных ниже отрывков и критического аппарата к славянскому и греческому текстам.

Двукратные не зависящие один от другого переводы одних и тех же песнопений или целых служб известны в источниках – свидетелях древнейшего перевода (Горский, Невоструев 1917: 62, 79; Мурьянов 2003: 222–249 – публикация обоих переводов службы Максиму Исповеднику). Причиной их создания является убедительно доказанный факт, что древнейший "перевод Миней принадлежит не одному лицу… и что не все собрание Миней в одно время явилось на славянском языке" (Горский, Невоструев 1917: 79). В связи с этим одни и те же богослужебные тексты, положенные на разные праздники (например, день прославления святого и день обретения его мощей), могли переводиться независимо друг от друга. Помимо известных примеров, укажем и на двукратные переводы отдельных тропарей и стихир, представленные в древнерусских и южнославянских рукописях – свидетелях древнейшего перевода. К ним относится, например, отпустительный тропарь семи мученикам Маккавейским, матери их Соломонии и священнику Елиазару (память – первого августа). Перевод, содержащийся в югозападнорусском кодексе Ганкенштайна (ÖNB, cod. Vind. Slav. 37; XIII в.),[7] отсутствует в древнейшем славянском списке службы на первое августа С168 (XII в.)[8], возможно, потому, что, согласно Студийско-Алексиевскому уставу, в качестве отпустительного тропаря Маккавеям (а также тропаря на "слава и ныне" и на "Бог Господь") положен тропарь мученикам моуѵєници твои гн̄ (Пентковский 2001: 357).

---

[7] См.: (Birkfellner 1975: 321–324; датировка: XII – XIII вв.); в новейшей традиции (Крысько 2004: 5) принята уточненная датировка Р. Марти (Marti 1989: 203). Отпустительный тропарь Маккавеям, как и другие маргинальные тексты кодекса Ганкенштайна, по-видимому, относятся к более позднему времени (XIV–XV вв.?), см. (Соболевский 1884: 48–50).

[8] В более раннем, древнейшем, славянском списке служебной минеи за август (РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 125; см.: Сводный каталог: 83–84; Князевская, Коваль, Кошелева, Мошкова 1988: 43–44) из-за лакуны в рукописи служб на первые пять дней августа нет.

Отпустительный тропарь мученикам Маккавейским в югозападнорусском списке. Cod. Vind. Slav. 37, 183об.–184

тр҃е . гл҃а . д҃ ~

Законоу храни/тели . ї прѣже / бл҃ти мун҃ци . / дьмвола ї мѹ҃тлѧ . мнѡжьствомь мукъ оу/ мзвиша . хранѧще ставы о҃уьскиѧ . ї лю/бъвь братню . вѣрою располѣвшесѧ . тѣмь // Не прѣстаїте мл҃щесѧ х҃ѹ б҃ѹ . помилова д҃ша наша··

Отпустительный тропарь мученикам Маккавейским в южнославянских списках. Д32–58об.

Бъ҃вше законоу хранителиѥ . / и прѣжѥ бл҃ти мун҃ци . лоукаваго моуѵителіа побѣди/сте . трьпѣниѥмь моукь . / казаниѥмь м҃тр҃ь . и оузо/ю братолюбиѧ . вѣро (!) свѣтещесе . тѣмь же не прѣста/нно мл҃ите х҃а ба҃ . спстисе д҃шамь нш҃имь ⁘

НБКМ113, 51об. (58об.) *а-б*

Бъ҃вше законоу хранителиѥ . / прѣже бл҃ти м҃нцъı . лака/ваго м҃тлѣ побѣдисте . тр҃ı/пѣниемь мако казаниемь / м҃тере . мзом братолюбиѧ . / вѣром сѣвѣтатсѧ . тѣм же // непрѣстан҃но мл҃итесѧ . спа/стисѧ д҃шамь нш҃имь .

Греческий текст (Sin630, f. 122[9]):
Οἱ τοῦ νόμου φύλακες καὶ πρὸ τῆς χάριτος μάρτυρες διάβολον καὶ τύραννον τῇ ὑπομονῇ τῶν βασάνων κατετροπώσαντο, θεσμοὺς πατρικοὺς καὶ στοργὴν ἀδελφότητος τῇ πίστει ὑποδείξαντες· διὸ μὴ παύσησθε πρεσβεύσειν Χ(ριστ)ῷ τῷ Θ(ε)ῷ σωθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.

Два разных перевода одного и того же тропаря могли появиться по одной из причин: либо в архетипе древнейшего перевода служебных миней (X в.), к которому восходят переводная гимнография Кодекса Ханкенштайна и переводы НБКМ113 и Д32[10], не было отпустительного тропаря Маккавеям (в этом случае

[9] В справочнике (Follieri 1962: 67) указан недоступный нам старопечатный источник отпустительного тропаря. Для слов о казании матере, содержащихся в среднеболгарских списках, пока не найдено греческого соответствия.

[10] Переводы песнопений служебной минеи, содержащиеся в Кодексе Ханкенштайна, готовятся к изданию проф. Г. Биркфельнером. Наблюдение, что эти переводы отражают ту же редакцию текста, которая представлена в древнерусских новгородских минеях (РГАДА, ф. 381, № 125; XII в. и ГИМ, Син.168; XII в.), основано на критическом аппарате, составленном автором этих строк в процессе подготовки им издания древнейшего перевода славянской служебной минеи за август. Интересно, что в службе на Успение Богородицы в единичных случаях Кодекс Ханкенштайна следует не за "студийско-алексиевскими" минеями, а за Ильиной книгой. К сожалению, в рамках данной статьи привести необходимые свидетельства этому невозможно. Переводы, содержащиеся в НБКМ113 и Д32, отражают редакцию древнейшего перевода, отличающуюся от миней "студийско-алексиевской" редакции (Jagić 1886: 67–69); с этой же редакцией часто совпадают и чтения Добриановой минеи (ОГНБ 1/5, у В. Ягича указан один из старых шифров: "Григоровичев список" 33) и от более древней редакции Ильиной книги (РГАДА, ф. 381, № 131; XI в.), что хорошо видно по критическому изданию (Крысько 2005: 612–633).

перевод, содержащийся в Кодексе Ханкенштайна, был сделан на Руси), либо один из двух переводов отражает архетип, а другой был выполнен позднее из-за утраты тропаря в рукописях XI–XII вв.

В рукописях НБКМ114 и ОГНБ1/5 ситуация иная. Служба прпп. Исаакию, Далмату и Фавсту уже содержалась в древнейшем переводе служебных миней, свидетелями которого являются древнерусские рукописи (самая ранняя – С168[11]) и южнославянские НБКМ113[12] и Д32. Наличие независимого второго перевода в рукописях НБКМ114 и ОГНБ1/5 показывает, что уже в XIII в. была сделана попытка перевести заново часть служб повседневной минеи. Языковые особенности этих болгарских памятников не содержат никаких следов сербского влияния, что делает болгарское происхождение этого перевода гораздо более вероятным, чем сербское. В связи с восстановлением болгарской государственности[13] и болгарской патриархии при Иване Асене II складываются благоприятные исторические условия и для переводческой деятельности (Златарски 1940: 339–398), о чем свидетельствуют и упомянутые выше оригинальные и переводные службы препп. Филофее Темнишской, Параскеве-Петке Тырновской и Иоанну Рыльскому. О том, что уже в XIII в. началось создание новой редакции церковных книг, свидетельствуют и наблюдения М. Мак-Роберт, которая выявила следы "афонской редакции" Псалтири уже в рукописях XIII в. (MacRobert 1995)[14]. Учитывая косвенные данные, говорящие в пользу болгарского происхождения второго перевода, нельзя, однако, исключать и возможность его появления на Афоне. Это предположение, однако, будет оставаться слабо обоснованным до тех пор, пока не будет доказано влияние перевода, содержащегося в рукописях НБКМ114 и ОГНБ1/5, на позднейший, создававшийся если не на Афоне, то в тесной связи с афонской книжной и церковной литургической традицией XIV в.

Особых уточнений заслуживает само понятие "второй перевод", который использовал В. Ягич. Как хорошо видно из опубликованных ниже текстов, каждые стихира или тропарь нового перевода в разной степени отличаются от древнего текста. Так, первая стихира на "Господи, воззвах" препп. Исаакию,

---

[11] См. примеч. 8.

[12] В этой рукописи содержатся только стихиры прпп.

[13] Победа в битве при Колокотнице (1224 г.), где болгарские войска одержали победу над наемной армией солунского деспота Феодора Комнина, "спечели на българския цар палмата на военно и политическо първенство на Балканския полуостров" (Златарски 1940: 339–340), цар Иван Асен II "с право приел старата титла на българските господари 'цар на българи и ромеи' " (Златарски 1940: 341).

[14] Ср. также мнение К. А. Максимовича, что второй, болгарский, перевод Пандектов Никона Черногорца мог быть выполнен уже в конце XIII в. (Максимович 2004: 347).

Далмату и Фавсту в новом, "сербском" или "афонском", переводе, представленном в большинстве южнославянских списков, отличается от древнейшего перевода несколькими разночтениями, по-видимому, она представляет собой редактирование текста, а не его отдельный перевод. В связи с этим в издаваемом ниже приложении критический аппарат к этой стихире, составленный по всем использованным в работе спискам, подводится к одному только первому (древнейшему) переводу.

Возможна и иная ситуация, как в кондаке и икосе првмч. Стефану. Если древнейший перевод, представленный в минее С168 и соответствующий древнерусскому кондакарю (Dostál, Rothe 1980: 130–133), тщательно, хотя и не без ошибок, следует за оригиналом, то перевод, содержащийся в НБКМ114, в отдельных местах настолько сильно отступает от греческого оригинала, что скорее напоминает вольное и местами грамматически бессвязное его переложение. Интересно, что чтения Д32, в которой представлена особая редакция древнего перевода, в тексте кондака и икоса првмч. Стефану ближе переводу XIII в., хотя и отражают существенные отклонения от него, не совпадающие и с древним текстом. Позднейший же перевод икоса првмч. Стефану несет явные следы контаминации с древнейшим переводом, хотя отдельные рукописи содержат следы индивидуального редактирования. В издаваемых ниже текстах весь критический аппарат к кондаку и икосу првмч. Стефану подведен к основному списку второго перевода, что позволяет наиболее наглядно представить масштаб расхождений.

Отдельного исследования и публикации заслуживает перевод канона првмч. Стефану, содержащийся в рукописях Д32 и Син28. Его текст не соответствует ни одному из переводов, включая фрагмент НБКМ114. (По-видимому, он представляет собой переработку одной из редакций древнейшего перевода.) В качестве иллюстрации в приложении опубликованы четыре разных славянских текста первого тропаря пятой песни канона првмч. Стефану.

Как показывают последние примеры, в контексте истории перевода служебных миней каждый гимнографический жанр (отпустительный тропарь, стихира, седален, кондак и икос, канон и каждый отдельный тропарь канона) в составе службы должен рассматриваться отдельно, что позволит в дальнейшем уточнить объем многократных переводов. Кроме того, приведенный ниже материал показывает, что появлению позднейшего, "афонского", перевода служебных миней, основанных на Иерусалимском уставе, предшествовали новые переводы отдельных служб, выполненные уже в XIII в. без опоры на этот устав. В связи с наличием многократных переводов одного и того же текста (в случае со службой првмч. Стефану можно говорить о четырех переводах) представляется некорректным в дальнейшем пользоваться терминами "первый"

и "второй" перевод служебных миней, поскольку каждая отдельная служба может иметь свою историю.

Приложение

В приложении публикуются переводы отрывков служб на второе и третье августа и краткий комментарий к ним. В начале печатаются четыре варианта перевода первого тропаря пятой песни канона првмч. Стефану, затем – три перевода остальных песнопений, соответствующих НБКМ114. Древнейший перевод издается по рукописи С168 с разночтениями по НБКМ113 и Д 32. Перевод XIII в. публикуется по рукописи НБКМ114 с разночтениями по ОГНБ 1/5. Позднейший перевод издается по западноболгарскому списку Хил148, а отсутствующие в нем стихиры на "Господи, воззвах" приводятся по рукописям Z42 и БАН20. Тексты печатаются без упрощений в графике и орфографии, описки отмечаются знаком (!). Утраты текста, вызванные механическим повреждением рукописи (обрезанные поля, угасший или смытый текст), отмечаются знаком [...] и не комментируются. Неуверенно читаемые знаки печатаются в круглых скобках и сопровождаются знаком ?, например: (ж?). Формы титла и надстрочных знаков унифицированы, запятая, расположенная в середине строки, передается на ее нижней линии, буквы, написанные киноварью, подчеркнуты. Разночтения приведены по источникам (рукописям и микрофильмам), доступным в НБКМ и БАН и содержащим интересующие нас песнопения на второе и третье августа. Для первого и второго перевода приводятся все разночтения, кроме графико-орфографических и фонологических. Графико-орфографические варианты грецизмов вносятся в критический аппарат. Морфонологические варианты (стяженные и нестяженные глагольные и адъективные формы) также представлены в критическом аппарате. В разночтениях к основному списку третьего перевода никакие графико-орфографические и морфонологические варианты не учитываются. Номера листов рукописей, содержащих первый и второй переводы, указываются над соответствующими отрывками текста. В наборных текстах первого и второго переводов номера строк на листах указаны слева от текста, который набирается строка в строку. В наборном тексте третьего перевода строкоделение обозначается знаком /, конец стороны листа или колонки – знаком //. Номера слева от строк в наборном тексте третьего перевода соответствуют порядковому номеру строки не в рукописи, а в наборном тексте. В критическом аппарате славянских и греческих текстов каждое разночтение или ряд разночтений размещаются в соответствии с номерами строк, различные варианты одного и того же чтения основного списка разделяются знаком : (двоеточие), знак] указывает на завершение ряда разночтений к чтению основного списка. В критическом аппарате используются три условных обозначения: *доб* "после чтения основного списка добавлено следующее чтения", *нет* "чтение основного списка отсутствует в списке, по которому приводится вариант"; знак ~ указывает на какой-либо элемент (словоформу или ее часть) чтения основного списка, повторяющийся в разночтении.

В основу греческого текста положено издание MR VI, неопубликованный седален Исаакию, Далмату и Фавсту издается по рукописям Coisl218 (основной текст) и Vat787

(другие источники, содержащие это песнопение, нам пока неизвестны)[15]. Греческий оригинал отпустительного тропаря преподобным, находящегося в рукописи НБКМ114, пока не найден, похожее зачало указано в справочнике Э. Фольери: Οἱ ὅσιοι, Κύριε, ἐν τῇ ἀσκήσει αὐτῶν (Follieri 1962: 59). Разночтения к основному греческому тексту приводятся по всем служебным минеям за август XI–XV вв. и некоторым минеям XVI в., хранящимся в ряде западноевропейских библиотек, фонды которых были доступны нам во время работы над материалом[16]. (Из афонских рукописей разночтения приводятся только по рукописи Втп1114[17].) Список доступных библиотек, каталогов и источников составлен на основе третьего издания справочника М. Ришара (Richard 1995). В ряде новейших каталогов, не вошедших в это издание (Lilla 1996; Catalogue 2003), сведений о служебных минеях за месяц август нет. Старопечатные служебные минеи (см. каталоги: Legrand 1885–1906; Λάδα, Χατζηδημού 1976) в нашей публикации не используются: как показал просмотр ряда старопечатных миней за август, хранящихся в НБКМ, их состав соответствует MRVI, а содержащиеся разночтения не вносят новых данных, существенных для более ранней истории славянского и древнего византийского текстов; нужно, однако, отметить, что история текста старопечатных изданий греческих миней не изучалась (помимо названного выше каталога Э. Леграна, ср. замечания о хронологии изданий и об их составе: Delehaye 1895: 397, примеч. 2; Follieri 1977 [литература]). В критический аппарат вносятся все лексические, морфологические и синтаксические разночтения. Разночтения, вызванные фонетическими изменениями в средневековом греческом языке, передаются только в том случае, если они приводят к лексической или морфологической омонимии. Возникающие при этом ошибочные написания отмечаются знаком (!). В единичных случаях приводятся такие фонетически обусловленные разночтения, которые в восприятии славянского переводчика вызывали паронимическую аттракцию и, как следствие, неправильный перевод. Правописание впервые издаваемого греческого текста и приводимых разночтений нормализовано в соответствии с классическими правилами, написания под титлами раскрываются в круглых скобках.

Первый тропарь пятой песни канона првмч. Стефану

С168 – 13

Безаконьнъıихъ . жидовъ соуѣтьства . въ / истиноу съборище . тьрпѣльно облııи . / тѣми богогласьне посъıпаемъ . мета/нии каменига . на небеса вънзнесесѧ . га/ко побѣдитель доухъмь стефане ⁘⌐

Син 28 – 246–246об.

Безаконихъ жидовь соуѣтига вь / истиноу . събранис трьпѣвь / шбъıуно . тѣмь бгоглане тво/и врьхъ посипаемь камени//немь . на нбса вьзнесесе гако побѣдитель дховь стефане ⁘⌐

---

[15] Из этого седальна издано только зачало (Follieri 1962: 59). См., однако, составленный Э. Фольери дополнительный список изданий, в которых содержатся или могут содержаться публикации канонов, песней, стихир или отдельных тропарей (Follieri 1971).

[16] Из парижских рукописей не учтена Par. gr. 13.

[17] Копия этой рукописи была любезно предоставлена Х. Ханником.

сѣвранїе: Д32 съврания] бгогла҃не: Д32 блгогласе (!)] твои врьхъ посипаемь камениемь: Д32 посипаемь врь (!) камениемь]

НБКМ114 – 1а

Безаконьнїихъ є҆ѵ҃реи҃ . соу҃єтноє / сѫщеє съворище . тръпѣнно и҆ж҃/ѡ҃блиѵи . и ѿ нихъ бо҃видуе ка/мениємъ побиваємъ . на нв҃са / ꙗко повѣдоносецъ възнесеса дх҃омъ стефане +

Хил148 – 121об.-б (= Z42 = Син27 = БАН20 = НБКМ901 = В69)

Безаконнъıхъ є҆врєи . соуєтнъı/и вь и҆стинѫ съворь . трьпѣли/вно ѡблиѵивь, ѿ нихь бгогла/се покрываємь метании ка/мѣннъıми . на нв҃са ꙗ҆ко повѣ/доносець възнесеса дх҃омь стефа .. покрываємь: БАН20 = В69 посъıпаемь

ПЕРЕВОД XIII в.
НБКМ114
Кондак и икос првмч. Стефану

1б

51 ко҃ . гла҃ . s . по҃ . і҃ (!)
52 Пръвъıй ꙗвисѧ на зємли ѿ нб҃на-
53 а҆го дѣлателѣ всєхв[а?]ѧне пръ-
54 въıй кръвъ за х҃а на зєми и҆зли-
55 а҆лъ и҆єси бл҃жне · пръвъıй ѿ него
56 повѣдньıймъ вѣнцемъ оувѧ-
57 зесѧ ꙗ҆ко страдалецъ пръвъıй
58 вѣнєуниѵе · мн҃комъ пръво-
59 страдалецъ + їкос҃
60 Раискыѩ цвѣти зра · и блг҃ожѫ-
61 ханиа и҆го красна҆ и҆сплънѣ-
62 ѫща вєсѧ въселен[...]а҃ и странньı-
63 мъ и҆го оу҆дивлѣємсѧ видѣ-
64 ниємъ имѫже и мрази зимнї-
65 и вѣцъ процвитаѫтъ п[...]ѵе за
66 тоужднйхъ въси ꙗвлѣѫтъ
67 мн҃ıкьı х҃вы процвитаѫтъ прь-
68 вая҆ дверъ бы҃ по законоу мни-
69 комъ и процвитаѫ стрѣмъ
70 мѫчению҃ пѫтъ показавьı
71 всѣмъ нелъстнькій хотѫщи-
72 имъ страдати . ꙗ҆ко добръ на-
73 ѵѫлникъ, болѣзнѣми проси-
74 а҆въ вѣнєуниѵе . мн҃комъ пр҃-
75 востраdа҆ѵе +

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРЕВОД
С168
Кондак и икос првмч. Стефану

9об.

16 С҆ко҃ · гла҃· г· стълпъ са҃·гла҃·нъıї ·҃·
17 Пьрвое насѣмъ въı҃ на земли·ѿ нб҃наго
18 дѣлателꙗ прѣхвальне҃ пьрвъıи кръвь
19 пролиꙗ · х҃а ради на земли бл҃не · пьрвъıи
20 ѿ нег҃опобѣдьнъıимь вѣньцьмь оувазе-//

10

1 сѧ на нб҃си҃ ꙗко страдальцемъ начало·
2 вѣньуниѵе · мн҃комъ пьрвострадальѵе ·҃·
3 [18]Раискыѧ цвѣтъı вида · благооуханиемь
4 красьнъıимь · шбонѧють всю вселеноую ·
5 и страстьно иго · оудивлѧють мꙗ видѣни-
6 е · въ ледньѣи земли · боле цвѣтоуть па-
7 уе · иже страньно · въ цвѣтъıхъ · и мн҃къ
8 х҃въ · процвѣтъıи пьрвѣе · и двьри бъıвъ ·
9 законьнѣ стражющиимъ · зимою моу-
10 ѵении · поуть показавъıи · всѣмъ нель-
11 стьнъıи · хотѧщиимъ страдати · до-
12 бръıи подвигоу начальникъ · иже болѣ-
13 зньмъ въсиавъıи ·҃· лю҃ · вѣньуниѵе м҃·҃·

[18] Над следующим словом на левом поле надпись: ико҃.

3б

9 въ . г҃ . пр҃пвныѣ о҃цъ н҃а[...]
10 хъ, далмата фавста и їса-
11 киа . ст҃и҃ . гл҃а а҃ . и .
12 Пр҃пвнии твои г҃и · оупо҃бишж-
13 сѧ . бесплътныіимъ · мл҃твам(и?)
14 и пощениѥмъ · плътныіѫ сТра-
15 сти въ мрѣзостъ положишж [...]
16 [...]юдотвореніѥмъ сиѧщіе
17 всѣхъ ср҃ца просвѣтишж .
18 тѣхъ мл҃твами дароуи лю-
19 демъ си велиж мл҃тъ +
20 Далматъ и їсакиѥ · рѣвеніе
21 добродѣтѣлноѥ · въспріемъ-
22 ша аріиѣвж и несторіѣвж є҃-
23 ресъ ѩвѣ раздроушиста · и пр[...]-
24 [...]овѣрныіми съвѣкоуписта-
25 сѧ похвалж ѡ̃ всѣхъ прижст[...]
26 тѣхъ мл҃твами х҃е в҃е , дароу-
27 и людемъ си велиж мл҃ +
28 Ꙁвѣздьі на тверъди пощени-
29 [...]мъ ѩвистесѧ · и просвѣти[...]-
30 те мнихомъ д҃шѧ , о҃ц҃и пр҃п-
31 нии ѩко великаа свѣти-
32 [...]а намъ просиасте ѡ̃ въсто-
33 ка . и бж҃твноѥ оуисло наплъ-
34 [...]иста далматъ и їсакий
35 [...]л҃гтний ѩко двѣ свѣти-
36 лѣ д҃шевнѣй просиаста въ
37 мирѣ ⁘ тр҃о · гл҃а ·
38 П[...]пвний твои г҃и, въ пощени[...]
39 подвигъ показашѧ въ трь-
40 [...]ѣнии мно҃ѣ х҃е в҃е н҃а ймащ[...]
41 [...]рѣпостъ твожѧ ѡ̃ ст҃рти въ[...]
42 [...]ѣжаѣжсѧ · и ѣкроуши(ш?)[...]
43 [...]ѣсовъскаа немощнаа шж-
44 таниа . тѣмь тѧ мл҃тъ[...]
45 миръ свой +
46 к҃а . гл҃а . и п҃ѣ . а їˇ[...]
47 Посѣщеныій несѣщенааго пр[...]

15об.

9 мц҃а · то҃ · въ ·г҃· дн҃ь · пр҃пвнъ-
10 хъ о҃ц҃ь · исакиа · и долмата и фаоуста ⁘

16

1 с҃ стр҃а · гл҃а · и · п҃о · мѵ̑нци твои г҃и ⁘҃
2 Пр҃ѣподобьнии твои господи · подобѧще-
3 сѧ · бесплътѣнъіимъ молитвами · и въ-
4 здьржаниѥмь · страсти отъгъ[19] наша
5 плътьскъіа · и оудотвореніѥмь въси-
6 ѩвъше · вьсѣхъ сьрдьца просвѣтисте ·
7 тѣхъ молитвами · подажь людьмъ сво-
8 имъ велию милость ⁘҃

9 Долматъ и исакии · завистьдобродѣтѣ-
10 льноую · въспріимъша аріѣво · иерети-
11 уьствоу (!) и несторіѣво раздроушиста
12 ѩвѣ · и съ праковѣрьнъіимь (!) съвьрастасѧ
13 · и хвалоу отъ вьсѣхъ приѧста · тѣхъ
14 христе молитвами · подажь доушамъ
15 нашимъ велию милость ⁘҃

16 Ꙁвѣздъі твьрженію иже · въ пощении·
17 ѩвивъшесѧ просвѣтисте · мьнихомъ
18 отьци · пр҃ѣподобьнии доуша · тьмоу
19 бѣсьнъіихъ отъгънавъше · тѣмь по
20 коньчинѣ блажитесѧ · молящесѧ съ-//

16об.

1 пастисѧ вьсѣмъ · творящимъ божe-
2 ствьноую вашю памать ⁘҃

В С168 отпустительный тропарь отсутствует

с҃ к҃а · гл҃а · и · п҃ѣ · а҃ і҃рмо посѣщенъіи⁘҃

[19] ъ исправлен из о.

3об. *а*

сѣуе . й видѣ слнце земл ѣж-
же нѣ видѣло · люта́го вра-
га вода потопила ѣстъ · й не-
проходимоѣ пройде їслъ · пѣ-
снъ же въспѣва́ше, гви поѣ
славенъ бо прослависѧ +
[...]вѣтоу бию свѣтло пр̾ѣстоѫ-
ще . Трислнчныіймъ свѣто-
мъ наплънѣіѣми · й пр̾їло-
гы йстиннымі ѡбожа́емї
блженний · вѣроѫ творащи-
мъ вашѫ памать, просвѣ-
щайте въпиѫща · гви поѣ +
[...]а́смотривше ѡбители бѫ-
дящѫ́ · тлѣнна́ въсѣ ѡ-
вр̾ъ́ше · весъ разоумъ ѡ га
призываѫще · ѡстависте
всѣ тлѣнна́ похотѣнна .
ѻ́ц̑и пр̾у́тний · имже къ не-
вечернемоу свѣтоу прийдо-
сте, гви поѫще · слав ~
[...]ѡ̑нмі оученмиⷩ въпе-
ривсѧ да́лмате мждреⷩ й оу-
добривсѧ бий оученмїⷩ оуе
съ блгтныіймъ йсакиѣмⷩ
коупно · въстокъ на вы́со-
тѫ добрыіѫ дѣтѣли . стлъ-
пъ й оутвръжѣнїе мниxо-
мъ бы́ста · тѣмъ вы ѕблажа +
[...]р̾ѣпрославенна́го ба родїла
єси . неполезныіix мѧ стр̾тѣ-
й йзми · и даждъ ми ѻ̑цѣще-
нїе · ср̾це ми покаа́нїе про-
свѣти у́тра́ , и разоума моего.
ꙗко да тѫ величѫ́ въсѣхъ
възвеличившїа +

пѣ . г . їрмо . нѣномоу крѫ ·
[...]елъстнѫ́ тѫ вѣ́ѕ́ж · на въсТо-
цѣ прѣвне ѻ́уе йшедшѫ́ · їса-
кие въси разоумѣхомъ · го-
Свѣтоу божию · свѣтьло пр̾ѣдъстоѫще ·
и трьсълньуьною зарею · въиноу испъ-
лнѧеми · и твореніемь истиньнъı-
имь · божащеся блаженнии · иже вѣрь-//

17

но праздьньствоуютъ · вашю памать
пр̾ѣсватоую · господеви поюще · славьнъ·
Възирающа · на ѥдино боудоущѧ · текоу-
щиихъ стр̾ьмление · вьсего шт̾ъвьргъ-
шасѧ · и вьсѣмь оумъмь · господеви при-
лѣпящеся · оставивъше плътьскыи-
хъ похотии · и сластии отьци вьсеуьстъ-
нии · тѣмь къ невечерьнии · зари при-
идосте ·
Сватыимь · оученіемь възвъшасѧ·
отьче моудре и оудобримъ · божествьнъı-
имь оученіемь · божествьнаго · иса-
киа вѣ · въстеклъ иси въ высотѣ · до-
бродѣтелии стълпъ · оутвьржение мь-
нихомъ бъıстъ тѣмь тѫ блажимъ ·

Пр̾ѣславьнаа · иже бога рожьши · отъ не-
прославленъıа мѧ · страстьнъıихъ пр̾ѣ-
мѣни · и даж ми съмъıслъ · дѣво оуми-
ленна · и въсиѧи ми покаанна свѣ-
тъ · въ съвѣдение ми · ако да величаю//

17об.

тѫ вьсѣхъ възвеличьшюю ·

[Далее в С168 следует вторая песнь]

с пѣ · г · ірмо · нбноуоумоу кр·
Несъблазньноую тѫ звѣздоу въ (!) уьстъ-
ноую пр̾ѣподобьне отьче оуправащю
исакие вьси разоумѣхомъ горькаа-

рести ѣреснiѣ разгнавъ мра-
къ · и съвръшенiими си сло-
весы просвѣтивъ вѣрныхъ +
[...]азоумно просиавъ ѹтыимъ
сианiемъ · фаѹсте подви-
гом си ѻу҃е · свѣтъ бы҃, просвѣ-
щ[...]ѫ҃ всѧ зрящиѫ҃ тѧ .
блаженe · и вѣрожѫ҃ житiе тї

3об. *б*

изъѽвр[...]ѹѫщиѫ҃ъ +
Пѣний не(п?)[...]ѣстаньiими . и (м?)о-
литвами (п?)п҃ньiими . стр҃т[...]
плътъскы[...] оуспивъше · бл҃го-
тиѫ҃ несън[...]ѫ҃ · приносяще
богатъст(в?)[...]ѿ бг҃а приемше блжен҃.+
в҃ Разоумна тѧ свѣтилника, и
свѣтла разоумѣхомъ · въ се-
бѣ приемши дв҃це ѻгнъ непо-
стоаньi · бо҃а полата вьiсокъ
прѣстолъ · на немѫ҃же прѣпоуи
прѣсщный +
Сѵ҃ гл҃а ·а· по · камени зн҃·
Їсакиа и фаѹста, и далмата
въсхвалимъ·постомъ бо просвѣтишѫ҃-
ся и лѫкаваго оу-
вишѫ҃ мечемъ страданиа ·
и҃ нинѣ въ райскѫ҃ пищѫ҃ въ-
шедше приѧстишѧся · сего
ради непрѣстаньно въси въ-
пиемъ · слава оукрѣпившо-
моу вы҃ · слава вѣчувавшомѹ
вы҃ · слава подаѫ҃щомоу вамї
намъ иц҃ленiа҃ +
п҃ѣ · д їрмо҃ . ѵслыша҃ гс҃и, съм҃
ꙗко многоплодноѣ лозиѣ · исти-
ньномоу виноградоу быѣше · вї-
но йзлиавше пр҃пвний, ѹтотѫ
въсѣмъ покаанiа +
Събороу расмотрителѣ далма-
тѣ, въси тѧ знаемъ · тиха мо-
литъвника и блговѣрноу (!) ѵ-
тверъжeниѣ · вражѫ҃ разбиваѫ҃ща ·
ꙗко въсѣхъ просиавшаго, и
го иеретичьства · ищазающа тьмоу · и
вѣрьныихъ словесы своими просвѣща-//

18

иши ·
Оумьно въсиавъ чистъiимь блистанiе-
мь · фаоусте подвигы своими · отъче свѣ-
тъ бъисть · просвѣщаа вьсѣхъ · видящи-
ихъ тѧ блажене · и вѣрьно житiе твоe
въобразящиимъ ·

Пѣсньми непрѣстаньнъiими и молитва-
ми прѣподобьнии · страсти телесьнъiа
вьсѧ оусъпивъше · и неоусъпьноу благо-
дѣть · и неисконьчаемоe · богатьство
отъ бога приасте прѣблажении ·
Оумьно тѧ свѣтило и свѣтозарьно · разѵ-
мѣхомъ дѣво въноутрь приимъше · огнь
неприкосновенъiи · божествьнаа пола-
та · и прѣвъшьнии прѣстолъ на немь-
же поуи прѣсоущьнъiи ·

15об. (другой седален:)

с҃ѣ · гл҃а й҃ · по҃ · прѣмоудрост·
Свѣтъмь троичьномь · прѣсвѣтьло ражь-
гостеся · о҃ци свѣтоѡбразьно · тьмоу оста-
вили есте · сладъкъiихъ глоубокою(!) · и
свѣтьла дѣлъми бж҃твьнъiими ражї-
гаете вѣрьнъiихъ ср҃дца · бл҃ни мвистe-
ся · тѣмь свѣтоносьноу и чьстьноую ·
вашю пам҃ь хвалимъ дн҃ь · и съгл҃ано
възъiваемъ · бо҃носьци вьсеславьнии ·
моли·

18

с҃ п҃ѣ д їрм҃о · оуслышахъ гс҃и ·
Йко мъногоплодьнъiа лозы · истиньна-
аго винограда бъисте · вино истоуисте
прѣподобьнии · чистааго вьсѣмъ · пока-//

18об.

ганиа ·
Събороу поспѣшьника · прѣподобьне до-
лмате вьси тѧ разоумѣхомъ · благочьсти-
виа оутвьржающа · и лоукавъiихъ · отъ-
ганающа ·
Йко вьсѣхъ просиающа · вьсѣхъ приимѣ-

35 всѣ прѣимѧщаѧго · расмоТрї-
36 телѣ тѧ влⷭ҃тноѡмоу (!) съборѳ·
37 поу҃те дѣлы҆ бж҃твныі҆ми иꙁ-
38 враѥ҆ тѧ +
39 в Дреманиѥ҆ оуныі҆ниѧ, и҆ сънъ
40 грѣховныі҆ ѡдръжит҃ мѧ прѣ-
41 у҃таѧ · въдѣи҆ныі҆ми мⷧтвамїі
42 си, на покаѧниѥ҆ мѧ нїи҆ꙗ҆ вꙁведї +
43 п҃ѣ . є ї҃рмос . въскѫѧ мⷭ҃ ѡ҃
44 Въставъ п[ρ?]испѣлъ ѥ҆си, къ цр҃ь-
45 скомоу градоу · и҆ бж҃тЬ(!?)внаго
46 сѣмене п[...] иунаѧго того оу҃-
47 множи[...] и · и҆скоренивъ

7 ти пеуальми преподобьне · божествѣ-
8 нъıи съборъ прослави·добродѣтельми ·
9 божествьнъıими прославлꙗемъ ⁘

10 Дрѣмостию лѣностию мѧ · сънъ грѣховь-
11 нъıи уистаꙗ обыатъ · неоусъпьнъıимь
12 молениемь си · къ покаꙗнию мѧ · нъı-
13 нѣ въꙁведи ⁘
14 с҃ п҃ѣ є ѡ҃ро · въскоую мѧ ѿри·⁘
15 Присельникъ wтъ въстока · къ цѣсареви
16 градомъ бъıсть · и божиѥ сѣмıꙗ · плодъı
17 того оумъножилъ ѥси · искоренаꙗ вьсѧ
18 неприлꙗзнинаꙗ · дриѥво гоубитель-
19 ство · прѣсвѧте отьче исакиѥ ⁘

Критический аппарат к древнейшему переводу

16 [3] бесплътьнъıимъ: КМ113 = Д32 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 ~нымь] молитвами: БАН20 = НБКМ901 мⷧтвою] [3-4] въздьржаниемь: КМ113 пощениемь] [5] оудотворениемь: Z42 = БАН20 = НБКМ901 оудодѣистви] [5-6]въсиꙗвъше: Z42 = БАН20 = НБКМ901 просиꙗвше] [6] вьсѣхъ: Z42 = БАН20 = НБКМ901 всѣмь] просвѣтисте: КМ113 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 просвѣтиша] [7] молитвами: Z42 = БАН20 = НБКМ901 молениемь] подажь: Z42 = БАН20 = НБКМ901 дароуи] [7-8] людьмъ своимъ: КМ113 дш҃ами нашимь: Д32 дш҃амь ⁘] [9-15] : КМ113 = Д32 *нет*] [16] твьржению: КМ113 = Д32 оутвръжениꙗ] [17] ꙗвивъшесꙗ просвѣтисте мьнихомь: КМ113 ꙗвишасѧ просвѣщницы темнымь: Д32 ~ просвѣтителие ~] [18]доуша: КМ113=Д32 ѿ дш҃а] [19]отъгънавъше: КМ113 ѿгнасте] тѣмь: КМ113 *доб* и] [20]молꙗщесꙗ: КМ113 мл҃ꙗщисѧ] [20]-16об.[1] съпастисѧ вьсѣмъ творꙗщимъ: КМ113 ѡ всѣхь творꙗщихъ]

16об. [16] свѣтьло: Д32 присно] [17-18] трьсълньуьною зарею: Д32 трьсл҃ньуьнами зарами] [18-19] истиньнъıимъ: Д32 ~нымь] [19] божащесꙗ: Д32 испльнꙗющесе]

17 [1] праздьньствоуютъ: Д32 празноуютъ] [2] господеви... славьнъ: Д32 *нет*] [3] въꙁирающа: Д32 вьꙁирающе] [3] едино: Д32 ~на] [4] вьсего: Д32 вгов(и?) иго] [4-5] ѿъвьргъшасѧ: Д32 ~ше] [6] оставивъше: Д32 шставльше] [7] похотии и сластии: Д32 сласти похоти] [11] оудобримъ: Д32 доблимь] [12] оученьемь: Д32 *доб* и] [12] божествьнаго: Д32 ~наго] [14] стълпъ: Д32 *доб* и] [14-15] мьнихомь бъıсть: Д32 въ҃ мнихомь] [16] иже: Д32 же] [17] мѧ: Д32 *нет*] [17-18] прѣмѣни: Д32 измѣни] [19-20] покаꙗниꙗ свѣтъ: Д32 свѣть покаꙗниꙗ] [20] ми: Д32 *нет*] величаю: Д32 вьꙁвеличаю]

17об. [1] възвеличьшюю: Д32 вьꙁвеличувавшии] [16-17] въ ѹьстьноую: Д32 всеу҃ьноу] [18-19] горькаго: Д32 ~каго] [19] ищазающа: Д32 ищеꙁающе] и: Д32 *нет*] [20]-18[1] просвѣщаѥши: Д32 просвѣщающе]

18 [4-5] видящихъ: Д32 видещиⷯ] [5] блажене: Д32 ~ньне] [9] неоусъпьноу: Д32 неоусипанноую] [10] неисконьчаемое: Д32 несконьчаваемое] [11] прѣблажении: Д32 блⷢженъıи] [15] и прѣвъıшьнии: Д32 прѣвъıшьши] [16] прѣсоущьнъıи: Д32 прѣсоущьствьнъıи]

15об. [12] троичьномь: Д32 троичнимь] [13] свѣтошоразьно: Д32 ~нии] [14] глоубокою: Д32 глоубокоую] [15-16] свѣтьла дѣлъми бж҃вьнъиими ражїгаѥте вѣрьнъиихъ: Д32 свѣтила дѣломь бж҃вьнаго раж҃егосте вѣрнъихь] [17] и ѹьстьноую: Д32 *нет*] [20] моли·: Д32 мл҃ите х҃а]

18 [18] – 18об. [1] : Д32 *нет*]

18об. [4] оутвьржающа: Д32 оутвьрьж҃ающе] лоукавъиихъ: Д32 лоукавие] [4-5] отъгнающа: Д32 ѡ҃гонеща] [6] просиѥающа: Д32 просиѥающь] [7] печальми: Д32 ~льними] [9] божествьнъиими прославлаѥмъ: Д32 бж҃вьними прославлаѥма] [10] дрѣмостию лѣностию: Д32 дв҃о льстию] [15] въстока: Д32 вьстокь] [15-16] цьсареви градомъ: Д32 цр҃кви гредомь]

Критический аппарат к переводу XIII в.

(для кондака и икоса првмч. Стефану приводятся разночтения из всех списков, включая те, которые содержат новый перевод)

1б [52] пръвъıи: Д32 [...]ѣи(и?): КМ898 = Син28 пръвѣе: В69 прьвои҃] гависѧ: Д32 (вьсиѧнь?): Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 = В69 сѣасѧ : Син28 насѣянь: Син35 вьсиа] [52] на земли: Син35 *доб* стр҃алець] [52-53] ѡ҃ нв҃наго дѣлателѣ: Син27 = Хил148 = Z42 = Син35 = БАН20 = НБКМ901 нв҃снъıмь дѣлателемь] [53] всехв(а?)ѧне: Син27 = прочие списки въсехвалне] [53-54] пръвъıи: Д32 [...]ѣи(и?): КМ898 = Син28 пръвѣе] [54-55] кръвь... бл҃жне: Син35 на земли за х҃а ради кровь излиталь єси стефане бл҃женьне] [54] кръвь: Д32 = КМ898 *доб* свою] кръвь за х҃а на земли: Z42 = НБКМ901 на земли за х҃а кръвь: Син28 на землы за х҃а кръвь свою] за х҃а на земи: КМ898 на земли за х҃а] [54-55] за х҃а на земли излиалъ єси бл҃жне: Д32 на земли бл҃же за х҃а пролиа] излиалъ: КМ898 = Син28 пролиа] [55] пръвъıи: КМ898 = Син28 = Син35 пръвѣе] ѡ҃ него: Син35 *нет*] [56] повѣднъıимъ: Д32 = КМ898 ~нимь: Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 повѣдѣ: Син35 *нет*] [56-57] оувазесѧ: Син27=Хил148 = Z42 = БАН20 = Син35 = НБКМ901 шдѣасѧ на нв҃сехь] [57] страдалецъ: Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 стр҃алцемь] пръвъıи: Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 прьвовъходнъıи: Син35 перьвоуходньıї неповѣдимь] [58] вѣнечуниѵе: Д32 вѣньчьникь: Син35 венчоносець] [58-59] пръвострадалецъ: Д32 = КМ898 = Син28 пръвом҃учѵе: Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 = Син35 прьвостр҃алне] вѣнечуниѵе: Син35 *доб* молисѧ ѡ вс҃ехь н҃а] [60] раискъıж: Д32 [...]и[...]аго: Син28 раискаго] цвѣти: Д32 = Син28 цвѣта] [60] и: Д32 = Син28 = КМ898=Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ091 = В69 *нет*] [60-61] краснад: КМ898 ~на: Д32 = Син28 *нет*] блг҃ожданиа его краснад: Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 = В69 блг҃овонимь своимь красьнъıмь] [61-62] исплънѣжща: Д32 [...]спльнıае: Син28 испльнıае] [62] всѧ: Д32 = КМ898 = Син28 *нет*] въселен[...]ѧ: Син27 = прочие списки въселеноую] [63-64] и страннъıимъ его оудивлѣемсѧ видѣнимь: Хил148 = Син27 = Z42 = БАН20 = НБКМ901 = В69 и страномь ихь дивлесе зрѣнию: Д32 = Син28 = КМ898 и тоу҃имь простирае оюдеса] [64] ижже и: Д32 = Син28 ихъже] [64-65] зимнїи: Син28 зимны] [65] процвитажтъ: Д32 процвьтоуть] [64-75] ижже и мрази зимнїи... пр҃острадалуе: Син27 = Хил148 = Z42 = БАН20 = НБКМ901= В69 [текст соответствует первому переводу] вь ледѣ зимнемь множае цвьтоуть паче еже странно вь цвѣтѣхь и м҃нкь х҃вь (х҃вь: в Z42 и НБКМ901 *нет*) процвьтъıи (НБКМ901: процвьтѣ) прьвѣе и двьрь бъıвь страж҃оущимь законно и цвьтоущимь зимою моукь по҃ показа вьсѣмь нельстьнъıи хотещимь стр҃ати добръıи соудиць наѵелникь иже болѣзньми просиавь вѣньчуниѵе (В69: вѣнчаниѵе) м҃нкомь прьвостр҃алне]

[65-66] п[...]ѵе... гавлѣѫтъ: КМ898=Син28 *нет*] [66]гавлѣѫтъ: Д32 *доб* прьвѣе] [67-68] прьвда: КМ898 прьвѣе] [67-69] м҃нкы... процвитаѫ: Син28 *нет*] [68-69] м҃никомъ: Д32 пр҃комь] стръмъ: КМ898 гако кринь: Д32 = Син28 ~ и ~] [70] мѫчению пѫтъ показавъı всѣмъ нелъстнъıи: Д32 [...]ункамь показа неблоудещии: Син28 мниемь поуть ~: КМ898 м҃нкомь показа неволнъı] [71-72] хотѫщимъ: Син28 ~щимь] [73-74]просиавъ] [74-75] првострадалуе: Д32 = Син28 = КМ898 прьвом҃нуе]

3б [12-13] оупо҃бишѫсѧ: ОГНБ1/5 сподовишѧсѧ] [13] весплътньіймъ: ОГНБ1/5 ~нъмь] [15-16] положишѫ ... [...]юдотворенїемъ: ОГНБ1/5 положисте уюдотвориемь] [17] всѣхъ: ОГНБ1/5 всѣмь] просвѣтишѫ: ОГНБ1/5 просвѣтивше] [20] їсакие: ОГНБ1/5 исакь] [21-22] въспрїемша: ОГНБ1/5 въспиемше] [23] раздроушиста: ОГНБ1/5 раздроушисте] [23-25] пр[...] овѣрньіми съвъкоупистасѧ: ОГНБ1/5 съ правовѣрнъıими съвькоупистесѧ и] [25] прижст [...]: ОГНБ1/5 прияли есте] [29] пощени[...]мъ: ОГНБ1/5 пощениемь] [29-30] просвѣти[...]те: ОГНБ1/5 просвѣтисте] [31-32] свѣти[...]а: ОГНБ1/5 свѣтила] [32] просиа҃сте: ОГНБ1/5 просиашѫ гако] [33] и бж҃твное: ОГНБ1/5 б҃жие] [33-34] наплъ[...]иста: ОГНБ1/5 наста (!) и се же изъ ниχъ] [34] їсакии: ОГНБ1/5 исакь] [35] [...]л҃гтний гако: ОГНБ1/5 [...]л҃гтний гакоже] [36-37] въ мирѣ: ОГНБ1/5 гако и свѣть] [38-45] : ОГНБ1/5 *нет*] [47] пр[...]: ОГНБ1/5 прѣ~]

3об. *а* [3-4] непроходимое: ОГНБ1/5 ~мо] [5] въспѣвалше: ОГНБ1/5 ~вашесѧ] по҃е҃: ОГНБ1/5 поимъ] [7] [...]вѣтоу: ОГНБ1/5 свѣтоу] б҃ию: ОГНБ1/5 биемоу] [9] наплънѣиеми: ОГНБ1/5 исп~] [10] шбожаеми: ОГНБ1/5 шб҃жими] [11] вл҃жении: ОГНБ1/5 ~ни] [11-12] творѫщимъ: ОГНБ1/5 празноуѫщимь] [12-13] просвѣщаите[...] по҃е҃: ОГНБ1/5 прѣсщеньнжѧ г҃ви пожщимь ш бзе просвѣтите] [14] ...асмотриве: ОГНБ1/5 расмотриве вь] [15] тлѣннаа: ОГНБ1/5 ист~] [19-20] невеуернемоу: ОГНБ1/5 невеуерноу] [20-21] приидосте, г҃ви пожще · слав ~ : ОГНБ1/5 придосте] [24] б҃ий оуѵенїи: ОГНБ1/5 б҃жиемь оуѵениемь] о҃ѵе: ОГНБ1/5 *доб* и] [26] въстокъ: ОГНБ1/5 въстекь] [29] вьіста: ОГНБ1/5 б҃ъı] [29] вьі: ОГНБ1/5 тѧ] [30] [...]рѣпрославенаго: ОГНБ1/5 прѣпрославенаго] [32-33] оцѣщение: ОГНБ1/5 *доб* и] [34] и: ОГНБ1/5 *нет*] [36] възвеличившиа: ОГНБ1/5 величажщаго] [38-39] прп҃вне: ОГНБ1/5 *нет*] [40-41] горести: ОГНБ1/5 горесть] [41] разгнавъ: ОГНБ1/5 ѡ҃гнавь] [42-43]словесъı: ОГНБ1/5 *доб* и] [43] просвѣтивъ: ОГНБ1/5 просвѣти] [44] [...]азоумно: ОГНБ1/5 разоумно] [45]сианиемъ: ОГНБ1/5 *доб* ти] фауете: ОГНБ1/5 фавета] [46-47]просвѣщ(а?)ж: ОГНБ1/5 просвѣщаж] [47] всѧ: ОГНБ1/5 въсѣхъ] [48] вл҃жне: ОГНБ1/5 *нет*] [48] житиє тї : ОГНБ1/5 добродѣание си]

3об. б [1] изъшвр[...]ужщиихъ: ОГНБ1/5 изъшбразивь] [2] Пѣнии не(п?)...ѣстанньіми: ОГНБ1/5 пѣние веспрѣстаниа] [2-5] (м?)олитвами (п?)п҃вньіми ст҃р[...] плътъскьі[...] оуспивъше вл҃готиж несъи[...]ож: ОГНБ1/5 молвъı прѣподовне своимь си трьпѣниемь ст҃рти плътьскъıа вьсѧ оуспивь бл҃годѣтиа несьнноѧ] [6] богатъст(в?)[...]: ОГНБ1/5 богатьство] [7] разоумна: ОГНБ1/5 разоумнаго] [9-10] непостоаннь҃і: ОГНБ1/5 *доб* и] [11-12] неможе прѣпоуи прѣсщньіи: ОГНБ1/5 немь прѣпоуивь прѣсловесньıи] [15-16] во просвѣтишѫсѧ: ОГНБ1/5 просвѣтившихсѧ] [16] лжкаваго: ОГНБ1/5 ~ваго] [18] раискжа пищж: ОГНБ1/5 раистѣи пищи] [19-20] сего ради: ОГНБ1/5 *нет*] [21-22]оукрѣпившомоу: ОГНБ1/5 оукрѣпьшомоу] [22-23] слава[...] въı: ОГНБ1/5 *нет*] [27-28] б҃но: ОГНБ1/5 *доб* и] [30] расмотритель҃: ОГНБ1/5 рауиваго тебе] [31] ѕнаемъ: ОГНБ1/5 имамъı] [32] и благовѣрноу: ОГНБ1/5 бл҃говѣрию] [33] разбиважща: ОГНБ1/5 разливамщие] [34] просиавшаго: ОГНБ1/5 ~шаго] [39] дреманиє: ОГНБ1/5 сьнь] и: ОГНБ1/5 *нет*] [39-40] ѡдръжитъ мѧ: ОГНБ1/5 мѧ ѡдрьжи҃] [41] бъд҃ѣнньıми: ОГНБ1/5 бьд҃ѣти] [42] си: ОГНБ1/5 *доб* и] [44-47] : ОГНБ1/5 Настожщаж на ц҃рь градь · ереси искоренитель б҃ъı · и б҃ие сѣмѧ · пшеницѧ оумноживь · разори всѧ дриевъı лъжа лжкавъıѧ · с҃щениуе шуе исакие]

НОВЫЙ ПЕРЕВОД
Кондак и икос првмч. Стефану

Хил148 – 122*б*

Пръвыи сѣасѧ на ꙁемли нб҃ны/мъ дѣлателемь въсехвалне · / пръвыи кръвь за х҃а на ꙁемли / ѩзлиалъ ѥси блажене · пръвы / ѡ҃ него повѣдѣ вѣнцемь ѡ/дѣасѧ на нб҃сехъ · ꙗко страда/лцемъ пръвовьходныи · вѣне/униуе м҃никѡмь пръвостр҃алне ·
/ Раискыѫ цвѣты ꙁрѧ · блг҃ово/ниемь своимь краснымъ , и/сплънѣѫща вьсѧ вьселенѫѧ · / и странноμоу ѩхъ дивлѧсѧ ꙁрѣ/нию · вь ледѣ ꙁимнѣмъ мнѡ҃жае цвѣтѫть (!) пауе · ѥже стра/нно вь цвѣтѣхъ · и м҃никъ х҃вь / процьвтыи (!) пръвѣе · и дверъ / въıвь страждѫщимь ꙁаконно · / и цвѣтѫщимь (!) ꙁимоѫ мѫкь · пѫть показавъ всѣмь нель/сТныи , хотѫщимь стр҃ати · до/врыи сѫдищѧ наѫмлникь · ѩже / болѣꙁньми просиавъ · вѣнеуни/уе м҃никѡмъ пръвострадалне
Разночтения к основному списку см. в критическом аппарате к переводу XIII в.

Вторая и третья стихиры на “Господи, воззвах” прпп. Исаакию, Далмату и Фавсту

Z42 – 205

Далматъ и исакие · рьвность добродѣтѣл(и?)ю вьс.../мше · ариевоу єресь и несТωриевоу ꙗзорише ꙗ.../ и православнымь поборници бывше · славоу ѡ҃... / приеше...

БАН20 – 30–30об.

Далматъ и їсаа́кіе́ · ревность добрѡ/дѣтелноу҃ вьспрıемі́ше · а҃риевоу є҃ре/сь и несториевоу҃ ꙗзорише ꙗвѣ · и / православны҃мь поборници бъıвше · славоу ѡ҃ всѣхъ прıеше · тѣхъ х҃е мо/литвами, дароуı людемь своимь ве/лию мл҃ть :~
Ꙁвѣ҃зъı тврьдı вьꙁдр҃жа҃нига ꙗвльшесе ·/ просвѣтисте́ йнокоующи҃мь о҃ци пр҃/повни҃ дше · т҃моу вѣсовь ѡ҃гнавше · / тѣмı же по конунѣ оу҃блажаетесе́(!) · млещесе́ спстисе всѣмь творещи҃мь ·// вж҃ноую҃ памет҃ь вашоу :
Разночтения: х҃е мо/литвами: НБКМ901 мл҃твами х҃е] инокоуюшимь: НБКМ901 инокоую-щиимь

Фрагменты канона прпп. Исаакию, Далмату и Фавсту

Хил148

123об. *а*

1 п҃ѣ ·а· гл҃а ·и· / ірм҃о · Сѣуенъıи несѣкомаго / пр҃сѣуе · видѣ сл҃нце ꙁемлѧ єжѫе / не бѣ
2 видѣло · льстиваго врага / вода потопи · и непроходимо пре/иде їиль · п҃ѣнь же вьспѣвашесѧ
3 · г҃ви поимь славно бо прослависѧ :~
4 Свѣтомь вж҃твнымь свѣтло пр҃дь/стоѫще · и трьсльнеуныѫ ꙁарѧ · въ/сегда
5 напльнѣѫщесѧ · и приѧсТи/ємь истиннъıмь ѡ҃вожени бла/жени · ѩже вѣроѫ празднѣѫщѧ ·
6 ва/шѫ памѧ҃ въсесщенныѫ · г҃ви пож/щѧѧ вж҃твно ѡ҃зарите :

123об. *б*

7 Съматрѣѫще на е҃дина пр҃ебываѫ/щаа · текѫщихъ стрьмленіе / вьсѣко ѡ҃ринѫсте · и
8 всѣмь/ ѵмомь г҃ви прилѣплѣѫщесѧ / ѡстависте плътьскыѫ сла/сти · ѡци вьсеуьстнии

9 · тѣ/мже кь нєв҃ернѣи ꙁари прѣ/ставистесѧ ·
10 Сц҃ѣнными поꙁвении ѡкри/лѣєми · далмате ѹꙋє м(8?)/дре · и ꙁкрашаємь вж҃твны/ми ꙁвении
11 · вж҃твнаго іса/кіа гав҃ѣ, вьстекль єси кь/ высштѣ довршдѣтѣлеи · и стльпъ и ѕтвръжденіє
12 йно/кымъ былъ єси · тѣм же тѧ / ꙁблажаємь.
13 Прѣпрославленаа ба҃ рождь/шиа · беславиа мѧ страсТеи / прѣмѣни · и даждь ми помы/слъ
14 дв҃о ꙁмиленїа · и вънсиан/ покаанїа просвѣщенїє въ / мысли моеи · іако да величꙋа/ж҃ тѧ ·
15 вс҃ѣ въꙁвеличившѧ.
16 п҃ѣ ·г· нс҃номꙋ кр(ѧ?)гꙋ
17 Нельстнѫ тѧ ꙁвѣꙁдѫ вьстока / прп҃вне ѹꙋє · ꙁстрѣмивша/сѧ і҃сакїе въси позналшмь /
18 горкѫѧ єресеи потрѣблѣ҆ѧ҆ща / тъмѫ · и вѣрныѫ словесы сво/и҆ми просвѣщаѧ҆ща :

124 *а*

19 Разꙋмно вьсиавь чистыми си/ании фавсте · подвигь свои҆ / ѹꙋє · свѣтъ быль єси ·
20 про/свѣщаѫ въса ꙁрящѫѧ тѧ бла/жене · и вѣрно житию твоє/моꙋ послѣдоꙋщѫѧ :
21 Пѣсньми непрѣстанными · / и молитвами прѣпо҆бнии · / страсти тѣлесныѫ въса
22 оꙋ/спивше · бла҆ть неꙋсыпнѫ / и неѡ҃ємлемо бг҃атьство · / ѡ҃ ба҃ приѫсте прѣвлаженїи ·
23 Длъгꙑмъ пощениемъ · іа҆ко / мшꙋси҆ прпв҃не · своє тръ/пѣние даллмате всѣмь по/казалъ
24 єси · ꙁкрашаѫсѧ / прѣсвѣтлыми си болѣꙁнь/ми · и ꙁдобрѣѫсѧ житіе/мъ своимь :~
25 Мыслныи тѧ свѣщникъ и свѣ/тозарен҃ъ позналшмь · въ/натрь приѣмши дв҃о · ѡгнь /
26 непостоанныи · вж҃внѫ по/латѫ и высшкъ прѣстоль / на немже поуи прѣсѫщьствѣ/ныи :

124 *а б*

27 с҃ѣ : гл҃а и҆ прѣмждрс҃:~
28 Свѣтомъ тр҃уьскымь свѣтло / ѡсиавшесѧ ѡц҆и свѣтовид҃/но тьмѫ ѡстависТе сластеи /
29 глѫбокѫѧ · и свѣтилници д҃ѣ/лы вж҃твными просвѣщаѫ҆ще // вѣрнымь ср҃ца · блаженни
30 іави/стесѧ · тѣм же свѣтоноснѫѧ / и ѹьстьнѫѧ вашѫ паи҃ма поуита/ємъ дн҃е · и сьгласно
31 възываѥ/мъ · бг҃оносниии прѣвогатїи · / мл҃итє х҃а ба҃ · съгрѣшени҃ѣ̀ wсТа [⁘]
<...>

124об. *а*

32 п҃ѣ ·д· : ѕслыш҆а г҃и : ~
33 Йко многоплодны лозы · исТи/ннаго винограда бывше · / вино йстоуишѫ прѣпо҆бнии · /
33 чисто всѣмъ, ꙁмиленїа : ~
35 Съборо҃ꙋ сьгласника · прп҃вне / далмате, вьси тѧ позналхо/мъ · благоуьстие ѕтвръжда/ѫща ·
36 и грѫдыѫ ѿрѣваѫща ·
37 Йко паче всѣ҆ просиавша · въ/сѣхъ прѣимѣти попеуение / тѧ · вж҃твныи сьвѡръ
38 пр҃ѣ/повелѣ · довродѣтѣлми во/жьствеными ꙁкрашена : ~
39 Дрѣманиемь лѣности мѧ · съ/нъ грѣховныи ѹтр҃аа постиже · / въдѣнноѫ молитвоѫ си ·
40 кь / покаанию мѧ нинѣ вьздвигни :
41 п҃ѣ ѥ : вьскѫѧ мѧ ѿрина :~
42 Прѣселниць ѡ вьстока · кь / ц҃рскомоꙋ градоꙋ былъ єси · и вж҃твнымь сѣменемъ
43 жи/тница сего оꙋмножилъ єси · / йскоренивь всѣкь лжкавыи / ариа врѣдь · с҃ѣнне ѹꙋє
44 і҃сакїе ·

[5] празн҃ѫщѧѧ: БАН20 праз҃ноу҃ющимь] [6] въсесв҃ѧщенныѧѧ: НБКМ901 с҃вѧщенныи] пож/щѧѧ: БАН20 поюще] вж҃вно: НБКМ901 *нет*] [11] и҆ стлъпъ и҆ ѕтвръжденіе: НБКМ901 и стлъпъ оутвръже҃нїа] [13] веславиа: НБКМ901 весловесїа] [17] і҃сакїѣ: БАН20 исаакие] і҃сакїѣ въси познахѡмь: НБКМ901 вси познахомь исаакіе] [18] сво/и҆ми: НБКМ901 твоими] [19] чистыми: НБКМ901 чт҃ными] [19] свѣтъ: НБКМ901 свѣтль] [21] молитвами: НБКМ901 *доб* непрѣстаннъıми] [22] оу҆/спивше · : БАН20 *доб* и] [26] тр҃уьскымь: НБКМ901 пр҃уьскымь] свѣтло: НБКМ901 wзаршесе ~] wсиавшесѧ: БАН20 просвѣщьшесе] [27] вѣрнымь: НБКМ901 вѣрны҆] [28] и҆ уьстьнѧѧ: НБКМ901 *нет*] [32] ѕмиленїа: НБКМ901 оумилиенїемь] [35] просиавша: НБКМ 901 просїавшаа] тѧ: БАН20 *нет*] [36] пр҃ѣ/повелѣ: БАН20 повелѣ] ѕкрашена: НБКМ901 оукрашеннаа] [37] дрѣманиемь: НБКМ901 дрѣманїе] лѣности мѧ: НБКМ901 лѣности] постиже: НБКМ901 *доб* ме] [38] мѧ нинѣ въздвигни: НБКМ901 нн҃а въз҃двигни ме] [41] с҃вѣнне: НБКМ901 с҃вѣннїи] [42] і҃сакїѣ: НБКМ901 исаакіе]

ГРЕЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Первый тропарь пятой песни канона на Обретение мощей првмч. Стефана

MR VI 299

Ὠδὴ ε΄.

Ινα τί με ἀπώσω

1 Τῶν ἀνόμων Ἑβραίων τὸ τῆς ματαιότητος ὄντως συνέδριον καρτερῶς ἐλέγξας, ὑπ᾽
2 αὐτῶν, θεηγόρε, χωννύμενος ταῖς βολαῖς τῶν λίθων, εἰς οὐρανοὺς ὡς νικηφόρος
3 ἀνυψώθης τῷ πνεύματι, Στέφανε.

Кондак и икос Обретению мощей првмч. Стефана

MR VI 300

Κοντάκιον, Ἦχος πλ. β΄ τὸ Κουκούλου Ἰδιόμελον.

Dostál, Rothe 1980: 131[20]

4 Πρῶτος ἐσπάρης ἐπὶ γῆς ὑπὸ τοῦ οὐρανίου γεωργοῦ, πανεύφημε· πρῶτος τὸ αἷμα δια
5 Χριστὸν ἐπὶ γῆς ἐξέχεας, μακάριε·πρῶτος ὑπ᾽ αὐτοῦ τὸν τῆς νίκης στέφανον ἀνεδήσω ἐν
6 οὐρανοῖς, ὡς ἀθλητῶν προοίμιον, στεφανῖτα, τῶν μαρτύρων ὁ πρώταθλος.

Dostál, Rothe 1980: 133

Ο Οἶκος, πρὸς τὸ· Τῷ τυφλωθέντι.

7 Τοῦ Παραδείσου τὰ ἄνθη ὁρῶν τῇ εὐοσμίᾳ αὐτῶν τῇ τερπνῇ πληροῦντα πᾶσαν [τὴν]
8 οἰκουμένην, καὶ τὸ ξένον αὐτῶν καταπλήττει με θέαμα· ἐν παγετῷ χειμῶνος πλέον
9 ἀνθοῦσι μᾶλλον, ὅπερ ξένον ἐν ἄνθεσιν· ὡς ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, ὁ ἐξανθήσας πρῶτος,
10 καὶ θύρα γεγονὼς τῶν νομίμως ἀθλούντων καὶ ἀνθούντων κρυμῷ τῶν κολάσεων· ὁδὸν ὁ
11 δείξας πᾶσιν ἁπλανῆ τοῖς βουλομένοις ἀθλεῖν, ὁ καλὸς σταδιάρχης ὁ τοῖς πόνοις
12 ἀναλάμψας, στεφανίτης, τῶν μαρτύρων ὁ πρώταθλος.

[20] См. там же ссылки на другие источники текста кондака и икоса.

Стихиры препп. Далмату, Исаакию и Фавсту

MR VI 305

Εἰς τὸ, Κύριε ἐκέκραξα, ψάλλομεν Στιχηρὰ προσόμοια,
Ἦχος πλ. δ΄.
Οἱ μάρτυρές σου, Κύριε
Οἱ Ὅσιοί σου, Κύριε, ἐξομοιούμενοι τοῖς Ἀσωμάτοις, διὰ δεήσεως καὶ ἐγκρατείας πάθη ἐμέωσαν σαρκός· καὶ τῇ ἀπαθείᾳ διαλάμψαντες πάντων τὰς καρδίας κατεφώτισαν· αὐτῶν ταῖς ἱκεσίαις δώρησαι τῷ λαῷ σου τὸ μέγα ἔλεος.

Δαλμάτος καὶ Ἰσάκιος ζῆλον ἐνάρετον ἀναλαβόντες, Ἀρείου αἵρεσιν καὶ Νεστορίου καταβεβλήκασι σαφῶς· καὶ τοῖς ὀρθοδόξοις συμμαχήσαντες κλέος παρὰ πάντων ἀπηνέγκαντο· αὐτῶν, Χριστὲ, πρεσβείαις δώρησαι τῷ λαῷ σου τὸ μέγα ἔλεος.

Αστέρες στερεώματι τῷ τῆς ἀσκήσεως ἀναφανέντες, κατεφωτίσατε τῶν Μοναζόντων, Πατέρες Ὅσιοι, ψυχὰς, σκότος τῶν δαιμόνων ἀπελάσαντες· ὅθεν μετὰ τέλος μακαρίζεσθε, πρεσβεύοντες σωθῆναι ἅπαντας τοὺς τελοῦντας τὴν θείαν μνήμην ὑμῶν.

Фрагменты канона препп. Далмату, Исаакию и Фавсту

MR VI 306

Ὠδὴ α΄. Ἦχος πλ. δ΄.
Η κεκομμένη
Φωτὶ τῷ θείῳ φαιδρῶς παριστάμενοι, καὶ τρισηλίου αὐγῆς πάντοτε πληρούμενοι, καὶ θέσει ἀληθῶς θεούμενοι, Μακάριοι, τοὺς πίστει ἑορτάζοντας ὑμῶν τὴν μνήμην τὴν πανίερον, τῷ Κυρίῳ ψάλλοντας, ἐνθέως καταυγάσατε.

Αποσκοποῦντες εἰς μόνα τὰ μένοντα, τὴν τῶν ῥεόντων φορὰν πᾶσαν ἀπεκρούσασθε· καὶ ὅλῳ τῷ νοΐ Κυρίῳ προσκολλώμενοι, ἐλίπετε σαρκὸς τὰς ἡδονὰς, Πατέρες πανσεβάσμιοι· ὅθεν πρὸς ἀνέσπερον αὐγὴν μετεβιβάσθητε.

Ιερωτάταις μελέταις πτερούμενος, Δαλμάτε Πάτερ σοφὲ, καὶ καλλωπιζόμενος ταῖς θείαις διδαχαῖς τοῦ θείου Ἰσακίου σαφῶς, ἀνέδραμες πρὸς ὕψος ἀρετῶν, καὶ στύλος καὶ ἑδραίωμα Μοναζόντων γέγονας· διό σε μακαρίζομεν.

Θεοτοκίον
Δεδοξασμένη, Θεὸν ἡ κυήσασα, τῆς ἀδοξίας με τῶν παθῶν ἀπάλλαξον· καὶ δός μοι λογισμὸν, Παρθένε, κατανύξεως, καὶ λάμψον μετανοίας φωτισμὸν, Ἁγνὴ, ἐν διανοίᾳ μου, ὅπως μεγαλύνω σε τὴν πάντας μεγαλύνασαν.

MR VI 306

Ὠδὴ γ΄.

Ουρανίας ἀψίδος

Απλανῆ σε ἀστέρα ἀνατολῆς, Ὅσιε Πάτερ, ὡρμημένον, Ισάκιε, πάντες ἔγνωμεν, πικρᾶς αἱρέσεως ἐξαφανίζοντα σκότος, καὶ πιστοὺς τοῖς λόγοις σου καταφαιδρύνοντα.

Νοητῶς ἀνατείλας ταῖς καθαραῖς λάμψεσι, Φαῦστε, τῶν ἀγώνων σου, Πάτερ, φῶς ἐχρημάτισας, φωτίζων ἅπαντας τοὺς καθορῶντάς σε, μάκαρ, καὶ πιστῶς τὸν βίον σου ἐξεικονίζοντας.

Ὑμνῳδίαις ἀπαύστοις καὶ προσευχαῖς, Ὅσιοι, πάντα τὰ τοῦ σώματος πάθη κατακοιμίσαντες, χάριν ἀκοίμητον καὶ ἀναφαίρετον πλοῦτον ἐκ Θεοῦ εἰλήφατε, μακαριώτατοι.

Μακροτάτῃ νηστείᾳ, ὡς Μωϋσῆς, Ὅσιε, σοῦ τὴν καρτερίαν, Δαλμάτε, πᾶσιν ὑπέδειξας, ὡραϊζόμενος τοῖς ὑπερλάμπροις σου πόνοις, καὶ καλλωπιζόμενος τῇ πολιτείᾳ σου.

Θεοτοκίον

Νοητήν σε λυχνίαν, καὶ φωταυγῆ ἔγνωμεν ἔνδον δεξαμένην, Παρθένε, τὸ πῦρ τὸ ἄστεκτον, θεῖον παλάτιον καὶ ὑψηλότατον θρόνον, ἐν ᾧ ἀνεπαύσατο ὁ ὑπερούσιος.

Coisl218 21

(славянский текст содержится только в переводе XIII в.)

κά(θισμα) ἦχ(ος) α΄ πρὸς τὸ· Τοῦ λίθου σφραγ(ιζομένου)

Ισάκιον καὶ Φάυστον καὶ Δαλμάτον ὑμνήσωμεν ἀσκήσει λαμπρυνθέντας καὶ τὸν δόλιον κτείναντας τῷ ξίφει τῆς αὐτῶν ὑπομονῆς, καὶ νῦν τοῦ παραδείσου τῆς τρυφῆς τὴν κατοίκησιν λαχόντας, καὶ ἐκτενῶς οἱ πάντες ἐκβοήσωμεν· Δόξα τῷ ἐνισχύσαντι αὐτούς, δόξα τῷ στεφανώσαντι, δόξα τῷ ἐνεργοῦντι δι᾽ αὐτῶν πᾶσιν ἰάματα.

MR VI 307

(славянский текст содержится в древнейшем и новом переводах)

Κάθισμα Ἦχος πλ. δ΄

Τὴν Σοφίαν

Τῷ φωτὶ τῆς Τριάδος περιφανῶς πυρσευθέντες, Πατέρες φωτοειδεῖς, τὸ σκότος ἐλίπετε ἡδονῶν τὸ βαθύτατον, καὶ φωστῆρες ἔργοις ἐνθέοις πυρσεύοντες τῶν πιστῶν καρδίας, μακάριοι, ὤφθητε· ὅθεν τὴν φωσφόρον καὶ σεπτὴν ὑμῶν[21] μνήμην γεραίρομεν σήμερον, καὶ συμφώνως κραυγάζομεν· Θεοφόροι πανόλβιοι, πρεσβεύσατε Χριστῷ τῷ Θεῷ, τῶν πταισμάτων ἄφεσιν δωρήσασθαι τοῖς ἑορτάζουσι πόθῳ τὴν ἁγίαν μνήμην ὑμῶν.

[21] Конъектура. В MR VI 307: ἡμῶν.

MR VI 308

Ὠδὴ δ΄

Εἰσακήκοα, Κύριε

Ὡς πολύφορα κλήματα τῆς ἀληθινῆς ἀμπέλου γεγόνατε, οἶνον βλύσαντες σωτήριον καθαρᾶς τοῖς πᾶσι κατανύξεως.

Τῆς Συνόδου συνήγορον, Ὅσιε Δαλμάτε, σὲ πάντες ἔγνωμεν, τὴν εὐσέβειαν κρατύνοντα, καὶ τοὺς ἀλαζόνας ἐκκρουόμενον.

Ὡς τῶν πάντων προλάμποντα πάντων ὑπερέχειν φροντιστηρίων σε θεία Σύνοδος ἐθέσπισεν, ἀρεταῖς ἐνθέοις κλεϊζόμενον.

Θεοτοκίον

Νυσταγμῷ ἀμελείας με ὕπνος ἁμαρτίας, Ἁγνὴ, κατέλαβε· τῇ ἀγρύπνῳ ἱκεσίᾳ σου διανάστησόν με πρὸς μετάνοιαν.

Ὠδὴ ε΄

Ινα τί με ἀπώσω

Μετανάστης Εὑρὰς πρὸς τὴν Βασιλίδα τῶν πόλεων γέγονας· καὶ τῷ θείῳ σπόρῳ τὰ γεννήματα ταύτης ἐπλήθυνας, ἐκριζώσας πᾶσαν τὴν πονηρὰν Ἀρείου λύμην, ἱερώτατε Πάτερ Ἰσάκιε.

[2] αὐτῶν: Sab208 αὐτοῦ] θεηγόρε: Auct. θεοφόρε] βολαῖς: Sin632 βουλαῖς (!)] οὐρανούς: Cr12 οὐ(ρα)ν(ό)ν] [3] Στέφανε: Vat1560 πάνσοφε] [4] Γεωργοῦ: Coisl218 Γεωργίου] πανευφημε: Auct. πανένδοξε] [4-5] πρῶτος... μακάριε: Sin632 = Auct. *нет*] διὰ Χριστὸν ἐπὶ γῆς: Par1575 ἐπὶ γῆς διὰ Χριστὸν] [5] ἐπὶ γῆς: Par1568 *нет*] [7] τῇ εὐοσμία: Auct. = Par1575 τὴν εὐοσμίαν: Par1568 τῆς εὐοσμίας] τῇ τερπνῇ: Coisl218 = Sin630 = Sab208 = Auct. = Par1575 τὴν τερπνὴν: Par1568 τῆς τερπνῆς] τῇ εὐοσμίᾳ αὐτῶν τῇ τερπνῇ: Vat1560 τῆς ἑαυτῶν εὐωδίας] πληροῦντα: Vat787 εὐφραίνει] [8] καὶ: Vat1560 *нет*] καταπλήττει με: NBKM = Βτπ1114 = Sin630 = Sin1627 = Vat1560 καταπλήττομαι: Sab71 καταπλήττει] χειμῶνος: Coisl218 = Vat787 = NBKM = Sab208 = W33 = Βτπ1114 = Par1575 = Sin630 = Sin632 = Sin1627 = Sin639 χειμῶνι] πλέον: NBKM = Βτπ1114 πλεῖον] [9] μᾶλλον: Vat1560 *нет*] ὅπερ: Coisl218 = Sin630 ὄνπερ: Par1575 ὥσπερ] ὡς ὁ: Auct. = NBKM = Sab208 = W33 = Βτπ1114 = Sin630 = Sin632 = Sin1627 = Sin639 = Par1568 = Vat1560 καὶ: Par1575 καὶ ὁ] Χριστοῦ: Vat1560 ῥητοῦ (!)] ὁ ἐξανθήσας πρῶτος: Par1575 ἐξανθήσας πρῶτον] [10] καὶ: Vat787 ὁ] τῶν: Sab208 τὸν] ὁδὸν ὁ: Vat1560 καὶ ὁδὸν] γεγονὼς: Sin632 γεγωνὼς (!)] νομίμως ἀθλούντων: NBKM = Βτπ1114 = Sin1627 ἀθλούντων νομίμως] κρυμῷ: Sin630 κρυμνῶν: NBKM κρυμνῷ: Vat1560 ἐν ~: Sab208 κρυμὸν] τῶν κολάσεων: Vat787 τῆς κολάσεως] [10-11] ὁ δείξας: W33 ἔδειξας] [11] πᾶσιν: Coisl218 = Auct. = Sin632 = W33 = Par1568 = Vat1560 ἅπασιν] καλὸς: Sab208 καλῶς] ἀπλανῆ: Sin632 πίστιν] [12] ἀναλάμψας: Par1575 εὖ ἀθλήσας]

στεφανίτης: Sab208 = Par1568 στεφανῖτα] τῶν: Vat1560 καὶ] [15] ἐμείωσαν: Sin631 = Marc ἐμείωσας: Vat1560 ἐνέκρωσαν] τῇ ἀπαθείᾳ: Coisl218 = Auct. = NBKM = Par245 = Sab71 = Sab208 = Βτπ1114 = Sin630 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 = Sin639 = Marc = Par1568 = Vat1560 θαυματουργίαις] διαλάμψαντες: Sab71 ~τος (!)] τῷ λαῷ Σου: Sin630 = Sin631 πᾶσιν, Λόγε] ὁ τοῖς: Par1575 ὡς ~] [18] κατεβεβλήκασι: Coisl218 = NBKM = Par245 = Par1575 = Sab71 = Sab208 = Βτπ1114 = Sin630 = Sin631 = Sin1627 = Sin639 = Marc = Par1568 καταλελύκασι] σαφῶς: Sab71 στερρῶς: Sab208 *нет*] [18-19] κλέος παρὰ πάντων ἀπηνέγκαντο: Par1575 ~ ἐκληρώσαντο: Sab71 ~ ἐκομίσαντο: Sin632 δόξ(ης?) μετὰ τέλος <...>θησαν] [19]Χριστέ: Coisl218 Χ(ριστό)ς] Χριστὲ, πρεσβείαις: Sab71=Βτπ1114 ταῖς ἱκεσίαις] [20]ἀναφανέντες: Par1568 ἀναδειχθέντες] [21] Οσιοι: Sin639 θεῖοι] [21-22] ὅθεν μετὰ τέλος μακαρίζεσθε: Sab71 = Vat1560 ~ μακαρίζεσθαι (!): Par1568 πλάνην δυσειδῆ ἐκτιναζάμενοι] τὴν θείαν: Auct. πιστῶς] [24] ἀληθῶς: Cr23 = Cr12 = NBKM = W33 = Sab71 = Βτπ1114 ἀληθεῖ: Sin632 = Sin631 = Sab208 = Par1575 = Vat787 = Sin1627 ἀληθῆ] [25] τῷ: Cr23 καὶ] ψάλλοντας, ἐνθέως καταυγάσατε: Sab208 ᾄσωμεν: Cr23 ψάλλοντας: Par1575 ψάλλοντας ἐνδόξως] ὅθεν πρὸς ἀνέσπερον, αὐγήν μετεβιβάσθητε: Cr23 ἔνθεος ἀνακράζοντες τῷ Κ(υρί)ῳ ᾄσωμ(εν)] καταυγάσατε: Vat787 καταυγάζεσθαι] [26] φορὰν: Par1568 φθορὰν] [27] ὅλῳ: Vat787 ὅλον] [27-28] Πατέρες... μετεβιβάσθητε: Sab71 συμφώνως ἀναμέλποντες· τῷ Κ(υρί)ῳ ᾄσωμεν] [29] Πάτερ σοφὲ: Cr12 ~ πάνσοφε: Vat787 = Sab71 πάνσοφε] [31]μοναζόντων γέγονας: Cr23 = Cr12 = Sab208 = Vat787 = NBKM = W33 = Par1575 = Βτπ1114 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 = Par1568 = Vat1560 μοναστῶν γεγένησαι] μοναζόντων... μακαρίζομεν: Sab71 ὅσιε, ἐδείχθης καὶ κανῶν ἀρειῆς (!)] [32] Δεδοξασμένη: W33 = Par1575 Δεδοξασμένον] [33] Αγνή ἐν: Cr23 = Sab208 = Vat787 = W33 = Βτπ1114 =Sin632= Sin631 = Sin1627 = Par1568 = Vat1560 ἐν τῇ: Cr12 θερμῆς] Αγνὴ ἐν διανοίᾳ: Par1575 ἐν τῇ καρδίᾳ μου] [34] μεγαλύνασαν: Par1575 μεγαλύνουσαν] [35] ἀνατολῆς˙Οσιε: Cr23 ὁ νοητὸς ἥμος: Vat1560 ἀνατολὴν˙οσιε] ὡρμημένον: Cr23=Cr12=Sab71= Vat787 ορμημένον] Ισάκιε: Par1568 = Vat1560 Ισαάκιε] [36] σκότος: Vat1560 σκότους] τοῖς λόγοις σου καταφαιδρύνοντα: Cr12 = Vat787 ~ καταφωτίζοντα: Cr23 αἱρέσεως νῦν ἐκλυτρούμενοι] [37] ἀγώνων σου: Vat787 ἀγέλων, ὦ π(άτ)ερ, σὺ] [40] ἀπαύστοις: Cr23 ἐνθέοις: NBKM ἀπαύστως] πάντα... πάθη: Cr23 = Cr12 = Vat787 = NBKM = Sab71 = Sab208 = W33= Βτπ1114 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 = Par1568 = Vat1560 πάθη ... πάντα] [41]κατακοιμίσαντες: Cr23 = Cr12 = Vat787 κατακοιμήσαντες] ἀναφαίρετον: Sab208 ἀναφέρετον (!)] [43] ῞Οσιε: Cr12 ἔνδοξε] [44] ὑπερλάμπροις: Cr12 ὑπερτάτοις] [45] Παρθένε: Cr23 θεόφρον] [51] ἐνεργοῦντι: Vat787 δωρουμένῳ] [54] φωτοειδεῖς: Sab71 φωτοειδῆς (!)] ἐλίπετε: NBKM = Βτπ1114 = Sin1627 καταλίπετε: Par1568 ἐλύσατε] [55]ἔργοις: Βτπ1114 = Sin1627 ἐν ~ : Sab208 *нет*] ἐνθέοις: Sab71 ἐνθέως] πυρσεύοντες: Par1575 περιστεύοντες (!)] [56]ὑμῶν: Sin631 ἡμῶν (!): Vat1560 ἡμὸν (!)] γεραίρομεν: Sab208 γεραίρωμεν] [57]κραυγάζομεν: Sab208 κραυγάζωμεν] πανόλβιοι: Par1575 πανεύφημοι: Vat1560 μακάριοι] [59] γεγόνατε: Cr23 = Sab208 = NBKM = W33 = Par1575 = Βτπ1114 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 = Par1568 = Vat1560 γενόμενοι: Cr12 = Sab71 = Vat787 ὑπάρχοντα] βλύσαντες σωτήριον: Cr23= Cr12= Vat787= NBKM= Sab71= Sab208 = W33 = Par1575 = Βτπ1114 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 = Par1568 = Vat1560 ἔβλυσαν οἱ ὅσιοι] [60]καθαρᾶς: Cr23= Cr12 = Sab71 = Vat787 = NBKM

= Par1575 = W33 = Втп1114 = Sin1627 καθαρὸν] [61] σὲ πάντες: Cr23 = Cr12 = Sab71 = Sab208 = W33 = Втп1114 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 = Par1568 πάντες σε] ἔγνωμεν: Vat787 ἐπέγνωμεν] [62] ἐκκρουόμενον: Sab71 καταισχύνοντα] Vat1560 ἐκκρουόμενος] [63] τῶν: Cr23 = Втп1114 τὸν] ὑπερέχειν: Par1568 ~χων] [64] κλεϊζόμενον: Cr23 ~νος] ἀμελείας: Cr23 ~λίας] [65] Ἀγνὴ: Cr23 = Cr12 = Sab71 = Vat1560 Κόρη] [66] διανάστησόν: Cr23 ἐξανάστησόν] διανάστησόν με πρὸς μετάνοιαν: Cr12 = NBKM = Sab71 = Sab208 = Par1575 = W33 = Втп1114 = Sin632 = Sin631 = Sin1627 πρὸς μετάνοιάν με νῦν ἐξέγειρον: Par1568 πρὸς μετάνοιάν με χειραγώγησον] [67] Βασιλίδα τῶν πόλεων γέγονας: Vat1560 βασιλεύουσαν πόλιν γεγένησαι] [68] γεννήματα: Par1575 = Sab71 = Sab208 = W33 = Втп1114 = Sin1627 = Par1568 γενήματα] λύμην: Cr12 πλάνην: Vat787 = Sin631 λοίμην: Sin632 = W33 = Par1575 λύσσαν: Sab71 λίμην (!)] [69] Ισάκιε: Vat1560 Ισαάκιε]

КОММЕНТАРИЙ

Икос првмч. Стефану

Синтаксис древнейшего перевода требует следующего прочтения: “Ощущая цветы рая благодаря их прекрасному благоуханию – ибо он [т. е. рай] наполняет им всю вселенную – странное удивляет меня видение” и проч. (Dostál, Rothe 1980: 133) Второй перевод может быть прочитан так: “Видя райские цветы и [ощущая] прекрасные его [т.е. рая] благоухания, наполняющие всю вселенную” и проч. Текст второго перевода со слова **иижє** до слова **мѫчєнию** не поддается осмыслению в том виде, в каком он представлен в рукописях. Точный славянский текст, соответствующий греческому синтаксису, представлен только в третьем переводе: “Видя райские цветы, наполняющие своим прекрасным благоуханием всю вселенную” и проч.

Канон прпп. Исаакию, Далмату и Фавсту (творение прп. Иосифа песнописца [Τωμαδάκη 1971: 183])

Ирмос первой песни

Ирмос передан по-разному во втором и третьем переводах. Зачала ирмоса в древнейшем и во втором переводах совпадают, однако древнерусский текст песнопения, изданный Э. Кошмидером, отличается от того, который представлен в НБКМ114: **Посѣщєнъıи. несѣкомаго пре/сѣ҃ıе. и видѣ сълнце ꙁемлю / иѣже нѣ ... ѣлъ. лютаа/го врага вода потопила ѥсть. / и непроходимоѥ проиде иꙁдра/иль. пѣснь же въспѣваше сѧ. / господеви поимъ. славьно бо прослави сѧ ∴** (Ἡ κεκομένη τὴν ἄτομον ἔτεμε· καὶ εἶδεν ἥλιος γῆν ἣν οὐκ ἐθεάσατο· αλλαστορα (!) [так в изд.! – вм. ἀλάστορα; – *Р. К.*] ἐχθρὸν τὸ ὕδωρ κατεπόντισε· καὶ ἄβατον διῆλθεν Ἰσραήλ· ᾠδὴ δὲ ἀνεμέλπετο· τῷ Κυρίῳ ᾄσωμεν ἐνδόξως γὰρ δεδόξασται) (Koschmieder 1952: 255–256).

Второй тропарь первой песни

Слово **обители** во втором переводе – результат неверно понятой греческой формы μόνα, смешанной с μονή “обитель, жилище; монастырь”; чтение **тлѣнна** второго перевода восходит к вторичному варианту φθορὰν, засвидетельствованному в одном из гре-

ческих списков. Несогласованное определение τῶν ῥεόντων осталось в версии НБКМ114 непереведенным. В результате утратилась исходная антитеза, звучащая в греческом тексте: "движение, изменение – пребывание в покое". Во втором переводе антитеза иная, в первом ее члене утрачен смысловой оттенок изменения, течения: "тленное" в ней противопоставлено "пребывающему". Контекстное значение "неизменное пребывание в одном и том же состоянии" первым славянским переводчиком выражено с помощью существительного **бѫдѫщаꙗ**, являющегося субстантивированным причастием в форме мн. ч. ср. р., образованным от основы настоящего времени **бѫд-** неясной этимологии (ЭССЯ II, 233–234). "Особое положение данной формы [**бѫд-** – *Р. К.*] в глагольной парадигме (своеобразный презенс в роли будущего времени)" (ЭССЯ II, 233) создало трудности для ряда исследователей, пытавшихся определить семантику древнеславянского причастия **бѫдъı**. Согласно Г. Ланту, "the participle **бѫдъı**, **бѫдѫштн** etc. means 'future' " (Lunt 1974: 122). Исторические словари SJS I (161), СДРЯ I (322) отмечают у причастия настоящего времени значения "предстоящий, будущий; потусторонний, загробный (о будущей жизни)". Однако уже Ф. Миклошич указывал на то, что от основы **бѫд-** образовывалось также причастие настоящего времени ("thema praesentis, utpote verbi perfectivi significantis; imperativi; participii praesentis, plerumque futurum indicantis; rarius imperfecti") со значением "existens" (Miklosich 1862–1865: 54). Значение "существующий, находящийся, пребывающий; такой, который будет существовать, пребывать, находиться" выявлены у причастия *будущий* А. Н. Шаламовой, ср. также: "**БУДУЧИЙ**, *прич. от* **быти**. 1. *Находящийся, пребывающий*" и "**БУДУЧИ**, *дееприч. от* **быти**. *Находясь, пребывая*" (СлРЯ I: 347). Значениям, описанным Ф. Миклошичем и А. Н. Шаламовой, соответствует семантика субстантивированной формы **бѫдѫщаꙗ** (**боудоущаꙗ**) "то, что неизменно; пребывающее, находящееся в покое". На такое значение ясно указывает греческая параллель μένοντα. Это значение существительного *будущее* не отражено в исторических словарях (в СлРЯ I: 347 s. v. "**БУДУЩЕЕ**, *с.* и **БУДУЩАЯ**, *мн.*" указаны значения "1. *Будущее; то, что должно наступить*" и "2. *Загробная жизнь, вечность*").

Третий тропарь первой песни канона

Обращают на себя внимание разные переводы метафоры, содержащейся в греческом тексте: наставления игумена Исаакия подобны крыльям, на которых его ученик и преемник Долмат поднимается к высоте добродетелей. Эта метафора взлета на крыльях полно передана только в третьем переводе. В древнейшем переводе образ крыльев устранен и метафора стала более простой для восприятия, а во втором переводе отражено слишком буквальное понимание греческого πτερόω "снабжать перьями".

Богородичен первой песни

Эпитет **неполезнъıйѣ** второго перевода – еще одно свидетельство свободного обращения с исходным греческим текстом. В результате выбора этого слова утрачена антитеза, в основе которой лежит figura etymologica: "О Прославленная, избавь меня от бесславия страстей!"

Вторая песнь

Из-за пропуска второй песни в греческом тексте нарушается акростих: Φαιδ<ροὺς> ἀνυμνῶ τῶν Μοναστῶν ἀστέρας, Ὁ Ἰωσήφ. Эта песнь сохранилась в нескольких руко-

писях, на две из них указал Е. Томадакис (Τωμαδάκη 1971: 183(1)): "Crypt.Δ.α. XII, f. 19^{v} καὶ Δ.α.XIII, f. 157". Шифр второй рукописи назван неточно, на самом деле имеется в виду минея из собрания монастыря Гроттаферрата Δ.α.XXIII (в нашем издании: Cr23). Кроме этих двух источников, вторая песнь канона прп. содержится еще в двух известных нам источниках: Sin632, f. 17^{v} и Δ17, f. 29^{v}. Опора на греческие рукописи, отражающие более позднюю традицию с отсутствующей второй песней, – характерная особенность второго и, тем более, третьего переводов.

Первый тропарь третьей песни

Рожденный на Сицилии константинопольский поэт и пресвитер прп. Иосиф песнописец (Τωμαδάκη 1971) назвал сирийца прп. Исаакия (Beck 1959: 213; Volk 1960: 774–775; BHG II 43) "звездой Востока" (а в первом тропаре пятой песни – "переселенцем с Востока"). Ближайшим источником сведений для гимнографа является известное и в древнеболгарском переводе житие, где сказано, что прп. Исаакий жил "въ поустыни на въстокѣ · <...> тъ по ѳбъиждю · / съ небесе божии гласъ слъышавъ · ве/лѣште сѣнити ѿзъ поустынѫ · и прити въ градъ конѣстатинѣ · не ѳсл8/шавъ сѧ сѣниде ѿзъ поустынѫ · и/ приде въ нарѣченъıи градъ" [ἐν τῇ ἐρήμῳ τῆς Ἀνατολῆς <...>. Οὗτος κατὰ τὸ εἰωθὸς θείας οὐρανόθεν ἀκούσας φωνῆς, παρακελευομένης κατιέναι τῆς ἐρήμου, καὶ ἐλθεῖν ἐπὶ τὴν Κωνσταντινουπόλιν, μὴ ἀπιστήσας ... κάτεισιν ἐκ τῆς ἐρήμου, καὶ καταλαβὼν τὴν προλεχθεῖσαν πόλιν...] (Супр 401). Традиционное метафорическое представление святого как звезды (ср. акростих канона и третью стихиру на "Господи, воззвах") осложнено оксюмороном: прп. Исаакий – "пришедшая в движение неподвижная звезда Востока". Древние разделяли звезды на неподвижные, собственно звезды в нашем понимании, и подвижные – планеты. Неподвижные звезды "gelten als Symbole der kosmischen Ordnung wegen ihres Weges um den Polarstern (*Weltachse*), ebenso als Sinnbilder des nicht immer erkennbaren "*Lichtes* von oben"..." (Biedermann 2004: 421). В отличие от неподвижных звезд, подвижные звезды, ἀστέρες πλανῆται, или планеты, "nicht dem Gang der Fixsterne um den Himmelspol folgen, sondern scheinbar eigene Wege gehen" (Biedermann 2004: 343). Сопоставление святого с "подвижной" звездой может вызывать нежелательные ассоциации, ср. библейский образ "звезд блуждающих", "которым блюдется мрак тьмы на веки" (Иуд 1:13). Неслучайно характерным состоянием праведников на небесах является именно отсутствие поступательного движения: они либо "предстоят" перед престолом Владыки, либо "кружатся" вокруг него. Если же поступательное движение служит символом земной жизни святого или праведника, то оно обязательно предполагает благую цель, которая мыслится как смысл самой жизни, ср. образ души, стремящейся к Богу, подобно жаждущей лани, в Пс 41:2 (ср. также Пс 17:34). Такая цель в первом тропаре первой песни канона не видна. Однако созданный поэтом образ и подвижной, и неподвижной звезды имеет свои смысловые параллели. Прп. Иосифу песнописцу и его современникам была известна одна звезда, которая взошла на Востоке, сочетая в себе свойства звезд подвижных и неподвижных (Мт 2:2–10), в своем слове на Рождество Христово свт. Василий Великий писал о ней так: "Οἱ <..> τῇ κτίσει συγκαταβληθέντες ἐξ ἀρχῆς ἤτοι ἀκίνητοι εἰσι διὰ πάντος, ἢ τὴν κίνησιν ἄπαυστον ἔχοντες. <..> ὁ δὲ φανεὶς οὗτος ἀμφότερα φαίνεται ἔχων, καὶ κινούμενος καὶ ἱστάμενος. <..> Ἐκινήθη μὲν γὰρ ἀπὸ

ἀνατολῶν μέχρι Βηθλεέμ· ἔστη δὲ ἀπάνω οὗ ἦν τὸ παιδίον [собранные на тверди (звезды) изначально либо все время неподвижны, либо находятся в постоянном движении; <…> а эта самая (звезда), явившись, светится, обладая обоими (свойствами), будучи и подвижной, и стоящей. <…> Ибо она двигалась с Востока до Вифлеема, а остановилась над тем местом, где был Младенец]" (PG 31: 1472). Оксюморон, с помощью которого прп. Иосиф песнописец создал свой образ, в переводах отсутствует: славяне не имели собственной астрономической терминологии, использованной византийским поэтом. Древнейший славянский переводчик назвал прп. Исаакия "неложной путеводной звездой Востока", избежав непонятного его слушателям или читателям научного противопоставления "подвижных" и "неподвижных" звезд. Переписчик С168 или его предшественник ошибся в передаче эпитета **въстоуьнъıи**, несомненно содержавшегося в архетипе перевода: на его месте появилось невнятное **въуьстьноую**. Д32 наследует ошибку древнерусского списка, по-своему ее "исправив": **въуьстьноую** передано как **всеуьстьноую**. По пути адаптации пошел и второй переводчик, назвав прп. Исаакия "неложной звездой, восшедшей на Востоке". Третий перевод, хотя и наиболее близкий греческому тексту с точки зрения соответствия количества лексем и порядка слов, оказался наименее удачен в художественном отношении: образ "устремившейся верной звезды Востока" предполагает цель этого стремления, которая не указана, поскольку глагол **оустрѣмитисѧ** лишен обязательного объекта.

Третий тропарь третьей песни

В завершение укажем на одну ошибку второго перевода, вызванную тем, что переводчик не увидел описку в своем греческом источнике, где, по-видимому, находилось написание ἀναφέρετον вместо ἀναφάιρετον. Ошибочная форма ἀναφέρετον, вызванная совпадением дифтонга *ai* с *e*, действительно известна в рукописях, она отражена в критическом аппарате к греческому тексту. Причиной неверного перевода послужили ее паронимические связи с глаголом ἀναφέρω.

СОКРАЩЕНИЯ

СДРЯ I	Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. Т. I. Москва, 1988.
СлРЯ	Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1. Москва, 1975.
ЭССЯ II	Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2. Москва, 1975.
AHG XII	Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris. J. Schirr consilio et ductu ed. [T.] XII. Canones Augusti. A. Proiou coll. et instr. Roma, 1980.
BAV	Bibliotheca Apostolica Vaticana, Città del Vaticano
BL	Bodleian Library, Oxford
BNF	Bibliothèque Nationale de France, Paris
BNM	Biblioteca Nazionale Marciana, Venezia

Crypt	Badia Greca di Grottaferrata, regione Roma[22]
ÖNB	Österreichische Nationalbibliothek, Wien
Sab	Монастырь св. Савы Освященного (Иерусалимский патриархат)[23]
Sinai	Монастырь св. Екатерины (г. Синай)[24]
SJS I	Slovník jazyka staroslověnského. T. I. Praha, 1966.
ΛΜ	Λαύρα Μεγάλη (Ἅγιον Ὄρος)[25]
ΜΒ	Μονὴ Βατοπεδίου (Ἅγιον Ὄρος)

ИСТОЧНИКИ

Славянские

Издания

Супр	Супрасълки или Ретков сборник. Увод и коментар на старобълг. текст Й. Заимов. Подбор и коментар на гръцкия текст М. Капалдо. Т. 1, С., 1982. Т. 2, С., 1983.

Рукописи

БАН20	БАН, Сб. 10, № 20. Сер. XIV в. Служебная минея за август. Сербский извод. (Кодов 1969: 40–41)
В69	ÖNB, Cod. slav. 69. Праздничная минея. Нач. XVI в. (Birkfellner 1975: 317–319)

---

[22] Собрание рукописей используется по копиям с микрофильмов, хранящихся в Национальном центре изучения рукописей Центральной Национальной библиотеки Виктора Иммануила II, Рим (Centro Nazionale per lo studio del manuscritto della Biblioteca Nazionale Centrale "Vittorio Emmanuele II" di Roma).

[23] Рукописи используются по копиям с микрофильмов, подготовленных экспедицией Библиотеки Конгресса США в 1949–1950 гг.; доступ к микрофильмам и копии с них получены в Общей и гуманитарной библиотеке Католического университета г. Лювэн ла Нев (Bibliothéque générale et de sciences humaines, Université Catholique de Louvain-la-Neuvé).

[24] Рукописи используются по копиям с микрофильмов, подготовленных экспедицией Библиотеки Конгресса США в 1950 г.; микрофильмы и копии греческих рукописей получены в Общей и гуманитарной библиотеке Католического университета г. Лювэн ла Нев; копии славянских рукописей получены в БАН.

[25] Греческая рукопись Великой Лавры Δ 17 изучалась по микрофильму в Патриаршем институте святоотеческих исследований, Фессалоники (Πατριαρχικὸν ἵδρυμα πατερικῶν μελέτων, Θεσσαλονίκη).

Д32	Собрание рукописей монастыря Высокие Дечаны (Високи Дечани, Косово[26]), № 32. Служебная минея за июль и август. Кон. XIII – нач. XIV в. Сербский извод. (Богдановић 1982: 56)
НБКМ113	НБКМ, № 113. Служебная минея со службами с 29 июня по 31 августа. Болгарский извод. (Цонев 1910: 83–85)
НБКМ114	НБКМ, № 114. Фрагмент служебной миней. XIII в. Среднеболгарский извод. (Цонев 1910: 85; Христова, Караджова, Икономова 1982: 31)
НБКМ898	НБКМ, № 898. Праздничная минея. Начало XV в. Болгарский извод. (Стоянов, Кодов 1964: 67; Христова, Караджова, Икономова 1982: 71)
НБКМ901	НБКМ, № 901. Служебная минея на август. XV в. Сербский извод. (Стоянов, Кодов 1964: 68–69)
ОГНБ 1/5	ОГНБ 1/5. Минея праздничная на февраль, апрель, май – август. Вторая половина XIII в. Среднеболгарский извод. (Сводный каталог: 304)
С168	ГИМ, Син.168. XII в. Служебная минея за август. Древнерусский древненовгородский извод (Сводный каталог: 128–129)
Син27	Sinai, Sin.Slav. 27. Праздничная минея (второй почерк с л. 242). Рукопись не датирована[27]. (Clark 1952: 21)
Син28	Sinai, Sin.Slav. 28. Праздничная минея. Рукопись не датирована. (Clark 1952: 21)
Син35	Sinai, Sin.Slav. 35. Сборник кондаков и отпустительных тропарей; месяцеслов. Рукопись не датирована. (Clark 1952: 21)
Хил148	Афон, монастырь Хиланадарь, № 148. Служебная минея на май – август. 40-е гг. XIV в. Западноболгарский извод. (Matejić 1976: 12; Турилов, Мошкова 1999: 173–174)[28]
Z42	ΛМ, Z42. Праздничная минея на январь – август. Сер. XIV в. (Турилов, Мошкова 1999: 145)[29]

[26] В настоящее время рукописное собрание эвакуировано в Белград и находится в Библиотеке Сербской академии наук и искусств. Источник используется по распечатанной с микрофильма копии, хранящейся в НБКМ.

[27] Датировки всех синайских рукописей содержатся в каталоге М. Камила (Kamil 1970: 148). Качество описания греческих и славянских рукописей в этом каталоге вызвало столь сильные критические отзывы (Tarnanidis 1988: 56; Richard 1995: 747), что использование содержащихся в нем сведений не представляется возможным.

[28] Рукопись цитируется по микрофильму, хранящемуся в НБКМ.

[29] Фрагмент копии рукописи любезно предоставлен М. Йовчевой,.

Греческие

Издания

MR VI	Μηναία τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Т. VI. ’Εν῾Ρώμῃ, 1901.

Рукописи

Auct	BL, Bodl. gr., Auct. E. 5. 2 (S.C.5778). Служебная минея на июнь – сентябрь. XIII в. (Wilson, Stefanović 1963: 7–8)
Coisl218	BNF, Coisl. gr. 218. Служебная минея на август. XI в. (Devreesse 1945: 199–200)
Cr12	Crypt. Δ.α.XII. Служебная минея на август. XI в. (Rocchi 1883: 310–312)
Cr23	Crypt. Δ.α.XXIII. Служебная минея на июль – август. XI в. (Rocchi 1883: 323–325)
NBKM	НБКМ, Греч. 22. Служебная минея на август. XII–XIII вв. (Стоянов 1973: 38).
Marc	BNM, Marc. Gr., cl. II, 137B (coll. 1456). Служебная минея на август. Сер. XVI в. (Mioni 1972: 30–31)
Par245	BNF, Par. gr. 245. Служебная минея на июнь – август. XIII в. (Omont 1886: 27)
Par1568	BNF, Par. gr. 1568. Служебная минея на август. XV в. (Omont 1888: 98)
Par1575	BNF, Par. gr. 1575. Служебная минея на март – август. XII в. (Omont 1888: 98)
Sab71	Sab. 71. Служебная минея на июнь – август. XI в. (Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1894: 128–129; Clark 1953: 11)
Sab208	Sab. 208. Повседневная служебная минея на март – август. XII в. (Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1894: 320–322; Clark 1953:11)
Sin630	Sinai, Sin. gr. 630. Служебная минея на июнь – август. XIII в. (Gardthausen 1886: 146–147; Clark 1952: 9)
Sin631	Sinai, Sin. gr. 631. Служебная минея на август. X–XI в. (Gardthausen 1886: 146; Clark 1952: 9[30]
Sin632	Sinai, Sin. gr. 632. Служебная минея на август. X–XI в. (Gardthausen 1886: 146; Clark 1952: 9[31])
Sin639	Sinai, Sin. gr. 639. Служебная минея на март – август. 1484 г. (Gardthausen 1886: 147–148; Clark 1952: 9)

[28] Согласно списку К. Кларка, рукопись датируется XI вв. В современной научной традиции принята датировка В. Гардтхаузена (AHG XII, VII).

[29] Согласно списку К. Кларка, рукопись датируется XII вв. В современной научной традиции принята датировка В. Гардтхаузена (AHG XII, VII).

Sin1627	Sinai, Sin. gr. 1627. Служебная минея на июль – август. 1361 г. (Clark 1952: 14)
Vat787	BAV, Vat. gr. 787. Служебная минея на май – август. XIV в. (Devreesse 1950: 304–305)
Vat1560	BAV, Vat. gr. 1560. Служебная минея на август. XVI в. (Gianelli 1950: 151–152)
W33	ÖNB, Theol. gr. 33. Служебная минея на март – август. XIII в. (Hunger, Kresten 1976: 57–64)
Втп1114	МВ, № 1114. Служебная минея на июль – август. XIV в. (Eustratiades 1924: 194)
Δ17	ΛМ, Δ 17. Служебная минея на июль – август. XIII в. (Eustratiades 1925: 54)

БИБЛИОГРАФИЯ

Богдановић 1982: Богдановић Д., *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (X–XVII века)*. Београд, 1982 (= Српска академија наука и уметности. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Отд. I, Књ. XXXI).

Горский, Невоструев 1917: Горский А. В., К. И. Невоструев. "Описание славянских рукописей Московской синодальной библотеки. Отдел третий: Книги богослужебные. Часть вторая." // ЧОИДР 4 (263), 1917, I–XIV + 1–528 (репринт в: Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Ed.: R. Aitzetmüller, J. Martl, L. Sadnik. T. II. Wiesbaden, 1964).

Добрев 2002: Добрев И., "Каноните за св. Иван Рилски от Георги Скилица" // Palaeobulgarica 2002, № 3, 3–12.

Златарски 1940: Златарски В., *История на Българската държава през средните векове. Т. III. Второ Българско Царство. България при Асеневци (1187–1280)*. С., 1940 (репринт: С., 1994).

Иванов 1931: Иванов Й., *Български старини из Македония*. С., 1931.

Йовчева 2001: Йовчева М., "Старобългарската служба за първомъченик Стефан и Стефан I папа Римски" // СЛ 32, 2001, 21–44.

Йовчева 2004: Йовчева М., "Новоизводният славянски октоих по най-ранния препис в кодексите 19 и 20 от манастира "Св. Екатерина" в Синай." // *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София, 26–28 юни 2003*. С., 2004, 206–234.

Князевская, Коваль, Кошелева, Мошкова 1988: Князевская О. А., Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. *Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Часть первая*. Москва, 1988.

Кодов 1969: Кодов Х., *Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската академия на науките*. С., 1969.

Кожухаров 1974: Кожухаров С., "Неизвестен летописен разказ от времето на Иван Асен II" // ЛМ 18/2, 1974, 123–136.

Кожухаров 1987: Кожухаров С., "Българска литература през XIII в." // *Българска литература и книжнина през XIII век. Агиография. Химнография. Историко-летописни съчинения. Белетристика. Апокрифи.* Под ред. на И. Божилов, С. Кожухаров. С., 1987, 25–37.

Кожухаров 2004: Кожухаров С., *Проблеми на старобългарската поезия. Т. 1.* С., 2004.

Кривко 2005: Кривко Р. Н., "Славянская гимнография IX–XIII вв. в изданиях и исследованиях 1985–2004 гг." // Wiener Slavistisches Jahrbuch, 50. Bd., 2004, 203–233.

Крысько 2004: Крысько В. Б., "Комментарии и указатели" // Соболевский А. И., *Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка.* Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. Москва, 2004, 3–68 (третья пагинация).

Крысько 2005: *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131.* Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. Москва, 2005.

Максимович 2004: Максимович К. А., " 'Пандекты' Никона Черногорца в болгарском переводе XIV века: рукописная традиция и проблемы издания"// *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София, 26–28 юни 2003.* С., 2004, 329–358.

Мурьянов 2003: Мурьянов М. Ф., *Гимнография Киевской Руси.* Москва, 2003.

Пентковский 2001: Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси.* Москва, 2001.

Пентковский 2004: Пентковский А. М., "Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии" // *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София, 26–28 юни 2003.* С., 2004, 153–172.

Сводный каталог: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.

Соболевский 1884: Соболевский А. И., "Очерки по истории русского языка" // Соболевский А. И., *Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка.* Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. Москва, 2004, 48–50 (первая пагинация).

Стоянов 1973: Стоянов М., *Опис на гръцките и други чуждоезични ръкописи в Народна библиотека "Кирил и Методий".* С., 1973.

Стоянов, Кодов 1964: Стоянов М., Х. Кодов. *Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. III.* С., 1964.

Турилов, Мошкова 1999: Турилов А. А., Л. В. Мошкова. *Славянские рукописи афонских обителей.* Фессалоники, 1999.

Търновската школа: *Търновската книжовна школа. 1371 – 1971. Международен симпозиум. Велико Търново, 11–14 октомври 1971.* С., 1974.

Христова, Караджова, Икономова 1982: Христова Б., Д. Караджова, А. Икономова. *Български ръкописи от XI до XVII век запазени в България. Своден каталог.* Т. I. С., 1982.

Цонев 1910: Цонев Б., *Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София*. Т. 1. С., 1910.

Цонев 1923: Цонев Б., *Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека.* Т. 2. С., 1923.

Beck 1959: Beck H.-G., *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich.* München, 1959 (= Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumwissenschaft. 12. Abteilung, 2. Teil, 1. Bd.).

Birkfellner 1975: Birkfellner G., *Glagolitische und Kyrillische Handschriften in Österreich.* Wien, 1975 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philologisch-Hist. Klasse. Schriften der Balkankomission. Linguistische Abteilung. XXIII).

Biedermann 2004: Biedermann H., *Knaurs Lexikon der Symbole*. München, 2004.

Clark 1952: Clark K. W., *Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery, Mount Sinai, microfilmed for the Library of Congress, 1950.* Washington, 1952.

Clark 1953: Clark K. W., *Checklist of Manuscripts in the Library of the Greek and Armenian Patriarchates in Jerusalem, microfilmed for the Library of Congress, 1949–1950*. Washington, 1953.

Delehaye 1895: Delehaye H., "Le Synaxaire de Sirmond" // AB XIV, 1895, 396–434 (reprint: Delehaye H., *Synaxaires byzantins, ménologes, typica. Avant-propos de F. Halkin*. London, 1977, 396–434).

Devreesse 1945: Devreesse R., *Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs. II.* Paris, 1945.

Devreesse 1950: Devreesse R., *Codices Vaticani Graeci. T. III. Cod. 604–866*. Vatican, 1950.

Dostál, Rothe 1980: *Der altrussischer Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagoveščenskij Nižegorodskij Kondakar'. T. V: Das Kirchenjahr 3: April bis August.* Hrsg. von A. Dostál, H. Rothe unter Mitarbeit von E. Trapp. Giessen, 1980 (= Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. Hrsg. von H.-B. Harder, H. Rothe. Editionen (3). Bd. 8,5).

Eustratiades 1924: *Catalogue of the Greek manuscripts in the library of the monastery of Vatopedi on Mt. Athos by S. Eustratiades and Arcadios of the monastery of Vatopedi, deacon*. Cambridge (Mass.), 1924 (= Harvard Theological Studies. XI. Ed.: G. F. Moore, J. H. Ropes, K. Lake).

Eustratiades 1925: *Catalogue of the Greek manuscripts in the library of the Laura on Mount Athos with notices from other libraries by Spyridon of the Laura, monk and physician, and S. Eustratiades*. Cambridge (Mass.), 1925 (= Harvard Theological Studies. T. XII. Ed.: G. F. Moore, J. H. Ropes, K. Lake). (Reprint: New York, 1969.)

Follieri 1961: Follieri H., *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae. T. II (Η – Ξ)*. Città del Vaticano, 1961.

Follieri 1962: Follieri H., *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae. T. III (Ο – Σ)*. Città del Vaticano, 1962.

Follieri 1971: Follieri H., "The 'Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae' – Bibliographical Supplement" // *Studies in Eastern Chant. T. II*, 1971, 35–50.

Follieri 1977: Follieri H., "Il libro greco per i greci nelle impresse editoriali romane e veneziane della prima metà del cinquecento" // *Atti del II Convegno Internationale di Storia della Civiltà Veneziana. II*. Firenze, 1977, 483–508.

Gardthausen 1886: Gardthausen V., *Catalogus codicum graecorum sinaiticorum*. Oxonii, 1886.

Gianelli 1950: Gianelli C., *Codices Vaticani Graeci. Codices 1485–1683*. Vatican, 1950.

Hunger, Kresten 1976: Hunger H., O. Kresten. *Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Teil 3/1. Codices theologici 1–100*. Wien, 1976.

Jagić 1886: Jagić V., *Menaea septembris, octobris, novembris*. Petropoli, 1986.

Kamil 1970: Kamil M., *Catalogue of all manuscripts in the Monastery of St. Catharine's on Mount Sinai*. Wiesbaden, 1970.

Koschmieder 1952: Koschmieder E. (Hrsg.), *Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. 1. Lfg*. München, 1952 (= Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Neue Folge. Hft. 35).

Legrand 1885–1906: Legrand H., *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs au XVe et XVIe siècles. I–IV*. Paris, 1885–1906.

Lilla 1985: Lilla S., *Codices Vaticani graeci. Codices 2162–2254*. Vatican, 1985.

Lilla 1996: Lilla S., *Codices Vaticani graeci. Codices 2644–2663*. Vatican, 1996.

Lunt 1974: Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*. 6th ed.,. The Hague, Paris, 1974.

MacRobert 1995: MacRobert C.-M., "Problems in the Study of the 'Athonite' Redaction of the Psalter in South Slavonic Manuscripts" // *Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Зборник радова са III међународне Хиландарске конференције, одржане 28–30 марта 1989*. Београд, 1995, 195–213.

Marti 1989: Marti R., *Handschrift – Text – Textgruppe – Literatur. Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühren Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunders*. Wiesbaden, 1989.

Matejić 1976: Matejić M., *Hilandar Slavic codices. A Checklist of the Slavic Manuscripts from the Hilandar Monastery (Mount Athos, Greece)*. Columbus (Ohio), 1976.

Miklosich 1862–1865: Miklosich F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, 1862–1865.

Mioni 1972: Mioni E., *Bibliothecae Divi Marci Venetiarum codices graeci manuscripti. Vol. I. Codices in classes a prima usque ad quintam inclusi. Pars altera. Classis II, codd. 121–198 – classes III, IV, V. Indices*. Roma, 1972.

Omont 1886: Omont H., *Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Première partie. Ancien fonds grec. Théologie*. Paris, 1888.

Omont 1888: Omont H., *Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Seconde partie. Ancien fonds grec. Droit – histoire –sciences*. Paris, 1888.

Richard 1995: Richard M., *Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs de Marcel Richard.* Troisième édition entièrement refondue par J.-M. Olivier. Turnhout, 1995.

Rocchi 1883: Rocchi A., *Codices Cryptenses seu abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano digesti et illustrati cura et studio D. Antonii Rocci, hieromonachi basisliani bibloithecae custodis*. Tusculani, 1883.

Tarnanidis 1988: Tarnanidis I. C., *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki, 1988.

Volk 1960: Volk O., "Isaak, hl." // Höfer J., Rahmer K. (Hrsg.), *Lexikon für Theologie und Kirche*. IV. Bd. Freiburg, 1960, 774–775.

Wilson, Stefanović 1963: Wilson N. G., D. I. Stefanović. *Manuscripts of Byzantine Chant in Oxford*. Oxford, 1963.

Λάδα, Χατζηδημού 1976: Λάδα Γ., Χατζηδημού Α., *Προσθήκες, διόρθωξις καὶ συμπλερώσεις στήν Ελληνική βιβλιογραφία τού Émile Legrand*. Αθήνα, 1976.

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1894: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α., *Ἱεροσολυμιτίκη Βιβλιοθήκη, ἤτοι Καταλόγος τῶν ἐν ταῖς Βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου Πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἑλληνικῶν κωδικῶν. Τ. ΙΙ*. S. l., 1894.

Τωμαδάκη 1971: Τωμαδάκη Ε., *Ἰοσήφ ὁ ὑμνογράφος. Βίος καὶ ἔργον*. Εν Αθήναις, 1971.

Несколько слов об авторе . . .

Роман Николаевич Кривко (р. 1972 г.), выпускник Московского педагогического государственного университета (ранее: Московский государственный педагогический институт), кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской Академии наук (отдел исторической лексикографии и исторической грамматики), автор ряда статей по истории славянской письменности и теории орфографии. В периоде сентябрь 2004 – октябрь 2005 гг. был стипендиантом австрийского Фонда развития научных исследований и в качестве временного научного сотрудника работал в Институте славистики Венского университета.
Эл. почта: rkrivko@yandex.ru

SCRIPTA
& e - SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

The Slavonic Text of *Acta Thomae in India*

Boryana Velčeva
Andrei Bojadžiev

The most popular Slavonic text from the *Acta Thomae* encompasses the first two parts of his adventures in India. Thus the apocryphal work was distributed on Bulgarian territory in the Middle Ages and even to the 19th century in two linguistic versions – in the Old Bulgarian literary language and in Modern Bulgarian. As regards Old Bulgarian literary language one finds the text in MS No. 1039 from the St. Cyril and St. Methodius National Library in Sofia (CMNL) – a collection of vitas dating from the 14th century with Serbian orthography (Ivanova 2002; Ivanova 2005); in the 17th century Kostenec damascene, MS №503 CHAI with Resava orthography, and others (SBL 1981: 384–387). The oldest Modern Bulgarian miscellanies, which feature the work, are 17th century damascenes. It is precisely in damascenes that the piece is found in numerous copies. There are important observations about its proliferation in the study of E. Demina (Demina 1968: 97–100). Three of the copies have been published (Miletič 1908: 1–7; Ivanova 1967: 69–77; Demina 1971: 89–94). For the text see also the notes to the published translation in Bulgarian (SBL 1981: 384–387). At the same time, between the text in MS № 1039 and the text in *Kost.*[1] There are differences that mainly consist of the presence or absence of small excerpts in the text and are evidence of a common ancient Slavonic archetype.

We recently witnessed the appearance of a study by Margaret Dimitrova on the *Acta Thomae* in a manuscript with Greek writing dating from the beginning of the 19th century – № 369 CHAI. The text is related to the copies in Modern Bulgarian damascenes, the language including numerous new features and Turkish words. Bearing in mind previous observations on separate stories of ancient language in MS № 1039, Margaret Dimitrova makes the assumption that the apocryphal story about Apostle Thomas may also have been translated in the Old Bulgarian age.[2]

---

[1] The abbreviations are given at the end of the article, before the bibliography quoted.

[2] We avail ourselves of the occasion to thank M. Dimitrova who gave us her article before its publication.

The objective of the present report is to establish the Greek equivalents of the Slavonic text, to draw the attention of researchers to some old – and proving the antiquity of the translation – words from the *Acta* in MS 1039, as well as to track their fate in later copies.

In Slavonic manuscript tradition the name *Acta Thomae*[3] is attributed to only one part of the text known in the Greek tradition. The fullest copy of the work is contained in MS *U* according to the classification of the author of the critical Greek publication Maximilian Bonnet (Bonnet 1903: XVI–XVII)[4]. This source encompasses 13 stories about the apostle and his "martyrdom". The Slavonic text has preserved only a small part of this work. In the copies we know the text contains only the first two "acta", which are united by a common title. These are *How the Lord Sold St. Thomas to the Merchant Abban and How the Two Went to India* and *The Presentation of Thomas before King Gundafor*. The first act recounts the miracle performed by Thomas at the wedding of the Indian king's daughter and how he converted the newlyweds, and the second relates how the apostle built a celestial palace for King Gundafor. There is a detailed literary, historical and theological introduction into the subject of the Greek text of the *Acta Thomae* in Raabe and Preuschen (Raabe, Preuschen 1904; see also Drijvers 1989).

The Slavonic text of the *Acta Thomae* is closest to the textological group *Γ*, which includes Greek manuscripts from the 9th through the 12th century (Bonnet 1903: 99). What this group of copies share is the omission of the song Thomas sings during the wedding feast. There are also differences within this group. Only manuscript *B*, however, features the two acts translated in Slavonic united under a common title. In the majority of the cases the peculiarities of the Slavonic text can be explained precisely with this Greek copy in mind. Such a comparison of the Slavonic and the Greek text would be important in the case of a critical publication. Here are two examples:

Slavonic text	***Greek text after copy B***
апс҃лъ же зрѣщи на зємлю. єдинѣ же ѿ ученїи задѣши его. възрѣвѣши же на нь апслъ рєч(є) ємѹ.	Ὁ ἀπόστολος[5] δὲ εἰς τὴν γῆν ἀφορῶντος εἰς τῶν οἰνοχόων ἐκτείνας τὴν χεῖρα ἐράπισεν αὐτοῦ. ἐμβλέψας δὲ εἰς αὐτὸν λέγει.

[3] On St. Thomas the Apostle and the texts related to him, together with abundant literature see (Wesseling 1996: 1292-1323).

[4] Manuscript *Romanum Vallicelanum* B 35 of the 11th century.

[5] In the other copies: αὐτού

Ὁ κύριός μου ἀφήσει σοι τὴν ἁμαρτίαν εἰς τὸν μέλλοντα αἰῶνα, εἰς δὲ τὸν κόσμον[6] τοῦτον[7] δείξει θαυμάσια εἰς ἐκείνην τὴν τύψασάν με, καὶ ἴδω αὐτὴν ὑπὸ κυνὸς συρομένην.

ἡ δὲ αὐλήτρια Ἑβραία[8] οὖσα τῷ γένει πάντα ἤκουεν[9] καὶ ἀποστᾶσα ἀπὸ αὐτοῦ ἄλλοις ηὔλει καὶ ὅτε ἐπαύσατο καταυλοῦσα πᾶσιν ἄντικρυς αὐτὸν ἀφορῶσα πότε ἀναλύσῃ ἀπὸ τοῦ συμποσίου ἠγάπητε γὰρ αὐτὸν ὡς ὁμόεθνον[10]

Гѣ мои да w҃дас ти въ боуд(оу)щи вѣкѣ. а въ сьи вѣкѣ да покажетъ оудо на роукоу бьющꙋ мене. и да оузримь ꙗы влаꙋимꙋ

свирал҃ница же въсе разꙋмѣ. и w҃стꙋпи w҃ него инымь свирающе.

и егда пр҃ста свирившꙋим въсѣм противꙋ емꙋ сѣдѣвши възираше на нь да w҃идетъ с пира възлювивши ꙗко земл҃анина.

Unlike the *Acta Thomae* where the Slavonic text shows closeness with the Greek copies from group *Γ*, the *Martyrdom of St. Thomas the Apostle* is based on the Greek group Σ. Of this group manuscript *Z* is close in terms of text to *1039* but regrettably it has not been preserved in its entirety. The closest parallel among the preserved texts could be quoted as *S*, which dates from the 15th century. Compare for example:

1039	*Manuscript S*	*Other Greek copies*
Жѣна моꙋздѣа ц҃ра слышавши w҃ бл҃женѣмь ап҃слѣ Ѳомѣ.	Μισδαίου τοῦ βασιλέως ἡ γυνὴ ἤκουεν τὰ περὶ τοῦ μακαρίου Θωμᾶ τοῦ ἀποστόλου	Μισδαίου τοῦ βασιλέως ἡ γυνὴ ἦν πάνυ εὐτρεπεστάτη τῇ ψυχῇ καὶ τῷ σώματι· ἥτις γνοῦσα τὰ περὶ τοῦ μακαρίου Θωμᾶ τοῦ ἀποστόλου

The Greek and the Slavonic texts follow a structure that probably emerged later and consists of a combination of separate parts of other stories united by a common introduction. This introduction in the Greek publication is not numbered and, according to the copies, is found only in group *Σ* (manuscripts *S* and *Z*, Bonnet 1903: 290

[6] In the other copies: εἰς τὸν νῦν δὲ

[7] Absent in the other copies.

[8] Any mentioning that the flute player was a Jewish girl has been deleted in the Slavonic copies.

[9] In the other copies ἤκουσεν, συνῆκεν.

[10] The last paragraph is found only in copy *B*.

–291). The part originated in the Greek tradition not later than the 13th century and we shall designate it as IN (Introductio) for convenience. Here are the parallels with the separate parts of the Greek texts in this part:

IN (SZ) Μαρτύριον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Θωμᾶ
Inc.: Μισδαίου τοῦ βασιλέως ἡ γυνὴ
Жѣна моꙋздѣа ц҃ра
Exp.: Ἀκούσας δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς μεταπεμψάμενος τὸν ἀπόστολον Θωμᾶν ἐκέλευσεν ἐκδυθῆναι αὐτὸν καὶ στῆναι γυμνόν, καὶ λέγει αὐτῷ (Bonnet 1903: 290–291)
Слы҆шавь же ц҃рь призва а҃пс҃ла ⷭ҃омоꙋ. и повелѣ сьвлѣщїи его и поставити и нага. и рек(е) емоꙋ ц҃рь.

159–170 Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου ἀποστόλου Θωμᾶ
Inc.: Ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἀνήει ὁ ἀπόστολος Θωμᾶς ἐπὶ τὸ ἐγκλεισθῆναι
Exp.: ἔδωκεν καὶ Μισδαίῳ τὴν εἰς αὐτὸν ἐλπίδα· καὶ συνήγετο μετὰ τοῦ πλήθους τῶν πεπιστευκότων τῷ Χριστῷ ...
The parallel texts encompass the part
163–167: Inc.: Δοῦλος εἶ ἢ ἐλεύθερος
рабь ли ѥсї или҆ свободь.
Exp.: δὲ ἀπ' αὐτῶν μικρὸν (absent in *F*) ἤρξατο λέγειν οὕτως (*Σ*)
и ѡ҃стꙋпль же ѡ҃ них(ъ) мало наꙋчѣть гл҃ати сп҃це.

139–148 Πρᾶξις ιβ΄ περὶ Οὐαζάνου υἱοῦ Μισδαίου.
Inc.: Οὐαζάνης δὲ ὁ τοῦ Μισδαίου υἱὸς προσελθὼν τοῖς στρατιώταις εἶπεν·
Exp: οὐδὲν γὰρ κατ' ἐμοῦ εὗρεν.
The parallel texts encompass the part
144–148: Inc.: Κύριε μου Ἰησοῦ Χριστὲ, ἡ ἐλπίς καὶ ἡ πεποίθησίς μου (beginning for group Σ)
Гн҃ мои ї҃с х҃е ѵпованїе и надежде моꙗ
Exp.: οὐδὲν γὰρ κατ' ἐμοῦ εὗρεν.
нищесо҆же на ме да не wбрѣщетъ.
168–170 Inc.: Καὶ ταῦτα εὐξαμένου εἶπεν τοῖς στρατιώταις·
И сп҃це помл҃ив се рек(е) воиномь
Exp.: καὶ ἐγένετο χαρὰ μεγάλη ἐν τοῖς ἀδελφοῖς σὺν τῷ βασιλεῖ ἐπὶ τοῖς παραδόξοις τοῖς γινομένους διὰ τοῦ ἀποστόλου Θωμᾶ ἐν τῷ τόπῳ ἔνθα τὸ αὐτοῦ κατετέθη λείψανον (*FSZ*)
и҆ бꙑваашe радос(тъ) велиꙗ братїи сь ц҃ремь. ѡ прѣславнꙑ҆х(ъ) бываемꙑ҆х(ъ) а҃пс҃ломь ⷭ҃омою. на мѣстѣ идеже положено бы҆с(тъ) тѣло его.

These parallels are proof that the compilation originated on Greek soil probably no later than the 11th–12th century. A more precise dating of the Slavonic translation could be possible in the case of detailed preliminary analysis of the early Byzantine copies. One finds arguments in support of this conclusion in comparison of groups *Γ* and *Σ*. Of all the copies of group *Γ* the text of the *Martyrdom* is present only in the damaged *Z* but the text varies in all four copies:

Γ
B: 99–145, 24: the two stories without the martyrdom[11]
H: 99–145, 24: the two stories without the martyrdom
G: 99–124, 10: contains only the first story
M: 285, 10–288: fragment – contains only the end of the entire cycle about St. Thomas
Z: 285, 10–288: fragment – contains the entire cycle of the three stories about St. Thomas by the order in 1039, alas partially preserved: 99–104, 5; 124–145, 24; 251, 10 – 258, 20; 275, 10–288; 290, 21–291, 16.

If one compares the contents of this group with the cycle that includes the Martyrdom it will come out that, with the exception of the damaged copy in *Z*, the closest one in terms of structure is a later Greek copy dating from the 15th century (*S*). Here is the structure of the texts in group *Σ* in the way it is presented in the publication of Bonnet (Bonnet 1903: XVII):

Σ
F: 99–146, 20; 251, 10 – 258, 20; 275, 10–288; 290, 21–291, 16
L: 251, 10–258, 20; 276, 14–284, 14
S: 99–143, 14; 251, 10–258, 20; 275, 10–288; 290, 21–291, 16
And again *Z*.

In this group the text of *F* follows the First Version of the text of the *Acta*, which is quite different from the Slavonic translation in *1039*. Copies *L* and *Z* are partially preserved, but the existence of the latter may convince scholars that this structure already existed in the 12th century. In this way, of the Greek copies of the *Martyrdom* published until now there are wholesome parallels in structural terms mainly in the later Greek copy *S*. With Z, however, there are also similarities as regards the text itself. As one can see from the listing, the structure in this group is quite varied and only a further research of the Byzantine sources could help resolve the problem of the date of the translation. An isolated, but important problem, for example is the way Slavonic writers convey personal names. Compare for example:

[11] The figures here note the pages and lines in the publication of Bonnet (Bonnet 1903)

Χαρίσιος хасии, харись
Ἰουζάνης сиѕань, сиѕантъ, ѕазъ, озии
Σιφώρ сифоръ, софоръ

Sometimes a different Greek stem can be discerned in the conveyance of personal names:
Μισδαῖος моуздѣи
Μισδέος моуздеи

It becomes clear from the comparison of the Greek texts and the copy included in *1039* that the *Acta Thomae* differ in their translation from the part with the *Martyrdom*. However, the vocabulary of both parts convinces us that the Slavonic text originated in an early age.

It turns out that the version of the Old Bulgarian literary language, which in our case we analyse after MS *1039* and after *Kost.*, contains many ancient and rare words with which in language it approaches the remaining stories in MS № 1039, for which old origin dating from the time of the First Bulgarian Kingdom (9th–11th century) has already been established (Dobrev 1982; Ivanova 2002; Ivanova 2005; Velčeva 2004). We shall give some of them as example.

A rare Bulgarian folk word in the text is the adjective братинъ with the meaning of "brotherly": не можеши братина бо ти ѥс(ть). 181d (cf. also Gerov 1976: 69).

водоважда 'water trough, duct', maybe 'fount, founts' (in the Greek text ἀγωγός τοῦ ὕδατος). In Slavonic historical dictionaries the word translates the Greek ὑδραγωγός, ὑδραγώγον and Latin *aquae ductus* (Miklosich 1862–1865: 70; Sreznevskij 1893: 278 (*водоваждь* and *водоважа*); Avanesov 1988: 453–454). Today dialects feature words like *водотечина*, *водолей* (in the Rhodopes) for "fount, spring", but the word *водоважда* has been lost. Serbian preserves a word *водовађа* as a synonym to both 'duct' (*водовод*) and 'canal, pond, ditch' 'канал, јаз, вада' (RSKNJ 1962: 739–740). The word was also registered in Russian in the 19th century (cf. for example Dal' 1880: 220). In *Kost.* водоважда is substituted for the word водовожь (водовождь?) – another possible Bulgarian word for 'fount'/ 'чешма' that has disappeared.

иго (Gr. ζευγός) In *1039,* asked what he is able to do, St. Thomas responds: дрѣвомь ѕво рала ижеса колеса. Obviously in this case the word иго, ижесе, *pl.* ижеса is used in the old concrete meaning of 'yoke'/'ярем', which is not found even in the oldest manuscripts. The word is not present in any of the other compared copies.

нарѣчие (Gr. δῆλος) The word нарѣчие with the meaning of 'message, notification; explanation'/'съобщение, известие; обяснение' is found again only in the

linguistically ancient *1039*: **и посла нарѣчиѥ к нѥмоу апс҃ль**. With this meaning it is known only in Eastern Slavonic manuscripts. In Old Bulgarian it has been recorded with three examples in *Cod. Supr.* and *Cod. Rila* as 'order, decision, judgment'/ 'нареждане, решение, присъда'. It is precisely the primary meaning of 'notification, message'/ 'казване, съобщение' found in *1039* that was developed in the present term "dialect". In *Kost.* the word is omitted – **посла къ нѥмѹ апс҃ль рєч(є)**. Nor is it found in the 17th century damascenes.

обьщьникъ (Gr. κοινωνός) 'accomplice, comrade / 'съучастник', 'другар' (*1039*). Its usage is also preserved in *Kost.*: **и сътвори наю обьщника єгоже проповѣдѣши...да боудете wбьщьника цр(с)твїа его**. The word is absent from the Bulgarian damascenes: **и да бъдете wбѣщи съ х҃а б҃а моего** (*Tikh.*).

подлъгъ (Gr. περιερχομένη?). An old and rarely encountered word in Old Bulgarian is the preposition **подлъгъ** 'by'/'покрай'. It is known from one instance of usage in *Cod. Supr.* and several examples in early Eastern Slavonic copies of Old Bulgarian works – in *Usp., Izb. 1073*, in Old Testament texts. Then in manuscript *1039* one finds **подлъгъ** with binary prepositional morpheme: **и хож(д)аше свирѣница по подлъгъ всѣхъ. пришьдшо же близь апоcла ста свирѣщи над главою его**. The doubling of **по** could have occurred in the 13th-14th century. A similar doubling of prepositions or prepositional morphemes in adverbs is a characteristic feature of the Bulgarian language, cf. examples like **глаголетъ къ о десняѩ стоѩщиимъ** *Cod. Supr.* (Zaimov, Kapaldo 1982–1983); in Modern Bulgarian *тръгна за към къщи* (headed for home) etc. (see for example Asenova 2002: 103) or adverbs like *нанататък, нанагоре, ототдавна* (way over there, way up, a long time ago) etc. It is interesting that again *1039*, in the *Story of St. Cosmas and Damian* there is an early example of **до довєчера** – with doubling of the prepositional morpheme. In *Kost.* the old preposition **подлъгъ** is substituted for **повєдоу**. The expression is omitted in the 17th century Bulgarian damascenes.

свирильница, свиральница, свирьница, пискательница (αὐλήτρια)[12].

стежеръ (ἱστός).

хлѣбьница (ἀρτοποιεῖον) 'bakery, room in which bread is kneaded and baked'/'пекарня, стая, в която се меси и пече хляб'. The wonderful description of the palace St. Thomas wants to build features plans for a **хлѣбьница на югъ** and **водоважда на сѣверь**. **Хлѣбьница** for a room in which bread is kneaded and baked is an old and rare word. In Sreznevskij it is included only with two examples from late Russian manuscripts. In the present Bulgarian dialects it is found with the meaning

[12] It is interesting that the dictionary edited by Lampe quotes the word only after our text (Lampe 1961: 264).

of 'table-cloth; cloth for covering bread'/ 'месал; кърпа, в която се увива хляб'. In addition to the *Story of St. Thomas the Apostle*, хлѣбьница /'bakery'/ 'пекарня' is also found in one more place in *1039* – in the *Story of St. John the Merciful*. At the same place in this story хлѣбьница is also encountered in the Lavrentiev (Ivan Alexander) codex (Kuev 1981: 74, f. 26v). There the word corresponds to the Greek μαγκίπιον, Latin *manucipuim* (Sophocles 1890: 726); Greek text of the story in (Gelzer 1893: 41 from Chapter XXII, f. 203r). The expression is omitted in the 17th century Bulgarian copies.

цѣньница (τίμημα) 'price, value'/'цена, стойност'. St. Thomas goes to the merchant carrying only the money for which Jesus sold him: и поиде къ авванѹ кѹп'цѹ. нигтоже съ собою носе тькмо свою цѣн'ницѹ еже бѣ възель за него $\overline{\text{хс}}$. The word is absent from the historical Slavonic dictionaries.

уванъць, уванъуи (οἰνοχόος) One of the numerous Proto-Bulgarian words in *1039* is уванъуии 'cup-bearer'/'виночерпец' (cf. also Dobrev 1982). It is preserved in *Kost.* Cf. in *1039*: and единь увануїи ѕаоуши и. in *Kost.*: ѧдинь же ѿ увануїи ѕаоуши его. In MS *1039* there is absence of one of the examples with уваньць and увануии, which is preserved in *Kost.*: и увануїи иже ношааше уваньць ходещи по редѣ. In damascene copies увануии is a word translated with винарь or, descriptively, with one of the servants, while the word уваньць in 17th–18th century Bulgarian damascenes is translated with голѣмата чаша or чешїа вино. An equivalent of уваньць is absent from the published Greek copies.

What is the fate of the old words contained in the linguistically ancient Story of St. Thomas the Apostle in MS № 1039?

1. Most frequently they are substituted for new words. Cf.

1039	*Kost.*	*Tikh.*	*369*
коупити хоте дрѣводѣлиа илию(!) ѕѣдца	коупити дрѣводѣлю или ѕидаѹа	да ище да ѕцѣни маистора дрѣводѣл'ца и ѕиж(д)ника	да тарси мастоур и сазижднік
шконьца же наурѣтавь на вѣстокь свѣта ради	прозо҃ри же наурѣтавь ѿ вѣстокѡмъ свѣта ради	и прозо҃ри на истокь да стори, защо да свѣти, да е видѣло	и пенджері на истоук да да са, защо да сфеті хоубаве да е виделоу

The word **гостинница** is substituted for **гостилница, стоуденець** for **кладенець** and many others. Abundant material of new folk (dialect) words from the 19th century copy can be found in the study of M. Dimitrova (Dimitrova 2005).

2. Omission or descriptive rendition. Such is the case, for example, with omission of the words **свирѣльница** (**свирильница**) in the beginning of the story about the feast in Modern Bulgarian damascenes or a descriptive rendition of the word *чванчии* with *един от слугите що служаха*.

3. Substitution of one realia for others, closer to the everyday life of the writer, which leads to updating the story. For example, in *1039* and in *Kost.* Thomas can make many objects of wood related to sailing – **кѣтрила, крѣмила, стежера, весла корабльѣ**. The Modern Bulgarian writers shortened the list leaving only *ships/кораби* (in the late *369* – *barges/гемии*), maybe because they were far from the sea shore. The lion that tears away the arm of *чванчии*, proved too exotic and became simply the **звѣрь**. Words about separate rooms with fountains or for baking bread were not clear enough for the poor Bulgarian houses of the 17th–18th century. Maybe that is why the words **хлѣбьница** and **водоважда** disappeared to be replaced by a new symbol of a nice house – **ѿпрѣде мѣсто широко и прилично**.

The substitution of one realia for another create the notion of considerable differences in the text, which prove false. One can observe a similar phenomenon in the last example we shall discuss here.

4. "Reconsideration".

In *Kost.* St. Thomas explains that he will begin to build the palace **ѿ сентемврїа и досконуаю мартїа**. In *1039* one finds in this location for the first month **перферїи** and for the second – **ксантик**. The Greek text reads Ἄρχομαι ἀπὸ ὑπερβερεταίου[13] καὶ τελειῶ. Both names, ὑπερβερεταῖος and ξαντικός are according to the Macedonian year and correspond respectively to October and April (Liddel, Scott 1961: 1861, 1187; Lampe 1961: 1438, 931)[14]. Even in part of the Greek texts, however, this section was subjected to reconsideration, at which ὑπερβερεταῖος in part of the tradition (copy G, Bonnet 1903: 126) was substituted for φευρουάριος, and ξαντικός for αὔγουστος. This led to a loss of meaning of this sentence because it is followed by the surprise of the king: **въсако зданїе лѣти зиждет се. а ты хощеши**

[13] ὑπερβεραιτίου in *B.*

[14] Cf. the following text from the *Izbornik* of 1073: **иже во римлѧнѣхъ . наричаютъ сѧ априлъ. отъ ѥлинъ ѯантикъ сѧ именоютъ. и тожде начало оба имата. прьвъı ѯантикоу. прьвъıи и априлю ѥстъ. лѣтоу же начало.** 248г 18-26, **а. ѯанѳикъ ... ѕ. оупєрвереѳеи.** 251c1-8 (Dinekov 1991)

зимѣ видати.[15] As one learns later from the text, Thomas's idea was to receive money for the construction, which he would give to the poor in the winter. Probably the Slavonic writer followed a Greek text similar to G, in reconsidering ὑπερβερεταῖος as февроуарии (cf. the form первары for this month in Miklosich 1862–1865: 560). In the 17th century damascenes Ксантикъ became October, maybe because of the yellow colour of the leaves. Compare with the Byzantine Greek ξαντός 'yellow, blond' /'жълт, рус', (e.g. in Sophocles 1890: 789)[16]. The writer in *Troyan* noticed that the construction of the palace should take place in the winter and changed the text "from October to February" (Ivanova 1967).

One can also call on reconsideration to explain the appearance of сани in the Kostenets damascene. In the beginning of the story in *1039* St. Thomas the Apostle says that he can make рала ижеса колеса and so on. The already ambiguous in the 17th century word ижеса 'yokes/яреми, Gr. ζευγός' was understood as the pronoun иже and syllable са, which was incorrectly restored as сани 'sleighs'/'шейни'. In this way, the word сани in *Kost.* proves an albeit warped connection with the ancient text.

The place where St. Thomas will build the royal palace is described in manuscript *1039* in the following way: бѣ во лѣсно (i.e. woody, Gr. ἀλσώδης) and водно. и wвое имы по wвилию, i.e. a place with many trees and water. Probably the writer of *Kost.* or some other predecessor of his understood the word лѣсно as 'easy, not difficult'/'лесно, нетрудно' and substituted лѣсно for the ancient word лѣто 'convenient/ 'сгодно': бѣ во лѣто воды имѣе по wвилѝѧ (for the word лѣто see Dobrev 1979). By the way, there is no good etymological explanation for the Modern Bulgarian word *easy*. The Modern Bulgarian translator encountered a difficulty and made a free translation: видѣ онова мѣсто хоубаво и вода мнwго и прилично (*Tikh.*), виде ѕнѣи мѣстѫ хѫбаво и вода млого има и прілично (369).[17] It turns out that the difference лѣсно/лѣто between manuscript *1039* and *Kost.* is not a true sign of text difference.

In this case, too, there is continuation and connection between the copies, albeit a warped one. The phenomenon is interesting and difficult to discern. D. S. Lixačev calls such mistakes in the process of copying "reconsideration". Examples like лѣсно – лѣто he defines as cases when the writers "архаизируют, церковнославянизируют" their language (Lixačev 1962: 73).

The second part of the text known as the *Martyrdom of St. Thomas the Apostle* indicates another source. One encounters obvious traces of Middle Bulgarian ortho-

[15] Πᾶσα οἰκοδομὴ θέρους οἰκοδομεῖται· σὺ δὲ χειμῶνος κτίσεις

[16] Cf. also the correspondent in German to ξαντός 'gelb, blond, falb', the latter with the meaning of 'pale yellow'/'бледо, убито жълто' e.g. in (Menge 1981:304).

[17] In Greek Ἦν δὲ ἀλσώδης, ὕδατα πολλὰ ἔχων

graphy of the "nasals". Thus on f. 183c one reads: и вых(ь) нищь и трѣвоую. Probably the initial Slavonic text featured in this place нищь и трѣвоѫ; in the Middle Bulgarian text mediator нищь и трѣвоѫ. By the rules of Serbian orthography the letter ѫ was automatically substituted for оу (ю). In the same way one can interpret the example on f.185б: їсь wсщьваю помощь вама вьскорѣ подасть (instead of wсщьваѫ > осщьваѫ. Also нераждоу from нераждѫ on f. 184б.

As in the entire manuscript 1039 the first part does not feature typical West Bulgarian features. The second part contains the interesting form ꙁоль changed by the later hand to ꙁьль on f. 185c.

In lexical terms the second part is also characterized by old and rare words:

оплавѣти: wплавѣ нива и наста жетва 184b (see Miklosich 508). We know from Old Bulgarian of an adjective плавъ, Gr. λεύκος 'light, pale, golden'/'светъл, блед, златист'. Bulgarian dialects feature an adjective *плав* 'grey-blue, light yellow' /'сивосин, бледожълт' (Gerov 1978: 37).

прьвосъпие: 'righteous slumber'/'пръв сън'. This word is not found in the dictionaries. The dictionary of I. I. Sreznevskij features the word прьвосопьница for a type of prayer (Sreznevskij 1893, 2: 1766)

сътѫжьникъ: да нияесоже ѕмыслеть w мнѣ. властеле и мытарие да не wбрѣщоуть нияесоже вь мнѣ и стежѝницї нияесоже вь мнѣ̀ да не сьдѣють. 184d. (cf in Miklosich 1862–1865: 963)

съвѫꙁнь: свеꙁниа мгоже прѣѣдаль юси оубыχ (184c)

The conclusions from these observations are the following:

1. The apocryphal work about the acts of St. Thomas in India was translated in the Slavonic in the Old Bulgarian age. Its copy in manuscript 1039 of the 14th century contains a very ancient vocabulary which, like many other stories in the miscellany, ranks it with the first translations made in Bulgaria.
2. *The Martyrdom of St. Thomas the Apostle* in manuscript *1039* reflects traces of a different translation and a different antegraph as compared to the text of the *Acta*.
3. The Greek copies B, Z and S stand closest to the studied Slavonic text in linguistic terms.
4. Regardless of the many differences the copies of the *Acta Thomae* up to the beginning of the 19th century that we know of stem from one and the same translation.

Abbreviations

CHAI: Church Historical and Archaeological Institute, Sofia
CMNL: St. Cyril and St. Methodius National Library in Sofia

1039: Manuscript from the St. Cyril and St. Methodius National Library (CMNL). Collection of stories and vitas, 1039 of the 14th century
369: Manuscript from the Church Historical and Archaeological Institute (CHAI), 369 of the 19th century
Izb. 1073: Izbornik of 1073
Kost.: Kostenets damascene. Manuscript from CHAI, № 503 of the 17th century.
Cod. Rila: Rila Glagolitic folia
Cod. Supr.: Codex Suprasliensis of the 10th century
Tikh.: Tixonoravov damascene
Troyan: Troyan damascene
MS Usp.: Uspensky manuscript of the 12th–13th century
B: Manuscript from the National Library in Paris, Cod. gr. 1468 of the 11th century
F: Romanum Angelicanum in 2.2 of the 11th century
G: Manuscript from Escorial Library in Madrid, Y II 9 of the 11th century
H: Manuscript from Escorial Library in Madrid, Y II 6 of the 12th century
L: Manuscript from the National Library in Paris, Cod. gr. 764 of the 9th century
M: Manuscript from the State Historical Museum in Moscow, 262 of the 9th century
S: Manuscript from the National Library in Paris, Cod. gr. 1613 of the 15th century
U: Manuscript from the Vatican Apostolic Library, Vatican, Vat. gr. 1190 of the 11th century
Z: Manuscript from the Russian National Library in St. Petersburg, 94 of the 12th century

REFERENCES

Asenova 2002: Асенова П., *Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз.* В. Търново, Faber, 2002
Avanesov 1988: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Том I (а—въѕаконитисѧ). Под ред. Аванесова Р., Москва, Русский язык, 1988.
Bonnet 1903: Bonnet M., *Acta Apostolorum Apocrypha.* Post C. Tischendorf denuo ediderunt R. A. Lipsius et M. Bonnet. Partius Alterius. Volumen alterium. Acta Philippi et Acta Thomae accedunt Acta Barnabae. Edidit M. Bonnet. 1903. (Phototypische Ausgabe. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1959).
Dal' 1880: Даль Вл., *Толковый словарь живого великорусского языка.* Т. I (А–З). СПб – Москва, 1880.

Demina 1968–1971: Демина Е. И., *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.* Исследование и текст. Т. I, БАН, С., 1968; Т. II, БАН, С., 1971.

Dimitrova 2005: Димитрова М., "Словото за св. апостол Тома в ръкопис 369 от Църковен историко-архивен институт, София." // ...нѣсть оученикъ надъ оучителемь своимь. *Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев.* А.-М. Тотоманова, Т. Славова (съст.). С., 2005, 400–416.

Dinekov 1991: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Том 1. Изследвания и текст. Динеков П. (ред.). БАН, С., 1991.

Dobrev 1979: Добрев Ив., "Старобългарско лѣто θέρος, ἔτος, καιρός, χρόνος, праслав. *prolêtь ĭар, старобълг. лѣтъ естъ ἔξεστιν." // *Изследвания върху историята и диалектите на българския език (Сборник в памет на чл.-кор. Кирил Мирчев).* БАН, С., 1979, 145–149.

Dobrev 1982: Добрев Ив., "Нови вести за прабългарите в панегиричната литература." // СЛ 11, 1982, 19–34.

Drijvers 1989: Drijvers H. J. W. "Thomasakten." // *Neutestamentliche Apokryphen in deutscher Übersetzung.* W. Schneemelcher (Hrsg.). 5. Auflage der von E. Hennecke begründete Sammlung. II. Band. Apostolisches. Apokalypsen und Verwandtes. Tübingen, 1989, 289–367.

Gelzer 1893: Leontios von Neapolis. Leben des heiligen Ioannes des barmherzigen Erzbischofs von Alexandrien. Gelzer H. (Hrsg.), Freiburg i. Bresgau und Leipzig, 1893. (= *Sammlung ausgewählter Kirchen- und dogmengeschichtlicher Quellenschriften*).

Gerov 1976: Геров Н., *Речник на българския език.* Том 1. С., 1976.

Gerov 1978: Геров Н., *Речник на българския език.* Том 4. С., 1978.

Gošev 1956: Гошев Ив., Рилски глаголически листове. С., 1956.

Ivanova 1967: Иванова А., *Троянски дамаскин. Български паметник от XVII в.* БАН, С., 1967.

Ivanova 2002: Иванова Кл., "Западни светци в състава на староизводните четиминеи (предварителни бележки)." // *Средновековна християнска Европа: Изток и Запад.* С., 2002, 349–370.

Ivanova 2005: Иванова Кл., "Уточнения към състава на чети-миней от Народната библиотека 'Св. св. Кирил и Методий' № 103." // ...нѣсть оученикъ надъ оучителемь своимь. *Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев.* А.-М. Тотоманова, Т. Славова (съст.). С., 2005, 263–279.

Kuev 1981: Куев К., *Иван Александровият сборник от 1348 г.* БАН, С., 1981.

Lampe 1961: A Patristic Greek Lexicon. Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.

Lavrov 1899: Лавров П. А., "Апокрифические тексты." // Сб ОРЯС 67, 1899.

Liddel, Scott 1961: A Greek–English Lexicon. Compiled by H. G. Liddel and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented throughout by Sir Henry Stuart

Johes with the assistance of Robert Mckenzie and with the cooperation of many scholars. Ninth edition. Oxford, 1940 (reprinted 1961).

Lixačev 1962: Лихачев Д. С., *Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.* Москва – Ленинград, 1962.

Menge 1981: Menge H., *Langenscheidts Taschenwörterbuch Altgriechisch.* Langenscheidt, Berlin, 1981.

Miletič 1908: Милетич Л., *Копривщенски дамаскин.* С., 1908 (= *Български старини*, кн. II).

Miklosich 1862–1865: Miklosich Fr., *Lexicon palaeoslovenico – graeco – latinum.* Vindobonae, 1862–1865.

Novacović 1876: Новаковић Ст., "Апокрифи еднога српскога ћириловског зборника XIVвека." // Starine VIII, 1876, 36–92 (67–74).

Raabe, Preuschen 1904: Raabe R., E. Preuschen. "Thomasakten" // *Neutestamentliche Apokryphen.* In Verbindung mit Sachgelehrten in deutscher Übersetzung und mit Einleitungen herausgegeben von E. Hennecke. Tübingen und Leipzig, 1904, 473–544.

RSKNJ 1962: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. II. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1962.

SBL 1981: Стара българска литература. Том 1. Апокрифи. Петканова Д. (съст. и ред.), С., 1981.

Sophocles 1890: Sophocles E. A., *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods.* New York – Leipzig, 1890

Sreznevskij 1893: Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка.* СПб., 1893.

Velčeva 2004: Велчева Б., "Повторение – благозвучие – ритъм (Наблюдения върху старобългарската преводна проза)." // Palaeobulgarica XVIII, 2004, № 2, 45–54.

Wesseling 1996: Wesseling Kl.-G., "Thomas." // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon.* Bd. XI, 1996, 1292–1323.
Electronic version http://www.bautz.de/bbkl/t/ thomas_apostel.shtml (11.05.2005)

Zaimov, Kapaldo 1982–1983: Заимов Й., М. Капалдо. *Супрасълски или Ретков сборник.* Увод и коментар на старобълг. текст Й. Заимов. Подбор и коментар на гръцкия текст М. Капалдо. Т. 1, С., 1982. Т. 2, С., 1983.

About the authors . . .

Boryana Velčeva (1932) is Professor in history of Bulgarian language at the Center for Cyrillo-Methodian Studies at the Bulgarian Academy of Sciences. She has published more than 200 publications in the field of early Slavic studies. Her main interests are in the field of the history of the Slavic languages, with the special accent on the Bulgarian language, Slavic historical phonology, relationships between the Balkan languages and Slavic Glagolitic and Cyrillic paleography. Her publications include among others: "Добромирово евангелие" (1975), "Proto-Slavic and Old Bulgarian Sound Changes" (Bulgarian original 1980, English translation 1988), "Старите български ръкописи и техният език" (1983), "Болгарский апостол XIII века: рукопись Дечани-Црколез 2" (1986, together with D. Bogdanović and A. Naumov).

Andrej Bojadžiev (1962) is Associate Proffessor in Old Bulgarian (Old Church Slavonic) language at the University of Sofia. His publications are in the fields of Slavic Cyrillic and Glagolitic paleography and orthography, Slavic historical linguistics and computational approaches to the study of Medieval Slavic culture. In 2005 he published an edition of the Homily for the Palm Sunday from Grigorij Camblak (Григорий Цамблак. Слово за Връбница)

Acta Thomae in India
Text

178a

Мсца. ѡкѣ. вь .s. днь. дѣание стаго апсла ѳомы. како вь индїи създа нбсноую полатоу црогу. влдко. блсви.

1. В то врѣме вь нєже вѣхоу вси апслы вь їерслмѣ. раздѣлише сєбѣ все страны вьселєнныє. и мѣтаста же жрѣвиє. да кьждо ихь проповѣсть ѡлоуєнѣи ємоу странѣ и єзыцѣ, іаможе и гь пошлєть. паде же ждрѣвїи ѳомѣ близьцоу да идеть вь иньдию. нѣ шнь не хотѣаше ити. глє не могоу толика троуда вьздвигноути єще жидовинь сы. како могоу проповѣдати истиноу. индиѡмь. си словеса ємоу глщоу. іави се іемѵ гь вь снѣ глє. сє ѳомо блдть моіа с тобою іес(ть). шн же не послоушаше глє. ги іаможе хощеши поусти ме а вь инд[ию][1] не могоу ити. //

178b

2. сы же словеса іемоу глщоу. слоуши се коупцоу єдиномоу быт(и) тоу. ѡ индиє пришьдшоу ємоуже име вѣ авьвань. послань во бывь ѡ цра гоуиндафора коупити хотє дрѣводѣла. или юзьдца (!). видѣвь же и гь по трьгоу ходеща реч(є) емоу хощеши ли коупит(и) дрѣводѣлю. шнь же реч(є). іеи. гь реч(є) к немоу.[2] имамь ти дрѣводѣлю хытра да ти продамь. и показа ємоу гь ѳомоу. и съвѣщавь сь нимь цѣнѵ и вьзеть .ї. мѣрь сребра и написавь коуплю єго сице. азь їс снь їѡсифовь ѡ виѳлеємьскїе вьси їюдѣе продаю тї авьване коупуе. продавь жидовина именемь ѳомоу улвѣка моєго. и конуанѣ же бывши коупли. поимь хсь ѳомоу и вед(є) и кь авьваноу. и єгда видѣ и вьпроси єго авьвань. сьи ли іес(ть) гь твои. ѡвѣщавь апсль гла. єи гь //

178c

мои іес(ть). реч(є) же коупьць к нємоу. коупих те оу него азь. ѳома же мльуаше.

3. и на оутриа же помли се гви, глє волга твоіа ги воуди. и иде кь авьваноу коупцоу. ниусоже сь совою носе тькмо цѣноу свою. вьдас(ть) бо іемоу гь цѣноу рекь блгдть моіа воуди с тобою.

Вьлѣзшема же има вь корабль. вьпроси и авьвань глє. коє дѣло оумѣеши.ѳома же ѡвѣщавь реч(є). дрѣвомь вѣ рала. ижеса. колеса. весла кораблє крьмила. камениемь же стльпы црквныє дворы црскыє. и гла коупць и азь таковаго хытрьца трѣвоую. бывшоу же доброу вѣтроу. доплоувше веселеще се град(а) єдїног(о). индиє нареченнаго єнадроуха.

---

[1] The parchment is corrupted and these two letters are illegible.

[2] Above letter є there is a sign for softness or stress.

4. вьшьдшима же има вь град(ь) слышаста глас(ь) свирали. и моусикыи и пискатель. и пищалны́х(ь) ѡ҃ргань. ѳо́ма же вь //

178d

прашааше г҃лю. что оубо ѥс(ть) вьпль сѫ̀ радости соущее вь градѣ семь. г҃лше емѹ̀ тако ц҃рь дьщерь имать и дн҃сь вьдаѥть ю за моужь. да того рад(и) веселиѥ сиѥ и ра́дость сыи. ц҃рь же посла́ проповѣдателю вьсоуд(оу) г҃лѥ. проповѣдите да сьвероуть се на бра́кь. богати и ѕвозы. ра́вы же и странныи. иже ли слышавь не пр҃ї́идет(ь) повинны воудеть ц҃еркомоу соуд(оу). реч(е) коупьць кь ѳомѣ поидѣвѣ и вѣ҃ да не разгнѣваѥвѣ ц҃ра, па́че и стра́нника соуща. и ѡбитаста же вь гостин҃ї́ци и мало почи́вша пр҃ї́идоста на бра́кь. а҃пс҃ль же сѫ̀ ѡ҃ обою на десете посрѣд(ѣ) всѣх(ь) вьлеже. и вси на нь вьзыраахоу. ꙗко на стра́нна и тоуждеземьца. вѣ҃ во и зракомь красьнь.

5. веч(е)рав̀шим҃ же всѣмь и весе(е)лещим҃ се. ѳо́ма же ни́како же не вькоуси. вьлеж[аш]ї́и же с нимь гла́хоу емоу. тѫ̀ поуто пр҃ї́и //

179a

де сѣмо. ни ꙗды ни пїѥ.

А҃пс҃ль же ѡ҃вѣщавь к ни́мь г҃ла, азь братиа не ꙗдениа рад(и) и питиа при́дохь сѣ́мо. нь҃ да во́лю ц҃ркоу испльню. проповѣдници во҃ ц҃ркы проповѣдаютъ. да иже аще не послоушаютъ повинны воуд(оу)ть соуд(оу) ц҃ркоу. веч(е)равшем҃ же всѣм(ь) швь главоу си помажаше. дроугыи брадоу. ини же ина мѣста. а҃пс҃ль же по тѣмени и ноздри си помаза. и вѣньць мр҃синовь на главоу си вьложи́вь. трьсть сиро́воу вь роукоу си дрьжа҃ше. и хо́ждаше свирница по́ подльгь всѣх(ь). пришьдши же близь а҃пс҃ла ста҃ свиреци над(ь) главою его.

6. и шномоу же зрѣ҃щоу на́ зе́млю. и ѥ́динь ѡ҃ ѹванн҃ї́и заоуши и. вьзрѣ́в҃ же на́ нь а҃пс҃ль г҃ла емоу г҃ь да шставит҃ ти вь воуд(оу)щїи вѣкь. а вь сїи вѣкь да покажеть на твоеи роуцѣ быв̀шиа а҃пс҃ла и да оузре //

179b

ть ю пси влаимоу. и нач(е)ть пѣти еврѣискы елико час(ь) единь.

8. и егда прѣста вѣси на нь вьзыра҃хоу не ра́зоумѣюще г҃лемыхь(ь) имь. нь видеще зракь его прѣмѣнѥнь.

Свирѣл҃ница же вѣсе слы́ша и ѡ҃стоупльши ѡ҃ ни́его и инимъ҃ свира҃ше. и егда прѣста свиреци всѣм(ь) противоу емоу сѣ́дши прѣвыс(ть) на нь вьзирающи. когда ѡ҃идет(ь) ѡ҃ пыра́. вьзлювы во его ꙗко ѕемлиганїна.

Ѹванн҃ї́и же иже вѣ҃ заоуши изыде на истоуныкь поурѣсти воды. и слоуи се тоу҃ львѫ̀ быт(и) иже изл҃ѣзь и порази его и сьсѣкь и на ѳди ѡ҃и́де. тогда пр҃ї́идоше п҃си и разнесоше и.

И сѐ҃ еди́нь пьсь уры́нь десноую роукѫ̀ его вьзѣмь и посрѣд(ѣ) пыра вънес(е).

9. ѡни же ви́дѣвше оубоѧше се. и гл҃ахоу кто ѕво ѡ҃ нас(ь) погыбе. и се҃ быс(ть) ѩвѣ вс҃ѣмь ꙗко ѹвань //

179c

ѹина роука ꙗес(ть) бывъ́шїа апс҃ла.

Свирализа же свирали разломивъ́ши. пр҃ѣд(ь) ногама апс҃ла поврьже се глщ҃їи,[3] пов҃ѣдающи вс҃ѣмь. брат(и)ѥ сь ѹл҃кь. или҃ бц҃ь ꙗес(ть) или апс҃ль бж҃и. аꙁ бо слышахъ(ь) его жидовьскы кь ѹванѹїи. да оуꙁрѣть роукоу его псомь влаѹимоу. и їже реч(е) авїе быс(ть). ꙗко же и вид҃ѣли ꙗесте влѣкомоу псомь. да овы еще вѣроу свирѣлници швы же не еше.

Слышав же се҃ цр҃ь прїиде кь ѳомѣ и гл҃а емоу. прїиди сь мною да помл҃иши се за дщерь мою. ꙗко иноѹеда ми ꙗес(ть). и дн҃сь по моужию ѕдавамь. и емь и и вьвед(е) и вь ѹрьтогь.

10. апс҃ль же помл҃и се за нѩ. и ѕтврьдивь є изиде. ре́кь има миръ г҃нь и влд҃т҃ с вама воуди. и си ре́кь изыде вь поуть свои.

11. и вс҃ѣм же изъшьдшимь. жених(ь) ꙁапоною ѹрьтожѫ́ //

179d

ною ѿтвлѣкуе да нев҃ѣстоу вьведоуть к нѥмоу. и вид҃ѣ под(о)бнаа ѳомѣ стоещѧ и бес҃ѣдоующа сь нев҃ѣстою и гл҃а к нѥмѹ жених(ь) не прьвѣи ли вс҃ѣх(ь) изы́де ꙗко же обр҃ѣте с(е) здѣ. реч(е) г҃ь к нѥ́моу нѣсмь҆ аꙁь ѳо́ма нь брат(ь) его ѥсмь и с҃ѣде г҃ь на wдр҃ѣ. и наче҃ть ѩ ѕвити гл҃ѥ.

12. помн҃їт҃ѣ чедѣ мои еже врать мои бес҃ѣдова с вама. и комоу ва пр҃ѣдаль ꙗесть. се҃ разоумѣита ꙗсно. аще съблюдета сѣ҃бе бес порока. вь проѵее ж(и)тиа сѣ҃го боудета цр҃кви ст҃ѣи. и избавлѥниа ѡ҃ всакого тлѣниа, ѩвлѥнна҃го же и неѩвлѥнна потаѥнаго. и ѡ҃ пакостныѥ и непольꙁныѥ ꙁловы. аще боуд(оу)ть оу ваю дѣти. т҃ѣхъ ради ѕво наунета швидѣти вдовице и сироты. и вьвр҃ѣщи имата сѣ҃бе вь вѣчныѥ моукы. нь пр҃ѣвоудита ѹистѥща се //

180a

ѡ҃ всего. ѹающе приѥти ѡ҃ истин҃на҃го҆ жениха ваю вѣньць нетл҃ѣниа.

Сѣ҃ице пооучивь ѩ г҃ь реч(е) има. г҃ь ваю повоуди с вама.

13. Слышав же юноша и двѣца вѣроуеста г҃оу на́шемоу і҃с х҃оу. и пр҃ѣвыста вс҃оу но́щь никакоже съна҃ша се. оутроу же бывшоу. цр҃ь наложивъ҆ трапезоу вынесе к нима. и швр҃ѣте ѩ сѣ҃дещѧ про́тивоу сѣ҃бѣ. ли́це же нев҃ѣстыно ѿкрывено соуще. и гл҃а к неи поуто сѣ҃диши єдина и незав҃ѣшена. нѣ҃ ꙗко многа лѣта пожившъ҆ша҃ с҆ моужем҆ своимь.

[3] The comma is written with another, blue, ink over the old fullstop.

14. 15. жна же ѿвѣщавъши реч(е) въ истиноу ѿче въ многѣи любви іскѣ. и гскы нашемоу млитѣ се. тако кровь стоуда ѿеть быс(ть) ѿ мене. заніе иномоу бракоу истинномѹ съчетана іесмь. и въ днь радости сіе непрѣльщена быхъ(ь). и въ днь мунига

180b

не смоутих се. такожде же иноша (!) наученъ глати. хвалю те ги їс хе гавлѣи се нама странным рабомь своимь. избавлѣи мене ѿ спадениа. смѣривь себе до мене несмѣренаго. своважди ме ѿ врѣменных(ь). простьр ми роукоу гыблющоу. ги їс хе влдко црю. стыи истинныи хваливѣ те ѡ всѣмь.

16. Слышавь црь сы растрьза ризы свое. и реч(е) излѣзъше скоро приведите ми жного льстьца. азь бо своима роукама погоублю и. аще ли кто жвръть и приведеть и спсеть ми дѣщерь ігоже аще просить. дамь емоу. шьдше же жбыдоше всоу землю и не жврѣтоше его. и прїидоше въ гостинницоу и жврѣтоше пискателницоу единоу плающоу за нь. и въставьши прїиде и бѣ с нима //

180c

слоужещи има. юноши же наоучиста црa тоижде вѣрѣ. по врѣмени же мнозѣ оуслышаше апсла тако и въ иньдїи оучить. и шьд(ь) и приеше оу нѣго баню блгдтноую. и просвѣщьше се въ име ѿца и сна и стго дха.

17. егда же прїиде апсль въ иньдию сѣ авваномь коупцемь.тогда възвѣсти црoу ѡ коупци и възрадова се црь тако оуслыша и повелѣ фомѣ вънити. и гла к немоу кое дѣло оумѣеши въ др(ѣ)вѣ. ѿвѣщавь апсль реч(е). въ др(ѣ)вѣ рала, ижеса. колеса. весла корабліе крьмила. стежера. каменіемь же стльпи црквные. двоpы црскые. црь же испльнив се радости рече, и азь такого трѣвоую. нь съзижи (!) ми полатоу поимь и весѣдоваше с нимь. ѡ създаны полатѣ, како под(о)баетъ каменїе поло //

180d жити.

18. егда же прїидоше близь мѣста идеже хотѣаше полатоу създати гла емоу црь. на семь мѣстѣ хощоу. реч(е) же апсль ибо мѣсто іес(ть) под(о)бно на зданіе. бѣ во лѣсно и водно. и жбое имы по жбилию. и гла к нимь науны здати. реч(е) же апсль не могоу здати въ се врѣме. црь же реч(е) то когда наунеши. реч(е) же ѿ перфирига рекомаго. и скончаю до ксантика рекомаго. црь же реч(е) всако зданіе лѣт(ѣ) се зыждеть. а ты зимѣ хощеши.[4] понѣ назнаменаи ми ю да виждоу. понеже единою лѣта прихождоу сѣмо. и възьмь трѣсть и наурьта всеи полатѣ мѣроу. шконца же наурьтавь на въстокь свѣта ради. а двpї на запад(ь). а хлѣбницоу на югъ. в(о)доваждоу на сѣверь. видѣв же црь жбразь реч(е) въ истиноу улкь съ хытрь іес(ть). //

181a. под(о)бает ти црeви слоужит(и) и жставивь семоу злата много ѿиде. и на всако врѣме посилаше емоу злат(а) и брашно по жбилоу.

[4] There is an erased word before хощеши.

Ѧ́пль же швхо́ждаше грады и села раꙁдавае трѣвоующимъ(ѣ). гл҃ше цр҃ве имѣнїе ц҃рꙋ дано вꙋди. и ѿрадоу вꙋд(и) многы́мь.

19. По лѣт(ѣ) же єдино́мь посла́ ц҃рь к нїе́моу оувѣд(ѣ)ти хоте аще съ҃дана быс(ть) полат(а). и посла на́рѣуиѥ к нїе́моу а҃пс҃ль. полат(а) оубо҃ съ҃дана быс(ть) нѣ҃ не до́стало ѥс(ть) покро́ва. тогда посла пакы к нїемоу ꙁлат(а) миог(а). и сребро. напис(а)вь к нїемоу. да вꙋдеть полат(а) съврьшена.
а҃пс҃ль же реч(е) кь гѡ҃. хва́лю те г҃и і҃с х҃се вла҃дко, оумрѣх҆ во да wживиши ме. да мно́гы свовождоу. и не пр҃ѣста же поданиє тво́ре скрьвещи́мь. и гл҃ше гь на́шь сѝце изволивь. іако то́го ѥдиного ѥс(ть) оусть и сла́ва. іако тѣ҃ ѥс(ть) пита́тель. сѝримь и ꙁастоу҃пи҆ //

181b ныкь вьдовицамь. и скрьвещимь бываѥт(ь) оутѣха.
20. По мно́ꙁѣ же врѣмени пр҃їиде ц҃рь вь град(ь). вьпрашае прита́тел҆ своих(ь) w полатѣ. и гл҃ше ємоу нѣс(ть) ꙁдаль. ни иного ниусеоже ство́риль. нѣ҃ wвходить грады и се́ла. мл҃стиѥ творе. и ѹчить ѥди́ного ба҃ і҃са быти. и ино мно́го творить. мрьтвьце въставлѣѥт(ь). хро́мыѥ цѣлить. бѣсы ѿгонить. ходит(ь) же вь єдинои риꙁѣ. а іадениѥ ег(о) хлѣвь и вода. єда влъхвь ѥс(ть). нь цѣлєниіа єго іаже творить и про́стини єго и покореніѥ. то іавлѣѥть и іако или праведникь ѥс(ть) или а҃пс҃ль но́ваго ба҃, ѹесто во постыт҃ се.

21. Сѐ҃ слышавь ц҃рь въꙁви се роукама по лицоу своємоу испльни се іарости пр҃їиде кь ѳомѣ и реч(е) ємоу съ҃да ли ми полатоу. а҃пс҃ль реч(е), єи съ҃дахь. //

181c ц҃рь реч(е) да когда ю и́мамь видѣти. а҃пс҃ль реч(е) не можеши ю видѣти нн҃іа нѣ҃ єгда ѿ҃ житиіа сего пр҃ѣидеши. ц҃рь раꙁгнѣвавь҆ се на нь и на коупца авѵана. и повелѣ ю вь тьмнїцоу вьвр҃ѣци. дондеже промыслить wнию комоу дано быс(ть) имѣниѥ ц҃рево. и тогда погоу́бить іа.
а҃пс҃ль же рад(ь) и иде г҃ле кь коупцеви. не вꙋди печальнь нѣ҃ тькмо вѣроуи. ѿ҃ мира во сѐ҃го сволождень вꙋдеши. и вь вꙋд(оу)щимь вѣцѣ жизнь наслѣдиши.
Вь тои же ноши ц҃рвь врать ѿ҃ печали приключьшее се ц҃ревы вь болѣꙁнь вьпаде. и посла г҃ле к немоу сѐ҃ врате ю иже имамь все тебѣ пр҃ѣдаю и домь и имѣниѥ моє. аꙁ во твоєю рад(и) печали стоужи҆ь си и оумираю. нь покои ми д҃шоу. и моуви лютою моукою вльхва того. w//

181d и же реч(е) оумыслых(ь) w нємь. съжещи wгнемь wдрав҆.
22. wнь же авиє вьдас(ть) д҃шоу. ц҃рь же сѣтоваше брат(а) своєг(о). и мышлѣше многоцѣньною порфирою обвивъше положити. а҃г҃лы же поємше д҃шоу єго и ведоше ю вь раи. покающее и тѣа мѣста єлико ѹготовавь любещимь юго. єгда же приде на ꙁданиє ѳомино и вьпросише ю а҃г҃лы вь коюм(ь) мѣстѣ хо́щеши жити. ѿ҃вѣщавши же реч(е) мл҃ю се вамь г҃иє мои вь єдиноу ѿ҃ подных(ь) клѣтїи полати сѐ҃є wставите ме жити. р҃ѣше же к неи (?!), не можеши братина во ти ѥс(ть). юже ѥс(ть) съꙁ(д)аль

шнь хр̃стиганїнь. ѿвѣща же г̃лщи мл̀ю се вам(ь) г̃иє мои. не дѣите мене да въздрашоу се и коуплю ю оу нюго.

23. и абыє ѿпоустише ю аг̃лы. и прѝшьдши вь тѣло своє въставѝши и реч(е) шьдше скоро и призовите ми брат(а), да и//

182a спрошоу оу нюго прошенїє. шьдше же блговѣстише емоу ѡ братѣ юго. шнь же слышавь рáдостень бывь. и пришьд(ь) шбловыза и. ѿнь же г̃ла к нємоу брате вѣмь тако аще быхъ) просїль ѕ тебе и до поль цр̃ства твоєго. нé би ми се никáкоже ѿрекль. шн же реч(е) брате мои, аще и до главы моєю боудеть не имамь тебе шслоушати. реч(е) же емоу кльни ми се кльньшоу же с(е) емоу.
Тогда реч(е) емоу брате полатоу юже имаши на нб̃сѣхь юєже не вѣси продаждь ми ю. шнь же реч(е) то имам ли полатоу на нб̃сєхъ). шн же реч(е) єи. юже създа шнь христиганинь.

24. и реч(е) емоу брате тоє полаты не могоу ти прóдати нéвидима бо юс(ть). нѣ̃ зыждителя имамь и съзыждетѣ ти. послав же и извед(е) ѳомоу ис тьмѝнице. г̃ла емоу ц̃рь ѿпоусти нам̀ єже ти съгрѣшиховѣ нé //

182b разоумѣюще. створи на шбьщ̀ника тóго єгоже ты̃ проповѣдаєши.
25.26.27. ап̃сль же реч(е) азъ вама ѿпоущоу да боудета шбьщника єго ц̃ртвиа. и поимь та прóсвѣти вь име ѿц̃а и с̃на и ст̃го дх̃а. излѣзьшема има ст̃го крщениа. абиє тави се имь с̃псь тако дивити се ап̃слоу. и свѣт(ь) вьсиа велеи. и ѕтвржда та вь вѣрѣ. и изыде ити вь поуть свои ѡ г̃и.
юмоуже под(о)баєть всака слав(а) и уьсть и покланиание. ѿц̃оу и ст̃омоу дх̃оу. и нн̃а и пр(и)сно и вь вѣкы вѣком(ь) амн̃ь.

IM. Вь тьжде дн̃ь моученїє ст̃го ап̃сла ѳоми . вл̃дко.
Жéна моуждѣа ц̃ра слы́шавѝши ѡ бл̃женѣмь ап̃слѣ ѳомѣ. и штаи моужа своего прїзва ап̃сла. и слыша ѿ нюго словеса бж̃иа. бѣаше же име єи моугданиа. тáкоже и хасии. иже бѣ над(ь) слоужбою своєю. и//

182c мы же и тѣ̃ женоу ѳерентиганоу. иже вѣрова съ ц̃рцею. и слышаста ѿ ѳомы ѡ уистотѣ. и шбѣщаста се шбѣ слоужити вь уистотѣ х̃свы. и кр̃сти шбѣ̃ ст̃ыи ап̃сль и к томоу не пристоуписта каждо кь моужеви своємоу. ц̃рь же наует(ь) моучити свою женоу жегомь влоуда рáди. хаси же разоумь имѣше єже ѡ блженѝномь ѳомѣ възвѣсти г̃лю. жéны наше оувѣщаль юс(ть) ѳóма, да не шбщеть с намї. нѣ̃ шбауе с̃на твоєго и вѝсе слоугы твое г̃лавь и прѣльсти ихъ.
Слы́шавь же ц̃рь призва ап̃сла ѳóмоу. и повелѣ съвлѣщї єго и поставитї и нага. и реч(е) емоу ц̃рь.
163. рабь ли юсї илѝ̃ свободь. ѳома же реч(е) рабь юсмь єди́ного истинн̀аго на нємѝже власти не имаши. моуждѣи г̃ла емоу, на сѝю зéмлю ка́ //

182d ко вѣды и пріиде. ѳома же реч(е) гмь своимь продан҃ выхъ) да мно́гые с҃псоу. и твоима роукама пр҃кидоу ѡ свѣта се҃го. моуждѣи реч(е) кто ѥс(ть) бь҃ твои и како ѥс(ть) име єго. и ѡ коє землѥ ѥс(ть). ѳо́ма реч(е) мои гь҃ влдка твои ѥс(ть) гь҃ нб҃си и зе́мли. моуждеи реч(е) испитаю те҃ да речеши ми како ємоу ѥс(ть) име. ѳо́ма реч(е) не мо́жеши истиннаго имени єго слишати а нареченноє име єго їс҃ хс҃ь. моуждеи реч(е) азъ не оукориχ(ь) єго. ты҃ же дѣли своими лоу́кавыми приложение створиль ѥси. ѹдарованиꙗ во твоꙗ на вѣсоу землю подана бы҃ше. нь҃ се҃ имамь створити, да ѹдарованїꙗ твоꙗ с тобою ѡидоуть. и наша зе́млꙗ шуистит се ѡ нихъ). ѳо́ма же реч(е) сиꙗ ѹдарованиꙗ съ мною не ѡидоуть. се҃ же вѣждь ѡхо́дещоу ми ꙗко ѡселѣ не шстаноу се. нь҃ паче подвигь свои ꙗвлю.

164. Се҃ же //

183a а҃пслоу рекшоу мышлꙗше моуждеи како и бы погоубїль. нь҃ народа рад(и) и слоу́гь своихъ) боꙗше с(е). многи бо ѡ властель и ѡ кнезь҃ вѣроваше вь гл҃а. поим҃ же и цр҃ь и изыде из град(а). изыдоше же и воины с нымь вьшроуже́ны. народ(ь) же мнеще ꙗко хо́щеть нѣчто ѡ нье́го оувѣд(ѣ)ти. и стоєще зрѣхоу. хо́ждьшем҃ же имь ꙗко поль пьприща пр҃кдас(ть) и четиремь воином҃ и єдиномоу старѣишїнѣ заповѣдавь имь. шьдше вьзведете и на городу и оубите и камениєм(ь). цр҃ь же вьзврати се вь град(ь) аскоумь.

165. идоста же два҃ ѡ десноую а҃пла и два҃ ѡ шоую копиꙗ дрьжеще. а старѣишина дрьжаше и за роукоу. глше же ѳома а҃пль таины оутаєнныє єже до исхода на нѣго дѣю҃т се.
Ꙋ таины ѡ богатьства славы хс҃вы иже не шставлѣ

183b ѥть нас(ь) пожрьтомь быт(и). вь стр҃сти тѣлеснѣи.

166. и реч(е) дрьжещимь и воиномь и проуемоу наро́доу. послꙋшаите мене братиє. на́ исхо́ждение бо тѣлеси стою да не шсльпноуть шуеса ср҃дць ва́шихъ). и ꙋшима шглъхнете. нь вѣроуите вь бг҃а єго азъ про́повѣдаю. и не дадите си жестосрьдию ср҃дца вашего. нь҃ пожївѣте, житиємь бл҃гыє вѣры. довродѣтелїю кь ѹлкомь и сла́вою кь бг҃оу.

167. и рече кь сиꙁаневи сн҃ѹ моуждеа ц҃ра. диꙗконоу же соущоу гл҃а нашего їс҃ хс҃а даждь слоугамь моуждеа еже имь дос(то)ино ѥс(ть). да ме ѡпоустеть да пом҃лю се. и сиꙁант же пом҃ли се имь. и шстꙋпль же ѡ нихъ) мало науеть гл҃ати сице.

144. Ги҃ мои їс҃ хс҃ ѹпованиє и надежде моꙗ и ѹителю мои. вьложивь вь ме дрьзновеніе. ты҃ ме //

183c наоуиль ѥси сице м҃лити се. и се҃ твоєю мл҃твою м҃лю се. и волю твою испльнꙗю. ты до конца боу́ди съ мною. ты єси даєи трьпѣниє вь напастехъ ѡ юности моєє. и живо́та ми дароуи. и ис тле ме вьведи съхранивь нетлѣниємь. ты҃ єси гь҃ мои.

изведи ме изъ нищети мира сего. и истиннаго богатьства испльни ме. ты еси извравии ме посредѣ(ѣ) рабъ. тѣмже и не остави мене всквьрнити се женами. да такоже дос(то)ень есмь тебѣ неосквьнѣнь боуд(оу).

145. не вдолѣють во вста моа исповѣдати се тебѣ. не могоу помыслити тщание и прилежанїе бивающее в тебѣ. хотѣх и богатьство стежати нъ ты въ снѣ наоучи ме. яко тъщетно и врѣдно ес(ть) богатьство имоущим(ъ) ю. и вѣроуехъ гавлюнїю //

183d твоемоу. и прѣвыхъ въ нищетѣ сѣи. дондѣже ты богатьство истинное гави се. извравыи ме и дос(то)иные себѣ. нищее соуще. и ѿ бгатьства бжства своего вбогащае. и ѿ печали своваждае. сконуах же гн заповѣды твое. и быхъ(ъ) ниць и трѣвоую. и страньнь и рабъ. и вниуьжень, и свезань и алуень и жедьнь. и вось. и троуды многыє приех(ъ). да не погыбнеть надежда моа. и вданїе моє иже на тѣ. да не погыбнеть многое дѣло мое. да не погыбнеть въ троудъ вниуьжень. да не погыбнѫть ми млтви и уестїи пос(ть) мои. и многое тъщанїе моє еже к тебѣ. и да оумножїть се семе пшенїце моею на твоеи земли. да не въсхытить его врагъ. и свои плѣвель въмѣсить. твоа бо земла въ истиноу не приемлет зданїа его. не можетъ во въсипа //

184a но бъти въ домы твое.
146. виноград(ъ) свои иже насади на земли коренна. въ глъбиноу въсадиль. а прозебение иего на высотоу прострѣ се. и ѿ того въселит се дос(то)ино. твоим же пороуших се сребромь иже въдахъ на трьзѣх(ъ) югоже истезати имаши. аз же въдахъ є на лихвоу еже заповѣда ми единоу ми манась коуплю да въсоугоубых(ъ). и приложи ми къ имѣнїю иже имѣхъ такоже вбѣща се длъжникоу вставихъ. и манасоу подах(ъ) не истежи є ѿ роукы моею гн мои їс хс.
На вечер(е)роу твою призвань быхъ. и пїидох(ъ) съ села и ѿ соупроуга. и ѿ жены, на вракь призвань быхъ(ъ). въ бѣлоу ризоу вблькъ се. радь приидохъ да дос(то)инь боуд(оу). да не свезань боуд(оу) по роуцѣ и по ногѣ, ни въврьжень боуд(оу) въ тмоу кромѣшноую. да не оугаснеть свѣтилникъ сиаеи

184b ми свѣтомь. и шкрьми еже бывах(ъ) свѣтилныкъ свѣтомь. имы свѣщоу мою възгорѣвшоую се свѣтло. и да не оузроу єю оугашение скоудотою масла. и заблоуждоу. не въздрѣмахъ оунивь вьблюде заповѣди твое. въ прьвоспыи полоуношие. въ петлоглашение. да оуи мои зрита и сръдце моє веселит се радостно. сконувшоу ми волю твою и заповѣды твое съблюдшоу ми. да под(о)бьнь боуд(оу) вѣрномоу ти рабоу и моудромоу. иже твоею волею и вдѣниемь не нераждоу ѿ клеврѣтѣх(ъ). всоу ношь дѣлах(ъ) хране да не подкопана ми боудеть храмина ратнык(ъ).

147. погасом се прѣтегноухъ истиною. въ сапогы се вбоухъ да не нозѣ си голѣ зроу. роуцѣ си въложих(ъ) на рало прѣд(ъ) соупроуга зре да враздоу си оуправлю. Ѡплавѣ нива и наста жетва. //

184c да мьздоу си исплънь приимоу. ждѣание си шветшае моє швновыхъ(ь). да новаго си улка прѣдставлю вес порока. прьвою стражоу и второю и третїю. испытанно створихъ(ь) да лице тыи оузроу. поклоню се стмоу ти сиганию. и скро(в)енихъ мрьтвыиа скровища на земли. да нбсныхъ(ь) скровищь насыщоу се. имѣние своє все продахъ(ь) да тебе бисера пришврещоу.
Соущїи вь мнѣ влажныи истоунык҃ь исоуших҃. да неискоудным(ь) твоимь истоунык҃омь пожив҃ь поую. свезна єгоже прѣдаль юси оубых҃(ь). да раздрѣшение вь мнѣ надежд не ѿпадеть. си вса вьноутрьнимь улком(ь) и вънѣшнимь волю твою створихъ. вьспет же не вьзвратихъ се. напрѣд(ь) же поидохъ. да не вь понось боуд(оу). мрьтвыиа изгнах҃(ь). а живаго вьведох҃(ь). //

184d да прїимоу вѣньць побѣды. да заповѣди твое вь мнѣ прѣбоуд(оу)ть. пощенїе сь радостию приех҃(ь) на земли.

148. вьзмьз(д)ыа (?) иже вь улвцѣх҃(ь) да ниусоже ѕмыслеть ѡ мнѣ. властеле и мытарие да не шврещоуть ниусоже вь мнѣ истежницї ниусоже вь мнѣ да не сьдѣють. да не вьзоупїють на ме кнези змїины. к тебѣ вьзносещоу ми се да не вьзыдоуть стати прѣд(ь) мною. твоею рад(и) сили покривающее ме. да вѣжет(ь) крыюще с(е) ѿ мене. не могъще вьзырати напрасно на послоушателе твое. уьсть бо их҃(ь) непригазнина юс(ть) и швлиуають их҃(ь), неистовьство их҃ь знаемо юс(ть).
Покры ме ги їсе да прѣидоу безмлвиемь. и радостию и миром(ь). да станоу прѣд(ь) тобою сь дрьзновениемь. да не вьзрить на ме дїаволь. нѣ шуи єго да шсльпнета спѣющим(ь) твоим //

185a свѣтомь на мѣ, имже се вь ме вьсели. да стисноут се нераздвижно оуста диавола и ниусоже на ме да не швреметь.

168. И сице помлив се реу(е) воиномь прїстоупите и сконуаите заповѣд(ь) послашаго вы. и прїшьдше вси четыре проводше и копиами и пад(ь) прѣдас(ть) дхъ. брат(и)а же вса плакахоу се. и принесоше одѣние плашаницоу и повише и. и положивше и вь гровѣ црьсцѣ вь нѣмже прьвїи црїе положени выше.

169. сифор же и ѕазь не хотѣста снити вь градь. нѣ тоу сѣдаста сѣтоующа фомоу. иави с(е) же има апсль фома и реу(е) има, по уто сѣдита сѣтоующа мене. вьзыдох҃(ь) и прїех҃ь швѣтование. рад(о)уита же се паче сь мною.
Моуждѣи же и харсии, ѿриноуста моугдѣнїю црцоу и ферентианоу. и велмї моуиста ю лютыми моуками. шнѣ же довръ //

185b стрьпѣста хса ради. не послоушавше воле [ею].
Блженни же фома иави се има и реу(е) їсь шщьваю помощ вама вьскорѣ подас(ть). моуждѣи же црь и харись разоумѣвша иако до съмрьти не послоушаета ю, моугданиа же и терентиана шстависта иа вь свою волю жити. брат(и)а же извѣщаемы и вь

вѣрѣ х҃свѣ к҃ севѣ ю прiве́доше. и прилагающе с(е) г҃ви и множахоу се бл҃годѣтию с҃тго дх҃а.

апс҃ль же ѳома ѿхо́де кь г҃оу егда вьзыде на гороу на ѕмрьтвїе софора́ попа поставi. а оуна на диакона. г҃ь же вѣ с нима. и мноѕи кь вѣрѣ прилагахоу се.

170. лоу́ви же с(е) по мно́ѕѣх(ь) л(ѣ)тѣхь единомоу ѿ с҃новь моуждеевь вѣсноу быти. и никто́ же вьзмо́же его исцѣлити. ѕ҃ло́ во вѣ҃ лють вѣсь. и оумыслив же цр҃ сице иты҃ и ѿкрыти гро́бь апс҃ла и вьзети кость //

185c ѿ нюго и привеѕати с҃нѣ своемь и исцѣлаѥть ѿ вѣса. и хо́те же се҃ створити тави же с(е) емоу апс҃ль и рeч(е). вь жива ли не вѣрова вь ме҃ вь мрьтва ли оубо҃ вѣроуеши. wбаче ѕво не ѕвои се млр҃дьнь на те҃ воудеть г҃ь мои їс҃ х҃сь. блг҃дтне ради своеѥ. и шьдь цр҃ь не wбрѣте ничесоже вь ковчеѕѣ. единь во ѿ брат(и)е оукра́де тѣло апс҃ла. и несе є вь месопотамїю. ѿ того же мѣста идеже лежахоу мо́щи с҃та҃го апс҃ла вьзьмь прьсть привеѕа с҃нѣ своем(ь). и рeч(е) г҃и їс҃ х҃се вѣроую вь те҃. аще пр҃дповным(ь) сѝмь апс҃лмь исцѣлиши с҃на моего. и абїе цѣль быс(ть). ѿтолиже вѣрова х҃свы моуждѣи цр҃ь. и вьсоу братию съвираше. и поклони главоу свою под(ь) роуцѣ их(ь). сифора презвитера. и г҃лше кь братїи мл҃ите се ѕа моуждѣа цр҃а да мл҃стивь боудеть емоу х҃сь вь. и ѿпоущенїе грѣховь его подас(ть). и не пометь[5] его ѕо́ль[6]. вси же съгла́сно рад(о)ующе се творахоу же ѕа нь мл҃твѕ. и бываше радос(ть) велика братїи сь цр҃емь. w пр҃славныхъ(ь) бываемыхъ(ь) апс҃ломь ѳомою. на мѣстѣ идеже положено быс(ть) тѣло его. вь славоу г҃а нашего їс҃ х҃са коуп҃но сь ѿцемь и сь с҃тмь блгым(ь) и живо́творещимь дх҃мь твоимь и нн҃а и пр(и)сно и вь вѣкы вѣком(ь). аминь.

[5] поменеть?

[6] о is corrected to ь with a blue ink.

БАН - Институт за литературу БИБЛИОТЕКА

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4 / 2005-2006

Третья русская редакция Тырновского проложного жития св. Йоанна Рыльского

Елена Томова

Наряду с *Первой* (ПРР) и *Второй* (ВРР) русскими редакциями Тырновского проложного жития (ТР) болгарского святого Йоанна Рыльского[1], т.наз. *Третья русская редакция* (ТРР) вызывает заслуженный интерес с точки зрения своей литературной истории. Она представлена в шести списках, датирующих с конца XV до конца XVII в. Новая редакция первого проложного агиографического произведения о рыльском отшельнике распространена в сборниках постоянного и смешанного состава: а) в прологах за зимнюю половину церковного года; б) в кодексах житий, поучений и сказаний; в) в сборниках служб и житий. Списки новой редакции находятся в следующих рукописях:

1. Пролог, сентябрь – 20 февраля. Кон. XV в. (РНБ, Основное собрание, р. F.I. 297)

2. Пролог, сентябрь – январь. XVI в. (ГИМ, Собрание Н. П. Вострякова, р. 128)

3. Сборник житий, поучений и слов. 40-е г. XVI в. (РГАДА, ф. 196, Собрание Ф. Ф. Мазурина, р. 357)

4. Пролог, сентябрь – февраль. 1570 – 1575 гг. (РНБ, ф. 775, Собрание А. А. Титова, р. 1220)

5. Сборник служб, житий и сказаний. Перв. пол. XVI в. (РГБ, ф. 256, Собрание графа Н. П. Румянцева, р. 397)

6. Сборник житий и слов. Сер. XVII в. (РГБ, ф. 98, Собрание Е. Е. Егорова, р. 1715)

Прежде чем анализировать содержание и структуру текста ТРР, остановим наше внимание на виды сборников, содержащих тексты новых списков жития. По мнению Е. А. Фет, прологи F.I.297 (первая часть) и Тит. 1220 принадлежат к так называемой Третьей редакции Пролога, причем первый из них

[1] См. подробнее о двух указанных редакциях (Томова 1993: 143–154, Томова 2003: 246–260)

отнесен к новгородскому типу, а второй – к макариевскому[2]. Те же прологи, а к ним добавляем и Востр. 128, группированы Л. П. Жуковской в т. наз. "Исправленную летописную редакцию I б"[3]. Кроме прологов, новый текст жития переписывается также в сборниках житий и слов (Маз. 357), служб и слов (Рум. 397). Весьма показателен состав агиографической части в Мазуринской рукописи. С одной стороны, некоторые произведения пришли из Простого пролога (например, житие княгини Ольги), с другой – неизвестный книжник включил сочинение о псковском святом (о князе Всеволоде Псковском, под 11.2.), а также, что является типичным для Третьей редакции жития – житие князя Александра Невского, под 23.11.

Наблюдения над Румянцевским списком показывают, что он содержит одну из редакций службы св. Йоанну Рыльскому, которая, по утверждению Б. Ст. Ангелова, "содержит общие стихиры с известными до сих пор редакциями"[4]. Исследователь относит эту редакцию к первичной, старинной рыльской редакции, подвергнутой переделке после перенесения мощей святого из Рылы в Средец[5]. Житие переписано в конце рукописи, в его проложной части. В отличие от данных в службе, где нет рассказа о перенесении мощей ни в Венгрию, ни в Тырново, в проложном тексте рассказ о судьбе останков продолжается.

При сравнении составов сборников Богд. F. I. 682 и Рум. 397 и текста проложных сочинений, определенно можем утверждать, что переписчики этих кодексов пользовались разными протографами.

Основные выводы текстологического анализа могут быть обобщены следующим образом:

1. Несмотря на большую одинаковость текста, в трех из списков наблюдаются различия в названии произведения (это случается не очень часто):

Р **в҃ .ѳ҃і. дн҃ь прп(д)бнаго wц҃а нашего Iw(н)а Рꙑ(л)скаго свѣтилника. нова(г) ꙋю(д)отво(ꙗ)ца.**

В **в҃ тои же дн҃ь память прп(д)бнаго wц҃а нашего Ѩоанна Рꙑльскаго свѣтильника жившаго в доуплено(м) древѣ и многа ꙋюдеса сътвори(в) w Х҃ѣ при животе свое(м). и по смерти принесено вꙑ(с) тѣло его въ ц҃рствоующии градъ.**

М **м҃(с)ца октавр҃а в҃ ѳ҃і дн҃ь память прп(д)бнаго wц҃а нш҃его Ѩоанна Рꙑльскаго свѣтильника жившаго в доуплене(м) древе.**

---

[2] О характеристике Третьей редакции Пролога см. (Фет: 58–60)

[3] Жуковская 1983: 110–120.

[4] Ангелов 1977: 69.

[5] Ангелов 1977: 70

Особенности в названиях жития, а также результаты разночтений указывают на прямую зависимость между списками *B*, *T* и *E*.

2. В сравнении с ТР, ПРР и ТРР в рассматриеваемых списках совершены новые композиционные изменения, новая перегруппировка отдельных эпизодов. Так например, в тексте сокращены Венгерская легенда и финальная молитва. Перенесение мощей в Венгрию, в венгерский город Остригом отражено как краткий рассказ с лаконическим, летописным тоном. В сокращенном варианте представлен тоже рассказ о перенесении мощей из Средеца в Тырново. В одном из списков (*E*) указана ошибочная дата этого события: лѣто ϛ҃ѕ҃ семьсотное.

3. Что касается языковых черт ТРР, можно подчеркнуть стремление переписчика жития заменять местоимения существительными именами. Встречается также неправильное написание географических имен: Средца греде(ч)ского, Скино (*M*), Трапезѣ (*O*) и другие.

4. При сравнительном анализе стало ясно, что наблюдаются различия и в заключительной части жития. Это касается, главным образом, Румянцевского списка, который кончается без нужной финальной части (фразы), и Мазуринского списка, где концовка текста отличается от остальных.

5. На основании результатов текстологической обработки всех списков ТРР можно до определенной степени очертить генеалогическое родство между списками, одновременно с тем бросить свет на историю текста этой редакции на русской почве.

Самый ранний список *O* возникает в конце XV в. и является продуктом новгородской традиции Третьей редакции Пролога. Текст появляется в момент, когда Пролог формируется со своим новым составом. Список *O* свидетельствует о сильном вмешательстве неизвестного русского книжника в житийный текст, когда в принципе все тексты сокращаются; в значительной степени изменяются и сочинения нравоучительного характера. В эту разновидность Пролога (новгородский) включены многочисленные жития славянских и местных святых. Самый близкий к Основному – Титовский список, где число житий местных и общенациональных русских святых в значительной степени больше, чем в остальных списках произведения. Указанный список – представитель "Макарьевского" типа пролога, в котором помещены памяти канонизированных во время обоих Макарьевских соборов (1547 и 1549 гг.) святых. И действительно, как утверждает Е. А. Фет, по изобилию русских житий Тит. 1220 позволяет нам "видеть вершину описываемого процесса"[6].

---

[6] Фет 1980: 58.

В непосредственной связи с Титовским находится список жития в прологе Востр. 128. С уверенностью можно утверждать, что речь идет о третьем прологе в составе группы кодексов, показывающих по какой линии переписывались отдельные тексты. Из Пролога новая редакция попадает в сборники смешанного состава, к которым принадлежат Мазуринская, Румянцевская и Егоровская рукописи. По данным разночтений можно судить о следующих взаимосвязях: во-первых, между Титовским и Мазуринским текстами и, во-вторых, между Мазуринским, Румянцевским и Егоровским списками. Приведем некоторые примеры:

О изъ младенъства бг҃а возлюбивъ
Т ѿ младъı(х) ного(т) бг҃а возлюбивь
М ѿ младъı(х) ного(т) бг҃а возлюбивь
Р ѿ младъı(х) ного(т) бг҃а возлюбивь

Просмотр литературной истории ТРР Тырновского проложного жития св. Йоанна Рыльского дает нам возможность проследить его судьбу в письменной продукции псковско-новгородских монастырских книжных центров, куда с конца XV в. не только проникает культ болгарского святого, но и сочинение неизвестного тырновского книжника XIII в. становится основой для творческой обработки текста и появления его новых богослужебных функций в русской средневековой агиографической и гимнографической традициях.

Возникновение Третьей (Новгородской) редакции Пролога как литературного свода нового типа является одним из интереснейших явлений в славянской книжности XV в. Новая версия Тырновского проложного жития позже попадает в литературу Московского государства и московских культурных центров. Ее распространение продолжается в XVI и в XVII в. Таким образом, ТРР становится новым, важным элементом богатого агиографического цикла о св. Йоанне Рыльском, основателе крупнейшего монастыря в средневековой Болгарии.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Пролог, сентябрь – 20 февраля. Кон. XV в. (РНБ, Основное собрание, р. F.I. 297). 1^0, 332 лл., письмо в двух колоннах, полуустав. Русская редакция. Среди славянских памятей: Людмила Чешская (16.9.), Михаил Черниговский (20.9.), Сергий Радонежский (25.9), Йоан Рыльский (19.10.), на л. 88*б* – л. 90*б*; Аврамий Ростовский (29.10.), Апостол Андрей (30.11.), Чудеса Варлаама Хутынского (3, 4, 5.11.), Антоний Римлянин (17.1.).

Шифры: F.I. 297; Из библиотеки графа Ф. А. Толстова, № 322.

Описание: Бычков И. А., *Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова*. СПб., 1891, 1, с. 20.

2. Пролог, сентябрь – январь. XVI в. (ГИМ, Собрание Н. П. Вострякова, р. 128). 1^0, 420 лл., полуустав. Русская редакция. Среди славянских памятей: Житие Йоанна Рыльского (19.10.), на л. 142*б* – 144*б*; Житие Стефана Сурожского (15.12.), Житие Саввы Сербского (14.1.).

Шифры: № 128.

Описание: Титов А. А., *Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву*. М., 1888–1907, I, с. 15.

3. Сборник житий, поучений и слов. 40-е г. XVI в. (РГАДА, ф. 196, Собрание Ф. Ф. Мазурина, р. 357). 4^0, I+782 лл., средний полуустав. Русская редакция. Среди славянских памятей: Житие князя Всеволода Псковского (11.2.) и Рассказ о перенесении его мощей (25.11.); Житие князя Дмитрия Ивановича (19.10.), Житие Йоанна Рыльского (19.10.), на л. 613*а*–615*б*; Житие Ефросинии Полоцкой (24.5.), Житие княгини Ольги (11.7.); Слово о крещении благоверного князя Владимира (11.7.), Похвальное слово князю Александру Невскому об его успении и чудесах (23.11.); Житие князя Александра Невского (23.11.).

Шифры: №357.

Описание: *Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина*, I, с. 64–73.

4. Пролог, сентябрь – февраль. 1570–1575 гг. (РНБ, ф. 775, Собрание А. А. Титова, р. 1220). 1^0, 466 лл., письмо в двух колоннах, полуустав. Русская редакция. Среди славянских памятей: Житие митрополита Киприана (16.9.); Житие Саввы Соловецкого (27.9.); Житие Йоны Новгородского (5.11.); Житие Йоанна Рыльского (19.10.), на л. 132*б*–134*б*; Житие Саввы Вишерского (1.10.); Житие Стефана Дечанского (11.11.); Житие князя Александра Невского (23.11.); Житие Никона Радонежского (17.11.); Житие Саввы Сторожевского (3.12.); Житие Павла Обнорского (10.1.); Житие Михаила Клопского (11.1.).

Шифры: 1220; Библиотека Титова, № 878.

Описание: Титов А. А., *Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании члена-корреспондента Общества любителей древней письменности А. А. Титова*. СПб – Москва, 1893–1913, I, 64–65.

5. Сборник служб, житий и сказаний. Перв. пол. XVI в. (РГБ, ф. 256, Собрание графа Н. П. Румянцева, р. 397.). 1^0, III+432+I л., письмо в двух колоннах, два почерка. Русская редакция. Среди славянских памятей: Житие Йоанна Новгородского (7.9.); Житие Саввы Вишерский (1.10); Житие Йоанна Рыльского (19.10.); Житие Аврамия Ростовского (29.10.); Житие Йоанна Новгородского (5.11.); Житие Никона Радонежского (16.11.); Житие князя Александра Невского (23.11.); Житие Всеволода Псковского (26.11.); Житие Саввы Сторожевского (3.12.); Житие Георгия Нового Софийского (26.5.); Повесть о Петре и Февронии Муромских (25.6.). В рукописи есть еще жития, слова и сказания многих мест-

ных русских святых. Из сербских святых представлен только Стефан Дечанский (11.11.).

Шифры: № 397.

Описание: Майкова, Щербачева. *Описание рукописей собрания Е. Е. Егорова*. Машинопись, с. 592–604.

6. Сборник житий и слов. Сер. XVII в. (РГБ, ф. 98, Собрание Е. Е. Егорова, р. 1715). 1^0, полуустав, несколько почерков. Русская редакция. Среди славянских статей: Житие Йоанна Рыльского (19.10.), на л. 221*б*–л. 223*а*.

Шифры: № 1715.

Описание: Майкова, Щербачева. *Описание рукописей собрания Е. Е. Егорова*. Машинопись, с. 590–591.

Сокращения списков:

1. Основной	*О*
2. Востряковский	*В*
3. Мазуринский	*М*
4. Титовский	*Т*
5. Румянцевский	*Р*
6. Егоровский	*Е*

Сокращения рукописных собраний

Осн.	Основное собрание, ф. 31(в составе Собрания Российской академии – БАН, Санкт-Петербург)
Востр.	Собрание Н. П. Вострякова (ГИМ, Москва)
Маз.	Собрание Ф. Ф. Мазурина (ф. 196, РГАДА, Москва)
Тит.	Собрание А. А. Титова (ф. 775, РНБ, Санкт-Петербург)
Рум.	Собрание графа Н. П. Румянцева (ф. 256, РГБ, Москва)
Ег.	Собрание Е. Е. Егорова (ф. 98, РГБ, Москва)

БИБЛИОГРАФИЯ

Ангелов 1977: Ангелов Б. Ст., "Съчинениия за Иван Рилски." // Б. Ст. Ангелов. *Из историята на старобългарската и възрожденската литература*. С., 1977, 56–87.

Жуковская 1983: Жуковская Л. П., "Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи)." // *Славянское языкознание. Международный съезд славистов.* Доклады советской делегации. Москва, 1983, 110–120.

Томова 1993: Томова Е., "Нови аспекти в развитието на агиографските цикли за търновския кръг светци в литературната традиция на XV в. // *Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век.* НБКМ, С., 1993, 143–154.

Томова 2003: Томова Е., "Култът към търновските светци в славянската ръкописна традиция през XVII век." // *Пѣти достоитъ. Сборник в памет на Стефан Кожухаров*. С., 2003, 246–260.

Фет 1980: Фет Е. А., "Новые факты к истории древнерусского Пролога." // *Источниковедение литературы Древней Руси.* Ленинград, 1980, 53–70.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Третья русская редакция Тырновского проложного жития св. Йоанна Рыльского:

В качестве основного текста для разночтений использован самый полный и характерный список в Сборнике житий и слов. Сер. XVII , РГБ, ф. 98, Собрание Е. Е. Егорова, р. 1715, л. 221б – л. 223а.

М(с)ца сѫктѧбрѧ в ѳї днь пѧмѧть пр(п)дбнаго сщ҃а нашего Ѩоанна рылскаго живъшаго в҃ доуплѧномъ древе и многа оудесѧ сотворивъ ѡ хр(с)тѣ при своемъ животѣ и по смерти принесенно бысть тѣло въ цр҃ьствоующ҃ии градъ[1]

Стꙋыи[2] прп(д)обнꙋыи щъ нашъ[3] Ѩоаннъ[4] великїи в҃ постницѣхъ просиꙗвше[5] ѕѣло рожеисѧ[6] ѡ(т) предѣлъ славнаго града[7] Средеческаго,[8] ѡ(т) села нарицаемаго Скрина.[9] а[10] цр(с)тва[11] хр(с)тлюбиваго цр҃ѧ Петра[12] болгарьскаго,[13] а греческаго Констѧнтина[14] Диоги (sic!) ѡ(т) родителю бл҃гоуестивоу. и ꙗ҆ко[16] богатоу[17] прї имени[18] болъгар҃скаго. родителема же его[19] ѡ(т)шедшима[20] ѡ(т) житїѧ сего[21], сеи же из[22] младеньства[23] вг҃а возлюбивъ,[24] всѧ оставльше[25] емоу ѡ(т)ческаго[26] имѣниѧ ницимъ и маломощьнꙋы(м) раз҃давъ самъ[27] воспринмъ мнишескїи ѡбразъ, и изъыде ѡ(т) оуества[28] своего. ниуесо[29] же[30] носѧ на тѣле своемъ тоую единоу ризоу коженоу[31] и на гороу нѣкоую вшедъ въсокоу и поустоу. и тоу на добродѣтель подвизаша сѧ[32] въліѣмъ дивїимъ питаше сѧ.[33]

Помале[34] времени дꙗволъскимъ[35] наважен҃ѣмъ[36] разбоиницꙋ[37] нападоша на стг҃о Ивана, и҃ ꙗ҆ко вивше его изгнаша и ѡ(т)тоудоу же Ѩоаннъ ѡ(т) тоа горꙋ исше(д), всели сѧ в поустꙋыню рꙋльскоую. [38]подвизаша сѧ крѣпко[38] в҃ доупленое[39] древо вшедъ. в҃ постѣ и в҃ молитвахъ и҃ во слезахъ[40] пребꙋваше. непрестанно бг҃оу молѧ сѧ [41]ѡ(т) въліѧ тоую потребоу телесноую прїимаше и[41] се пощ҃скоудоу,[41] и лица ꙋ҆ꙋа ѡ(т)нюдъ

не видѣ. но и со звѣрьми[42] пребъıваше,[43] видѣ[44] же бг҃ъ великое тр҃пѣние его, на мѣсте томъ и[45] повелѣ сливноу[46] израсти, и ѡ(т) того ст҃ъıи Іоанъ[47] много[48] питаше сѧ, посемъ оувѣданъ[49] бъıсть[50] нѣкоими пастъıрьми, и тѣми [51]во всѧ странъı[51] сказанъ бъıсть.[52] и мнози к немоу притекахоу,[53] и недоужнъıхъ[54] [55]к немоу[55] приводяще,[56] [57]они же[57] мл҃твами[58] ст҃го изцѣление[59] приемлюще ѡ(т)хождахоу. і[60] по всеи земли изъıде слава ѡ пр҃пвне(м) ѡ(т)цѣ[60] Иване.[61] и[62] мнози людие[63] поревноваша[64] ст҃омоу[65] житию его[66] с нимъ жити[67] изволиша[68] и прилежимемъ[69] в҃[70] вертъпе[71] цр҃квь сотвориша, и мн(с)тръı сограднша, наѹалника и пастъıрѧ имоуще прп(д)бнаго. онъ же добрѣ пасъ[72] стадо свое и многи дш҃а г(с)ви приведе. велиѧ[73] і прославнаѧ ѹоудеса сотвори і въ глоубокоую старость достигъ. и съ миро(м) житїѧ[74] приатъ и[75] престави сѧ к҃ нестарѣıщемоу сѧ бл҃женьствоу, і тоу своими оуѹеники погребенъ бъıсть.

І времени многоу миноувшоу[76] ꙗ҆ко[77] и ꙗ҆ви сѧ ст҃ъıи Іоанъ[78] оуѹеникомъ своимъ и повелѣ принести[79] мощи своѧ во градъ Средецъ. оуѹеницъı же его[80] сиѧ[81] слъıшавъ[82] ѡ(т)верзъше[83] гробъ его[84] и видѣша тѣло его[85] цѣло и тли непричастно бл҃гоуханїѧ испоущающе, і прославиша вси[86] бг҃а, и тако ѵ(с)тно[87] принесоша в҃ Средъ (sic!) градъ.[88] і положиша въ цр҃кви ст҃го ап(с)ла і ев(г)листа Лоуки. послѣди же цр҃квь прекрасна соз҃данна бъıсть во имѧ его, и тако в неи положиша мощи его[89] прп(д)бнаго ѡ(т)ца[90] нашего Іоанна, і доннѣ[90] творятъ[91] дивнаѧ и преславнаѧ ѹюдеса. и[92] посемъ оугорьскїи король[93] плени греческоую землю. даже и до Сре(д)ца дошедъ и прп(д)бнаго ракоу с тѣломъ взѧ. и слъıшавъ[94] бо бѧше ѡ ѹюдесѣхъ его. і изнесе[95] въ свою страноу і положиша во цр҃кви ѵ(с)тно во граде Ѳстрогоме,[97] и тамо непрестанно[98] ст҃ъıи ѹюдеса творяще[99] і знаменїѧ многа. и оудиви сѧ[100] король о преславнъıхъ ѹюдесѣхъ[101] ст҃го Іоана.[101] і оужасомъ великимъ[102] ѡдер҃жимъ въıвъ і оукрасивъ ракоу ст҃го сребромъ и златомъ и облобъıзавъ[103] мощи ст҃го[103] с великою ѹестию въ Средецъ[104] градъ паки[104] возврати,[105] и тако[106] въ ст҃ѣи[107] своеи цр҃кви положенъ бъıсть. в лѣта ,ѕ. шестьсо(т) девтдесѧ(т) девато[108] (sic!).

Посе(м) же цр҃ь болгаръскии Іванъ[109] мнѡгъı градъı покори посѧ(д)[110] и дошедъ[111] до Сре(д)ца града.[112] и того взѧтъ.[113] и видѣвъ ст҃го и прп(д)бнаго ѡ(т)ца нашего Іоана, многа ѹюдеса сотвори,[115] и слъıшавъ преславнаѧ ѩже ѡ ст҃емъ поклони сѧ емоу.[116] и ѡблобъıзавъ ѵ(с)тнъıѧ[117] [118]мощи его.[118] и повелѣ сщ҃еномоу патрїархоу Василью і иже с нимъ приутомъ взати преславноую[119] ракоу со многою ѵ(с)тию нести пред ними до цр(с)каго града Търнова. и[120] пристави триста воинъ избранньıхъ на провожение ст҃го.[121] тако и[121] патриархъ и вси соущии с нимъ положиша[122] на коло[123] ракоу ст҃го. и[124] идяше поутемъ с радостию и[124] с веселиемъ славяще бг҃а и молитвами ст҃го наставлѧеми, с ними[125] идяхоу мниси из[126] монастъıрѧ ст҃го игоумень Іоаникїи,[127] а самъ бл҃гоуестивъıи цр҃ь Іоанъ[128] скоро предваривъ цр(с)кїи градъ. и повелѣ скоро[129] оустроити[130] цр҃квь во граде Трапезонѣ,[131] на[132] положение ст҃го

Николы.[133] чєстнꙗ его мощеи. цр҃ь же оувѣдє,[134] ꙗко приближилъ сѧ єсть патрїархъ и вси соущїи с нимъ носѧще ракоу[135] прп(д)бнаго[136] и изъыде самъ цр҃ь и вси с нимъ боляре и властели и все множество людїи на окопъ въ срѣтение[137] че(с)тныхъ[138] мощеи[139] и [140]весь народъ радоующе сѧ дх҃овно[140]. и видѣвше поклониша сѧ мощемъ прп(д)бнаго ѡ(т)ца и бꙑсть[141] седмь[142] днеи дондеже[143] въ цр҃кви ст҃го положиша мощи[144] со многою чєстїю и ѡстиша[145] цр҃квъ ст҃го[146] вг҃олѣпно. в҃ѧ лѣто семьсотьное,[147] даже и[148] дон҃нѣ[149] лежитъ ст҃ое[150] тѣло прп(д)бнаго ѡ(т)ца[151] Їѡанна[152] чюдотворца.[153] вг҃оу нашемоу слава нн҃ѣ. и пр(с)но. и во вѣки вѣкомъ.[154]

Разночтения

1: *B* Ѣ тои же дн҃ь память прп(д)бнаго ѡц҃а нашего Їѡанна Рꙑльскаго свѣтильника жившаго в доуплено(м) древѣ и многа чюдеса сътвори(в) ѡ Х҃ѣ при животе свое(м). и по смерти принесено бꙑ(с) тѣло его въ цр҃ствоующии градъ ; *M* м(с)ца октѧвр҃а в҃ Ф҃І дн҃ь память прп(д)бнаго ѡц҃а нш҃его Їѡанна Рꙑльскаго свѣтильника жившаго в доуплене(м) древе; *P* в҃ .Ф҃І. дн҃ь прпбнаго ѡц҃а нашего Іѡна Рꙑл(с)каго свѣтилника. новаго чюдотворца: в остальных нет; 3: *M, P* нш҃ъ; 4: *M* Їѡ(н)нъ; 5: в остальных нет; 6: в остальных нет; 7: *M* нет; *M, P* + Сред҃ца; 8: *M* Греде(ч)скаго (sic!); 9: *M* Скино; в остальных Скрино; 10: в остальных въ; 11: в остальных цр(с)тво; 12: *M, P* во(л)гар҃скаго; 13: *M, P* Петра; 14: *M* Констѧ(н)тина; 15: в остальных Диѡ҃гена; 16: *M, P* не ѕѣло; *O* богата; 17: *O* ѕѣло; 18: *M, O* племени; *P, T* племене; 19: *M* нет; 20: *M* ѡ(т)шедши; 21: *P* нет; 22: *M, P, T* ѿ҃; 23: *M, P, T* ѿ҃ младꙑ(х) ного(т); *O* измлада дръжаше(с); 24: в остальных нет; 25: *M* ѿ҃ставив҃шаѧ҃; 26: *M, P* ѻ҃ѵѣскаѧ҃ ; 27: *M, P, T* + же; 28: *M, P* ѻ҃течества; 29: в остальных нигего; 30: *M* и҃ного; *P* нет; 31: в остальных кожаноу; 32: *M, P* подвизаше сѧ; 33: *P* питаꙗ сѧ; 34: в остальных помалѣ; 35: *M, P* дїаволи(м); 36: *M* нет; *P, T, O* навожденїемъ; 37: *M* нет; *P* ра(ꙁ)боиноцъı (sic!); 38–38: *M* крѣ҃п҃ки спо(д)виза сѧ; 39: *P* допленое҃; 40–40: *M, P* непрестан҃но Бг҃а моля пребꙑваше; 41–41: в остальных нет; 42: в остальных + дивими; 43: в остальных бѧше пребꙑваѧ; 44: *M* видѣв҃; *P* вѣдѣ; 45: в остальных нет; 46: *M, T, O* сланоут҃коу; *P* слав҃ноут҃коу; 47: в оста льных нет; 48: в остальных многа лѣта; 49: *M* ѻ҃увѣ҃дано; 50: в остальных бꙑвъ; 51–51: *M* всюдоу; P, O, T повсюдоу; 52: в остальных бꙑвъ; 53: *M* притѣцахоу; *P* притицахоу; 54: M, P недоужнꙑѧ; 55–55: своѧ҃; 56: M приношахоу; P приносѧщеи; 57–57: *M* ѣ ; *P* нет; 58: *M, P* + же; 59: в остальных ꙁдравїе; 60–60: *M* ї҃ изъыде слава прп(д)бнаго во всѣ҃ земли; 61: в остальных нет; 62: в остальных нет; 63: в оста льных нет; 64: *M, P* ревноующе; 65: в остальных добродѣтелномоу; 66: *M, P* ст҃го; 67: *M* нет; 68: *M* нет; 69: *M* нет; 70: в остальных нет; 71: *M* вертепе; 72: *M* пасъıи; 73: *M* и҃ велїѧ҃; 74: *M* житїю҃; 75: в остальных нет; 76: *M* преше(д)шоу; 77: в остальных нет; 78: в остальных нет; 79: *M* пренести҃; 80: в остальных нет; 81: в остальных нет; 82: в остальных нет; 83: в остальных ѡ(т)крꙑв҃ше; 84: в остальных нет; 85: в ос-

тальных прп(д)внаго; 86: в остальных нет; 87: в остальных с^{ъ} чести҃ю; 88: в остальных Средецъ; 89: в остальных нет; 90: в остальных нет; 91: *M* твори; *P* твора; 92: в остальных нет; 93: *M, P* краль; 94: *M, P* слъша(л); 95: *M, P* снесе; 96: *M* оудивль; положи; 97: *O* Ѳстригонъ; 98: *M, P* не престаѧ; 99: *M, P* твора; 100: *M, P* 101–101: *M* его с҃тго; *P* с҃тго; 102: *M* велми; P велїимъ; 103–103: *M* нет; 104–104: в остальных нет; 105: в остальных посла; 106: *M* таково; 107: *M* с҃тыи; 108: *M* ꙗ҃·х҃·ѵ҃·д҃·; *P* ꙗ҃·х҃·ѵ҃·ѳ҃·е; 109: *P, T, O* Ѡанъ; 110: *M, P* пос(д)ѧ(sic!); 111: *M, P* доше(д)и; 112: в остальных нет; 113: в остальных вѯѧ; 114: в остальных нет; 115: *M, P* творѧща; 116: в остальных с҃томоу ковчегоу его; 117: в остальных пречестныа; 118–118: в остальных его мощи; 119: *M* всеславноую; 120: *M* да и; 121–121: *M, P* и тако; 122: *M, P* возложиша; 123: в остальных кола; 124–124: *M, P* ѩша сѧ поути с радостїю и идѧхоу; 125: *M* + же; 126: *M, P* + же; 127: *P* Ианикїе; 128: *O* Сѣнь именемъ Ѡанъ; 129: *P* нет; 130: *P* + скоро; 131: *M, P* Трапезицѣ; *O* Трапезѣ; 132: *M, P* во имѧ; 133: в остальных нет; 134: *M* видѣ; *P* оувѣдѣ; 135: *M* прп(д)внаго; 136: *M* рако҃у; 137: *M* срѣтїе; 138: в остальных нет; 139: *M, P* моще(м); 140–140: *M, P* радоующе сѧ телесы и веселѧще сѧ дхо(м); 141: *M, P* нет; 142: *M, P* ·ѕ҃·; 143: *M, P* донеле цр҃квъ сограждена въı(с). совершене же въıвши; 144: *M, P* + и въ неи; 145: *M* освѧтивъ҆ши; 146: *M,P* нет; 147: *M, P* ꙗ҃·ѡ҃·го; 148: їдѣже; 149: *M, P* доньнѣшнаго дни; 150: *M, P* чюдотворное; 151: *M, P* +нашего; 152: *M, P* Ѡанна; *M*+ Рıльскаго свѣтилника средеѵьскаго; 153: здесь кончается текст в рукописи *P*; 154: *M* во славоу пр(с)тѣи Тр(о)цы ѡ(т)цоу ї сн҃оу со с҃тым вл҃ги(м) и животворѧщи(м) дхо(м) во вѣ(к). ѧ҃ми(н).

Несколько слов об авторе . . .

Елена Томова – старший научный сотрудник II ст., доктор в Секторе древнеболгарской литературы Института литературы БАН. Области научных интересов: агиография, археография, палеография и компьютерная обработка кирилличесих рукописей, болгарско-сербско-русские литературные связи XIV–XVIII вв.

Важнейшие публикации: *Сравнительное изучение житий св.Иоанна Рыльского, св.Феодосия Печерского, св. Стефана Немани и их связей с фольклором*. Канд. диссертация. Москва, 200 с.; *Жени-светици в източното православие*. С., 1994; 2 изд. 1995; "Варшавски Хронограф с преводи на Григорий Презвитер." // ЛМ 1990, 3, 137–140; "Варшавски Златоструй от втората половина на XV в." // Palaeobulgarica, 15, 1991, 2,

54–67; "Miscellanies about St. John of Rila in 15th–19th c." // *Medieval slavic manuscripts and SGML.* Sofia, 2000, 205–221; "Пространното житие на свети Иван Рилски от Георги Скилица в ръкописните сборници от XV–XVIII в." // *Традиция. Приемственост. Новаторство. В памет на Петър Динеков*. С., 2001, 146–157; "Наративни паметници за български светци в кирилски ръкописи и старопечатни книги (Копитарева сбирка, Любляна)." // **Нѣсть оученикъ надъ оучителемь своимъ.** *Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев, член-кореспондент на БАН и учител*. С., 2005, 334–344; "Проложното житие на Михаил Воин в сръбската ръкописна традиция от XIV–XVII век." // Црквене студије, 2, Ниш, 2005, 2, 329–347; "Из литературната история на култа към южнославянските светци през XVI и XVII в." // *България и Сърбия в контекста на византийската цивилизация.* С., 2005, 355–363.

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4/2005-2006

Творящихъ влъшвенїа и плѡдовь влаченїа dans le Synodicon de Boril (quelques notes sur un témoignage écrit)

Mariyana Tsibranska-Kostova

Le Synodicon de Boril représente une traduction en slavon bulgare du Synodicon grec de 843, élargie et complétée de textes slaves originaux et effectuée sous le règne du tzar Boril (1207–1218) pour servir le Concile antihérétique de 1211 à Tarnovo. (Popruženko 1899). A la rédaction primaire, apparue au XIII ème siècle, se rattachent d'autres parties postérieures et ce n'est qu'au XIV ème siècle qu'apparaît la dernière rédaction du manuscrit. C'est sous cette forme qu'il est connu aujourd'hui. Le Synodicon de Boril est préservé dans deux copies: la copie dite de Palauzov, XIVème siècle (manuscrit № 55, 289) et la copie dite de Drinov, XVI ème siècle (manuscrit № 432), toutes les deux se trouvant à la Bibliothèque nationale à Sofia. Le Synodicon grec est également traduit en slavon serbe par Sava de Serbie au Mont Athos vers 1219 pour munir de textes indispensables le Concile en 1221, quand on proclame l'autocéphalie de l'archevêché serbe.(Mošin 1959; Uspenskij 1893; Gouillard 1968).

En Orient, le Synodicon se lit pendant la première semaine du Carême, appelée la Semaine de l'Orthodoxie. L'essentiel du Synodicon bulgare contient des traductions du grec, des anathématismes, des éloges et des narrations qui se situent entre les feuilles 1–62 dans la copie de Palauzov. Aux pages 13v–14v sont inscrits 17 anathèmes contre le prêtre Bogomile, le fondateur du bogomilisme, ses dogmes et ses disciples. Quand en 1111 en Byzance une liste d'anathématismes contre le bogomile Basile est rédigée, celle-là est ajoutée au noyau du Synodicon grec. Ces anathèmes sont au nombre de 5 (Mošin 1959: 341). Se servant de cette base, les codificateurs bulgares rédigent les compléments au Synodicon bulgare de façon que les anathèmes dans le dernier augmentent, comme l'on peut constater, en 17. Le premier grand explorateur du texte slavon, le savant russe M. Popruženko, suppose qu'ils sont introduits par les participants au Concile antihérétique de Tarnovo et qu'ils

reflètent leurs observations immédiates sur la pratique bogomile. L'originalité du texte, donc, n'est pas remise en question, du coup sa valeur d'authentique témoignage historique sur l'hérésie bogomile est depuis longtemps reconnue. C'est notamment parmi les anathèmes slaves en question qu'on trouve deux, qui présentent le bogomilisme dans une perspective ethnologique plus large, car ils offrent des données concrètes sur les pratiques rituelles que voici:

и въсеи иже въ ереси тои, и обычаѩ ихъ и нощнаꙗ ихъ съвраниа и таинства, и неполезнаа ихъ оучениа. и ходещих съ ними, анаѳема.
иже юниа мсца.кѓд. днь на рождьство іѡана крс̑тлꙗ творѧщихъ влъшвениа и плѡдовь влаѵениа. и елика въ тои нощь скврънаа творѧтъ таинства и еллинстѣи слоужбѣ подобнаа. анаѳема. (Popruženko 1899: 32–33).

Qu'est-ce que les bogomiles auraient fait à la fête de Saint Jean?

Si nous partons de dogmes bogomiles, la première conclusion s'impose aisément: la description ne se rapporte pas à un culte quelconque de Jean-Baptiste dont la Naissance l'Eglise orthodoxe célèbre à la date 24 juin, car la secte dualiste ne vénère pas le prédécesseur de Christ, ni la Sainte Vierge, les saints et les pères de l'Eglise. La connotation négative envers le personnage biblique et son auréole d'ermite dans le désert de Jordanie se manifeste dans plusieurs textes. En premier lieu, le seul apocryphe d'origine bogomile "Interrogatio Johannis" ou "Le Livre secret des bogomiles" (Bozoky 1980) le décrit comme ange-prophète de Satan, envoyé sur la terre sous le nom d'Elie pour baptiser avec de l'eau. Le texte poursuit que les élèves de Jean-Baptiste se marient et fréquentent des mariages, donc, l'humanité entière est, en quelque sorte, élève de Satan et non pas du vrai Dieu, les vrais élèves duquel ne se marient jamais et vivent comme des anges célestes. Il y en a qui se castrent eux même pour atteindre le royaume céleste (Apocryphes 1982: 292) Les raisons évoquées dans "Le Livre secret" disent suffisamment sur le dogme commun des dualistes d'Occident et d'Orient de dénier le baptême de l'eau et de se tenir au soi-disant vrai baptême du saint esprit (appelé aussi baptême de Paul du feu et du saint esprit), instauré par Jésus Christ lui-même et transmis par ses apôtres. Un des anathèmes du Synodicon bulgare explicite la même idée. Il est adressé aux ceux qui injurient Jean-Baptiste sous prétexte d'être venu de Satan et d'avoir prêché un baptême périmé. Si l'on se réfère aux listes des erreurs hérétiques dans les archives de l'Inquisition, on trouvera la répétition du même concept, selon lequel Jean-Baptiste est un démon, puisqu' "il est le plus petit des plus petits anges au royaume des cieux" (Duvernoy 1965: I, 282; III, 540). Ailleurs, le savant français J. Duvernoy conclut brièvement:"Jean-Baptiste était un personnage pour lequel les cathares ne professaient aucune sympathie". (Duvernoy 1976: 79).

Ceci dit, il reste à supposer que la description dans le Synodicon de Boril ne se rattache que chronologiquement à la fête et qu'au fond elle révèle tout autre contenu: cela dont informe le texte slave, notamment les rites païens et les sabbats nocturnes pour lesquels la date choisie n'est que la trame. En termes linguistiques la description semble un peu floue. Les vocables: влъшвенїе, le correspondant slave général du terme "magie"; скврънаа таинства "sacrements impures"; еллинстѣи слоужбѣ подобнаа (l'adjectif en slavon est synonyme de païen), sont trop généralisés et peuvent s'appliquer à chaque déviation religieuse dissidente ou hérétique. En même temps, le rapprochement que le texte slavon fait entre l'hérésie et le paganisme oblige à chercher des références dans le domaine de la culture populaire traditionnelle. L'idée que le bogomilisme est influencé par les croyances mythologiques et folkloriques existant avant son apparition et que, dans certains aspects, il s'y dissout, semble fort probable (Petkanova 1958). Le mélange d'hérésie et de paganisme caractérise, en règle générale, toutes les sectes médiévales gnostiques. On connaît la pratique littéraire des bogomiles d'emprunter aux modèles et aux sujets apocryphes pré bogomiles, de les modifier ou compléter afin de les mieux adapter aux dogmes idéologiques appropriés. En ce qui concerne l'impacte folklorique présumé, les témoignages en sont assez rares. De même, dans la littérature slave médiévale la critique envers les superstitions et les magies populaires les traite de paganisme ou généralement d'hérésie, sans références concrètes aux bogomiles. La notion de magie étant très large, cela n'est pas du tout étonnant. Rappelons que même le principal ouvrage antihérétique tout au long du Moyen age bulgare, le fameux "Traité contre les bogomiles" de Cosmas le prêtre du X ème siècle, n'utilise pas la dénomination "bogomiles", en se contentant d'appeler ceux-ci simplement "hérétiques". La généralisation marque le langage expressif des polémistes orthodoxes. Dans le 27 chapitre "Κατὰ βογομίλων" de son ouvrage "Panoplie dogmatique" (1111–1118), Euthyme Zygabène adresse aux bogomiles des épithètes comme μάγος, γόης, λυμεών, ἀλιτήριος, celles-ci plus fortes en expression qu'en informations sur les spécificités de la magie bogomile, s'il y en a (Ficker 1908: 103). C'est pourquoi les rapports entre la culture populaire et le bogomilisme ne peuvent pas être établis à l'aide de la simple nomination linguistique. Dans notre cas cela signifie qu'il serait pertinent de s'appuyer sur le riche code sémantique des traditions populaires à la Saint Jean.

I. Les forces de la nature à la Saint Jean

Dans le calendrier national bulgare la surnommée fête estivale de Saint Jean (Enevden) marque le tournant astronomique relié au solstice d'été. D'après la légende populaire à ce moment "le Soleil tourne 3 fois vers l'hiver, les jumeaux célestes la lune et le soleil se rencontrent, le ciel s'ouvre, les rivières et les mères

arrêtent leur mouvement. Les dragons tombent du ciel pour épouser des filles terrestres. Les éléments de la nature ouvrent la force des démons". (Popov 1991: 16). L'incontestable lien entre les forces naturelles et les concepts cosmologiques et gnoséologiques des bogomiles se manifeste dans des ouvrages différents. D'après le Syntagme de Mathieu Blastarès les manichéens respectent Manès le consolateur qui ordonne la vénération de la lune et des astres comme s'ils étaient dieux. (Novakovič 1907: 68). "Le livre secret des bogomiles", de son côté, proclame Satan le créateur de la lune et des astres, des phénomènes atmosphériques que la neige, le tonnerre et etc. Ce lien est fortement renforcé par les anathématismes contre les hérétiques dans les textes slavons. Le Synodicon de Boril condamne ceux qui appellent Satan le créateur et le maître des forces naturelles; un anathème d'un recueil juridique slave du XIVème siècle contient le stigmate suivant: аще̑ кто целоуетъ мѣсѧць. или тварь хоули̑ да боудѣ̑ проклѧ̑. (Smirnov 1914: 139).

D'après les dualistes, le monde terrestre étant conçu par le diable, le principe créateur démoniaque est présent dans chaque forme naturelle de l'existence. Sur ce point-là, on trouve la continuité conceptuelle entre le bogomilisme et le paganisme qui, lui aussi, se caractérise par la constante et intensive interaction entre l'homme et la nature. Une autre source slave, "La Vie de Théodose de Tarnovo", écrite par le patriarche byzantin Kaliste, possède l'avantage de décrire un événement presque inconnu à l'historiographie orientale des hérésies médiévales que l'interrogation publique des hérétiques, y compris bogomiles, au cours du Concile de 1350 (1355). Une des accusations prononcées ne laisse pas de doute à propos de la question qui nous intéresse: "Quel démon vous a incités à vous laisser emporter par les passions naturelles ou à dire que notre nature est servante des démons?".(Vies des saints 1986: 454–455). Ceci dit, nous pouvons aussi constater que la fête de Saint Jean s'associe particulièrement à deux symboles spéciaux: le soleil et le feu. Il ressort des descriptions d'Euthyme de la Péribleptos sur les bogomiles-phoundagiagites d'Asie Mineure que ceux-ci ne vénèrent que deux choses, crées par Dieu dans le monde existant: le soleil et l'âme humaine. (Angelov, Primov, Batakliev 1967: 56). Le soleil et le feu peuvent potentiellement s'appliquer à l'idéologie hérétique, tout en gardant leur symbolisme universel. Le premier comme une autre manière d'exprimer la lumière venue du vrai dieu, Jésus Christ; le deuxième, parce que le baptême du feu demeure le vrai moyen de recevoir le Saint Esprit. Il ne faut pas oublier que les cathares d'Occident et leurs confrères orientaux se disent "vrais chrétiens" et qu'ils se tiennent au christianisme des premiers siècles dans son sens apostolique. D'autre part, on sait que dans la culture de tous les peuples de la large zone méditerranéenne, le 24 juin implique l'usage des feux rituels dont le rôle purificatoire et préventif contre les esprits malins assure la base vaste et multiethnique.

II. La fête des magies populaires.

Passons maintenant à un autre trait de la fête du 24 juin que la cueillette des herbes magiques. Cette spécificité franchit aussi les frontières et devient un passage probable du paganisme à l'hérésie. La nuit de la Saint Jean étant la plus courte de l'année, on l'associe le plus souvent au moment propice pour l'application des magies d'espèces différentes. Dans la culture populaire méridionale les herbes récoltées à la veille, pendant la nuit ou à l'aube du 24 juin ont la réputation d'être fortes en filtres d'amour, effets médicaux ou amulettes. Cette pratique reste profondément ancrée dans les coutumes de l'époque médiévale. Certains pénitentiels occidentaux accusent les incantations qui accompagnent la collecte des herbes dont le but est de rendre plus forts leurs pouvoirs magiques. L'église a toujours traité de survivances païennes ces chants. Elle interdit chaque chant non religieux et recommande le recours au Credo et au Pater. (Pénitentiel hispanique de Silos 800). Le pénitentiel anglais de Bartholomew Iscanus du XIIème siècle relie la fête de Jean-Baptiste à la sorcellerie et aux prédications en termes généraux et inflige une peine de 15 jours en jeûne et pénitence pour chaque activité pareille. Dans son chapitre 92 le fameux concile russe, dit Stoglav, inclut la fête parmi les manifestations de la démonolâterie payenne. Une simple comparaison entre la culture populaire du Languedoc (l'ancien territoire des cathares du Midi de la France) et la Bulgarie relève l'usage des plantes médicinales. Au Sud de la France, toute une série de dénominations du langage populaire est pratiquement inséparable à la Saint Jean, telles que: *le millepertius* (hypercum perforatum), appelé "*le sang de Saint Jean*". Connu par ses propriétés protectrices contre le tonnerre, sa réputation magique remonte à l'époque des druides celtiques. En amulettes, son usage est connu aux croisés de la première croisade; *la verveine*, nommée "*la tête de Saint Jean*"; *l'armoise* (artemisia vulgaris) *"la ceinture de Saint Jean"*(Roy 2002: 180; Gaide 1996: 85–95), sans oublier quelque unes qui sont devenues l'objet de légendes et de superstitions particulières comme la fougère, le lierre, l'épervière et d'autres. Une légende languedocienne considère Jean-Baptiste souffrant d'épilepsie, celle-là appelée "la maladie de Saint Jean", après avoir été frappé par un coup de tonnerre, bien qu'il en ait été averti par Dieu. Les expressions et les tournures suivantes en bulgare sont aussi teintées de l'empreinte de la culture populaire relative à la Saint Jean: galium verum '*брош, драгайка, Еньова трева, Енев цвят, еневче*'; salvia sclarea '*мечa пета, Иванова ружковца*'; achillea millefolium '*Еньовица, Еньово биле*'; à la camomille dans certains patois bulgares se rapportent les dénominations '*Еньово цвете, Енево пиленце, кумичкумич*'; l'armoise, attestée dans des sources en slavon même au XVIème siècle – ѧртѣмѣжїа dans le code médical de Hilandar (Katič 1982: 50) et appelée '*див, черен пелин, комоника, морач*' est aussi reliée à la magie féminine.(Kozarev 1925: 18, 46; Davidov, Yavašev 1939: 381, 398).

Cependant, les indices de la magie hérétique restent assez vagues, sans compter l'hypothèse de certains savants que la vie des parfaits n'implique guère le recours à la magie. Les accusations portées par les autorités médiévales sont-elles alors des formules linguistiques et des clichés qui associent en règle générale chaque hérésie à la magie? En effet, les sectes dualistes accordent aux plantes le caractère animé, donc, leur usage spécifique n'est pas hors de la portée des adhérents à la secte. La seule différence à supposer c'est que la pratique des croyants s'avère plus variée et plus libre, contrairement aux rigoureuses prohibitions auxquelles se soumettent les parfaits selon leurs règles. Le recours aux magies et aux superstitions,la négation, la profanation de l'usage religieux officiel et des normes religieuses en vigueur ne sont pas à exclure au moins dans quelques domaines attestés par les sources. En premier lieu, nous pouvons citer le rare anathème du recueil de textes canoniques édités par S. Smirnov contre ceux qui font le signe de la croix avec toutes les plantes champêtres, parmi lesquelles le texte distingue l'ortie en particulier (appellation erronée pour le grécisme дафиниею), ce qui laisse à supposer l'existence d'une version grecque dont le slavon s'est servi pour la glose explicative: аще҆ кто ꙁнамѧноуетъ҃ дафиниею. рекше кропивою (sic!) и всѧкими цв҃тъı полньı҃. а не кр҃тмъ устнъıмъ да боудѣ҆ прокл҃ѧ. (Smirnov 1914: 139).

La profanation du symbole chrétien coïncide avec le rationalisme primitif des bogomiles de ne pas vénérer la crucifixion et son instrument " qui n'est que de simple bois". Un autre témoignage du Synodicon de Boril informe sur l'usage bogomile des pratiques pharmacologiques, divinatoires, incantatrices ou exorcistes. C'est dans ce sens qu'il faut interpréter les vocables влъхвование, оухъıштрение билие, ованиѥ d'un des anathèmes, en références avec les mauvaises intentions de nuire au roi bulgare (Popruženko 1899: 35). La valeur qu'on attache à ces informations porte surtout sur la probabilité de trouver des adeptes bogomiles parmi la noblesse bulgare et sur sa potentielle participation dans des tendances antigouvernementales, une attitude qui justifierait le recours aux magie afin de provoquer un empoisonnement ou d' autres effets préjudiciables. Il est notoire que l'époque de Boril, celui-ci couvert de la triste gloire d'usurpateur au trône de son oncle, suscite le mécontentement du peuple bulgare et d'une partie de la noblesse dont les causes sont loin d'être définitivement établies. C'est la période quand les adeptes à la secte bogomile se multiplient progressivement, tout en synchronie avec ce que le Synodicon décrit:"les adhérents au bogomilisme poussent comme des épines hargneuses". Ces faits ne sont pas suffisants pour affirmer que, outre les couches basses de la population, le bogomilisme se propage durablement dans la haute société, et ceci à la différence de la large diffusion de la doctrine cathare chez l'aristocratie médiévale et son implantation dans la culture urbaine. Telle est l'opinion du grand connaisseur des mouvements hérétiques en Occident Jean Duvernoy, qui conçoit le catharisme plus aristo-

cratique et bourgeois que populaire. Donc, si l'on essaye d'expliquer le bogomilisme comme un mouvement populaire et, du coup, d'affirmer que cette raison justifie l'application des pratiques magiques, on risque de simplifier les problèmes, car la magie au Moyen age est une notion inévitable qui ne se limite pas aux couches sociales distinctes. Il suffit de rappeler les données des archives inquisitoriales qui démontrent qu'en Occident les pratiques prohibées par l'Eglise officielle sont familières aux hérétiques. Les femmes cathares issues de la noblesse connaissent l' usage des plantes médicinales pour la contraception mécanique ou chimique. Ces faits laissent toujours perplexes les tentatives savantes de réconcilier la contradiction naturelle entre 'être femme' et 'nier la procréation' (Hancke 2001: 30). La vraie question est de se demander si tout en ce que les sources accusent n'est qu'une application naturelle de la médecine populaire. La femme y a, par définition, un rôle réservé et subit les accusations les plus violentes. De toute façon, les sources occidentales, beaucoup plus abondantes en informations précises sur le sujet par rapport aux sources orientales, lui accordent une place privilégiée. Cependant, tout ce qui est révélé à propos de la magie des femmes cathares: l'usage du sang menstruel pour faire des philtres d'amour; l'usage des plantes médicinales à effets contraceptifs ou contre la stérilité; les amulettes protectrices, n'est pas spécifiquement cathare. Les textes du droit canonique slave, les surnommés pénitentiels slaves, en abondent de textes relatifs. En ce qui concerne la société bulgare médiévale, nous nous autorisons du concept que la fusion entre l'hérésie et la culture populaire prend un caractère opposant à l'Eglise et peut s'expliquer pas seulement par la stratification sociale du mouvement hérétique, mais par sa marque dominante que l'aspect fortement anticlérical. Certains chercheurs ont raison d'y voir le manque de cohérence relative à une hérésie précise et la preuve d'une dissidence religieuse générale. Dans le même ordre d'idées, nous voudrions citer l'opinion de N. Cohn, d'après qui il n'est pas plausible non plus de penser que chez les hérétiques dualistes une secte adoratrice du Diable se soit réellement formée et que des rites démoniaques aient été pratiqués. L'auteur en conclut:"En fait, le plus grand crime de Satan réside dans la persistance de la religion païenne en tant que telle, car tous ceux qui continuent à la pratiquer rendent en réalité un culte aux démons." (Cohn 1982: 91). L'expression du Synodicon bulgare "нощнаꙗ сѣбранїа" (la nuit et l'ombre sont des références traditionnelles pour les fervents polémistes aux hérétiques) ne vise pas spécialement les sabbats des sorcières hérétiques, mais transmet des paradigmes idéologiques généraux, communs aux hérésies et au paganisme. La mise en évidence de cette continuité ou de ce stéréotype conceptuel des sources antihérétiques rend possible les comparaisons typologiques. Tout ce que nous venons de dire n'empêche pas de présumer que chez la population rustique la connotation de la fête estivale se serait identifiée aussi aux rites de la fécondité pour vue d'assurer la bonne récolte et le

succès du travail rural. Tel pourrait être le sens de l'expression "плодовъ влаченига", "charrier, traîner les fruits" et le contenu du rite correspondant. Voilà une prière en slavon pour les fins citées dont la structure de pure incantation la range parmi les modèles apocryphes. Elle fait parti d'un recueil apocryphe d'origine bosniaque du XVI ème siècle. Le nom de Jean-Baptiste dans son titre ne sert qu'à limiter les effets désirés au moment choisi que la veille de la Sain Jean, sans procéder, d'après la tradition des eucologes orthodoxes, aux intercessions habituelles pour les prières demanderesses. (Opis SNB 1986: 119).

Молитва въ навечерие рождьства Иωанна Крьстителя. Иди на нивоу и наломи лескова ветига и сплети въ три строукове шт ниве на четири стране ниве и възми иглоу и пр҃ѣсеци ю на трупице колико имаши нивь и забоди едноу троупицоу въ уланъць и рци шхрамлю тѣ ниво да некамо да штходиши.г҃.рци де егда ю възоветь дроуга нива. ниво нивице ходи къ мне. та да речеть шхрамлена есмь не могоу поити тамо. Да ходи тии къ мне зане есть копие въ мне и потка божига леска. и тако сатвори на всехъ нивахъ. такожде и въ виноградоу въ народитехъ лозахъ.

III. La fête et les rites de la filiation spirituelle

La suivante connotation de la fête de Saint Jean se rapporte à la notion de la fraternisation, de la filiation spirituelle ou du compérage. Le jour appelé Ivanovden en Bulgarie, qui est la fête hivernale du même saint, est considéré comme le jour du baptême et de la consécration (Popov 1991: 156). Tout ceci ne peut, bien évidemment, avoir rien en commun avec les pratiques des hérétiques, néanmoins la question de la fraternisation chez les derniers n'est par dépourvue de sens. Quelques faits évoquent des suggestions et demandent de réflexion. Tout d'abord, la culture méditerranéenne dans ces multiples réalisations ethniques connaît des rites différents de la fraternisation. Dans ses recherches sur les matériaux ethnographiques de Languedoc, René Nelli aboutit à la conclusion que les parfaits et les parfaites cathares et leurs compagnons ou compagnes, appelés *socius* pour un homme et *socia* pour une femme, sont reliés par un certain pacte d'union dont les concrètes réalisations restent obscures (Nelli 1969: 46). Précisons que la Règle les oblige de vivre en communauté de sexe identique. Deux par deux ils subissent les persécutions de l'Inquisition et même la peine de mort au bûcher. Ce pacte, est-il la manifestation de l'amour au sens apostolique au nom du Bien? On ne saura pas le dire précisément. Il est évident que si un tel pacte existe, il ne s'effectue pas par l'échange de sang ou de serment qui leur sont strictement interdits. C'est exactement dans cet aspect que l'hérésie diffère des rites traditionnels de la fraternisation dans lesquels les parties concernées s'échangent de sang ou se prêtent des serments de fidélité, de secours mutuel et d'amour. La pratique des coutumes populaires à cet égard est fortement

implantée dans les Balkans, respectivement dans la culture populaire bulgare. En outre les données folkloriques, on en découvre les traces dans les textes canoniques slaves. La législation de l'Eglise s'y prononce négativement et sanctionne dûment chaque transgression possible. Il serait pertinent de rappeler qu'au XVII ème siècle l'Eglise orthodoxe rejette de son système rituel le rite de la fraternisation sous la crainte qu'il aurait provoqué des abus sexuels et aurait multiplié les péchés charnels (Cibranska 2003: 159). C'est justement ce que visent certaines règles slaves, très fréquentes dans la littérature pénitentielle méridionale.[1]

> побратим съ посестримоу съгрѣшивъ пост .ѕ̑. лѣт (la pénitence varie de 5 à 7 ans dans certains manuscrits – Sinai N 17, XIV ème siècle; Hil.N 171, XVII ème siècle).
>
> аще кто сътворитъ побратимство съ тоурчиномь или с христианомь и побѣсет се и пиютъ кръвь един от другаго такоже видим и нн҃ѣ творящих, да отлоучит се причещенїа .ѕ̑. лѣт или пост едно лѣто и метании по .сн̑. на ден. (Matica srbska N 216, XVII ème siècle).

Ailleurs, la fraternisation est interdite avec le mobile que tous les chrétiens sont des frères et que les barèmes de lien et de rapprochement n'existent pas:

> Побратимство запрѣщаи да не творет человѣци заниѥ вси хр̑стиани по хр̑ѣ братиа соуть и в степени не увѣтеть се и не възбранѣют се съвъкоуплиати се междоу собою (Matica srbska N 216, XVII ème siècle).

Pourtant, rien de concret ne permet d'affirmer le lien entre l'hérésie et les rites de la fraternisation. De plus, les sources historiques démontrent que la fraternité en Saint Jean est une coutume préchrétienne et qu' au Moyen age elle est traitée de survivance païenne. Nous en donnerons la preuve, en citant une des règles du pénitentiel franc, connu sous le titre Poenitentiale Mersebourgense type c de VIII–IX siècles:

> Si quis quod cummater de Sancto Joh. vel qualibet lex inter se adulterium fecerit aut in conjugium sociaverit, per divinas scripturas nihil, perventum est, sic per arbitrum judicetur VII anni poenitant ambo et postea in conjugio nunquam copuletur.(Wasserschleben 1958: 436, sauf si le texte ne vise pas la parenté spirituelle, crée lors du baptême, assertion contreversée d'après certains savants).

---

[1] Les suivantes références des manuscrits slaves sont obtenues lors de la spécialisation de l'auteure au Centre d'études slaves médiévales à l' Université d'Ohio aux Etats Unis. L'auteure exprime ses plus vifs remerciements à l'équipe du Centre pour l'aide, la collaboration et la générosité. La gratitude la plus scincère est également adressée aux moines du monastère Hilandar pour leurs innombrables contributions dans la préservation du patrimoine slave.

Si les hérétiques auraient conclu un pacte d'amitié et de fraternité, ses gestes rituels, encore moins ses formes verbales, demeurent inconnus. Il est vrai que les sources orthodoxes adressent aux bogomiles des accusations comme "кльноутъ сѧ без вогазни, ротетъ се, проклинаютъ ерес свою"(Petrovič 1991: 205b), mais tout cela fait probablement partie de l'abjuration contraignante et des apparences trompeuses auxquelles les hérétiques ont recours en cas de représailles. De toute évidence, les vocables utilisés par un texte slave si compétent que la Kormčaja Ilovička, ротити сѧ, клѧсти, проклинати, sont assez explicits sémantiquement, tout en laissant en vigueur les contradictions entre les idées et les pratiques bogomiles d'un côté, et les interprétations de leurs opposants contemporains, de l'autre. Les questions contestables ne manquent pas non plus dans la science d'aujourd'hui. Nous allons citer quelques unes: les bogomiles, étaient-ils des ascètes ou des bacchanales? Observaient-ils la vie en chasteté ou se livraient à la homosexualité, à l'inceste consanguin, au sexe interdit et aux autres transgressions qu'on leur attribue? Même la distinction entre les croyants et les parfaits à propos de leur "*modus vivendi*", ce qui est devenu une incontournable méthode d'analyse, ne résout pas l'aspect contradictoire du code étique, professé par eux même et les jugements des autres. Il n'est pas difficile d'en évoquer quelques raisons, qui semblent évidentes. La vie en communauté homogène (deux parfaits, deux parfaites), la doctrine dualiste qui proclame l'égalité de tous les péchés (il n'y a que des péchés capitaux, car la métempsycose efface les liens des âmes), créent des hostilités, nourrissent les soupçons, justifient les accusations. Les polémistes aux hérétiques arrivent à construire l'image de l'autre, celui, qui est hors du code social établi. Nous pouvons nous référer de nouveau à R. Nelli, qui appelle ces attitudes spéculations et qui lance l'idée originale que les extrémités dans l'appréciation de l'hérésie aboutissent, à la limite, aux quelques proportions réelles. (Nelli 1969: 60). Concrètement, cela revient à dire qu'une des tâches actuelles des savants reste d'interpréter convenablement, mais critiquement les sources, de réconcilier les contradictions, de discerner le réel de l'hypothétique.

Si nous revenons à la question, un précieux témoignage du Manuel de l'Inquisition de Jaques Fournier, évêque de Pamiers au XIVème siècle, décrit le cas suivant: un parfait cathare, nomé Guillaume Bélibaste, reproche à son compagnon - berger d' avoir participé aux plusieurs compérages et de s'être fait trop de filleuls, des liens qui ne valent rien (Fine 1994: 129). Le berger se défend en disant que c'est une manière de faire du bien aux gens, et surtout aux bons hommes (terme qui désigne les parfaits cathares en Languedoc). L'amitié et la filiation nouées en Saint Jean sont-elles une autre preuve de l'interaction entre l'hérésie et la culture populaire et l'opposition de toutes les deux à la religion officielle? On ne saurait pas l'affirmer non plus. En ce qui concerne les rites concrets, leur diversité et leur abondance en gestes rituels sont vraiment remarquables. Les moyens que la culture méditerra-

néenne connait, entre autres, incluent: les pactes noués devant le feu; par le tison incandescent qui passe d' une main à l'autre; par les sauts au dessus le feu comme si c'est un baptême du feu qui crée des compérages; par les fleurs; par l'eau et d'autres, qui s'effectuent tout au long de la festivité. Le compérage de Saint Jean permet à deux personnes de faire un pacte d'amitié et de se créer des amis rituels. L'hérésie, étant une sorte de communauté isolée du milieu environnant, la solidarité, la tradition, le partage jouent un rôle essentiel. Cette force communautaire se dégage du proverbe occitan que Nelli, restriction faite, attribue à l'héritage cathare: *fais du bien à tout le monde – mais davantage à ceux de ta foi.* (Nelli 1969: 278).

Le témoignage écrit de la source bulgare complète l'incontestable présence de la fête de Saint Jean dans la mémoire culturelle collective du Moyen âge européen. C'est un *topos* qui engendre l'interaction entre les traditions et les tendances évolutives du paganisme et de l'hérésie et, bien sûr, les complications qui en découlent pour les interprétations scientifiques. N'est-il pas la cause qui fait en sorte que les traces du bogomilisme dans la culture populaire ne soient pas si évidentes, ou bien, comme dit R. Nelli à l'égard des cathares languedociens, soient "désespéramment faibles".

Dans les notes ici présentées, nous avons procédé à l'approche comparative et à la recherche typologique des phénomènes aussi littéraires, que culturels, ethnologiques ou anthropologiques, qui forment de l'hérésie bogomile un véritable idiome spécifique à l'univers du Moyen âge. En guise de conclusions, nous aimerions citer Jean Duvernoy, qui dans l'ensemble religieux "complexe, mais complet", que l'hérésie des bogomiles et des cathares représente, souligne le suivant: "C'est des éléments spécifiques qui le constituent qu'il faut découvrir l'origine". (Duvernoy 1976: 358). C'est exactement là, devant la singularisation des phénomènes étudiés que notre modeste travail s'arrête, et que d'autres tâches à poser, en résultent.

BIBLIOGRAPHIE

Angelov, Primov, Batakliev 1967: Ангелов Д., Б. Примов, Г. Батаклиев. *Богомилството в България, Византия и Западна Европа в извори*. С., 1967.

Apocryphes1982: Стара българска литература. Т.1. Апокрифи. Съставителство и редакция Д. Петканова. С., 1982.

Bozoky 1980: Bozoky E., *Le livre secret des cathares. Interrogatio Johannes, apocryphe d'origine bogomile*. Paris, 1980.

Cibranska 2003: Цибранска М., Требник. // КМЕ, т. IV. Допълнения. С., 2003, 157–160.

Cohn 1982: Cohn N., *Démonolâtrie et sorcellerie au Moyen Age*. Paris, 1982.

Davidov, Yavašev 1939: Давидов Б., А. Явашев. *Материали за български ботаничен речник*. С., 1939.

Duvernoy 1965: Duvernoy J., *Le registre d'Inquisition de Jacques Fournier, évêque de Pamiers (1318–1325)*. I–III. Toulouse, 1965.

Duvernoy 1976: Duvernoy J., *Le catharisme. I. La religion des cathares*. Toulouse, 1976.

Ficker 1908: Ficker G., "Euthymii Zigabeni de haeresi Bogomilorum narratio." // *Die Phundagiagiten*. Leipzig, 1908.

Fine 1994: Fine A., *Parrains, marraines. La parenté spirituelle en Europe*. Paris, 1994.

Gaide 1996: Gaide F., "Les noms des 'plantes des femmes' dans les textes médicaux latins."// *Structures lexicales du latin*. Paris, 1996, 85–95.

Gouillard 1968: Gouillard J., *Le Synodicon de l'orthodoxie;* édition et commentaire. Travaux et mémoires. Collège de France. Centre de recherches d'histoire et de civilisation de Byzance. № 3, 1968, 1–316.

Hancke 2001: Hancke G., *Les belles hérétiques*. Castelnaud la Chapelle, 2001.

Katič 1982: Катић Р., "Терминологија српске средњовековне медицине и њено објашњење." // САНУ, DXLI, Одељење медицинских наука, књ33, Београд 1982.

Kozarev 1925: Козарев П., "Български народни названия на растенията." // Сб. БАН, кн.XX, 1925.

Mošin 1959: Мошин В., "Сербская редакция Синодика в неделе православия." // ВВ, XVI, 1959, 317–341.

Nelli 1969: Nelli R., *La vie quotidienne des cathares du Languedoc au XIII siècle*. Paris, 1969.

Novakovič 1907: Новаковић С., *Матије Властара Синтагмат. Азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила*. Београд, 1907.

Opis SNB 1986: Штављанин-Ђорђевић Л., М. Гроздановић-Пајић, Л. Цернић. *Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије*. Књига прва. Београд, 1986.

Petkanova 1958: Петканова Д., "Към въпроса за връзките на фолклора с богомилството. // ИИБЛ, 6, 1958, 81–100.

Petrovič 1991: Петровић М., *Законоправило или Номоканон светога Саве. Иловички препис 1262 године*. Фототипија. Горњи Милановац, 1991.

Popov 1991: Попов Р., *Светци близнаци в българския народен календар*. С., 1991.

Popruženko 1899: Попруженко М., *Синодик царя Борила*. Одесса, 1899.

Roy 2002: Roy B., "Saint Jean-Baptiste et la tradition orale." // *Jean-Baptiste le Précurseur au Moyen âge*. Sénéfiance № 48. Publications de l'Université de Provence. Aix-en-Provence, 2002, 175–184.

Smirnov 1914: Смирнов С., *Древне-русский духовник. Исследование с приложением.* Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. М., 1914. (Reprint: Gregg International Publishers Ltd., England, 1970).
Uspenskij 1893: Успенский Ф., *Синодик в неделе православия*. Одесса, 1893.
Vies des saints 1986: *Стара българска литература.* Т. 4. Житиеписни творби. Съставителство и редакция К. Иванова. С., 1986, 454–455.
Wasserschleben 1958: Wasserschleben F. H., *Die Bussordnungen der abendlandischen Kirche*. Reimpression, Graz, 1958.

L'auteur de cet article ...

Mariyana Tsibranska-Kostova – Chargée de recherches, docteur à l'Institut de langue bulgare auprés de l'Académie bulgare des sciences. En 1987 elle obtient un diplôme de philologie bulgare de l'Université "St. Clément d'Ochrida" à Sofia. A partir de 1988 elle poursuit des études de troisième cycle et soutient sa thèse de doctorat en 1992 sur les incunabules et les paléotypes cyrilliques de XVI siècle. Ses intérêts scientifiques portent sur les problèmes du patrimoine juridique des slaves au Moyen Age. En 2000 elle publie son premier livre "Formation et dévélopement des normes lexicales du vieux slave dans la littérature de droit canonique". Tsibranska est l'auteur d'une quarantaine de publications, parmi les dernières des titres comme "Le Rituel cathare et la littérature bogomile", "Les bogomiles dans les textes juridiques slaves" et autres. Elle a specialisé aux Etats Unis, en Hongrie, Slovaquie, Roumanie. Actuellement Tsibranska est lectrice de bulgare à l'Université de Provence (Aix-Marseille I) en France.

SCRIPTA
& e - SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

Omissions and Mistakes in the Slavonic Translation of the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios

Yavor Miltenov

The *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios are a theological work of encyclopedic character, which originated in Byzantium in the first half of the 6th century and consists of 220 questions and answers.[1] The Slavonic translation of the work is represented in 15th–17th century manuscripts, all without exception being Russian by origin, orthography and linguistic features.[2] Studies on the Slavonic version of the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios are not numerous by far. The most significant of them are the observations of Gorskij and Nevostruev on the language and the history of the work, featured in their famous description of the manuscripts at the Moscow Synodal Library[3] and the publication of the text by archimandrite Leonid Kavelin on the basis of two manuscripts from the collection of the Moscow Theological Academy.[4] The analysis in the description and the foreword to the publication of the text fill a total of 26 printed pages, but even to this day they cover almost everything we know about the history, textology, vocabulary and dissemination of the Slavonic translation of the *Erotapokriseis*. Thanks to these it becomes known that this lengthy and quite valuable work was translated in Bulgaria in the 10th century, that it has an archaic lexis, while its content, including natural science knowledge from the field of botany, geography, medicine, human physiology rank it next to the *Šestodnev* and *Nebesa* of John the Exarch.

---

[1] The critical publication of the Greek text was made by Riedinger (Riedinger 1989). As regard the authorship and the chronology, as well as on matters related to the Greek manuscript tradition and content of the work see the studies of Dujčev (Dujčev 1965; Dujčev 1968) and the monograph of Riedinger (Riedinger 1969a).

[2] See a full list of the Slavonic copies of the Erotapokriseis tracked down until now at the end of the present article. Cf. also (Miltenov 2004: 313).

[3] Gorskij, Nevostruev 1859: 142–155, 155–156 – № 2 and 3 in the list attached at the end of the article.

[4] Leonid 1890 – № 7 and 8 in the list attached at the end of the article.

Comprehensive research of the Slavonic translation of the *Erotapokriseis* requires collection of the preserved copies, textological examination and then – a research of the language, history, function and dissemination of the work in the Slavonic manuscript tradition. The data offered in this report are based on observations and analysis of nine of the total of eleven known copies of the *Erotapokriseis*, used through microfilm copies of the manuscripts and the publication of archimandrite Leonid (Leonid 1890).

Five of the currently known Slavonic copies of the *Erotapokriseis* date from the 15th century, another five – from the 16th and one from the 17th, and there are also two fragments of the work featured in miscellanies dating from the 16th and the 17th century. This picture clearly shows that the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios enjoyed authority and popularity among Russian writers. There are also two fragments that essentially constitute excerpts of separate questions and answers from the work, which confirm its functioning as a kind of theological encyclopedia providing knowledge about selected natural phenomena. With that the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios take their important place among the number of Old Bulgarian works intended for individual reading, for an elitist circle of readers, works which through the Russian 15th century acquired second literary life and much larger proliferation.

The existence of a critical publication of the Greek text of the work (Riedinger 1989) and the comparative study of the copies, which preserve the translation of the *Erotapokriseis*, permit research of the main textological characteristics of the Slavonic translation, more precisely the omissions as compared to the original and the mistakes in translation. Textological analysis is largely made easier by the fact that the Russian copies feature the text without considerable changes and without additions – when there is editorial intervention it is limited solely to sporadic changes of outdated lexis which, almost without exception, may be restored in its initial form thanks to witnesses that have not been subject to this type of partial editing. The observations made on the copies of the *Erotapokriseis* show that this is a text with a closed tradition. Therefore, on the basis of the studied witnesses we have a text that reveals maximum closeness to the Old Bulgarian archetype of the work, which allows a study of the textological peculiarities of the translation itself.

There are three types of text absences in the manuscript tradition of the dialogues. The first group of omissions are characteristic of several copies having their origin in one common unpreserved hyparchetype. The omissions are due to mechanical loss of pages in it, from where the mistake was repeated in the subsequent copies, including those used by archimandrite Leonid for the publication of the text. These include:

1. part of 45th question and answer.
2. the end of the 190th and the beginning of the 191st question and answer.
3. part of the 216th question and answer.

Research of more evidence showed that the said omissions in the text are not due to the initial translation – the omitted passages are preserved in four copies of the *Erotapokriseis* with a common hyparchetype without mechanical loss of folia. This fact is important since it leads to the conclusion that the Old Bulgarian translation of the work was full and followed its Greek original precisely.[5]

The second group of omissions are the most significant in terms of volume and characterize all known copies of the *Erotapokriseis*. The first 36 questions in the *Erotapokriseis* are missing in all known Slavic copies. That is why not a single copy starts at the very beginning of the text but at the 37th question. Neither has the end of the work reached us, the missing section (judging by the Greek original) probably includes 3–4 folios. Another peculiarity is directly linked to these absences – the Slavonic manuscript tradition does not know of a copy that bears the original title of the work or the name of Kaisarios, as is the case in all known Greek copies. Thus the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios is distributed in medieval Slavonic literature under another title, ascribing the authorship to St. Sylvester and St. Anthony. The linguistic characteristics of the new title clearly reveal that it dates later than the main text and originated on Russian soil.

All extant evidence – the principles of translation, the function of the text, the numbering and the notional interrelation of the questions and answers – indicates that the reason for this group of omissions in the Slavonic version of the *Erotapokriseis* is a physical defect in the Bulgarian protograph that found its way to Russia. The copyist of the Russian archetype, from which all known copies of the work originated, had before himself a codex in which the beginning of the text was destroyed: the title and the first 36 questions and answers were lacking. This made it necessary to supply the surviving text with a new title – overlong, descriptive and not corresponding to the style of the original. The defective protograph also made it necessary that the work be copied with all omissions although this largely disturbed the text uniformity of meaning and hindered its reception to a maximum degree. The

[5] According to (Riedinger 1969a: 54–55), who didn't use other Slavonic sources beyond the publication of archimandrite Leonid (Leonid 1890) the said omissions are due to the initial translation. Thanks to attracting more evidence this view can be revised – the lapses are due to Russian manuscript tradition. See Attachment II.A. at the end of the present article where the fragments lacking in the publication of the *Erotapokriseis* by Leonid are published for the first time.

conclusion from what has been said so far is that this group of lapses was not due to a subjective decision of the translator but to objective circumstances related to a later manuscript tradition. The Old Bulgarian translation of the *Erotapokriseis* covered the work of Pseudo-Kaisarios in full.[6]

The effort to convey precisely the Greek original, without omissions or additions, does not preclude, of course, the opportunity of mistakes in the process of translation, be these semantic or mechanical. The typology of the errors, which bears interesting information about the manner in which the translation was done, is particularly interesting. As in the case of any other medieval translation of such volume (in our case some 300 folia handwritten text in its initial form), there are also inaccuracies of mechanical character in the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios. These are errors in the translation caused by incorrect perception of the source Greek text. The third group of omissions as compared to the original (featured under No. II. B. in the Attachment) can be explained as "mistakes of the eye" in the process of translation. The only example of a more considerable lack of text due to the Old Bulgarian archetype of the *Erotapokriseis* is found at the end of 96th question and answer – some 10–15 lines of the original have been skipped, the question and answer ending in a phrase that is not found in the Greek copies of the work:

> 96: помалѣ же оувѣдать имн. ѥ̈ по на̂ греуьскыѧ м̂ца. неистовьствѣ послѣдующе тоуыю. – μικρὸν δὲ ὕστερον πλατυτέρως ἐκθήσομαι τοὺς ἐκείνων μύθους. τὰ δὲ σημεῖα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῶν ἄστρων εἰκότως λεχθείη ὄμβροι, πνεύματα, χειμῶνες, ἔαρ ταῦτα ἐκ τῶν ἄστρων παιδευόμεθα θεοῦ φιλανθρωπίᾳ, ὅπως ὁ ναυτίλος ὁρῶν τὸ σημεῖον ἐπὶ λιμένα οἰακίσας τὴν ναῦν ἀποδράσῃ τὸ ναυάγιον, ἵνα ὁ γηπόνος τῷ ἐτησίῳ σημείῳ ἑπόμενος διασκάψῃ τὴν ἄρουραν, ἵνα ὁ ὀδίτης βραχὺ ἐν τῷ πανδοχείῳ μείνας διαφύγῃ τῆς ἐπομβρίας ἤτοι χαλάζης τὴν ἔφοδον. γίνεται σημεία καὶ πολέμων καὶ εἰρήνης ταῦτα καὶ ὁ σωτὴρ ἐβεβαίωσεν θεηγορῶν πρὸς Ἰουδαίους.

It turns out that the translator translated again the end of the preceding, 95th, answer – misled by the segmentation of the text he went back in the Greek original,

---

[6] Riedinger (Riedinger 1969a: 56, 63) is not of the same opinion. According to him, the omissions are due to the Old Bulgarian translator who had a defective Greek codex, without beginning and end. In the case of such a hypothesis we can not explain: How the new (clearly Russian) title of the text appeared? Why was the Old Bulgarian translation left without a title? How was the text judged usable by the translator and the writers after him, without heading, beginning and an end, with interrupted logic because of the lacks of text? See analysis of details in (Miltenov 2004: 316–322).

after which he continued his work from the "correct" place, i.e. from 97th question, not from 96th. In comparison is shall append here the last sentence of 95th and 96th question and answer, from which it is obvious that a repeated translation was made:

> 95: не бо вѣдѧ҃ѧ онн. нашьскыи҃ грєчьскыꙗ ҆мца лѣнѣ послѣдъствѹющє єдинон.
> 96: помалѣ же оувѣдѧть шнн. є҃ по на҆ грєчьскыѧ ҆мца. нєнстовьствѹ послѣдѹющє тоуѭ.

The passage corresponds to the end of the 95th question and answer from the original: οὐ γὰρ ἴσασιν ἐκεῖνοι τοῦς κάθ' ἡμᾶς 'Ρωμαίων μῆνας τῇ μήνῃ ἑπόμενοι μόνῃ.

The mechanical lapses in the translation are also due to the visual perception of the text because of identically ending syntagmata in the Greek original. In these cases the "skipping" of a text excerpt is motivated by lack of attention in the course of reading the text, resulting in an omission between two identically or similarly ending phrases featured in direct vicinity to one another (see the examples in the attachment featured at the end of the present article).

Of particular interest and importance for restoring the literary history of the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios are the errors conditioned by homophony or homography of lexemes in the Greek original of the work (№ III in the attachment). The cases of errors quoted here are not registered in the Greek copies of the *Erotapokriseis*, which is why one cannot refer them to the manuscript, which was at the disposal of the translator. Nor can they be the result of Slavonic manuscript tradition, since this is a case of unintentional changes of the meaning of the text that could occur only in the process of translation, but not of copying or editing. The attached list of more than 30 cases of imprecise translation includes examples that may be explained by either carelessness in deciphering the Greek text and examples related to receiving the source text by ear, i.e. by dictation.

One should note that the critical editions of Riedinger[7], on which the comparison of the said excerpts was made, makes a quite accurate account of the cases of mechanical imperfections of similar nature in the Greek manuscript tradition – incorrect readings and reconsiderations related to homophony, homography, similar sounding, mistakes due to bad writing, reading or understanding of the text. Since the critical *apparatus* of the edition does not affix mistakes in any of the examples discussed here, it could hardly be assumed they are due to the manuscript, which was used by the Bulgarian translator. In addition, one should also bear in mind that the Greek copies date from the end of the 10th century onwards, i. e. later than the

[7] Riedinger 1989.

copy that was at the disposal of the Slavonic translator, which researchers say represented a text of maximum closeness to the archetype of the *Erotapokriseis*.[8]

The separate incorrect readings frequently have common features and resulted from identical reasons. Part of the examples of imprecise translation are related to homographs, coinciding forms of different lexemes that differ from one another only in the location of stress. In example *1* in the attachment the translator has given the Greek σταδίον as **врань** "battle, combat", due to incorrect translation from the similar στάδιος; in the same way he has confused ἢ μονιῶν with ἡμιόνων (example *18*) and the noun μύων "muscle" with the participial form of the verb μύω (*22*). It is logical to assume that the appearance of these mistakes would be less probable if the text was before the eyes of the translator since the semantically distinctive function of stress is clearer in the case of direct reading that in that of a quickly pronounced longer phrase from the text. Nevertheless, one cannot say with absolute certainty to what extent these irregularities are due to reading or listening to the text. Such are also the examples *20* and *23*, at which the wrong translation comes from transposition of two phonemes or letters in the root of the word – κιρνάω and κρίνω, πετρώδης and πτερώδης. The mistakes are rather due to incorrect visual perception of the Greek text when the irregularity comes from the substitution of one consonant for another, the inclusion of a phoneme or syllable – e. g. *3:* ἀρμένων and ἀρτέμων, *11:* προσάγω and προσαγορεύω, *21:* λύθρων and ἐρυθριάω.

In all these cases the mistakes may be due to either imprecise reading of the original or fast dictation of longer passages from the Greek text of the *Erotapokriseis*. In fact both reasons probably acted simultaneously since the remaining examples quoted show that two people probably participated in the translation: a reader, who pronounced the Greek text aloud, and a translator: one could be the reason behind the "visual" mistakes and the other – behind the "hearing" ones. Proof of this can be found in the errors related to the Greek letters and combinations denoting the sound *"i"* – υ, η, ι, diphtongs οι and ει. The confusion between ἔτη and ἔτι (*8*), κρήνη and κρίνον (*12*), ἱκέτης and οἰκέτης (*27*), οἴκοι and εἰκῇ (*33*), ὑμᾶς and ἡμᾶς (*2, 19*) and others, has its source in the fact that these lexemes are complete or partial homophones. In all these cases the translator could not make an inaccurate translation if he had the text before his eyes: the semantically distinctive function in this case is held by the character designations of one and the same phoneme. Therefore, the incorrect translation is due to dictation, so the choice between the semanti-

[8] On the Greek manuscript tradition see (Riedinger 1969a: 13–49). On the fact that the Slavonic translation presents a text closer to the archetype of the work in comparison with the existing Greek copies see (Riedinger 1969a: 51, 188; Riedinger 1969b: 245; Dujčev 1998: 93).

cally different homophones is made solely according to context. The irregularities related to the Greek *i*-vowels and diphthongs are found in 12 examples from the attached list, encountered in different parts of the *Erotapokriseis*. This indicates a constant reproduction of such mistakes in the entire volume of the translation. Let us remind once again that they are not registered in the Greek copies of the work and that the Old Bulgarian translator had a copy with a higher quality of the text than the ones at our disposal today. That is why the mistakes related to itacism should rather be explained with the technology of translation than with irregularities in the Greek protograph.

The variety of irregularity types in the remaining examples even more firmly indicate the assumption that their existence is caused by the lack of the corrective of the written text. Aural perception of the Greek original may explain the examples of incorrect translation from confusing the Greek ο and ου (*28*), π and φ (*5, 32*), φ and θ (*24*), ω and ο (*34, 37*). The character and varied typology of these errors make the opportunity of their presence in the Greek basis of the Slavonic translation minimal. The examples of imprecise perception of π as φ and vice versa, is typical of the Bulgarian dialect territory, and are of particular importance.[9] These most probably also originated because of the absence of a written text corrective.

In some cases the mistakes in the translation can be explained with too fast dictation or reading of longer passages. This was inevitable, as the Greek text of the *Erotapokriseis* is complicated, difficult to understand at places, with a preference for long complex sentences, frequently with many subordinate and inserted clauses. Thus in example *7* τῆς σεληνικῆς "lunar" is confused with τῆς Ἑλληνικῆς "heathen" because of the loss of a sigma at reading aloud, in *6* ὁμοίως καὶ ὁ υἱός is perceived as ὁμοιούσιος ὁ υἱός, and in *14* the translator has repeated by memory the closely standing word λαός, putting it in the place of the original θεός. These incorrect translator solutions can be explained only with indirect translation under dictation.

The observations on the textology and history of the Slavonic translation of the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios – according to data from nine out the total of eleven preserved Russian copies of the work – could be summed up as follows:

1. The Old Bulgarian translation made in the first quarter of the 9th century encompassed the entire volume of the work.

The now lost beginning and end of the work, registered in all copies, are due to a defective Old Bulgarian protograph.

[9] See examples of similar errors in medieval texts in (Stankov 2003: 276; Stankov 2004a: 58–59, Stankov 2004b: 80–81).

The absences of text in the edition made by archimandrite Leonid are due to lost pages in a manuscript preceding the one published by the scholar and can be restored in comparison with other copies of the *Erotapokriseis*.

2. The discussed cases of mistakes related to incorrect aural or visual perception of the Greek original are not related to either the Greek or the Slavonic tradition but can be explained only with the Old Bulgarian archetype. The number of the mistakes, which couldn't have been made if the text was before the eyes of the translator, indicates the conclusion that the translation was probably made under dictation, pronouncing the Greek text aloud. Traces of such a method of work in the process of translation have been preserved in a number of ancient translated works of varied purpose.[10] Summarization of the types of mistakes within a broader circle of works dating from the 9th–10 century is a forthcoming task standing before medieval Slavonic studies. Such a study could include the material from the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios attached here, while the results will definitely enrich our notion of the literary process and translation practice in the Golden Age.

ATTACHMENT I.

Copies of the Erotapokriseis of Pseudo-Kaisarios (* denotes the copies used in the study of the text, followed by the abbreviation adopted in the present article and the signature of the manuscript):

1.* B GIM – Moscow, Barsov collection, No. 217, 15th c.;
2.* S_1 GIM – Moscow, Synodal collection, No. 261, 1512;
3.* S_2 GIM – Moscow, Synodal collection, No. 737, 17th c.;
4.* V GIM – Moscow, Vostryakov collection, No. 76, 16th–17th c.;
5. U GIM – Moscow, Uvarov collection, No. 786, 16th c.;
6.* E RGB – Moscow, Egorov collection, f. 98, No. 158, 15th c.;

[10] E. g.: *Šestodnev* by John the Exarch, *Codex Suprasliensis*, *Izbornik of 1073*, the *Vita* of St. John Chrysostom, the *Vita* of St. Paul of Thebes, *Enchyridion*, Old Testament and New Testament biblical books, etc. The concrete examples of these works and bibliography see in (Slavova 2001). The mistakes and reconsiderations quoted by T. Slavova are not homogeneous in terms of typology (transliteration from Glagolitic, transcription of Greek words in Slavonic translation, incorrect segmentation of *scripta continua*, dictation of Greek text, dictation of Slavonic text, etc.) but a considerable number of them, which according to this researcher are related to perceiving the Greek text by ear in the process of translation, are similar to those in the *Erotapokriseis*. In a fundamental study on these problems Fr. Thomson cautiously assumes that some errors could be due to "mishearing of the text, if it was dictated" (Thomson 1988: 357). See also the arguments of W. Veder (Veder 2001) who gives a different explanation about the origin of these imperfections.

7.* L_1 RGB – Moscow, MDA collection, f. 173, No. 156, 15th century; (after Leonid 1890)

8.* L_2 RGB – Moscow, MDA collection, f. 173, No. 155, 16th century; (after Leonid 1890)

9.* P RGB – Moscow, Pryanishnikov collection, f. 242, № 132, 15th c.;

10.* K RNB – St. Petersburg, Kolobov collection, No. 282, 15th c.;

11. M *Velikie Minei Četij* of metropolitan Makarij, under the date January 2.

+. RGB – Moscow, Roumyantsev Museum, F. 304, Troice-Sergieva Lavra, № 812 (1923), 17th c. (before 1665) – fragment on ff. 284–292.

+. RNB – St. Petersburg, F. Tolstov collection (217), No. Q.I.221, 16th c. – fragment on ff. 213–216.

ATTACHMENT II.

Absences of text in the Slavonic version of the Erotapokriseis of Pseudo-Kaisarios.

A. Absences in the publication of archimandrite Leonid (and respectively in copies L_1 L_2 E P V*), which are restored from other evidence sources (copies* K B S_1 S_2*):*

1. part of the 45th question and answer (Leonid 1890: 13; the text is restored after copy B, readings after K S_1 S_2):

...тѣхъ ради [мвѣ въпїѣть. не каѕнить гь дважды за едино. нн въ на бо то праведно е. еже дважды соудїами мѹнѹ бытн wсоуженомоу. сѣднми бо зде ѡ га кажемн есме. да не с мнр wсоуженн воудемь. тамо ре высокы апл его же любнть гь кажеть бьет же прїемле [1] не овы ѕбо прїемлет швъ же ѡрѣ. но достонныа. окї бо wно швн се творм прїемлюще его. непокорнвїн по заповѣдемь не бо вненъ е. гостннець потыкающем см. нлн падающнмъ. но нже кромѣ его wкомъ зрать н не хранще см. ногама стѹпають ѕбнваю ѕбо агглн в лоукавьствѣ пребывающа. съблюдають же на добрыа дѣлеса съвращающаа см. нзнде бо аггль гнь ѡ полка. н нзбн .р. н .п. н .е. тысщь нноплеменнкъ. ре бжественое пнсма. н аггль рече ѕдавлше егупетскы прѣвѣнца н аггль въздранше шествїа валаамоу к валакоу ндоуща їнла проклатн. его же несоуще его ѡ славы внднвъ [2] страхо ѕбомв см прнклмуе улукѡ глмъ сѣдящаго на севѣ швлнуа. минан архангль къ їсу навгнноу] посылаетъ гаврнлъ ...

1: *бьет же прїемле. внет же всякого его же прнемле* K S_2, *μαστιγοῖ δὲ πάντα υἱὸν ὃν παραδέχεται* gr | 2: *его же несоуще его ѡ славы внднвъ: его же носмн его wсла внднвь* K S_2, *его же несѹще его же wселъ внднвь* S_1, *ὃν τὸ φέρον αὐτὸν ὑποζύγιον θεασάμενον* gr

2. the end of the 190th and the beginning of 191st question and answer (Leonid 1890: 172; text restored after copy K):

...н пламы въ҃вижащѫ. [нн пакы въздѫхъ. дыханїемь всѣхъ съдоушны҃ охѫдѣваетъ. пакын не вѣрѫ въ мѧ реуе, ѫже осѫженъ есть. не ѫво всѫднвъ никогоже. вѣрѫан в мѧ нмать животъ вѣчынын. не ѫво прїнмшнмъ его, вѣровавшїнмь. донелѣже не разлоучать сѧ ѿ страстнаго сего н калнаго. ѿ сего бо, на оно преходнмъ. но бг҃ословїю вѣрѫюще. н вѫдоущее нзвѣсто нмающе. акы ѫже наставшоу емѫ превыва҃. подобнѣ разѫмѣвающе. еже о ѡбразѣ слово. пронареуенїемь, еже по насъ словѫ, ѡбразѫ же н рожденїю жнтїе҃ съвершн. н всквдѣвшн его неподобнѣн злобѣ.

(191) впр҃о. Оубо то аще пронареклъ есть въоу҃луенїе свое бг҃ъ, неповнннн сѫ пропан'шїн его тѣломъ жндове. ѿвѣ҃. Неповнннн быша былн. аще не проповѣдано бы нмъ было, закономь н прр҃кы. не нноплеменннкы. но ѫжнкамн тѡм же крови н с нмн ѫуенымн законьномоу ѫуенїю. ѫдалѧтн сѧ еже на х҃а бг҃оубнннства. нн безаконовати весловеснѣ. ба҃ плотїю ѫбнвающе. нпкако же бо сѣѳблѧденїемь ѫспѣша. бе҃ закона закшнъ держаще. законѣ бо прнгвожѣенн, нзь дѣска нмъ] шглашаемн в неѫуенїн...

3. part of 216th question and answer (Leonid 1890: 217; text restored after copy K, readings after B S_1 S_2):

...дарованомѫ ѿ бг҃а. [съмотрнвъ петръ, ꙗко тѧжекъ грѣ҃ ѫбїнства, сѣ҃мь нмать мьстн. въпрашаетъ г҃а. аще мощно е҃ въ сѣ҃моунсленѣмь семь вѣцѣ. прощенїе нмѣтн ѫбїнства. сѣ҃моглавнѣн неунстотѣ н грѣхоу. н реуе къ г҃ѫ. колнжѣы аще съгрѣшнть къ мнѣ бра҃ мон. шставлю емоу. до сѣ҃мнжды лн. ꙗко аще н ѫбнѣ҃. шставлю лн емоу каюшоу сѧ. гь҃ же ѹлколюбне свое ꙗвлꙗ н реуе, не тоуїю до сѣ҃мнжды. но до ѕ҃дмндесѧтыжды сѣ҃мнць. снце мню кажѧ, ꙗко не тоуїю едино ѫбїнство. сътворнвшаго. н сѣ҃мїю повнннаго золъ. прнннматн кающа сѧ, но н того самого. ѫже едїною ѿврьгша сѧ ба҃. еже тѧжцѣе [1] есть ѫбїнства. сѣ҃мьдесѧть сѣ҃мнжѣы прїнматн н прашатн кающа сѧ н плаующа. ѡ нн҃ же недоѫмѣюшоу помысломь н невѣроующоу. прощенїю сподоби таковыѧ. ѡбонмь мнѧщ҃е҃ бес прощенїа нмѣтн мѫкоу. н нпкакоже покаанїемь полоунтн ѹлколюбїе. попоущае҃ емѫ съгрѣшнтн г҃ь. еже бо сѣ҃мнжѣы. за не поразнтн ножемь архїерѣкова раба. н врѣзатн емѫ оухо нзволенїе҃ бо ѫбнлъ бы аще не бы всаднвын ѫхо н създавын, н тѫ [2] сын запрѣтн҃. н ѿ второыѧ ꙗзвы въззбраннлъ. нзвѣсто же свѣдѣтельствѫѧ самъ сын, дв҃домь проповѣданын. въсаднвын ѫхо не слышнть лн. н създавын око не разѫмѣеть лн. прѣ҃ снмь ѫво малы. слѣпцѫ шун ѿвержѳ, нпкакоже не внднвшѫ свѣта. здѣ же врѣзаное ѫхо. вънезапѫ цѣлш сътворн. прнкосновенїемь роукы, ѡбое уюдо сътворн ꙗко бг҃ъ.[3] а еже сѣ҃мьдесѧ҃ седмнць. въпрошенїемь валнлы, трн краты ѿврьгша сѧ ѡблнунтн сѧ. възглашенїемь кѫра, простнтн же снмъ. н непомнннанїе подасть.[4] теплѣе горцѣ ѡ ѿмѣтанїн рыдающоу н плауюшоу сѧ да ѡ нн҃ же сѧ҃ прощенїе ѫлоуун съгрѣшнвъ. н блнжнн҃ каюшнм сѧ тако҃ подасть самн себе. не покаанїю тоуїю въсланяюще сѧ. едва бо прнходнть еже ѿ него цѣлва. тѣмь҃ лѫуе мн сѧ мнить, всею снлою ѿ тлѣющн҃ ѫунтн ѫдалѧтн сѧ. не же штравоу пнвше. болѣтн н тѫжнтн н распадатн сѧ, н врауюшаго прнзыватн, водомоу трѣкаломь грѣха. аще лн

пакы слоүүнт сѧ въсхыщенїемь съблазнѧтѧ сѧ не ѿүдемъ себе [5] жүнщенїа н прощенїа нн възлегше] ѿ негѡ̑ [6] лѣнним сѧ...

1: *тажцѣе. люще* B, *болѣшн* S_1, *χαλεπώτερον* gr | 2: *н тѳ. ѡ тѳ* B, *н жко* S_1, *τὸν ὀφθαλμόν* gr | 3: *тако б҃ъ: акы б҃гъ* S_1 S_2, *οἷα θεός* gr | 4: *post подасть: ѕтвердитъ ѕбо* B, *ἀσφαλισώμεθα* gr | 5: *не ѿүдемъ себе. не ѿнмъ себе* B, *μὴ ἀπογνῶμεν* gr | 6: *ѿ негѡ̑:* om K B S_1 S_2, om gr

B. Deficiencies due to the loss of pages in the Old Bulgarian protograph and consequently unpreserved in Slavonic translation:

1. original title of work.
2. 1st–36th question and answer included.
3. end of work (final part of 220th question and answer).

C. Omissions due to the Old Bulgarian translation:

1. part of 96th question and answer.

95: не бо вѣдѧ̑ онн. нашьскыи̑ грєүьскыіа м̑ца лѕнѣ послѣдъствѹюще єднном.

96: помалѣ же оүвѣдѧть жнн. ѥ̑ по на̑ грєүьскыѧ м̑ца. ненстовьствѹ послѣдѹюще тоүью.

2. *Omissions* in translation due to identically ending syntagmata in the Greek original.

въ пѹ̑ страньскын не ходнте – εἰς ὁδὸν ἐθνῶν μὴ ἀπέλθητε καὶ εἰς πόλιν Σαμαριτῶν μὴ εἰσέλθητε.

чєтвероѕъставнн всѣ̑ строн весплѡ̑наа̑ н ѕминѧ н словеснѧ н скотїѧ. н бесловеснѧ. н бе҃з҃дшьнѧ н бе҃зүювствснѧ. – ἡ τετραφυής τῶν ὅλων κατάστασις, ἡ ἄσαρκος νοερά τε καὶ λογική, ἡ αἰσθητὴ καὶ ἔνσαρκος καὶ λογική, ἡ κτηνώδης καὶ ἄλογος, ἡ ἄψυχος καὶ ἀναίσθητος. (the same omission is present in one of the Greek copies too).

н въ кратцѣ рєцн х҃с ѥ̑ ц҃рство нб̑ное. – καὶ συνελόντα φάναι· Χριστὸς ὑπάρχει ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν, ὃς ἐπιβὰς τῷ καθ' ἡμᾶς κόσμῳ φησίν· μετανοεῖτε, ἤγγικεν γὰρ ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν.

ATTACHMENT III.

Mistakes in translation related to incorrect aural/visual perception of the Greek original *(word form, number of question and answer, the Greek equivalent and the meaning of the word are indicated):*

1. бранѣ – въ бранн 124 *ἐν σταδίῳ* "hand-to-hand-combat, battle *instead of* on the run" (translated from στάδιος);

2. васъ – ѿ вѣ оклеветаютъ 220 *ὑφ' ἡμῶν κατηγοροῦνται* "from you *instead of* from us" (from ὑμῶν);

3. вѣтрило – съ вѣтрилы 166 *μεταξὺ τῶν ἀρμένων* "ship's sail *instead of* secured *or* convenient" (from ἀρτέμων);

4. гжсъ – гѫсове 102 *ἐχίνοι* "goose *instead of* hedgehog" (from χηνοί);

5. двосъвратьнъ – двосъвратныи 112 *διοτρεφεῖς* "hesitating *instead of* God-inspired" (from τρέπω).

6. единосжштьнъ – единосоущныи снъ 40 *ὁμοίως καὶ ὁ υἱός* "of one essence *instead of* as well as" (from ὁμοιούσιος).

7. елиньскъ – елинска безѫмьа 112 *τῆς σεληνικῆς παροινίας* "pagan, heathen *instead of* lunar" (from Ἑλληνικός);

8. еще – ещѐ и мѣца 220 *ἔτη καὶ μῆνας* "more *instead of* year" (from ἔτι);

9. избавленїе – на избавльнїе 220 *ἀναλήψεως* "liberation, salvation *instead of* receiving back, forgiveness" (from ἀνάλυσις);

10. изѫмѣти – изѫмѣв сѧ ѡ нѣѣн премдрости 220 *ἐνπαροινήσας τῇ ἐξ οὐρανῶν σοφίᾳ* "to be surprised, go mad *instead of* become intoxicated" (from ἐν-παρανοέω);

11. именовати – прилежнѫ ѹмстѫ именѣемѫ 220 *συνεχῶς καὶ πυκνῶς προσαγομένην* "call (smth.) *instead of* do something" (from προσαγορεύω);

12. кринъ – багрѧномѫ крины 168 *τῷ ὁμοκρήνῳ* "flower *instead of* flow" (from κρίνον);

13. лъжии – ни л'жа 109 *ἢ πλάστην* "swindler *instead of* sculptor" (from πλάνης);

14. людии – и людие зиающии людн своѧ ѫкрѣпать 220 *καὶ λαὸς γινωσκων τὸν θεὸν αὐτοῦ κατισχύσει* "people *instead of* God" (from λαός);

15. мои – в моемъ ѳво градѣ 112 *ἐν μὲν τῇ Ἑρμουπόλει* "my *instead of* pertaining to Hermes" (from ἐν μὲν τῇ ἐμοῦ πόλει);

16. моисии – мѡусеѡва разѫма имѣще 128 *τὰ μέσως τῶν νοημάτων ἔχοντα* "Moses *instead of* middle" (from Μωϋσῆς);

17. мѫха – акы мѫхы 110 *μυῶν* "fly *instead of* mouse" (from μυῖα);

18. мьштѧ – и мѣлѣ 186 *ἢ μονιῶν* "mule *instead of* swine" (from ἡμίονος);

19. насъ – нѣ 114 *ὑμᾶς* "us *instead of* you (pl.)" (from ἡμᾶς);

20. осѫжденнїе – осѫженїѐ здании 129 *κατακιρνᾶται τῷ πλάσματι* "condemnation *instead of* mixing, combination" (from κατακρίνομαι);

21. оуръвити – ни кровию шуерьвлѣема ни тѫкы 220 *διὰ αἱμάτων καὶ λύθρων καὶ στεάτων* "make red *instead of* dirt, filth" (from ἐρυθριάω);

22. оуьнъ – шуниѭ наудлѫ 154 *μυῶν ἀρχαῖς* "refering to an eye *instead of* muscle" (from μύω "close eyes, blink");

23. перната – пернатѣ 102 *πετρώδη* "feathered *instead of* rock-like" (from πτερ-);

24. пискавица – пискавица 102 *Φισωνῖται* "sandy shore *instead of* Danubian" (from θίς, θινός);

25. погѣбити – цр҃ю погѣбляющоу 220 *βασιλέα τὸν ἐκπολεμήσαντα* "destroy, kill *instead of* make war" (from ἐξαπόλλυμι);

26. пьсъ–псѣ 112 *κινήσεως* "dog *instead of* movement, unrest" (from κύων, κυνός);

27. рабъ – рабы 129 *ἱκέτας* "slave, servant *instead of* suppliant" (from οἰκέτης);

28. работа – в работѫ 220 *ἐν τοὺς δόλους* "slavery *instead of* fraud" (from δοῦλος);

29. сварити – сварити сѧ 109 *μοιχᾶσθαι* "to fight *instead of* to commit adultery" (from μάχεσθαι);

30. съмотрити – смотрѧще 37 *προσκαθεύδοντες* "watch *instead of* regard to smth. with leniency" (from εἶδω);

31. стрѣжии – ии стрѣжьа 109 *οὐ φωνασκόν* "guard (?) *instead of* orator" (maybe from φύλαξ, φύλακος or reconsideration though φονεύω);

32. тлити – тлѧщимиⷭ съ въ҃зѣхѫ 220 *πτηνῶν ἐξ ἀέρος* "subject to decay *instead of* bird" (from φθίνω);

33. тъшть – въ тщѣ 118 *οἴκοι* "ineffectual *instead of* at home" (from εἰκῇ);

34. ѹста – іако из ѹстъ 113 *ὥσπερ ἐκ σώματος* "mouth *instead of* body" (from στόμα);

35. шипъкъ – шипци 165 *ῥοαί* "rose *instead of* pomegranate" (from ῥοιάς "poppy, *Papaver rhoeas*");

36. малъ – дарїи в малѣ 220 *Δαρεῖος ὁ Ὑστάπου* "a little *instead of* Hystapus" (from ὕστατος);

37. богъ – помаза тѧ бжⷣе 220 *ἔχρισέν σε ὁ θεός* – vocative *instead of* nominative case (from ὦ θεός).

REFERENCES

Dujčev 1965: Dujčev Iv., "Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves." // Medioevo Bizantino-Slavo, 1, 1965, 23–43, 543–544. [= Slavia antiqua 4 (1953), 193–209].

Dujčev 1968: Dujčev Iv., "La versione paleoslava dei dialoghi dello Pseudo-Cesario." // Medioevo Bizantino-Slavo, 2, 1968, 191–205. [= Studi Bizantini e Neoellenici 9 (1957), 89–100].

Dujčev 1998: Дуйчев Ив., *Избрани произведения. I. Византия и славянският свят.* С., 1998.

Gorskij, Nevostruev 1859: Горский А., К. Невоструев. *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки.* II. Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. Москва, 1859.

Leonid 1890: Леонид архим., *Четыре беседы Кесария или вопросы святого Сильвестра и ответы преподобного Антония.* Издания Императорского общества любителей древней письменности, XCV, Москва, 1890.

Miltenov 2004: Miltenov Y., "The Segmentation of the *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios as a Source for the History of Its Slavonic Translation." // Scripta & *e*-Scripta 2, 2004, 311–323.

Riedinger 1969a: Riedinger R., *Pseudo-Kaisarios. Überlieferungsgeschichte und Verfasserfrage.* München, 1969.

Riedinger 1969b: Riedinger R., "Die Parallelen des Pseudo-Kaisarios zu den pseudo-klementinischen Rekognitionen. Neue Parallelen aus Basileios *Πρόσεχε σεαυτῷ.*" // BZ 62, 1969, 243–259.

Riedinger 1989: Riedinger R., *Pseudo-Kaisarios. Die Erotapokriseis*. Berlin, 1989.

Slavova 2001: Славова Т., "Езикът на грешките в ранната славянска книжовна традиция." // КМС 14, 2001, 22–31.

Stankov 2003: Станков Р., "Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола." // *Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания*. С., 2003, 273–279.

Stankov 2004a: Станков Р., "К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола." // *Преславска книжовна школа*, 7. С., 2004, 57–72.

Stankov 2004b: Станков Р., "Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина." // Palaeobulgarica XVIII, 1994, № 1, 74–88.

Thomson 1988: Thomson Fr., "Toward a Typology of Errors in Slavonic Translations." // E. G. Farrougia (ed.). *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius.* (= OCA 231), Roma, 1988, 351–380.

Veder 2001: Федер У., "Диктуване и възпроизвеждане на църковнославянски текстове." // КМС 14, 2001, 32–39.

About the author . . .

Yavor Miltenov is a doctoral student in Old Bulgarian language at the Department for Cyrillo-Methodian Studies in St. Kliment Oxridski University of Sofia, since 2003. He is working on a doctoral thesis on "The *Erotapokriseis* of Pseudo-Kaisarios in the Old-Slavic Literary Tradition".

SCRIPTA
& e - SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

Some Principles of *Isocolic* Structuring in a Medieval Bulgarian Writing

Ekaterina Pantcheva

What is far too often regarded as one of the most distinctive features of the style of the prominent fourteenth-century Bulgarian writer St. Euthymius the Patriarch of Turnovo[1] (as well as of the style of his followers) is the peculiarly organised rhythmical syntactic unit,[2] which the analyses of Ricardo Picchio[3] tie with *isocolon*. According to Classical rhetoric, this figure of speech *isocolon* consists of two or more coordinated

---

[1] The life and works of St. Euthymius the Patriarch of Turnovo (ca. 1320/1330 – ca. 1402) have been the subject of a great number of studies from the end of the 19th century onwards. An attempt to present the scholarship on St. Euthymius as an ongoing interest from the fifteenth century onwards is made by D. Kenanov (Kenanov 1999: 13–31). One of the major works on the stylistic aspects of St. Euthymius' hagiographic works and eulogies is by Cv. Vranska, where mainly tropes are listed and exemplified. (Vranska 1942: 105–280). A more profound stylistic analysis (although without any attention to *isocolon*) is carried out by M. Hébert (Hébert 1992: 277–344). In this respect another study in English is worth mentioning here: (Alissandratos, 1982), where mainly the structuring of the texts in particular episodes – or indeed themes and sub-themes – is discussed. There are, furthermore, numerous works dealing primarily with the linguistic features of these texts. A useful review with profound notes and extended bibliographical references is carried out by H. Miklas (Miklas 1982: 45–76). Among the later studies are Iv. Xaralampiev, where a review of the Bulgarian and the Russian scholarship is presented (Xaralampiev 1990: 6–28), and R. Stankov (Stankov 1999).

[2] Compare, for instance, (Ivanova 1977: 99; Lixačev 2002: 135, 142), and the rich bibliography quoted there.

[3] See the numerous analyses in his book (Picchio 1993: 531–561). Kr. Stančev turned my attention to the fact that Picchio's conviction of *isocolic* structures in the medieval Slavic literature gave birth to a heated discussion between him and M. Capaldo, which is reflected in *Europa orientalis* IX, 1990, 541–644 and *Aion Slavistica* 1, 1993, 29–63 (for a resume of these two articles I am indebted to D. Najdenova-Želeva). Picchio's concept of Slavic *isocolon* was nevertheless influential in the Bulgarian scholarship – see, for example, (Velčeva 2004: 45–55), as well as the works quoted there.

adjacent *cola.*[4] The determinant for the presence of an *isocolon* – again according to ancient rhetoricians – is the similarity, indeed parity, of the *cola* that build up this figure. The parity finds expression either in an equal number of words or in the equal syntactic structure of at least some of the *cola* within the *isocolon*; it might well be strengthened by *homoioptoton* (i. e. identical endings of parallel words because of a similar morphemic structure, or rather, the same inflections) or *homoioteleuton* (a similar correspondence, but regardless of the morphemic structure). Neither the same word order nor an equal number of syllables is required (Lausberg 1960: 359–60).

Yet, whereas the parity of the *cola* in the classical *isocolon* is due to the equal number of words combined in parallel syntactic structures and – although this is not compulsory (Lausberg 1960: 361) – due to the similar word order, what matters most in the Slavic *isocolon* (as convincingly demonstrated by Picchio) is the accent, i.e. an equality in the number of the phonetic words[5].

Each one of St. Euthymius' *Vitae* and eulogies begins with an *isocolon*. In Picchio's study some of these initial *isocolic* structures are clearly ordered and analysed. Other beginnings, however, obviously do not fit in his classification: they cannot be associated with the type "alternating sequence," (Picchio 1993: 478) and nor are they of the type "in frame" (Picchio 1993: 526). Fascinating in this respect is the opening of St. Euthymius' *Vita* of St. Paraskeva, the earliest preserved copy of which

---

[4] The ancient definition of a *colon* is a single thought within the *period*. Compare, for instance, (Demetrius 1978: 237–244). The author was thought to be Demetrius of Phileron from medieval times onwards, but later the authorship of Demetrius of Tarsus was suggested instead (Grant 1980: 119–120). Demetrius' theory, in short, supports the idea that *colon* is the basic unit of narrative speech and its purpose is to signify a thought (either the whole thought, or a complete part of a whole thought); the *cola* should be neither too long, nor too short, although the longer *cola* are appropriate for the solemn style. So the notion of *colon* is almost identical with the modern understanding of a clause or indeed a simple sentence. Yet, whereas the sentence is a rather syntactic unit, the *period* is a rhetorical one, no matter that the two often coincide (See, for example, (Cuddon 1998: 657–658)). Compare, furthermore, O. Freidenberg's reflections on the ancient (both Greek and Latin) narrative speech, which is "as rhythmical as the poetic one; its measure is... called *colon*" and the *colon* is connected with the *anticolon* through an internal rhyme, which "is built upon equal endings" (Freidenberg 2001: 167–94). Not the prosody or the metrics, but the rhythm and the repetitions in this same excerpt correspond exactly to the requirements of both Demetrius and Aristotle. This, in fact, is the second understanding of *colon* as a metrical, rather than a merely syntactic, unit (Cuddon 1998: 146).

[5] When commenting on Picchio Rusev states that the leading principle of acoustic structuring of text is the similarity of the repeated logical and syntactical units with similar number of accents and that the speech becomes in this way not musically rhythmical but logically rhythmical (Rusev 1983: 45).

is in the so-called Miscellany of Zographou (*Zografski sbornik*).[6] Due to its consistent use of punctuation marks this copy is extremely valuable; witness the beginning:

Ꙗщє ѹ̈бѡ любо́вныи ѡ̀бы́чє зⷯконь
є̈же любе́зныи̑ па́мѧти помина́ти .
ѝ ѿ҃ц҃ъ съзрѣцова́ти ѡ̈бразы ѝ дѣ҃а́нїа́ же ѝ гл҃ы .
мнѡжи́цеⷯ же и ѿ҃ц҃ъ по̂бїа жнвѡпи́сѡвати ,

мно́гѡ па̑ мно́жае кли́чнмо бж҃е
ѝ гл҃ѡ жела́телно бг҃олюбе́зныимь ,
є̈же бж҃їнхъ ѹ̈гѡ́дникъ ѹ҃ъстнѣ поуни́тати ,
ѝ ѿ҃ц҃ъ памѧти и дѣ҃а́нїа на по́лзѫ повѣствовати" (MS 172, fol. 74r)

If, thus, for the law of love it were natural
To commemorate the ones dear to us,
To contemplate their faces, deeds and words,
And, even more, to picture their images,

Then it would be much more appropriate –
And extremely desirable for the ones dear to God –
To pay homage to those who devote themselves to pleasing God
And to recount, for good, their glory and deeds.[7]

In the Zographou copy the function of both the small dots and the commas is to delimit the *cola* within the *period* (*περίοδος*). The examined excerpt represents a *period* marked with a larger dot at its end; the commas and the small dots indicate the boundaries between the adjacent *cola*. The first and the second syntagm, similarly

---

[6] This fourteenth-century manuscript (Zographou Miscellany of *Vitae* and Eulogies) is preserved in the Zographou Monastery on Mount Athos (MS 172; olim 103, II g. 6). For the opportunity to use a photocopy of this precious manuscript, I am indebted to Kl. Ivanova. For an exhaustive descripion of the whole codex see (Ivanova 1969; concerning the Vita of St Paraskeva see p. 121 there).

[7] An English translation of the *Vita* was published by (Hébert 1992: 181–200), whose beginning is as follows:

"If the law of love demands that we commemorate beloved people, that we contemplate their images and actions and words, and even paint many times their likeness; then it will be very – indeed extremely fitting and desirable for those who please God to honor properly God's saints and to relate their memory and acts to some benefit."

Yet, because of the fact that the article proposed here has purposes completely different from the ones that the profound dissertation of Hébert did, I rely here on my own translation (which is a more word-for-word one, as I could not manage to preserve the rhythm); nevertheless I keep in mind the earlier one.

to the fifth and the sixth, are not separated by punctuation marks, which means that there is a closer semantic connection between them.[8] Thus, the second syntagm – є҆же любе́зныѝ па́мѧти помина́ти (literally "to remember the memories of the loved") – can be viewed not only as an objective clause subordinated to the beginning а҆ще бо҃ѡ... ("If, thus,...") but also as a direct object within the clause, depending on how we understand the function of the infinitive. No matter how the infinitives in these segments are perceived, each of them functions as a predicative centre of a given *colon*. Only the sixth segment – и҆ зѣ́лѡ жела́телно бг҃олюбе́зныимь ("and extremely desirable to the ones dear to God") – has no explicitly expressed predicate, but it too is a *colon* (or relatively complete thought within the *period*), and, from a syntactic perspective, can be interpreted as a simple sentence with an ellipsis of the copula бѫ́де ("be").[9]

The syntagmatic structure of this conditional *period,* or – if we apply the terminology of Večerka – sentence structure with a hypothetical clause (Večerka 2002: 344–369), is clear. The main syntactic relation is that of subordination, introduced by the conjunction а҆ще (if): а҆ще бо҃ѡ любо́вныи ѡ҆бы́чє зако́нь... ("If, thus, for the law of love it were natural..."). Since the principal sentence is in the second half of the *period*, namely – мно́гѡ па҃ мно́жае кло́чнмо бѫ́де... (literally "much more than the most appropriate it will be") – the syntagmatic unit that comprises the first four syntagms (or *cola*) is subordinated to the syntagmatic unit composed of the other four, as shown in Table1.

The two syntagmatic units correspond to one another semantically: the remembering, the contemplating and the picturing of the beloved that are mentioned in the first unit correlate with the paying of homage to and the giving accounts about the ones who devoted themselves to pleasing God that are expressed in the second unit. The logic of this correspondence implies simultaneously likening and distinguishing. Therefore, in the two halves of the *period* elements both parallel and contrasting to one another can be found in number.

---

[8] There are rhetorical factorsto it as well: the leading part of a *zeugma* is never separated by a punctuation mark, neither is an embeded structure.

[9] For examples of this type simple sentences excerpted from Old Bulgarian monuments compare (Zlatanova 1993).

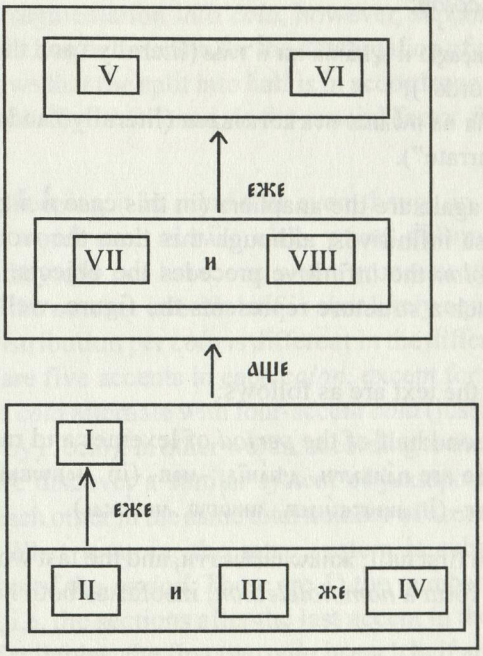

Table 1: Syntagmatic structure

With respect to the grammatical and lexical structure of the text, parallel elements are as follows:

1. The *cola* introduced with anaphora.[10] They are two pairs:

1.1. The second *colon* from the beginning and the second *colon* from the end:

– ѥ̈же любе́зныѭ па́мѧти помина́ти (literally "to remember the memories of the loved");

– ѥ̈же ѿ́жїихъ ѳгѡ́дниκъ оугъстнѣ поуи́тати (literally "to honourably pay homage to those who devoted themselves to pleasing God").

Parallel in these two *cola* are the anaphora of ѥ̈же;[11] the final word forms помина́ти and поуи́тати (which form a rhyme-like structure), the position of the direct objects of these infinitives (correspondingly любе́зныѭ па́мѧти and ѿ́жїихъ ѳгѡ́дниκъ in the middle of each *colon*), and the presence of *figura etymologica* at the ends of the *cola*, namely па́мѧти помина́ти and оугъстнѣ поуи́тати, where in either case there is a grading of the radical vowels: - па́м- / -пом-, -оугъст- / -уи́т-.

[10] According to the ancient recommendation for an *isocolon*, anaphora introduces *cola* with a similar syntactic structure.

[11] This Old Bulgarian word is in fact the neuter relative pronoun, but it may well have also a function similar to the one of the article in the Greek inflected infinitive.

1.2. The third and the last *colon*:

– и҃ т҃ѣ съзрѣцова́тн ѡ҃бразы и҃ дѣа́нїа́ же и҃ гл҃ы (literally "and their faces to contemplate, their deeds and words");

– и҃ т҃ѣ памѧтн и҃ дѣа́нїа на пѡ́лзѫ пов҃ѣствовати (literally "and their glory and deeds to some benefit to narrate").

In these two *cola* parallel again are the anaphora (in this case и҃ т҃ѣ), the infinitives, and the objects of these infinitives, although this time the word order is different. In the first quoted *colon* the infinitive precedes the objects, and in the second one it follows them. Such a structure represents the figure, well known in Antiquity, of *chiasmus*.

Other parallel elements in the text are as follows:

2. The repetition in the second half of the *period* of lexemes and radical morphemes from its first half. These are па́мѧтн, дѣа́нїа, -люв- (in любѡ́вныи, любе́зныи, бг҃олюбе́зныимь) and -мнѡг- (in мнѡжи́цѣ, мнѡ́гѡ, мнѡ́жде).

3. The last word form of the first half, жнвѡпи́сѡвати, and the last word form of the second half, пов҃ѣствовати, form a *homoioteleuton*, insofar as both have -овати as an ending.

Besides these parallel elements, there are a number of differences between the two halves of the *period*. These differences – which in some cases are oppositions – are the following:

– The *cola* in each half that I did not quote when listing the parallel syntagms. They are not introduced by anaphora and do not have a parallel structure.

– The *dicola* initial for each half of the *period* (correspondingly the first and the second as well as the fifth and the sixth syntagms), which oppose one another in the following way: in the first *dicolon* – Ѩще ѹ҃бѡ любѡ́вныи ѡ҃бы́че зѧкѡнь е҃же любе́зныи па́мѧтн помн́нати – there is a subject, and the predicate is a finite verb, whereas the second *dicolon* – мнѡ́гѡ па҃ мнѡ́жде ключ́нмо бж҃де и҃ гѣлѡ жела́телно бг҃олюбе́зныимь – is impersonal and has no subject; in the first *dicolon* the finite verb is in the aorist and in the second one it is in the future.

It is well possible to pinpoint and comment on other similarities and differences between the two halves of the *period*, but the ones observed enable us to sketch the outline of the system used for the construction of the opening *period* in St. Euthymius' *Life* of St. Paraskeva. This is the division of the *period* into two halves related to each other by means of juxtaposition, which means that the second half repeats some of the elements of the first half, but also introduces new elements, just as the relation of juxtaposition presupposes the presence of both similarities and differences.

Is the segmentation into *cola*, however, supported also by rhythm, which for Picchio is the major criterion for the demarcation of an *isocolon*? The analysis of the rhythm shows that the split into half is in accordance with the number of the accents, which, as already mentioned, is the crucial factor for the occurrence of the Slavic *isocolon*.

Thus, keeping it in mind that even though in the Zographou copy no accent appears on words such as глы, по҃бїа, ѕѣлѡ, бжїнхъ, or повѣствовати, it is impossible that they did not have one when pronounced. So we should admit that the number of the accents in each half is absolutely equal, namely, 18 accents per half. Yet their distribution per *cola* is different in the different halves. While in the second half there are five accents in each *colon*, except for the second one, in the first half five-accent *cola* alternate with four-accent *cola* (just as in the type called "alternating sequence" by Piccio). In other words, according to the "number of accents" rhythmical criterion we discover a similar system of juxtaposition, insofar as the two halves resemble each other in the same total number of accents but differ in their distribution per *cola*. What is more, the same system is substantiated by other rhythmical peculiarities of the *period*. These are 1) the number of syllables, and 2) the type of *clausulae*, i.e. the sections after the last accent in the *cola*. More precisely, as to the number of syllables, the first two *cola* in each half are in every way corresponding to one another – 12 in the first and the fifth as well as 13 in the second and the sixth *cola* – while the remaining two *cola* have a different number of syllables. The same applies to the type of the *clausula*: it is feminine in the first and the fifth *colon* (with the accent on the penultimate syllable: ꙁа́кѡнь - вжде) and dactylic in the second and the sixth *colon* (with the accent on the third syllable from the end: помина́ти - бголюве́знынмь).[12] Since the accents in the last two *cola* of the *period* are not consistently marked in the Zographou copy, no definite conclusions can be drawn on the correlation between their *clausulae*.[13]

All these observations attest that meaning, rhythm and syntax of the first *period* of St. Euthymius' *Life* of St. Paraskeva constitute a uniform structure. In it clearly distinct are two halves, among which there are similarities as well as oppositions. This heterogeneity is supported by the punctuation: the borders of the *cola* in the first half are signalled by marks different from the marks in the second one. The

[12] All this proves that even without a punctuation mark in between, there is a distinct border between the first and the second as well as between the fifth and the sixth *colon*.

[13] Yet, if we refer to a later copy of the same *Vita* (namely the one in the *Sbornik* of Mardarij from 1483), we can clearly see that they also correspond in terms of the *clausulae*, because both the fourth and the eighth *colon* have their last words accented on the fourth syllable.

accumulation of several indicators for the structure of the *cola* in the *isocolon* may be interpreted as a kind of protective mechanism encoded by the author in order to avoid later interpolations in the text and its structure when being copied or performed; in the long run it ensures that the structuring of the text coincides with the intention of the author himself.[14]

Table 2: Analysis of the rhythm

Number of syllables

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Number of accents											
I	5	Я'-	ѱɛ	ꙁ-	ѕѡ	лю-	ѕѡ́-	ѕныи	ѡ̀-	ѕы́-	чɛ
II	4	ѥ̋-	жɛ	лю-	ѕе́ꙁ-	ны-	ѝ̂	па́'-	мѫ-	тн	по-
III	5	н̀	т҃ѣ	съ-	ꙁръ-	цо-	ва́-	тн	ѡ̋ -	ѕра-	ꙁы
IV	4	мнѡ-	жн'-	цɛ-	ж	жɛ	н̀	т҃ѣ	по-	до-	ѕї-
V	5	мнѡ́-	гѡ	па́-	чɛ -	мнѡ́-	жа-	ɛ	клю́-	чн-	мо
VI	3	н̀	гѣ-	лѡ	жɛ-	ла́	тєл	но	ѕо-	го-	лю-
VII	5	ѥ̋-	жɛ	ѕо-	жї-	нχъ	ѕ-	гѡ́д-	ннкъ	ѹъст	нѣ
VIII	5	н̀	т҃ѣ́	па-	мѫ-	тн	н̀	дѣ-	а́-	нї-	а

[14] R. Koicheva turned my attention to this characteristic in hymnography. I am indebted to her for this observation, and also for her numerous and important remarks, especially concerning the analysis of the rhythm. Concerning the encoding of a medieval piece of writing by its author see also (Rusev 1983: 43), where he quotes Picchio; the key for such a code is usually a Biblical quotation.

Table 2: Analysis of the rhythm (continued)

Number of syllables

Number of accents		11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
I	5	ꙁа́-	ѥѡнь								
II	4	ми́н-	на-	тн.							
III	5	ѝ	дѣ́ -	а́ -	ни́-	а́	же	ѝ	глд	го	лы
IV	4	а	жн-	вѡ-	пи́	сѡ	ва	тн,			
V	5	бж-	ѧ̀е								
VI	3	бе́ꙁ-	ны-	нмь,							
VII	5	по-	ѵи́-	тд-	тн,						
VIII	5	на	пѡ́л-	зж	по-	вѣ-	ствѳ-	ва-	тн		

REFERENCES

I. Primary sources:

Zographou Monastery MS 172; olim 103, (II g. 6), fols. 74r–82v.
Rila Monastery MS 4/5, fols. 103r–11r.

II. Secondary literature

Alissandratos 1982: Alissandratos J., *Medieval Slavic and Patristic Eulogies*. Firenze, Sansoni, 1982.

Capaldo 1990: Capaldo M., "Rispetto del testo tràditio o avventura congetturale? Su una recente interpretazione di *Vita Constantini* 13." // *Europa Orientalis* 9, 1990, 541–644.

Cuddon 1998: Cuddon J., *A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Oxford, 1998.

Demetrius 1978: Деметрий, *О стиле.* Пер. Н. Старостина и О. Смыка. МГУ, Москва, 1978.

Freidenberg 2001: Фрейденберг О., "Ритмико-словесни форми." // *Поетика на сюжета и жанра.* Прев. В. Маразова и М. Радева. С., 2001, 167–194.

Grant 1980: Grant M., "Demetrius of Phaleron"// *Greek and Latin Authors: 800 B. C. – A. D. 1000*. New York, 1980, 119–120

Hébert 1992: Hébert M., *Hesychasm, Word-Weaving, and Slavic Hagiography: The Literary School of Patriarch Euthymius*. München, 1992, 181 –200

Ivanova 1969: Иванова Кл., "Зографският сборник, паметник от края на XIV в." // ИИБЕ 17, 1969, 105–149.

Ivanova 1977: Иванова Кл., " Патриарх Евтимий и агиографската традиция на средновековната литература (650 години от рождението му)." // ЛМ 10, 1977, 90–100.

Kenanov 1999: Кенанов Д., "Зараждане на славистичния интерес към патриарх Евтимий." // *Евтимиева метафрастика.* В. Търново, 1999.

Lausberg 1960: Lausberg H., *Handbuch der literarischen Rhetorik: Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. München, 1960.

Lixačev 2002: Лихачев Д. С., "Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России." // *Търновски писмена: алманах за Търновската книжовна школа*, 1, 2002, 94–152.

Miklas 1982: Miklas H., "Tradition und Innovation in der bulgarischen Hochsprache." // *Anzeiger für slavische Philologie* 13, 1982, 45–76.

Picchio 1993: Пикио Р., *Православното славянство и старобългарската културна традиция.* Прев. А. Джамбелука-Косова. С., 1993.

Picchio 1993a: Piccio R., "Alle prese con la *Vita Constantini*." // *Aion Slavistica* 1, 1993, 29–64.

Picchio 1993b: Пикио Р., "*Плетение словес* и литературните стилове на православните славяни в епохата на късното средновековие" // *Православното славянство и старобългарската културна традиция.* С., 1993, 531–561.

Rusev 1983: Русев П., " Принципи на художествения език и на художествената структура" // *Естетика и майсторство на писателите от Евтимиевата книжовна школа.* С., 1983, 37–74.

Stankov 1999:, Станков Р., *Исихазмът, стилът "плетение словес" и езиково-правописната реформа на Патриарх Евтимий.* С., 1999.

Velčeva 1994: Велчева Б., "Повторение – благозвучие, ритъм (Наблюдения върху старобългарската преводна проза)." // Palaeobulgarica XVIII, 1994, № 2, 45–55.

Večerka 2002: Večerka R., "Das Satzgefüge mit abhängigem hypothetischen Satz." // *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax*, Bd. 4. *Die Satztypen der zusammengesetzte Satz*. Breiburg i. Br., 2002, 344–369

Vranska 1942: Вранска Цв., "Стилни похвати на патриарх Евтимий." // Сб БАН 37, 1942, № 2, 105–280.

Xaralampiev 1990: Харалампиев Ив., *Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски.* С., 1990.

Zlatanova 1993: Златанова Р., "Едносъставни именни изречения" // *Граматика на старобългарския език: фонетика, морфология, синтаксис.* Под ред. Ив. Дуриданов. С., 1993, 403–406.

About the author ...

Ekaterina Pantcheva is PhD student at the University of Sofia "St. Clement of Ohrid". She has gained MA degree in both Bulgarian and Russian Philology (Sofia), as well as in Medieval Studies (Budapest). She is currently working on hagiographies attributed to Bulgarian hesychasts.

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

Древнеславянские источники и функциональный (семантический) подход к изучению развития языковой системы: на примере болгарского языка*

Иван Петров

В настоящей статье предпринимается попытка обозначить спектр проблем, возникающих при изучении исторического синтаксиса славянских языков с использованием современных лингвистических методов. Оставляя в стороне вопросы и сомнения чисто методологические, касающиеся различных приемов анализа языкового материала, стоит обратить внимание на сам материал, подвергаемый изучению, который количественно и качественно отличается от предмета синхронических исследований. Имеются в виду прежде всего широко понимаемые древнеславянские источники, содержащие свидетельства о языке давних эпох, среди которых одно из основных мест занимает Библия. Стоит впрочем отметить, что stricte языковедческая и текстологическая (шире: источниковедческая) проблематика находятся в тесной связи и не могут рассматриваться автономно. Выбор метода имплицирует выбор источников и наоборот, качество конкретных памятников, сохранившихся до наших дней, заставляет исследователя вносить необходимые коррективы в используемую им при анализе методику.

---

* Текст настоящей статьи в значительной степени основан на докладе, прочитанном на международной научной конференции "Проблемы славянской библейской филологии", которая проходила в Москве в сентябре 2002 года и содержит краткое обоснование выбора источников для монографического исследования "Реализация полипредикативных структур в развитии болгарского языка" (I. Petrov, "Wyrażanie struktur polipredykatywnych w rozwoju języka bułgarskiego", Łódź – в печати). Исследование было написано на кафедре славянской филологии Лодзинского университета (Польша) под руководством проф. Малгожаты Коритковской и представлено в качестве диссертации на соискание степени кандидата филологических наук в 2003 году (см. Кавецка 2004).

В традиционной исторической грамматике[1] (речь идет прежде всего о болгарском языке, но сказанное может быть отнесено в большей или меньшей степени и к другим славянским языкам) развитие языковой системы описывается на уровне морфологии и синтаксиса в основном формальным образом. Основной целью является определение причин языковых изменений (чаще всего они имеют фонетический характер) и описание развития конкретных языковых форм. При всех несомненных достоинствах такой подход не позволяет комплексно и последовательно упорядочить наблюдаемые на протяжении веков изменения в языковой системе, поскольку оставляет на втором плане функциональный (семантический) уровень организации языка. Такие явления, как напр., развитие сложного будущего времени при одновременной семантической дифференциации трех вспомогательных глаголов, появление форм т.н. пересказывательного наклонения, сближение функций причастий и личных форм глагола и др., хорошо изучены на формальном уровне, чего никак нельзя сказать об уровне семантическом, реализующемся в конкретных формах. Думается, что развитие языковой системы на уровне морфологии и синтаксиса не может рассматриваться исключительно как следствие изменений в фонетике; механизмы, порождающие формальные изменения в организации предложений, имеют функциональную природу и должны быть отнесены к семантическому уровню языка. В современной лингвистике разработан целый ряд методов, позволяющих описывать систему в направлении от значения к форме[2] и в настоящий момент назрела необходимость перейти от синхронических и сопоставительных исследований такого рода к диахроническому анализу языка, что положительно повлияет не только на историчекое, но и на теоретическое языкознание. В связи с этим имевшие и имеющие в науке место попытки объяснить языковые изменения через призму семантики представляют собой особую ценность. Стоит с другой стороны подчеркнуть, что определения традиционной исторической грамматики являются основной базой для семантических диахронических исследований, ибо верная интерпретация значения конкретной формы без сведений о ее исторических изменениях не представлется возможной.

Сосредотачиваясь на проблеме приложимости вышеобозначенных методов к древнеславянским источникам, стоит еще раз обратить внимание на принципиальное различие между синхроническим и диахроническим языковым материалом.

---

[1] Напр., (Мирчев 1978; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999).

[2] Ср. напр.,серию *Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska*, t. I–VI, Sofia–Warszawa 1988 и след.; (Каролак 2001). Это только некторые библиографические позиции, связанные с синтаксической семантикой.

Суть семантического подхода заключается в моделировании универсальных категорий, таких как темпоральность, модальность, референция и др. и их проекции на конкретный языковой материал. Это позволяет выявить и последовательно описать механизмы формализации содержания, указать на ограничения в этом плане, налагаемые системой, изучить семантические и синтаксические условия и последствия разных типов формализации, а также определить различия в дистрибуции языковых форм (при сопоставительных исследованиях). Синхронический материал позволяет в равной степени изучить реализацию каждой семантической категории; в случае отсутствия необходимых текстов исследователь на основе собственной языковой компетенции может выступать в роли их создателя. Семантическая интерпретация структур чаще всего осуществляется посредством обращения к информаторам (носителям языка) или с помощью соответствующего парафразирования, опять же таки основанного на языковой компетенции исследователя. Все это позволяет минимализировать вероятность случайных или ошибочных с точки зрения целей анализа выводов.

Диахронический материал ставит исследователя перед рядом дополнительных проблем. Проводимые на Кафедре славянской филологии Лодзинского университета исследования в области истории болгарского языка являются основной базой настоящего опыта их формулировки[3]. Вступительный анализ различных по своему содержанию, жанровой принадлежности и структуре источников (включая Библию) позволяет установить спектр проблем (далеко не полный), решение которых должно помочь лингвисту в выборе соответствующих текстов для анализа.

Оставляя в стороне технические сложности, связанные с доступностью и качеством конкретных памятников письменности (имеется в виду их физическое состояние на сегодняшний день), необходимо указать на очевидную принципиальную ограниченность диахронического материала по сравнению с синхроническим. Речь идет не только о количественной разнице, замыкающей диахронический материал в границах доступных нам источников, но и о качественной диспропорции, которая имеет решающее значение при семантических исследованиях. Дело в том, что конкретные семантические и формальные категории и типы, являющиеся основными единицами функционального лингвистического анализа (существование этих типов постулируется синтаксической семантикой), могут быть представлены в источниках в неравной степени или не представлены вообще. Возникновение подобной ситуаци при синхроническом (прежде всего сопоставительном) исследовании дает основания для выводов о самой языковой

[3] Ср. (Кавецка 2004*а*: 85–96; Петров 2004: 29–47; Петров 2005: 91–110).

системе, ее свойствах и внутренних правилах, обеспечивающих функционирование языка. Исторический же материал ограничивает возможность такого рода выводов и заставляет обращать внимание на жанровую принадлежность и текстологическую историю памятника, его содержание, стилистическую характеристику и пр. Как известно, все эти аспекты играют важную роль в изучении истории славянских литературных языков, отодвигая одновременно на второй план динамику изменения самой системы, которая является центральным объектом функциональных исследований. Конечно же, эти ограничения не могут иметь всеобъемлющего характера и реализация универсальных семантических категорий чаще всего засвидетельствована в памятниках, однако очевидно, что убедительность выводов о степени развития и свойствах языковой системы на определенном историческом этапе всегда будет меньше, чем при синхроническом анализе. Не может быть речи о свободном создании недостающих текстов, ибо языковая компетенция исследователя отображает не состояние языка в данный период, а состояние современных научных исследований в этой области. Исключена также возможность конфронтации выводов с данными, полученными от информаторов, хотя их в какой-то степени могут заменять метаязыковые сведения, содержащиеся в современных памятнику текстах.

Основные цели диахронического семантического исследования формулируются следующим образом: необходимо установить, как выбранная семантическая категория реализуется в языковх формах на протяжении веков; что влияет на изменения в этой области (включая внешние факторы, например, иноязычное влияние); какие основные этапы развития языковой системы можно выделить; которые из выявленных тенденций и типов являются наиболее продуктивными и определяют состояние современного литературного языка[4].

Можно выделить две возможности реализации этих целей.

Первая предполагает использование такого текста, история которого не менее длительна, чем история литературного языка. Этот текст должен быть представлен большим количеством памятников, созданных в различные периоды, а его варианты должны предполагать наличие принципиальной семантической эквивалентности. Без сомнения, для большинства славянских языков, в том числе для болгарского, таким текстом является прежде всего библейский текст. Его отклонения от выше сформулированной характеристики, выражающиеся в нарушении семантической эквивалентности между отдельными редакциями текста и являющиеся основным предметом исследований библеистов-текстологов, рассматриваются с точки зрения лингвистического анализа как

[4] Ср. (Петров 2004*а*: 105–110).

второстепенные. Текстологические критерии являются решающими лишь при выборе конкретного текста в качестве предмета исследования. То же касается и отношения ко греческим оригиналам, с которых делались переводы. Принимая во внимание их значительное влияние на языковую форму славянских текстов, лингвист старается ответить прежде всего на следующий вопрос: какими средствами располагает язык для выражения определенного (предварительно смоделированного) содержания и как меняется с течением времени спектр этих средств. Конечно, это не уменьшает необходимости сверки славянского текста с греческим оригиналом во избежание неверной семантической интерепретации сложных синтаксических структур, а также разного рода семитизмов и библеизмов.

Как известно, эволюция живого языка находила относительно слабое выражение в памятниках славянской (в том числе болгарской) письменности, изменения в языковой системе можно считать лишь фоном для развития книжного языка, имеющего консервативный характер[5]. Это утверждение касается большинства источников и в первую очередь может быть отнесено к Библии. Приходится констатировать, что динамика языковых изменений отражена в истории славянского библейского текста слабо и по этой причине он является одним из наименее полезных в диахронических семантических исследованиях. Факт постоянного редактирования славянских переводов Библии, которое имело зачастую характер преднамеренной архаизации – очередное тому подтверждение[6].

Помимо Библии, в истории славянской письменности существовали и другие тексты, имеющие долгую и богатую традицию: сборники со смешанным содержанием, прологовые жития, патериковые рассказы и др. Однако их использование в качестве лингвистического материала в настоящее время вызывает ряд сомнений. Во-первых, не все тексты достаточно велики по объему, чтобы можно было на основе их анализа делать убедительные выводы. Во-вторых, текстологическая традиция большинства из них еще слабо изучена, а без основных сведений о развитии текста невозможно выбрать его конкретные версии для лингвистического анализа. В-третьих, отсутствие строгого канона и устойчивого состава утрудняет доступ к этим текстам, в большинстве своем неизданным.

---

[5] Успенский 2002: 7–19.

[6] Радикализм этого утверждения можно, однако, смягчить, если принять во внимание не только изменения сисетмы, но и ее определенную стабильность, отраженную в памятниках письменности.

Вторая возможность предполагает анализ различных по содержанию текстов, отображающих основные, традиционно выделяемые в науке, этапы развития болгарского языка.

Древнейший период, т.н. староболгарский, представлен с точки зрения наличия источников чрезвычайно скромно. К классическому (т. н. старо-церковнославянскому) корпусу памятников относится, напр., Супрасльский сборник XI века[7], содержащий жития святых и проповеди. Этот текст вполне может считаться репрезентативным для начального этапа развития болгарского языка, засвидетельствованного в памятниках письменности.

Следующий важный этап развития системы – это так называемый среднеболгарский период, который завершается реформой патриарха Евфимия в последней четверти XIV века. В научной литературе неоднократно подчеркивается, что уже к началу XIV века в морфологической структуре болгарского языка произошли радикальные изменения, связанные прежде всего с распадом системы именных склонений и переходом от синтетизма к аналитизму[8]. Эти процессы, а также развитие вербальной системы, оказали влияние и на структуру предложений, которые являются минимальными единицами семантического анализа (и дефинируются также семантически). Следовательно, функциональный анализ должен учесть этот этап развития. Необходимо выбрать текст, созданный в поздний среднеболгарский период, до реформы Евфимия. Примером такого текста может быть т.н. Сводный патерик (XIV век)[9]. Стоит подчеркнуть, что текстологические критерии, которые могут отсылать нас к более ранней редакции конкретного текста, не являются в данном случае решающими. Думается, что при выборе нужно руководствоваться прежде всего датацией данного памятника, поскольку независимо от древности содержащихся в нем редакций текста, он создавался для определенных целей, определеным образом функционировал и отобразил в себе в той или иной мере языковые изменения, произошедшие к тому времени.[10]

---

[7] Супрасълски сб.

[8] Ср. (Мирчев 1978: 10–11; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 48–49).

[9] Николова 1980.

[10] В этом утверждении кроется известное противоречие с тем, что было сказано выше о библейском тексте. Думается однако, что проблема свзана прежде всего со степенью зависимости от традиции. Полностью избавленного от ее влияния текста в истории болгарской письменности найти, скорее всего, не удастся, поэтому выбор источников в определенном смысле всегда будет арбитральным.

Конец среднеболгарского периода и тырновская языковая реформа традиционно расценивается как этап, положивший начало принципиальному различию между "живым" и "книжным" болгарским языком. На этот счет существуют различные мнения, последние исследования И. Харалампиева и Д. Ивановой-Мирчевой ставят вопрос несколько по-другому[11], однако не подлежит сомнению факт, что реформированные тексты в силу проведенной архаизации не могут считаться репрезентативными для начала новоболгарского периода (XV век). Иные же источники либо малы по объему, либо представляют собой сербскую или румынскую редакцию среднеболгарского языка и их использование может вызывать дополнительные трудности и сомнения.

Основными текстами, в которых отображен переход от среднеболгарского к новоболгарскому периоду, являются т.н. дамаскины, появляющиеся на языковой болгарской территории в конце XVI века. Результаты текстологических исследований этих текстов выделяют две основные редакции дамаскинов: архаическую (македонскую и средногорскую), связанную с тырновско-ресавским типом языка, и новоболгарскую, отображающую в большой степени различные болгарские диалекты (в зависимости от происхождения памятника)[12]. Синтаксическая характеристика новоболгарских дамаскинов отмечает новый этап развития языковой системы (напр., отсутствие причастий). Именно тексты второй редакции определяются часто как первые произведения, написанные на новоболгарском языке, и не могут не обращать на себя внимание лингвиста. Лучше всего изученным текстом новоболгарской редакции дамаскинов является т.н. Тихонравовский дамаскин (XVII век)[13] и он может быть выбран в качестве следующего источника для функциональных исследований.

Период со второй половины XVII в. по XVIII в. связан в истории болгарского языка с т.н. церковнославянским влиянием, т.е. с активным использованием на болгарской языковой территории печатных текстов, написанных на церковнославянском языке русской, постниконовской редакции. Церковнославянское влияние издавна привлекает внимание историков болгарского языка, ему даются различные определения и характеристики. Установлено, что в большей или меньшей степени под этим влиянием находились все деятели болгарского Возрождения, а отношение к языковым формам, являющимся заимствованиями из этого языка, сыграло решающую роль в спорах между тремя главными болгарскими лингвистическими школами в первой половине XIX века[14]. Церков-

[11] Ср. (Харалампиев 1990; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 265–272).

[12] Ср. напр. (Петканова 1965; Демина 1968-1971: т. I; Василев 1993: 99–108).

[13] Демина 1968-1971: т. II.

[14] История 1989: 29–35.

нославянское влияние широко отразилось на синтаксисе и морфологии болгарского языка (напр., увеличение количества nomina abstracta в текстах) и поэтому не может быть проигнорировано в семантических исследованиях. Поскольку степень этого влияния в творчестве различных новоболгарских авторов, таких как Софроний Врачанский, Паисий Хилендарский и др., нелегко однозначно установить, целесообразным представляется привлечение именно церковнославянского источника (или группы источников), о котором известно (или можно с большой степенью достоверности предположить), что он оказал влияние на развитие новоболгарской письмнности. Такого рода источником должен быть скорее всего канонический текст (напр., минея, триодь или номоканон)[15], имеющий большое значение для православных славян.

Начало XIX века – это прежде всего лингвистические дискуссии, положившие начало установлению языковой нормы и созданию первых болгарских грамматик. Творчество таких авторов как Н. Рыльский или П. Берон, представитель т. н. новоболгарской школы, чьи взгляды на язык традиционно считаются определившими его окончательное развитие, вполне может быть избрано в качестве источника, отображающего постепенный переход к нормированному болгарскому языку, близкому по своей структуре к современному состоянию. Последующие явления: возникновение новых лингвистических школ, реформы, западноевропейское и русское влияние и пр. – это уже предмет иных, по сути синхронических, исследований.

Перечислим источники, которые могут быть выбраны для анализа: Супрасльский сборник (XI в.), Сводный патерик (XIV в.), Тихонравовский дамаскин (XVII в.), церковнославянский текст (XVII–XVIII вв.), "Болгарска граматика" Н. Рыльского (1835 г.) и "Рибен буквар" П. Берона (1824 г.).[16] Они отображают, как представляется, основные этапы развития болгарского языка и их функциональное (семантическое) исследование, основанное на сплошной выборке форм, реализующих конкретную семантическую категорию, позволит достичь целей, которые были сформулированы в первой части настоящей статьи. Выводы подобного исследования с точки зрения развития форм как таковых вряд ли принесут какие-либо открытия. Думается все же, что результаты такого анализа помогут хотя бы в малой степени приблизить нас к ответу на вопрос, как функционирует и развивается язык[17].

---

[15] Книга правил 1993

[16] Рилски 1835; Берон 1964.

[17] Наметившаяся в последние годы в славянской текстологии (Алексеев 1999: 59) и славянской исторической лингвистике (Крысько 2000: 5–11) тенденция, посту-

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев 1999: Алексеев А., *Текстология славянской Библии.* СПб., 1999

Берон 1964: Берон П., *Буквар с различни поучения (Рибен буквар).* 1824. Изд. С. Стойков. С., 1964.

Василев 1993: Василев В., "Общи писменоезикови черти в преписите на архаични дамаскини" // Palaeobulgarica 1993, № 2, 99–108.

Демина 1968–1971: Демина Е., *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.* Т. I, С., 1968; т. II, С., 1971

Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: Иванова-Мирчева Д., И. Харалампиев. *История на българския език.* В. Търново, 1999.

История 1989: История на новобългарския книжовен език. С., 1989

Кавецка 2004: Кавецка А., "Ново изследване в областта на историческия синтаксис на българския език." // Българистика 8, 2004, 106–108

Кавецка 2004a: Kawecka A., "Kategoria określoności/nieokreśloności i jej formalne wykładniki w Tichonrawowskim i Krninskim damaskinie." // Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe, 2004, 1, 85–96

Каролак 2001: Karolak S., *Od semantyki do gramatyki.* Warszawa, 2001

Книга правил 1993: Книга правил. СПб., 1993 (репринтное воспроизведение московского издания 1893 года)

Крысько 2000: Историческая грамматика древнерусского языка. Под ред. В. Крысько. Т. I, Москва, 2000

Мирчев 1978: Мирчев К., *Историческа граматика на българския език*, С., 1978

Николова 1980: Николова Св., *Патеричните разкази в българската средновековна литература*, С., 1980.

Петканова 1965: Петканова Д., *Дамаскините в българската литература*, С., 1965.

Петров 2004: Petrov I., "Wyrażanie relacji przyczynowo-skutkowej w języku bułgarskim. Perspektywa diachroniczna." // Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe, 2004, 1, 29–47

Петров 2004a: I. Petrov, "Zdania złożone i ich transformacje w rozwoju języka bułgarskiego. Podejście semantyczne." // *Kultura bułgarska w naszych oczach.* Poznań, 2004, 105–110.

лирующая использование в исследованиях максимального количества источников (а по возможности – целого их объема) на данном этапе не может быть отнесена к функциональному анализу. Помимо чисто практических причин, немаловажным является факт, что методологическая база такого рода исследований находится в стадии разработки. Лишь после верификации семантичеких методов на выбранном материале можно будет ставить вопрос о возможности и целесообразности комплексного изучения славянского языкового наследства.

Петров 2005: Petrov I., "Zdania temporalne w Biblii nowobułgarskiej (1924 rok) i ich odpowiedniki w średniobułgarskim Kodeksie Ochrydzkim (XII wiek)" // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica 43, 2005, 91–110.

Рилски 1835: Rilski N., *Bolgraska grammatika (1835).* R. Olesch (ed.), Böhlau 1989

Супрасълски сб.: Супрасълски или Ретков сборник. Увод и коментар на старобълг. текст Й. Заимов. Подбор и коментар на гр. текст М. Капалдо. Т. 1, С., 1982; т. 2, С., 1983.

Успенский 2002: Успенский Б., *История русского литературного языка (XI – XVII вв.).* Москва, 2002.

Харалампиев 1990: Харалампиев И., *Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски*, С., 1990.

About the author . . .

Ivan Petrov – Katedra Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Łódzkiego He was born 1n 1978 in Lenningrad (USSR). In 1995, after graduating from High Musical School and High Medical School in St. Petersburg, he moved to Poland, where he studied Polish Philology (MA-2000) and Slavic Philology (MA-2001). In 2003 he defended PhD thesis in the field of Slavic linguistic. Currently he works as a research and teaching worker at University of Lodz and University of Poznan. In the winter semester of 2003/ 2004 he was employed by the Silesia University in Sosnowiec. From the year 2004 he has been a leading teacher of students' Slavic Researches Circle of the Lodz University. He participates in numerous researching and teaching projects (e.g. editing students' textbooks, also multimedial).

His researching and teaching interests are focusing on the problems of Slavic languages' history, paleoslavic, Medieval Slavic stationery culture. His PhD thesis was devoted to historical syntax of Bulgarian language and took under consideration modern methods of linguistics analyse (currently it is prepared to printing).

In the field of popularisation he was preparing, for collective publications, translations of medieval Southslavic poetry, as well as modern Russian commentary.

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3-4 / 2005-2006

Imperial *Adventus* and Paul the Silentiary's *Ekphraseis of Hagia Sophia and Its Ambo*

Vessela Valiavitcharska

Paul the Silentiary's versified orations *Ekphrasis of Hagia Sophia* and *Ekphrasis of Its Ambo* were composed for the re-dedication of Hagia Sophia in Constantinople, which took place on December 24th, 562. The so-called Great Church, built by Justinian in 537 in the place of the old Hagia Sophia (originally erected by Constantius II) suffered a partial loss in 557, when half of the dome collapsed after a strong earthquake and crushed its ambo and sanctuary. The dome was rebuilt and enlarged, and a new ambo was added. The dedication celebrations took place during the twelve-day Christmas festivities. As an accomplished poet in service at the imperial court,[1] Paul was probably commissioned by Justinian[2] to compose and perform an oration in a language and style suitable for the occasion.[3]

Although entitled *ekphrasis*, i.e., formal rhetorical description,[4] only about half of the lines of *Ekphrasis of Hagia Sophia* comprise an actual description of the

[1] The title "silentiary" (keeper of the silence and order in the imperial palace) suggests that Paul was part of the imperial court when he composed the orations.

[2] On Justinian's indifference to traditional panegyric rhetoric, see Cameron 1986: 110ff; for a discussion of the commissioning of Procopius' *Buildings, see* Downey 1947: 171–183; for a more detailed discussion on the likelihood of imperial commission in the case of the two *Ekphraseis*, *see* Macrides, Magdalino 1988: 74ff.

[3] The precise date of Paul's delivery is uncertain. Mary Whitby (Whitby 1985: 215–288, Whitby 1981: 25–26) maintains that it was January 6th, i.e. the feast of Epiphany, which concluded the Christmas celebrations, while Macrides and Magdalino (Macrides, Magdalino 1988: 61–7) argue on the basis of textual clues that the oration could have been declaimed on December 31st of 562, the first Sunday after Christmas. It is generally agreed, however, that the declamation of *Ekphrasis of Hagia Sophia* took place after Christmas, on or before Epiphany, while *Ekphrasis of the Ambo* was delivered shortly after that, as inferred from the prologue (Friedländer 1912: 110).

[4] For a general introduction to the peculiarities of Byzantine *ekphrasis*, *see* Friedländer 1912: 1–103; on the relationship between text and image in Byzantine works of art, *see* Maguire 1981; for a discussion of the function of Byzantine *ekphrasis* vis-à-vis the object of description, *see* Macrides, Magdalino 1988: 47–53.

church; the other half, i.e., the two prologues and the epilogue, are a panegyric of the emperor Justinian and of patriarch Eutychius. The poem is structured as a triptych of sorts: the *ekphrasis* is preceded and followed by panegyric which can be easily detached – and has been in the past, in searches for exclusively factual information (Macrides, Magdalino 1988: 54). For a whole generation of scholars, the poem's classicizing style and Homeric vocabulary have been a continual source of frustration, and have led many to deplore its stilted "poetic bombast" (Majeska 1978: 299).[5] However, recent, more organic approaches, in which the oration has been studied as a single piece of panegyric meant to be performed in a specific ceremonial context, have yielded some notable results and have demonstrated its structural, rhetorical, and ceremonial unity.[6]

It is certainly reasonable to suppose that an occasion like the dedication ceremonies of Hagia Sophia would have required the recitation of a formal imperial panegyric (*basilikos logos*), a separate "genre" in panegyric oratory (Macrides, Magdalino 1988: 74).[7] However, the two *ekphraseis* could hardly fall into the category of imperial panegyric in the strict sense of the word. Paul has chosen to include rather uncomplimentary material in his prologues: the recent conspiracy against Justinian (November of 562), the collapse of the dome as a result of the earthquake of 557, and possibly, an allusion to the plague of 558, which wiped almost a third of the population of Constantinople, but spared Justinian himself.[8] Scholars have ar-

[5] Macrides and Magdalino (Macride, Magdalino 1988: 49) also comment on the Byzantine rhetorical conventions for composing *ekphrasis*, which have proven to be an "eternal source of frustration for the positivist art historian."

[6] Macrides and Magdalino (Macrides, Magdalino 1988: 54–67) discuss the unity between the panegyrical parts and the *ekphrasis* proper; they offer an excellent analysis of the context, rhetorical structure, and rhetorical significance of Paul's oration. For a detailed study of the language and literary references of Paul, albeit exclusively the language of the prologues and the epilogue, *see* Whitby 1981; *see* also Whitby 1985: 507–516 for a possible connection between Paul's *Ekphrasis* and late Latin poetry.

[7] According to the treatise of Menander Rhetor on epideictic rhetoric, the imperial panegyric (*basilikos logos*) is the loftiest subject and requires a full formal praise of the emperor beginning with ancestry and place of birth, and proceeding with praise of his deeds, accomplishments, and character qualities in terms of the four pagan virtues, justice, courage, temperance and wisdom (*Menander Rhetor* 368–77. The edition I have used is Russell, Wilson 1981). Whitby argues that *Ekphrasis of Hagia Sophia* is a formal panegyrical oration and part of the official imperial propaganda, without specifying any rhetorical genre (Whitby 1985: 219–222, Whitby 1981: 20–26).

[8] ὅθεν νόσους διαδιδράσκεις εὐκόλως,/οὐκ ἐλπίσαντος οὐδενός (as you escape serenely from diseases, as no one [else] could hope [for himself], lines 17–18). This and all subsequent quotations from the Greek text come from Friedländer's edition (Friedländer 1912: 227–265).

gued that Paul's *Ekphraseis* were composed in a panegyrical mode in an effort to offset a popular mood of fear and foreboding produced by the calamities, by military losses, and by Justinian's neglect of political affairs and withdrawal into theology towards the end of his life. Therefore, conforming to the rules of panegyric, Paul has tried to represent unflattering material in the most appealing manner and to the emperor's advantage (Macrides, Magdalino 1988: 68; Whitby, 1981: 20–26). This argument, however, overlooks the sheer *amount* of uncomplimentary material in the prologues to the first *Ekphrasis* as well as its position of prominence (i.e., the beginning of the oration). It also ignores the recommendations of the *progymnasmata* manuals – which, as far as the imperial oration is concerned, prove to have been scrupulously applied in practice[9] – that any negative facts should be omitted, but if that is not possible, they should be presented in the best light permitted by the circumstances.[10] Perhaps Paul could not have avoided mentioning the collapse of the dome, but he certainly could have skipped the detailed and suspenseful description of the conspiracy against Justinian or any references to the plague. Yet the subject of the conspiracy takes up most of the first prologue (lines 20–65), and was apparently considered by Paul important enough to be given the first place in this very formal oration, which probably marked the verbal peak of the celebrations. On the other hand, the description of the collapse – the original cause of the restoration work and the subsequent dedication festivities – is relegated to the second prologue, after an encomium of the patriarch (lines 185–212). These unflattering events are certainly presented in the best possible light, yet they have indeed received an inordinate amount of attention. The odd choice and arrangement of the material makes an imperial oration or a straightforward panegyric an unlikely candidate for a "generic" classification of Paul's *Ekphrasis*.

I suggest that *Ekphrasis of Hagia Sophia* and, by extension, *Ekphrasis of the Ambo* was composed not as an imperial oration, but as an *adventus* speech, i.e., speech intended to greet the emperor in a ceremony of arrival and welcome, which often coincided with the celebration of military triumph. Macrides and Magdalino have already demonstrated that Paul's oration is extremely sophisticated and intricately loaded with various layers of meaning. Thus, he recreates the *encaenia* procession to Hagia Sophia on December 24th, while guiding his audience as if on an imaginary tour through the building. The description of the various parts contains a

[9] For example, Julian, *Orations* 1 and 3, Procopius of Gaza, *Encomium of Anastasius I*, and Themistius, *Encomium of Constantius*.

[10] *See* Nicholas Sophist (Spengel 1856: 477–478), Theon (Spengel 1856: 109–110), and especially Menander Rhetor 368–77 for instructions on how to write an imperial oration: the speaker must choose only subjects worthy of praise.

hidden narrative of the building's construction, as well as a progression through the four elements, from the earthly substance of the building materials, to the water in the baptismal fonts, to the air in the dome to the fire in the lamps. The change of seasons is also recounted, as is the advance from morning, to noon, to evening, and from physical to spiritual illumination. In addition, the oration is bound and held together by a sense of simulation and reliving of the *encaenia* ceremony, loaded with liturgical and Scriptural references (Macrides, Magdalino 1988: 54ff). My argument that *Ekphrasis of Hagia Sophia* was planned as an *adventus* speech comes not to deny any of the above readings, but to supplement them and to illustrate the ingenuity of the Byzantine orator.

Menander Rhetor lists two kinds of address orations: *epibatêrios logos* and *prosphonêtikos logos*. The former is intended to greet an arriving emperor or high official and welcome him into the city; the latter is an "all-purpose" speech of address and praise. These two textbook models were followed closely not so much in terms of structure as *topoi.* The commonplaces included the joy of the people, the dramatic improvement of their situation, the change from darkness to light, a praise of the emperor's virtues and his deeds, and a *synkrisis* (comparison) suitable for the occasion. According to the testimony of the late antique panegyrists, two speeches were recited: one outside the city, at the first encounter of emperor and his subjects, the other, more elaborate, within the city walls, whose function was to emphasize the intimate connection between ruler and citizens by describing the joy and spontaneity of the *adventus* ceremony. More often, however, only one formal *adventus* oration was often declaimed, within the city walls, and it focused on expressing communal consent by conjuring a vivid picture of the welcoming festivities (MacCormack 1981: 21; *see* also the *adventus* orations in Galletier 1949–1955).

It seems unlikely that Paul should have written the two *Ekphraseis* as if he were celebrating an *adventus* or *triumphus* of the emperor: Justinian did not have a good reason to boast of any victories at that particular time in his reign, neither did he celebrate even a minor *adventus* in the more traditional terms of arrival. His big conquests in the west and in Africa were behind him; a truce with Persia had been ushered, for which the Byzantine empire paid a substantial annual tribute; large parts of the empire leaning towards Monophysitism had failed to be reconciled to Orthodoxy; the emperor had shown an increasing tendency to withdraw from public life into theology, and had been the object of a number of assassination plots. Yet the language of the prologues and the epilogue of the first oration abounds in images of victory. The first and second prologues are written in iambic trimeters and, in accor-

dance with the rules for iambic prologues, display a lively tone and almost colloquial language.[11] The description proper of the church – at least according to the lemma – begins with a short introduction after the second prologue, and changes the meter to epic hexameters. It can be inferred from the divisions of the speech and the respective lemma[12] that the first prologue was delivered in the imperial palace, at the initial stages of a ceremony, while the second prologue and the description itself – at the patriarchal palace, near Hagia Sophia, after a break in the recitation, presumably allowing for the party to move to the new location.[13] There is a second break in the oration, which may indicate another change of location, although this is not explicitly stated. The order of subjects in the opening verses of the first prologue is highly reminiscent of artistic representations of imperial triumph, as in the Barberini diptych (fig. 1)

Is it possible to think of a day greater than the present one, in which God and emperor take pride? It is impossible to name one. We know that Christ is Lord, yes we know it without doubt. For this you make known by your words, mighty master, even to the barbarians. As a result of which you have Him as a helper present to hand in our deeds: in making laws, founding cities, raising temples, taking up arms, arranging truces and checking conflicts. As a result, Victory is inherent in your labors, like an insignia. Is it not true that, to the west, we must traverse the whole earth and come to the Ocean, to find the boundary of your power? While to the east have you not made all men yours? – some you routed in battle, others before coming to this; and have you not held every Lybian in slavery long since?[14]

---

[11] For a full commentary on the language of the prologues, see Whitby 1981; for a discussion of the role, structure, and language of iambic prologues in general, see Viljamaa 1968: 1–153.

[12] The two *Ekphraseis* have survived in only one manuscript, the Heidelberg cod. gr. 23, also known as one of the sources for the epigrams of the *Palatine Anthology*. Thus, it is difficult to say whether the divisions of the poems and the accompanying lemma are genuine; Whitby (Whitby 1981: 19, 62–64) argues on the basis of textual clues that they must belong to Paul.

[13] Friedländer (Friedländer 1912: 110, 110 n.3) points out the similarity between the break after the first prologue in Paul's *Ekphrasis of Hagia Sophia* and the midday break in John of Gaza's description of the *Tabula Mundi*.

[14] Ἆρ' ἔστιν εὑρεῖν μείζονα τῆς νῦν ἡμέρας / ἐν ᾗ θεός ε καὶ βασιλεὺς σεμνύεται; / οὐκ ἔστιν εἰπεῖν. Χριστὸν ἴσμεν δεσπότην, / ἴσμεν δὲ πάντως· τοῦτο γὰρ τοῖς σοῖς λόγοις / ποεῖς, κράτιστε, γνώριμον καὶ βαρβάροις· / ὅθεν συνεργὸν αὐτὸν ἐν ταῖς πράξεσιν / ἔχεις παρόντα, νομοθετῶν, κτίζων πόλεις, / νεώς ἐγείρων, ὅπλα κινῶν εἰ δέοι, / σπονδάς τε τάττων καὶ καταστέλλων μάχας, / ὅθεν τὸ νικᾶν συμφυὲς τοῖς σοῖς πόνοις / ὥσπερ ἐπίσημον· οὐχὶ πρὸς τὴν ἑσπέραν / ὅρος μὲν ἡμῖν ὠκεάνος τοῦ σοῦ κράτους / τὴν γὴν διεκδραμοῦσι; πρὸς δὲ τὴν ἕω / οὐ πάντας ἤδη τοὺς μὲν ἐτρέψω μάχαις, / τοὺς δὲ πρὶν ἐλθεῖν ἐς τόδε προσλαμβάνεις / Λίβυν δὲ πάντα δοῦλον οὐκ ἔχεις πάλαι; lines 1–16). Trans. Whitby 1981: 7.

A close look at the diptych, an early sixth-century work commemorating, most likely, Justinian's triumphs, reveals that the arrangement of sections from top to bottom corresponds closely to the opening paragraph of Paul's oration. Thus, the image of Christ as Lord of the universe, highly reminiscent of the Second Advent, occupies the top panel; His hand is extended in a gesture of benediction over the head of Justinian – God is the "helper" who "hands in [the] deeds" to the emperor. The central panel represents Justinian himself, in military garb and on horseback, in a moment of triumphal entry into the city. A winged Victory above the horse's head is presumably handing the emperor a wreath or a crown (a standard expression of the joy of the population and an acknowledgement of the victorious status of a ruler), while a personification of the earth, her lap full of fruits, supports the emperor's feet and his horse's hooves, alluding to the expanse of Justinian's kingdom. The military successes of the emperor are depicted in the form of a Roman general (left panel), who seems to be presenting the emperor with a statuette of another winged Victory, holding out a wreath. Underneath are carved the crouching barbarians, identified by their strange garments and accompanying wild animals. The correspondence between text and image is quite striking – and so is the message, especially because verbal imagery had exact visual equivalents in the monumental art and coinage of late antiquity and the early Byzantine period (MacCormack 1981: 11).

The opening lines create a sort of *tableau* of the victorious emperor, highly reminiscent of another depiction of Justinian's triumphs: the dome of the Chalkê, one of the gates to the imperial palace. Its mosaic, completed sometime after 540 (Mango 1959: 30–34), no longer survives, but the image has been described by Procopius:

On either side is war and battle, and many cities are being captured, some in Italy, some in Lybia; and the Emperor Justinian is winning victories through his General Belisarius, and the General is returning to the Emperor, with his whole army intact, and he gives him spoils, both kings and kingdoms and all things that are most prized among men. In the center stand the Emperor and the Empress Theodora, both seeming to rejoice and celebrate victories over both the King of the Vandals and the King of the Goths, who approach them as prisoners of war to be led into bondage.[15]

[15] ἐφ' ἑκάτερα μὲν πόλεμός τέ ἐστι καὶ μάχη, καὶ ἁλίσκονται πόλεις παμπληθεῖς, πὴ μὲν Ἰταλίας, πὴ δὲ Λυβύης. καὶ νικᾷ μὲν βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς ὑπὸ στρατεγοῦντι Βελισαρίῳ, ἐπάνεσι δὲ παρὰ τὸν βασιλέα, τὸ στράτευμα ἔχων ἀκραιφνὲς ὅλον ὁ στρατηγός, καὶ δίδωσιν αὐτῷ λάφυρα βασιλεῖς τε καὶ βασιλείας, καὶ πάντα τὰ ἐν ἀνθρώποις ἐξαίσια. κατὰ δὲ τὸ μέσον ἑστᾶσιν ὅ τε βασιλεὺς καὶ ἡ βασιλὶς Θεοδώρα, ἐοικότες ἄμφω γεγηθόσι τε καὶ νικητήρια ἑορτάζουσιν ἐπί τε τῷ Βανδίλων καὶι Γότθων βασιλεῖ, δορυαλώτοις τε καὶ ἀγωγίσμοις παρ' αὐτοὺς ἥκουσι (Procopius, *Buildings* I.x: 16). Trans. Dewing 1978: 85–87.

In both images the emperor's victory has a permanent and timeless quality; it is both a victory of long ago as it is a recent victory. Paul evokes first the image of the ever-victorious emperor (perhaps already familiar through artifacts like the Barberini diptych and the Chalkê mosaic), after which he proceeds to describe a recent "enemy" and a recent "battle" fought and won by the emperor:

The ambush was laid, the sword at the ready, the appointed day at hand; the conspirators had already passed within the palace and were laying hand on the inner door...[16]

The latest victory that Justinian has achieved is victory over the conspirators – an important point to make in the light of the increasing number of conspiracies Justinian had to tackle towards the end of his reign. Here Paul uses the occasion to introduce the *topos* of the emperor's virtues of justice and mercy: so great was the offense of the rebels – since to take up arms against the emperor is to go against God Himself (lines 54–55) – that even Justice herself was not willing to spare them, and one of them fell by his own hand (line 33–35).[17] The emperor's boundless pity and mercy, however, spare the life of the other conspirator, as a result of which he becomes a most faithful servant.

The topic of justice and mercy, or justice and temperance (mercy being a demonstration of temperance), is a mandatory component in triumphal panegyric and its artistic depictions. Menander recommends that the sophist move on to the topic of virtues imediately after the proemium, and that of these he consider justice and temperance first, by giving an account of the subject's deeds (Menander 415–417 = Russell, Wilson 1981: 165–169). Similarly, Libanius, who presents the accession of emperor Julian in terms of *adventus*, makes the topic of imperial virtues – and most importantly, justice and temperance – the basis of his entire panegyric.[18] Corippus' poem on the accession of Justin I, which also abounds in *adventus* imagery and references, devotes half of the proemium to justice, dutifully observing the origin of the name "Justin."[19] The justice and mercy of an emperor are often depicted on

[16] ὁ λόχος συνέστη, καὶ παρασκευασμένον / τὸ ξίφος ὑπῆρχε, καὶ παρῆν ἡ κυρία, / καὶ τῶν βασιλείων ἐντὸς οἱ ξυνωμόται / ἤδη παρῆλθον, τῆς πύλης τε τῆς ἔσω, ... (lines 24–27). Trans. Whitby 1981: 7.

[17] ἔπεσεν αὐτοχειρίᾳ / ὁ τὸν λόχον ἄγων· οὐ γὰρ ἤθελεν ἡ Δίκη / αὐτὸν διασώζειν... (lines 33–35) Οὐχὶ πρὸς αὐτὸν τὸν θεὸν ἐξοπλίζεται / ὁ τὸν βασιλέα τοῦτον οὐ θέλων κρατεῖν / ... (lines 54–55)

[18] Libanius, *Oration* 12: 59ff.

[19] Corippus, *In laudem Iustini Augusti minoris*: 20–46 (esp, tu quoque, Iutitiae nomen de nomine sumens,/ frena regendorum retines firmissima regum). For a full discussion of the *adventus* connotations of imperial accession, *see* the introduction of Averil Cameron's edition of Corippus (Cameron 1976: 1–25), also Cameron 1975: 128–165 and MacCormack 1981, 161–221.

triumphal arches and columns as scenes in which the victor decides the fate of barbarian prisoners or dispenses mercy to war captives. In Paul's oration, the panegyric of the emperor is located in the proemia and epilogue, and the topic of imperial justice is combined with mercy: towards the conspirators, towards debtors whose incontinence (*akrasia*) has led them to ruin, and towards the sins of life in general (lines 40–53).

According to the lemma, the description of Hagia Sophia begins after the second iambic prologue, and is indicated also by the change of meter to epic hexameters. The *ekphrasis* itself, however, does not come until later; it is preceded by another panegyric of the emperor, the theme of which is again victory and joy:

> Today it is not the thud of shields bears me on, nor do I hasten to celebrate a victory, western or Lybian, nor yet do I strike out a reverberating rhythm over tyrant-slaying trophies. Let the glory of Mede-slaying works remain unproclaimed today. Peace, rich in prosperity, nurse of cities, you whom our lord has embraced more than Victory of the lovely helmet, come now; exulting in city-preserving toils, let us sing in holy hymns of the house which surpasses every most glorious contest, beneath the majesty of which every divinely-inspired, glorious, high-roofed work has cowered low.[20]

A narrative of the collapse of the dome follows, presented as an attack of "black Envy" (μέλας Φθόνος) upon the beauty of Roma, which inflicted a "gaping ulcer" in her breast (περιρραγὲς ἕλκος). In her measureless grief she makes a supplication to Justinian that he restore the summit of the temple, and surely, the emperor's "deeds [are] swifter than his accompanying word" (καὶ τάχα μύθου / γείτονος ἔργον ἔην ταχινώτερον, line 256). In his haste, he does not wait for the attendant shield-bearer or the escort of patricians, but rushes to the church, mingling with the crowd of the populace streaming to see the damage. The swiftness and spontaneity that Paul attributes to Justinian is reminiscent of panegyric descriptions of the swift appearance of emperors during the first stage of the *adventus* ceremony and their purportedly spontaneous mixing with the people. For example, the panegyrist who recounts the *adventus* of Maximian and Diocletian in Milan in 291 speaks of the fields being filled with men running to behold them, of the very roofs of the city

---

[20] Σήμερον οὐ σακέων με φέρει κτύπος, οὐδ' ἐπὶ νίκην / ἕσπερον δὲ Λίβυσσαν ἐπείγομαι, οὐδὲ τροπαίοις / ἀμφὶ τυραννοφόνοις καναχήποδα ῥυθμὸν ἀράσσω· / Μηδοφόνων ἀβόητα μένοι κλέα σήμερον ἔργων. / Εἰρήνη πολύολβε, τιθηνήτειρα πολήων, / ἣν πλέον εὐπήληκος ἄναξ ἠγκάσσατο Νίκης, / δεῦρο· πολισσούχοισιν ἐπαυχίσαντες ἀέθλοις / παντὸς ὑπερκύδαντος ὑπέρτερον οἶκον ἀγῶνος / εὐιέροις ὕμνοισιν ἀείσομεν, ᾧ ὑπὸ μούνῳ / πᾶν κλέος ὑψορόφοιο κατώκλασε θέσκελον ἔργου (lines 135–44). Trans. Whitby 1981: 10.

being shaken when men and women, young and old who have rushed out to meet the approaching rulers.[21] Like him, Paul talks about the movement of the people in the streets as if describing a rush of natural elements (*sunerreon*).[22]

The theme of the popularity of Justinian is taken up again towards the end of the encomium and just before the beginning of the description proper (lines 326–49). Paul recounts the commencing of the *encaenia* ceremonies at dawn, the joy of the people who have come to the temple bringing gifts, the hymns of the choirs and the processions of the clergy – they all celebrate the deeds of the "mighty scepter–bearer" (line 326). The extended reference to sunlight which disperses night and spreads the "gleam of joy" (νὺξ ἀχέων καὶ πάντας ἐπέδραμε χάρματος αἴγλη, line 325) is once again reminiscent of an *adventus* procession, which would usually begin at dawn – so that a panegyrist would never fail to draw a parallel between the arrival of the emperor and the breaking of daylight. The allusion is explicit in Paul's epilogue, which refers to Justinian as an "evening and morning light" (ἐς φάος ἑσπέριόν τε καὶ ὀρθριον). This *adventus* commonplace has found its way into commemorative monuments, as for instance the Arch of Constantine, which depicts Constantine's *profectio* from Verona with the setting moon and *adventus* in Rome with the rising sun (MacCormack 1981: 34–37).

Insofar as the main part of Paul's oration is comprised of a description "proper" of the church, it is reasonable to expect that most of the panegyric "proper" would be found in the proemia or the epilogue. However, as Macrides and Magdalino have argued, the description of the church cannot be separated from the prologues and the epilogue – it is an encomium of Justinian as a builder (Macrides, Magdalino 1988: 54ff). In this aspect Paul's composition is very much like Procopius' extended panegyric *Buildings*, where praise of the emperor's virtues has been substituted with an *ekphrasis* of his building achievements, a palpable demonstration of his piety, care,

---

[21] "...agri oppleti non hominibus modo ad visendum procurrentibus sed etiam pecudum gregibus..." (Galletier 1949: 60 = 3.10.5); "...tecta ipsa se, ut audio, paene commoverunt, omnibus viris feminis, parvulis senibus aut per fores in publicum proruentibus aut per superiora aedium lumina imminentibus" (Galletier 1949: 61 = 3.11.3). *See* also MacCormack's discussion of this panegyric (MacCormack 1981: 22–33). Although Paul follows closely the language and style of Nonnus of Panopolis, he was familiar with late Latin poetry and panegyric, from where he borrows the personification of Roma – as Mary Whitby has argued (Whitby 1985: 507–516).

[22] As Whitby notes in her commentary, *surreo* appears only in prose writers, as for instance in Agathias' *History* 2.15.6 and 5.16.3, describing people gathering in the streets because of earthquakes or peasants flocking around Belisarius – the choice of word highlights the spontaneity of the populace.

generosity, and wisdom. The *topos* is frequent in Byzantine *adventus* rhetoric as well: Byzantine orations show a tendency to replace the *topos* of virtues with an *ekphrasis* of deeds or ceremony (ceremony being the outward expression of communal knowledge and approval).[23] In his description, Paul is at great pains to bring out complex and multi-level symbolism, through which he celebrates the church as a model of the universe, of the empire, and of God's work in the material world (Macrides, Magdalino, 57ff).

The description, therefore, is not an end in itself, but an organic part of the ceremonial panegyric of Justinian: it is a celebration of his deed as materialized imperial virtue and as a victory against the powers of Envy, which has followed on the heels of his triumph over conspirators and "demons' attacks" (line 273). Justinian's victory is a victory of peace, not war (lines 135–40), yet nevertheless worthy of "*trophy*-bearing hymns of successful warfare" (τροπαιοφόρων τε καὶ εὐπτολέμων σέθεν ὕμνων, line 967).

The amount of attention that *Ekphrasis of Hagia Sophia* has received far exceeds that received by *Ekphrasis of the Ambo* – perhaps because the *Ambo Ekphrasis* is generally thought of as an incidental addendum. Indeed, the *Ambo Ekphrasis* is not part of the main *Ekphrasis* and seems to have been written and performed at a later date: in the prologue Paul refers to the emperor as "having added the missing part to the all-beautiful temple" (προσθεὶς τὸ λεῖπον τῷ νεῷ τῷ παγκάλῳ, line 2) and to himself as "having called men away from their usual businesses three times now" (τρὶς γὰρ ἤδη συγκαλῶν / καὶ τῶν συνήθων ἐξαναστήσας πόνων, lines 11–12), from which Friedländer infers that the ambo was probably not completed in time for the main dedication ceremony (Friedländer 1912: 110). However, whether composed as an addendum or not, the *Ambo Ekphrasis* strives to continue the theme of the main *Ekphrasis* and to provide an ending suitable to both.

The oration is structured very much like the main *Ekphrasis* in that it begins with an iambic prologue in a light tone praising the emperor and the sight of the ambo, and continues with its description in formal epic hexameters. At first sight, the victory allusions from *Ekphrasis of Hagia Sophia* seem to have been lost: in the introduction, Paul praises the emperor for his work, then invokes the holy martyrs and apostles who have laid their lives for Christ. The description proceeds from the steps to the platform with its colonnade, to the base of the ambo with its marble fence and two gates, to the architrave and candelabra above the second level, to the path which joins the ambo with the sanctuary. It follows the liturgical order of use of

[23] Gradually the *topos* of panegyric came to coincide with the content of ceremony (MacCormack 1981: 7–8).

the ambo: the priest ascends the steps to read the Scripture for the day (and so the people's attention is directed towards the platform and its colonnade), then the choir of children, situated under the platform, responds, after which the priest descends the ambo with the Gospel, as people on both sides of the approach to venerate it.

Before he starts the walkway description, Paul supplies an interesting comparison, whose implications – for those with enough education to be able to read them – are a very subtle reference to triumphal workmanship. The ambo, he says, which towers in the middle of the vast church, is like an island rising out of the swell of the sea, as if beaten by the surging crowd that throngs to hear the Word of God (lines 224–54). It makes travelers glad with the beauty of its blooming meadows, i.e., meadows of marble. Or rather, he says, it is not an island but an isthmus, joined to the mainland coast, i.e., the sanctuary, as by a mooring rope, and surrounded by countless throngs of people as if beaten by waves.[24] The language of this passage is highly reminiscent of a passage in Nonnus, in which the god Dionysus listens to Hercules recounting the story of the genesis and building of the city of Tyre, while admiring its beauty:

Still more Bacchos admired the city of Tyre… Shepherds near the seaside woods gossiped in the company of woodmen, and in one place was the loud noise of the sea, the lowing of cattle, the whispering of leaves, rigging and trees, navigation and forest, water, ships and lugger, plowtail, sheep, reeds and sickle, boats, lines, sails, and corselet. As he surveyed all this he expressed his wonder: "How's this – how do I see an island on the mainland? If I may say so never have I beheld such beauty. Lofty trees rustle beside the waves… A delicate breeze of the south breathes from Lebanon upon Tyrian seas and seaside plowland, pouring a breath of wind which fosters the corn and speeds the ships at once, cools the husbandman and draws the

---

[24] Ὡς δὲ θαλασσαίοισιν ἐν οἴδμασι νῆσος ἀνίσχει, / δαιδαδέῃ σταχύεσσι καὶ ἀμπελόεντι κορύμβῳ / καὶ θαλερῷ λειμῶνι καὶ εὐδένδροισιν ἐρίπναις, / τὴν δὲ παραπλώοντες ἐπολβίζουσιν ὁδῖται / ἄλγεα βουκολέοντες ἀλικμήτοιο μερίμνης· / οὕτω ἀπειρεσίοιο κατ' ἔνδια μέσσα μελάθρου / λάεσι πυργωθεὶς ἀναφαίνεται ὀρθιος ἄμβων, / δαιδαλέος λειμῶνι λίθων καὶ κάλλεϊ τέχνης. / ναὶ μὴν οὐδ' ὅγε πάμπαν ἀπόκριτος ἐς μέσον ἕστη / χῶρον, ἁλιζώνοισιν ὁμοῖος ἤθεσι νήσων· / ἀλλ' ἄρα μᾶλλον ἔοικεν ἁλιρροθίῳ τινί γαίῃ / ἣν πολιοῦ προβλῆτα δι' οἴδματος ἰσθμὸς ἐλαύνει / μεσσατίοις πελάγεσσι, μιῆς δ' ἀπὸ δέσμιον ἀρχῆς / ὀχμάζων ἀνέκοψεν ἀληθέα νῆσον ὁρᾶσθαι· / ἡ δὲ θαλασσαίοισιν ἐπιπροθέουσα ῥεέθροις / ἴσθμιον ἀγχιάλοιο καθήψατο πεῖσμα κολώνης. / [...] ἰεμένης δὲ / πληθύος, ἀχράντοιο θεοῦ κατὰ μύστιδα τιμήν, / χείλεα καὶ παλάμας ἱερὴν περὶ βίβλον ἐρεῖσαι, / κύμαατ κινυμένων περιάγνυται ἄσπετα δήμων (lines 224–51).

seaman to his voyage... O world-famous city, image of the earth, picture of the sky!"[25]

The ambo, in other words, is compared to an island or an isthmus rising in the middle of the nave just like the city of Tyre is an island on the mainland. As Dyonisus praises the bucolic beauty of Tyre, so does Paul praise the rural loveliness of the ambo as displayed in its well-crafted marble, decorated with natural motifs. More important, however, is the implicit connection between the ambo and Tyre, which is the city of Dionysus' mother Semele and the place of the god's origin, to which, in chapter 40, he is returning victorious after the Indian war, celebrating his triumph on the way. Thus, the allusion to victory is also combined with the idea of the intimate relationship between god and his city – or, in the case of the *Ambo Ekphrasis*, emperor and his city.

The theme of the bond between emperor and his capital is articulated in the second stage of the *adventus* ceremony, where the procession comes to rest within the walls of the city. The main oration of welcome is recited then, designed to greet the ruler and emphasize the love and devotion of the entire city – a theme prominent, for example, in Claudian's descriptions of Honorius' arrival in Rome (MacCormack 1981: 50–55). Thus the allusion to the city of Tyre upon which Dyonisus descends during his triumphant journey back from India was probably meant to call attention to the boundless devotion of the city of Constantinople to her ruler and victorious builder. Like the martyrs and apostles of lines 30–49, who, crowned by Christ, "carry the signs of the resurrected God among the nations" (ἔθνεσι γαίης / σύμβολα κηρύσσοντες ἀνεγρομένοιο θεοῖο, line 34), so Justinian conquers the nations through his piety.

Paul concludes the description by adding that, apart from these works, the emperor has also erected a "bright flame [i.e., image] of his city-protecting Grace, beyond the much-hymned temple, so that, with counsel received from above, it may be dedicated as a living gift of honor, to the Governor of the world, Christ the King of

---

[25] Καὶ Τύρον εἰσέτι Βάκχος ἐθάμβεε, [...] / εἰναλίης δ' ὀάριζον ὁμήλυδες ἐγγύθι λόχμης / ποιμένες ... ὑλοτόμοισι καὶ ἔβρεμεν εἰς ἑνὶ χώρῳ / φλοῖσβος ἁλός, μύκημα βοῶν, ψιθύρισμα πετήλων, / πεῖσμα, φυτόν, πλόος, ἄλσος, ὕδωρ, νέες, ὁλκάς, ἐξέτλη, / μῆλα, δόναξ, δρεπάνη, σκαφίδες, λίνα, λαίφεα, θώρηξ. / καὶ τάδε παπταίνων πολυθαμβέα ῥήξατο φωνήν· "Νῆσον ἐν ἠπείρῳ πόθεν ἔδρακον;" εἰ θέμις εἰπεῖν, / τηλίκον οὔποτε κάλλος ἐσέδρακον· ὑψιτενῆ γὰρ / δένδρεα συρίξει παρὰ κύματα, [...] καὶ Τυρίοις πελάγεσσι καὶ ἀγχιάλοισιν ἀρούραις / πνείων ἐκ Λιβάνοιο μεσημβρινὸς ἀβρὸς ἀήτης / ἄσθματι καρποτόκῳ προχέει νηοσσόον αὔρην, / ψύχων ἀγρονόμον καὶ ναυτίλον εἰς πλόον ἕλκων, / [...] ὦ πόλι πασιμέλουσα, τύπος χθόνος. αἰθέρος εἰκών (Nonnus, *Dionysiaca* 40.327–52). Trans. Rouse 1940: 176–179.

all."[26] As both Friedländer and Mango note (Friedländer 1912: 305; Mango 1993: 96n), the "bright [image]" referred to is most likely the famous bronze equestrian statue of Justinian in the Augusteum,[27] which often attracted the attention of travelers with its impressive looks and extraordinary height. After the fall of the Empire the statue was taken down, yet a description of it survives in Procopius' *Buildings*:

At the top of the stones there rises a column of extraordinary size... And on the summit of the column stands a gigantic bronze horse, facing towards the east, a very noteworthy sight. He seems about to advance and to be splendidly pressing forward... Upon this horse is mounted a colossal bronze statue of the emperor. And the figure is habited like Achilles, that is, the costume he wears is known about that name... One might say in poetic speech that here is that Autumn star [i.e., Sirius]. And he looks toward the rising sun, directing his course, I suppose, against the Persians. And in his left hand he holds a globe, by which the sculptor signifies that the whole earth and sea are subject to him, yet he has neither sword nor spear nor any other weapon, but a cross stands upon the globe which he carries, the emblem by which alone he has obtained both his empire and his victory in war. And stretching forth his right hand toward the rising sun and spreading out his fingers, he commands the barbarians in that quarter to remain at home and to advance no further.[28]

It is seemingly rather strange that Paul the Silentiary should end his description of the ambo by referring to Justinian's equestrian statue. The statue was most certainly erected before 560, i.e., at least three years before the re-dedication of Hagia

---

[26] πολυστέπτοις δ' ἐπὶ δώροις / καὶ σέλας ἀστυόχοιο τῆς ἀνέθηκε γαλήνης / νηὸν ὕπερ πολύυμνον, ὅπως θεοδέγμονι βουλῇ / ἔμπνοον ἱδρύσειε γέρας κοσμήτορι κόσμου, / Χριστῷ παμβασιλῆϊ (lines 298–302).

[27] The Augustaeum is the marketplace in front of the building of the Senate, in close proximity to Hagia Sophia, hence the reference "beyond the much-hymned temple."

[28] ἐν δὲ τοῦ κίονος τῇ κορυφῇ χαλκοῦς ἕστεκεν ὑπερμεγέθης ἵππος, τετραμέννος πρὸς ἕῳ, θέαμα λόγος πολλοῦ ἄξιον. ἔοικε δὲ βαδιουμένῳ καὶ τοῦ πρόσω λαμπρῶς ἐχομένῳ. [...] τούτῳ δὴ τῷ ἵππῳ χαλκῆ ἐπιβέβηκε τοῦ βασιλέως εἰκών κολοσσῷ ἐμφερής· ἔσταλται δὲ Ἀχιλεὺς ἡ εἰκών· οὕτω γὰρ τὸ σχῆμα καλοῦσιν ὅπερ ἀμπέχεται. [...] φαίη τις ἂν ποιητικῶς εἶναι τὸν ὀπωρινὸν ἐκεῖνον ἀστέρα. βλέπει δὲ πρὸς ἀνίσχοντά που τὸν ἥλιον, τὴν ἠνιόχησιν ἐπὶ Πέρσας, οἶμαι, ποιούμενος. καὶ φέρει μὲν χειρὶ τῇ λαιᾷ πόλον, παραδηλῶν ὁ πλάστης ὅτι γῆ τε αὐτῷ καὶ θάλασσα δεδούλωται πᾶσα, ἔχει δὲ οὔτε ξίφος οὔτε δοράτιον οὔτε ἄλλο τῶν ὅπλων οὐδέν, ἀλλὰ σταυρὸς αὐτῷ ἐπὶ τοῦ πόλου ἐπίκειται, δι' οὗ δὴ μόνου τὴν τε βασιλείαν καὶ τὸ τοῦ πολέμου πεπόρισται κράτος. προτεινόμενος δὲ χεῖρα τὴν δεξίαν ἐς τὰ πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον καὶ τοὺς δακτύλους διαπετάσας ἐγκελεύεται τοῖς ἐκείνῃ βαρβάροις καθῆσθαι οἴκοι καὶ μὴ πρόσσω ἰέναι (Procopius, *Buildings* I.ii.1–12). Trans. Dewing 1978: 33–37.

Sophia, since Procopius published his *Buildings* in 560 or soon after. In other words, the statue was not new at the time of the oration to deserve mention, neither was it a religious monument – like the church of the Apostles, for example, which Paul mentions in the prologue – to justify an additional reference to Justinian's piety. However, if we read this reference within the same *adventus* context, its appropriateness becomes more obvious. The triumphal implications of the statue are quite clear: the forward movement of the horse, the so-called "garb of Achilles,"[29] the comparison of the emperor with a star, the cross mounted on a globe, which assures Justinian – as it did Constantine (*hoc signo vinces*) – his eternal victory (McCormick 1986: 100ff). In the Byzantine *adventus* the emperor does not leave the city – he is simultaneously ever-present as a defender and ever-victorious in remote frontiers (MacCormack 1981: 73ff). It is thus significant that Paul has chosen to close the oration by referring to the statue: he continues the theme from *Ekphrasis of Hagia Sophia*, and at the same time provides a suitable ending for both orations.[30]

In conclusion, I argue that although the main part of the two orations is comprised of rhetorical descriptions, the numerous references to victory, combined with the use of standard *adventus* commonplaces in the prologues and epilogues, indicate that *Ekphrasis of Hagia Sophia* and *Ekphrasis of Its Ambo* belong to the class of speeches on the topic of imperial triumph. The mandatory praise of virtues and deeds, however, has been substituted with an *ekphrasis* of the building as a description of manifested imperial virtue. Paul eulogizes Justinian as a victor over conspiracies and demonic powers and a builder and sustainer of a Christian empire. I am not attempting to fit the Silentiary's orations into a "generic" straightjacket – which would be a difficult task, given the fluidity of the Byzantine rhetorical "genres" – but rather, to uncover their multiple models, complex structure, and compositional ingenuity. Paul the Silentiary has endeavored to engage all five physical senses in his audience, in addition to their intellect and spiritual awareness.

REFERENCES

Cameron 1975: Cameron A., " 'Corippus' Poem on Justin II: A *Terminus* of Antique Art?" // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, ser. III, 5/1, 1975, 128–165.

Cameron 1976: Cameron A., *In laudem Iustini Augusti minoris.* London, 1976.

Cameron 1986: Cameron A., *Procopius and the Sixth Century.* London: 1986.

[29] On the iconography of Justinian in the garb of Achilles and its implications, *see* Downey 1940: 68–77.

[30] As Friedländer notes (Friedländer 1912: 305), the final invocation of the Trinity indicates that Paul meant the ending of his ambo oration as an ending for both *Ekphraseis.*

Dewing 1978: Dewing H. B., *Procopius*, vol. 7. Buildings. (Loeb Classical Library). Cambridge, Mass., 1978.

Downey 1940: Downey G. "Justinian as Achilles." // Transactions of the American Philological Association, 71, 1940, 68–77.

Downey 1947: Downey G., "The Composition of Procopius' *De aedificiis.*" // Transactions of the American Philological Association, 78, 1947, 171–183.

Friedländer 1912: Friedländer P., *Iohannes von Gaza und Paulus Silentarius*. Berlin, 1912.

Galletier 1949–1955: Galletier E. (ed., trans.), *Panégyriques latins*, vols. 1–3. Paris: 1949–1955.

MacCormack 1981: MacCormack S., *Art and Ceremony in Late Antiquity.* Berkeley, Calif., 1981.

McCormick 1986: McCormick, M., *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West.* Cambridge, 1986.

Macrides, Magdalino 1988: Macrides R., Magdalino P., "The Architecture of *Ekphrasis:* Construction and Context of Paul the Silentiary's Poem on Hagia Sophia." // Byzantine and Modern Greek Studies 12, 1988, 47–82.

Maguire 1981: Maguire H., *Art and Eloquence in Byzantium*. Princeton, 1981.

Majeska 1978: Majeska G., "Notes on the Archaeology of Hagia Sophia in Constantinople: the Green Marble Bands on the Floor." // Dumbarton Oaks Papers, 32, 1978, 299–308.

Mango 1959: Mango C., *Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople.* Copenhagen, 1959.

Mango 1993: Cyril Mango, *The Art of the Byzantine Empire: 312–1453.* Toronto, 1993. Reprint 1997.

Rouse 1940: Rouse W. H. D., *Nonnus of Panopolis, Dionysiaca*, vol. 3 (Loeb Classical Library). Cambridge, Mass., 1940.

Russell, Wilson 1981: Russell D., Wilson N. (eds., trans.), *Menander Rhetor*. Oxford, 1981.

Spengel 1856: Spengel, L. (ed.), *Rhetores Graeci*, vols. 2–3. Lipsiae, 1856.

Viljamaa 1968: Viljamaa, T., "Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period." // Commentationes Humanarum Literarum, 42/4, 1968, 1–153.

Whitby 1981: Whitby M., *A Linguistic and Exegetical Commentary on the Rhetorical Prologue and Epilogue Framing Paul the Silentiary's Ekphrasis of S. Sophia* (Dissertation). University of Edinburgh, 1981.

Whitby 1985: Whitby M., "The Occasion of Paul the Silentiary's *Ekphrasis* of Hagia Sophia," // Classical Quarterly, 35/1, 1985, 215–288.

Whitby 1985: Whitby, M., "Paul the Silentiary and Claudian" // Classical Quarterly 35/2, 1985, 507–516.

About the author . . . .

Vessela Valiavitcharska is a doctoral student in Comparative Literature and Assistant Instructor in the Division of Rhetoric and Composition at the University of Texas at Austin. She is currently completing a dissertation on prose rhythm in Byzantine and Old Slavonic homilies under the joint guidance of Professors Wolfram Hörandner (Vienna), Heinz Miklas (Vienna), and Jeffrey Walker (Austin, Texas).
vessela@mail.utexas.edu

SCRIPTA
& e - SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

L'espace iconique – inscription et transfiguration: La rhétorique paradoxale de l'image sacrée à l'âge post-byzantin

Nicoletta Isar

I. La textualité de l'image: L'enjeu et le pouvoir du narratif dans l'image

Cet article concerne la manière tres variée et spécifique de traiter le récit – le narratif – par le langage de l'image à l'une des plus célèbres églises moldaves, Sucevița, et cherche à en tirer des conclusions plus générales pour la période post-byzantine. L'iconographie de Sucevița suscite l'attention à double titre au moins, d'un côté par la prolixité du discours exprimé dans la narrativité de l'image, et de l'autre par la célébration hésychaste de l'économie de la Parole.

La signification des termes *narratif* (Lavin 1990: 2) et *textualité* rapportés à l'image médiévale à été mise en relation avec la capacité de l'image ancienne à rendre vivant le prototype littéraire et à servir elle-même de texte. *Narratif* est utilisé ici pour désigner les attitudes, les expressions et les "dispositions" des images dans le cycle, mais aussi, surtout à une période byzantine tardive, pour comprendre les multiples couches ou séquences de la narration à l'intérieur de l'image même. Par le mot *cycle*, on entend la succession des scènes représentées en divers moments du récit, mises en relation l'une à l'autre et portées par un thème commun qui progresse du début à la fin, en passant par un certain développement (Lavin 1990: 9–10). L'emplacement, ou *disposition*, des épisodes dans le cycle à été ordinairement désigné comme ordre narratif. Le terme *disposition*, emprunté à la rhétorique, exprime l'idée que l'arrangement des éléments visuels dans le cycle narratif possède toujours une fonction de persuasion. On l'adoptera ici comme l'un des principes constitutifs de l'image.

La prédisposition de l'image médiévale à assimiler le texte et à *être lue* avait été forgée par les Pères de l'Église. Les analogies abondent entre l'Écriture et l'image de l'icône, entre le texte et la représentation de l'icône, entre le langage et la pein-

ture[1]. En defendant la tradition iconographique contre les iconoclastes, le VIIe concile œcuménique confère à toutes ces associations un fondement canonique : il déclare que le "langage de l'art sacré [...] correspond" précisément à celui des écritures saintes et qu'il n'exclut aucune "illustration" des mots de l'Écriture.

D'un point de vue sémiotique, B. A. Uspensky distingue deux aspects relatifs à image de l'icône. L'icône se manifeste en tant que signe *sui generis* qui fonde son essence, d'une part, et en tant que "texte" exprimé dans un "langage spécifique", d'autre part. En ce sens, l'icône est "le texte canonisé au plus haut degré". Le peintre, comparé au scribe, copie tout simplement l'Écriture et, en depit des innovations linguistiques qu'il introduit, un même texte est communiqué en signes visuels à travers un langage spécifique.

Ce qui est écrit sur le papier à l'encre est mis dans l'icône par les couleurs et d'autres materiaux (Theodore le Studite: Antirhetticus, I, col. 340D).

C'est à cet aspect concernant le "langage" de l'icône ou de la peinture murale, le dechiffrement des *dispositifs* picturaux, en particulier dans l'art post-byzantin, que nous allons nous consacrer maintenant.

Le *langage* de la peinture médiévale ou de l'icône implique un système particulier de moyens symboliques de représentation (Uspensky, 1976: 11). Au sens large que lui donne la sémiotique, le terme *langage* désigne le système général qui porte l'information contenue dans l'image. Entre l'image et le texte (la parole) qui l'a engendrée, il y à "une sorte de communauté" (Théodore le Studite: Antirrheticus, III, 5, col. 381): la parole *articulée* et la parole *peinte*, incorporée dans l'image, révèlent ensemble le récit de l'Écriture. Dans ce contexte, la place et le rôle de l'inscription (*titly*) comme texte inscrit en haut de l'image, sont particulièrement importants. D'après les doctrines sacrées, l'inscription exprime l'archétype, autant sinon beaucoup plus que la représentation elle-même. Le nom, ainsi que l'Incarnation, permets que "l'image visible communique avec l'archétype" dans l'icône (Mango, 1972: 173; Isar, 2000: 64–66). Elle fait fonction de composante essentielle dans la représentation de l'image médiévale. Sans l'identification que permet l'inscription, l'icône ne peut pas exister, de même que l'icône ne peut pas être conçue au-

[1]Nil du Sinaï (Ve siècle) écrit que les icônes ont été placées dans les églises "pour que les illettrés, qui ne sont pas aptes à lire la Sainte Écriture, puissent devenir soucieux [de leur foi] en regardant fixement les peintures" (Mango 1972: 33). La même conception se retrouve dans la lettre du pape Grégoire le Grand à Serenus, évêque de Marseille. Jean Damascene (VIIe siecle) affirme que "les icônes sont pour les gens ce que les livres sont pour ceux qui peuvent lire; elles sont pour les yeux ce que le langage est pour les oreilles". Cette formulation remonte à Basile le Grand.

delà de la représentation graphique. L'image et l'inscription qu'elle porte sont au même titre sujets d'adoration et de vénération[2].

L'ampleur et la multitude des cycles iconographiques sont des phénomènes acquis dès le XIVe siècle ; cela vaut aussi pour le déploiement des textes des inscriptions au niveau de l'image. À l'époque post-byzantine, à Sucevița notamment, le phénomène prend une tournure exacerbée et dramatique. *L'espace-image* qu'est l'intérieur de l'église reçoit une dimension nouvelle: on n'est pas seulement entouré des images ou de *l'espace-image*, mais on est à l'intérieur d'une narration dense imagistique. En même temps, l'expansion de l'image "porteuse de texte" sur les murs extérieurs de l'église laisse entrevoir le désir de poursuivre au dehors de l'édifice, dans une sorte d'*oratio continua*, le discours commencé sur les murs de l'intérieur. Il y à dans la disposition inhabituelle de l'image à l'extérieur du monument, qui échappe donc au cadre traditionnel de la décoration (Uspensky 1983: 139), plus qu'une simple motivation d'instruire à travers l'image. Il y à une intention plus ou moins explicite de faire usage du pouvoir du narratif pour convaincre et séduire visuellement le spectateur. L'abondance du narratif incorporé dans l'image comporte en soi une forte connotation rhétorique.

De longs cycles de la vie des saints sont représentés, tant à l'extérieur – Vie de saint Pachôme, façade du Nord (Fig. 1) – qu'a l'intérieur de l'Église – Vie de saint Jean le Nouveau, Vie de saint Jean Baptiste et Vie des Patriarches, dans l'exonarthex; Vies de saint Nicolas et de saint Georges, ainsi que le Synaxaire dans le pronaos (avec 412 scènes); la Vie de Moïse occupe tout l'espace de la chambre funéraire . Le cycle de la Vie du Christ, dans le naos, est traité lui-même dans le style discursif des vies des saints. Les scènes des cycles, par leur structure riche en détails – architectures largement orchestrées avec des éléments de paysage, nombreux personnages – et par leur presentation en succession diachronique, soulignent la qualité analytique de la narration. Ce goût accru pour le narratif dans l'illustration rappelle le style discursif de la littérature hagiographique de l'époque. De la même manière que la figure centrale du texte hagiographique se dissout dans la segmentation du récit (Børtnes, 1994: 318), la scène principale de l'image de ces cycles s'entrelace avec d'autres épisodes dans une composition complexe. L'expression sobre et concentrée de l'image dans la tradition est remplacée ici par une multitude de points de vue dans la narration de l'image.

Pour B. A. Uspensky, la spécification des points de vue dans l'approche du langage de l'image médiévale est un aspect essentiel à explorer dans la structure de

[2] Archim. Pavel 1905: 65; Uspensky 1976: 11; Theodore Studite 1981: 34; Théodore le Studite, Antirhetticus, I, col. 345B.

l'œuvre d'art. Le *point de vue* est un concept-clef dans l'articulation de l'image avec la représentation de la realité établie en tant que *denotatum*, c'est-à-dire dans un cadre ressortissant à la sémantique. Pour ce qui est de la peinture, le point de vue est d'abord lié à la perspective. Dans le langage de l'art médiéval, la *perspective inverse* est un système de dispositifs conventionels spéciaux, comparable au système de la perspective linéaire, ou directe, concept normatif de la peinture européenne à l'époque de la Renaissance. Tandis que la perspective linéaire assume un seul point de vue statique et une position fixe de laquelle l'objet est vu, la perspective inverse implique une pluralité de points de vue, caractéristique de l'art du début de la Renaissance[3]. La réduction de la dimension des objets représentés plutôt par rapport à une position interne implicite de l'artiste que du point de vue du spectateur extérieur à l'image, de sorte que les figures de l'arrière-plan soient plus grandes que celles représentées au premier plan, relève du systeme de la perspective inverse (Wulff 1907; Grabar 1945; Bunim, 1940). La pluralité des points de vue y est entièrement subordonnée à la narrativité de l'image.

L'investigation des multiples niveaux de narrativité de l'image à Sucevița et de leurs relations réciproques donnera plus de relief à ce phénomène manifesté ici dans toute sa spécificité. Plusieurs compositions du programme iconographique, représentatives de la période post-byzantine, mettent en évidence un langage spécifique de l'image qui est caracterisé par une alternance entre diverses représentations de perspectives. Ainsi, les divers plans du récit de l'image sont traités avec une perspective distincte: la représentation de l'arrière-plan (considéré par Uspensky comme la périphérie de la peinture) est orientée selon un point de vue extérieur, en perspective linéaire, et implique la position d'un observateur extérieur, tandis que la représentation centrale est orientée selon un point de vue interne, en perspective inverse, pour un observateur qui serait placé au centre de la peinture.

Cette manière spécifique d'articuler l'image est présenté surtout dans les scènes illustrant les vies des saints et dans les grandes compositions occupant les tympans de l'exonarthex. Les complexes architecturaux suggérant des ensembles urbains et les murs d'enceinte placés à l'arrière-plan sont construits en accord avec les lois de la perspective directe et d'un systeme, "plus évolué" (Schapiro, 1955: 293), à notre avis plus elaboré, que celui qui est utilisé au premier plan. Cette représentation en perspective directe de l'architecture de l'arrière-plan se combine de manière insolite avec la représentation de l'intérieur de l'architecture, placé au centre de l'image et figure d'un point de vue intérieur, en perspective inverse; nous pouvons ainsi voir simultanément les murs intérieurs dans la scène centrale et le toit de l'architecture à l'arrière plan (Uspensky 1983: 145) (Fig. 2–3). Ce qui est représenté

[3] Žegin 1970; Žegin 1964, apud (Uspensky 1983: 135–136) ; Florenskij,. 385–386.

derrière la scène centrale peut être imaginé devant cette scène, et ce qui est situé devant la scène centrale transféré à l'arrière-plan de la peinture. L'arrière-plan est ainsi compris comme une réflexion en miroir d'un premier plan imaginaire, ou comme un *premier plan transparent*. Cette fluidité de l'espace de l'image qui semble contenir le spectateur lui-même, ainsi que la simultanéité des plans, sont des stratégies visuelles de la perspective inverse. En vérité, les murs architecturaux n'existent plus, on est corporellement *dans* l'image elle-même. Paradoxalement pour la logique optique de la perception, mais tout naturellement pour la vision sacrée, on à l'accès à l'intérieur de l'image, même on est là pour participer à l'événement sacré.

Les personnages de la périphérie de l'image sont représentés en *raccourci*, avec des expressions faciales dramatiques; ils sont orientés vers le spectateur et semblent entamer avec lui une certaine communication. On peut dire qu'ils appartiennent au même plan spatial et temporel que lui. Un haut degré de subjectivité est implicite dans ce type de représentation, qui à beaucoup de ressemblance avec l'art occidental. Il évoque en quelque sorte le decor théâtral (*skenographia*) et le début de la perspective directe (Uspensky 1983: 157). Ce que l'on représente ainsi à l'arrière-plan n'est pas le monde comme tel, mais le "décor du monde", ce n'est pas une représentation, mais la "représentation d'une représentation", ou une représentation dans une autre représentation (Uspensky 1983: 159). Parfois, le décor de l'arrière-plan disparaît complètement pour faire place, tout simplement, au "décoratif", le fond bleu étoilé. Cette tendance vers une qualité conventionnelle de l'arrière-plan, exprimée dans l'expansion de l'ornement, est le signe d'un rehaussement de la qualité sémiotique de la représentation: la description n'est plus un signe de la realité représentée, comme dans le cas des figures centrales, mais un "signe du signe de cette réalité" (Uspensky 1983: 162–163). L'arrière-plan de l'action centrale fonctionne ainsi comme une représentation à l'intérieur d'une représentation.

Le traitement de la figure centrale dans ces images est différent; tandis que les figures secondaires peuvent être soumises aux distorsions et représentées de profil, les figures principales sont présentées en général de face, avec des gestes laconiques. Le personnage est toujours représenté comme il est, non comme il apparaît, dans son essence, non dans son apparence. Le point de vue subjectif dans la représentation est exclu. Une exception notable concerne la figure centrale qui domine une des compositions des absides latérales du naos, celle du Christ Sophia de l'image du Fils Unique Verbe de Dieu (conque latérale Sud, Fig. 4). Le caractère dynamique de la représentation du Christ Emmanuel Sagesse en gloire contredit la frontalité habituelle de la représentation de la figure centrale dans l'art byzantin. Cette modification dans la représentation de la figure, à en juger par la silhouette serpentine du Christ, est plutôt liée à une vision tardive baroque.

L'organisation spatiale *stratifiée* que l'on remarque dans quelques compositions du programme iconographique de Sucevița constitue une autre manière d'organiser le langage de l'image, qui devient extrêmement élaborée en cette période tardive. Les modèles classiques de cette organisation spatiale doivent être cherchés dans les icônes, avec de petites collines (*ikonnye gorki*), des représentations traditionnelles du paysage et, dans les représentations de style imbriqué (ou une partie de l'image est cachée derrière la rangée spatiale suivante), des anges ou des saints[4].

La vaste représentation du Jugement dernier sur le mur Est de l'exonarthex, une de ces représentations stratifiées, est organisée en séquences narratives successives, disposées l'une sous l'autre en frises (ou rangées) qui se fondent de manière organique dans la représentation d'ensemble. La foule des saints ou des anges autour du Christ est représentée en groupes compacts imbriqués, "comprimant le champ de vision" (Uspensky 1983: 170) de l'image. Cet ordre compact dans l'organisation de l'espace de la composition contraste fortement avec la zone des damnés, traitée de manière libre, où les figures sont détachées les unes des autres, avec des gestes larges, parfois contorsionnes, le tout en perspective directe. Dans ces images, les damnés sont représentés en état de fragmentation, "expression symbolique de leurs peches" (Bynum Walker, 1991: 287). Le rythme de toute la composition associe la fragmentation au Mal, et le rassemblement à l'intégrité et au Bien. Un triomphe de "l'ensemble" sur les "parties" est aussi l'image du Fils Unique Verbe de Dieu (conque Sud du naos), qui oppose au Christ Sagesse les "oiseaux du ciel et les bêtes de la terre dévorant les cadavres" (signe apocalyptique du désastre et de la perdition) et les forces de l'Enfer rejetées par la lance de l'ange de Dieu et le pouvoir de la Croix (Isar 1996: 365–366).

Le même contraste nous frappe dans l'image de l'Échelle céleste de Climaque (à l'extérieur, sur la façade Nord), avec, d'un côté de l'Échelle, les rangées compactes et imbriquées des anges en perspective montante, et de l'autre, les moines déchus aux gestes chaotiques (Fig. 5). Un effet similaire résulte de la juxtaposition de la composition de l'Arbre de Jessé et de la frise des philosophes païens (façade extérieure Sud), qui transpose dans le langage de l'image la confrontation des deux points de vue (Fig. 6). Le traitement de la surface plane, presque décorative, des branches de l'Arbre est en contraste avec la frise des philosophes, avec les couronnes représentées en raccourci – signe de leur pensée païenne. Uspensky à souligné le fait que les saints se tiennent dans une attitude fixe et de face (Uspensky 1976: 65–66). La frise horizontale des philosophes (à Voronet, elle est disposée verticalement) fait fonction de cadre ou de bordure de l'image de l'Arbre, délimitant ou démarquant le passage du monde représenté (celui de l'Ancien Testament) dans l'Arbre par rapport

[4] Žegin 1970: 84–85.

au monde extérieur (ambiant) auquel les philosophes appartiennent par leur traitement en perspective directe, qui correspond au point de vue du spectateur extérieur. Uspensky considère que la fonction de l'image-cadre (dont la frise des philosophes est un exemple particulier), de même que celle de l'arrière-plan (la périphérie) de l'image, est de "mettre en route" l'œuvre d'art, de placer la peinture dans une autre peinture ou le récit dans un autre récit, conférant ainsi au "narratif" de l'image, qu'il s'agisse d'une peinture ou d'un texte littéraire, un profil spécifique (Uspensky 1983: 166).

L'hétérogénéité domine certaines compositions du naos de Sucevița, particulierèment celles qui sont situées dans les conques latérales et dans le tympan Ouest. Les images transposent à l'echelle monumentale des icônes russes: Єдинородныи сн҃ь слово бж҃іе (Fils Unique Verbe de Dieu) dans la conque laterale Sud ; Ѹто тя нарекем (Comment t'appelons nous [Mère de Dieu]) dans la conque latérale Nord ; О тебе радоуетсѧ (En Toi se rejouit) dans le tympan Ouest. La composition de ces images est la somme de plusieurs micro-espaces (micro-compositions) de configuration circulaire gravitant de manière tangente l'un par rapport à l'autre. L'illusion optique engendrée par le facteur lumière sur la concavité des conques fait que l'image apparaît comme si elle était "mise en abîme" (Dällenbach 1989: 8) (Fig. 7–8). Les compositions semblent entraîner dans leur champ, par absorbsion, l'espace ambiant, qui paraît se dissoudre. Sous la projection de la lumière la concavité intérieure des absides se métamorphose en convexité.

Le type d'organisation de la composition en *agrégat*, constituée qu'elle est d'une pluralité de représentations (impliquant une alternance des points de vue) dans la représentation d'ensemble, atteint un haut degré de narrativité dans les conques laterales du naos. Ce qui est particulier à ce type d'image, au niveau de la narrativité du récit, c'est la synthèse des points de vue temporels utilisés, qui fusionnent de telle manière que la description apparaît comme un dévoilement multiple et synchrone. Par contraste, dans une autre image, comme celle du Buisson ardent (façade extérieure Sud, Fig. 9), la narrativité est réalisée au moyen de divers épisodes figurés en séquences temporelles juxtaposées.

L'organisation spatiale particulière à la composition suggère, à notre avis, certains rapprochements avec le texte qui à constitué la source de l'image. Ainsi, la richesse des figures de style du dispositif rhétorique spécifique aux trois hymnes liturgiques qui sont illustrées par ces compositions (métaphores combinées, synecdoques, exclamations) trouve des correspondances significatives dans le langage de l'image plastique. La spécificité de ce type d'image à Sucevița semble prendre ses racines dans une exégèse théologique précise, liée à cette phase de changement caractérisée par ce qu'on à appelé "l'invasion" de la liturgie byzantine par des chants (psaumes, odes bibliques, kontakions, stichères, tropaires) (Grabar 1979 : 16). Dans

la constitution de la composition, l'expression *pletenie sloves* [les mots entrelacés] représenté, au niveau du *langage* de l'image, une composante-clef, particulièrement significative parmi les dispositifs de facture rhétorique du texte, qui sont issus de la rhétorique ecclésiastique et de la poétique byzantine de type homilétique, panégyrique, hagiographique ou hymnographique. En fait, *pletenie sloves* est un calque du grec, tel qu'on le rencontre dans les traductions slavonnes des hymnes byzantines, où il signifie "louange" (Børtnes 1994 : 318). Les images des conques, qui nous préoccupent en particulier, semblent suivre, dans leur esprit et dans la structure de la composition, le texte des hymnes liturgiques qu'elles illustrent.

L'hymne Ѵто тіа нарєѵєм s'ouvre sur une *dubitatio* (de type *quo te Domine dicam, nescio*), pour continuer l'exposition, en tirade, des attributs au caractère encomiastique de la Vierge : Ciel, Paradis, etc. Le discours de l'hymne est developpé comme *incantatio*, en progression. Sa structure est principalement métonymique : la totalité du texte est décomposée dans les parties composantes (synecdoques) (Børtnes 1994 : 319). La totalité de la figure de la Vierge est ainsi perdue dans la segmentation (*distributio*) du texte en plusieurs micro-textes.

Cette organisation du texte de l'hymne est transposée de la même manière au plan visuel, dans la disposition "métonymique" des divers micro-espaces selon un système de perspectives combinées (Fig. 7). Le premier plan de la composition est fait de groupes compacts, imbriqués, illustrant la foule des saints, des prophètes et des martyrs, disposés de part et d'autre de la représentation circulaire du Paradis (un des attributs de la Vierge), en bas de l'image. Ces groupes, constituant la périphérie ou le cadre de la composition, sont représentés en "perspective convergente à partir d'en bas" [5]. Ils démarquent aussi le monde interne, constitué par les micro-scènes circulaires, du monde extérieur à la représentation.

Les micro-scènes, qui figurent en essence les attributs divins de la Vierge, gravitent ou, plus précisément, flottent sur le Ciel plaque d'étoiles et traité apparemment de manière conventionnelle. Au-delà du plan céleste sur lequel les micro-scènes sont projetées, un autre plan divin est différencié de manière chromatique autour du Sabaot. Ce traitement symbolique particulier de la profondeur de l'arrière-plan de l'image est accompagné d'un système spécifique d'éclairage. La gradation de la lumière diminue du centre vers la périphérie de l'image (les côtés lateraux), créant une illusion optique de volume et, en même temps, une inversion de la concavité de l'architecture de la conque en convexité de l'image. L'intensité lumineuse maximale est focalisée au centre de l'image, tandis que les côtes latéraux s'assombrissent. Ce système d'éclairage qui implique toute une symbolique de la lumière, est en relation directe avec le système de perspective. Les figures centrales, les plus illuminées,

[5] Žegin 1970: 56–61; Žegin 1964: 185–186.

sont représentées en perspective inverse (la Vierge, le Sabaot – représentés de face). D'après Uspenski, une telle "source interne" d'éclairage est propre au système de représentation en perspective inverse (Uspenski, 1983: 135).

Le même phénomène est observé dans l'image du tympan Ouest (le centre de l'image est représenté par la Vierge);ainsi que dans l'image de l'abside de l'autel (l'Ascension). Au centre de la conque latérale Sud, l'image du Christ Emmanuel Sagesse en gloire est chargée d'une connotation mystique déduite de l'inscription que le Christ porte:

дх҃ъ..пр҃
[мжд]рости
[...]
L'Esprit de la Sagesse

La figure du Christ absorbe l'intensité lumineuse maximale dans l'image. Les côtés latéraux de l'image, repliés dans l'ombre, sont représentés en perspective linéaire partant du bas, ce qui permet le raccourci et les déformations, nécessaires d'ailleurs, pour que l'image s'adapte à la configuration particulière de l'espace. Le changement de position entre les figures de la partie centrale, représentées en perspective inverse (spécifique des formes concaves) et les figures de la périphérie de l'image, présentée en perspective convergente à partir d'en bas (spécifique des formes convexes), assure dans l'image le passage du concave au convexe, provoquant ainsi un effet optique qui, couplé avec l'effect lumineux, contredit l'architecture de la conque. Le point le plus profond de la concavité de l'architecture correspond au point le plus illuminé de l'image. Analysant le phénomène, Žegin et, après lui, Uspensky observent que les formes en perspective partant d'en bas peuvent être comprises comme des "images-miroirs" des formes représentées en perspective inverse. Les formes représentées en perspective convergente à partir d'en bas (les figures du cadre du premier plan) sont représentées de telle manière qu'elles semblent vues à l'envers par un observateur placé à l'intérieur de la peinture, face à nous. Il voit les figures du premier plan en perspective inverse, sur un plan d'apparence concave ; en même temps, ces figures nous paraissent convexes.

Le texte de l'inscription peinte sur l'image est aussi un élément constitutif du langage et fait partie de l'enjeu du narratif à cette époque tardive. La richesse du texte de l'inscription et sa disposition variable dans le contexte de l'image excède le plus souvent le caractère indicatif de l'inscription classique (*titly*). L'image apparaît souvent comme une juxtaposition du texte et de la représentation iconique. Les images des conques des absides, surtout celle de la conque Sud, sont un exemple d'imbrication *sui generis* entre le texte de l'hymne liturgique et d'autres inscriptions disposées des deux côtés de l'image, un exemple de glissement du signifiant vers le signifié (Lacan 1966). La signification de l'image résulte ainsi de la lecture des deux

catégories de textes, celui qui est incorporé dans l'image et celui qui est peint sur l'image (Isar 1998). Mais la logique interne de la présence des inscriptions sur l'image est loin d'être complètement clarifiée. Elle demeure encore un sujet de recherche et de méditation pour les savants, tout de même avec des révélations spectaculaires dans l'effort remarcable de forger un instrumentaire adéquat pour aborder ce phénomène si complexe et interdisciplinaire par sa nature (Smjadovsky 2003; Smjadovsky 2004). Pour le spectateur moderne non-impliqué, elle restera pourtant inexplicable et etrange, parce que c'est d'abord l'ontologie de l'image sacrée que le moderne doit récupérer afin de comprendre ce phénomène d'altérité.

Un aspect essentiel de l'approche des inscriptions représentées dans l'image concerne le caractère sacré de la langue dans laquelle elles sont rédigées. Les implications d'une telle situation changent radicalement la condition de ces textes, qui pourraient autrement n'être vus que comme agents de narrativite. La question de la discursivité de l'image se transforme ainsi en problème de l'iconicité de la langue et de l'écriture. Dans certaines circonstances, le texte de l'inscription sort donc de la narrativité pour devenir icône. La discursivité de l'espace iconique est transfigurée. Les mots inscrits sur l'image, ceux entrelacés dans le recit de l'image, ou bien présents dans le récit liturgique et inscrits dans la mémoire du fidèle sont métamorphosés. La seconde partie de cet article sera consacré à cette question.

II.Contre la prolixité du discours: La transfiguration de l'espace par la lumière mystique

L'enjeu du narratif à déjà fait l'objet de la première partie de cet article. C'est sur le caractère hésychaste de l'iconographie de Sucevița et sur les nouvelles facettes de l'image – sur les agents de sa transfiguration – que nous allons nous pencher maintenant, sur le paradoxe et la tension engendrés par la discursivité de l'image face aux exigences hésychastes du silence.

À Sucevița, deux des plus grands mystiques de l'histoire byzantine de l'hésychasme, opiniâtres dans leur queête de la lumière, semblent dominer la pensée iconographique: Moïse et Jean Climaque. Un cycle vaste de la Vie de Moïse décore la chambre funéraire et une partie de la façade Sud, tandis que l'Échelle de Climaque couvre toute la façade Nord. D'autre part, les inscriptions des ascètes dans le premier registre des absides extérieures font des références précises aux divers degrés de l'ascension de l'Échelle.

Dans l'évolution typologique, la vision de l'Échelle de Climaque est de la même facture que la vision sinaïtique et que celle que Moïse à eue sur le mont Tabor: la Lumière incréée, quête essentielle de l'hésychaste. Pour l'auteur de l'Échelle, qui à vécu dans le désert de Sinaï, aux pieds du Jebel Musa, le mont de Moïse et ses

alentours ont probablement évoqué toujours la scène de l'Exode: l'éclair et le tonnerre, la montagne enveloppée d'un épais nuage, et Moïse escaladant tout seul dans les ténèbres afin de parler "face à face" avec Dieu (Ex 20:18–21). L'école du mysticisme de la Lumière posera d'ailleurs ses fondements sur le lieu même où Dieu à confié la Loi à son peuple. Une telle correspondance entre images et lieux, évoquant toujours la révélation de la Lumière, reste à explorer à Sucevița.

Dans cette perspective, à Sucevița Moïse apparaît comme le paradigme de l'ascension mystique. La structure du cycle de sa vie atteste de toute une hiérarchie de théophanies présentées en evolution. Une suite d'images est disposée ainsi à l'extérieur et à l'intérieur de l'église, afin d'indiquer au moine ou au pèlerin, le progrès spirituel de Moïse, qui pourra être leur propre voie d'évolution spirituelle. Les images se deroulent depuis le premier degré d'instruction jusqu'à la confrontation "face à face" avec Dieu (Elsner 1994: 93), en passant par l'appel du prophète à monter sur la montagne spirituelle qui est le Buisson ardent (à l'extérieur, façade Sud) pour y recevoir les Tables, et le dernier sommet de la vision mystique (sur la façade Sud).

Si les premiers degrés d'initiation sont figurés à l'extérieur, c'est dans les ténèbres de la chambre funéraire (mur Nord) que Moïse voit le Christ "face à face", qui lui parle des nuages. Voir la face de Dieu et entendre sa voix représentent dans la hiérarchie des théophanies le stade ultime de l'ascension mystique de Moïse. Tandis que les théophanies précédentes n'accordent pas la *pleine* vision de Dieu (habituellement, les images montrent la main de Dieu), cette image de la chambre funéraire, que l'on considère comme une variation de la Transfiguration, prend place dans l'Incarnation: c'est à ce niveau que la contemplation de Dieu signifie voir le Christ "face à face" (Fig. 10 *a*, *b*). L'inscription dit :

ꙁѣпостисѧ м·[...]лнїѵръхоугорѝсинаиск·ѧ
гавѝемоугъ̀·игл̂а[с]кънемоуличѣкълисоу̀.

[Moïse] fait maigre et prie en haut du mont Sinaï, le Seigneur lui apparaît et lui parle face à face

"Faire maigre" et "prier", comme Moïse, sont les conditions que l'hésychaste doit remplir afin de voir la face du Seigneur. Pour le moine et le pèlerin à Sucevița, l'image évoque, comme dans la Transfiguration, la version chrétienne de la contemplation spirituelle, c'est-à-dire, la vision du Christ incarné, le climax de la condition mystique et de la quête de l'hésychaste.

La chambre funéraire, consacrée à Moïse, est l'espace le plus étroit et le plus obscur de l'église, le lieu de la quiétude et de la Mort – de la Mort en tant que résurrection et transfiguration, comme Lumière. Pres de l'image de saint Sisoïe (Fig. 11), qui le montre devant le tombeau ouvert avec le squelette, du côté Sud de la chambre, se trouvent les tombeaux princiers de Ieremia, de sa fille et de son frère

Siméon. Dans cet endroit on célèbre une fois par an le service religieux pour les défunts, en lisant d'habitude la prière de saint Sisoïe. On invoque aussi, pendant ce service funéraire, la Transfiguration, à travers le texte du Psaume 51 (9–10) :

> Purifie-moi avec l'hysope et je serai pur;
> Lave-moi et je serai plus blanc que neige.
> Annonce-moi l'allégresse et la joie
> Et les os que tu as brisés se réjouiront.

Blanchir le mort se réfère, dans ce contexte, précisément à l'âme du défunt, qui brille dans sa justesse comme Moïse sur la montagne et comme la face du Seigneur sur le Tabor. La pensée des Pères du desert (Sayings of the Desert Fathers 1975: 180) parle aussi de la Transfiguration de saint Sisoïe dans le même sens que l'on parle de celle du Christ. Il est dit qu'avant sa mort, la face de l'ascète (le continuateur de saint Antoine le Grand, fondateur du monachisme hésychaste) était resplendissante comme la lumière du soleil. Le premier personnage qu'il a vu dans sa vision, avant de mourrir, a été Avva Antoine, puis il a vu le cœur des prophetes, et son visage est devenu encore plus étincélant; puis il a vu le cœur des apôtres. Brusquement son visage est devenu éblouissant comme le soleil et les pères autour de lui en ont été effrayés. Puis il y eut un éclair de lumière et la maison se remplit d'une odeur douce. Quand on lui demanda s'il avait atteint la stature de saint Antoine, l'ascète repondit dans l'esprit de l'hésychaste: "posséder une des pensées du maître, c'est devenir entièrement une flamme" (Sisoïe). Par rapport à la mort devant laquelle son regard s'effraie, dont parle l'inscription[6] de saint Sisoïe qui accompagne notre image, la flamme de son visage est incomparablement plus difficile à supporter par ses ennemis. C'est peut-être sur la symptomatologie de son visage transfiguré par la flamme que ce réfère l'inscription de saint Antoine le Grand (mur Sud de la chambre funéraire, à proximité de saint Sisoïe) :

> вид'ѣс'ѣ
> тевра́ж·и
> простръ
> типо́ли
> цоувъсѐ
> иземли
> [...]
> *En te regardant, les ennemis s'effraient à cause de ce visage et la terre [...]*

---

[6] вид'ѣтигробе / и҃встрашимисѧ / зракъ· и҃сроу҃ника ./ плаводоуи҃зліавь / дл҃ъежевъшѣщѥ / въоум'ѣпр·емлю / как҃ововокоѥ прїимоу / оу҃вимн'ѣсиѥ· оу҃ви / оу҃ви҃ктоможѣоу҃го / нєзноу҃тисего· *En voyant ton tombeau (i.e. d'Alexandre le Grand) le regard s'effraie et je pleure, car le destin commun vient dans la tête, O, qui peut échapper ça?)*

Saint Sisoïe est représenté une nouvelle fois à l'extérieur de l'église de Sucevița, entre les deux autres grands ascètes du désert, Antoine le Grand et Paul de Thébaïde, et dans toutes les églises moldaves. Le culte du saint est significatif en Moldavie et il est remarquable que, par comparaison aux autres représentations du saint dans le monde post-byzantin[7], le monachisme moldave ait choisi de méditer sur la vanité du monde dans cette perspective hésychaste.

Les fenêtres étroites et allongées de la chambre funéraire laissent passer une lumière d'une telle intensité "que l'on pourrait la couper au couteau". Dans l'intérieur obscur et enfumé, la lumière prend corps, "perçant de ses lames l'espace sacral à l'image du premier acte révélateur de la Divinité" (Blaga, 1991: 143–144)· Une unité lumineuse générale surgit de la synthèse de cette lumière diffuse animée par les accents dorés de la décoration que sont les étoiles et les striations d'or spécifiques de la technique de la chrysographie (les vêtements de la Vierge et du Christ, des archanges Michel et Gabriel).

La chrysographie, technique d'origine byzantine, comme l'étymologie l'indique, implique un travail graphique à base d'or. Bien qu'elle réponde, du point de vue technique, à l'exigence de modeler la lumière à l'aide de l'or au lieu d'utiliser de la couleur blanche, qui n'est pas toujours compatible chimiquement avec les divers pigments, la chrysographie répond aussi à toute une metaphysique de la lumière (Hills 1990: 26). Lumière et or sont associés dans l'approche hermeneutique de l'image. La présence de l'or dans l'image a une valeur symbolique équivalant à celle de la lumière, propriété qui résulte de la "sphère de l'existant" à laquelle l'or appartient (Bychkov 1993: 93; Stuart 1975: 152). L'or et le pigment chromatique appartiennent aux différentes sphères de l'existant végétal et minéral, créé et incréé. L'or ne se trouve pas dans le spectre des couleurs (Trubetskoj, cité par Stuart 1975: 38); du point de vue ontologique, il n'est pas l'expression des énergies créées du monde. Il n'a rien d'opaque et lourd. Il représente la lumière pure incréée, la manifestation de l'énergie et de la grâce divines (Stuart 1975: 153).

La chrysographie est considérée comme techniquement "inflexible" (Hills 1990: 26): la couleur de l'or ne peut pas s'infléchir vers un ton intermédiaire. Quand l'or remplace le blanc, la démarcation entre les accents de la lumière (l'or) et la couleur est absolue. Le seul moyen de varier le ton est d'appliquer de fines hachures sur les principales lignes d'or. Le relief est exprimé par les courbes linéaires plutôt que par la gradations de ton. La matrice de la couleur est ainsi libre d'être appliquée "en pleine saturation", ou comme le dira Aquinas, en parfaite *claritas*. Le vermillon[8] a

[7] Saint Sisoïe est représenté devant le tombeau avec le squelette d'Alexandre le Grand (d'après l'inscription) dans le narthex du katholikon du monastère Varlaam (1542).

[8] Désigné comme "la trompette de la palette médiévale" par Heraclius dans "*De coloribus et artibus Romanorum*; *De coloribus et mixtionibus*", un court traité anonyme est trouvé dans un addendum au manuscrit "*Mappae clavicula*" (XIIe siècle).

été rarement modelé (désaturé) avec du blanc; il en est de même de l'outremer (lapis-lazuri), la moins conformiste des couleurs, qui peut recevoir des accents de lumière avec l'or sans être désaturée (Cennini 1933: 55) et tout en préservant sa signification symbolique. Si le pigment ne peut exprimer, au terme de ce processus, que la lumière reflétée, l'or – substance de l'autre sphère de l'existant, complètement différente du pigment et même incompatible avec lui – représente lui-même la "lumière pure, sans alliage" (Bychkov 1993: 93).

Dans notre image, les rayons d'or entourent la Vierge au Buisson ardent (Fig. 12). La graphie à l'or jaillit du fond outremer et vermillon des vêtements[9] du Christ et de la Vierge. Les rayons d'or ne correspondent pas aux lignes visibles de l'objet comme tel; ils sont directement liés au pouvoir divin, "aux manifestations immediates de l'énergie divine" qui les contient (Bychkov 1993: 94). L'or est ici la représentation de la lumière divine, tandis que les couleurs impliquées gardent leur *claritas*.

Toute une symptomatologie de la lumière surgit aussi de l'iconographie des images de la chambre funéraire. Du côté gauche de la porte qui conduit vers le naos, dans le registre d'en bas, l'archange Michel est représenté foulant aux pieds un personnage nu et assombri, les pieds en croix, qui parraît être Satan. L'Archange tient à la main gauche la coupe, et l'épée à la droite. L'inscription de son rouleau dit:

иже҃неуи
стиѧ҃ѧ҃ ср҃ца
ктебе
приⷮе
каѣщимь
словоⷱъуи
сти в[о]ж·и
хр[исти]ане

Celui qui a l'âme impure, qu'il vienne à la hâte vers toi honorer le Verbe Dieu de la Chrétienté

Celui qui a l'âme impure près de Michel est sans doute Satan, puisqu'ils s'opposent dans l'Apocalypse (Ap 12, 7–9). La coupe de Michel est une allusion apocalyptique.

Dans un contexte egalement apocalyptique, la tradition juive met en opposition le Prince de la Lumière (Michel) et l'Ange des ténèbres (Satan) (Stoyanov 1994: 48), et place Michel devant la Shekhinah (la Divine Présence) pendant l'Exode (Stoyanov 1994: 68), qui est d'ailleurs représenté dans la chambre funéraire. Au

[9] La technique byzantine suppose de couvrir d'abord la surface d'or, puis de la recouvrir de pigment, et enfin de faire ressortir les lignes d'or en grattant la peinture.

plan iconographique, les vêtements du Prince de la Lumière sont richement décorés, avec même la technique de chrysographie que nous avons deja rencontrée.

Mais Satan n'est pas seulement considéré comme le plus grand ennemi cosmique de Michel. Il est dit dans l'Épître de Judas (chapitre 9) que Michel débattait avec Satan et qu'il lui disputait le corps de Moïse. Ce texte est une mise en garde contre l'impiété, un compte rendu fait par le Seigneur à tous "les impies notamment de tous les actes d'impiété qu'ils ont commis et de toutes les paroles injurieuses qu'ont proférées contre lui des pécheurs impies", et ceci est justement le message de notre inscription. Celui dont l'âme est impure, c'est Satan, et on comprend, à la lecture de l'inscription comme à la représentation en croix de ses pieds, qu'il est soumis et qu'il reconnaît, dans son corps au moins, la puissance du signe du Christ.

La cohérence programmatique est remarquable. La vision de Moïse suite à l'ascension du Sinai, figurée à l'intérieur de la chambre funéraire en haut du mur Nord, correspond à l'extérieur à l'Échelle du Paradis, une image symptomatique de l'ascension et de la rencontre de Dieu "face à face" par l'exercice hésychaste de la prière. On reconnaît dans le haut de l'Échelle, comme dans un miroir, la même position du Seigneur se penchant cette fois sur la gloire du Ciel et les portes ouvertes du Paradis, avec le geste d'accueil de la main tendue pour recevoir les élus. Les moines élus de l'Échelle, à la ressemblance de Moïse sur le Sinaï, le Tabor en figure, ont vu la face de Dieu et se sont réjouis.

La quête de la grâce eternelle et l'union mystique avec Dieu forment le combat que les moines ont à mener en chaque instant. Il est exprimé à Sucevița dans l'image accablante de l'Échelle, qui occupe toute la hauteur du mur extérieur Nord. Le premier moine en haut, qui gravit les dernières marches, voit le ciel s'ouvrir et le Seigneur lui tendre la main droite, tandis que de la main gauche il lui montre un parchemin avec l'inscription :

прид҃ѣтѣкъмнѣ
ѣ҃ъситроу҃дащ·исѧ
ѡ҃бр҃кмѣнени

Venez à moi, vous tous qui êtes fatigués et accablés (Mt 11: 28)

L'ange lui remet la couronne, signe de la réussite de son combat. La réception de la grâce divine est ainsi vue comme un couronnement. La couronne du Paradis en récompense de la persevérance sur la terre est un lieu commun de la spiritualité byzantine.

L'idée de l'ascension mystique est suggérée de manière particulière dans les figures des stylites représentées sur les contreforts de l'église: Siméon, Daniel, etc. Dans la Vie de Siméon le Stylite, écrite pour son disciple Athanasios, le pilier du

Saint est comparé à l'echelle de l'ascension spirituelle. Pour Grégoire de Nysse (Gregory of Nyssa, 1978: 101), tous ceux qui supportent l'Église et qui brillent comme des flambeaux dans le monde (Phil 2:15) sont des "piliers" et des "lumières". Représenté sur le contrefort de l'axe de l'abside centrale, Jean Baptiste est lui aussi un "pilier" et une "lampe qui brule et qui luit" (Io 5:35). Les inscriptions des stylites et des autres ascètes représentés dans le premier registre des absides extérieures sont des paraphrases de divers textes mystiques, y compris de Climaque. Ils enseignent aux moines, en essence, la voie pour recouvrer l'état angélique premier, antérieur à la chute d'Adam, par l'exercice de la prière monologue, du détachement et de l'amour, qui sont les trois étapes supérieures conduisant dans la proximité du Seigneur. L'ange accompagne toujours le moine dans la quête de Dieu: *Les anges sont une lumière pour les moines, et la vie monastique une lumière pour tous les hommes* (Climacus John 1982: 234).

En deux occasions les textes des inscriptions de Pachôme se réfèrent aux attributs angéliques du moine. Dans le rouleau porté par Pachôme sur la frise des ascètes de la façade Sud, on lit :

аггль гн҃нь рⷱ кь пахом·е
сиевишвразо[м]
подобаⷣтьнно
кⷭ҃ождⷣатисѧ

L'Ange de Dieu à Pachôme: de cette manière il est juste que le moine se dresse [*comme moi*, à en croire le geste que l'ange fait en se montrant lui-même du doigt à l'ascète]

Sur un autre rouleau tenu probablement par le même ascète (on ne distingue plus le nom), on lit :

рⷱ гь҃ пхом·е
помнⷣити
даⷭ҃[т]връжⷣе
сѧсебѣѳ ивъ
мⷣ крⷭ҃[ила]тъ

La parole de Dieu à Pachôme: Souviens-toi de cela, renie-toi toi-même et prends des ailes

Prendre des ailes et se dresser à l'imitation des anges sont des allusions au *Megaloschema* reçue par certains des moines qui se sont distingués par leurs vertus. Se renier soi-même отвръжется себѣ c'est, dans l'Échelle de Climaque, le premier degré dans l'ascension mystique.

En haut du mur, presque imbriqué dans l'image de l'Échelle, une représentation de la Genèse en quinze scènes (Histoire de la Création et de la Chute, jusqu'au

sacrifice d'Abel) est disposée dans le registre superieur au-dessous des chérubins (Fig. 1). Ce cycle de la Genèse est dominé par la séquence illustrant le Paradis et la Chute. Parmi les huit scènes figurées sur le fond blanc de la lumière paradisiaque, il en est deux d'un intérêt particulier pour la mystique hésychaste (ils illustrent dans une iconographie unique la robe de gloire, les vêtements riches qu'Adam et Ève ont portés avant la Chute).

Tandis que le texte biblique ne parle pas de l'état d'Adam et Ève avant la Chute, mais seulement de leur nudité par la suite, la littérature apocryphe hébraïque et mystique des sectes proto-chrétiennes (la tradition midrashique, les pseudépigraphes, la kabbale, les haggadot) nous transmet toute une imagerie sur l'état des proto-parents avant qu'ils aient pris le fruit interdit. Il nous est dit ainsi que "leur corps était couvert de peau calleuse et envelopé d'un nuage de gloire" (The Other Bible 1984: 34, Haggadah).

C'est dans des termes semblables que Jean Chrysostome parle de la nudité d'Adam et Ève avant leur désobéissance :

Eh ! comment eussent-ils connu leur nudité, puisque la gloire céleste les parait comme d'un superbe vêtement ! (Jean Chrysostome 1965 : 87).

Ils n'etaient point nus, puisque la gloire céleste les couvrait bien mieux que tout vêtement (Jean Chrysostome 1965: 91).

Dès qu'ils mangent le fruit interdit, Adam et Ève perdent leur *robe de gloire* et ils deviennent nus. Les écrivains syriaques et saint Éphraïm font dériver cette expression des cercles juifs, où elle apparaît à la suite de l'interprétation particulière de la Genèse (Gen 3:21). Elle se rapporte à l'état antérieur à la Chute et au fait que le mot *peau* en hébreu, ainsi que nous l'avons déjà dit, est identique à celui qui designe la *lumière* (*wr*). La tradition aramaïque du Targum traduit le terme par "vêtements d'honneur (gloire)", ce qui est très proche de l'idée de la robe de gloire dans la traduction syriaque[10]. Cette image de la robe de gloire a passé dans la litterature byzantine, spécialement dans la *Palia* et dans les travaux des chronographes : la Chronique de Malalas, la Chronique de Georgios Hamartolos. Puis elle a passé dans le slavon (Gorskij, Nevostruev 1857: 1–45; Porfiriev 1877: 7–31; Gaster 1983: 178). Tous ces textes – les apocryphes juifs (Midrash), Malalas, Hamartolos et Éphraim – ont circulé en traduction slavonne dans le milieu moldave et il est possible que la source de cette iconographie de la robe de gloire se trouve là. Elle se rencontre dans toutes les représentations extérieures du cycle de la Genèse en Moldavie (les pre-

[10] L'idée de la robe de gloire portée par Adam semble aussi familière au traducteur syriaque du Psaume (Ps 8:6):"Tu l'as fait de peu inférieur aux anges: et tu l'as vêtu de gloire et de munificence" (dans l'hébreu et le grec il y a "tu l'as couronné").

mières représentations connues dans la première moitie du XVIe siècle sont à Voronet, Arbore et Moldovita. On ignore le modèle de cette iconographie qui peut bien être moldave. On connaît une représentation d'Adam et Ève en robe de gloire dans une icône russe de XVIe siècle (Sol'vychegodsk, 1570), mais elle est probablement tributaire du modèle moldave [11].

Dans les Hymnes du Paradis (Ephrem the Syrian, 1990), saint Éphraïm fait allusion plusieurs fois à la robe de gloire originelle :

> Parmi les saints
> leur nudité est habillée de gloire,
> personne n'est vêtu de feuilles
> ou se tient honteux,
> parce qu'ils ont trouvé, par leur
> Seigneur, la robe qu'appartient
> à Adam et Ève. (VI, 9.)
>
> Femmes et hommes
> sont vêtus d'un habit de lumière;
> les vêtements couvrant leur nudité
> sont enveloppés de gloire. (VII, 5.)
>
> Qui n'a jamais vu la réunion de gens
> dont la nourriture est de louer ?
> Leur habit est lumière,
> leur visage est tout de rayonnement. (IX, 28.)
>
> La tout fruit est saint,
> tout vêtement est lumineux. (XIV, 8.)

Il fait aussi allusion à la perte de la robe de gloire (XV, 8 :"Adam a été arraché de gloire"). Dans le *Diatessaron* (XVI, 10), à propos de l'épisode de la séchesse des feuilles de figuier (Mt 21: 20–21), Éphraïm insiste sur le remplacement des feuilles de figuier de la Genèse (Gen 3:7) par la robe de gloire, regagnée pour Adam et Ève

[11] Dans cette icône représentant le cycle de la Genèse apparaît aussi un détail intéressant: des trois arbres, celui du milieu est précisément désigné par l'expression "cet arbre d'Adam" (*Sie drevo Ada(m)*), ce qui nous fait penser à l'apocryphe d'Adam (les deux autres arbres seraient alors celui d'Ève et celui du Seigneur, sur lequel il sera crucifié et à la base duquel se trouve le crâne d'Adam (Gaster 1983: 194). Ce détail des trois arbres est présent aussi dans notre cycle de la Genèse. Gaster pense que cet apocryphe, une introduction à la légende du bois de la croix, est d'origine slavo-bogomile et orientale, d'où il a passé dans la littérature slave et roumaine (Gaster 1983: 192)(la recension roumaine *Palia*). N. Tixonravov et I. Porfiriev ont publié le texte slave de la légende.

par le Christ. Recouvrer l'état d'avant la Chute sera aussi l'espoir des moines de l'Échelle, le but de leur travail. En "mettant sur eux le Christ", ils revêtent la robe de gloire d'Adam et Ève. La longue marche des moines, parallèle à la chute d'Adam et Ève, se développe ainsi entre la promesse du Paradis et le recouvrement de l'état angélique auquel est attachée la robe de gloire, d'une part, et la menace de la Géhenne au bas de l'Échelle, d'autre part.

L'Échelle de Climaque fait des références au retour à l'état paradisiaque de l'homme et à la "beauté immortelle" qu'il possedait "avant cette argile" (Climacus John, 1982: 284, degré 29). Le thème de la gloire du corps est le plus évident à la septième marche. Le devoir du moine est de "soulever l'argile", afin de rendre saint le corps (Climacus John 1982: 74, degré 1). Le travail de la chair, mortel et inférieur à l'esprit, revient plusieurs fois parmi les inscriptions des ascètes, dans des contextes des plus intéressants. Dans le registre du mur Sud, on lit :

поработи
плъ҃свобо
дид[оу]шейда
тирабо҃тай҃
тлѣнои҃

Travaille la chair et libere l'esprit et travaillons [ceux de] la chaire

съмр҃тъте҃
ноет҃кло
д[оу]хо побѣ
жа҃ете х[ристо]в[о]и
ив[ог]оутвѣ҃но
работайте

Le corps mortel, vainquez-le en l'esprit du Christ Seigneur, travaillez avec fermeté

ащеоу҃мъıтѣ
лопои҃ въсоу(е)
трою҃вашь
бива҃ть

Inscription de Jean Climaque : *Et si l'esprit [la raison] et le corps passent en vain, votre travail [est présent]*

травотаж҃ь[са]
йтравоно
си҃ йнатра
вѣпоуива
жй

La chair est évoquée une fois encore dans une forme à part, mise dans la bouche de Théodore le Skite: *L'herbe [est] appétissante, on s'en revêt, et sur elle on se repose*

Cette métaphore rare nous fait penser en premier lieu aux ascètes *boskoi*, les ascètes du haut monachisme décrits par l'historien Evagrios à Antioche, qui ne mangaient pas de pain, mais seulement des herbes sauvages, et qui allaient nus en plein air (History of Evragius 1898). On doit comprendre aussi cette métaphore de l'herbe dans la perspective des paroles de la Première Épître de Pierre (1 Pt:24): "Car toute chair est comme l'herbe" où d'Isaie (Jes 40:6–8), qui n'est pas dépourvu d'accents apocalyptiques (Ap 9:4): "Il leur fut dit de ne point faire de mal à l'herbe de la terre". La seule occasion où l'herbe est mentionnée dans le texte de Jean Climaque (Climacus John 1982: 144, degré 7) est une citation du Psaume (Ps 101:5), avec une référence à la chair aussi. Nous croyons que "porter de l'herbe" ou "se vetir d'herbe", dans notre inscription, signifie "prendre de la chair", ou plutôt pour les moines, prendre "du corps glorieux", autrement dit récuperer la robe de gloire d'Adam et Ève.

Plusieurs fois le texte de Climaque fait des références aux diverses expériences concernant la lumière et l'illumination mystique. Il se réfère ainsi à une "lumière immaterielle" (*aylon*), qui brille beaucoup plus que le feu (Climacus John, 1982: 137, 140, degré 7). Cette lumière que le moine reçoit au sommet de l'Échelle par l'union avec le Dieu d'amour, de confiance, de pardon et de bonté se trouve dans une relation topographique avec le Paradis d'Adam et Ève vêtus de la robe de gloire représentés à proximité du Christ de l'Échelle recevant les moines élus.

La reticence de l'hésychaste face à la prolixité des mots et des images est significative. Au onzième degré de l'Échelle (Climacus John, 1982: 158, degré 11), Climaque désavoue la loquacité comme "le signe de l'ignorance", "la ruine de la componction", "le messager du sommeil", "la dissipation du souvenir", "la fin de la vigilance", "le refraîchissement de la ferveur", "l'assombrissement de la prière". La langue est "un membre du corps" qui doit être maîtrisé. Dans leurs inscriptions, plusieurs ascètes – Daniel le Stylite, saint Hariton, Siméon Métaphraste, Isaïe – recommandent de "maîtriser la langue" et de réprimer "la loquacité" [12]. Il est moins inacceptable de manger de la viande et de boire du vin que de médire[13].

---

[12] Saint Paul de Thébaïde: в҃ѣгам[о]лъчи҃ / ве(ꙁ)м[о]л(и)ъст / воу҃е҃шии҃ / сп҃[а](с)ен·ес·а / с[в]а҃коре҃ *(Cours, tais-toi, apaise-toi [et soit sauvé])*

Saint Hariton: а҃цѣневъꙁ / дръжеши / ѫзыкасво / е҃гоа҃ѧмо҃ / идиешине / боудеши *(Si tu ne maîtrises pas ta langue, alors tu ne seras pas)*

Saint Daniel le Stylite: ацѣневъꙁьѣ / жешиѫзика / своегомамо / оудѣ҃шине / боу҃дешист / ранин *(Si tu ne soulèves pas ta langue, alors tu ne seras pas étrange)*

Isaïe: блюдида҃не / м[а]лъча҃ника / оу҃вомнасѣ҃ / бла҃досло / вец познае / шиса҃ *(Veillez à celui qui n'est pas silencieux, car celui qui aime bavarder se reconnaît)*

[13] Siméon le Métaphraste: доброе҃ѣасти / мѣса҃винопи҃ / тии҃ неѣа҃сти / клевета҃ми *(Il est bien de manger de la viande et de boire du vin, pas de manger des médisances)*

Manger de la viande et boire du vin est inhabituel parmi les moines, mais plus acceptable que de bavarder.

L'hésychaste est quelqu'un qui proclame: "Ferme la porte de tes lèvres aux mots" (Climacus John, 1982: 263, degré 27) et qui invite à la grande simplicité de la prière. La prolixité dans la prière remplit souvent la pensée d'images et la distrait, tandis qu'un seul mot reste dans le souvenir (Climacus John, 1982: 275, degré 28).

On n'a pas besoin de perdre son temps avec mots [au cours de la prière], il suffit de tendre tes mains et de dire: "Seigneur, selon ton desir et ta sagesse, aie pitié de moi" (Saint Macaire, *dans* Gouillard, 1953: 58). Le *Kyrie eleison* constamment répété pendant la liturgie renvoie à la pensée des Pères du désert.

Moïse était considéré comme le type du mystique, suite à la faiblesse de sa voix (Danielou 1950: 195). Tant qu'il était encore en Égypte, il était éloquent. Mais dès qu'il entendit la voix de Dieu et qu'il connut le Verbe qui était au commencement près de Dieu, il déclara qu'il ne savait pas parler. Puisqu'il était initié à la verité, il méprisait le discours des rhéteurs, il n'avait plus d'attirance pour les choses vraisemblables et les paroles persuasives. C'est Aaron qui parla dès lors pour lui, Aaron "servira de bouche" pour Moïse et Moïse "tiendra pour lui (Aaron) la place de Dieu" (Ex 4:15–16). D'après ce que l'Éternel lui-même dit à Moïse, "Aaron, ton frère sera ton prophète" (Ex 7:1). Avec cette première mention du mot *prophète* dans la Bible sont aussi bien déterminés les rapports entre lui et la divinité. Aaron est la bouche qui parle au nom de Dieu, qui est pour lui Moïse. Tous les moyens du discours sont confiés à Aaron. Pour Philon, Aaron est le *logos prophorikos*. Moïse et Aaron poursuivirent leur chemin ensemble et on les verra ainsi représentés dans les images de la sortie d'Égypte de la chambre funéraire.

Comprendre est une question de réflexion, parler est une question d'énonciation. Chez les Pères, la sortie d'Égypte à été comprise aussi comme la sortie du monde (Daniélou 1950: 195) et les trois jours de marche comme la purification des paroles, des actes et des pensées. Le sens mystique y est implicite (Daniélou 1950: 195). La lumière du monde à venir, entrevue d'abord par anticipation sur le Sinaï et pleinement manifestée ensuite sur le Tabor, sera recherchée sans cesse en silence par les hésychastes.

Ce que l'hésychaste reçoit par la prière, c'est la grâce et la lumière divines (Climacus John 1982: 137, 140, 143, degré 7; 195, degré 19; 223, degré 25; 242, 249, degré 26; 280, degré 28). Lumière et discours sont donc antagonistes. Puisque la prolixité dans l'exercice de la prière remplit la pensée d'images et la distrait, il n'est jamais demandé au novice d'imaginer des choses extérieures à lui-même. La lumière supprime tous les mots. La nature divine est au-delà de tout nom et de tout discours (Épître à Ablabius, PG t. 45, col. 120D–121D). Un seul mot l'enveloppe, et c'est le Nom du Verbe Incarné. Il remplit l'hésychaste de la présence actuelle de Jesus dans l'intérieur de son être. La vision lumineuse vécue par le moine n'est pas

un symbole ou le fruit de l'imagination, mais une théophanie de la même force et de la même réalité que celle de Moïse après qu'il a parlé avec Dieu "face à face" (Ex 34:29–35; Climacus John 1982: 288, degré 30).

Quelle est alors la justification et la place de la peinture et de l'icône dans l'économie de la vie hésychaste ? Et surtout à Sucevița, où le discours de l'image semble dominer l'iconographie par la puissance de sa narrativité? À une question aussi extrême, la réponse de Nicéphore nous a paru la plus évocative. La défense de l'icône à été identifiée par Nicéphore, dans son Discours contre les iconoclastes, avec la défense des conditions possibles de tout l'univers :

Ce n'est pas le Christ, mais l'univers tout entier qui disparaît s'il n'y a plus ni circonscription, ni icône (Nicephorus, 1989 : 86).

L'espace iconique est celui-là seul, écrit M.-J. Mondzain-Baudinet dans son introduction au Discours, que les radiations de la lumière et de la grâce peuvent remplir (Nicéphorus 1989: 28). Si la *morphè* désigne pour les iconoclastes le caractère tangible du corps, la *metamorphôsis* est le terme retenu pour la Transfiguration du Christ, et l'icône est justement la place de cette épiphanie. L'icône est la matière du bois et du pigment transfigurée en espace de lumière et de gloire, dans lequel celui qui regarde est lui-même absorbé et enseveli par la grâce divine. L'icône, alors, n'est ni image ni mot, mais l'extase (*arpagi*) de la lumière et l'exultation du regard rencontrant la face infinie du Verbe. L'icône est le Signe lui-même. Du chœur de l'abside centrale à l'extérieur de l'église, le Christ Lumière du monde, comme l'inscription de l'Évangile qu'il tient nous l'indique, veille et résume la quête hésychaste.

BIBLIOGRAPHIE

Dictionnaire de théologie: Dictionnaire de théologie catholique. Paris, 1903–1972.

History of Evagrius 1898: The Ecclesiastical History of Evagrius. I. Bidez J., L. Parmentier (eds.). London, 1898.

The Other Bible 1984: The Other Bible, Jewish Pseudepigrapha, Christian Apocrypha, Gnostic Scriptures,Kabbalah, Dead Sea Scrolls. W. Barnstone (ed., intr.), Harper, San Francisco, 1984.

Sayings of the Desert Fathers 1975: *Sayings of the Desert Fathers*. B. Ward (transl.), London – Oxford, 1975.

Archim. Pavel 1905: Архимандрит Павел, *Краткие известия о существующих в расколе сектах.* Москва, 1905. p. 65

Blaga 1991: Blaga L., *L'Être historique*. Paris, 1991.

Bunim 1940: Bunim M. S., *Space in Medieval Painting and the Forerunners of Perspective*. New York, Columbia University Press, 1940.

Bychkov 1993: Bychkov V., *The Aesthetic Face of Being, Art in the Theology of Pavel Florensky*, Crestwood, N. Y., 1993

Bynum Walker 1992: Bynum Walker, C., *Fragmentation and Redemption. Essays on Gender and the Human Body in Medieval Religion*. New York, Zone Books, 1992.

Børtnes 1994: Børtnes J., "The Function of Word-Weaving in the Structure of Epiphanius '*Life of Saint Stephen, Bishop of Perm'*". // Birnbaum H., M. S. Flier (eds.).*Medieval Russian Culture*, 1994, 311–342.

Cennini 1933: Cennini C., *The Craftsman's Handbook.* D. V. Thompson (transl.), New Haven, 1933.

Climacus John 1982: Climacus John, *The Ladder of Divine Ascent*. Luibheid C., N. Russell (transl.); N. Russell (notes); K. Ware (intr.). New York, Ramsey, Toronto, Paulist Press, 1982.

Daniélou 1950: Daniélou J., *Sacramentum futuri, Études sur les origines de la typologie biblique*. Paris, 1950.

Dällenbach 1977: Dällenbach L., *Le récit spéculaire: essai sur la mise en abyme*, Editions du Seuil, 1977.

Elsner 1994: Elsner J., "The viewer and the vision: The case of the Sinai Apse." // Art History 17, №1, 1994, 81–102.

Ephrem the Syrian 1990: St. Ephrem the Syrian, *Hymns on Paradise*. S. Brock (transl., intr.), St. Vladimir's Seminary Press, Crestwood, New York, 1990.

Florenskij: Флоренский П. А., "Обратная перспектива" // *Труды по знаковым системам*, III. Уч. Зап. ТГУ, вып. 198, 385–386.

Gaster 1891: Gaster M., *Chrestomatie română cu o gramatica şi un glosar româno-francez.* 2 vol., Leipzig–Bucarest, 1891.

Gaster 1983: Gaster M., *Literatura populara română.* Bucureşti, 1983.

Gorskij, Nevostruev 1857: Горский А. В., К. И. Невоструев. *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библотеки.* Т. 2. Москва, 1857, 1–45.

Gouillard 1953: Gouillard J., *Petite Philocalie de la priere du coeur*, Paris, 1953.

Grabar 1945: Grabar A., "Plotin et les origines de l"esthétique médiévale". // CA 1 (1945), 15–34.

Grabar 1979: Grabar A., "Les Images des poètes et des illustrations dans leurs œuvres dans la peinture byzantine tardive." // Zograf 10 (1979), Beograd, 13–16.

Gregory of Nyssa 1978: Gregory of Nyssa, *The Life of Moses*. New York, 1978.

Hills 1990: Hills P., *The Light of Early Italian Painting*, New Haven, 1990.

Iisar 1996: Isar N., "Sucevița: Valorisation épigraphique dans l'herméneutique iconographique de l'image" // *Byzantinoslavica* LVII (1996), 365–366.

Isar 1998: Isar N., "L'iconicité du texte dans l'image post-byzantine moldave: une lecture hésychaste.", // Byzantinoslavica LIX (1998), 92–112.

Isar 1999: Isar N., "Le mur aboli: Le sacrement de la parole dans les absides des églises moldaves." // Byzantinoslavica LX (1999), 611–632.

Lacan 1966: Lacan J., "L'Instance de la lettre dans l'inconscient ou la Raison depuis Freud." // *Écrits*, Paris, 1966.

Mango 1972: Mango C. (ed.), *The Art of the Byzantine Empire 312–1453*. Englewood Cliffs, N. J., 1972.

Nicephorus 1989: Nicephorus, *Discours contre les iconoclastes: discussions et réfutation des bavardages ignares, athées et tout à fait creux de l'irreligieux Mamon contre l'Incarnation de Dieu le Verbe notre Sauveur*. Traduction, présentation et notes par M.-J. Mondzain-Baudinet. Paris, 1989.

Porfiriev 1877: Порфирьев И. Я., "Апокрифические сказаниа о ветхозаветных лицах и событиях." // Сб ОРЯС 18, 1877, 7–31.

Schapiro 1955: Schapiro M., "Style" //, *Anthropology Today: An Encyclopedic Inventory*, Chicago, 1955, 293

Smjadovsky 2003: Смядовски С., " Светци, светици, книги" // Studia Classica 3, С., 2003.

Smjadovsky 2004: Smjadovsky S., "Le message du texte dans le répertoire iconographique: prolégomènes." // Scripta & *e*-Scripta, 2, 2004, 97–142.

Stoyanov 1994: Stoyanov Y., *The Hidden Tradition in Europe. The Secret History of Medieval Christian Heresy*. London, 1994.

Stuart 1975: Stuart J., *Ikons*. London, 1975.

Théodore le Studite: Théodore le Studite, *Antirhetticus*, I, PG, t. 99; *Antirrheticus*, III, 5, PG, 100.

Theodore Studite 1981: Theodore Studite, *On the Holy Icons*. trasl. C. Roth, Crestwood, New York, 1981.

Theodorescu 1974: Theodorescu R., *Bizant, Balcani, Occident la inceputurile culturii medievale romanesti (secolele X–XIV)*. Bucureşti, Editura Academiei, 1974.

Theodorescu 1978: Theodorescu R., "Portraits brodés et interférences stylistiques en Moldavie dans la première moitié du XVIIe siècle." // RESEE, XVI, 4, 1978, 687–709.

Uspensky 1975: Uspensky B. A., "Left and Right in Icon Painting." // *Semiotica*, 13, 1975, 33–39.

Uspensky 1976: Uspensky B. A., *The Semiotics of the Russian Icon*. Rudy S. (ed.), Lisse, The Peter de Ridder Press, 1976.

Uspensky 1983: Uspensky B. A., *A Poetics of Composition: the Structure of the Artistic Text and the Typology of a Compositional Form.* Zavarin V., S. Wittig (transl. from russ.), Berkeley, University of California Press, 1983.

Uspensky 1984: Uspensky B. A., "The Syriac question in Slavonic Literature: Why should the Devil speak Syriac?" // *The Semiotics of Russian Culture*, Lotman Ju., B. A. Uspensky (eds.), Ann Arbor, Michigan Slavic Contributions, No. 11, Michigan, 1984, 293–294.

Wulff 1907: Wulff O., "Die umgekehrte Perspektive und die Niedersicht" // *Kunstwissenschaftliche Beiträge A. Schmargow gewidmet*, Leipzig, 1907

Žegin 1964: Жегин Л. Ф., "Некоторые пространственные формы в древнерусской живописи". // *Древнерусское искуство XVII века,* под ред. В. Н. Лазарева, Москва,1964, 175–214.

Žegin 1970: Жегин Л. Ф., *Язык живописного произведения*. Москва, 1970. (Zhegin L. F., *The Language of a Pictorial Work : The Conventions of Ancient (Byzantine and Old Russian) Art*, Rudy S. (tramsl.), The Hague, Paris, 1983)

L'autheur de cet article . . .

Nicoletta Isar, née en Roumanie, elle a fait ses études à Bucarest, ainsi qu'à Paris, où elle a travaillée sous la direction du professeur Noël Duval au *Centre Lenain de Tillemont* du Christianisme antique et Antiquité Tardive, puis avec les professeurs Suzy Dufrenne, François Baratte, Catherine Jolivet-Lévy et Tania Velmans à l'Université Paris-Sorbonne (Paris IV). Spécialiste de l'art et culture byzantin, *docteur ès lettres* en histoire de l'art byzantin depuis mars 1996 (Paris IV – Sorbonne). L'article y publié est un chapitre de sa thèse, dédiée dans une large partie au sujet de la fonction des inscriptions sur les murs des églises moldaves, et aux circonstances qui ont favorisé le phénomène de l'iconicité de ces inscriptions. Maintenant elle est Professeur à l'Université de Copenhague, l'Institute d'Histoire de l'art du Département des Arts et des Études culturelles. Engagée à présent dans un projet international sur l'espace sacré à Byzance, son thème de recherche est le *"Chorós"*. Elle est auteur des plusieurs articles et chapitres dans divers livres, notamment:

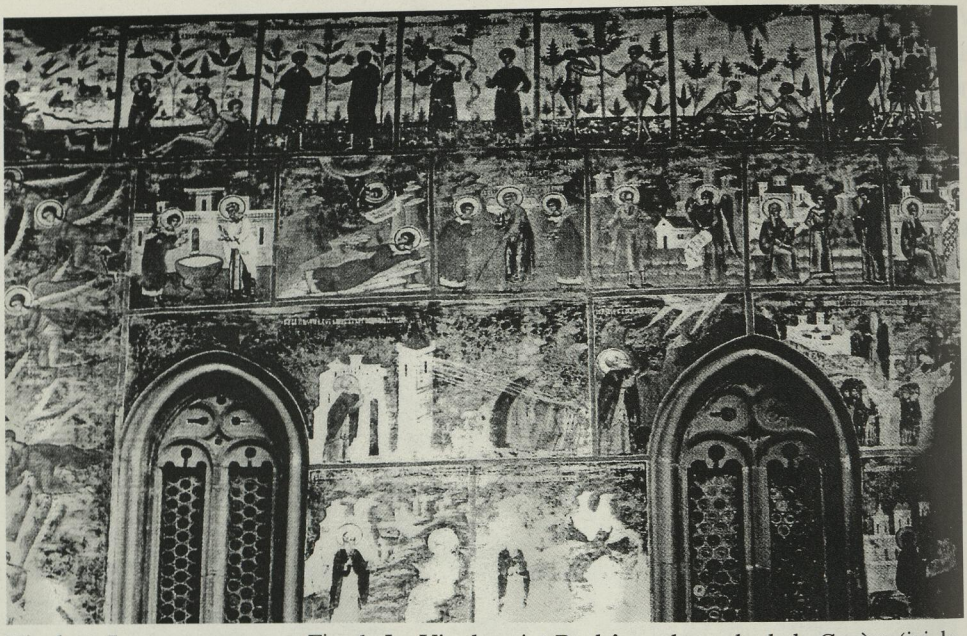
"Sucevița: Valorisation épigraphique dans l'herméneutique iconographique de l'image"// Byzantinoslavica LVII (1996), 365–366; "L'iconicité du texte dans l'image post-byzantine moldave: une lecture hésychaste"// Byzantinoslavica LIX (1998), 92–112; "Le mur aboli: Le sacrement de la parole dans les absides des églises moldaves."// Byzantinoslavica LX (1999), 611-632; "The Vision and its 'exceedingly blessed beholder': of desire and participation in the icon"// *RES: Anthropology and Aesthetics* 38 (2000), 57–72 ; "The Iconic Chôra: A Space of Kenotic Presence and Void"// *Transfiguration*, Nordisk Tidsskrift for Kunst & Kristendom, No. 2, Copenhagen, Dec. 2000, 64–80; "The Dance of Adam: Reconstructing the Byzan-

tine *Chorós* "// Byzantinoslavica 6, LXI (2003), 179–204; "*Chorós*: Dancing into the Sacred Space of Chôra"// Byzantion, Tome LXXV (2005), 199–224 ; "*Chorós* of Light: Vision of the Sacred in Paulus the Silentiary's poem *Descriptio S. Sophiae*"// Byzantinische Forschungen: Internationale Zeitschrift für Byzantinistik Bd. XXVIII, 2004, 215–242 ; "Chorography: The undecidable chôra – a space for choreographic inscription"// *AFART* 12 (2005), København, 23–25 ; "Undoing forgetfulness: Chiasmus of Poetical Mind – a Cultural Paradigm of Archetypal Imagination"// *Europe's Journal of Psychology*, v. 1, No 3 (August) 2005 ; "Chorography (*Chôra, Chorós*) – A performative paradigm of creation of sacred space in Byzantium", // *Hierotopy: Studies in the Making of Sacred Space*, Moscow, 2006.

.

Vessela Valiavicharska The Barberini diptich

Nicoletta Isar

Fig. 1. La Vie de saint Pachôme, le cycle de la Genèse (ici, le Paradis), L'Échelle de Climaque, facade Nord

Fig 2. La Sagesse de Salomon, tympan Sud de l'exonarthex

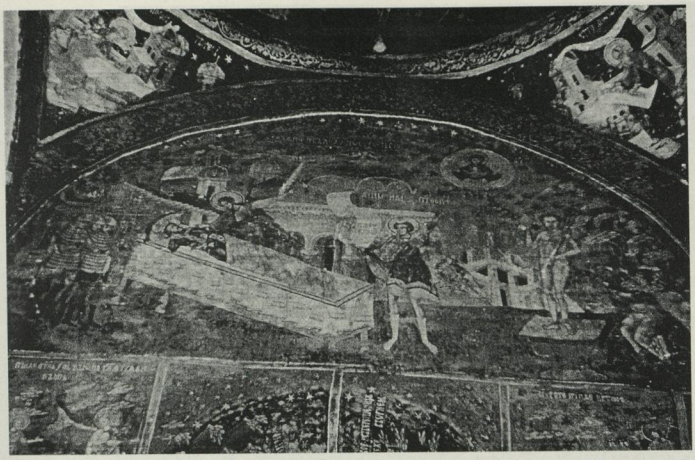

Fig 3. Le Songe de Nabuchodonosor, tympan Ouest de l'exonarthex

Fig. 11. Sisoïe devant le tombeau ouvert, facade Sud

Fig. 5. L'Échelle de Climaque, facade Nord

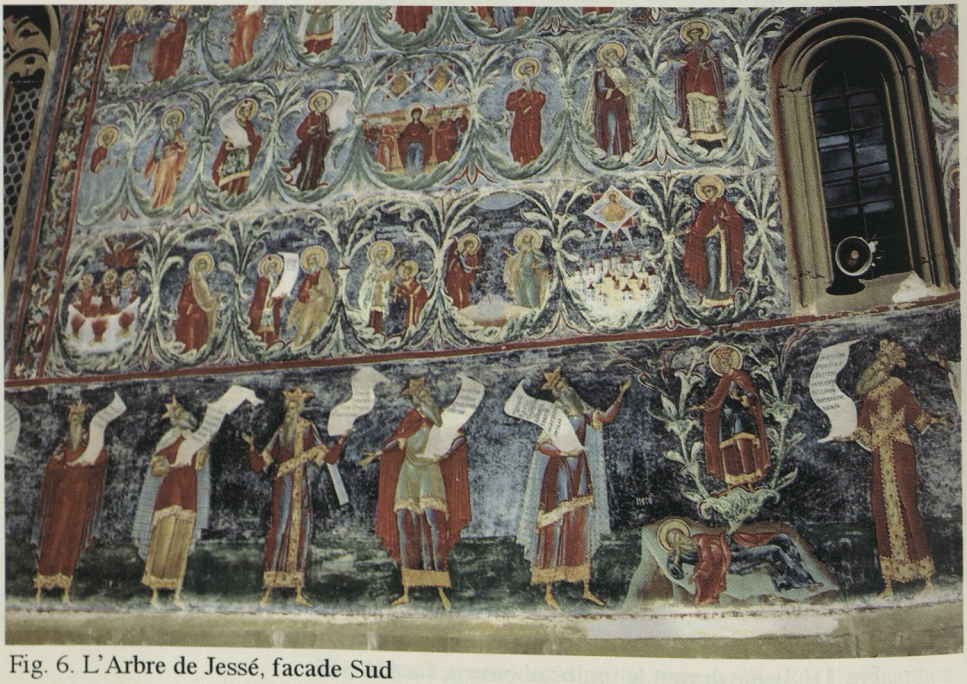

Fig. 6. L'Arbre de Jessé, facade Sud

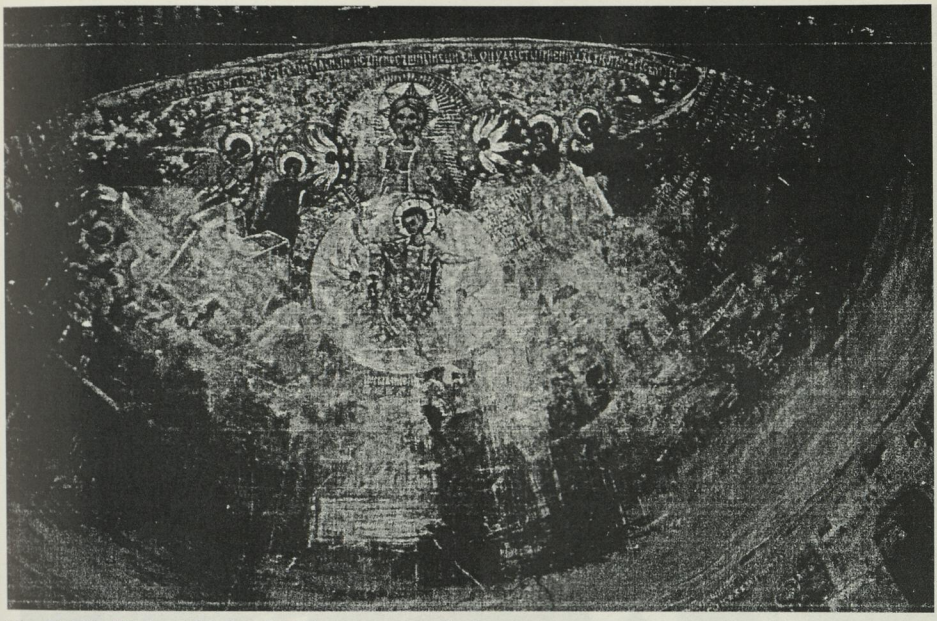

Fig. 7. Fils Unique Verbe de Dieu, conque Sud

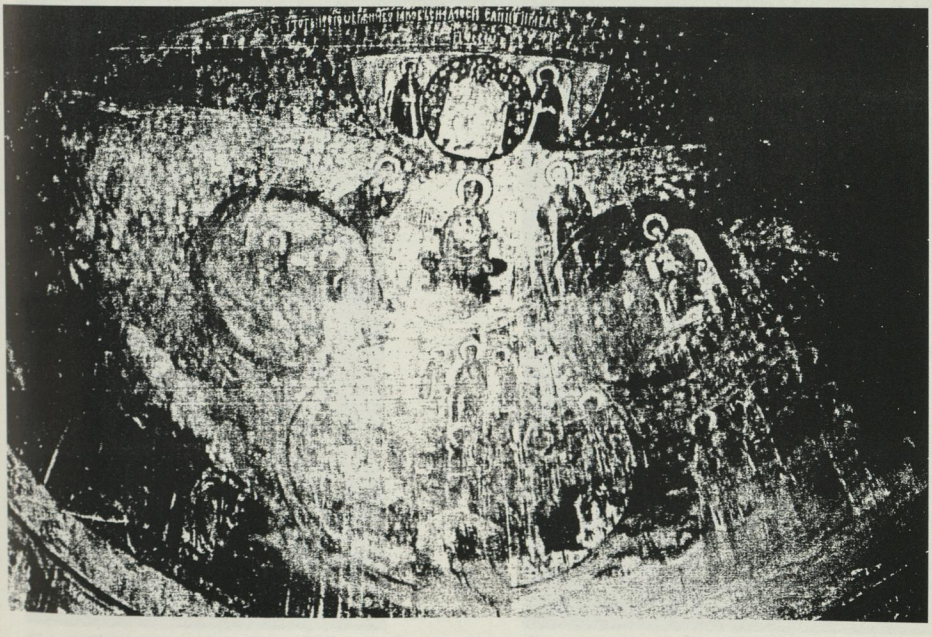

Fig. 8. De quel nom t'appelons nous, conque Nord

Fig. 9. La Vision de Moïse sur le mont Sinaï: le Buisson ardent; Moïse öte ses chaussures afin de recevoir les Tables de la Loi, facade Nord

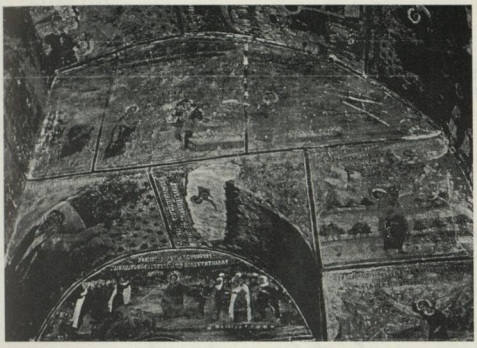

Fig.10 (a,b). Moïse face au Christ sur la montagne du Sinaï, mur Nord de la chambre des tombeaux

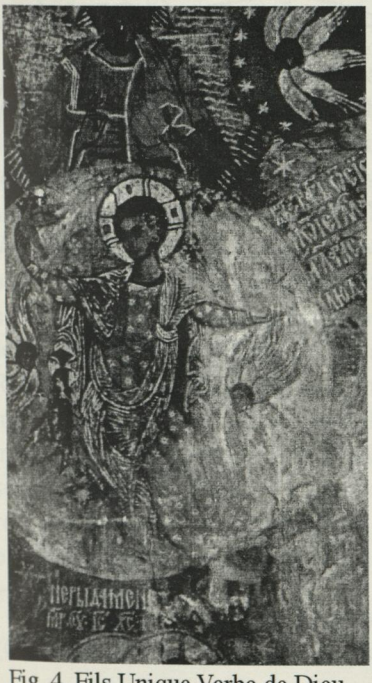

Fig. 4. Fils Unique Verbe de Dieu (détail) conque Sud du naos

Fig. 12. Vierge au Buisson ardent, voûtre de la chambre des tombeaux

Ольга Афиногенова Изображение в церкви архангела Михаила в Леснове

SCRIPTA
& e - SCRIPTA
3 - 4 / 2005 - 2006

Some Observations on the Slavic Sources for Theta Notation

Mariana L. Dimitrova

The first notice of *theta* as a self-sufficient musical sign was taken in the nineteenth-century descriptions of Slavic liturgical manuscripts (Vostokov 1842: 405), and the first musicological research into the matter, which occurred more than a hundred years later, was conducted on yet another Slavic source – the Zographou Trifologion, also known as the Menaion of Dragan (Palikarova Verdeil 1953: 229). Still, the sporadic use of *theta* was not a Slavic peculiarity: numerous Greek and Syro-Melkite manuscripts appeared to have been notated in a similar way, and it was precisely through their studying that Jørgen Raasted advanced the term and the concept of "Theta notation" (Raasted 1962; 1979; 1995).

We are indebted to Jørgen Raasted for our present understanding of the primitive written musical practice in the Christian East. Central to this understanding is the notion that the rudimentary notational types were intended to mark the melodic ornaments (*melismata*) in otherwise plain settings sung from memory. This simple aim required no elaborate means. In fact, a single sign resembling the Greek letter *theta* (θ) – perhaps an abbreviation for *thema,* in the sense of "melodic figure" – proved quite sufficient. Signs with the same shape and purpose were also used in the more developed Byzantine notations;[1] only there they were not inscribed by themselves, but in a chain of neumes that reflected the flow of the entire melody. Jørgen Raasted compared the texts containing autonomous *theta* signs with the corresponding texts notated throughout with Palaeo and Middle Byzantine neumes and determined that the *melismata* fell consistently on the same words and syllables in all the sources (Raasted 1962:304; Raasted 1979:35). The scholar based his comparative research on both Greek and Syriac manuscripts, but set aside the insufficient Slavic evidence he had at his disposal.

[1] *Thematismos* (Coislin Notation), *Ouranisma* (Chatres Notation), *Thema haploun* (Coislin and Chartres) are some of these signs (Floros 1970: I 252–281).

Looking back at the nineteenth-century Slavic studies, it is worth considering the brief comments made by Vatroslav Jagić with regard to the *theta* signs scattered in the Novgorod Menaia for September, October, and November dating from 1095–1097 A. D. (Jagić 1886: xxxii–xxxiii, xxxvii).[2] This scarce musicological data could nevertheless throw some light on the means by which Theta Notation served the early chanting practice of the Eastern Slavs.

In his description of the sources, Jagić points to 29 instances where *theta* has been applied (Jagić 1886: xxxii–xxxiii, xxxvii). Most of them involve the texts of *stichera idiomela* – the same hymns that make up the contents of the notated Sticherarion. Hence, an opportunity arises to compare the texts in question with their counterparts in both Slavic and Greek Sticheraria using two outstanding facsimile editions of the twelfth-century codices *BAN 34.7.6* (Schidlovsky 2000) and *Vienna theol. gr. 136* (Wolfram 1987), notated respectively with Old Russian *kryuki* and Palaeo Byzantine Coislin neumes.

When put side by side, the three readings of almost every *sticheron* show remarkable conformity as far as the *theta* signs are concerned: 24 out of the 29 cases reported by Jagić coincide with *melismata,* which are written down in melodic figures from the *theta* family. The path of comparison can closely be followed in Table 1 a–c. (For practical reasons, Table 1 breaks up into three parts – a, b, and c – corresponding to the three volumes of the Menaia in view.) The left-hand side of the table displays the incipits of the *stichera* marked by Theta Notation in Jagić' sources, while the right-hand side presents the actual results of the comparison: in more than 80% of the cases, the *theta* signs from the Menaia have their counterparts in both the Slavic and the Greek Sticheraria. As for the disagreements, they are due either to the absence of certain chants from the contents of the Sticherarion, which can be expected when *stichera prosomoia* are involved,[3] or to the lack of matching *melismata,* which can partially be explained through typographical error.[4]

---

[2] Jagić has disclosed the places of the *theta* signs not only in his principle sources from the collection of the Moscow Synodal Typography, which are now kept at RGADA, fond 381, № 84, 89, 91 (CK-7, 8, 9), but also in an additional source from the St. Petersburg Public Library – Sof.188 (CK-63). In the present survey, all of them are put under consideration.

[3] There are two *prosomoia/ подобни* in Table 1: one for the feast of St. Demetrius on Oct. 26, the other for the feast of St. Theodore Studite on Nov. 11, the latter with a fully notated counterpart in the Russian Sticherarion *BAN 34.7.6*, but neither of them found in the Greek Sticherarion *Vienna theol.gr. 136*. This state of the sources reflects the tendency among the Slavic scribes to notate the *prosomoia*, which in the Byzantine-Greek tradition usually have no musical record.

[4] Two such errors have been detected so far: the actual position of the *theta* sign over the word ѣа on p. 57 is in line 18, instead of line 16, as given by Jagić (Jagić 1886: xxxii) and the page on which another *theta* sign over нихъже appears is 0204, not 204 (Jagić 1886: xxxvii).

Table 1 (a)	Jagic (Typ. 84, Sof. 188)	BAN 34.7.6	Vienna th.gr. 136
Sept. 6, Miracle of Archangel Michael		Nov. 8	Nov. 8
ѣ Сърадоуите сѧ намъ вьсѧ анг҃лскаꙗ πλ.β' Συγχάρητε ἡμῖν ἅπασαι αἱ τῶν ἀγγέλων	051 (Typ. 84) ваш҃ь	48[r] ваш҃ь	48[r] υμων
ѣ Идеже ѡ҃кыаѥть бл҃гдть твоꙗ вьсехвалыне πλ.α' Ὅπου ἐπισκιάζει ἡ χάρις σου ἀρχάγγελε	051(Typ. 84) во	47[V] во	48[r] γαρ
Sept. 7, Forefeast of the Nativity of the Theotokos			
д҃ Вьсеѹьстьноѥ твоѥ рожьство прѣ҃стаꙗ δ' Τὴν πάνσεπτόν σου γέννησιν παναγία	061(Sof. 188) нв҃си	6[r] невеси	7[r] ουρανω
Sept. 8, Nativity of the Theotokos			
ѣ Дн҃ь на разоумьныихъ прѣстолѣхъ πλ.β' Σήμερον ὁ τοῖς νοεροῖς θρόνοις	071(Sof. 188) прѣстолѣхъ	(6[V]) illegible	7[V] θρόνοις
Sept. 20, Martyr Eustathius			
ѣ Твьрьдꙑ дш҃ею како тꙗ πλ.β' Ἀδαμάντινε τῇ ψυχῇ πῶς σε	0164 (Typ. 84) прилиꙗ	(19[r]) no match	(18[V]) no match
Sept. 26, Tanslation of St. John the Theologian			
и ? ѣ Сиа громова β' Τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς	0203 (Sof. 188) о уиодо	24[r] ѡ	24[V] ω
ѝ Ѳоуанг҃листе ноане равьне анг҃ле πλ.δ' Εὐαγγελιστὰ ἰωάννη ἰσάγγελε	0204 (Typ.84, Sof. 188) нихъже	–	25[V] δι'ου

Table 1 (b)	Jagic (Typ. 89)	BAN 34.7.6	Vienna th.gr. 136
Oct. 6, Apostle Thomas			
ѕ҃На колѣсници добродѣтелнѣи ѣздѧ πλ.β' Τῷ ἅρματι τῶν ἀρετῶν ἐποχούμενος	39 вѣрьнѣıхъ крьтьною	28[r] no match крьстьною	30[r] no match σταυρού
Oct. 8, St. Pelagia			
д҃ Идеже оумножитъ ста грѣхъ δ' Ὅπου ἐπλεόνασεν ἡ ἁμαρτία	52 такоже	30[V] такоже	31[v] καθως
Oct. 9, Apostle James, Son of Alphaeus			
д҃ Бж҃ствьнаго д҃ха δ' Τὴν τοῦ θείου πνεύματος	57 ба	31[r] бога	32[r] θεον
Oct. 23, St. James, Brother of the Lord			
и҃ Ньрьваго пастꙑря х҃са братъ πλ.δ' Τοῦ ἀρχιποιμένος χριστοῦ ἀδελφός	164 иєси непрѣстанью	36[r] иєси непрѣстанью	37[r] επεσχυνθης αδιαληπτως
Oct. 26, St. Demetrius			
Ѭ. радоуи сѧ Приди лоу҃ве х҃ъ (Δεῦρο μάρτυς χριστοῦ)	182 ієюже помоля	–	–

Table 1 (c)	Jagic (Typ. 91)	BAN 34.7.6	Vienna th.gr. 136
Nov. 6, St. Paul the Confessor			
а҃ Къ сѣ҆тлъскїю ри҃зю облѣкѵ҆е сѧ пр҃пдвнѥ α' Ἀρχιερατικὴν στολὴν ἐνδυσάμενος ὅσιε πάτερ	306 свонхъ	(45^{r}) no match	(45^{v}) no match
Nov. 8, Archangel Michael			
в҃ Сърадоуите сѧ нами вьсѧ анг҃лѣка҃а πλ.β' Συγχάρητε ἡμῖν ἅπασαι αἱ τῶν ἀγγέλων	323 насъ	48 насъ	48^{r} ημας
г҃ Идеже ос҃ѣнаѥть бл҃гдть твоа вьсехвалнѥ πλ.α' Ὅπου ἐπισκιάζει ἡ χάρις σου ἀρχάγγελε	35^{v} во насъ	47^{v}- 48^{r} во насъ	46^{r} γαρ ημας
Nov. 1 1, St. Theodore Studite			
г҃м. и҃ по҃ вн҃ѳлеѡнѥ Иноукынимъ законоположьникъ правовѣрнꙋнимъ (Μοναστῶν νομοθέτης τῶν ὀρθοδόξων)	346 нꙋнѣ	51^{r} нꙋнѣ	–
Nov. 13, St. John Chrysostom			
[и҃] Златꙋнимн словесы и бог҃ланꙋимн πλ. δ' Χρυσέοις ἔπεσι καὶ θεοφθόγγοις	364 дх҃овноѥ нен тѣлѣ	52^{v} дохховноѥ нен тѣлѣ	51^{r} πνευματικον αυτη διο
Nov. 14, Apostle Philip			

г҃ Рꙗбьноꙋю ловитвоꙋю въ ѹлв҃ꙋкꙑи ловъ γ' Τὴν τῶν ἰχθύων ἄγραν εἰν ἀνθρώπων ἁλιείαν	372 тѣлꙗ	53^{V} тѣлꙗ	52^{r} διο
Nov. 20, Forefeast of the Presentation of the Theotokos		Nov. 21	Nov. 21
д҃ Дн҃ь въ цр҃квъ приводитъ сѧ β' Σήμερον τὸ ναῷ προσάγεται	408 сеи радоуи сѧ	55^{V} сеи	55^{V} ταυτη χαίρε
Nov. 21, Presentation of the Theotokos to the Temple			
е҃ Дн҃ь съборъ в҃кр҃ьнꙗѩ҃ъ πλ. β' Σήμερον τὰ στίφη τῶν πιστῶν	421 дв҃ꙑ радости	56^{r} no match? радости	56^{v} παρθενοι χαράς
Nov. 22, Afterfeast of the Presentation		Nov. 21	Nov. 21
ѕ҃ Дн҃ь в҃овъмѣстимаꙗ цр҃кы δ Σήμερον ὁ θεοχώρητος ναός	432 съ нижѥ	55^{V} съ нижѥ	56^{r} μεθ'ων

In any case, the plentiful parallels in Table 1 are quite impressive. They support at least three interrelated conclusions: that the *melismata* were stable structural elements embedded in certain words and phrases of the hymns; that the *theta* sign was employed to indicate them in different notational types, including those used by the Slavs; and that the translation from Greek into the Old Church Slavonic language usually kept them in their original places.

Turning now to the Menaion copied by the Bulgarian scribe Dragan toward the end of the thirteenth century,[5] we may anticipate arriving at similar conclusions linking this source's Theta Notation to the corresponding *melismata* in the same Sticheraria – *BAN 34.7.6* and *Vienna theol.gr.136*. The comparative examination, however, leads to quite different results: out of the 20 autonomous *theta* signs that can be discerned in the September–November portion of the Menaion of Dragan,[6] only four have their counterparts in the consulted Sticheraria. This outcome is shown in Table 2, which closely follows the model of Table 1. Likewise, the left-hand side of the table displays the incipits of the *stichera* marked by Theta Notation in the Menaion of Dragan, while the right-hand side presents the actual results of the comparison: 80% of the *theta* signs inscribed by Dragan have no corresponding *melismata* in the Sticheraria.

[5] (Raikov, Kožuharov, Miklas, Kodov 1994: 52) Microfilm copies of the Menaion of Dragan – *Zographou I.ε.9* – are available at the National Library Sts Cyril and Methodius in Sofia and the Hilandar Research Library at the Ohio State University. I am obliged to both libraries for facilitating my work on this project.

[6] The actual number of the *theta* signs could be much greater, since large fragments of the text are illegible on the microfilm. Beyond the scope of this survey are the fully notated *stichera* for the offices on September 3 and 5 (Kodov 1973: 153–155).

Table 2

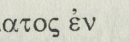
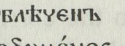
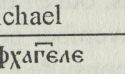
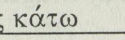
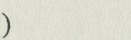
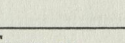
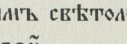
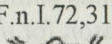
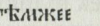
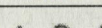
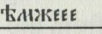
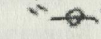
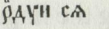
	Zographou I. ε. 9 (Menaion of Dragan)	BAN 34.7.6	Vienna th.gr. 136
Sept. 5, Prophet Zacharias			
[ѝ] ѿ прⷪславное оу҃ѣ въ ерелехъ вⷪренъ πλ.δ Ὦ τοῦ παραδόξου θαύματος ἐν ἱερεῦσι πιστός	3^{V} ѡ прⷪвогатꙑ	–	–
и Прⷪі҃ѣствомь юьндонгꙑимь шблⷪкуенъ πλ.δ' Ἱερωσύνης νομικῆς ἐνδεδυμένος	3^{V} тⷪлиже	(6^{r}) no match	(5^{V}) no match
Sept. 6, Miracle of Archangel Michael			
ѐ҃ Идеже wсиаетъ бл҃ть твоꙗ афхаг҃еле πλ.α' Ὅπου ἐπισκιάζει ἡ χάρις σου ἀρχάγγελε	9^{r} тⷪлиже	(47^{V}) no match	(48^{r}) no match
Sept. 20, Martyr Eustathius			
ѧ҃ Воєводъства нижⷪка δ' Τὴν στρατοπεδεαρχίαν τῆς κάτω	28^{r} тⷪлиже	(19^{V}) no match	(19^{r}) no match
Sept. 23, Conception of St. John the Baptist			
ѕ҃ ѿтъ неплодгыхъ ложесн҃ъ πλ.β' Ἐξ ἀκάρπων χωρίων (?)	28^{V} (=F.n.I.72, 16^{V}) тⷪлиже	–	–
Sept. 28, St. Chariton			
[ѧ҃ Б҃гоносне харⷣтоне тⷡы во вл҃рⷣтви си δ' Θεοφόρε χαρίτων σὺ καὶ μετὰ θάνατον	35^{r}(=F.n.I.72, 23^{V}) ибо	(24^{V}) no match	(25^{V}) no match
Sept. 30, St. Gregory of Armenia			
ѕ҃ Къ адⷣ провъзвⷣщаж древнимъ свⷣтолиⷯ πλ.β' Εἰς τὸν ἄδυτον γνόφον τοῦ ἀφθάρτου φωτός	35^{r} тⷪлиже	(24^{V}) no match	(26^{r}) no match
Oct. 1 , Apostle Ananias			
ѧ҃ Съсѫ҃ изⷣбранеⷩ α' Τὸ σκεῦος τῆς ἐκλογῆς	36^{r} тⷪлиже	(25^{r}) no match	(26^{V}) no match
Оучеⷩ҃ѵе с҃пссов иерархо πλ.δ Μαθητὰ τοῦ σωτῆρος ἀρχιεράρχα	36^{r} тⷪлиже	(25^{V}) no match	(27^{r}) no match

Table 2 (cont.)	Zographou I. ε. 9. (Menaion of Dragan)	BAN 34.7.6.	Vienna th.gr. 136
Oct. 14, St. Petka of Tarnovo* (Bulgarian Feast)			
(ѣ́) Надєжде҃х хвоѫ и вѣроѫ	41^{v} (=F.n.I.72,31^{v}) тѣлиѥе	–	–
(ѣ́) Въсплещате нов[и] празнолюбци	42^{r} тѣлиѥее	–	–
Oct. 26, St. Demetrius**			
а҃ Весели сѧ ѡ гр҃и граде солоуиⷭ α' Εὐφραίνου ἐν κυρίῳ πόλις θεσσαλονίκη	48^{V} солоуиⷭ пр҃славнаго ино[пле]менникъ	(37^{r}) no match no match no match	(38^{V}) no match no match no match
ѕ҃ Дн҃ѣ съⷭ҃ываетъ на҃ стр҃пца πλ.β' Σήμερον συγκαλεῖται ἡμάς τοῦ αθλοφόρου	48^{V} ра҃дуи сѧ ра҃дуи сѧ	38^{r-v} радоуи сѧ радоуи сѧ	39^{r} χαιροις χαιροις
Nov. 2, Sts Acindynus and Pegasius			
в҃ Придѣте въⷭ҃радоуеи сѧ гв҃ пами҃ β' Δεῦτε ἀγαλλιασώμεθα τῷ κυρίῳ ἐν τῇ μνήμῃ	52^{r} тѣлиже	44^{r} тѣли	44^{V} διο
Nov. 14, Apostle Philip			
[и҃] Ѡⷭ҃ пр҃славное оученⷣо πλ.δ Ὦ τοῦ παραδόξου θαύματος ἀποστολείς εκ θεοῦ	64^{r} ѡ дѣла	–	–
Nov. 20, Forefeast of the Presentation of the Theotokos		Nov. 21	Nov. 21
ѣ́ Дн҃с въ цр҃кви приводи҃т[ь сѧ] β' Σήμερον τὸ ναῷ προσάγεται	67^{V} (=F.n.I.72, 65^{r}) сеи	55^{V} сеи	55^{V} ταύτη
Nov. 22, St. Mihail Voin (Bulgarian Feast)			
ѕ҃ Придѣте стр҃толюбца	75^{r} тѣлиже	–	–

*(Ivanov 1931:431)

** (Palikarova Verdeil 1953: 229 and plate XXI)

To some degree, these results can again be explained through the diversity of the *stichera* drawn together in Table 2. Neither the *prosomoia* for September 5 and November 14, nor the *idiomela* for the feasts of the Bulgarian saints Petka Tarnovska (October 14) and Mihail Voin (November 22) would normally be included in the twelfth-century Sticheraria. At this point, however, such arguments are of marginal significance, since the main reason for the discrepancies appears to be the twofold Slavic translation of certain Greek hymns. In other words, most of the *stichera* with "no match" indication in the far-right columns of Table 2 have two different Slavic versions – one in the Menaion of Dragan, the other in the Russian Sticherarion. Dissimilarities become evident from the very openings of the chants, for instance:

Menaion of Dragan, fol. 3^{v}	Прѣ҆ꙇ҆ествомь ѕаконныймъ ѡ҆блѣ҃уенъ ѡ҆дежде҆
BAN 34.7.6, fol. 6^{r}	Свѧтительства ѕаконьна обълеуенъ истиною въ ризѫ
Menaion of Dragan, fol. 28^{r}	Воєводъства нижнѣа
BAN 34.7.6, fol. 19^{v}	Воиньство старѣишьньства дольнѧаго

Typically, every comparison with the Greek original shows that the version found in *BAN 34.7.6* presents a rather narrow, literal translation, while the one copied by Dragan comes closer to a free paraphrase.[7] A better view on the described phenomenon is given in Example 1, where the Greek *sticheron* for St. Gregory of Armenia (September 30) *Εἰς τὸν ἄδυτον γνόφον* precedes the two Slavic versions of the same hymn. Before leaving the linguistic inquiry to the specialists, we should note that the Russian chant tradition seems to recognize only the "narrow" translation (Kručinina 2000: 143–5, 151), whereas the "paraphrase" can be traced to liturgical sources of South Slavic background, such as the Menaion *F.n.I. 72* from the Russian National Library in St. Petersburg.[8]

Example 1

Vienna th.gr.136, fol. 26^{r} [9]

ἦχ. πλ. β΄, νενανώ

Εἰς τὸν ἄδυτον γνόφον τοῦ ἀφθάρτου[10] φωτός ·

εἰσδύσας νοητῶς ὁ μάρτυς καὶ ποιμήν ·

[7] Facing a similar case of double translation of the *heirmos* Μήτραν ἀφλέκτος, Miloš Velimirović designated Оутровоу нєѡпалимоу as the "First Slavic version" and Ꙋрѣво бєспала as the "Second Slavic Version" (Velimirović 1966: 4–5). Later, Georgi Popov proved that the "Second version" (Ꙋрѣво бєспала) was in fact part of the Christmas Canon composed by Constantine of Preslav (Popov 1998: 5–6).

[8] (Granstrem 1953: 86) A microfilm copy of this Menaion is accessible at the National Library Sts Cyril and Methodius in Sofia.

[9] The musical notation is omitted; the diacritical marks are added.

[10] ἀφράστου in the modern printed Menaion.

ἐμυήτης τὰ ἀπόρρητα τῶν μυστηρίων χριστοῦ[11]·
ὡς μάρτυς μὲν φωτιζόμενος ·
ὡς ποιμὴν δὲ μυσταγογούμενος ·
διὸ διπλοῦς καὶ τοὺς στεφάνους ·
ἐκ τῆς ἄνω δόξης ἀνεδήσατο ·
πρεσβεύων πάντοτε χριστῷ ·
ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν · +

BAN 34.7.6, fol. 24^{v}–25^{r} [12]

ѳ̄

Въ нєзаходнаи облакъ · нєиздрєчєньнаго свѣта ·
въшьдъ разоумьно · мѫченикъ и пастырь ·
наоучи сѧ нєизглаголанъ таинъ христовъ ·
іако мѫченикъ просвѣщаємъ ·
іако пастырь же таиноводимъ ·
тѣмь и соугоубы вѣнцѧ ·
отъ вышьнѧіа славы пріатъ ·
моля сѧ вьсегда христоу ·
о доушахъ наш(и)х(ъ) ·:-

Zographou I.ε.9, fol. 35^{r}

гл҃а·ѳ̄·самогл҃а·:
Въ а҃дѣ провъзвѣщаж҃ древнииⷨъ свѣтомъ ·
на западѣ разоумно пастѣрь и мⷦкъ ·
таи҃нмъ хⷦво ·
іа҃ко и мⷭченикь просвѣщаємъ ·
іа҃ко пастырь неоу҃сыпаж҃ ·
тѣⷦмⷭ́жⷣе, соугⷣвъ вѣнецъ ѿ вышнѣго ·
бл҃тиⷭ҃ оу҃вⷭзе сѧ ·
мⷭ҃ли хⷭ҃ бⷦ всегⷣда
за дⷦшⷭ нашⷭ ·:

A final observation: the rare *theta* signs inscribed in *F.n.I. 72*[13] have their parallels in the Menaion of Dragan. This fact points to a common melodic practice (no

[11] θεοῦ in the modern printed Menaion.

[12] The musical notation is omitted.

[13] See Table 2: Sept 23, Oct. 14, Nov. 20. The *sticheron* for St. Petka on October 14 Надеждеⷭ҃ хⷭ҃воⷭ҃ has been published in facsimile by Stefan Kožuharov with a special reference to the *theta* sign (Kožuharov 1980: example 11)

matter how simple) connected to the specific version of the *stichera* preserved in these two sources. Future studies will have to determine what it is exactly that we are facing – a trend of alternative translation or a unique layer of hymnography.

REFERENCES

Floros 1970: Floros C., *Universale Neumenkunde,* I–III. Kassel, 1970.

Granstrem 1953: Гранстрэм Э. Е., *Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские.* Ленинград, 1953.

Ivanov 1931: Иванов Й., *Български старини из Македония*. София, 1931 (репринт, 1970).

Jagić 1886: Ягич И.В., *Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г.* С.- Пб., 1886.

Kodov 1973: Петров Ст., Хр. Кодов. *Старобългарски музикални паметници.* София, 1973

Kožuharov 1980: Кожухаров Ст., "Проблеми на Θ-нотацията в среднобългарските ръкописи от 12–13 век." // *Славянска палеография и дипломатика.* София, 1980, 228–246.

Kručinina 2000: Кручинина А.Н., "Святой священномученик Григорий, епископ Великия Армении, в христианской культурной традиции Древней Руси." // *Петербургский музыкальный архив,* Вып. 3. С. Пб., 2000, 141–152.

Palikarova Verdeil 1953: Palikarova Verdeil R., *La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes (du IXe au XIVe siècle)* // Monumenta Musicae Byzantinae, Subsidia, 3. Copenhague, 1953

Popov 1998: Попов Г., "Канон за Рождество Христово от Константин Преславски." // *Palaeobulgarica,* XXII (1998) № 4, 3–26.

Raasted 1962: Raasted J., "A Primitive Palaeobyzantine Musical Notation" // *Classica et Mediaevalia,* 23 (1962), 302–310.

Raasted 1979: Raasted J., "Musical Notation and Quasi Notation in Syro-Melkite Liturgical Manuscripts" // *Cahiers de l'Institut du Moyen Age grec et latin,* 31 A (1979), 11–37; 31 B (1979), 53–77.

Raasted 1995: Raasted J., "Theta Notation and Some Related Notational Types" // *Palaeobyzantine Notations: A Reconsideration of the Source Material.* J. Raasted, Ch. Troelsgård (eds.) Hernen, 1995, 57–62.

Raikov, Kožuharov, Miklas, Kodov 1994: Райков Б., Ст. Кожухаров, Х. Миклас, Хр. Кодов. *Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора*. София, 1994.

Schidlovsky 2000: Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum. N. Schidlovsky (ed.) // Monumenta Musicae Byzantinae, Principale, 12. Huniae, 2000.

SK: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII в.* Ред. С. О. Шмидт, Л. П. Жуковская, Н. Н. Покровский. Москва, 1984.

Velimirović 1966: Velimirović M., "The Influence of the Byzantine Chant on the Music of the Slavic Countries." // *Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Main Papers, IV.* Oxford, 1966 (offprint).

Vostokov 1842: Востоков А. Х., *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума*. С.-Пб., 1842.

Wolfram 1987: Sticherarium Antiquum Vindobonense. G. Wolfram (ed.) // Monumenta Musicae Byzantinae, Principale, 10. 1987.

About the author . . .

Mariana L. Dimitrova, Senior Researcher at the Institute of Art Studies, Bulgarian Academy of Sciences, specializes in Eastern medieval chant and musical notation. She received her M. A. degree in 1982 from St. Petersburg Conservatory of Music (Russia) upon defending her thesis entitled *Offices for Bulgarian Saints in Old Russian Chant Tradition*. Her Ph. D. thesis is on the topic of *The Prokeimena in the Byzantine-Slavic Chant Tradition of the Balkans in the 14th and 15th Centuries* (Institute of Art Studies, Bulgarian Academy of Sciences, 2000).

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4 / 2005-2006

DEBUTS / ДЕБЮТИ

Die byzantinischen Gesetze und ihre slavische Übersetzung im Ersten Bulgarischen Reich

Desislava Naydenova

Die Untersuchung konzentriert sich auf eine Periode der bulgarischen Geschichte – die Zeit von der Annahme des Christentums (864) bis zur Eroberung Ostbulgariens durch den byzantinischen Kaiser Johannes I. Tzimiskes (969–976) im Jahre 971. Dieser Zeitabschnitt bietet die Möglichkeit, die Etappen der Formierung eines neuen Kultur- und Politikmodells in einem neu christianisierten Staat zu verfolgen: die Schaffung eines neuen Staates mit Reichscharakter[1], wie es in fast allen orthodoxen Staaten geschah, die ihre Indentität unter dem Einfluss von Konstantinopel gestalteten. Gleichzeitlich muss es betont werden, dass das im Ersten Bulgarischen Reich neu durchgesetzte staatspolitische und geistige Modell mit der Verbreitung des slavischen Schrifttums zum normbildenden strukturellen Ideenmuster für die Slavia orthodoxa wurde.

Im Lauf der Behandlung, auf Grund des Inhalts der übersetzten Rechtsliteratur in der Periode, möchte ich eineige Bemerkungen machen in wieweit und auf welche Weise sich die byzantinischen ideologischen und geistigen Modelle auf Bulgarien übertragen und dort adaptieren und verändern ließen. Die Motive für die Rezeption waren: 1) Aufnahme des neubekehrten bulgarischen Staates in die Gemeinschaft christlicher Staaten; 2) Schaffung einer neuen Konzeption für das Gemeinwesen (Staat, Volk und Herrscher) auf christlicher Grundlage; 3) Regelung der Beziehung zwischen Staat (Herrscher) und Kirche.

Forschungsgegenstand sind die folgenden Gesetzeswerke: Ѕаконъ соудьнъıи людьмъ (ZSL), Nomokanon in 14 Titeln ohne Kommentare, Ecloga, Prochiron und

[1] Vgl. (Gjuzelev 1981: 178–202; Božilov 1983: 45–47; Božilov 1995: 73–129; Biliarsky 2002: 25–40).

Nomos georgikos. Die Untersuchung setzt zwei Akzente: 1. Entstehung und Quellen der Sammlungen kirchlichen und weltlichen Rechts und 2. Funktion der Rechtstexte.

1. Entstehung und Quellen der Sammlungen kirchlichen und weltlichen Rechts.

Höchstwarscheinlich wurden im Ersten Bulgarischen Reich byzantinischen Kirchenrechtssammlung Nomokanon in 14 Titeln ohne Kommentare[2], Ecloga[3], Prochiron[4] und Nomos georgikos übersetzt[5]. Die sprachliche und textologische Erforschung slavischer Übesetzung byzantinischer Rechtstexte könnte nicht ausführlich die Frage lösen, wie all diese Texte verstanden wurden und ob sie angewendet wurden. Jedenfalls wäre es möglich bei dem Vergleich der textologischen Beziehungen der slavischen Fassungen zu den erhaltenen griechischen Quellen folgenden Beobachtungen zu machen:

---

[2] Die slavische Übersetzung des Nomokanons in 14 Titeln ist in sechs russisch-kirchenslavischen Handschriften des 13.–16. Jh. auf uns gekommen. Die älteste Abschrift, die sogenannte "Efremovskaja kormčaja" stamt aus dem Ende des 11.–12. Jh. Die Entstehung des Archetyps des Altslavischen Nomocanons wird in Preslav auf das Beginn des 10. Jh. angesetzt. (Sobolevskij 1910: 121–122, 127; Obnorskij 1912; Vašica 1959: 1–8; Žužek 1964: 21–22; Ščapov 1978: 40–116; Thomson 1993: 295–354; Maksimovič 1997: 89–94; Burgmann 2005: 54–58). Edition des slavisch-griechischen Paralleltextes: Beneševič 1907. Leider bricht die älteste Handschrift, nach der Beneševič den Text gedruckt hat, wegen Blatterverlust in Novelle 137 von Collectio 93 capitulorum ab. Edition des slavischen Textes von der anderen Texrgruppen, die zum ursprünglichen Bestand des Altslavischen Nomokanons gehören: (Ščapov 1987).

[3] (Žužek 1964: 90; Andreev 1985: 647–648; Ščapov 1993: 93–104; Božilov–Gjuzelev 1999: 179; Thomson 1999: Addenda, s. 48). Edition des griechischen Textes und deutsche Übersetzung: (Burgmann 1983).

[4] Die slavische Übesetzung des Prochiron findet sich im Serbischen Nomokanon, woraus in die Sammlung "Merilo Pravednoe" übernommen wurde. Im Ersten Bulgarischen Reich kam es nur zur Übesetzung von Exzerpta aus den verschiedenen Titeln des Prochiron (Benemanskij 1906: 487–519, 539–540; Ščapov 1977: 48–58; Burgmann 2005: 60). Editionen des griechischen Textes: (Freshfield 1931; Zepos 1932). Edition des slavischen Textes: (Dučič 1884).

[5] Bisher ungeklärter Herkunft ist die slavische Übersetzung des "Nomos Georgikos". Von diesem Gesetz sind drei verschiedene slavische Übersetzungen überliefert. Es taucht erstmals im einer Rechtssammlung "Knigi zakonye", die in russisch-kirchenslavischen Handschriften des 15–18. Jh. aufbewart ist, auf. Edition: (Pavlov 1885). Der Übesetzungsvorgang, die Textgeschichte und die Ableitungsverhältnisse zwischen dem Autograph des Übesetzers und dem von ihm benutzen griechischen Handschriftenexemplar oder Exemplare sind noch

Die byzantinischen Gesetze und ihre slavische Übersetzung im Ersten Bulgarischen Reich

1.1. Die wissenschaftliche Untersuchung zeigt, dass die übersetzten byzantinischen weltlichen Gesetzen nicht außer, sondern immer im Rahmen kirchlicher und weltlicher Rechtssammlungen überliefert wurden. Es ist interesant, dass es nur eine vollständige Übersetzung von Ecloga und Prochiron existiert. Der Altslavischen Nomokanon und die Sammlung "Knigi zakonye" enthälten Auszüge aus der Ecloga und dem Prochiron. In "Knigi zakonye" stehet unter der Überschrift **Ѕакони ѕемледѣлніи ѿ Оустіановы҃ книгъ. ѡ҃ ѕемледѣлцѣ** das vollständige Nomos Georgikos[6]. Die Übesetzung der ganzen Ecloga findet sich in der Sammlung "Merilo Pravednoe"[7]. Das Prochiron gehört zum Bestandteil des Serbischen Nomokanons[8].

1.2. In textologischer Hinsicht stehen die slavischen Fassungen sehr nahe zu ihren griechischen Vorlagen. Bei den slavischen Texten kommen manchmal Unterschiede im Inhalt und in der Anordnung der Artikel vor, da im Laufe der Zeit, der Grundtext mit neuen Texten slavischer Ursprung ergänzt wurde, aber der grössere Teil von kanonistischen und zivilrechtlichen Material, wie auch die sekunderen Anfügungen stammen von derselben griechischen Handschrift ab[9]. Im Altslavischen Nomokanon, im Serbischen Nomokanon sowie in der serbischen Blastares-Übersetzung liegen Textensembles vor, die die Übersetzer allem Anschein nach nicht zusammengesttelt, sondern vorgefunden haben[10]. Diese Tatsache weist, dass die byzantinischen Gesetze bei der Übersetzung den einheimischen bulgarischen Verhältnisse und Traditionen nicht angepasst wurden.

Ein Beispiel dafür ist der Wiederspruch zwischen dem Inhaltsverzeichnis und dem Bestand des Altslavischen Nomokanons. Im Inhaltsverzeichnis stehen unter den Numern 24–31, den griechischen Textzeugen fremde Artikeln. Beneševič vermutet, dass mit Nr. 24 (**Иоустиниана иже въ блаженѣи памати ѿ҃ѧ закономъ. Того же закономъ морьскы҃**), das Nomos Georgikos und Nomos Nautikos und mit Nr. 25 (**Василиа. Костантина. и Лва. Благоуьстивы҃ихъ ѿ҃рь. Законъ**) das Prochiron bezeichnet ist[11]; von ihnen fehlt aber im Altslavischen Nomokanon selbst jede Spur.

---

nicht ausführlich erforscht. Der Text enthält viele phonetische, syntaktische und leksikalische Südslavismen, die über südslavischen Ursprung der Übesetzung sprechen (Sobolevskij 1886: 352–358), die in Bulgarien (Jagič 1886: 151–154) oder im Aton gemacht werden könnte (Thomson 1993: 325–326).

[6] Pavlov 1885: 41–90.

[7] "Merilo Pravednoe" ist in fünf russisch-kirchenslavischen Handschriften. des 14.–16. Jh. auf uns gekommen. Die älteste Abschrift wird Mitte des 14. Jh. datiert. Die Entstehung des Archetyps dieser fünf Handschriften wird Ende des 13. Jh. angesetzt: (Tixomirov 1961).

[8] Sehe (Burgmann 2005: 60–66).

[9] Vgl. (Samodurova 1974: 200–241; Samodurova 1978: 413–440).

[10] Burgmann 2005: 62.

[11] Beneševič 1974: 274–275.

Zlatarski vertritt die Ansicht, dass zu dem ursprünglichen Bestand des Altslavischen Nomokanons auch die Ecloga und ihre Appendix – Nomos Georgikos und Nomos Nautikos gehört habe[12]. Da das Ende der ältesten erchaltenen slavischen Handschrift, die den Altslavischen Nomokanon enthält, fehlt, zweifelt er nicht, dass auf den fehlenden Seiten die Gesetze, deren übliche Bezeichnung sich im Inhaltsverzeichnis des Handschrifts findet, in ihren ganzen Umfang befunden seien. Die vollständige Ecloga, Prochiron, Nomos Georgikos oder Nomos Nautikos finden sich auch in den anderen Abschriften des Altslavischen Nomokanons nicht. Höchstwarscheinlich wurde das Inhaltsverzeihnis aus einer Vorlage kopiert und die slavische Übersetzung wiederspiegelt den Bestand des griechischen Apograf, der vom Übesetzer benutzen wurde[13].

Ein anderes Beispiel dafür, dass slavischen Übesetzer der Textbestand des griechischen Vorlage genau verfolgen, ist der Serbischen Nomokanon. Vor einigen Jahren hat Burgmann eine griechische Handschrift bekannt gemacht, dessen Textbestand sehr nahe zum slavischen Text stehet. Diese Tatsache zeigt, dass der hl. Sava nicht selbst den Serbischen Nomokanon zusammengestelt hat und das Angebot an möglichen griechischen Äquivalenten dort sehr groß ist[14].

1.3. Meiner Meinung nach zeigt die Entstehungsgeschichte der juristischen Sammlungen, dass die übersetzten byzantinischen Gesetze im mittelalterlichen bulgarischen Staat in erster Linie als Literaturdenkmal und erst sekundär als Rechtsdenkmal fungierten[15]. In Bulgarien haben sie nie Fuss gefasst, und für die Entwicklung des heimischen profanen Rechts haben sie keine grosse Bedeutung gehabt. Für die Anwendung und Vorhandensein dieser Rechtsdenkmäler haben wir keine historischen Beweisen. Grundsätzliche Bedeutung hat hier die linguistische Beweisführung[16]. Sie stellen vielmehr einen Beleg für kirchlichen Intentionen dar und sind gleichzeitig ein wichtiges Element im Rahmen der bulgarischen Kultur.

2. Funktion der Rechtstexte.

Vieles wurde über die Rechtsliteratur als Kunstform ausgesprochen Der juristische Schriftsteller will durch Kombinations- und Argumentationsgabe bestehen, durch Eleganz des Ausdruck gefallen, nicht zuletzt auch überzeugen. Das vorzüg-

[12] Zlatarski 1972: 254–257.

[13] Zur Überlieferungsgeschichte der griechischen Nomokanonen sehe: (Stolte 2001: 184–194).

[14] Burgmann 1995: 91–105.

[15] Vgl. (Živov 1988: 46–128).

[16] Cibranska 1998: 196–209.

lichste Mittel dafür ist die Beachtung und Anwendung der Stilgesetze der Rhetorik. Ich möchte insbesondere die ideologische Funktion der Gesetze berüksichtigen[17].

Nach der byzantinischen politischen Ideologie ist die menschliche Ordnung ein Abglanz des kosmischen Gesetzes; da das Weltall göttlich und gotgeordnet ist, muss das Leben auch im Einklang mit dem Weltall göttlich und gottgeordnet sein, und wie im Kosmos das Gesetz herrscht, so müssen Gerechtigkeit und Gesetz auch in den Staaten herrschen und die Besten, die Gerechten müssen regieren. Der Römische Staat ist ein Rechtsstaat, der auf die wahre Gerechtigkeit gegründet ist, wenn das der Gemeinschaft Gehörende gerecht verteilt bzw. Freicheit und väterliches Wohlwollen den Untertanen zuteil werden. Die Gesetze haben eine Erzierische Funktion: ohne Gesetze gibt es folglich keinen Staat[18].

In den Quellen des neuten Jhs. hatte der Begriff "gutes Gesetz" nicht nur den Charakter eines Rechtsterminus, sondern auch im Sinne des Glaubens die Bedeutung Gerechtigkeit Gottes, womit die offenbarte Wahrheit bzw. Gerechtigkeit, die heilige Schrift, gemeint war. In der Vita Constantini steht, dass aus Byzanz "in alle Länder immer nur gute Gesetze kommen"[19]. In Auch in der Italienischen Legende ist die Rede von "einem guten Gesetz"[20]. Nach den Responsa des Papstes Nicolaus (858–867) bat der bulgarische Fürst Boris (854–889) die päpstliche Kurie um "ein christliches Gesetz"[21]. Ich bin nicht der Ansicht, dass mit den biblischen Worten "ein christliches Gesetz" ein Gesetzbuch gemeint ist. Ähnlich werden die Worte "bonam legem" im 13. Kapitel der Responsa Nicolai papae angewandt.[22]. In ähnlichem Sinn wird im 1. Kapitel der Responsa auch der Ausdruck "lex Christiana", "lex Christianorum" gebraucht. Hier ist die Definition dieses Begriffes deutlich ausgedrückt – "Quis in fide et bonis operibus lex Christianorum substit"[23]. "Lex Christiana", "lex christianorum" bedeutet also: den christlichen Glauben bewären und gute Taten verrichten, nicht ein Gesetz im juristischen Sinne. Wenn demgegenüber im 13. Kapitel der Responsa davon die Rede ist, dass der bulgarische Fürst die päpstliche Kurie um irdische Gesetze bitte, so wird dies sehr prägnant mit dem Terminus "leges mundanae" ausgedrückt[24].

---

[17] Pieler 1978: 343–480; Voss 1982.

[18] Vgl. (Pieler 1981: 213–231; 51–79; Dagron 1994: 27–51; Dagron 2003: 16–19).

[19] (Angelov-Kodov 1973: 104). Vašica setze voraus, dass es mit dem "guten Gesetz", das sich nach Vita Constantini aus Byzanz in anderen Ländern verbreitete, die Ecloga gemeint war (Vašica 1951: 167).

[20] Translatio s. Clementis = LIBI 2: 294–302.

[21] Nicolaus I papa. Responsa ad consulta Bulgarorum, cap. 1 = LIBI 2: 65.

[22] Nicolaus I papa. Responsa ad consulta Bulgarorum, cap. 13 = LIBI 2: 77.

[23] Nicolaus I papa. Responsa ad consulta Bulgarorum, cap. 1 = LIBI 2: 65.

[24] Nicolaus I papa. Responsa ad consulta Bulgarorum, cap. 13 = LIBI 2: 77.

Die Idee von der Verbundung zwischen "Gesetz" und christlichen Prinzipien spiegelt sich in den historischen Quellen wider, die über den Aufruhr der bulgarischen Bojaren gegen die Bekehrung (865) Auskunft geben. Dieser Aufruhr ist aber keine Rebellion, sondern Reaktion auf eine Verletzung von Ehre, Würde, und altem Recht. Fürst Boris wurde vorgeworfen, er habe ein "schlechtes Gesetz" erlassen und die Vaterehre verraten[25]. In diesem Sinne bedeutet der Konflikt nicht Fehlen staatlicher Ordnung, sondern er wird zum Teil einer solchen Ordnung und zu alltäglicher Erfahrung[26]. Hier ist daran zu erinnern, dass das mittelalterliche Konzept von Volk nichts mit der modernen Idee von Nation und nationaler Indentität zu tun hat[27]. Im Mittelalter ist die Indentität religiös–konfesionell. Durch die Bekehrung wird der bulgarische Staat ein Staat von Christen, wobei man hier einen Wiederhall des Identitätswechsels, die Idee zur Formierung einer neuen Gemeinschaft des Gottesvolkes, erkennen kann. Die gesellschaftliche Abgrenzung zwischen den wahren Christen, die nach dem Gesetz leben, und den falschen (Häretikern), die ihr Dasein nicht nach dem Gesetz führen, klingt in der Predigt des Presbyters Kozma (X. Jh.) gegen die Bogomilen an[28].

Der Staat existiert also nur unter der Herrschaft eines gerechten Basileus, der gottähnlich ist und in dessen Wahl der göttliche Wille zum Ausdruck kommt. Gewiß ist der Kaiser in seiner Eigenschaft als Gesetzgeber Herr des Rechtes, er steht über den Gesetzen und ist durch diese nicht gebunden, in dem Sinne, dass er Befugnis hat, bestehende Gesetze aufzuheben oder zu ändern, neue einzuführen, ihre Härten und Unerbittlichkeiten zu mildern, neues Recht zu schaffen. Er ist beauftragt, die Heftigkeit der Wirkung der Gesetzesbestimmungen zu mildern, indem er mit Einsicht und Barmerzigkeit über die menschlichen Gesetze urteilt. Gleichzeitig ist er aber auch den Gesetzen unterworfen und zwar so, dass die Befugnis des Kaisers keine nach Willkür ausgeübte Macht ist, sondern eine Befugnis zur Erlangung von Gerechtigkeit. In diesem Sinne erweist sich die gerechte Herrschaft des guten Kaisers, da das gesetzlich Gebührende und Richtige von ihm abgeleitet wird, als oberstes Prinzip, welches das objektive Recht umfaßt[29].

---

[25] Nicolaus I papa. Responsa ad consulta Bulgarorum, cap. 17 = LIBI 2: 81.

[26] Zu den Konflikten im Mittelalter als Thema in der modernen Mediävistik sehe zuletzt ausführlich (Goetz 1999: 193–212).

[27] Vgl. (Smith 1995: 21–46).

[28] (Dujčev 1940: 103–117). Das Thema vom Gesetz als Symbol der zivilisierten Gemeinschaft als eine Antithese der Barbaren wurde von den frühbyzantinischen Autoren sehr heufig benutzt. Vgl. (Panova 2001: 113–118).

[29] Simon 1994: 1–25; Hunger 2000: 89–149; Karamboula 2000: 5–50.

Das Thema Kaiser, Gesetz und Gerechtigkeit erhält eine fundamentale Stellung. Die Frage nach dem Wesen der Gerechtigkeit und ihrem Verwirklichung in der Gesetzgebung gehört zu den ältesten Problemen einer zivilisierten Gemeinschaft. Bei den Griechen galt die Gerechtigkeit seit Platon und Isokrates als eine der ersten Herrschertugenden, die fortan in den Kaiserreden und in den Prooimien der Urkunden und Gesetzessammlungen aufschien. Ausführlicher wird der ganze Fragenkomplex von Gesetz und Gerichtigkeit in allen Fürstenspiegeln ausgebreitet[30]. Die konstitutive Rolle des byzantinischen Kaiser in der Gesetzgebung und im Rechtsleben des Reiches überhaupt fand natürlich in der Herausbildung der Ideologie der staatlichen Gewalt und vor allem in der Propaganda des Kaiserideals ihren Ausdruck.

Das Konzept von der Gerechtigkeit als einer der wichtigsten Herrschertugenden wird in Bulgarien durch die Übersetzung des Fürstenspiegels vom Diakon Agapitos für den Kaiser Iustinian I. (527–565) bekannt und ausführlich erklärt[31]. Im Werk von Johannes dem Exarchen Schestodnev[32] ist der Kaiser dargestellt als ein Gottes Geboten geweihter Gottliebender, der seine Untertanen zur Gottesweisheit führt. Der Kaiser muss den Menschen Gerechtigkeit, Respekt vor den Gesetzen und Gottesnachahmung in Werken beibringen. In der anonymen Homilie der Clozianus Sammlung[33], einer eigentümlichen Belehrung an einen Herrscher, ist als schlechter Kaiser jener Regierende vorgestellt, der Willkür zulässt, seinen Untertanen gegenüber keine Gerechtigkeit walten lässt und sie nicht nach Gottes Gesetz lehrt. Der Glaube fordert vom Kaiser, ein barmherziger und gerechter Richter zu sein. Er muss sich um die Kirche und die Klöster kümmern und seine Untertanen unter den Schutz Gottes stellen. Also ist ein Herrscher legitim, wenn er das Gesetz Gottes befolgt. Erstens betrifft das die Warnung vor falschem Zeugnis, d. h. vor Anklagen, für die keine Zeugen beigebracht werden, sodann den Aufruf zur Unparteilichkeit auch in

[30] Vgl. (Čičurov 1985: 33–45; Hunger 2000: 146–147).

[31] Nikolov 2000: 76–105.

[32] Edition (Aitzetmüller 1958–1975).

[33] Diese homiletische Schrift wird als ein originales altkirchenslavisches Werk betrachtet, weil dafür keine griechische Vorlage gefunden ist. Die meisten Forscher sind der Auffassung, dass die an die Fürsten-Richter adressierte Homilie ein Werk von dem hl. Methodius ist. Zu den zahlreichen Aussagen und Literatur sehe (Smjadovsky 1985: 80–82). Die Behauptung vom bulgarischen Ursprung dieser Homilie stütz sich auf historische Angaben. Es fallen insbesondere die zwei Hauptstützen dieser These ein: die Verbindung zwischen der Homilie und dem heidenischen Aufruhr beim bulgarischen Fürst Vladimir Rasate (889–893) (Dobrev 1985: 148; Božilov-Gjuzelev 1999: 222–223), sowie die Auffassung, dass in Bulgarien noch ein Text mit änlichen Funktion übersetzt wurde – der Fürstenspiegel des Diakons Agapitos (Nikolov 1999: 74–88). Für das untersuchte Thema ist von Bedeutung der allgemeinen Gedankenkontext der Homilie und des ZSL (vgl. Zàstěrová 1978: 361–385; Papastathis 1987: 272–273).

dem Falle, wenn es sich um Menschen handelt, die den Richtern nahe stehen, oder um ihre Verwandten. Darüber hinaus betont der Autor der Homilie die Pflicht der Fürsten, die Untertanen das heilige Gesetz zu lehren. Ein weiteres Problem stellt die unzulässige Eheschließung dar. Es handelt sich hier um die Ehen zwischen Partnern, die durch Patenschaft bei der Taufe geistlich verwandt geworden sind, weiter um die Verletzung der Monogamie und um die Pflicht des Mannes, bei der ersten Frau zu bleiben[34]. Das waren im damaligen Leben der slavischen Gesellschaft zweifellos sehr aktuelle Probleme.

Es ist charakteristisch, dass alle in der Adhortation gebrandmarkten strafbaren Handlungen auch im Gesetzbuch ZSL[35] behandelt werden. Dieses erste slavische Rechtsdenkmal ist im wesentlichen eine mäßig abgewandelte Übersetzung des 17. Kapitels der byzantischen Ecloga. Das ZSL weist in Bezug auf Form und Inhalt beträchtliche Unzulänglichkeiten im Verhältnis zu seiner Vorlage auf, enthält auch Inkonsequenzen hinsihtlich der umgestaltenen Stellen und vorgenommenen Ergänzungen, der ethaltene Text unterscheidet sich offenkundig nicht wesentlich von der Urfassung. Die Analyse dieses Gesetzbuches zeigte zugleich, dass die Abweichungen des slavischen Textes im Vergleich zur griechischen Vorlage, die Nachträge und der starke Einfluss der westlichen Gesetztgebung davon zeugen, dass ZSL in seiner ursprünglichen Gestalt den neuchristianisierten Staat angepasst worden ist. Der 1. Artikel des Gesetzes beinhaltet die Strafen für heidenische Opfer und Schwüre. Jedes Dorf, in welchem heidnische Opferfeste und Beschwörungen vorgenommen werden, soll mit seinem ganzen Vermögen dem Gottesetempel überlassen werden. Und wenn es Herrschaften in diesem Dorfe gibt, die derartige Opferhandlungen und Beschwörungen tun, so sollen sie samt ihrem ganzen Vermögen verkauft werden, und der Erlös daraus soll den Armen abgegeben werden[36]. Diese erste Bestimung ZSL, die in sich eine strenge, ja fast grausige Anordnung gegen die Heiden aufgenommen hat, ist der isaurischen Ecloga fremd. In der 2. Artikel handelt sich um die Pflicht des Fürsten-Richters, keine Anzeige ohne Zeugen anzunehmen. In jedem Streit, Anschuldigung und Denunziation dürfen nicht der Fürst und die Richter ohne

[34] MMFH 1971: 199–203.

[35] Die Frage nach der Herkunft des ZSL wartet noch Heutzutage auf ihre endgültige Lösung (zu den verschiedenen Hypothesen, den umfangreichen Forschungen und der Textüberlieferung sehe (Maksimovič 2004: 7–25, 57–85). Über den großmährischen oder bulgarischen Ursprung des ZSL verfügen wir auf keinen direkten historischen Beweis. Sein Autor läst sich nicht genau bestimmen. Der kirchliche Charakter seines Ideenprogramms, die Einstellung der aus der Ecloga übernommenen Artikel zusammen mit der Milderung der von ihr vorgeschreibenen Strafen, sowie die Einfürung der Buße als Ausfluß der kirchlichen Administration beweisen nur seine Entstehung im kirchlichen Milieu.

[36] MMFH 1971: 178.

viel Zeugen hören, sondern sagen sollen sie zu den Streitenden, Anklägern und Klätschern, dass wenn sie keine Zeugen herbeischaffen, wie es auch das Gottesgesetz befiehlt, so gewärtigen sie dieselbe Strafe zu bekommen, die sie für ihre Gegner fordern[37]. Dieser Artikel gab als eine Quelle die Regeln Basileus des Großen. Der Artikel 7a, der Vorschriften für die Gerichtsverchandlungen enthält, betont die Notwendigkeit einer sorgfältigen und geduldigen gerichtlichen Untersuchung, das Prinzip der Unparteilichkeit und die Vorschriften für die Zeugen. Bei jedem Streit müssen der Fürst und der Richter mit aller Aufmerksamkeit und Geduld Ausfrage halten und dürfen ohne Zeugen gegen keinen erkennen, sondern müssen rechtschaffene, gottesfürchtige und angesehene Zeugen fordern, die weder einen Hader mit demjenigen, in dessen Angelegenheit sie zeugen sollen, haben, noch eine Hinterlist oder irgendwelche Abscheulichkeit gegen ihn im Schilde führen, oder eine Klage wieder ihn haben oder sich im Streite mit ihm befinden, sondern sich bei ihrem Aussagen lediglich von Furcht vor Gott und dessen Rechte leiten. Und die Zahl der Zeugen soll elf und auch noch mehr sein, in kleinen Streitigkeiten jedoch sieben bis mindestens drei. Der Richter hat das Recht, die Zeugen, wenn sie über jemand aussagen, darauf Aufmerksam zu machen, dass wenn sie sich eines Tages als Lügner herausstellen, auf sie entweder Fluch oder Verkauf oder dieselbe Strafe steht. Man darf in keinem Streit Zeugen zulassen, die jemals des Lügens und Übertretung des Gottesgesetzes überfürt worden sind, oder die eine tierische Lebensweise haben, oder solche, die, weil sie nichts Sicheres wissen, sich dem Eide entziehen[38].

Die Analyse des Inhalts des ZSL zeigt, dass dieses Gesetzbuch sich vor allem auf die Gebiete des persönlichen und gesellschaftlichen Lebens orientiert, wo sich die christlichen Normen der Moral und des Handelns grundsätzlich von den Heidnischen unterschieden. Es gibt keine Sanktionen gegen Delikte wie die Verschwörung gegen den Herrscher, der Mord, der Diebstahl und der Raub, aber eine ganze Reiche von Artikeln des ZSL behandelt verschiedene Verstöße gegen das Ehegesetz. Bei den Sanktionen sind allerdings die Körperstrafen weitgehend durch Kirchenbußen ersetz, aber für die Delikte gegen den christlichen Moral sind sie erhaltet[39]. Die Abweichungen der Text des 16. Artikels von der Ecloga hatten zum Ziel die Durchsetzung des Autorität der Kirche[40]. In Bezug auf die Strafbemessung für denjenigen, der es versucht, den Flüchtling aus der Kirche zu entfernen, weich dieser Artikel des ZSL von der Ecloga ab: nach ZSL "wer es auch sein mag, soll 140 Wunden bekom-

[37] MMFH 1971: 178–179.

[38] MMFH 1971: 184.

[39] Sehe z. B. die Artikel 6., 7. und 11., wo die Strafe ist Abschneidung der Nase (MMFH 1971: 182–183, 186).

[40] Biliarsky 2003: 13–32.

men", Ecloga ist milder: 12 wunden erachtet sie als eine angemessene Sühne für diese Freveltat[41].

***

Mit der Annahme des Christentums wird der bulgarische Staat Teil von dem nach D. Obolensky sogenannten Byzantine Commonwelth. Dies legt die Orientierung für die geistige Entfaltung bei der Übernahme der fremden Erfahrung fest. Die Bindung an die byzantinische Kultur führt zur unmittelbaren Annahme von schon entwickelten und bestimmten Konzepten von Staat, Volk und Herrscher, die, übertragen auf bulgarische Verhältnisse, einen ganz anderen Inhalt bekommen. Auf diese Weise erlangen sie eine neue Bedeutung und fördern die Schaffung neuer Kulturmodelle im Rahmen der Slavia orthodoxa.

BIBLIOGRAPHIE:

Aitzetmüller 1958–1975: Aitzetmüller R., Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. I–VII. Graz, 1958–1975.

Andreev 1985: Андреев М., Еклога. // КМЕ. Т. I. С., 1985.

Angelov-Kodov 1973: Климент Охридски. *Събрани съчинения*. Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий. Подг. за печат Б. Ст. Ангелов, Хр. Кодов. С., 1973.

Benemanskij 1906: Бенеманский М. И., *Ὁ Πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве.* Вып. I. Сергиев Посад, 1906.

Beneševič 1907: Древнеславянская кормчия XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Т. I. СПб, 1907.

Beneševič 1974: Бенешевич В. Н., *Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г.* К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905 (= Subsidia Byzantina. Lucis opera litetrata. Vol. II *a*. Leipzig, 1974.

Biljarsky 2002: Билярски Ив., "Средновековна България: царство и народ." // *ΠΟΛΥΧΡΟΝΙΑ. Сборник в чест на проф. Иван Божилов*. С., 2002, 25–40.

Biliarsky 2003: Biliarsky I., "La responsabilité liée au droit d'asile dans la plus ancienne loi slave." // *Responsabilité et Antiquité*. Vol. 2 (= Méditerranées, 36), 2003, 13–32.

Božilov 1983: Божилов Ив., *Цар Симеон Велики (893–927). Златният век на Средновековна България*. С., 1983, 45–47.

[41] MMFH 1971: 188.

Božilov 1995: Божилов Ив., "От варварската държава до царството." // *Седем етюда по Средновековна история*. С., 1995, 73–129.

Božilov-Gjuzelev 1999: Божилов Ив., В. Гюзелев. *История на България.* Т. I. История на средновековна България. VII–XIV в. С., 1999.

Burgmann 1983: Ecloga. Das Geserzbuch Leons III und Konstantinos' V. Hrsg. von L. Burgmann (= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, Bd. 10), Frankfurt a. Main, 1983.

Burgmann 1995: Burgmann L., "Der Codex Vaticanus Graecus 1167 und der serbische Nomokanon." // ЗбРВИ, XXXIV, 1995, 91–105.

Burgmann 2005: Burgmann, L. "Mittelalterliche Übersetzungen byzanrinischer Rechtsliteratur." // *Antike Rechtsgeschichte. Einheit und Vielfalt*. Hrsg. von G. Thür. Wien, 2005, 43–66.

Cibranska 1998: Cibranska M., "Le Ѕаконъ соудныı людьмъ. Du point de vue de la lexicologie et de la lexicographie historique." // EB, 34, 1998, № 3–4, 196–209.

Čičurov 1985: Čičurov I., "Gezetz und Gerichtigkeit in den byzantinischen Fürstenspiegeln des 6.–9. Jahunderts." // *Culpido legum.* Hersg. von L. Burgmann, M. Fögen, A. Schmink. Frankfurt a. Main, 1985, 33–45.

Dagron 1994: Dagron G., "Lawful Society and Legitimate Power: Ἔννομος πολιτεία, ἔννομος ἀρχή." // *Law and Society in Byzantium: Ninth – Twelfth centuries.* A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994, 27–51.

Dagron 2003: Dagron G., *Emperor and the Priest. The Imperial Office in Byzantium*. Cambridge, 2003.

Dobrev 1985: Добрев Ив., "Кирило-Методиевите ученици през първите години след пристигането им в България (886–893)." // *Изследвания по кирилометодиевистика*, 1985, 129–160.

Dučič 1884: Крмчија Морачка. Опис рукописа. Фотијеви предговори. Градски закон. Описао и издао Н. Дучић. // Гл СУД, отд. 2, 1877, књ 8; Н. Милаш. *Крмчија Савинска*. Задар, 1884.

Dujčev 1940: Дуйчев Ив., *Из старата българска книжнина.* Т. I. С., 1940.

Freshfield 1931: Freshfield E. H., *A Provincial Manual of Later Roman Law. The Calabrian Procheiron*. Cambridge, 1931.

Gjuzelev 1981: Гюзелев В., "Българската средновековна държава (VII–XIV в.)." // ИПр, 1981, № 3–4, 178–202.

Goetz 1999: Goetz H., *Moderne Mediävistik. Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung*. Darmstadt, 1999.

Hunger 2000: Хунгер Х., *Империя на ново средище. Християнският дух на византийската култура*. С., 2000.

Jagič 1886: Ягич, В. "Книги законные" содержащие в себе в древне-русском переводе византийские законы земедельческие, уголовные, брачные и

судебные. Издал вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. С. Павлов. СПб., 1885. (Рецензия) // Archiv für slavische Phiologie, 9, 1886, 151–154.

Karamboula 2000: Karamboula D., "Der Byzantinische Kaiser als Politiker, Philosopher und Gesetzgeber (Politikos – Philosophos – Nomothetes)." // JÖB, 50, 2000, 5–50.

LIBI 2: Латински извори за българската история. Т. II. С., 1960.

Maksimovič 1997: Максимович К. А., "Глоссы и интерполации в Ефремовской кормчей XII в." // Вопросы языкознания, 1997, 3, 89–94.

Maksimovič 2004: Максимович, К. А. **Ѕаконъ соудьнъıи людьмъ.** *Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника.* Москва, 2004.

MMFH 1971: Magnae Moraviae Fontes Historici. T. IV. Brno, 1971.

Nicol 1991: Nicol D., *Byzantine Political Thought.* – The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 – c. 1450. Cambridge, 1991, 51–79.

Nikolov 1999: Николов А., "Към въпроса за разпространението на някои византийски "княжески огледала" в старобългарската литература (края на IX–X век)." // *Средновековните Балкани. Политика, религия, култура.* Доклади от научна конференция. 18–19 юни 1998 г. София, Институт по балканистика при БАН. С., 1999, 74–88.

Nikolov 2000: Николов А., "Старобългарският превод на "Изложение на поучителни глави към император Юстиниан" от дякон Агапит и развитието на идеята за достойнството на българския владетел в края на IX – началото на X век." // Palaeobulgarica, XXIV, 2000, № 3, 76–105.

Obnorskij 1912: Обнорский С. П., "О языке Ефремовской кормчей XII века." // Исследования по русскому языку. Т. III. Вып. 1, СПб., 1912.

Panova 2001: Панова Р., "Границата между варварството и цивилизацията (За метаезика на културните понятия по време на Първата българската държава)." // ИПр, 2001, № 5–6, 113–118.

Papastathis 1987: Papastathis Ch., "The Procedural Principles of Methodius' Anonymous Homily." // KMC, 4, 1987, 272–273.

Pavlov 1885: "Книги законные" содержащие в себе в древне-русском переводе византийские законы земедельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. С. Павлов. СПб., 1885.

Pieler 1978: Pieler P. E., "Byzantinische Rechtsliteratur." // Hunger H., *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner.* Bd. II. München, 1978, 343–480.

Pieler 1981: Pieler P. E., "Verfassung und Rechtsgrundlagen des byzantinischen Staates." // JÖB, 1981, 1, 213–231.

Samodurova 1974: Самодурова З. Г., "Греческие рукописные сборники, содержащие малые византийские хроники, и их класификация." // *Проблемы палеографии и кодикологии СССР*. Москва, 1974, 200–241.

Samodurova 1978: Самодурова З. Г., Греческие и древнерусские энциклопедические сборники X–XVII вв." // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jh.* Praha, 1978, 413–440.

Ščapov 1977: Щапов Я. Н., "Прохирон в восточнославянской письменности."// ВВ, 38, 1977, 48–58.

Ščapov 1978: Щапов Я. Н., *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси.* М., 1978, 45–48, 255–261.

Ščapov 1987: Древнеславянская Кормчия XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Т. 2. Под общим руководством Я. Н. Щапова. С., 1987.

Ščapov 1993: Щапов Я. Н., "Эклога законов в русской письменной традиции." // ВВ, 54, 1993, 93–104.

Simon 1994: Simon D., "Legislation as Both a World Order and a Legal Order." // *Law and Society in Byzantium: Ninth – Twelfth centuries.* A. Laiou , D. Simon (eds.). Washington, 1994, 1–25.

Smith 1995: Smith A., "National Identities: Modern and Medieval?" // *Concepts of National Identity in the Middle Ages*. Leeds Texts and Monographs. New Series, 14, 1995, 21–46.

Smjadovsky 1985: Смядовски С.,"Анонимната хомилия в Клоцовия сборник."// КМЕ, т. I, 1985, 80–82.

Sobolevskij 1886: Соболевский А. И., "Книги законные" содержащие в себе в древне-русском переводе византийские законы земедельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. С. Павлов. СПб., 1885. (Рецензия). // ЖМНП, Ч. 253, 1886, 352–358.

Sobolevskij 1910: Соболевский А. И., *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии.* СПб., 1910.

Stolte 2001: Stolte B., "In Search of the Origins of the Nomocanon of the Fourteen Titles." // *Byzantine Law.* Proceedings of the International Symposium of Jurists. Thessaloniki, 10–13. December 1998. Ch. Papastathis (ed.). Thessaloniki, 2001, 184–194.

Thomson 1993: Thomson, F. "Made in Russia. A Survey of the Translations allegedly made in Kievan Russia." // *Millenium Russiae Christianae. Tausend Jahre christliches Rußland 988–1988.* Vorträge des Symposiums anläslich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. Bis 9. Juli 1988 (= Schriften des Komitees der Bundesrepubik Deutschland zur Förderung der slawischen Studien. Bd. 16.). Hersg. von G. Birkfellner. Köln, Weimar, Wien, 1993, 295–354.

Thomson 1999: Thomson F., *The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia.* VR. Aschgate, 1999.

Tixomirov 1961: Мерило праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М. Н. Тихомирова. Москва, 1961.

Vašica 1951: Vašica J., "Origine cyrillo–méthodienne du plus ancien code slave dit 'Zakon Sudnyi Ljudem'."// BSl, 12, 1951, 154–174.

Vašica 1959: Vašica J., "Collectio 87 (93) capitulorum dans les Nomocanons slaves." // BSl, 20, 1959, 1–8.

Voss 1982: Voss W., *Recht und Rhetorik in den Kaisergesetze der Spätantike. Eine Untersuchung zum nachklassischen Kauf-und Übereignungsrecht.* Frankfurt a. Main, 1982. (= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Bd. 9).

Zàstěrová 1978: Zàstěrová B., "Über zwei Grossmährische Rechtsdenkmäler. Byzantinischen Urschprungs." // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jh.* Praha, 1978, 361–385.

Zepos 1932: Jus graeco-romanum. Ed. P. Zepos. Vol. II. Athenes, 1932.

Živov 1988: Живов В. М., "История русского права как лингво-семиотическая проблема." // *Semiotics and the History of Culture.* In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian. Columbus, Ohio, 1988 (= UCLA Slavic Studies. Vol. 17), 46–128.

Zlatarski 1972: Златарски, В. "Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия." // ЛБАН, 1, 1914, 79–116 (= Златарски В., *Избрани произведения.* Т. I. С., 1972, 230–266).

Žužek 1964: Žužek I., *Kormčaja Kniga. Studies in the chief Code of Russian Canon Law.* Roma, 1964.

Der Author dieses Artikels. . .

Desislava Naydenova stidiert vom 1993 bis 1998 in "Hl. Kliment Oxridski" Univesität, Sofia, die Geschichte, *Fachausbildung* Geschichte des Mittelalters, *Bildungsqualifizierungsstufe* Magister, Vom Januar 2002 ordentliche Doktorandin im Kirillo-Methodianischen Forschungszentrum der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften, *Thema der Doktorarbeit* Übersetzte byzantinische Gesetze im Ersten Bulgarischen Reich.

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4/2005-2006

The Infinitive in *The Life of Saint Anthony*

Aneta Dimitrova

The usage of the infinitive (like that of the participle) has been of great interest for the study of Old Bulgarian (Old Church Slavonic) syntax.[1] This is due mainly to the borderline nature of these forms, because they have nominal as well as verbal morphological features and their syntactic relations with the other parts of the sentence are various and often ambiguous. The interest in the use of the infinitive is due also to the fact that most of the earliest Old Bulgarian texts are translated texts. The language of the original – Hellenistic and early Byzantine Greek – has a highly developed system of infinitives and participles, which alternates with synonymous patterns and subordinate clauses. The language of the translation has a similar structure, but there are some differences (for example, the incapability of the Old Bulgarian infinitive to be substantivized). which makes it a very fruitful material for investigation in regard to the techniques of translation and the dependence of the Old Bulgarian literary language on the Greek originals. Most of the works concerning this matter are focused on the texts in the oldest manuscripts (i. e. the translations of the Gospels and the Psalter and the lives and homilies in the Codex Suprasliensis). These works provide the paradigm for the investigations of texts that probably originate from the same period but have been preserved only in later copies.

The traditional investigations of Old Bulgarian syntax prefer to classify the types of usage of the infinitive mostly according to its role in the sentence. Thus they refer to the infinitive as a member or as a part of a member of the sentence (Pacnerová 1964), as subject or object infinitive (Minčeva 1987:107), or *infinitivus subiecti* and *infinitivus obiecti* (Milev 1962:75). These classifications conform to the purposes of the cited works, e.g. analysis of the alternation of infinitive and *da*-clauses, which is closely related to the methods of translation of the Greek final clauses (Minčeva 1987, Minčeva 1985), or analysis of the translation of the Greek substantival infini-

[1] On various aspects of the use of the infinitive form see, for example, (Kurz 1937; Kurz 1972*a*; Pacnerová 1964; Haderka 1964; Mrazek 1963; Minčeva 1987: 74–138; Minčeva 1985; Mirčev 1937; Mirčev 1973; Milev 1962).

tives, wherefore many types of infinitive usage remain outside the author's view (Milev 1962), or a survey of the infinitival constructions with an expressed subject, where *dativus cum infinitivo* is the main object of study (Haderka 1964, Mrazek 1963).

This paper focuses on the syntax of the infinitive in the Old Bulgarian translation of *The Life of St. Anthony* (*Vita Antonii*), written by St. Athanasios the Great, Archbishop of Alexandria.[2] It analyzes the usage of this form in the Old Bulgarian text as a whole, therefore the classification I put forward is based on the language of this translation and concerns the investigated text alone. The purpose of this classification is to present the syntactical and structural features of the infinitive form, and these are illustrated by analyzing the examples, comparing them with the Greek text and giving a glance at the alternative means of expression. The various types of infinitive usage in *Vita Antonii* function as part of the general syntax of the Old Church Slavonic infinitive, and this is brought into relief by drawing attention to the use of similar infinitival constructions in Old Bulgarian literary monuments.

The classification of the infinitive types in the translation of *Vita Antonii* is based on several semantic and syntactic oppositions. First is the opposition between *independent* and *dependent* infinitive. Within the dependent infinitive, which comprises most of the cases, arises the opposition *declarative – dynamic* (or final, prospective, see Jannaris 1897: 569) infinitive. The group of the dependent dynamic infinitive is the most varied, so the types of use are classified according to the *governing expression*, which determines the function of the infinitive. Within the dependent infinitives we distinguish also between infinitives of the *same subject* (by means of governing expression) and infinitives of *different subjects*:

I. Dependent:

A. Dynamic (same-subject and different-subject infinitive) – according to the governing expression;

B. Declarative (same-subject and different-subject infinitive);

II. Independent:

1. As a subject or a predicative;
2. As a predicate in the main clause.

---

[2] The *Vita* is written in the 4th century and it is one of the earliest translated hagiographic texts in Old Bulgarian literature. The translation is made in Preslav by John Prezviter as early as the 10th century. For the purposes of this paper I use the edition of the oldest preserved copy of the Old Bulgarian translation **Xlud.195**, Serbian, 14th c. (Kostova 2000), and the critical edition of the Greek text (Bartelink 1994: 124–377). On the manuscript tradition of this translation and its relations with the Greek manuscript tradition see (Vitić-Nedeljković 1999, Helland 2004).

The infinitive is independent when it functions as a subject or as a predicate. Otherwise the infinitive depends on a governing verb or expression. From a syntactic point of view in these cases it functions as a member of the sentence.

There are many similarities between the usage of the infinitive in the Old Bulgarian translation and that in the Greek original. In the greatest part of the cases there is a complete conformity between them because of the general characteristics of the infinitive.[3] For example, the use of infinitive with phase and modal verbs is common for both languages in general, not only for the text in question. Differences could be observed in the use of declarative infinitive, where the examples of inconformity between the translation and the original are numerous, as well as in the cases where modal verbs serve as future auxiliaries in Old Church Slavonic. Yet, these differences do not concern the structure of the two languages –it should be borne in mind that in post-classical Greek periphrastic constructions become more and more common, and instances of periphrastic future tense (e. g. with μέλλω) can be found even in such an educated atticist author like St. Athanasios of Alexandria. On the basis of this structural resemblance I use some of the terminology, which has acquired currency mainly in regard to the classical Old Greek and the Greek language as a whole (for example, the term *declarative infinitive* see Jannaris 1897: 485, 568–574; Kurzová 1968: 55–68).[4] The most considerable differences between the Greek and the Slavonic infinitive concern its ability to be substantivized. In the Old Bulgarian translation of the *Vita* there are no examples of prepositional substantival infinitival constructions, and in the few examples where such a construction is rendered through an infinitive, it has no clear case indication, such as the article in Greek. Hence the traditional classification of the Greek infinitive is inapplicable to Old Bulgarian, all the more that this construction is considerably influenced by the source language.

---

[3] On the underlying features of the infinitive see, for example, the comparative works of (Disterheft 1981; Marvan 1960; Sommer 1925), and particularly on the Greek infinitive see (Schwyzer 1966; Kurzová 1968; Kurzová 1966*a*; Kurzová 1966*b*; Kurzová 1967; Rijksbaron 1984), in diachronic terms – (Jannaris 1897), on the New Testament Greek – (Blass-Debrunner 1961: 236–255).

[4] The use of this term is justified also by Večerka (Večerka 1961: 60), who mentions the *declarative clauses* as an alternative pattern for the construction *accusativus cum participio* exactly with verbs of speech and thought.

I. Dependent infinitive

A. Dynamic infinitive

The present classification of the types of dynamic infinitive in *Vita Antonii* is based on the function of the infinitive as a member of the sentence – this function is defined by the governing expression. According to it there are several groups: 1. With a governing verb, including the non-finite forms infinitive and participle (the dependent infinitive usually functions as a complement or as an adverbial modifier of purpose). 2. With a governing adjective (the infinitive is limitative). 3. With a governing noun (the infinitive functions as an attribute or as an adverbial modifier of purpose). 4. With a governing impersonal phrase (formally the infinitive is the subject, but it differs from the independent subject infinitive with a verbal or nominal predicate – it belongs to another type). 5. Infinitive dependent on the main clause (as a predicate of a consecutive clause). Some of the constructions with an impersonal governing phrase seem semantically identical to constructions with a modal verb or with a governing adjective or noun, for example мощьно юестъ, мощи, мощьнъ бъıти and власть, or хотѣти, хотѣниıе имѣти and хощетъ ми сѧ. But the syntactic relations between the governing expression and the infinitive are different for each type, and therefore they are classified into different groups.[5] The semantic criterion is taken into consideration within the framework of a certain syntactic group, when the meaning of the governing expression defines its relation with the infinitive. An interesting question arises – whether the subject of the main action may (or may not) be identical to that of the infinitive, namely what are the possibilities (and restrictions) for the governing expression and the infinitive to share the same subject.

Some verbs can govern only same-subject infinitives (i.e. their subjects are always identical), for example the phase verbs ('begin', 'continue', 'stop') and some modal verbs (as 'can'). The other verbs can govern same-subject as well as different-subject infinitives, and usually one of these patterns is more frequent (e.g. the verbs of command suggest a subject of the infinitive other than that of the main verb). With a different subjects are also the infinitives governed by an impersonal phrase (like 'must', 'it is good to' etc.). The ways of expressing the subject of the infinitive is of great interest, especially regarding the translation of the Greek con-

[5] L. Pacnerová has chosen a different principle of classification (Pacnerová 1964). She examines the usage of the infinitive as a member of the sentence, but in the group of the governing modal verbs she includes some impersonal phrases, nouns and adjectives, and she forms separate groups with others (Pacnerová 1964: 538, 542–543, 546–547). Besides, this classification does not discriminate between dynamic and declarative infinitive, and they are brought together in the group of the complement infinitives with a different subject.

struction *accusativus cum infinitivo*. The typical case of the infinitive subject in Old Bulgarian is dative (*dativus cum infinitivo*).

1. Dynamic infinitive governed by a verb

The nature of the infinitive form (a verbal noun, originally in dative or locative) determines its fundamental function – the final (prospective), or rather the final-consecutive function. The infinitive in its primary use is formally and functionally equal to a final or consecutive clause, connected with a verb of movement without a conjunction. In Old Bulgarian it is the supine (originally an accusative form) that takes this function. As it is well known, the supine coexists with the infinitive and already in the classical Old Bulgarian manuscripts the infinitive quite often replaces the supine after verbs of movement.[6] In later literary monuments this tendency is much stronger.

In the Old Bulgarian translation of *The Life of St. Anthony*, which is under discussion, there are five instances of infinitive use after verbs of movement. These verbs are **приити, къстати, сѣтецати сѧ, оустрѣмити сѧ** – intransitive or reflexive verbs with a subject identical to that of the infinitive:[7] 225б$_{1-4}$ **нѣкоѥ́гда придоше въ тꙑ́нѣ свѣта имоу́ще мьу́танию. и гла̄хоу. придѣмь гавити се а҃ѳонїю** 39,4 Ἦλθόν ποτε ἐν σκοτίᾳ, φωτὸς ἔχοντες φαντασίαν, καὶ ἔλεγον· Ἤλθομεν φᾶναί σοι, Ἀντώνιε. 225в$_{10-12}$ **азъ же разоумѣвъ іего проказъньство и въсталъхъ помо̄лити се.** 40,4 Ἐγὼ δέ, νοήσας αὐτοῦ τὴν μεθοδείαν, ἀνέστην εὔξασθαι. 230в$_{12-14}$ **Хоуте бо ласти, нѣколиии въста помолити се къ ·ѳ̄·моу ва̄ѵ** 65,2 Μέλλων γὰρ ἐσθίειν ποτέ, καὶ ἀναστὰς εὔξασθαι περὶ τὴν ἑνάτην ὥραν 231в$_{20-22}$ **вси же їѫ̀ѕе в градѣ стецахоу се видѣтии а҃ѳониа.** 70,1 οἱ δὲ τῆς πόλεως πάντες συνέτρεχον ἰδεῖν τὸν Ἀντώνιον. 237б$_{9-13}$ **тъи же оубо вѣдѣ́ї то и боѥ се. ѥда и тѣ́лоу іего тако створеть. и оустрѣми се въ гороу. цѣловати ѹрьи́ѣ въ вьнѣшѝнѣи горѣ.** 91,1 Αὐτὸς δέ, τοῦτο γινώσκων, καὶ φοβούμενος μὴ καὶ τὸ αὐτοῦ ποιήσωσιν οὕτω σῶμα, ἤπειξεν ἑαυτόν, συνταξάμενος τοῖς ἐν τῷ ἔξω ὄρει μοναχοῖς. In this example there is a final infinitive in the Old Bulgarian translation (**цѣловати**) and its correspondence in Greek is an aorist participle (συνταξάμενος). They differ in meaning – the Greek text says: 'he hastened after having kissed the monks from the exterior mountain goodbye', and the translation says: 'he set out for the mountain to kiss the monks from the exterior mountain'.

---

[6] The material from the Gospels is exhaustively given in (Kurz 1937: 292–298).

[7] The examples are cited according to the editions mentioned above (see note 2). The Old Bulgarian text follows the orthography and the punctuation of the manuscript according to the respective edition, diacritics are not observed.

There is only one case of replacement of the final infinitive by a final clause after verbs of movement. The translator follows the original and renders (as usual) the conjunction ἵνα through a *da*-clause: 227б$_{17-21}$ **вьслѣдьствова́а и сьѣ. оставивь манас҃тьїрь. гл҃ѥ идемь. да или постраже́мь позвании. ли позороуѥмь страже́оущи҃.** 46,1 ἠκολούθησε καὶ αὐτός, ἀφεὶς τὸ μοναστήριον, λέγων· Ἀπέλθωμεν, ἵνα ἀγωνισώμεθα κληθέντες, ἢ θεωρήσωμεν τοὺς ἀγωνιζομένους.

There is one example of supine in the translation. This form is preserved in **Xlud.195** (and my investigation is based on the edition of this copy, see above), whereas in the other copies there is an infinitive form in this position.[8] The governing verb **дати** denotes movement in a broad sense. It is transitive and its meaning is close to verbs like **посълати**: 212б$_{26-29}$ **сестроу же прѣдавь, зна҆ѥмьмь, и вѣ́рньїмь дв҃цамь давь ю вь дв҃ьствѣ хранить.** 3,1 Τὴν δὲ ἀδελφὴν παραθέμενος γνωρίμοις καὶ πισταῖς παρθένοις δούς τε αὐτὴν εἰς παρθενίαν ἀνατρέφεσθαι κτλ.

This primary final meaning of the infinitive is revealed in a very small number of examples after verbs of movement. The examples clearly reveal that it is due neither to more frequent use of supine forms, which is the case with the Gospel codices for example, nor even to the rivalry of the final clauses, which is so characteristic of the Hellenistic and Byzantine Age.[9] Both ways of expressing purpose after verbs of movement are attested only once in the text in question. In this respect the Old Bulgarian translation follows its original and the lack of such expressions may be regarded as a peculiarity of the Greek text and probably of the language of its author St. Athanasios of Alexandria.

But the meaning of finality in a general sense remains the main meaning of the infinitive and it applies to all the other cases of dynamic infinitive. From a syntactic point of view the infinitive can take the place of each of the main parts of the sentence: a part of a compound predicate with phase and modal verbs; a complement with verbs with a modal meaning and verbs of command and prohibition; a subject with impersonal expressions; an attribute with governing nouns and adjectives; and even a predicate, when the infinitival construction is equal to a consecutive clause.

When the governing verb is modal or with a modal meaning in a more general sense, its subject and the subject of the infinitive are almost always identical. In the cases where there is a predicative, it is in dative or in nominative.

In the translation of *Vita Antonii* the most numerous are the instances with the modal verb (въс)хотѣти and the verbs with a similar meaning **изволити, спѣти,**

[8] Vitić-Nedeljković 1999: 61.

[9] See for example (Jannaris 1897: 572, note 1).

спѣшити, радити, (въз)любити, прѣдъположити ('intend'), мьнѣти. Several Greek verbs correspond to (въс)хотѣти: θέλω (the most frequent), βούλομαι, ἀνέχομαι (only negative), παραιτέομαι, ὀφείλω and μέλλω (10 instances, of which 5 denote future tense): 225а$_{4-6}$ **хотѣвь оубо мльчати, нижесоже ѡ себе. довол'номь же бꙑти симь тьк'мо.** 39,1 Ἐβουλόμην μὲν οὖν σιωπῆσαι καὶ μηδὲν ἐξ ἐμαυτοῦ λέγειν, ἀρκεῖσθαι δὲ μόνοις τούτοις. (there are some omissions in the translation; the predicative is in dative, it has no correspondence in Greek); 227г$_{5-6}$ **многии и житиꙗ іего спѣшахоу рьв'нители бꙑти.** 46,7 πολλοὶ τῆς πολιτείας αὐτοῦ ἐσπούδαζον ζηλωταὶ γενέσθαι (the predicative is in nominative, it is the same in Greek); 227в$_{8-10}$ **ини же оубо из'волише, скрити се томь д҃ни.** 46,4 Οἱ μὲν οὖν ἄλλοι πάντες ἔδοξαν κρύπτεσθαι τὴν ἡμέραν ἐκείνην.

The verb хотѣти is an auxiliary and forms periphrastic future tense in the following cases (with a similar construction in Greek): 218а$_{1-7}$ **ни оудаа да не стоужимь си. сими малими годьї. многьї прѣбивающеѥ, или велико оуто твореще се не бо тьмѣ стр҃ти и҃нꙗшнꙗго вр҃ме. противоу хотещеи се показати славѣ.** 17,1 Ὥστε τέκνα, μὴ ἐκκακῶμεν μηδὲ νομίζωμεν χρονίζειν ἢ μέγα τι ποιεῖν. "Οὐ γὰρ ἄξια τὰ παθήματα τοῦ νῦν καιροῦ πρὸς τὴν μέλλουσαν ἀποκαλυφθῆναι εἰς ἡμᾶς δόξαν" (Ps. 89:10). 220в$_{27}$–г$_3$ **нѣ бо свѣтьь истиньни, гавлꙗющеѥ се вь ни҃. оуготовленаго же паче имь wгнꙗ наученькы, и wбразь носеть. вь нюмѥже горѣти хотеще. тѣмѥже ѹ҃вькы оустрашати покоушаютъ се.** 24,8 Οὐ γὰρ φῶς ἐστιν ἀληθὲς τὸ φαινόμενον ἐν αὐτοῖς, τοῦ δὲ ἡτοιμασμένου πυρὸς αὐτοῖς μᾶλλον τὰ προοίμια καὶ τὰς εἰκόνας φέρουσιν, καὶ ἐν οἷς κατακαίεσθαι μέλλουσιν, ἐν τούτοις τοὺς ἀνθρώπους ἐκφοβεῖν πειράζουσιν. 220г$_{4-8}$ **обаче гавлꙗют се, и пакьї вьскорѣ ищезаютъ. не вр҃ѣдиѥше ни єдиногоже ѡ вѣ҃ньнїѣ. носеще же съ собою, и хотещаго ѥ прѣꙗти wгнꙗ.** 24,9 Ἀμέλει φαίνονται καὶ πάραυτα πάλιν ἀφανίζονται, βλάψαντες μὲν οὐδένα τῶν πιστῶν, φέροντες δὲ μεθ' ἑαυτῶν τὴν ἀφομοίωσιν τοῦ μέλλοντος αὐτοὺς δέχεσθαι πυρός. 235а$_{12-15}$ **хощеть ц҃рве гнѣвь постиг'ноути. и хощеть прѣдати се ѹ҃вѣкомь. пѡбньїмь, весловесньимь ѥкотомь.** 82,6 Μέλλει τὴν ἐκκλησίαν ὀργὴ καταλαμβάνειν καὶ μέλλει παραδίδοσθαι ἀνθρώποις ὁμοίοις ἀλόγοις κτήνεσιν. Sometimes it happens that the translation runs counter to its usual syntactic structure while trying to be true to the original: 235в$_{26-28}$ **обаче же еже вь горѣ ходити. паче ѥсего любꙗше.** 84,6 Πλὴν ὅτι τὴν ἐν τῷ ὄρει διατριβὴν πάντων μᾶλλον ἠγάπα. The translator renders the Greek noun (or rather the articular prepositional construction) into Old Bulgarian through an infinitive form and the indeclinable pronoun иже, although the infinitive is a direct object and needs no article.

The other big group of this type of phrases is with the modal verb (въз-, по-)моци and the verbs close to it in meaning such as смѣꙗти, дрьзнѫти, искоушати сѧ, покоушати сѧ, потъщати сѧ, трьпѣти, вѣдѣти, недовѣдѣти. The Greek cor-

respondences for **мощи** are δύναμαι (in most of the cases), ἰσχύω and θαρρέω. The subject of the infinitive is identical with that of the leading verb, there are no instances of expressed infinitive subject or predicative: 212б$_{24-26}$ **не трѣпе и ѣще прѣвыївати. изыи̑ть да̑ и тоу хоужа̑шиимь.** 3,1 οὐκ ἀνασχόμενος ἔτι μένειν, ἐξελθὼν διέδωκε κἀκεῖνα τοῖς μετρίοις. 213б$_{7-10}$ **іако оубѡ самь се видѣ, врагь не могѣща стати, противоу аи̑ѳониюеву разоумоу.** 5,3 Ὡς δὲ εἶδεν ἑαυτὸν ὁ ἐχθρὸς ἀσθενοῦντα πρὸς τὴν τοῦ Ἀντωνίου πρόθεσιν κτλ. (in Greek without an infinitive); 233б$_{9-14}$ **мнѣмь же недовѣдоущемь, ѹто ѿвѣщати. и ѡбращающемь се сѣм, и ѡвамо. ѡсклабив се аи̑ѳонии, ре̑ пакыїи тлькомь.** 77,1 Ἐκείνων δὲ διαπορούντων καὶ στρεφομένων ὧδε κἀκεῖσε, μειδιάσας ὁ Ἀντώνιος ἔφη πάλιν δι' ἑρμηνέως· (with only a participle in the Greek text, the translation adds an oblique question).

Another modal verb and auxiliary is **имѣти**. As a modal verb, expressing need and necessity, it is a governing word in two cases: 228б$_{29}$–в$_3$ **сьи же рече къ мнѣ, любо въ тиавидоу възидеши. любо іаможе мьїслиши. множаиши съгоубь имаши троудьї поди́немати.** 49,4 Κἂν εἰς τὴν Θηβαΐδα ἀνέλθῃς, κἄν, ὡς ἐνθυμεῖ, κατέλθῃς εἰς τὰ Βουκόλια, πλείονα καὶ διπλασίονα τὸν κάματον ἔχεις ὑπομένειν (in this case the main verb may also denote a future action, but still there is some notion of necessity and it corresponds to the meaning of ἔχω in the Greek text); 230г$_{10-13}$ **ѹюжа̑ше бо се, виде колико ѥ̑ намь братие. и съ колицѣми троудьї, имать. кто миноути въ̑оух.** 65,6 Ἐθαύμαζε γὰρ βλέπων πρὸς πόσους ἡμῖν ἐστιν ἡ πάλη καὶ διὰ πόσων πόνων ἔχει τις διαβῆναι τὸν ἀέρα. In the rest of the instances **имѣти** may be regarded as a future auxiliary. This is justified mostly by the Greek correspondences – one of them is an expression with μέλλω, the other two are in future tense: 225в$_{6-9}$ **іажѣ. и поуїи ѿ великы̑ троудь твоихь. ѹла̑вкь бо юси, и болѣти имаши наукнь болѣ́зни.** 40,3 Φάγε, καὶ παῦσαι τῶν πολλῶν πόνων· ἄνθρωπος εἶ καὶ σύ, καὶ μέλλεις ἀσθενεῖν. 218в$_{28}$–г$_3$ **сице же прилежещь по вс̑е дни, и сице живоуще не съгрѣшимь нь ни ѡ чесо́мже помьїсла имоуще имѣти ни клетви уинимь, нїкакоеже.** 19,4 Οὕτω δὲ διακείμενοι καὶ καθ' ἡμέραν οὕτω ζῶντες, οὔτε ἁμαρτήσομεν οὔτε τινὸς ἐπιθυμίαν ἕξομεν οὔτε μηνιοῦμέν τινι κτλ. 212б$_{5-7}$ **и прииди и въслѣдьствоуи ми. и имѣти имаши скровище на нб̄сѣхь.** 2,3 καὶ δεῦρο ἀκολούθει μοι, καὶ ἕξεις θησαυρὸν ἐν οὐρανοῖς. (Mt. 19:21).

To this group of governing modal verbs some other verbs with a more general modal meaning can be added, such as **навъыкнѫти, объыкнѫти, ожидати, ѹаѣти, забъыти**. All of them are followed by a dynamic infinitive whose subject is identical to that of the main verb.

When *verbum regens* is a phase verb it requires once again a dynamic same-subject infinitive and together they form a compound predicate. The most frequent

are the instances with **начѧти** – beginning of an action. In the translation of the *Vita* there are 14 such instances, but one of them is a result of a mistake, in another one the governing verb itself is omitted and in other six there is no infinitive form in the Greek text. In three out of these six **нач-ти** is a future auxiliary and all of them are in the same sentence. Where there is a correspondent Greek *verbum regens*, it is ἄρχομαι or ἐπιχειρέω. There is also an example with **пр҃ѣстати**.

In most of the cases **начѧти** denotes the beginning of an action: 212в$_{14–16}$ **пр҃вѣꙗ начѣть и тьꙗ, пр҃ѣбивати на мѣст҃ѣхъ, гаже по҃ѣ вси҃и.** 3,4 Καὶ πρῶτον μὲν ἤρξατο καὶ αὐτὸς μένειν ἐν τοῖς πρὸ τῆς κώμης τόποις. 232б$_{23–30}$ **Пакьї же дрогомь пришѣшемь.** (…) **начинающимь же оумьїшлѧти имь ѡ проповѣдании крт҃а вж҃твьнаго.** 74,1–2 Ἀμέλει μετὰ ταῦτα πάλιν ἑτέρων ἐλθόντων (…) ἐπιχειρούντων τε συλλογίζεσθαι περὶ τοῦ κηρύγματος τοῦ θείου σταυροῦ κτλ. (in the latter example the governing verb **начѧти** is a part of the construction *dativus absolutus*, and its nominal member – the pronoun **имь** – is at the same time subject of the infinitive); 211б$_{19–22}$ **понѣже вьспросите, ѡ мене словесе вж҃енїнаго а҃ѳ҃она. навикноути хотеще. како наче вьзрьжати се.** Pr.,2 Ἐπειδὴ δὲ ἀπητήσατε καὶ παρ' ἐμοῦ περὶ τῆς πολιτείας τοῦ μακαρίου Ἀντωνίου, μαθεῖν θέλοντες πῶς τε ἤρξατο τῆς ἀσκήσεως κτλ. (the infinitive in the translation corresponds to a noun in the Greek text).

It is interesting to take a closer look at the places where the translation did not use infinitive after phase verbs (as it is in Greek), although it could: 222г$_{16–20}$ **тьностию тѣла, твореть паче ѵ҃лкъ, пошѣше поутемь, оузрѣвше варають, шьстиемь скорииль. и вьзвѣщаютъ се** 31,2 λεπτοτέροις χρώμενοι σώμασι μᾶλλον τῶν ἀνθρώπων, τοὺς ἀρξαμένους ὁδεύειν ἑωρακότες, προλαμβάνουσι τῷ δρόμῳ καὶ ἀπαγγέλουσιν. (in the translation there is a noun instead of an infinitive); 223а$_{6–9}$ **аще кто начне҃, и тьї** (= ити) **ѡ ѳиверидьї, или ѡ иного мѣста донелиже не поидеть, не разоумѣють поиде ли.** 31,5 Ἂν τις ἄρξηται περιπατεῖν ἀπὸ τῆς Θηβαΐδος, ἢ ἀπό τινος ἄλλης χώρας, πρὶν μὲν ἄρξηται περιπατεῖν, οὐκ ἴσασιν εἰ περιπατήσει. (the translation avoids the repetition of the phrase ἄρξηται περιπατεῖν and the second time replaces it with a perfective finite verb – a form which itself is inchoative).

In several cases **начѧти** is a future auxiliary (all of these constructions are parts of one sentence): 234б$_{18–26}$ **и да оузрите гако не хьїтрость словесна вь на҃ ие҃. нь вѣра любовьна кь х҃ѹ дѣиствоующии. юже аще и вьї имѣти ю научнете. к томоу же ѡ словесьнь, оуказь не научнете искати. нь довольнаа гаже вь х҃а вѣроу научнете мнѣти.** 80,6 Καὶ ὀψεσθε, ὅτι οὐ τέχνη λόγων τὰ παρ' ἡμῖν ἐστιν, ἀλλὰ πίστις δι' ἀγάπης τῆς εἰς τὸν Χριστὸν ἐνεργουμένη. Ἥντινα ἐὰν σχῆτε καὶ ὑμεῖς, οὐκέτι τὰς διὰ λόγων ἀποδείξεις ζητήσετε, ἀλλ' αὐτάρκη τὴν εἰς τὸν Χριστὸν πίστιν ἡγήσεσθε. In Greek the verbs are in future simple tense, yet one cannot affirm that the verb **начѧти** has completely lost its lexical meaning.

The governing phase verb can also indicate the end of an action. Here it is the verb прѣстати, παύομαι in Greek: 211в$_{15–17}$ вьї же не прѣстанѣте. тѣхъ єже соудѣ прѣплавающѣ. вьпрашати Pr.,4 Ὑμεῖς δὲ μὴ παύσησθε τοὺς ἐνθένδε πλέοντας ἐρωτᾶν. This is the only case of such a use in the Greek text itself, which is due to the nature of the Greek verb παύομαι. As a rule this verb is used either absolutely or with a complement in genitive; if it has to indicate the end of an action it usually resorts to a present active participle. Occasionally it governs plain infinitive, and a substantival infinitive with an article in genitive could be used instead. In *Vita Antonii* collocations of παύομαι with a substantival infinitive occur twice. One of them (55,10 according to the segmentation of the Greek text) is in the big lacuna in the translation (chapter 51–60). In the other case the translation uses a participle, and the governing verb is different: 214a$_{27}$–б$_3$ акьї и а҃фоніе сьїи. акьї помѣноувшоу се юже бѣсоу, не лѣнѣше се, и и не рожа҃ше ѡ себѣ дїаволь. акьї побѣже҃нь, не поуиваше лове єго. 7,2 Ἀλλ' οὔτε Ἀντώνιος, ὡς ὑποπεσόντος τοῦ δαίμονος, ἠμέλει λοιπὸν καὶ κατεφρόνει ἑαυτοῦ, οὔτε ὁ ἐχθρός, ὡς ἡττηθείς, ἐπαύετο τοῦ ἐνεδρεύειν. The use of phase verbs with a participle is regarded as a Greek influence, besides this example has more to do with the ways of translation of the Greek substantival infinitive than with the use of the dynamic infinitive.

The use of the infinitive with phase and modal verbs is common to both Greek and Old Bulgarian, and it would not have needed such a detailed analysis if some significant features of this use did not show up. First, this is the function of some of these *verba regentia* as auxiliaries, which form periphrastic future tense – a category which is still more syntactic than morphological at this stage of the Old Bulgarian language. In this regard not only the lexical meaning of the infinitival constructions with хотѣти, имѣти and начѧти, but also their Greek correspondences are a matter of interest. In the Greek vernacular the future tense is gradually replaced by periphrases, where the infinitive qualifies the aspect of the verb[10] (whereas the simple future tense has no distinct forms in regard to aspect) – and this should be taken into consideration, too, when analyzing a translated text such as *The Life of St. Anthony*. The inconformity of the translation to the original is of particular importance because of the structural similarities between the two languages. It reveals some aspects of the relationship between the dynamic infinitive on the one hand, and the substantival infinitive, the noun, the participle and the subordinate clause on the other hand.

In the next group of dynamic infinitives, which is very big and quite diverse at first sight, the governing verbs denote command and prohibition in a broad sense. In fact it includes all the range of verbs meaning request, persuasion, compulsion, com-

[10] Browning 1983: 31, 33.

mand, prohibition and allowance. Syntactically most of these verbs can have two complements (both in accusative, as in "ask s.o. a favour" and "make s.o. happy", or in accusative and in dative, like "give order to s.o.", "give permission to s.o."). Then the infinitive takes the place of one of the accusative complements, and the other one (in accusative or in dative) is often the subject of the infinitive. This subject may be expressed or it may remain implicit in the context; it may be a complement to the main verb or it may have lost its connection with it (for example, if the verb has an accusative rection and the subject of the infinitive is in dative, one can talk about undoubted instances of *dativus absolutus* in Old Bulgarian). There are a number of instances, where the subject of such a governing verb is identical with that of the infinitive.

In the Old Bulgarian translation of *The Life of St. Anthony* the following verbs govern dynamic infinitive (usually of a different subject): for request – **молити (сѧ)**, **оумолити**, **просити**, **съвѣтовати**, **въразоумити**; for compulsion and command – **сѣказати**, **глаголати**, **заповѣдати**, **велѣти (повелѣти, повелѣвати)**, **моудити (приноудити, приноужда̀ти, поноудити сѧ)**; for prohibition and allowance – **оуставлѧти**, **запрѣщати (запрѣтити)**, **прѣщати**, **неврѣщи**, **оставити**, **дати**, **даѥти**; out of that semantical group – **даровати** and **сътворити** ("make s.o. able to do sth."), **помановти** ("give a sign, nod to s.o. to do sth.", with a more distinct final function of the infinitive), **послоушати**. They render more than 20 Greek verbs.

This classification of the *verba regentia* in semantic groups is not absolute, it matters only as far as the verbs from the same group form similar constructions or are used in a similar context. But as far as syntax is concerned, of greater importance is what the rection of the main verb is, whether it has a complement and whether the subject of the infinitive is expressed. Thus most of the verbs mentioned above denoting request, prohibition and allowance require an accusative complement, whereas most of the verbs of command require a complement in dative. If the complement belongs syntactically to the group of the governing verb, it does not form an infinitival construction. On the contrary, if the subject of the infinitive has broken its connection with the main verb and is not regarded as its object, there is an infinitival construction (here *dat. c. inf.*, because there are no instances in the translation of the *Vita* which could be defined as *acc. c. inf.*).

In the following examples the subject of the infinitive is a direct object of the governing verb:

229б$_{17-19}$ **и мл҃и ѳеѽра їже с нимь. далеуе ѿити ѿ него.** 60,5 ἠξίωσε τὸν σὺν αὐτῷ Θεόδωρον μακρὰν ἀπ' αὐτοῦ γενέσθαι 221a$_{29-61}$ **и да на҆ вьразоумить. николиже послоушати сѝ. аще истинна гл҃юще лавлающе се.** 26,3 καὶ ἵνα καὶ ἡμᾶς συνεθίσῃ μηδέποτε τοῖς τοιούτοις προσέχειν, κἂν δοκῶσι τἀληθῆ λέγειν.

237а$_{8-10}$ **братии же ноудещимь и, пр҃ѣбити оу нѣго. и тоу не хотѣаше оумр҃ѣти.** 90,1 Τῶν δὲ ἀδελφῶν βιαζομένων αὐτὸν μεῖναι παρ' αὐτοῖς κἀκεῖ τελειωθῆναι, οὐκ ἠνέσχετο κτλ. 216в$_{28-30}$ **понеже не прашташе ихъ вънити. вънѣюдоу многащи, д҃нь и нощь творѣ҃.** 13,1 ἐπεὶ μὴ συνεχώρει τούτους εἰσελθεῖν, ἔξω πολλάκις ἡμέρας καὶ νύκτας ποιοῦντες κτλ.

Of particular interest are the phrases where the governing verb requires a complement in dative. Depending on whether the complement in dative (which is a subject of the infinitive) has a stronger syntactical connection with the governing verb or with the infinitive, one could ascertain the presence or the absence of a distinct infinitival construction (according to R. Mrazek's classification of the constructions *dat. c. inf.* this is type 5, see (Mrazek 1963: 120). As long as there is a connection between the complement and the governing verb, one could not affirm that this is an infinitival construction with a subject in dative – it is presumed that these are the instances from which *dat. c. inf.* originates, but they do not form such a construction themselves (for example, Haderka prefers to call them "dative and infinitive", as distinguished from "dative with infinitive")[11]: 231б$_{4-8}$ **сице оубо, и арианьскаа зловѣрна гноушаше се. запр҃ѣщаше же всѣмь. не приближати се и҃. ни зловѣрна и҃ имѣти.** 68,2 Οὕτω γοῦν καὶ τὴν Ἀρειανὴν αἵρεσιν ἐβδελύσσετο, παρήγγελλέ τε πᾶσι μήτε ἐγγίζειν αὐτοῖς μήτε τὴν κακοπιστίαν αὐτῶν ἔχειν. 220г$_{21-24}$ **многащи же спѣщимь намь, въ҆зв҆оу҆жа҆ющѣ на мл҃твоу. и сицѣ уесто твореть спроста, не дадоуще ни спати.** 25,2 πολλάκις δὲ καὶ κοιμωμένους ἡμᾶς διεγείρουσιν εἰς προσευχάς. Καὶ τοῦτο συνεχῶς ποιοῦσιν, σχεδὸν μὴ ἐπιτρέποντες ἡμῖν μηδὲ κοιμᾶσθαι. 228б$_{23-26}$ **понеже не дадеть ми народьї мл҃ьѵати. того ради хощоу въ҆зити ѳиавидоу.** 49,3 Ἐπειδὴ οὐκ ἐπιτρέπουσί μοι ἡρεμεῖν οἱ ὄχλοι, διὰ τοῦτο βούλομαι ἀνελθεῖν εἰς τὴν ἄνω Θηβαΐδα κτλ. (the dative complemetns in these examples belong to the governing verb and not to the infinitive, and this is supported by the dative in the Greek text as well as by the word order); 233б$_{16-22}$ **понѣже вьїи словеси оукаꙁаними паче шпираѥте се, и тоу хитро҃ имоуще велите и намь. не бо (= без) словесньїимь оукаꙁани бг҃оуьстѵовати. повѣдите бо вьїи мнѣ прьвоѥ вещи.** 77,2 Ἐπειδὴ δὲ μᾶλλον ὑμεῖς τοῖς ἀποδεικτικοῖς λόγοις ἐπερείδεσθε καὶ, ταύτην ἔχοντες τὴν τέχνην, βούλεσθε καὶ ἡμᾶς μὴ ἄνευ τῆς τῶν λόγων ἀποδείξεως θεοσεβεῖν, εἴπατέ μοι πρῶτον ὑμεῖς· (although there stands *acc. c. inf.* in Greek, it is the word order in the translation that indicates that the pronoun **нам.** is an indi-

[11] See (Haderka 1964: 506–507). He pays attention to the word order in this kind of expressions (Haderka 1964: 511). R. Mrazek also mentions the intermediate position of these cases and the influence of the word order and the lexical content of the sentence, see (Mrazek 1963: 109). On the origin of the Greek *accusativus cum infinitivo* see, for example. (Kurzová 1966*a*).

rect object of the governing verb and does not form an infinitival construction); 227в$_{5-8}$ **потомь ꙗповѣ́да ни єдиномоуже ѿ инокыїихъ, на соудищи бы́ти.** 46,3 παρήγγειλε μηδένα τῶν μοναχῶν ἐν τῷ δικαστηρίῳ φαίνεσθαι, μηδὲ ὅλως ἐν τῇ πόλει διατρίβειν. (in the last example the connection between the predicate and the subject of the infinitive is lost, and the proof is the negative pronoun: **ни єдиномоуже бы́ти**, and not *ꙗповѣ́да ни єдиномоуже; it is the same in Greek).

Sometimes it is hard to tell where the boundary of the syntagma lies and to what member of the sentence the dative complement belongs. The dative-infinitival construction is most distinct when the governing verb requires an accusative complement (in the classification of Mrazek this is type 6[12]) and the subject of the infinitive, which is in dative, is not directly connected with the predicate: 229в$_{2-8}$ **видѣвъ оубо амѡнь, непрѣпьр̀ноіе ѳеѡ̑рово питаніе. паче словесе ради їеже рⷱ. и проси и, никомоуже повѣ́дати їемоу и одьмрьти. и сице повѣ́даше.** 60,9 Βλέπων τοιγαροῦν ὁ Ἀμοῦν τὸ φιλόνεικον τοῦ Θεοδώρου, μάλιστα καὶ διὰ τὸν λόγον, ὃν εἶπεν, ἀπήτησε καὶ αὐτὸς μηδενὶ λέγειν αὐτὸν ἕως θανάτου αὐτοῦ. (in the translation there is a direct object after the governing verb, an indirect object of the infinitive in dative and a subject of the infinitive in dative); 230а$_{10-12}$ **такова глⷭ҇е молѧше, ни їединомоуже оученити се ѡ томь, нь паче славити гⷭ҇а.** 62,2 Τοιαῦτα δὲ βλέπων καὶ λέγων, ἠξίου μηδένα θαυμάζειν αὐτὸν ἐν τούτοις, ἀλλὰ μᾶλλον θαυμάζειν τὸν Κύριον. 234г$_{2-5}$ **ѵл҃кѡлюбивомꙋ̀ же имь мл҃ѧше бы́ти. и пещи се ѡ праѣ́дьїѣ́мь соудѣ. и ѡ оубѡгыїихъ.** 81,6 Φιλανθρώπους τε αὐτοὺς εἶναι ἠξίου καὶ φροντίζειν τοῦ δικαίου καὶ τῶν πτωχῶν.

If there is a predicative along with the direct object, it is in dative and it forms a dative-infinitival construction together with the verb **бы́ти** – there are two such instances in the translation of the *Vita*: 224в$_{21-25}$ **на̀ же не ѡстави гⷭ҇ь, прѣ́щеномь бы́ти ѿ діавола. єгда таковыїѣ твореще мьꙋ́тьї. ꙗпрѣ́ти рⷱ** 37,3 Ἡμᾶς δὲ οὐκ ἀφῆκεν ὁ Κύριος ἀπατηθῆναι παρὰ τοῦ διαβόλου, ὁπηνίκα τὰς τοιαύτας αὐτῷ ποιοῦντι φαντασίας ἐπιτιμῶν εἴρηκεν· (a passive infinitive in Greek); 216а$_{10-13}$ **ѥ̀ꙋ ти помощ̀никь пр̀но. и створоу те словоущꙋ, и именованоу всоудꙋ̀ бити.** 10,3 ἔσομαί σοι ἀεὶ βοηθὸς καὶ ποιήσω σε ὀνομαστὸν πανταχοῦ γενέσθαι. (in the translation there is one participle too many, which agrees with the direct object, and the other is a predicative in dative). There are two more instances of **сътворити** as a governing verb and in both the subject of the infintiive is in dative[13]:

[12] See (Mrazek 1963: 121). To this type Mrazek adds also the declarative infinitives (on this kind of infinitives see below).

[13] E. Bláhová also takes notice of **сътворити** as a governing verb of an infinitival construction. In the oldest homilies, which are the object of her study, the accusative subject of the infinitive is preserved, due to Greek influence. Later it is replaced by dative (Bláhová 1973: 20–22).

221a$_{7-12}$ не въ̂зрѣжаниа бо дѣла, или истини твореть. нь да цѣлѣише въ́хъїтеть. въ ѡ҃ѵлаании, и безъ ѡусп҃ѣха въ̂зрѣжание рекоуть. въ́змоутити се у҃лкомь створи́ше. 25,4–5 Οὐ γὰρ δι' εὐλάβειαν ἢ ἀλήθειαν ταῦτα ποιοῦσιν, ἀλλ' ἵνα τοὺς ἀκεραίους εἰς ἀπόγνωσιν ἐνέγκωσιν καὶ ἀνωφελῆ τὴν ἄσκησιν εἴπωσιν, ναυτιᾶσαί τε ποιήσωσι (*v. l.* ποιήσαντες) τοὺς ἀνθρώπους κτλ. (In Greek there is a strong syntactic connection between the transitive governing verb and the accusative complement, which is at the same time subject of the infinitive; in the Old Bulgarian translation this connection is broken). 232в$_{15-21}$ нь ть же сьи на спсение и добродѣтѣльство. въ̂зе у҃лкѡмь тѣло у҃ѵе. да приѡвъщимь (= приѡвъщивь) се у҃лу҃и рожениии. створити (= створит и) у҃лкомь приѡ́вщити се бж̂твьна́аго, и разоуми́на́аго і҆̂ества 74,4 ἀλλ' ὁ αὐτὸς ὤν, ἐπὶ σωτηρίᾳ καὶ εὐεργεσίᾳ τῶν ἀνθρώπων ἀνείληφε σῶμα ἀνθρώπινον ἵνα, τῇ ἀνθρωπίνῃ γενέσει κοινωνήσας, ποιήσῃ τοὺς ἀνθρώπους κοινωνῆσαι θείας καὶ νοερᾶς φύσεως.

To some extent it is the lexical meaning of these verbs of request, command, prohibition etc. that determines the use of the different-subject infinitive. Nevertheless, there are many instances in the text in question, where the subject of the infinitive is identical with that of the main verb. These cases can be divided in three: when the governing verb is reflexive or intransitive; when it is in passive; when it is transitive and the phrase may be regarded as semantically elliptical.

The most numerous instances of the first type are with the verb молити сѧ (there are five of them). This verb implies an addressee of the request and in this regard it is similar to the active and transitive verb молити. But this addressee (which syntactically must be an object in dative) remains implicit, because the matter of the request – an action expressed with an infinitive – concerns the very author of the request, that is the subject of the sentence: 217в$_{21-25}$ и въ єдинь оубо дн҃ь пришѣ̂шимь к҃ немоу. мл҃ещиим́ се имь, слы҃шати ѿ него слово. г҃ла имь єгупьтскыи҃. сице 16,1 Μιᾷ γοῦν ἡμέρᾳ προελθών, καὶ πάντων τῶν μοναχῶν ἐλθόντων πρὸς αὐτὸν ἀξιούντων τε ἀκοῦσαι παρ' αὐτοῦ λόγον, ἔλεγεν αὐτοῖς τῇ Αἰγυπτιακῇ φωνῇ ταῦτα· 227в$_{21-23}$ мл҃аше бо се и тьмь, моуѵити се, ꙗко же пр҃ѣди рѣхъ. 46,6 Ἤχετο γὰρ καὶ αὐτὸς μαρτυρῆσαι, καθὰ προεῖπον. 231в$_{22-25}$ єлинии иєреи нарицаємыи҃. въ цр҃ковь прихожа̂ахоу г҃люще. мл҃имь се видѣти у҃лка бж̂ита. 70,2 Ἕλληνές τε καὶ αὐτοὶ οἱ λεγόμενοι αὐτῶν ἱερεῖς εἰς τὸ κυριακὸν ἤρχοντο λέγοντες· Ἀξιοῦμεν ἰδεῖν τὸν τοῦ θεοῦ ἄνθρωπον. 231в$_{29}$–г$_{2}$ многи же єлини мл҃аахоу се тьѵию, понѣ прикосноути се стар҃ци. вѣроующе оусп҃ѣхъ приѥти. 70,3 Πολλοὶ δὲ καὶ Ἕλληνες ἠξίουν κἂν μόνον ἅπτεσθαι τοῦ γέροντος, πιστεύοντες ὠφελεῖσθαι. 234в писаахоу к҃ нємоу, акы҃ кь ѡц҃оу. и молиахоу се приимати ѿписанига ѿ него. 80,1 ἔγραφον αὐτῷ ὡς πατρὶ καὶ ηὔχοντο λαμβάνειν ἀντίγραφα παρ' αὐτοῦ. (The Greek correspondences of the governing verb are ἀξιόω and the deponent verb

εὔχομαι. They are among the correspondences of **молити** as well, without a perceivable regularity in the translation of the active and of the reflexive verb respectively).

In this group one may also include the single and partly disputable instances with the reflexive governing verb **поноудити сѧ** (without a Greek correspondence) and with the verb **послоушати**, which is used intransively and renders the Greek reflexive verb πείθομαι: 216а$_{19-21}$ **поноуди же се тогда въ поустыню ити. И сѣкаше на блгоуѣстиѥ.** 11,1 Τῇ δὲ ἑξῆς προελθών, ἔτι μᾶλλον προθυμότερος ἦν εἰς τὴν θεοσέβειαν (The edition of the Greek text does not show any significant *variae lectiones* to this place, neither does Z. Vitić-Nedeljković comment the differences in her study on the Serbian copies of the Old Bulgarian translation of *Vita Antonii*. In order to find out the reasons for this inconformity, juxtaposition with other copies is needed.) 226в$_{28}$–г$_4$ **Се сказающоу анѳонию, всии радовахоу се. и ово тѡ желанию радостьно растѣкаше. ово҄ѣ́ же ѿ немощи оутѣшаше а ѡнѣ́ѣ величание прѣпрѣкаше. всѝ же послоушахоу прѣвѣьїдѣти бѣсовьскоую рать.** 44,1 Ταῦτα διαλεγομένου τοῦ Ἀντωνίου πάντες ἔχαιρον. Καὶ τῶν μὲν ὁ ἔρως τῆς ἀρετῆς ηὔξανεν, τῶν δὲ ἡ ὀλιγωρία παρεκαλεῖτο καὶ ἄλλων ἡ οἴησις ἐπαύετο. Πάντες τε ἐπείθοντο καταφρονεῖν τῆς δαιμονικῆς ἐπιβουλῆς κτλ. (one can observe that in the whole passage the Greek medio-passive forms are replaced with active ones in the translation).

The subject of the dynamic infinitive is identical with that of the governing verb of command and prohibition also when the latter is in passive voice. The main reason for the occurrence of the same-subject infinitive with reflexive verbs is rather semantical, while in the case of the passive governing verb it is a matter of syntax. The doer of the main action is other than that of the infinitive action (as it mostly occurs with verbs of command and prohibition), but since the predicate is in passive voice, the object of its action is the subject of the sentence and at the same time – the subject of the infinitive. Thus the predicate governs an infinitive with an identical subject: 230а$_{15-18}$ **пришѣ҆ше же пакьї иногдаь вънѣ́шнеѥ манастире. и оумольнь бьївь, въ корабль вънити. съ оурѣ́ници молити се.** 63,1 Κατελθὼν δέ ποτε πάλιν εἰς τὰ ἔξω μοναστήρια, καὶ ἀξιωθεὶς εἰς πλοῖον εἰσελθεῖν καὶ εὔξασθαι μετὰ μοναχῶν κτλ. 230б$_{21-24}$ **запрѣщень бо ѥ҆ и повелѣнь, изити въ пѣ҆́ньнаа мѣста. вьз́бѣси се, и се створи.** 64,4 Ἐπιτιμηθεὶς γὰρ καὶ κελευσθεὶς ἐλαθῆναι εἰς ἀνύδρους τόπους, ἐμάνη, καὶ τοῦτο πεποίηκεν. 228б$_{3-7}$ **такоже оубо видѣ́ се, строужаѥмь съ мно҆́зѣми. и не ѡставлѧѥмь по своѥи воли. такоже хощеть ѿходити** 49,1 Ὡς δὲ εἶδεν ἑαυτὸν ὀχλούμενον ὑπὸ πολλῶν καὶ μὴ ἀφιέμενον κατὰ γνώμην ἀναχωρεῖν ὡς βούλεται κτλ. In one of the instances it is not the governing verb but the infinitive that is passive. As a result, once again the subjects of the infinitive and of the main verb are identical, whereas the doers of the actions are

different: 215б$_{6-10}$ **поманоувь же рогкою прити к҃ немоу. велѣаше се пакы҃ вь жоупище вести. ни единогоже вьзвоудеща се.** 8,4 νεύσας ἥκειν αὐτὸν πρὸς αὐτόν, ἠξίου πάλιν αὐτὸν βαστάσαι καὶ ἀποφέρειν εἰς τὰ μνήματα, μηδένα ἐξυπνίσαντα. (in the translation this is expressed by the reflexive form with a passive meaning **вести сѧ**, while the infinitive in Greek is active).

The third group of same-subject infinitives are governed by active verbs meaning 'ask, implore' – these are **молити** and **просити**. It is the meaning that enables these verbs to be *verba regentia* of such an infinitive ('ask sth. for oneself', the content of the request is an action rendered through an infinitive – see above about the reflexive verb **молити сѧ**; such a use is little probable with verbs of command, prohibition and allowance). Besides, this construction is elliptical and this is another explanation why the subjects coincide although the governing verb implies a different doer of the action: 'ask someone to *let* do sth.' (the addressee of the request may remain implicit in the context): 216а$_{21-23}$ **и шьдь къ старцоу, прошаше поустиню жити с нимь.** 11,1 καὶ γενόμενος πρὸς τὸν γέροντα τὸν παλαιὸν ἐκεῖνον, ἠξίου τὴν ἔρημον οἰκῆσαι σὺν αὐτῷ. ('he implored *the old man* to *let him* inhabit the desert with him') 228в$_{10-13}$ **и абьїе приде к҃ нимь, и приближивь се. аѳ҃они молѧше ѥ ити с҃ ними вь поустьїню.** 49,6 Προσελθὼν τοίνυν καὶ ἐγγίσας αὐτοῖς ὁ Ἀντώνιος, ἠξίου σὺν αὐτοῖς εἰς τὴν ἔρημον ἀπελθεῖν ('he asked them to *let him* go with them in the desert').

The dynamic infinitives with a governing verb of request, command, and prohibition imply a more distinct final meaning than those with a modal verb. This concerns mostly the instance with the verb **поманѫти** ('nod, give a sign')[14]: 215б$_{6-10}$ **поманоувь же рогкою прити к҃ немоу. велѣаше се пакы҃ вь жоупище вести. ни единогоже вьзвоудеща се.** 8,4 νεύσας ἥκειν αὐτὸν πρὸς αὐτόν, ἠξίου πάλιν αὐτὸν βαστάσαι καὶ ἀποφέρειν εἰς τὰ μνήματα, μηδένα ἐξυπνίσαντα. (the subject of the infinitive action is omitted in the translation). But the most telling is the replacement of the Greek infinitive with a *da*-clause after the verb **молити**: 228а$_{12-16}$ **такоже прѣвьїваше на дльзѣ. вьїе вь дв҃ри іего мл҃еи. да изидеть, и помл҃ит сѧ бг҃ оу отроковици. ѡвр҃ѣсти же оубо не хот҃ѣаше.** 48,2 Ὡς δὲ ἐπὶ πολὺ διέμενε κόπτων τὴν θύραν καὶ ἀξιῶν ἐξελθεῖν αὐτὸν καὶ εὔξασθαι τῷ θεῷ διὰ τὴν παῖδα, ἀνοῖξαι μὲν οὐκ ἠνέσχετο κτλ. In the translation of *Vita Antonii da*-clauses render chiefly the Greek final clauses with ἵνα and subjunctive.

2. The use of the dynamic infinitive governed by an adjective

Some adjectives specify (limit) their meaning with a dependent infinitive which they govern – this is the so-called limitative infinitive (L. Pacnerová defines it as a

[14] L. Pacnerová numbers this verb exactly among the examples of final infinitive, see (Pacnerová 1964: 546).

limitative qualifier, which is still approximate to the function of a complement, see Pacnerová 1964: 547)[15]. This is a same-subject infinitive. In the Old Bulgarian translation of *Vita Antonii* there are four such adjectives: длъжьнъ (3 instances, in Greek ὀφείλω), готовъ (2 instances, in Greek ἕτοιμος), довольнъ and мощьнъ (one instance each, in Greek respectively ἱκανός and δύναμαι). As one can observe, only two of them render Greek adjectives, which form analogical constructions:

214г$_{21-26}$ по вѣ҃ дьни спѣваше бо҃у се пр҃ѣставити тако, гакомоуже по҃ваше гавити се пр҃ѣ бго҃мь, ѵ҃тѣомь ср҃цемь и готовоу послоушати повелѣниꙗ его. иномоу никомоуже 7,12 καθ' ἡμέραν ἐσπούδαζεν ἑαυτὸν τῷ θεῷ παριστάνειν τοιοῦτον οἷον χρὴ φαίνεσθαι τῷ θεῷ, καθαρὸν τῇ καρδίᾳ καὶ ἕτοιμον ὑπακούειν τῷ βουλήματι αὐτοῦ καὶ μηδενὶ ἄλλῳ; 220г$_{12-14}$ льстиви же соу҃, и готови на вѣ҃ испромѣтати се, и пр҃ѣвражати се на вѣ҃. 25,1 Δόλιοι δέ εἰσι καὶ ἕτοιμοι πρὸς πάντα μεταβάλλεσθαι καὶ σχεματίζεσθαι; 234а$_{10-14}$ и соуть же довола҃на си знамениа. показати на бго҃ѵьстиѥ. вѣ҃рѣ бы҃ти єдинои истинѣ и. єже ѡ х҃ѣ бл҃гоѵьстиѥ. 80,1 Καὶ ἔστι μὲν ἱκανὰ ταῦτα τεκμήρια δεῖξαι τὴν κατὰ Χριστὸν πίστιν μόνην ἀληθῆ εἶναι εἰς θεοσέβειαν.

The Greek correspondences to the adjectives мощьнъ and длъжьнъ (always with the copula бъıти) are verbs with modal meaning, which govern an infinitive as a complement. This is a rather clear indication that there is boundary between these types of use is not absolute. Thus the phrase мощьнъ бъıти may be regarded as a variation of the verb мощи: 232а нѣколи оубѡ философа два придоста къ нѥмоу, єлина соуща, мнѥща се мощна соуща.$^{3-6}$ искоусити анѳониа. 72,2 Ποτὲ γοῦν φιλόσοφοι δύο ἦλθον πρὸς αὐτὸν Ἕλληνες, νομίζοντες δύνασθαι πειρᾶσαι τὸν Ἀντώνιον. On the other hand, the phrase длъжьнъ бъıти does not have an alternative verb: 219г$_{16-19}$ мы же и имы҃ же искоушении бы҃хомь. ѡ тѣ҃х бо длъжьни ѥсмы҃, дрѹгъ дрѹга оуправлꙗти 22,4 ἡμεῖς δὲ ἀφ' ὧν ἐπειράθημεν παρ' αὐτῶν, ὀφείλομεν ἀλλήλους ἀπ' αὐτῶν διορθοῦσαι. 222б$_{3-4}$ ѿ нихъже приѡвидѣниѥ немощьно, длъжьни соуть бы҃ти такѡ. 28,9 ἐξ ὧν μᾶλλον καταφρονητέοι ὡς ἀσθενεῖς ὀφεῖλουσι εἶναι. 226а$_{7-11}$ аще оубѡ и ть, диаволь исповѣдать, нищтоже могы҃и. длъжьни ѥсмь до конца, пр҃ѣѡбы҃дѣ (= пр҃ѣобъıдѣти) того. и вѣсы҃ его 42,1 Εἰ τοίνυν καὶ αὐτὸς ὁ διάβολος ὁμολογεῖ μηδὲν δύνασθαι, ὀφείλομεν παντελῶς καταφρονεῖν αὐτοῦ τε καὶ τῶν δαιμόνων αὐτοῦ.

3. Dynamic infinitive, governed by a noun

The infinitive dependent on a noun formally functions as an attribute, but in some usage it is functionally closer to the final infinitive. In the text under discus-

[15] H. Kurzová calls that function of the infinitive in Greek "Infinitiv der Beziehung" (Kurzová 1968: 37).

sion such governing nouns are **власть, знамение, любовь, помъисль, потрѣба, спѣшение, хотѣние** (the nouns **годъ, неуьсть, ноужда, подоба, польза, потрѣба**, which form impersonal constructions with or without the copula **быти**, are not included in this group and will be considered below): 217г$_{2-7}$ **боуди же наоуе́нѣю, и ше́ще всѣмь, сиѭ спѣшениѥ, наоученьшемь. ни послабити, ни строужати си въ троудѣхъ. ни г҃лати оудалихом́ се въ дрьжании.** 16,3 Ἔστω δὲ προηγουμένως κοινὴ πᾶσιν αὕτη σπουδή, ἀρξαμένους μὴ ὑπενδοῦναι μηδὲ ἐκκακεῖν ἐν τοῖς πόνοις μηδὲ λέγειν· Ἐχρονίσαμεν ἐν τῇ ἀσκήσει· 219а$_{6-9}$ **мьї же потрѣби не имамь, ни ѿити цр҃ькꙋ ради нн҃адгѡ. ни пр҃ѣплоути морѣ доброты̑ї ради.** 20,4 ἡμεῖς δὲ οὐ χρείαν ἔχομεν οὔτε ἀποδεμίας (*v. l.* ἀποδημῆσαι) διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν οὔτε περᾶσαι θάλατταν διὰ τὴν ἀρετήν. 227б$_{22-23}$ **любовь имѣаше моуоуень быти** 46,2 Καὶ πόθον μὲν εἶχε μαρτυρῆσαι· (the predicative in the translation is in nominative, in Greek there is a passive infinitive); 222в$_{29}$–г$_{1}$ **се дахъ вамь вла́сть, настоупати на зм҃ьїне, и скоρфие, и на вс҃оу силоу вражию.** 30,3 Ἰδοὺ δέδωκα ὑμῖν ἐξουσίαν πατεῖν ἐπάνω ὀφεων καὶ σκορπίων, καὶ ἐπὶ πᾶσαν τὴν δύναμιν τοῦ ἐχθροῦ (Lk. 10:19). The final nature of the infinitive governed by a noun is particularly well observable in the cases, when there corresponds a substantival infinitive with a final meaning in Greek: 230г$_{16-19}$ **о сем́ бо имать врагъ власть брати се и искоушати и оустав́лѧти приходещеѥ.** 65,7 Ἐν τούτῳ γὰρ ὁ ἐχθρὸς ἔχει τὴν ἐξουσίαν, ἐν τῷ μάχεσθαι καὶ πειράζειν διακωλύειν τοὺς διερχομένους. 218б$_{5-7}$ **сего ради не събирати кто ѿ вс҃.** **помисла приеḿлите.** 17,6 Διὰ τοῦτο μηδὲ τοῦ κτᾶσθαι τις ἡμῶν ἐπιθυμίαν λαμβανέτω. 236в$_{1-4}$ **и на ꙋто имать кто и̑ стрьḿлениѥ. или спѣшениѥ. такоже пакости тв҃орити.** 88,1 καὶ πρὸς ὅ τις αὐτῶν ἔχει τὴν ὁρμὴν καὶ τὴν σπουδὴν τοῦ ἐπιβουλεύειν (the final meaning of the infinitive in the translation is emphasized by a conjunction).

4. Dynamic infinitive with a governing impersonal phrase

The use of impersonal phrases with an infinitive is common in Old Bulgarian. There are many such instances in the investigated text. In terms of formal syntax the infinitive functions as a subject, hence its own subject is always different and when it is explicit, it is in dative, i.e. the construction *dativus cum infinitivo* is habitual. Often the governing expression has a modal meaning (of necessity, possibility etc.) and semantically approximates to the constructions with modal verbs. This usage of the infinitive can be divided in several groups according to the governing impersonal expression: with a notional verb used impersonally in 3 sg. (active – **подобати, довлѣти, трѣбовати**, or middle – **сълоуоуити сѧ, хощетъ сѧ**); with the verb **бъıти** in 3 sg.; with invariable predicatives[16] – adverbs (**добрѣ, добро, лѣпо, нелѣпо, безъ лѣпото,**

[16] BAN 1991: 400.

оуніе, мощьно, потрѣбьно, ноужденѣіе, неподобьно) and adverbialized nouns which have acquired a modal meaning[17] (годъ, неуѣсть, ноужда, подоба, польза, потрѣба), usually with бъıти in 3 sg. The copula in the translation is omitted less frequently than in the Greek text.

The most numerous are the instances with подобаіетъ (17+2, in which the governing verb is absent), лѣпо іестъ (8) and потрѣба (іестъ) (4). The rest of the governing phrases are represented once or twice. The cases more deserving of attention are the one with the impersonal phrase хощетъ ми сѧ, the constructions with бъıти, and the borderline cases which approximate to other types of use. The Greek impersonal phrase μέλει μοι ('care about') requires genitive, and here this is a substantival infinitive. The translation retains the impersonal phrase, and it regularly governs a dynamic infinitive. It is close semantically to the constructions with a modal verb: 223г$_{4-6}$ аще ли же, и вѣдѣти се, намь, хощеть. оуѹистимь се оумомь. 34,2 Εἰ δὲ ἅπαξ καὶ τοῦ προγινώσκειν ἡμῖν μέλει, καθαρεύωμεν τῇ διανοίᾳ.

The impersonal usage of бъıти as a governing verb of an infinitive may denote various modal meanings (see for example BAN 1991:397–399, Mirčev 1973). When it is collocated with a verb of perception, it denotes an objective possibility: 226г$_{15-18}$ и бѣаше поистинѣ видѣти. іакыї мѣсто нѣкотороіе себѣ соуще. бг҃оу҃тиемь и правдою оукрашено. 44,3 Καὶ ἦν ἀληθῶς ἰδεῖν ὥσπερ χώραν τινὰ καθ' ἑαυτὴν οὖσαν θεοσεβείας, καὶ δικαιοσύνης. A meaning of possibility and necessity is expressed in the following example (the modal meaning is emphasized also by the use of a rhetorical question: 214в$_{11-14}$ и бѣаше іемоу крьмѣ, хлѣбь и соль. и пиѣаше воду. ѡ месѣ́х во, и ѡ винѣ ли то іе҃ глати. 7,6–7 Καὶ ἦν αὐτῷ ἡ τροφὴ ἄρτος καὶ ἅλας, καὶ τὸ ποτὸν μόνον ὕδωρ. Περὶ γὰρ κρεῶν καὶ οἴνου περιττόν ἐστι καὶ λέγειν. It is observable that in Greek there is an adverbial impersonal construction instead, whose modal meaning is weaker.

The borderline nature of the following example is due mostly to the Greek text, where the infinitive is substantival and it is governed by a noun: 219а$_{9-13}$ варивь бо гь҃ рⷭ҃, цр҃твиѥ нб҃ноѥ вь вась іе҃. потрѣбно да воудеть, еже вьзискати намь. понѣже вь на҃ то іе҃ъ и ѡ҃ на҃ сьставлѧіетъ се. 20,4–5 Φθάσας γὰρ εἶπεν ὁ Κύριος· "Ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἐντὸς ὑμῶν ἐστιν." Οὐκοῦν ἡ ἀρετὴ τοῦ θέλειν ἡμῶν μόνου χρείαν ἔχει, ἐπειδήπερ ἐν ἡμῖν ἐστι καὶ ἐξ ἡμῶν συνίσταται. In the phrase ἡ ἀρετὴ ἔχει χρείαν μόνου τοῦ θέλειν ἡμῶν the infinitive cannot be regarded as a dynamic one, because its nominal nature is brought forward, so it could be translated as 'the virtue is in need only of your *will*'. The Old Bulgarian translation in its turn accentuates the nominative function of the infinitive, dependent

[17] BAN 1991: 400.

on an impersonal phrase, by imitating the Greek article. The subjectivity of the infinitive (though governed by an impersonal phrase) is emphasized also in the cases where the sentence is elliptical and the governing phrase itself is omitted: 232в$_{5-9}$ **ѹто добро іе̑ єже ли кр̑ть исповѣдати. или любодѣиство, дѣтогоубліенїе. прилагати гл҃ємьїимь ѡ ва̑ бг҃омь.** 74,3 Τί κάλλιόν ἐστιν, σταυρὸν ὁμολογεῖν ἢ μοιχείας καὶ παιδοφθορίας προσάπτειν τοῖς λεγομένοις παρ' ὑμῖν θεοῖς; (Once again in the translation this function is highlighted by the article-like **ѥже**); and below, as a part of the same speech of St. Anthony: 232в$_{13-24}$ **тауе по семь, коѥ ѥ гл҃ати. такоже бжїѥ слово не ѕаблоудн (...) или бесловесѣнимь, оупо̑бити ба̑ уисти. четвороногаа и гадии. и улу̑ьскыїи wбраѕии.** 74,4–5 Ἔπειτα τί βέλτιόν ἐστιν, λέγειν ὅτι ὁ τοῦ θεοῦ Λόγος οὐκ ἐπλανήθη (...) ἢ ἐν ἀλόγοις ἐξομοιοῦν τὸν θεὸν καὶ διὰ τοῦτο σέβειν τετράποδα καὶ ἑρπετὰ καὶ ἀνθρώπων εἰκόνας; (here the translation is obscure, and the mistakes that are made also conduce to it; the construction in Greek is analogical to the previous one). In the last examples the infinitive as a formal subject of the governing impersonal construction is very similar to the real subjective infinitive, cf. for example 218г$_{24-27}$ **а єже wбратити сѧ назадь, нюуторе іе̑ инѡ, раꙁ'ѣ раскаꙗвьше сѧ. и пакь мирскаа моудрьствовати.** 20,2 Τὸ δὲ στραφῆναι οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν ἢ μεταμεληθῆναι καὶ πάλιν κοσμικὰ φρονεῖν (here the subject as well as the predicative are expressed by infinitive forms).

5. Conjunctional use of the infinitive with final and consecutive meaning

Compared to the types of usage of the dependent dynamic infinitive reviewed so far, this type is distinguished for several particularities: it is introduced by a conjunction (usually **ꙗко** or **ꙗкоже**), it functions as a predicate in a consecutive or final clause, and when it expresses a consequence, it is governed by the entire main clause. It renders the Greek construction ὥστε/ὡς + infinitive and under its influence it becomes widespread in the Old Bulgarian literary language as an alternative of the subordinate clause with a finite verb. As a rule the constructions with **ꙗко/ꙗкоже** and infinitive have a consecutive meaning, there are much less instances of such constructions with a distinct final meaning[18]. To a great extent this is due to the Greek

[18] In the oldest homilies there are no instances of **ꙗко** and an infinitive see (Bláhová 1973: 66), in the Gospels the constructions are only with **ꙗко**, in the other literary monuments (especially Codex Suprasliensis) – with **ꙗкоже**, see (Słoński 1908: 42 sqq.) On the incidence and the usage of this construction in Old Bulgarian see also (Słoński 1908: 13–14, 76; Grünenthal 1911: 5; Xodova 1987: 43, 45–46; Pacnerová 1964: 548, 553; BAN 1991: 506).

language itself, where this construction is almost the unique means of expressing consequence, whereas purpose can be expressed through various alternating patterns including ὥστε and infinitive.[19]

Although the difference between purpose and consequence is not always distinct enough, the text under discussion meets our expectations and the instances of consecutive meaning are considerably predominant. Often there is a demonstrative adverb in the main clause. The infinitival constructions denoting purpose are less numerous and their Greek correspondences are much more varied – the subjunctive clause with ἵνα remains the main method of expressing purpose in the Greek text and it is rendered into Old Bulgarian usually through a *da*-clause. The infinitive is introduced mostly by ꙗкоже, sometimes by ꙗко, once by ѥже with a final meaning and in one disputable case by да. In the Greek text, besides the conjunctions already mentioned with an infinitive, there are some other correspondences with a final meaning – a subjunctive clause with ὅπως and substantival infinitives introduced by πρὸς τό and εἰς τό (and an instance with τοῦ, already discussed above, in the group of the infinitives governed by a noun). There are several cases in which the Greek infinitival construction is rendered through a consecutive clause with a finite verb in the translation. The subject of the infinitive may be either identical with or different from that of the main verb. When the subject is explicit, it is in dative, i.e. the construction *dativus cum infinitivo* corresponds to the Greek *accusativus cum infinitivo*.[20] In one case there stands accusative in the translation as well.

The following cases are of a relatively clear final meaning: 230в$_{17-22}$ видѣаше. акы̀ вьнѣ себѣ бы̀вающа. и акы̀ на вьздоусѣхы́, вели́ми ѿ нѣкыѝхъ. тауѣ лютьı̀. грьдьı̀. стоѥще на вьздоусѣхъ. и хотѣще то оустaвити. ꙗко не миноути 65,2–3 ἔβλεπεν ἑαυτὸν ὥσπερ ἔξωθεν ἑαυτοῦ γινόμενον καὶ ὡς εἰς τὸν ἀέρα ὁδηγούμενον ὑπό τινων· εἶτα πικροὺς καὶ δεινούς τινας ἑστῶτας ἐν τῷ ἀέρι καὶ θέλοντας

[19] H. Kurzová takes notice of this in regard to the classical Greek language: "Gerade hinsichtlich der Konsekutivbedeutung füllt der Infinitiv mit *ὥστε* eine Lücke im System der konjunktionalen Nebensätze aus." (Kurzová 1968: 49). In a great measure in refers to the New Testament Greek as well: "Die Einfürungspartikel für den Inf. der Folge ist wie im klass. Griech. *ὥστε*, neben dem das einfache *ὡς* so wenig wie im gewöhnlichen Attischen hinreichend gesichert ist" (Blass-Debrunner 1961: 238, § 391). Once again with regard to the New Testament Greek the proximity between the consecutive and the final meaning of the constructions with ὥστε is discussed: "Es wird aber mit *ὥστε* im NT wie att. keineswegs bloß die wirkliche oder die mögliche Folge eingeführt, sondern auch (was sogar das Ältere ist) die beabsichtigte, so daß eine Grenze gegen die Absichtssätze kaum mehr sichtbar ist" (Blass-Debrunner 1961: 238, § 391). On the interweaving of the two meanings and their means of expression in the later Greek see also (Blass-Debrunner 1961: 248, § 400).

[20] According to the classification of Mrazek, this is type 7, see (Mrazek 1963: 122–123).

αὐτὸν κωλῦσαι ὥστε μὴ διαβῆναι. 218в$_{16-18}$ такоже не стоужати си. добро намь пооучати се а҃пла словоу. 19,2 Εἰς δὲ τὸ μὴ ὀλιγωρεῖν ἡμᾶς καλὸν τὸ τοῦ ἀποστόλου ῥητὸν μελετᾶν (the final meaning of the construction is verified not only by the Greek correspondence, but also by its position before the main clause). 226г$_{11-15}$ молюще се. веселеще се ѡ бо҃ѭи҃. бл҃гыихъ надежа҃дахъ. и дѣлающеѣ такоже творити ни. (sic) любве же братьнѥ. имоуще дроугъ къ дроугоу. 44,2 εὐχομένων, ἀγαλλιωμένων ἐπὶ τῇ τῶν μελλόντων ἐλπίδι καὶ ἐργαζομένων εἰς τὸ ποιεῖν ἐλεημοσύνας, ἀγάπην τε καὶ συμφωνίαν ἐχόντων εἰς ἀλλήλους. 222а$_{15-16}$ таже и се помыѣшлѧти пъ҃ваѥть, еже не богати се сихъ́. 28,8 Ἔπειτα κἀκεῖνο λογίζεσθαι χρή, πρὸς τὸ μὴ φοβεῖσθαι τούτους· (in the Old Bulgarian translation of the *Vita* there are no instances of prepositional infinitive with the invariable relative pronoun иже, which imitates the Greek article). 212в$_{23-30}$ тамо оубѡ въ наученъ́кы ходе, разъмыѣшлѧе прѣмѣраше. такоже да ни, къ родителюма, въздра́шаѥть се, ни же срьдоволе поминаѥть. вс́оу же любовь, и вс́е спѣшение имѣти 3,5 Ἐκεῖ τοίνυν τὰς ἀρχὰς διατρίβων, τὴν διάνοιαν ἐστάθμιζεν, ὅπως πρὸς μὲν τὰ τῶν γονέων μὴ ἐπιστρέφηται μηδὲ τῶν συγγενῶν μνημονεύῃ. In this example the translation is inconsistent, but if this sentence is regarded as it stands, the infinitive is equivalent to the *da*-forms and it is introduced likewise by the conjunction такоже. The next example also poses many questions because the translation transforms entirely the syntactic structure of the Greek sentence: 212г$_{7-12}$ н҃бо, нь (= небонь) вьнюмаше утению, такоже нищесомоуже, ѿ писа́нн҃и, падати ѿ него на зем́ли. вс́е же съдрьжаше, да въ памѣтьї бъ́ївь оубо. въ кни́гъ мѣсто, оумь дрьжати. 3,7 Καὶ γὰρ προσεῖχεν οὕτω τῇ ἀναγνώσει, ὡς μηδὲν τῶν γεγραμμένων ἀπ' αὐτοῦ πίπτειν χαμαί, πάντα δὲ κατέχειν καὶ λοιπὸν αὐτῷ τὴν μνήμην ἀντὶ βιβλίων γίνεσθαι. As concerns the translation alone, the second infinitive – дрьжати – may be regarded as final, introduced by the conjunction да. In regard to the consecutive clauses Słoński also takes notice of the contamination between *da*-clause and infinitive, when the translator 'forgets' that there should be a finite verb after да (see Słoński 1908: 14). Nevertheless, one should bear in mind that in the last example the transformation of the sentence, compared to the Greek original, is probably due to a succession of mistakes.

All in all, the cited examples show that in the Old Bulgarian translation the conjunction такоже with infinitive expresses purpose more frequently and freely than the construction ὥστε + infinitive in Greek (one instance only in the text).

The instances of consecutive infinitival clauses with тако/такоже in the *Vita* are numerous. Often there is a demonstrative adverb in the main clause (сице, тольма, такъ, usually οὕτως in Greek). When there is no such adverb, some dubiety may occur about the meaning: 237в$_{26}$–г$_{1}$ вьи же оубѡ погребьїта тѣло моє. и по҃ зем́лию скрита. и да ѥ моє слово, хранимо вама. такоже никомоуже вѣдѣти мѣста. развѣ

вдю тьчию. 91,7 Θάψατε οὖν τὸ ἡμέτερον ὑμεῖς καὶ ὑπὸ γῆν κρύψατε, καὶ ἔστω τὸ παρ' ἐμοῦ ῥῆμα φυλαττόμενον παρ' ὑμῖν, ὥστε μηδένα γινώσκειν τὸν τόπον πλὴν ὑμῶν μόνον. (here it is very close to the final meaning – 'so that' is almost equal to 'in order that'); 219б$_{13-16}$ **вогди же намь подвизание. такоже не могуити на̂ гнѣвог. ни вѣдрьжати на̂ помьїслог** 21,1 Ἔστω δὲ ἡμῖν ἀγών, ὥστε μὴ τυραννεῖν ἡμῶν θυμὸν μηδὲ κρατεῖν ἡμῶν ἐπιθυμίαν. (with some reservations this instance may be added to the group of infinitives governed by a noun). In many cases the subject of the infinitive is suggested by the context, whether it coincides with that of the main action or not, and when it is explicit, it is almost always in dative: 213б$_{22-25}$ **дн҃емь же пакы стоужаю емог. такоже и видещимь, уюти швою вранне вьївающе.** 5,3 μεθ' ἡμέραν δὲ οὕτως ἐνοχλῶν ὡς καὶ τοὺς ὁρῶντας αἰσθέσθαι τὴν γινομένην ἀμφοτέρων πάλην. 215а$_{13-16}$ **и толма вьї (= би) ранаами, тако везь гла̂ емог, ѿ моукь лежати на земли.** 8,2 τοσοῦτον αὐτὸν ἔκοψε πληγαῖς, ὡς καὶ ἄφωνον αὐτὸν ἀπὸ τῶν βασάνων κεῖσθαι χαμαί. The replacement of the accusative with dative in the translation gets to such an extent that even the accusative of the direct object is replaced once: 228а$_{3-7}$ **ѿходещог емог оубьць и пр҃ѣположьшог ст҃ворити годь. такоже ни томог исходити. ни комогже приѣти.** 48,1 Ἀναχωροῦντι τοίνυν αὐτῷ καὶ προθεμένῳ ποιῆσαι χρόνον, ὥστε μήτε αὐτὸν προϊέναι μήτε τινὰ δέξασθαι, κτλ. In one case the subject of the infinitive is in nominative: 224а$_{14-18}$ **дшьньїи помьїсли. тогда везь вьзмогущениа. и везь влъшьства пр҃ѣвьїваютъ. такоже ст҃имаемиь и совою гавлающе се видѣти.** 35,5 Οἵ τε λογισμοὶ αὐτῆς (sc. ψυχῆς) ἀτάραχοι καὶ ἀκύμαντοι διαμένουσιν, ὥστε καταυγαζομένην αὐτὴν δι' ἑαυτῆς τοὺς φαινομένους θεωρεῖν. (In the translation the subject of the infinitive coincides with that of the main verb – it is the participle **ст҃имаеми**, which is in agreement with the main subject **помьїсли**. In Greek the subjects are not identical).

The wide currency of these constructions, which are influenced by the Greek language, as well as the preference for the conjunction **такоже**, conform to the characteristic features of the literary production of Preslav and bring the Old Bulgarian translation of *Vita Antonii* closer to such monuments as Codex Suprasliensis.

And yet, the infinitival constructions are not the only kind of consecutive clause in the Old Bulgarian translation of the *Vita*. Though rarely they alternate with the consecutive clause with a finite verb as a correspondence to the Greek infinitival construction: 214в$_{1-3}$ **бѣдѣаше во тълико, такѡ же многащии, всог нощь пр҃ѣбиваше везѣ сна.** 7,6 Ἠγρύπνει γὰρ τοσοῦτον, ὡς πολλάκις καὶ ὅλην τὴν νύκτα διατελεῖν αὐτὸν ἄϋπνον. 217г$_{10-14}$ **вседо житиє оу҃ьскоє, кратко і҃е̂ см҃ѣраемо, съ воудоущиими вѣкы҃. такоже вьсь годь житиє наше. ни въ утоже і҃е̂, противог вѣчнѣи жизни.** 16,4 Ὅλος γὰρ ὁ τῶν ἀνθρώπων βίος βραχύτατός ἐστι, μετρούμενος πρὸς τοὺς μέλλοντας αἰῶνας, ὥστε καὶ πάντα τὸν χρόνον ἡμῶν

μηδὲν εἶναι πρὸς τὴν αἰώνων ζωήν. 215a$_{16–21}$ **изѣщаше бо сице, зѣло бꙑ́ти болѣзнемь. такоже и гл҃ати ємоу немощии, газваами, и болѣзньми. такоже ѡ҃ ѵ҃лкь никтожеь такꙑ́іе моукꙑ́іи не стрьпѣ николиже.** 8,3 Διεβεβαιοῦτο γὰρ οὕτω σφοδροὺς γεγενῆσθαι τοὺς πόνους ὡς λέγειν μὴ δύνασθαι τὰς παρὰ ἀνθρώπων πληγὰς τοιαύτην ποτὲ βάσανον ἐμποιῆσαι. (The last instance is disputable. The sentence as it stands in the translation is consecutive, but the Greek text reveals that this hardly could be the original form of the translation and this instance should be numbered among the cases of replacement of declarative infinitives, see below).

B. Declarative infinitive

Despite all these various types of usage the dependent dynamic infinitive is based on a single and primary meaning of the infinitive form – the final-consecutive meaning, which is inherent in all the types observed so far. The other main function of the dependent infinitive comprises much more uniform and less numerous instances. As a rule the so-called declarative infinitives are governed by verbs of speech, thought, and perception, and some verbs meaning 'pretend, seem' may be added. The function of this type of infinitive is to reveal the content of the governing verb, and from a syntactical point of view it is the complement of the predicate. In this respect it is similar to most of the dynamic infinitives. The fundamental difference is that the declarative infinitive is a substitute for an indicative statement, and its relation to the governing expression is not of a final-consecutive nature.[21] Two important issues follow from this difference: 1. Some verbs (mainly *verba dicendi*) may govern dynamic as well as declarative infinitive. Thus phrases with equal syntactic structure differ in meaning, which could be explained only with the type of the infinitive, e.g. with the verb **глаголати**: 235в$_{21–24}$ **соудимиже на оусп҃хъ бꙑ́ваше гл҃ю паче всего творити правꙋ, и богати се бг҃а.** 84,6 Τοὺς δὲ δικαστὰς ὠφέλει, συμβουλεύων πάντων μᾶλλον προκρίνειν τὸ δίκαιον καὶ φοβεῖσθαι τὸν θεὸν κτλ. ('telling them to') 230a$_{20–22}$ **гл҃ющемь же їже вь кораблѣ. ѡ҃ рибꙑ́ сми́радоу бꙑ́ти.** 63,2 Τῶν δὲ ἐν τῷ πλοίῳ λεγόντων ἰχθὺν εἶναι κτλ. ('telling them that').

[21] In her monograph on the syntactic structure of the Greek infinitive H. Kurzová predicates, that the declarative infinitive is a specific Greek characteristic: "Der deklarative Infinitiv stellt einen historisch jüngeren und spezifisch griechischen Typus des Infinitivs dar." (Kurzová 1968: 55). Still, there is no reason to believe that the syntactic features of the Slavonic declarative infinitive – though with a more limited use and undoubtedly influenced by the Greek language – are any different. The works dealing with Old Church Slavonic syntax take notice of this use of the infinitive and its alternative means of expression and consider it mainly in regard to the use of *dativus cum infinitivo* (Mrazek 1963: 121, Haderka 1964: 510), or *accusativus cum participio* (Večerka 1961: 57–62, Pacnerová 1964: 553, Haderka 1964: 522).

2. The rival patterns, which alternate with the declarative infinitive, are different from that of the dynamic infinitive – these are clauses, joined asyndetically or with the conjunction ѩако (the ὅτι-clauses in Greek), and participles. Besides, the functional difference between the two infinitive types affects the choice of the translator – in the Old Bulgarian translation of the *Vita* there are considerably more cases of inconformity between the Greek text and the translation in rendering the declarative infinitive, than all the variety of dynamic infinitives.

There are more than 75 instances of declarative infinitive in the Greek *Vita*. In the translation the infinitive is used only in 19 cases, 2 of which have a different Greek correspondence, and in the rest of the cases there is a finite verb (ca. 20) or a participle (ca. 40).[22] According to the results the most frequent means for transforming a statement into a dependent part of the sentence is the participle. Syntactically this use is analogical to the construction *accusativus cum participio* with verbs of perception, and that is why they are usually examined together.[23] The difference consists mainly in the fact that the declarative infinitive in Greek is used mostly with verbs of speech and thought. With verbs of perception the construction *acc. c. part.* is the most frequent since classical times, whereas the declarative infinitive occurs less often.[24] This is material to the present research, since it is interested not only in the particularities of the Old Bulgarian text, but also in the influence, which the language of the original exerts on the translation. When *acc. c. part.* renders the Greek *acc. c. part.* with verbs of perception, and again *acc. c. part.* renders the Greek declarative infinitive with verbs of speech and thought, all this has an effect on the total number and distribution of the discrepancies between the two texts.[25]

---

[22] This is not an absolute number and it refers to the text of the translation the way it is preserved in Xlud. 195, a representative of the South Slavic manuscript tradition. If the missing text from the large lacunas is to be taken in consideration (which would need a comparison with the Russian copies as well), the number of the declarative infinitives might probably rise, but this would hardly change the general proportion of the discrepancies.

[23] R. Večerka gives the following definition of this construction: "Vazba akuzativu s participiem stojí v staroslovenštine po slovesích smyslového vnímání a duševní činnosti a vyjadřuje (indikativne) obsah činnosti temito slovesy vyjádřené" (Večerka 1961: 57). He presents a list of verbs, which govern *acc. c. part.*, and makes analyses of the instances in the Old Church Slavonic monuments (Večerka 1961: 57–64).

[24] Kurzová 1968: 59 sqq.

[25] The use of *accusativus cum infinitivo* in Old Bulgarian is considered a Greek influence, which has a 'restraining effect' on the use of the preferred construction *accusativus cum participio*, see (BAN 1991: 523) (the example cited therein contains exactly a declarative infinitive).

Nevertheless, the cases of declarative infinitive in the *Vita* give sufficient material for observing this type of usage. The governing verbs in the Old Bulgarian text are various – вѣровати, глаголати, извѣщати, мьнѣти (сѧ), облиѹдати, отъвѣщати, повѣдати, показати, помъышлѣати, прѣтварѣати сѧ, съмъгати, оукрѣпити сѧ. Once again (similarly to the dynamic infinitive), if the subject of the infinitive is different from that of the main verb, it is usually in dative, and if it is the same, it remains implicit: 234а$_{10–14}$ и соуть же довол҃на си зн҃менила. показати на б҃гоуьстиѥ. вѣрѣ вьїти єдинои истинѣ и єже ѡ х҃ѣ бл҃гоуьстиѥ. 80,1 Καὶ ἔστι μὲν ἱκανὰ ταῦτα τεκμήρια δεῖξαι τὴν κατὰ Χριστὸν πίστιν μόνην ἀληθῆ εἶναι εἰς θεοσέβειαν. 216г$_{19–22}$ и пришѣ къ дв҃ремь, молѣше ѹл҃вкы штити не богати сѧ. тако бо гл҃аше вѣсомь. мѹ́тьї творити не (= на) боюще сѧ. 13,4 Καὶ προσελθὼν ἐγγὺς τῆς θύρας, παρεκάλει τοὺς ἀνθρώπους ἀναχωρεῖν καὶ μὴ φοβεῖσθαι· οὕτω γὰρ ἔλεγε τοὺς δαίμονας φαντασίας ποιεῖν κατὰ τῶν δελιώντων. 231в$_{29}$–г$_{2}$ многи же єлини мл҃ѣхоу сѧ тьѹию, понѣ прикосѧ́ноути сѧ стар҃ци. вѣроующе оусп҃ѣхъ приѥти. 70,3 Πολλοὶ δὲ καὶ Ἕλληνες ἠξίουν κἂν μόνον ἅπτεσθαι τοῦ γέροντος, πιστεύοντες ὠφελεῖσθαι. 220в$_{19–23}$ їже бо море вьзьвѣщавь погоубити, и вселеноую швьѥти. сѧ н҃ина не поможеть разр҃оушити, вьз҃рьнила (*sic*) нашего24,6 Ὁ γὰρ τὴν θάλασσαν ἐπαγγελόμενος ἐξαλείφειν καὶ τὴν οἰκουμένην καταλαμβάνειν, ἰδοὺ νῦν οὐ δύναται κωλῦσαι τὴν ἄσκησιν ὑμῶν (*v. l.* ἡμῶν). 229б$_{27}$–в$_{2}$ и тако оубѡ видѣаше ѥго, не хотѣща повѣдати емоу. оукрѣпи сѧ дрьже за ногѫ́, не шставити ѥго прьвѣѥ. донелиже не оувѣсть ѿ него. 60,8 Ὡς δὲ ἑώρα μὴ θέλοντα εἰπεῖν αὐτόν, διισχυρίζετο κατέχων αὐτοῦ τοὺς πόδας, μὴ πρότερον ἐξαφεῖναι, πρὶν ἂν μάθῃ παρ' αὐτοῦ.

But the translation is not always consistent in this regard: 232в$_{25}$–г$_{1}$ какѡ смѣсте лоукавьствовати нами. гл҃юще х҃оу ѹл҃кѡмь тавити сѧ. вьї же ѿ оума д҃шоу ѿлоуѹающе гл҃ете скытати сѧ ѥи. испадьшоую ѿ вьїсоти нб҃н҃ьїѥ вь тѣло. 74,6 Πῶς δὲ χλευάζειν τολμᾶτε ἡμᾶς, λέγοντας τὸν Χριστὸν ἄνθρωπον πεφανερῶσθαι; Ὅπου γε ὑμεῖς, ἐκ τοῦ Νοῦ τὴν ψυχὴν ὁρίζοντες, φάσκετε πεπλανῆσθαι αὐτὴν καὶ πεπτωκέναι ἀπὸ τῆς ἀψίδος τῶν οὐρανῶν εἰς σῶμα. (in the latter case of declarative infinitive in this sentence the participle испадшоую, which itself renders a declarative infinitive, is in accusative, i.e. it is not in agreement with the dative subject of the infinitive, the pronoun ѥи). Besides, there are two cases of declarative infinitive with identical subjects, in which the predicatives keep the nominative of the main subject: 218б$_{19–21}$ и паѹе же аще помьїишлѣаѥши, вьїти рабь г҃н҃ь. и хощеши ц҃роу работати. 18,1 καὶ μάλιστα, ἐὰν λογίσηται δοῦλον ἑαυτὸν εἶναι τοῦ Κυρίου καὶ ὀφείλοντα τῷ δεσπότῃ δουλεύειν. 213в$_{19–22}$ вѣше же все то на срамь, диаволоу. мнѣ́все вьїти по҃вьнь бо҃у. ѭнотою н҃ина оуиграѥмь і҃ѣ. 5,6–7 Ἦν δὲ ταῦτα πάντα πρὸς αἰσχύνην γινόμενα τοῦ ἐχθροῦ. Ὁ γὰρ νομίσας ὅμοιος

γενέσθαι θεῷ ὑπὸ νεανίσκου νῦν ἐπαίζετο. (also nominative in Greek in the latter example).[26]

Despite the undoubted influence of the Greek language on the use of the declarative infinitive, there are two instances in the translation, which are not directly dependent on the Greek text: 231б$_{15-19}$ **тѣшда сѧльгаѥ́шемь во нѣколии. дрижаномь. такожѣ дрьжати такоже и томоу. того дѣла гнѣваше сѧ на нѥ. и гонѣше ѥ.** 69,1 Καὶ ψευσαμένων δέ ποτε τῶν 'Αρειανῶν, ὡς ἐκείνου τὰ αὐτῶν φρονοῦντος, ἠγανάκτει καὶ ἐθαύμαζεν ἀκούσας. 233г$_{16-21}$ **коѓда то вс҃е пр҃ѣста и ѿнеможе. развѣ ег҃да хр҃ь кр҃тъ бы҃. и паче оупражнѧѥма имь и шблиуаѥма. тако не моц́номь тавити сѧ.** 79,2 Πότε ταῦτα πάντα πέπαυται καὶ ἠσθένησεν, εἰ μὴ ὅτε ὁ τοῦ Χριστοῦ σταυρὸς γέγονεν; Ἆρα οὖν ἄξιος οὗτος χλεύης, ἢ μᾶλλον τὰ καταργούμενα παρ' αὐτοῦ καὶ ἐλεγχόμενα ἀσθενῆ;

As already mentioned, the alternative patterns of the declarative infinitive are the finite verb and the participle. The sentences with a finite verb are introduced without a conjunction, usually as a direct speech. There are no indisputable instances of rendering the Greek declarative infinitive through a relative clause with **тако** (which otherwise renders the Greek ὅτι-clause) – the only instance of such a translation was mentioned with respect to the consecutive clauses with a finite verb, but the mistakes in the Old Bulgarian text do not allow definite conclusions. The declarative infinitives with governing verbs **мьнѣти (сѧ)**, **творити (сѧ)**, **тавлати сѧ** ('seem, pretend') are rendered only through participle. There are two examples where both a finite verb and a participle correspond to one declarative infinitive: 231б$_{1-4}$ **сповѣдаѥ и запр҃щаѥ. сїихь люб'ви не бесѣдоуи вр҃ѣдь соущии, и погы́бѣль во соу҃ дш҃и.** 68,1 ἡγούμενος καὶ παραγγέλλων τὴν τούτων φιλίαν καὶ ὁμιλίαν βλάβην καὶ ἀπώλειαν εἶναι ψυχῆς. 237а$_{2-25}$ **и оужасомь** (instead of **женамъ**) **пр҃щаше г҃лѥ. нѣ закон'но, ни в'сауьскы҃ї пр҃ав'но. соущеѥ сѧ** 90,4 καὶ γυναιξὶν ἐπέπληττεν, λέγων μήτε νόμιμον μήτε ὅλως ὅσιον εἶναι τοῦτο.

II. Independent infinitive

It includes those uses of the infinitive, where the infinitive functions as a main member of the sentence – subject or predicate – and is not dependent on a governing phrase. The ability of the infinitive form to function both as a subject and as a predi-

[26] E. Bláhová also observes the presence of the construction **мьнѣти сѧ** + infinitive in all the homilies in Glagolita Clozianus, noticing that it is due to the Greek influence and later the infinitive is replaced by a participle: "Grecisující *mьneti sę* + infinitiv bylo, jak se zdá, v cyrilometodějské staroslovenštine rovněž jedinou užívanou konstrukcí, i když bylo záhy nahrazeno vazbou s participiem." (Bláhová 1973: 22).

cate is due to its double nature, but it is the influence of the Greek language that has contributed most to the developing of this ability.

In formal terms the infinitive functions as a subject, when it is used with an impersonal phrase[27], but this type of use is a part of the dependent infinitive. Only those cases should be regarded as genuine, where the predicate is a notional verb or the predicative is not adverbialized. Despite this clear definition, it is sometimes hard to distinguish between the formal and the genuine subjective function of the infinitive in the translation. The reason for this is to some extent again in Greek, where a possible criterion is the presence of an article.[28] In *Vita Antonii* there are no instances of a subjective infinitive with a notional predicate. All the cases (8 in all) are with the verb 'to be' (in one of them the copula is omitted), and the predicative is usually a noun, in one case it is an infinitive and in another it is a substantivated phrase. When the subject of the infinitive is explicit, it is in dative in the translation, in conformity with the Greek *accusativus cum infinitivo*. The main indication of the subjective function of the infinitive is the noun **ꙗже** (**иже**), which renders the Greek article τό: 224г$_{17-20}$ **єже бо на нб҃сѣхъ, написаномь бꙑ́ти именемь. св҃ѣтельство і҆̂ добротꙑ́ наше, и житиа.** 38,3 Τὸ μὲν γὰρ ἐν οὐρανῷ γεγράφθαι τὰ ὀνόματα, μαρτύριόν ἐστι τῆς ἡμῶν ἀρετῆς καὶ τοῦ βίου. 218г$_{24-27}$ **а єже wбратити сѧ назадь, нижтоже і҆̂ инѡ, разꙋмѣ́ раскаꙗвьше сѧ. и пакь мир҃ска҃а моудрьствовати.** 20,2 Τὸ δὲ στραφῆναι οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν ἢ μεταμεληθῆναι καὶ πάλιν κοσμικὰ φρονεῖν. 219а$_{22-25}$ **а єже правѣ бꙑ́ти дш҃и, рекꙋ́ше, єже по і҆̂ствоу разоумноіе. ꙗкоже съ҃ѧнна і҆̂ испрьва.** 20,7 Τὸ γὰρ εὐθεῖαν εἶναι τὴν ψυχήν, τοῦτό ἐστι τὸ κατὰ φύσιν νοερὸν αὐτῆς ὡς ἐκτίσθη (τοῦτό ἐστι is mistakenly translated with **рекꙋ́ше**, which damages the sense and leaves the phrase without a predicate); 226в$_{22-24}$

---

[27] According to Old Bulgarian syntax this is the only possible use of the infinitive as a subject, cf. (BAN 1991: 413–414). E. Bláhová mentions about the absence of **ꙗже** + inf. as a translation of the Greek articular infinitive in the oldest homilies, see (Bláhová 1973: 24). There is only one such instance in the translation of the Psalter, cf. (Pastrnek 1903: 383). On the Gospels see (Kurz 1937: 304–306, Kurz 1972*b*: 81).

[28] The subjective infinitive in Greek is not always articular, because the article is compulsory only in the oblique cases with or without a preposition, whereas the article is usually not used with infinitives in the function of a subject or direct object (on the use of τό in these cases see for example (Jannaris 1897: 482 sq.; Schwyzer 1966: 365–372). The definite article emphasizes the subjective function of the infinitive and it may be used for that purpose even with impersonal phrases: "Dafür, daß der substantivierte Infinitiv bei unpersönlichen Ausdrücken vorwiegend als Mittel der ausgeprägten Subjektsfunktion anzusehen ist, spricht seine äußerst seltene Verwendung bei solchen unpersönlichen Ausdrücken, die keinen Anhalt für das Satzmodell S – P gewähren, z. B. *δεῖ*, *χρή*, *ἔξεστι*, *συμβαίνει*." (Kurzová 1968: 75). See also (Kurzová 1967: 277).

не с'моуѭениꙗ бо ѕ'намениѥ. єжє в'сауьскьї питати. тьї к'то єси и ѿкоу̑. 43,3 Ἀταραξίας γὰρ τεκμήριον τὸ ὅλως πυνθάνεσθαι· Τίς εἶ, καὶ πόθεν; (no copula).

There are several cases of independent infinitive in the function of a predicate in the main clause (about 5, in varying degrees of probability), almost all of them are disputable and none is verified by the Greek text. More certain are the instances where the infinitive is a substitute for an imperative form (this type can be defined as an independent dynamic infinitive): 218г$_{28-30}$ не вѫите же се слы̏шѣщимь, ѡ добротѣ не дивити се ѡ имени доброт҃ѣмь. 20,2 Μὴ φοβεῖσθε δὲ ἀκούοντες περὶ ἀρετῆς μηδὲ ξενίζεσθε περὶ τοῦ ὀνόματος. 230б$_{24-28}$ и славити оубо г҃а. єжє бо сиѭ оуст҃рьмити се емоу на ме ѕнамениє намь бы̑ ѡ исходѣ вѣса. 64,4 Δοξάζετε οὖν τὸν Κύριον· τὸ γὰρ οὕτως αὐτὸν ὁρμῆσαι κατ' ἐμοῦ σημεῖον ὑμῖν γέγονε τῆς τοῦ δαίμονος ἐξόδου. (probably the forms were originally imperative, as it is in Greek – ни дивите се, славите). Twice in the translation the governing verb не подобаѥтъ is omitted (οὐ δεῖ in Greek) and thus the infinitives substitute the imperative: 223в$_{25-29}$ тѣмиже ни въ коую мьї̏сль, тѣхъ поминати ни того ради въ̑рьжати се, ни трогъ̑ати се да проповѣмьї̏, нь да бг҃ъ доброѣ оугодьї̏мь. 34,1 Ὅθεν οὐ δεῖ περὶ πολλοῦ ποιεῖσθαι ταῦτα οὐδὲ διὰ ταῦτα ἀσκεῖσθαι καὶ πονεῖν, ἵνα προγινώσκωμεν, ἀλλ' ἵνα θεῷ καλῶς ἀρέσωμεν. 224г$_{3-8}$ нь понеже ꙗ̑, вѣсьїи изгонеще хвалити се ни ѡ цѣлбахъ въ̑звьї̏шати се. ни изгонещаго вѣсьї̏. тькмо же ѹюдити се не изгонещаго же прѣѡвидѣти. 38,1 Οὐ δεῖ δὲ ἐπὶ τῷ δαίμονας ἐκβάλλειν καυχᾶσθαι οὐδ' ἐπὶ ταῖς θεραπείαις ἐπαίρεσθαι, οὐδὲ τὸν μὲν ἐκβάλλοντα δαίμονας θαυμάζειν μόνον, τὸν δὲ μὴ ἐκβάλλοντα ἐξουθενεῖν. (probably the omission here is due to a mistake, because the lost of the negation is not compensated for).

The present review of the uses of the infinitive in the Old Bulgarian translation of *Vita Antonii* comprises almost all the typical characteristic features in the syntax of the infinitive form in this text. The classification which is suggested here is based on the well-known and investigated uses of the infinitive in the Old Bulgarian literary sources as well as on the syntax of the Greek infinitive. But its point of departure is above all the linguistic material offered by the text itself. The infinitive forms which are the result of obvious mistakes in the Old Bulgarian text are not taken into consideration. Neither are observed separately the ways of rendering the Greek articular infinitive – an exceptionally interesting Greek particularity, which is of great importance for translation. It is rarely rendered through an infinitive form in the text in question and cannot be considered a distinct type of usage.

REFERENCES

BAN 1991: Граматика на старобългарския език. С., 1991.

Bartelink 1994: Bartelink G., *Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine*. Paris, 1994.

Bláhová 1973: Bláhová E., *Nejstarší staroslověnské homilie (Syntax a lexikon)*. Praha, 1973.

Blass-Debrunner 1961: Blass Fr., *Grammatik des neutestamentlichen Griechisch.* Bearb. von A. Debrunner. Göttingen, 1961[11].

Browning 1983: Browning R., *Medieval and Modern Greek*. Cambridge, 1983[2].

Disterheft 1981: Disterheft D., "Remarks on the History of the Indo-European Infinitive."// Folia Linguistica Historica II/1, 1981, 3–34.

Grünenthal 1911: Grünenthal O., "Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung." // ASPh, 31, 1910, 321–366; 32, 1911, 1–48.

Haderka 1964: Haderka K., "Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках." // Slavia, 33, 1964, 505–533.

Helland 2004: Helland T., "The Greek Archetypes of the Old and Middle Bulgarian Translations of the Life ot Saint Anthony the Great." // Palaeobulgarica, 2004, № 4, 3–18.

Jannaris 1897: Jannaris A., *An Historical Greek Grammar, chiefly of the Attic dialect.* London, 1897.

Kostova 2000: Костова К., *Правопис и фонетика на преславските текстове*. В. Търново–София, 2000, 113–171.

Kurz 1937: Kurz J., "K otázce členu v jazycích slovanských, se zvláštním zřetelem k staroslovenštině." // Byzantinoslavica, VII, 1937–1938, 276–310.

Kurz 1972a: Kurz J., "Problematika překládání řeckých účelových infinitivů v staroslovenštine." // *Kapitoly ze syntaxe a morfologie staroslovenského jazyka.* Praha, 1972, 70–79.

Kurz 1972b: Kurz J., "Syntax 'členového' IŽE v staroslověnském jazyce." // *Kapitoly ze syntaxe a morfologie staroslovenského jazyka*. Praha, 1972, 80–86.

Kurzová 1966a: Kurzová H., "Der Accusativus cum infinitivo im Griechischen." // LF, 89, 1966, 231–237.

Kurzová 1966b: Kurzová H., "Zum Aussterben des Infinitivs im Griechischen." // Les études balkaniques tchécoslovaques, I, Praha, 1966, 39–50.

Kurzová 1967: Kurzová H., "Substantivizovaný infinitiv a substantivizovaná vedlejší veta." // LF, 90, 1967, 270–280.

Kurzová 1968: Kurzová H., *Zur syntaktischen Struktur des Griechischen (Infintiv und Nebensatz)*. Prag, 1968.

Marvan 1981: Marvan J., "Verbum infinitum в балтийских языках и его отношение к славянскому состоянию (Синтаксический анализ)." // Acta Universitatis Carolinae – Philologica, 2, Slavica Pragensia, 1960, 7–16.

Milev 1962: Милев А., "Членуваният гръцки инфинитив в евангелския текст и неговото предаване в старобългарския превод." // ИИБЕ, 8, 1962, 75–91.

Minčeva 1985: Минчева А., "За характера на конкуренцията между инфинитив и да-изречение в старобългарските паметници." // *Litterae Slavicae Medii Aevi.* FranciscoVenceslao Mareš Sexagenario Oblatae, Hrsg. J. Reinhart, München, 1985, 211–221.

Minčeva 1987: Минчева А., *Старобългарският език в светлината на балканистиката.* С., 1987.

Mirčev 1937: Мирчев К., "Към историята на инфинитивната форма в българския език." // ГСУ ифф, 33, 12, 1937, 1–34.

Mirčev 1973: Мирчев К., "За развоя на съчетания ѥстъ + инф. в български език." // *Славистичен сборник,* С., 1973, 69–72.

Mrazek 1963: Мразек Р., "К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке." // SPFFBU, 1963, A11, 107–126.

Pacnerová 1964: Pacnerová L., "Синтаксис инфинитива в старославянских евангельских кодексах с точки зрения техники перевода." // Slavia, 33, 1964, 534–557.

Pastrnek 1903: Pastrnek Fr., "Die griechischen Artikelkonstruktionen in der altkirchenslavischen Psalter- und Evangelienübersetzung. I. In der Psalterübersetzung." // ASPh, 25, 1903, 366–391.

Rijksbaron 1984: Rijksbaron A., *The Syntax and Semantics of the Verb in Classical Greek. An Introduction.* Amsterdam, 1984.

Schwyzer 1966: Schwyzer E., *Griechische Grammatik, Bd. 2. Syntax und syntaktische Stilistik.* München, 1966[3].

Słoński 1908: Słoński S., *Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern.* Kirchhain N.-L., 1908.

Sommer 1925: Sommer F., *Vergleichende Syntax der Schulsprachen (Deutsch, Englisch, Französisch, Griechisch, Lateinisch) mit besonderer Berücksichtigung des Deutschen.* Leipzig u. Berlin, 1925[2].

Večerka 1961: Večerka R., *Syntax aktivních participií v staroslovenštine.* Praha, 1961.

Vitić-Nedeljković 1999: Витић-Недељковић З., "*Житије светог Антонија* у српској рукописној традицији." // АП, 21, 1999, 37–131.

Xodova 1987: Ходова К., "К вопросу о синтаксических греко-славянизмах в древнерусском литературном языке (*дативно-инфинитивные конструкции в придаточных предложениях следствия*)." // Palaeobulgarica, 1987, № 4, 41–54.

About the author . . .

Aneta Dimitrova received her Master's degree in Old Bulgarian Studies in the Sofia University "St. Kliment Ohridski" in 2002. Her MA thesis was on the use of tenses in the Old Bulgarian translation of *Vita Antonii*. In 2004 she graduated as a BA in Classical Studies. At the present time she is a PhD student in the Sofia University under the supervision of Prof. Angelina Minčeva. The title of her doctoral thesis is "Syntax of the Translated in Preslav Vitae of St. Anthony the Great, St. Niphon, St. Theodore of Studios, St. John Chrysostom". Her scholarly interests are connected with the Byzantine and Old Bulgarian cultural (literary) relationship, especially in regard to the linguistic influence of the Greek texts on the Old Bulgarian translations.

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4/2005-2006

Copies of the Book of Revelation of St. John in Festal Collections[1]

Iva Trifonova

The Book of Revelation of St. John is the only canonical apocalyptic book included in the content of the New Testament. In the Middle Ages it was included in the liturgical practice of the Western church, but for the Eastern Orthodox world it remained out of liturgical practice and was not widespread among the Southern Slavs. Until now, description and study of preserved Slavonic Cyrrilic texts were mainly concentrated on the most numerous Russian copies (14th–19th c.)[2], accompanied with interpretations and later with illuminations, and found mainly among Eastern Slavs, as well as on the oldest in textological terms Bosnian copies and Croatian Glagolitic excerpts (Oblak 1891; Berčić 1866; Buslaev 1884; Amfiloxij 1886; Alekseev, Lixačeva 1987; Grünberg 1996; Kuna 1986). The latest studies on Revelation turn to tracking down, systematizing and research of preserved Southern Slavonic copies, which did not find the place they deserve in the overall textological history of the book (Grkovič-Major 2000; Jurić-Kappel 2002; Trifonova 2002). These studies pose the question about the way the Book of Revelation was distributed among Southern Slavs (and Eastern Slavs for that matter), about the existing but still untouched by science translations or versions of the book, as well as about the miscellanies in whose content the individual copies found their place.

---

[1] The subject was also discussed in a report delivered at the conference organized by the Cyrillo-Methodian Research Centre at the Bulgarian Academy of Sciences with the support of Fritz Thyssen-Stiftung and Alexander von Humbold-Stiftung: "Преводите през четиринадесетото столетие на Балканите". София, 26-28.06. 2003 (Balkan Translations in the 14th Century). I am extremely grateful for all questions and suggested complements to the study.

[2] Only one 13th century copy with the short interpretations of Andrew of Caesarea has been preserved – see: *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР*. Ленинград, 1976, 17; *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI-XIII в.* Москва, 1984; Oller Th. H., *The Nikol'skj Apocalypse Codex and its place in the textual history of medieval Slavic apocalypse manuscripts.* Dissertation, Department of Slavic Languages at Brawn University, 1993.

The preserved South Slavonic Cyrillic copies[3] are few in number, frequently later ones in chronological terms and familiar to science in two variants: non-interpretative, generally unusual for the Eastern Slavonic manuscript tradition[4], and interpretative, represented in later Serbian manuscripts. All these copies are characterized by a separate system of text formatting, which is not found in Eastern Slavonic manuscripts. The fact that they are kept in separate and hardly accessible library funds still hinders their research. Nor has the history of translations or versions they reflect been studied, or the way in which they spread among Southern Slavs. In short, they have not found the place they merit in the overall history of the book in the Middle Ages.

I.

It is the objective of the present study to accord the necessary attention to five calendar miscellanies to pay the necessary attention to five calendar miscellanies dating from the 14th through the 17thcentury in whose content the canonical text without interpretations of the Book of Revelation of St. John is featured under the date May 8, the feast of St. John the Theologian – a fact that so far studies of the book have not noted[5]:

1. Collection of vitas, 14th c. (1350–1360), 223 pages, 4°, semi-uncial. Two-jer orthography (with a prevalence of ѣ and use of median jer character), three-jus. Bulgarian. Contains selected vitas for January–July with disrupted calendar order.

[3] This study concentrates only on the Cyrillic copies of the book. Data from the Glagolitic and Cyrillic manuscripts will be compared in another study.

[4] With the exception of: the Apocalipse in the Čudov New Testament and its three later copies Un, Tl, T710 (Un – Russian State Library, f. 310, Undolski collection No.1; Tl – Russian State Library, Tolstoj collection Q.п.I.6; T710 – Russian State Library, f. 304, Troice-Sergieva Lavra collection No. 710) (cf. Alekseev, Lixačeva 1987: 13–14; Grünberg 1996, Grünberg 1999a); the Apocalipse from the Genadiev Bible, 1499, for which it has been proven that it derived from the interpretative version of the book (cf. Alekseev 1999: 196); the Apocalipse in the Ostrog Bible, 1580/1581. Grkovič-Major notes that the oldest non-interpretative Eastern Slavonic copy of the Apocalipse described by Buslaev dates from the 17th century (Grkovič-Major 2000: 311–312).

[5] The Apocalypse from the Hilandar monastery codex No. 445, 17th century (here under No. 5), is mentioned as part of the tradition of copying the book among Southern Slavs, but out of the context of proliferation of the book considered in this paper (cf. Grkovič-Major 2000: 312). With this I extend my heartfelt gratitude to Kl. Ivanova who first noted the existence of the text in the festal miscellanies studied and guided me to them, providing me the data with the specifications made by her. Full information about the codexes is featured in the descriptions mentioned after their presentation. – cf. also Ivanova Kl., *Bibliotheca hagiographica graeca balcanica*. (under press).

Kept at the Museum of the Serbian Orthodox Church under No. 43, where it came from the Krušedol monastery (MSOC 43). (see Bogdanovič 1982; Mošin 1955; Petkovič 1914: 212–213).

2. Miscellany containing texts from a menaion panegyric for December–July, new recension[6], 15th c. (1441), 307 f., 1°, semi-uncial. Two-jer, two-jus, Turnovo orthography. Written by Gavril Urik. The manuscript belonged to Neamt monastery and is now kept at the Library of the Romanian Academy of Sciences under signature Sl.165 (RAS 165). (see Panaitescu 1959: 248–250; Ivanova 2002: 361–362).

3. Menologion for April–June, new recension, 16th c., 337 f., 1°, semi-uncial. Moldavian. Two-jer, two-jus, Turnovo orthography. Begins with April 23 and ends with June 18. The manuscript belonged to Moldovita monastery and was later taken to Dragomirna monastery in Bukovina, where it continues to be kept today under signature 1828/739. (see Jufu 1970: 326–329; Ivanova 2002: 361–362).

4. Menaion panegyric, for February–May, new recension, 17th c. Without beginning and end, with omissions. 253 f., 1є, semi-uncial. Moldavian. Turnovo orthography with rare Russian borrowings restricted to certain texts. Donated by Metropolitan Anastasius Crimca of Moldavia and Suceava (1608–1617; 1619–1629) to Dragomirna monastery, as attested by a fragment of a note on f. 1. Currently kept at the Library of the Ukraininan Academy of Sciences, Petruševič collection No. 2. The content of this codex was described by I. Svencic'kij but with some inaccuracies (Svencic'kij 1906: 108–112).

5. Menologion for May–June, 17th c. (1626), I+336+1 f., 1°, semi-uncial. Resava orthography. There are also references to other books, as well as explanatory glosses in the fields. Part of the glosses show the hesitation of the writer in writing some words, as well as coorections in the spelling of the whole words or aprts of them in the field. In addition ѫ is used in some places at etymological location when there were doubts of writing оу or ѣ. The dates in the text rendered with words are noted with figures in the fields. The manuscript is kept at Hilandarou monastery under number No. 445 (HM 445) (see Bogdanovič 1978: 172; Matejic, Thomas 1992: 541; Ivanova 2002: 360, 367).

For the ends of this study we shall mean the overall description of the said calendar miscellanies but only a part of the lexical characteristic of the canonical text of the Book of Revelation (Apocalypse), included in MS 43, MSOC, 14th century (here under No. 1) and its later copy in RAS 165, 15th century (here under No. 2) are presented.[7] The contents of these two chronologically oldest miscellanies, of

[6] "New recension" here marks the term "новоизводен", cf. (Ivanova 2002: 349–369).

[7] I am grateful to A. Miltenova for the opportunity to work with this manuscript.

Bulgarian origin, feature the earliest preserved Bulgarian copy of the book – a fact noted only in the report of R. Kovačevič (Kovačevič 1990) and not reflected in the academic publications dedicated to the Apocalypse. At the same time these copies represent a different, unknown and unstudied translation or version of the book, featured in calendar miscellanies that represent the East Bulgarian Turnovo literature[8].

This study will not feature descriptions or tracking of changes in the orthography, nor will there be a presentation of occurrence of spoiradic lexical changes between the oldest preserved Bulgarian copy and it later copy dating from the 15th century[9], because both copies are distinguished by identical grammatical and lexical peculiarities and the text featured in RAS 165 (R165) has not been the object of research on the Apocalypse until now although it is evidence of the tradition of copying and distribution of the text[10].

II.

For the first time the canonical text of the Book of Revelation featured in MSOC 43 (MS) was presented as a Bulgarian copy in a report of Radmila Kovačevič, in textological comparison with the oldest Serbian copy of the book from the Hilandarou monaster codex No. 474, also from the 14th century, in comparison with the Bosnian manuscripts from the beginning of the 15th century. The differences between the two texts are quoted and the conclusion is that they originated from an old tradition (Kovačevič 1990). In later studies the Bulgarian copy was either not mentioned at all (Grünberg 1996, 1999a) or was merely noted as existing, without become the object of separate research (Alekseev 1999: 190; Grkovič-Major 2000: 312; Jurić-Kappel 2002: 75)[11]. It remains unknown to Slavonic studies. For it to come into circulation this paper offers data from the lexical characteristics of the text, which are compared with copies of the book already analysed in the individual studies.

[8] According to the assumption of K. Ivanova, cf. also the quoted description by Z. Jufu (Jufu 1970: 299–304).

[9] If there are such lexical changes between the mentioned copies they will be noted in the attachments to the present paper. The orthographic peculiarities and the different lexical variants will be studied and described in detail in a separate study.

[10] Regrettably I do not have at my disposal the copies of the book of Revelation from the festal miscellanies described under No. 3 and 4 to see whether they are later copies of the text included in MSOC 43 and RAS 165. At this stage I can only say that the copy of the Apocalypse featured in HM 445 is different.

[11] In both articles dedicated to the Southern Slavonic texts of the Apocalypse (see Grkovič-Major 2000: 312; Jurić-Kappel 2002: 75), the scholars have not had the opportunity to work with the text and quote the description made by Bogdanovič where the manuscript is identified as Macedonian (Bogdanovič 1982: 32). Alekseev, too, did not have the manuscript at his

For the comparison of MS and R165 with the remaining Cyrillic texts we shall use the article of K. Grünberg dedicated to the lexis in the Slavonic text of the Apocalypse (Grünberg 1999*b*) since it is the only one that offers a more comprehensive lexical analysis, regardless of the controversial elements in the study (cf. Trifonova 2005)[12]. The article discusses the essence of lexical differences between what Grünberg called the "*initial translation*" (the oldest textologically Bosnian copies) and the "*Russian version of the text from the middle of the 14th century*" (the text of the Apocalypse from the Čudov Gospel and its later copies)[13], respectively with the so-called "family text *a*" and "family text *b*" in his book of 1996 (Grünberg 1996: 52–91)[14]. In order to complement the analysis made by Grünberg and to develop more detailed lexical characteristics of the Bulgarian copy we shall also make a comparison with the interpretative and non-interpretative copies of the book, assumed fundamental in the separate studies in outlining the linguistic history and the way of distribution of the Book of Revelation (cf. Buslaev 1884; Alekseev, Lixačeva 1987; Oblak 1891; Hamm 1960; Grünberg 1996, 1999a; Jurić-Kappel 2002, 2004).

1. Non-interpretative copies:

a. The earliest in textological terms Bosnian Cyrillic texts: the Hvalova Apocalypse (H), the Mletac (M) and Radosav codex (Rd), all from the 15th century, as well as the Apoclaypse from the *Codex Suprasliensis* of 1507 (SSMD). The importance of these copies was noted even in the first critical study of the book (Oblak 1891). On the basis of H, M and Rd Hamm made an attempt to restore the initial text of the Apocalypse (Hamm 1960) and a new critical publication of the three copies under the edition of H. Kuna (Kuna 1986). These also constitute the "family text a" defined by Grünberg, but to these he also added SSMD (Grünberg 1996, 1999a)[15].

---

disposal and made an error in its presentation. Because of the topicality of his study I shall give a precise quotation here: "По устному сообщению Радмилы Ковачевич, в сборнике Музея Сербской Православной церкви 43 (Богданович 2560), написанном около 1350 г., содержится особая южнославянская переработка толкований на Апокалипсис." (Alekseev 1999: 190).

[12] In view of the objectives set down in the content the remaining more comprehensive studies on the text of the Apocalypse are based mainly on textological analysis of part of the text – from chapter 1 to 3 (Grünberg 1996) and from 2:1–3:13 (Alekseev, Lixačeva 1987: 13–14).

[13] The precise description of the copies analysed by K. Grünberg is offered below, cf. also footnote 4.

[14] The textological comparison between the initial translation of the canonical text of the Apocalypse and its later edition dating from the 14th century are also in the basis of the study of K. Grünberg dating from 1999 (Grünberg 1999*a*).

[15] Cf. More precise description in Alexeev and Lixačeva. They first noted the similarity between SSMD and H and their identical location in the content of the miscellanies in which they are included (Alekseev, Lixačeva 1978: 80–82; 1987: 12–13).

Jurić-Kappel presented the lexical and textological ratio between the Bosnian texts and the oldest Croatian Glagolitic copies, seeking their original foundation (Jurić-Kappel 2002, 2004).

b. The earliest preserved Serbian copy of the book: the Apocalypse from the Hilandarou monastery No. 474 (HM), end–14th century. This copy, too, has not been included in the fundamental studies dedicated to the book. Grkovič-Major linked its appearance in a codex containing hesyhast and anti-Latin texts from the Hilandarou monastery with the flourishing of the hesychast movement on Mt. Athos in the 13th–14th century and assumed that both H, M, Rd and HM belong to the so-called "old type" in which the canonical text of the Apocalypse is divided into 72 articles but without the commentaries of Andrew of Caesaria[16]. She proves that this copy is closely related to M, H, Rd (Grkovič-Major 2000: 311–313, 320)[17].

c. The Apocalypse from the Čudov Gospel (Č), mid–14th century, and its later copy with Middle Bulgarian orthography in Codex of the year 1493 (T710)[18]. Even Voskresenskij noted that the version of the text of the Gospel and the Apostle in the Čudov Gospel is rather peculiar. More recent studies prove that it largely coincides with the text of the Athonite version of these two books, although there are also essential differences (Xristova 2004: 785–798). On the basis of typicon apparatus and the textological peculiarities of the manuscript T. Pentkovskaja assumed that its origin is South Slavonic, not later than the 13th century, originating in a contact Byzantine-Slavonic zone (Pentkovskaja 2003: 32, 43–46). Grünberg assumes that Č and T710 present a later version of the Apocalypse made in the 14th century and constitute what he calls the "family text *b*" (Grünberg 1996; Grünberg 1999*a*; Grünberg 1999*b*)[19].

---

[16] See more details in (Dragojević 1981: 605).

[17] "По своме типу и структури текста он припада истом кругу којем припадају и три босанске апокалипсе. Међутим, разлике које међу њима постоје намећу и питање да ли је реч о различитим преводима или је ХА резултат касније, вероватно светогорске, исихастичке редакције текста чија праматица лежи и у основи босанский апокалипси" (Grkovič-Major 2000: 320).

[18] See a more detailed description in Grünberg (Grünberg 1996: 83–86) and Alexeev and Lixačeva (Alekseev, Lixačeva 1987: 10), cf. also footnote 4. I express sincere gratitude to D. Peev, D. Dimitrova and A. Turilov for the opportunity to work with T710.

[19] Alexeev and Lixačeva first noted: the identity of the text of Un, Tl, and T710 (cf. footnote 4); the obvious orthographic Bulgarian borrowings in T710; the separate version reflected in the three copies, which resembles the version of other biblical books (the Gospel, the Psalter, the prophetic texts) made in Bulgaria in the 10th century (Alekseev, Lixačeva 1987: 13–14). Later (after the comparison with Č) Alexeev found that these three copies actually follow, without systematic differences, the text of Č (Alekseev 1999: 194–195).

d. The Apocalypse from the Ostrog Bible (O), 1580/1581. It has been established that O contains characteristic features of both the Athonite translation tradition and earlier South Slavonic copies (Alekseev 1999: 207–208). Later East Slavonic interpretative texts (from the 17th century onwards) also usually follow O (Trifonova 2002).

2. Interpretative copies:

a. The oldest interpretative copy of the book – from the Nikolsky collection No. 1, f. 32, Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (N1), 13th century.[20] The copy was first described as one of the Novgorod school by Peretc (Peretc 1924), accompanied by the short interpretations of Andrew of Caesarea. Alexeev and Lixačeva proved that N1 shares the peculiarities of the later Eastern Slavonic interpretative copies, in spite of some individual features (Alekseev, Lixačeva1987: 20–22).

б. The Apocalypse in the Eastern Slavonic interpretative copies – from the collection of the Troice-Sergieva Lavra No. 119, f. 304, Russian State Library (Moscow) (T119), 14th century; from the Rumjancev collection No. 8, f. 256, Russian State Library (Moscow) (R)[21], 14th century; BOZ No. 92 of the manuscripts in the Polish repositories (BOZ), 15th–16th century, described by Štapov (Ščapov 1976: 40–43); from the Fekula collection No. 15, Hilandar Research Library (Ohio) (F), 16th century.[22] Even Gorskij and Nevostruev assumed a Greek original for the abbreviated version of the interpretations of Andrew of Caesarea (Gorskij, Nevostruev 1855: 194), later defined and published by Schmid (Schmid 1955–1956)[23]. Alexeev and Lixačeva studied N1, T119 and R at comparison of a total of 13 Eastern Slavonic interpretative texts and came up with the hypothesis of independent origin of the canonical text of the book from the interpretations attached (Alekseev, Lixačeva 1987: 18–20).

c. The later Serbian interpretative copies – ofrom the Plevlja collection No. 46, Belgrade National Library (Belgrade) (Pl), the beinning of the 15th century, from the collection of the Peč Patriarchate No. 99, Belgrade National Library (Belgrade) (P),

---

[20] I express sincere gratitude to A. Miltenova and G. Petkov for the opportunity to work with N 1.

[21] The text is used after the publication of archimandrite Amfiloxij (Amfiloxij 1886).

[22] I express sincere gratitude to the Hilandar Research Library, Ohio State University, Columbus, Ohio, for the opportunity to work with the photocopies of M, HM, T119, BOZ, F and for the studies on the book provided.

[23] In spite of the opinion of Peretc that an abbreviated Latin version of the interpretations was used a original (Peretc 1924).

16th century[24], from the collection of the Cyrill and Methodius National Library No. 101 (Sofia) (NB101), 16th century. It has been established that that Pl and P have identical canonical text and pertain to the same common Southern Slavonic source. NB101 belongs to the same source, in spite of some regulated editorial interventions, while the interpretations of the biblical text have been introduced separately. All three South Slavonic texts are not included in the main studies of the Book of Revelation. They also differ from the Eastern Slavonic interpretative copies by their structure and the character of interpretations – possibly a compilatory variant between the short and the full version of the comments by Andrew of Caesarea (Trifonova 2002; Trifonova 2003)[25].

Data from five Southern Slavonic manuscripts have been added in this study to the texts analysed in the article of Grünberg – MS and R165, HM, Pl, NB101. The data from these Southern Slavonic Cyrillic texts have not been compared to the copies representative of the history of the Apocalypse. Their comparison with the so-called "*initial translation*" and the "*later Russian version*" of the text is important because the translations or versions presented in MS (R165), in HM, in Pl (P, NB101)[26], as well as in Č and T710 stand aside from the so far outlined tradition of the Apocalypse. All these copies have their later copies and have to find the place they merit in the history of the book. Particularly as this is a matter of translations or versions of the text preserved from one and the same period – from the middle of the 14th and the 15th century – with proven Southern Slavonic foundation. The lexical analysis is also accompanied by data from the Eastern Slavonic interpretative copies (N1, T119, BOZ, R, F) and those from O, with a view to complement the overall characteristics of the Slavonic tradition of the Apocalypse in the Middle Ages.

---

[24] I express sincere gratitude to I. Kuzidova for the opportunity to work with the canonical text of P. Both Serbian manuscripts have been described by Bogdanovič under No. 1804 and No. 1805 (Bogdanovič 1982: 120). The data from P are not included in the present research work. The comparison between Pl, P and NB 101 will be an object of another publication.

[25] At analysis of manuscript No. 84 from the collection of the Romanian Academy of Sciences, 16th century (see Panaitescu 1959: 108–109), T. Mostrova established that the biblical text of the Apocalypse was the work of Preslav writers in additional introduction of the interpretations. In addition to the typical Preslav peculiarities it has also preserved a more archaic lexical layer typical of the initial translations of the Gospel, the Apostle and the Psalter, as well as a large number of untranslated Greek words (Mostrova 1986: 480).

[26] MS and Pl have been accepted as representative texts of the separate copies with which they share identical peculiarities. These corresponding copies have been quoted after them in brackets.

III.

The table offered here presents the lexical changes made consecutively between *"the initial translation of the Apocalypse"* and its *"later Russian version from the middle of the 14th century"* (Grünberg 1999*b*: 640–643), as well as the additional data from the Eastern and Southern Slavonic Cyrillic texts. Following the lexical variants that found their place in the 14th and 15th century texts and consistently replaced the initial lexemes is important for the proliferation, characteristics and localization of the separate copies. In most of the cases, examples of individually used Greek lexemes in the Apocalypse are also regarded as "*consistently*" made lexical replacements. They are nevertheless accepted as consistently made replacements if they find correspondence in the examples from the remaining copies. The examples published and commented in the article of K. Grünberg are complemented by examples missed by the author and some irregularities have also been corrected. These errors can be seen at comparison of the singularly used words with the lexical material from all 14th and 15th century texts included in the study. That is why the table does not include the examples quoted by the author featuring ἄρτι, διαυγής, κεράω, χλωρώς, at which there is disparity of data from the later copies (cf. Trifonova 2005). Additions to the table include δεσπότης, θέλημα, πάρδαλις, πλείων, σείω. Additions to the consistently made lexical replacements of words encountered more than once include ἀστραπή, εὐχαριστία, θαυμάζω, καλέω, κυκλόθεν, κύκλῳ, οὐδείς, στολή, φαρμακεία. We have also preferred the expressions *lexical variants* or *lexical replacements* instead of "*Slavonic doublets*" as K. Grünberg has called them (Grünberg 1999*b*: 640) because part of the replacements are contextually conditioned, introduce change of meaning or additional nuances to the meaning.

The table consists of five columns. The first features the Greek lexeme. This study uses the Greek text with the variants on it from the publication of Nestle–Aland (Nestle-Aland 1993: 633–680). The second column features the data from the oldest in textological terms Bosnian copies and those from the Eastern Slavonic interpretative texts of the Apocalypse. First we quote the lexeme in H, M, Rd, SSMD. H has been accepted as representative text for the group. Below – the variant in the Eastern Slavonic copies N1, T119, BOZ, R, F, with representative text N1. If a separate copy reveals a lexical variant differeing from the group in which it is included, then it is noted below the example quoted for the respective group with the abbreviation of the said copy adopted in the study. For example, in the case of εὐώνυμος the lexical variant in H and in T119, as well as in BOZ, R, F is uniform – шоуи, only N1 features лѣвъ like the Southern Slavonic texts and Č, while O – gives шоуи again.

Respectively the examples from N1 and O have been given separately in the designated columns. The most frequent different variants in the later Eastern Slavonic copy F: in the case of ἄρχων the variant in F is given below the main example for the group, represented in N1. It is again only in F that one encounters glosses, noted in brackets below the main example: in the case of εὐχαριστέω we have **благодарити**, while the main text features – **хвалити**. We also have an indicative example in F with νῆσος, where the examples from both the main text and the glosses have been given separately because of their difference with the remaining examples. Every separate example is also followed by the respective biblical quotation. In the case of some lexemes, encountered more than once, there is also difference in the examples of biblication quotations: in the case of θαυμάζω the biblical line common for the two groups stands below N1 which features the prefixed variant **оудивити сѧ** unlike the main one **дивити сѧ**, but the lexeme is one and the same, while in the case of 13:3 both groups already show a variant different from the main for the translation of θαυμάζω – **оудити сѧ**. The third column lists the examples from the Southern Slavonic texts HM, MS, Pl. If a separate copy reveals a lexical variant different from that of the group in which it is included then it is quoted with the precise biblical line under the example representative for the group, cf. the variant in NB101 in the case of ἀστραρή. The fourth column features the data from Č, accepted as representative text for T710, as well as those from O. In the fifth column square brackets enclose the number of times each separate Greek lexeme is encountered in the canonical text of the Apocalypse, while the biblical lines where this lexeme is encountered are given out of brackets.

Greek lexeme	*Bosnian and Eastern Slavonic copies*	*Southern Slavonic copies*	*Čudov Gospel, Ostrog Bible*	*Biblical lines*
αἰνέω	H: пѣти N1: пѣти	HM: пѣти Pl, MS: хвалити	Č: хвалити O: пѣти	(1x) 19:5.
ἄλυσις	H: жже желѣзьно N1: жже желѣзьно	HM: жже желѣзьно Pl, MS: верига	Č: верига O: жже	(1x) 20:1.
ἄρχων	H: кънязь N1: кънязь F: наѫлъствовати	HM: цѣсарь Pl: наѫлъникъ MS: кънязь	Č: наѫлъникъ O: кънязь	(1x) 1:5.
ἀστραπή	H: блистание N1: блистание H, N1(16.18): лиъниии	HM, Pl, MS: лиъниии NB101(16.18): блистание	Č: лиъниии O: блистание	(4x) 4:5, 8:5, 11:19, 16:18.
αὐλητής	H: пискъуии N1: пискъуии	HM: пищѣлькъ Pl: гѫдение MS: прѣгѫдьникъ	Č: сопѣлькъ O: пискъ	(1x) 18:22.
δεσπότης	H: господь N1: господь	HM: господь Pl, MS: владъıка	Č: владъıка O: владъıка	(1x) 6:10.
διάδημα	H: вѣньць N1: вѣньць	HM, Pl, MS: вѣньцъ	Č: оуѫсло O: вѣньць	(3x) 12:3, 13:1,19:12.
ἐπιθυμία	H: похоть N1: похоть	HM, MS: похоть Pl: желание	Č: желанъ O: похоть	(1x) 18:14.
εὐχαριστία	H: хвала N1: хвала	HM: хвала Pl: благодарение MS: благодѣть	Č: благодарение O: хвала	(2x) 4:9, 7:12.
εὐχαριστέω	H: хвалити N1: хвалити (F: благодарити)	HM: хвалити Pl: благодарити MS: благословити	Č: благодарити O: хвалити	(1x) 11:17.

εὐώνυμος	H: шоуи N1: лѣвъ T119, BOZ, R, F: шоуи	HM, Pl, MS: лѣвъ	Č: лѣвъ O: шоуи	(1x) 10:2.
θαυμάζω	H:дивити сѧ N1: дивити сѧ (17:8): оудивити сѧ H, N1 (13:3): чоудити сѧ	HM: дивити сѧ (17:8): оудивити сѧ (13:3): поуоудити сѧ Pl: подивити сѧ MS: чоудити сѧ Pl, MS (13:3, 17:8): поуюдити сѧ	Č (17:6, 17:7): чоудити сѧ Č (13:3, 17:8): поуоудити сѧ O: дивити сѧ (17:8): оудивити сѧ (13:3): чоудити сѧ	(4x) 13.:3, 17:6, 17:7, 17: 8.
θέλημα	H: волıа N1: волıа	HM, MS: волıа Pl: хотѣнııє	Č: хотѣнııє O: волıа	(1x) 4:11.
θυσιαστή-ριον	H: олътарь N1: олътарь H, N1: (8:3:-)	HM, MS: олътарь Pl: жрьтвьникъ (11:1, 14:18): олътарь NB101: олътарь	Č: жрьтвьникъ O: олътарь	(8) 6:9, 8:3, 8:3, 8:5, 9:13, 11:1,14:18, 16:7.[a]
καλέω	H: нарıцати сѧ N1: нарıцати сѧ	HM, Pl, MS: нарıцати сѧ	Č: зъвати сѧ (19:13): нарıцати сѧ O: нарıцати сѧ (19:11):-	(6x) 1:9, 11:8, 12:9, 16:16, 19:11, 19:13.
καταπίνω	H: пожрѣти N1: пожрѣти	HM, Pl, MS: пожрѣти	Č: поглътıти O: пожрѣти	(1x) 12:16.
κυκλεύω	H: обıти N1: обıти	HM, MS: обıти Pl: поплѣнıти	Č: окрѫжıти O: обıти	(1x) 20:9.
κυκλόθεν	H: окрьстъ N1: окрьстъ	HM, Pl, MS: окрьстъ	Č: окрѫгъ O: окрьстъ	(3x) 4:3, 4:4, 4:8.

[a] Corrections have been made in the analysis of the lexeme usage: H omits it in 8:3; instead of in 6:13 usage in 9:13 (cf. Grünberg 1999*b*: 640).

κύκλῳ	H: окрѣстъ N1: окрѣстъ	HM, Pl, MS: окрѣстъ	Č: окржтъ (7:11): окрѣстъ O: окрѣстъ	(3x) 4:6, 5:11, 7:11.
ληνός	H: точило N1: точило	HM, Pl: точило MS: тѣскъ	Č: тѣскъ O: точило	(4x) 14:19, 14:20,14:20, 19:15.
νῆσος	H: отокъ N1: отокъ F (1:9): островъ (отокъ) F (16:20): островъ (отокъ)	HM: отокъ (1:9): островъ Pl, MS: островъ	Č: островъ O: островъ	(3x) 1:9, 6:14, 16:20.
οὐδείς	H: никътоже N1: никътоже	HM, Pl, MS: никътоже	Č: ни єдинъже (7:9, 18:11: никътоже) O: никътоже	(12x) 2:17, 3:7, 3:7, 3:8, 3:15, 5:3, 5:4, 7:9, 14:3, 15:8,18:11, 19:12.
πάρδαλις	H: рысвица N1: рысь T119, BOZ, R, F: рысица	HM: рысица Pl: пардосъ MS: рысь	Č: рысь O: рысь	(1x) 13:2.
παρεμβολή	H: станъ N1: станъ	HM: станъ Pl: плъкъ MS: съборъ	Č: плъкъ O: станъ	(1x) 20:9.
παρθένος	H: юнота N1: оунота F: дѣвьствыѣ	HM: юнота Pl: дѣвьственица MS: дѣвьство	Č: дѣвьственица O: дѣвьственица	(1x) 14:4.
πλείων	H: болии N1: болии	HM: паче MS: болии Pl: лъногъ	Č: лъногъ O: болии	(1x) 2:19.

σείω	H: двизати N1: двизати	HM: двизати Pl: трясти; MS: -.	Č: трясти O: двизати	(1x) 6:13.
σημαίνω	H: съказати N1: съказати	HM: съказати; Pl: - MS: назначенати	Č: назначити O: съказати	(1x) 1:1.
σιγή	H: вєзмлъвиіє N1: вєзмлъвиіє	HM: вєзмлъвиіє Pl, MS: млъчаниіє	Č: млъчаниіє O: вєзмлъвиіє	(1x) 8:1.
στολή	H: риза N1: риза	HM, MS: риза Pl: одежда (7:14): одѣаниіє	Č: одежда (7:14): риза O: риза	(4x) 6:11, 7:9, 7:13, 7:14.
στρέφω	H: обращати N1: обращати	HM, MS: обращати Pl: обратити	Č: прѣвратити O: обращати	(1x) 11:6.
σύνδουλος	H: клевр'ѣтъ N1: клевр'ѣтъ	HM, Pl, MS: клевр'ѣтъ	Č: съработьникъ O: клевр'ѣтъ	(3x) 6:11, 19:10, 22:9.
τέχνη	H: къзнь N1: къзнь	HM: къзнь; Pl: - MS: хытрость	Č: хытрость O: хытрость T710:-	(1x) 18:22.
τεχνίτης	H: къзнышкъ N1:къзнышкъ	HM, MS: хытрьць; Pl: -	Č: хытрьць O: хытрость T710:-	(1x) 18.22.
τιμιότης	H: ѹкость N1: ѹкость	HM, MS, Pl: ѹкость	Č: цѣна O: ѹкость	(1x) 18:19.
φαρμακεία	H: кореніе N1: корень N1 (18:23): прокаженніе	HM: ѹарод'ѣаніе (18:23): прокаженіе Pl: ѹарод'ѣаніе (18:23): ѡваніе MS: отравленіе	Č: ѹарованіе O: влъхвованіе	(2x) 9:21, 18:23.
φρέαρ	H: стоудеиьць N1: стоудеиьць	HM: стоудеиьць (9:1):- Pl: истоудьникъ (9:2):- MS (9:1): облакъ (9:2): кладязь	Č: кладязь (9:2):- O: стоудеиьць	(3x) 9:1, 9:2, 9:2.[b]

[b] Because of the difference in the Greek text in Č and Pl φρέαρ is found only once in 9:2. In 9:2 the Greek gender τοῦ φρέατος is given respectively as стоудеиьуиъ in H, N1, HM, O, with кладязиъ in Č, кладязуиъ in MS and with истоудьниковъ in Pl (cf. Grünberg 1999*b*: 641).

IV.

The table features a total of 37 examples of lexical substitution. These lexical changes have been accepted as representative for the text of the Apocalypse, although they do not have claims to complete comprehensiveness. In order to achieve complete comprehensiveness of the changes that occurred in the separate groups one should record all cases of consecutive change of lexemes like those included in the table θαυμάζω, καλέω, στολή, φαρμακεία.

Grünberg assumes two possible reasons for "*inconsistent*" lexical changes between the initial translation and the later Russian version of the middle of the 14th century. One is the omission of an old lexeme used in the initial translation and its consistent substitution in the later version of the text. In H and N1 καλέω is given consecutively with **нарицати сѧ**, in Č – with **зъвати сѧ**, but in 19:13 we again have **нарицати сѧ** (Grünberg 1999b: 641–642). This fact is also confirmed by HM, MS and Pl, where we also have usage of **нарицати сѧ**. The substitution of **зъвати сѧ** for **нарицати сѧ** is a peculiarity of the Preslav version. The second reason is parallel usage of an older and newer lexical variant with a view to enrich the means of expression. In this study the gloss θαυμάζω is accepted as an example of consistent contextually conditioned lexical substitution. This is indicated by the results of the comparison of the separate copies: in H, N1, HM, O what stands in its place is **дивити сѧ** in 17:6, 17:7, in 17:8 – **оудивити сѧ**, in 13:3 – **оудити сѧ**; in Č, MS – **оудити сѧ** in 17:6, 17:7, in Pl – **подивити сѧ**, with Č, MS and Pl preferring the prefixed variant **поудити сѧ** in 13:3, 17:8[27] (cf. Grünberg 1999b: 642; Xristova 2004: 676, 693). Everywhere in H, N1, HM, MS, O στολή is rendered by **ризѧ**, in Č and Pl – with **одежда**. The initial variant **ризѧ** stands in Č in 7:14, and in Pl the correspondent is **одѣяние**. In Č and Pl there is abidance by the difference in the translation of the Greek ἱμάτιον and στολή – respectively given with **ризѧ** and **одежда**, while the remaining texts render both lexemes with **ризѧ**. The substitution of **дивити сѧ** for **оудити сѧ** and of **ризѧ** for **одежда** could be a peculiarity of the Athonite tradition.

[27] Cf. θαυμαστός (15:1, 15:3) – its equivalent in H, N1, HM, O, MS is **дивьнъ** in 15:3, in Č, Pl – **оудьнъ**, while **оудьнъ** corresponds everywhere in 15:1, only in MS – **дивьнъ**. Therefore, only the usage of **дивьнъ** in MS and of **оудьнъ** in Č and Pl are consistent. An etymological figure in the Greek text also features θαῦμα: καὶ ἐθαύμασα ἰδὼν αὐτ(ν θαῦμα μέγα (17:6) - H и **дивихъ се** (M **вдѣвь ю**) **дивомь великомь видывь ю** (M-); O и **дивих сѧ видѣвъ ѥѧ дивомъ великымъ**; HM, N1 и **дывих се видѣнию дивомь великѥмь**; Č и **уюди**[x] **сѧ видѧ ю дивомъ великимъ**; Pl и **подивих се видѣвь ѥ оудомь велиѥмь**; MS: и **поуюдих сѧ видѣвь ѧ уюдомь великомь**. The etymological figure is not preserved in its rendition in Č and Pl, a fact unusual for the text of Č. At the same time HM and N1 reveal common differences in the rendition of ἰδὼν αὐτ(ν, which could also be a translator's mistake, while **оудо** is the translation of θαῦμα only in Pl and MS.

The result of the comparison between the separate copies shows that φαρμακεία is rendered consecutively with **кореніе** in H, in MS with **отравленіе**, in Č with **ѵаровданіе**, in O with **влъхованіе**, while in the remaining copies there is some hesitation in the choice between two lexemes. At the analysis of the text of the Apostle in the same meaning of the Slavonic lexeme the substitution of **кореніе** for **влъхованіе** is commented as a peculiarity of the Athonite version, but as a translation of the Greek μαγεία (Xristova 2004: 496–500, 779). The variants in MS and Č reflect individual peculiarities of the copies.

1. The examples with ἀστραπή, διάδημα, εὐχαριστία, θυσιαστήριον, κυκλόθεν, κύκλῳ, ληνός, νῆσος, οὐδείς, σύνδουλος, φρέαρ offer a more comprehensive idea of the lexical changes that occurred between the initial translation and the processing of the text in the 14th century. These lexemes are consistently changed in the later Salvonic copies and are found on more than one occasion in the text of the book.

It is with the peculiarities of the Preslav version that Grünberg relates the substitution of: **олътарь** in H, N1, HM, MS, O for **жрьтвьникъ** in Č, Pl for θυσιαστήριον[28]; **тоуило** in H, N1, HM, Pl, O for **тѣскъ** in Č, MS for ληνός; **отокъ** in H, N1 for **островъ** in Č, MS, Pl, O for νῆσος[29]; **стоуденьць** in H, N1, HM, O for **кладазь** in Č, MS (**истоуьникъ** in Pl) for φρέαρ (Grünberg 1999*b*: 641). There is also a Preslav substitution of **хвала** in H, N1, HM, O for **благодарение** in Č, Pl for εὐχαριστία. MS prefers the individual avriant **благодѣть**. In 11:17 εὐχαριστέω is rendered with **хвалити** in H, N1, HM, O, **благословити** in MS and **благодарити** in Č, Pl, as well as in the gloss in F (Grünberg 1999*b*: 640; Xristova 2004: 684–685).

Unification of the Athonite tradition could alos include the substitution of **блистание** in H, N1, O for **млъніи** in Č, HM, MS, Pl for ἀστραπή. At the rendition of ἀστραπή (again as in the case of θυσιαστήριον) Pl prefers **млъніи**, while NB101 (in the part that has been preserved) the initial lexeme **блистание**.

An individual peculiarity in the case of Č are the substitutions for διάδημα, κυκλόθεν, κύκλῳ, οὐδείς, σύνδουλος. Grünberg notes that in H no difference is made at the translation of στέφανος and διάδημα, in Č they are rendered respectively with **вѣньць** and **оуѧзло** (Grünberg 1999b: 640). N1, HM, MS, Pl and O also use **вѣньць** for both Greek lexemes. All copies render κυκλόθεν and κύκλῳ with **окрьсть**, Č – with **окрѫгъ**, only in the case of κύκλῳ in 7:11 we have the unchanged initial **окрьсть**. This fact is supported in 20:9 for the κυκλεύω: in H, N1,

[28] In Pl there is a preference for substitution with **жрьтвьникъ**, but the lexeme **олътарь** remains unchanged in 11:1, 14:18. In NB101 there is usage of only the initial lexeme **олътарь**.

[29] One should not the hesitation in the choice of lexeme in HM and F.

HM, MS, O with **обити** standing in its place, in Č – **окрѫжити**, and in Pl – **поплѣнити**. Once again only in Č οὐδείς is rendered with **ниединъже** instead of with **никътоже** (cf. Xristova 2004: 544–545) and σύνδουλος with **съработьникъ** instead of with **клевретъ**.

2. Most numerous are the consistent changes of the singularly used in the text Greek lexemes – αἰνέω, ἄλυσις, ἄρχων, αὐλητής, δεσπότης, ἐπιθυμία, εὐχαριστέω, εὐώνυμος, θέλημα, καταπίνω, κυκλεύω, πάρδαλις, παρεμβολή, παρθένος, πλείων, σείω, σημαίνω, σιγή, στρέφω, τέχνη, τεχνίτης, τιμιότης. They are important for the lexical characteristics of the later version of the text dating from the 14th century, as well as for the individual peculiarities of the separate copies.

One individual peculiarity of Č is the rendition of καταπίνω with **поглътити** instead of **пожрѣти** in 12:16, of στρέφω with **прѣвратити** instead of **обращати** в 11:6, of τιμιότης with **цѣна** instead of **честь** in 18:19. For the later substitution in the case of τιμιότης we have evidence in τιμή, translated seven times in all copies as **честь** (cf. Grünberg 1999b: 641).

We have a Preslav peculiarity in the substitution of: **пѣти** in H, N1, HM, O for **хвалити** in MS, Č, Pl for αἰνέω в 19:5 (cf. Xristova 2004: 609); **жже желѣзьно** in H, N1, HM, **жже** in O, for **верига** in MS, Č, Pl for ἅλυσις in 20:1; **господь** in H, N1, HM for **владыка** in MS, Č, Pl, O for δεσπότης in 6:10; **шоуи** in H, T119, BOZ, R, F, O for **лѣвъ** in N1, HM, MS, Č for εὐώνυμος in 10:2; **съказати** in H, N1, HM, O for **назнаменати** in Č, MS for σημαίνω in 1:1; **вєзмлъвиє** in H, N1, HM, O for **млъвание** in Č, MS, Pl for σιγή in 11:6; **къзнь** and **къзньникъ** in H, N1 for **хытрость** and **хытрьць** in Č, MS, Pl, while HM uses both lexemes – and **къзнь**, and **хытрьць** respectively for τέχνη and τεχνίτης in 18:22.

We have an example of the hesitation in the rendition of a certain lexeme in the later copies in the translation of αὐλητής in 18:22: **пискъуии** in H, N1, **пискъ** in O, the substitution for **пищѣльнъ** in HM, **прѣгждьникъ** in MS, **сопѣльнъ** in Č. Πάρδαλις и παρθένος also indicate a later precisation of the translation. In 13:2 for πάρδαλις in H, *(we)* have **рысвица**, in HM, T119, BOZ, R, F – **рысица**, in N1, Č, O, MS – **рысь**, in Pl the lexeme is without translation – **пардосъ**. In 14:4 παρθένος is rendered with **юнота** in H, N1, HM, with **дѣвьственица** in Č, Pl, O, **дѣвьствьнъ** in F and with **дѣвьство** in MS.

Part of the lexical changes in the later texts are also a peculiarity of the Athonite version of the Apostle. Such are the substitutions of: **къняѕь** in H, N1, MS, O for **наѹмльникъ** in Č, Pl, **наѹмльствовати** in F for ἄρχων in 1:5 (Xristova 2004: 417, 507); **похоть** in H, N1, HM, MS, O for **желанъ** in Č, **желание** in PL for ἐπιθυμία in 18:14; **волѧ** in H, N1, HM, MS, O for **хотѣние** in Č, PL fora θέλημα in 4:11 (Xristova

2004: 418–419); **станъ** in H, N1, HM, O for **плъкъ** in Č, Pl and an individual variant **съворъ** in MS for παρεμβολή in 20:9 (cf. Xristova 2004: 641–642); **волии** in H, N1, MS, O for **мъногъ** in Č, Pl and individual variant **пане** in HM for πλείων in 2:19; **двизати** in H, N1, HM, O for **трѫсти** in Č, PL for σείω in 6:13 (cf. Xristova 2004: 571).

V.

The substitutions presented in the table do not provide information about the linguistic and textological changes that occurred between *"the initial translation"* and the later processing of the Apocalypse in the 14th and 15th century. The data about the lexical substitutions between H and Č, supported by the data from the Eastern ad Southern Slavonic Cyrillic texts complement and specify the results of the study of K. Grünberg (Grünberg 1999b: 640; cf. Trifonova 2005). Comparison of data restricts the individual lexical variants in Č not only on a textual but also on a lexical level (cf. Grünberg 1999*a*: 172–190; Pentkovskaja 2003: 24–32). These independent variants are used in the case of the Slavonic equivalents of αὐλητής, διάδημα, καλέω, καταπίνω, κυκλεύω, κυκλόθεν, κύκλῳ, οὐδείς, στρέφω, σύνδουλος, τιμιότης, φαρμακεία. There are also individual variants in the Southern Slavonic texts: in HM in the case of ἄρχων, αὐλητής, πλείων, φαρμακεία; in MS in the cae of αὐλητής, εὐχαριστία, εὐχαριστέω, παρεμβολή, φαρμακεία; in Pl in the case of αὐλητής, κυκλεύω, πάρδαλις, φρέαρ, φαρμακεία. In this case these are not so important because the stress of comparison lies on seeking systematically substituted lexemes between H and Č. Usage of lexical material from N1, HM, MS, Pl, O is aimed to achieve typological characterization of these changes and to include them in the general context of the lexis of the Apocalypse dating from the 14th and the 15th century. Thus in the initial translation αὐλητής and φαρμακεία are rendered with one established lexeme, while in the later copies there was obviously a quest for a new semantic equivalent of their meaning. Lexical variants in the later texts related to the peculiarities of the Preslav version inlcude αἰνέω, ἄλυσις, δεσπότης, εὐχαριστία, εὐχαριστέω, εὐώνυμος, θυσιαστήριον, ληνός, νῆσος, πάρδαλις, παρθένος, σημαίνω, σιγή, τέχνη, τεχνίτης, φρέαρ established in the texts from the 14th and the 15th century. Classification with the later unifying role of the Athonite version could include the variants in the case of ἄρχων, ἀστραπή, ἐπιθυμία, θαυμάζω, θέλημα, παρεμβολή, πλείων, σείω, στολή.

The comparison made in the table confirms the lexical proximity between the separates groups of copies. The lexical data from the Eastern Slavonic interpretative copies of the book are closely related with the oldest Bosnian texts, considered by scholars as earliest in textological terms. Only F (16th century) features glosses in the margins of the text. These glosees indicate the compilation of F with the help of

a Southern Slavonic copy. The text of O shares the characteristic lexical peculiarities of H and N1, but it also follows the changes established in later Southern Slavonic copies in the case of αὐλητής, δεσπότης, νῆσος, πάρδαλις, παρθένος, τέχνη, τεχνίτης, φαρμακεία. In lexical terms HM also largely follows H and N1, but there are also differences in ἄρχων, ἀστραπή, αὐλητής, εὐώνυμος, νῆσος, πάρδαλις, πλείων, τεχνίτης, φαρμακεία.

The lexical characteristics of the main for this study Bulgaria copy MS (R165) confirms its important place in the history of the book. In spite of the considerable textological differences, in conjunction with HM and Pl it is evidence of the influx of a new lexical layer in the 14th century at the latest, one that unites the Southern Slavonic copies of the Apocalypse from the 14th and 15th century. All systematically made substitutions in MS as compared to H and N1 in the case of αἰνέω, ἄλυσις, ἀστραπή, αὐλητής, δεσπότης, εὐχαριστία, εὐχαριστέω, εὐώνυμος, θαυμάζω, ληνός, νῆσος, πάρδαλις, παρεμβολή, παρθένος, σημαίνω, σιγή, τέχνη, τεχνίτης, φαρμακεία, φρέαρ reveal the level of differences that occurred in the rendition of the text and its lexical approach to Č (T710) and Pl. To a large extent the Preslav variants and the compromise solutions adopted in the Athonite version can be seen in comparison with MS. They are confirmed in Pl (P, NB101), which, in spite of its textological peculiarities and obvious traces of consistent text editing, follow the already adopted substitutions in the Athonite version and in lexical terms stands closest to Č – cf. ἄρχων, ἐπιθυμία, εὐχαριστία, εὐχαριστέω, θέλημα, θυσιαστήριον, παρεμβολή, παρθένος, πλείων, σείω, στολή (with the exception of the variants individual for the copies).

REFERENCES

Alekseev, Lixačeva 1978: Алексеев, А., О. Лихачева. "Супрасльский сборник 1507 г." // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги библиотеки академии наук СССР*. Ленинград, 1978, 54–88.

Alekseev, Lixačeva 1987: Алексеев, А., О. Лихачева. К текстологической истории древнеславянского апокалипсиса. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги 1985*. Ленинград, 1987, 8–22.

Alekseev 1999: Алексеев А. А., *Текстология славянской библии*. СПб, 1999.

Amfiloxij 1886: арх. Амфилохий. *Апокалипсис XIV века*. Москва, 1886.

Berčić 1866: Berčić I., Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslavenskim jezikom. Skupio iz rukopisah i tiskanih knjigan hrvatskoga razreda. Praga, 5, 1866, 108–145.

Bogdanovič 1978: Богдановић Д., *Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара*. Београд, Т.1, 1978.

Bogdanovič 1982: Богдановић Д., *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века)*. Београд, 1982.

Buslaev 1884: Буслаев Ф., *Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по рукописям с XVI-го века по XIX-ый*. Москва, 1884.

Dragojević 1981: Dragojević Dr., *Apokalipse bosanskih krstjana i staroslovensko književno nasleđe*. Књижевна историја, XIII/52. Београд, 1981

Gorskij, Nevostruev 1855: Горский А., К. Невоструев. *Описание Славянских рукописей Московской синодальной библиотеки*. Москва, отд 1, 1855. *(Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Wiesbaden, II, 1964)*.

Grkovič-Major 2000: Грковић-Мејџор Ј., "Хиландарска апокалипса Јована Богослова (ХИЛ 474)." // *Јужнословенски филолог*, LVI/1–2. Београд, 2000, 311–320.

Grünberg 1996: Grünberg K., *Die kirchenslavische Überlieferung der Johannes-Apokalypse*. Frankfurt/M., 1996.

Grünberg 1999a: Grünberg K., "Die Apokalypse. Edition zweier Hyparchetypi." // Die Slawischen Sprachen, 11. Wien, 1999.

Grünberg 1999b: Grünberg K., "Zur lexikalischen Variation in der Überlieferung der Johannes-Apokalypse." // *Ars Philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag*. Frankfurt/M.–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Wien, 1999, 639–648.

Hamm 1960: Hamm J., "Apokalipsa bosanskih krstjana." // Slovo 9–10, 1960, 43–104.

Ivanova 2002: Иванова, К. "Западни" светци в състава на староизводните четиминеи." // *Средновековна християнска Европа: Изток–Запад*. София, 2002, 349–369.

Jufu 1970: Юфу З., "За десеттомната колекция Студион (Из архива на румънския изследвач Йон Юфу)." // *Studia balcanica. II. Проучвания по случай втория международен конгрес по балканистика*. С., 1970, 299–343.

Jurić-Kappel 2002: Jurić-Kappel J., "Bosanske apokalipse u svome (južno)slavenskom kontekstu." // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 48, 2002, 75–94.

Jurić-Kappel 2004: Jurić-Kappel J., "Hrvatskoglagoljske apokalipse. Glagoljica i hrvatski glagolizam." // *Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice staroslavenske akademije i 50. obljetnice staroslavenskog instituta* (Zagreb-Krk 2.–6. Listopad 2002). Zagreb–Krk, 2004, 183–190.

Kovačevič 1990: Ковачевич Р., "К изучению текста Апокалипсиса (по двум южнославянским спискам XIV века)." // *Международная церковная научная конференция "Славянская Библия – ее история и вопросы изучения"*. Москва, 19–23.6.1990. (тезисы).

Kuna 1986: Kuna H., *Codex "Christiani" nomine Hval.* Bd. I: Faksimile. Bd. II: Transkripcija i komentar. Bologna, 1986.

Matejic, Thomas 1992: Matejic P., H. Thomas. *Catalog Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library (The Ohio State University)*, 1. Columbus, Ohio, 1992.

Mošin 1955: Mošin V., "Izvještaj o naučnom putovaniju u Srjemsku Mitrovicu, Beograd, Peć, Dečane, Cavnat, Dubrovnik 1953. godine." // *Inventar ćirilskih rukopisa Muzeja Srpske pravoslavne crkve u Beogradu*, Ljetopis 60. 1955, 218–226.

Mostrova 1996: Мострова Т. "За един ръкопис от XVI в. с книгите на пророците и тълковния апокалипсис." // *Българският шестнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XVI век, София, 17–20. X. 1994*. София, 1996, 475–482.

Nestle–Aland 1993: Nestle–Aland, *Novum testamentum Graece*. Stuttgart, 1993.

Oblak 1891: Oblak V., "Die kirchenslavische Uebersetzung der Apokalypse." // *Archiv für Slavische Philologie*, 13, 1891, 321–61.

Panaitescu 1959: Panaitescu P. P., *Manuscrisele slave din Biblioteca Academici RPR*, vol. 1. Bucureşti, 1959.

Pentkovskaja 2003: Пентковская Т., "Чудовская редакция Нового завета и ее взаимоотношение с другими редакциями." // Palaeobulgarica, XXVII. 2003, 18–46.

Peretc 1924: Перетц В., "Древнейший список славянского толкового Апокалипсиса." // Slavia, 1924, 641–644.

Petkovič 1914: Петковић С., *Опис рукописа манастира Крушедола.* Сремски Карловци, 1914.

Schmid 1955–1956: Schmid J., *Studien zur Geschichte des griechischen Apokalypse. Texte.* Bd. I–II. München, 1955–1956.

Ščapov 1976: Щапов Я., *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики.* Москва, 1976.

Svencic'kij 1906: Свенціцький І. С., *Опис рукописів Народнього дому 3 колекції А. Петрушевича*, ч. 1. Львів, 1906.

Trifonova 2002: Трифонова И., "За превода на Тълковния Апокалипсис в южнославянската традиция." // *5th International Hilandar Conference: Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monasteries. Копаоник, Рашка, Югославия, 08–14. IX. 2002*. (под печат).

Trifonova 2003: Трифонова И., Преписи на Апокалипсиса, съхранявани в сръбски книгохранилища. // *Доклад, четен на Кирило-Методиевските четения, посветени на 140-годишнината от рождението на Любомир Милетич и Беньо Цонев, организирани от Катедрата по кирилометодиевистика, ФСлФ, СУ "Св. Климент Охридски"*. София, 12.05.2003.

Trifonova 2005: Трифонова, И. Лексикални варианти между първоначалния и по-късния превод на Апокалипсиса. // *Доклад, четен на Кирило-Методиевските четения, организирани от Катедрата по кирилометодиевистика, ФСлФ, СУ "Св. Климент Охридски"*. София, 9–10.05.2005.

Xristova 2004: Христова И., *Служебният апостол в славянската ръкописна традиция*. Т.1. Изследване на библейския текст. С., 2004.

About the author . . .

Iva Trifonova (1977) earned a Master degree in Bulgarian Philology from the St. Kliment Oxreidski University of Sofia in 2001. From 2002 she is a doctoral student in history of Bulgarian language at the University of Sofia's Department of Cyrillo-Methodian Studies. She is working on a doctoral thesis on the history of slavonic text of the St. John's Book of Revelation.

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4/2005-2006

Список "Видения Исайи пророка о последнем времени" в рукописном сборнике XV века Златая Матица

Алексей Щекин

При изучении находящегося в рукописном сборнике Златая Матица из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ НСРК № F.312) списка "Слова святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят" (далее – "Слово святого Григория изобретено в толцех") обнаружилась одна особенность, не получившая до сих пор отражения в исследованиях, посвященных данному сборнику, а именно то, что в нем оказались механически соединены части двух текстов: названного выше "Слова святого Григория изобретено в толцех" и "Видения Исайи пророка о последнем времени". Эти тексты существенно различаются в жанровом и тематическом отношении – "Слово святого Григория изобретено в толцех"[1] относится к числу поучений, направленных против сохранявшихся у славян после принятия ими христианства пережитков язычества, а "Видение Исайи пророка о последнем времени"[2], средневековое болгарское эсхатологическое сочинение, принадлежит к жанру "летописно-легендарных пророческих сочинений", в которых современные автору исторические факты преломляются через призму библейских мотивов пришествия Антихриста и грядущего конца света[3].

Автор настоящей статьи пользуется случаем выразить глубочайшую признательность профессору Анисаве Милтеновой (София) за консультации и предоставление материалов о южнославянских списках "Видения Исайи пророка о последнем времени".

[1] О нем см. (Словарь книжников 1987: 437–438; а также Буланин 1991. 155–157; Калоянов, Моллов 2002: 25–41; Зубов 2004: 82–122).

[2] О нем см. (Милтенова 1992: 77–81; Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 227–240.)

[3] Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 227.

Представляется, что нет оснований говорить о сознательном объединении составителем сборника Златая Матица двух текстов, между частями которых отсутствует какая-либо логическая связь, а можно с полным основанием считать их отдельными (хотя и дефектными) списками самостоятельных произведений.

Сборник Златая Матица РНБ НСРК[1] F.312 (далее – ЗМ-НСРК) был исследован А. Г. Бобровым и Т. В. Черторицкой, которые датировали его концом 70-х годов XV в., дали подробное описание его содержания и на основании ряда фонетических признаков высказали предположение о его псковском происхождении[4]. А. Г. Бобров и Т. В. Черторицкая в своем исследовании отметили, что в сборнике Златая Матица отсутствует окончание "Слова святого Григория изобретено в толцех", что вызвано утратой листов между современными л. 148 и л. 149: "… Нет конца 24-й ["Слово святого Григория изобретено в толцех" – А. Щ.] и 25-й глав – по Оглавлению: "Слово св. отец об Анѣтиохѣ", нет начальных слов заглавия 26-й главы – по Оглавлению: 'Месяца сентября 20. Мучение…'"[5]. Из этого следует, что, согласно их мнению, в состав "Слова святого Григория изобретено в толцех" по списку ЗМ-НСРК входит весь текст, начинающийся заглавием: **слово с҃того григорїа . изѣ҃̈бретено въ толцѣ҃х его . ѿ томъ како пѣрвоѥ погании , соуще ꙗ҃зыци . кланѧли сѧ ѥ҃долѡ҃ ѝ требы ѥ҃мъ клали . ѥ҃же и нн҃ѣ то творѧть .** : (ЗМ-НСРК л. 145, 1 стб.: 28–30 – 2 стб.: 1–7)[6] и заканчивающийся последней строкой 2-го столбца л. 148об. В пользу такого предположения говорит и то, что в составленном Т. В. Черторицкой "Предварительном каталоге церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения" для "Слова святого Григория изобретено в толцех", включенного в каталог под шифром 01.7.22, приводится окончание: *Писано бо есть: Ту пасти змию на месте том…*[7], что соответствует тексту, находящемуся на л. 148об., 2 стб.: 28–30 рукописи Златая Матица. Но это предположение требует существенных уточнений.

Сравнение двух известных в настоящее время списков особой редакции "Слова святого Григория изобретено в толцех", дополненной двумя обширными вставками, взятыми из средней части "Слова Иоанна Златоуста о томъ, како первое погани вѣровали въ идолы": списка ЗМ-НСРК и списка, находящегося

---

[4] Бобров, Черторицкая 1990: 341–358.

[5] Бобров, Черторицкая 1990: 355, прим. 61.

[6] Здесь и далее в ссылках на рукописные источники указываются лист, столбец и строки, на которых находится цитируемый материал.

[7] Katalog Kirchenslavischer Homilien 1994: 74.

в сборнике ГИМ Чуд. собр. № 270 2-й пол. XV в. (далее – Чудовский список)[8], обнаруживает существенные расхождения в их заключительной части. В Чудовском списке "Слово святого Григория изобретено в толцех" находится в полном виде, включая полностью вторую вставку из "Слова Иоанна Златоуста" и заключительные слова.

Что же касается списка ЗМ-НСРК, то он совпадает с Чудовским только до слов **и кольца мечють в водоу**; после этих слов в списке ЗМ-НСРК идет текст, не только не имеющий соответствия в Чудовском списке, но и совершенно не соответствующий тематике "Слова святого Григория изобретено в толцех", никак логически не связанный с предшествующим текстом. Этот текст, находящийся в сборнике ЗМ-НСРК на л. 148, 2 стб.: 6 – л. 148об., 2 стб.: 30 и никак не выделенный, начинается с изолированного предложно-падежного сочетания **ѡ крови кладѧзи**, синтаксически не связанного с предшествующим текстом, и заканчивается приведенными выше словами **писано бо е҃ ту пасти змию . на мѣсте томъ на**. Следующий лист рукописи (л. 149) начинается киноварным заглавием, первые слова которого также, по всей вероятности, были утрачены: **хр҃а ради . в послѣ҃ѭа҃ врѣмана . слово ново . михаила кнѧ҃ зм роуськаго . и феѡ҃ра воеводы е҃го . г҃и бл҃вї** (л. 149, 1 стб.: 1–5). Это заглавие относится к известному памятнику древнерусской литературы – Сказанию о князе Михаиле Черниговском и его боярине Феодоре, текст списка которого находится в сборнике на лл. 149–153об.

Если же обратиться к оглавлению сборника Златая Матица, находящемуся на л. 362, то там следуют[9]: [24] **Сло҃ѣ . сѵ҃го григорїа бг҃ослова . ѡ поклонн҃ицѣх йдо҃ . [25] Сло҃ѣ сѵ҃ты҃х ѿць о҃ антих҃ѣ . [26] Мц҃а се҃рг҃а .к҃. мч҃нц҃ѣ сѵ҃ты҃х кнз҃ михаи҃ . и҃ феѡ҃ра** . (ЗМ-НСРК л. 362, 2 стб.: 17–21). Как уже было сказано выше, А. Г. Бобров и Т. В. Черторицкая предлагают читать название 25-й главы сборника ЗМ-НСРК в Оглавлении как "Слово св. отец об Антиохѣ", но представляется более оправданным его чтение как "Слово св. отец об Антихристе", учитывая написание буквы х под титлом, обычное в написаниях имени Христа, и отсутствие буквы о.

Такое название вполне соответствует содержанию отрывка, находящегося в сборнике на л. 148, 2 стб.: 6 – л. 148об., 2 стб.: 30, соединение которого со "Словом святого Григория изобретено в толцех", по всей вероятности, было вызвано тем, что уже в рукописи-антиграфе сборника ЗМ-НСРК не хватало

[8] Текст опубликован, см. (Гальковский 1913: 32–35; Зубов 2004: 326–330).

[9] Буквенные обозначения номеров статей сборника практически полностью утрачены, поэтому номера статей даются в квадратных скобках.

одного или нескольких листов, на которых находились окончание "Слова святого Григория изобретено в толцех", а также заглавие и начало следующего текста. На это не обратил внимания переписчик, воспринимавший весь текст, находящийся между двумя заглавиями, как одно произведение и механически соединивший два следовавших друг за другом текста, а затем отдельно переписавший оглавление антиграфа. В результате в сборнике ЗМ-НСРК оказались утраченными конец "Слова святого Григория изобретено в толцех" и начало текста, называвшегося, как можно заключить из оглавления, "Слово св. отец об Антихристе" (это название является условным, поскольку, как это видно на примере "Слова святого Григория изобретено в толцех" и Сказания о князе Михаиле Черниговском и его боярине Феодоре, названия текстов в оглавлении отличаются от их названий в самом сборнике). Затем в самом сборнике ЗМ-НСРК были утрачены листы, находившиеся между современными л. 148 и л. 149, что привело к утрате конечной части "Слова св. отец об Антихристе".

Анализ содержания сохранившегося отрывка текста, условно называемого "Словом св. отец об Антихристе", позволил обнаружить его практически полное совпадение со средней частью "Видения Исайи пророка о последнем времени" – известного болгарского эсхатологического (историко-апокалиптического) сочинения, созданного, согласно мнению А. Милтеновой, не ранее 1261 г. и не позднее конца 70-х годов XIII в.[10] В настоящее время, согласно данным, приведенным А. Милтеновой, известны 3 списка этого памятника, находящиеся в следующих рукописях: Драголов сборник № 651 Народной библиотеки (Белград) третьей четверти XIII в. (список Д), сборник № 43 (1472) собрания П. И. Севастьянова Российской государственной библиотеки (Москва) XV в. (список С), сборник № 1161 собрания Церковного историко-архивного института (София) XVI в. (список Ц). Все эти рукописи имеют южнославянское происхождение[11]. При этом старейший список содержит текст памятника в наиболее полном виде, а два списка XV–XVI вв., восходящие к общему протографу, содержат более позднюю "сокращенную стилистическую редакцию", причем, как отмечает А. Милтенова, сокращение было бессистемным, а не явилось результатом целенаправленной переработки произведения[12].

Если сравнивать со списком Д, список "Видения Исайи пророка о последнем времени", находящийся в рукописи ЗМ-НСРК (далее будем называть его списком ЗМ-НСРК), включает приблизительно четвертую часть полного текста

[10] (Милтенова 1992: 81) Т. Моллов считает, что "Видение Исайи пророка о последнем времени" относится к более раннему времени. См. (Моллов 1997: 55, прим. 4.)

[11] Милтенова 1992: 77–78; Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 227.

[12] Милтенова 1992: 77–78; Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 227–228.

памятника, причем это было вызвано не сознательной волей переписчика, а причинами, от него не зависящими.

Следует отметить, что в другом сборнике, известном под названием Златая Матица, рукописи РНБ собр. Погодина № 1024 начала XVI в.[13] "Видение Исайи пророка о последнем времени" отсутствует. Сказание о князе Михаиле Черниговском находится в этой рукописи на лл. 257–259, но ему предшествует "Слово святого Лариона о пользе душевной" (лл. 256–256об.). В сборнике РНБ собр. Погодина № 1024 имеется другой эсхатологический текст, приписанный пророку Исайе – "В че(т)вергъ (по Богоявлении) слова Исайя пророка ижѣ пр(о)рчьствова о последнихъ днѣхъ и лете(х)" (начало: **Тако гл҃етъ г҃ь савао҃ѳ҃ъ . слышите сн҃ове ч҃ѣ҃чьстии҃ . и҃ вънемлете гл҃ы оустъ моихъ**; окончание: **донде же придетъ г҃ь савао҃ѳ҃ъ . въздати комоуждо по дѣломъ е҃го . тако томоу подобае҃тъ , честь и҃ слава о҃ц҃ю и҃ сн҃ѹ и҃ ст҃омоу дх҃оу**) (лл. 334об.–338), но этот текст, список которого находится также в рукописи ЗМ-НСРК (лл. 339–342), представляет собой другой памятник[14], отличный от "Видения Исайи пророка о последнем времени". Таким образом, находящийся в рукописи ЗМ-НСРК список "Видения Исайи пророка о последнем времени" является единственным известным в настоящее время восточнославянским списком этого текста, хотя, конечно, нельзя исключать возможности того, что в процессе исследования рукописного наследия Древней Руси могут быть обнаружены другие списки этого памятника. В любом случае список ЗМ-НСРК, являясь свидетельством того, что "Видение Исайи пророка о последнем времени" было известно на Руси по крайней мере уже во второй половине XV века, представляет несомненный интерес и с точки зрения истории литературных контактов между южными и восточными славянами в эпоху Средневековья.

Здесь приводится полностью текст, находящийся в рукописи ЗМ-НСРК на л. 145, 1 стб.: 28 – л. 148об., 2 стб.: 30, включающий в себя списки "Слова святого Григория изобретено в толцех" и "Видения Исайи пророка о последнем времени"; текст "Видения Исайи пророка о последнем времени", находящийся на л. 148, 2 стб.: 6 – л. 148об., 2 стб.: 30 дается с абзаца, хотя в рукописи он никак не отделяется от "Слова святого Григория изобретено в толцех". Разночтения приводятся только к списку "Видения Исайи пророка о последнем времени" (ЗМ-НСРК), который и является объектом исследования, предпринятого в данной статье. Разночтения списка Д даются по изданию А. Милтеновой; по

[13] О нем см. (Бобров, Черторицкая 1990: 342).

[14] Его текст по более позднему списку был опубликован И.Я. Порфирьевым, см. (Порфирьев 1877: 263–268).

этой же публикации даются и разночтения списков С и Ц, приведенные в ее критическом аппарате[15]; в некоторых особо оговоренных случаях приводятся также разночтения списка С по изданию Н. С. Тихонравова[16], не вошедшие в критический аппарат последнего по времени издания памятника. При этом учитываются только лексические разночтения, пропуски и добавления, а также расхождения в морфологических формах. Графические и фонетико-орфографические варианты (как, например, **єдїнъ – ѥдьнъ**) ввиду их большого количества не учитываются.

Принципы воспроизведения текста.

При воспроизведения текста соблюдаются следующие правила: 1) Текст рукописи передается строка в строку с разделением на слова; знаки препинания соответствуют имеющимся в рукописи, но воспроизводятся без сохранения их положения в строке (в нижней части или в середине строки) – всегда в нижней части строки. 2) Написания под титлами сохраняются; лигатурные написания раскрываются; выносные буквы воспроизводятся с помощью верхнего индекса. 3) Знак | обозначает границу строки, знак || – границу столбца и листа; текст, заключенный в квадратные скобки, принадлежит публикатору.

[л. 145, 1 стб.] слово с҃то | го григорїа҃ . изъ | ѡ҃бретено въ то || [л. 145, 2 стб.] лцѣˣ его . ѡ҃ томъ | како пѣрвоє пога | ний , соуще а҃зыци . | кланали сѧ а҃долѡᵐ | и҆ требы и҆мъ кла | ли . и҆же и нн҃ѣ то | творѧть . : . | видите ли ѡ҃кан҃ | ноую сию , и сквѣ | рноую слоужбоу | створѧ҃моу . ѡ҃ | сквѣрньны а҃зы | къ . ѥл҃ини ѡ҃ка | нн҃ий , влдивы | а҃ жертъвъı оу҃ченї | ѥ҃мь дїа҃волемъ . | и҆зъѡ҃бретѣно по | творенїемь тѣ | мнаго бѣса . и҆ ко | ціоунамъ злымъ | требы кладоуть . | зловѣрнїѣ . мнще | соуетоу и҆стинно҃ | ю . слоужаще и҆ ᵏ҃лана҃ | юще сѧ а҃долѡᵐ . не | коего ѵ҃хыщренїѣ҃ | бѣсовъское тво | рще . мы же сихъ | ча҃ ѡ҃мещемсѧ , не | чт҃ивыхъ жерт҃въ || [л. 145об., 1 стб.] дїа҃волска слоуже | нїа҃ . и҆ кладѣнїа҃ | жерт҃въ . крить | скаго ѡ҃каннаго ѵ҃ | чителѧ . и҆ маме | да проклнтаго .| сорочиньскаго же | рц́а . и҆ ѥ҃линьскыа҃ | любве . боубенъ | наго плесканїа҃ .| свирильнїй звоу | ци . плсканїа , ф҃ | роужьскыа҃ слонь | ница , и҆ гоусли ,| моусикїа҃ и҆ зама | ра , иже бѣсмъ҃ѣ | жроуще мц҃ри бѣ | совъстѣй . афро | дити богыни . ко | роунѣ . и҆ артѣми | дѣ , и҆ проклатѣ҃ | дїѡ҃мнеси . сте | гноражанїю . и҆ не | доношеный поро | ды и҆ бъ . моужьже | нъ афивѣйскоє҃ | безоумноє҃ питанъ | ство , почитаю | ть акы бг҃а . и семе | лвино требокла || [л. 145об., 2 стб.] дѣнї҃ѥ҃ . громоу и҆ мо | лнїамъ . и҆ вила[м] . | иже ѥ҃ были змиї ви | лы , нарица҃ѥ҃мъ . ѥ҃го | же оу҃би данилъ про | рокъ въ

[15] Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 232–236.

[16] Тихонравов 1894: 29–31.

вавилонѣ .| фили каци же . и фю | фоулн . и чтоуть | срамныа оуды . и | кланаютъ сѧ имъ .| и трѣбы имъ кла | доуть . ѿ них же бо | лгаре наоучьше сѧ | ѿ срамныхъ оудо | въ истекшую сквѣ | рноу вкоушаютъ ,| ркоуще ꙗко тѣмъ | вкоушенiемь , ѿ | цѣцаютъ грѣси .| таврьскаа дѣто | рѣзанiа . идолѡ | еже ѿ пѣрвенець ,| ланьскаа трѣбиць | наа кровъ . проса | жаема ранами . ею | же мажоуть . еда | кию бгыню . сию | же двоу мнѧть . и | мокошь чтоуть ,| и малакию . и килу .|| [л. 146, 1 стб.] вѣльми почитаютъ | рекоуци боуꙗкыни .| пелѣпово тѣмное | мѧсоѧтворенiе ,| им же насыщаа бгы .| твора алчны . ли трi | пода , делфичьскаго .| ворожа . ли кално за | пойство . волхво | ванiе . волшьбнаа | проповѣдь . и на | оузи смрадний . и | халдѣйскаа ѿстро | номиа . и родъпо | читанiе . и врачь | скыа сны . и чары . и | оусрацца . и кошь .| евръйловоу и сквѣ | рныа басни . и ко | цоуны . митрофа | на . моука ворожа .| нарицаа правѣдна | а . проклѧтого ѿсi | рида роженiе , мтi | бо его ражающи ѿка | зи сѧ . и того ство | риша бгмъ . и трѣ | боу емоу творѧхоу | ѿканнiй . ѿ тѣ | х же древлѣ извыкъ || [л. 146, 2 стб.] ше халдѣи . начаша | творити трѣбы | вѣликы . родоу и рожа | ницамъ . пороженiю | проклѧтаго и сквѣ | рнаго ба ѿсирида .| того же ѿсирида | скажоуть книгы | сорочиньскыа . ꙗко | не лѣпымъ прохо | домъ , пройде смер | дщимъ . и тоуда | родиша сорочина .| и того ради сорочи | ны мьють ѿходы .| и болгаре . и торкъ | мене . и ѿбези . и ко | мли . ѿтоуда же | извыкоша елꙗни ,| класти трѣбы ро | доу и рожаницамъ .| таче егѵптѧне .| таче римлѧнѣ . то | же и до словенъ до | йде . се же словени | начаша требы кла | сти , родоу и рожа | ницамъ . пероуна | ба имъ . а преже то | го клали оупиремь .|| [л. 146об., 1 стб.] требы . и берегыня | мъ . по стмь крiнi | и . пероуна изверъ | гоша . а по ха ба ꙗша | сѧ . но и нинѣ по ук | раннамъ , молатъ | емоу проклѧтомоу | боу пероуну . хорсу .| мокоши . виламъ .| и то творѧть ѿта | и . сего же не могоу | ть сѧ лишити . про | клѧтого ставлѣ | ниа , вторыа трѧ | пѣзоу родоу рожа | ницамъ . на вѣлi | коую прѣлѣсть ,| вѣрнымъ хрта | номъ . а на хоу(лу) сто | моу крiнию . и на | гнѣвъ боу . вѣроу | ють оупиремъ . и | млѧнци знадбаютъ | мртвы . и берегы | намъ . ихъ же нари | цаютъ сѣмь сестре | ниць . а дроузи | вѣроують . въ сва | рожица . артеми | да , и артемiю . и || [л.146об., 2 стб.] м же чѧци невѣлѣ | гласи , молатъ и ку | ры имъ рѣжоуть .| и то блоутивше .| то же сами ꙗдѧть .| ѿ оубогыа кокошi | ꙗже не на чть стыѧ | породисте сѧ . ни | на чть вѣрнымъ | чѧкѡ . ѿ оубогаа | коурата , ꙗже на | жертвоу идоломъ | рѣжоуть сѧ . нiнi | во водахъ потопла | еми соуть . а iнии | ко кладаземъ прi | носѧще молатъ .| и въ водоу мѣчю .| вѣлѣароу жертвоу | приносѧще . а дроу | зии по ѿвиномъ .| и въ повѣтѣх ско | тиихъ молать сѧ .| акы погании . а нi | и и требами мерзъ | кыми молатъ блу | тивше . а iнии пи | ють коускы . и

рос | тъкы лоукавы | ми . и коутнꙋ бо҃ꙋ || [л. 147, 1 стб.] и̑ бѣлѣ бг҃ыни . и̑ а҃ | дрѣю и̑ ѡ҃билꙋхѣ . и̑ | скотноу бо҃ꙋ . и по | поутникоу . и̑ лѣ | сноу бо҃ꙋ . и̑ споры | нѧмъ . и̑ спѣхоу ,| аки безаконнїи ѥ̑ | л҃ини . и̑ халдѣи́ м̑ | ногомъ бг҃омъ мо | латъ҃ . ѡ҃ни бо не | знающи ба҃ се тво | рѧть . а си не токѣ | мо ба҃ знающе . но | и хр҃тыа҃не сѧ нари | цающе . а горши по | ганыхъ соуще дѣ | ла творѧще . да | тѣмъ горше и̑хъ | и̑ моукоу приимꙋ | ть . а дроузии́ ѡ҃гн | ѣви . и̑ камѣнїю .| и̑ рѣкамъ . и̑ йсто | чникѡ̾ . не токъ | мо же в поганьстве | то творѧхоу . но | и̑ мнози нн҃ѣ то | творѧть . хр҃ти | гане сѧ наричающиѥ̑ .| а дѣла сотонина | творѧщи . мостъ || [л. 147, 2 стб.] сцинѧ҃ по мр҃твы̑х .| и̑ просвѣты . и̑ бдѣ | лникъ и̑ бирічемъ | йграють . и̑ шахы | и̑ лѣикы . и тавлѣ | и̑ . и̑ чересъ ѡ҃гнь | скачють коли гро | мъ грѣмить . и во | дꙋ къ коутии́ заоꙋ̑ | покоинѣи́ став | лѧють на столи́ци .| и смѣтиа҃ оꙋ̑ воро | тъ жгꙋть , въ вѣ | ликыи́ четверто̑к .| молвѧще тако ꙋ | того ѡ҃гнѧ҃ дша | приходѧще ѡ҃грѣ | ваю҃ть сѧ . мнѧщиѥ̑ | хр҃тыане . а погань | скаа҃ дѣла творѧ | ще . навѣмъ мовъ | творѧщ҃ . и̑ пепе | ломъ посрѣдѣ сы | плють , проповѣ | даю҃ть . мѧса мо | локо , масло , и̑ | ница .| и всѧ потребнаа҃ | бѣсомъ . на пѣць | лыють мыти сѧ҃ | ймъ творѧще .‖ [л. 147об., 1 стб.] челы́ и̑ оꙋ̑броусы | оꙋ̑ мовници вѣша | ють . мывше сѧ | цѣлоую҃ть пѣре | ть и кланѧют сѧ .| беси же злоꙋмию | йхъ смѣющи сѧ .| пороплють сѧ въ | пѣпелѣ томъ . и̑ | слѣды своа҃ пока | зываю҃ть . на пре | льщенїѥ̑ ймъ . ѡ҃ | них же видѣвше | то . ѡ҃ходѧть по | вѣдающе дроугъ | дроугоу . и̑ то все | приповѣданоѥ̑ | сами гадѧть и̑ пи | ють . йх же не дост | ойть ни псомъ | мсти . ѡ҃ злаа҃ ди | гаволѧ прелѣсть ,| иже ни погании̑ | того не творѧть .| что хр҃тыане тво | рѧть . дроузии́ вѣ | роую҃ть въ стри | ба҃ . и̑ дажьба҃ перп | лоута , йже вѣртѧ | че сѧ пиють ѥ̑моу || [л. 147об., 2 стб.] в розѣ . а йныи̑ вѣ | роую҃ть въ сны . въ | кошь . въ оꙋ̑стрѧ | чю . въ оꙋ̑рокы . въ | ворожꙋ . въ кобꙗ҃ни̑ | ѥ̑ и̑ наоузы носѧть .| и на дѣти вѧжоу | ть . и̑ ногт҃и | ѡ҃бре | завши блюдоуть ,| и̑ за надра мечю҃ть .| а ножнии̑ на головꙋ .| и̑ пиво | варѧще со | ль сыплю҃ть въ ка | дь , и̑ оꙋ̑голь мечю | ть забывше ба҃ .| створшаго нб҃о и̑ | землю . море и рекы .| йсточникы . и та | ко веселѧще сѧ | ѡ҃ | дѣлѣхъ своихъ .| не помнѧще слова | реченнаго . слы҃це | сиа҃ѣть на правѣ | дныа҃ и̑ на грѣшь | ныа҃ . дожь йдеть | на правѣдныа҃ , и̑ | на грѣшныа҃ . па | кы же еще и̑ се . ѥ̑гꙋ̑ | птанѣ . нечт҃ыа҃ | требы кладоуть || [л. 148, 1 стб.] нилоу . и̑ ѡ҃гнѣви | рекоуще . нилъ пло | додавець . и̑ расти | тель класомъ . а | ѡ҃гнь творѧ то ре | коуще споры҃ю .| соуша ег҃а зрѣть ,| сего ра҃ ѡ҃канни́и ,| полоудн҃ьѥ̑ чтоу | ть . и кланю҃тъ҃ | на полъдн҃е ѡ҃бра | тивше сѧ . а сѣ ина | га҃ злоба въ хр҃тиа҃ | нѣхъ . ножемь | кр҃тать хлѣбъ .| или пиющеи́ пиво .| кр҃тать чашею .| йли йнымъ чимъ .| а сѣ поганьскы тво | рѧть . смокочю | ть кѧ҃ пивꙋ , йли | къ медꙋ . а сѣ пога | ньскаа҃ жерт҃ва .| ѡ҃же что прокыне | ть сѧ или пролиѥ̑ | ть сѧ . то ѡ҃ни прї | падше на колѣнѣ | хъ акы пси пию҃ .|

или водоу . а сѣ по | ганьска творѧ^{т} .|| [л. 148, 2 стб.] водѧть невѣстоу | на водоу . даюче за | моужь . и̑ чашѹ пию^{т} | бѣсомъ , и колча | мѣчють во водоу .|

ѿ^{1} крови кладѧзи^{2} .| то^{3} аще бы^{4} вѣдалъ^{4} | западныи^{5} . то не^{6} | бы дроужил сѧ^{6} запа | дныи^{7} съ змиѣмь^{8} .| писано бо є̑сть не и̑ | маеть^{9} и̑^{10} скоуменъ^{11} | съ лѣомъ^{11} пожити^{12} | коупно^{12} . и̑^{13} се не азъ | вамъ [даю к зачеркнуто] разоу | мно даю^{14} . нъ дх҃ъ .| сты̑и^{15} . и̑^{16} е̑га^{17} сконь | чаетъ̂ цр҃тво^{17} на | земли мѣзинѣи .| и̑^{18} не и̑маѣ̂ть^{19} въста | ти^{20} цр҃тво^{20} ѿ того | колѣна^{21} : но^{22} въста | нета кн҃зѧ^{23} два^{23} ѣ̑дї | нъ ѿ востока а^{24} дрѹ | гыи^{25} ѿ запада . за | падныи^{26} же^{27} держи | ть а̑ростию . а^{28} въ | сточныи^{29} миромъ^{30} .| и събереть^{31} расточе | ныа̑^{32} . ацѣмь^{33} же ѿбра || [л. 148об., 1 стб.] зомъ събереть ко | кошь птѣнца^{34} по | дъ крилѣ свои̑ . и̑^{35} | боудоуть въ лѣ^{т} | е̑го . вѣлможа е̑го | аки кнѧзи . а̑ о҃бо | зии̑ е̑го аки вѣль | можа^{35} . и^{36} съживоу | ть^{36} лѣ^{т} своа̑ бесѣко | рби . до повѣлѣи̑ | наго ѣ̑моу^{37} . тоа̑^{38} | подвигнѣть сѧ | змии^{39} бестоудны̑^{40}, | съ ѿвча полѧ^{41} съ^{42} в | семи^{43} странами^{44} . и̑ | повѣдеть а̑^{45} ацѣ | м^{46} же ѿбразомъ . по | вѣдеть и̑нокы и̑ | женихъ . дрѹгыа̑ | на бракъ^{46} . и̑ рече^{47} и^{м}ъ^{48} | пои̑детѣ^{49} съ мно | ю^{50} . да видите сла | воу мою . писано^{51} | бо^{52} ѣ̑^{53} да^{54} прии̑деть^{55} | wтрокъ^{56} ѿ^{57} кран^{57} зе | млѧ^{58} . видѣть^{59} пре | моудрость соло | моню , и̑^{60} прии̑де^{т}^{61} | в новы̑ гра̑^{62} і҆е҆р҃лмъ^{63} .| и̑^{64} абие^{65} толкно́увъ || [л. 148об., 2 стб.] шоу^{66} ѣ̑моу^{67} . ѿвѣрзѹ | тъ̂ ємоу^{68} врата . и̑ | досечетъ̂ мѣста на | рицаемаго таворъ^{69} | изыдеть^{70} ѿ сты̑а^{71} | премоудрости . е̑же^{72} | наречеть сѧ ста̑ | софиа̑ моужа два̑^{72} .| е̑диномоу^{73} и̑мѧ^{74} ,| архан҃глко^{75} михаи̑ | лъ . въ^{76} вѣнци . и̑^{77} | възрить^{78} на^{79} нѧ^{80} а̑ро | стию своею^{81} . и̑^{82} смѧ | тоуть сѧ^{83} и̑^{84} съсекѹ | тъ̂ . аки польска а̑ | трава . дроугъ дрѹ | га^{84} . а̑ко моци мо | щоу^{85} наполнити̑^{86} .| ѿ крови̑^{87} всѧкы^{x88} .| ѿ^{89} вѣликое̑^{90} чю^{ѧо} тоу^{91} | тоа̑ кака скорбъ | боудеть^{91} . а̑ко же^{92} | нѣ была ѿ сложенї | а̑^{93} мира^{94} всего^{94} . ни^{95} и̑ | маеть быти^{96} . бла | жени^{97} и̑же^{98} и̑збоудѹ | ть^{99} ѿ^{100} того^{101} ча̑^{101} люта | го^{102} , писано бо е̑^{103} тѹ^{104} | пасти змию^{104} . на | мѣсте томъ^{105} на^{106} ||

Комментарии к тексту.

Мы попытались воспроизвести здесь максимально точно орфографию публикуемого текста, включая диакритические знаки, но здесь необходимо принять во внимание некоторые графические особенности рукописи. Почерк списка – полуустав, достаточно небрежный, особенно это относится к диакритическим знакам над буквами ѡ, є, реже и. Иногда они имеют вид одной или двух точек, или, как при обозначении ударения на конечном гласном словоформы, почти горизонтальной черты. Поэтому передача диакритических знаков в настоящей публикации имеет в определенной степени приблизительный характер. Кроме того, в рукописном почерке не всегда отчетливо проявляется

различие между **є** широким и **ѥ** узким. В приведенном выше тексте отмечаются также следующие особенности написания:

л. 145, 1 стб.: 28–30 – л. 145, 2 стб.: 1–8. Название текста и инициал **в** написаны киноварью.

л. 145об., 2 стб.: 6. В слове **вавилонѣ** буква **а** написана поверх другой буквы.

л. 145об., 2 стб.: 13. В слове **болг҃аре** между **а** и **р** смыта буква, предположительно **и**.

л. 145об., 2 стб.: 15. Написание **вѣ** в слове **сквѣрноу** лигатура – мачта **ѣ** сверху и справа от буквы **в**.

л. 145об., 2 стб.: 18. В слове **вкоушениѥ́мь** на месте буквы **ш** первоначально была написана буква **щ**, затем нижняя вертикальная черта смыта.

л.146, 2 стб.: 15. В слове **мьютъ** пропущена вертикальная черта в букве **ы**, следовало бы читать **мыютъ**.

л. 146об., 1 стб.: 19. Слог **лꙋ** приписан на полях после знака +.

л. 147, 1 стб.: 24. В слове **поганьстве** лигатурное написание **тв**.

л. 147, 1 стб.: 28. В слове **наричающіѣ** буква **ч** исправлена из **ц**.

л. 147, 2 стб.: 22. В **творѧщı҃** выносное **ı҃** написано над смытой буквой.

л. 147об., 1 стб.:1. **челхы** так в рукописи!

л. 148, 1 стб.: 1. В слове **нилоу** первая буква написана нечетко, ее можно читать и как **в**.

л. 148, 1 стб.: 8. В слове **ра҆̃** (**ради**) выносные буквы написаны другими чернилами более поздним почерком.

л. 148, 1 стб.: 19. В слове **творѧть** лигатурное написание **тво**.

л. 148, 2 стб.: 15. **даю к** зачеркнуто.

л. 148, 2 стб.: 22. В слове **но** буква **н** написана другими чернилами.

л. 148об., 1 стб.: 25. В слове **wтрокъ** первоначально первая буква была **w**, затем выносная часть зачеркнута.

Разночтения

1–2: Д (**напльнить се**) **стоуденьць w крьве ихь.** С **w крьви стꙋдѣнцѝи.**; 2: Д следует **Wле чюдо се дивно҃е.**; 3: Д отсутствует; 3–8: С отсутствует; 4–4: Д: **би вѣдѣль**; 5: Д **западьны**; 6–6: Д **не би се дрьжаль**; 7: Д отсутствует; 9: Д С Ц **имать**; 10: Д С Ц отсутствует; 11–11: С **львь с кымь**; 12–12: Д **пожировати**, С **вькꙋпе пожировати**; 13–14: Д **и се вы даю знамение. не азь**; 13–21: С отсутствует; 15: Д **сты**; 16: Д отсутствует; 17–17: Д **иг(д)а оꙋзрите сконьчание црьствиа**; 18: Д следует **потомь**; 19: Д **имать**; 20–20 Д **цр҃ь вьстати**; 22: Д **нь**, С **и**; 23–23: Д С Ц **два кнеза**; 24: С отсутствует; 25: Д С Ц **дроугы**; 26: Д **западьны**; 27: С отсутствует; 28: Д отсутствует, С **а**; 29: С **вьсточи҃и**; 30: Д **моримь**, С **мачь**; 31: С следует **вьсе**; 32: Д **расточенна҃а**; 33: Д

цѣмь; 33–37: С отсутствует; 34: Д пьтѣньцѣ свое; 35–35: Д и боудоуть вельможе вь тѣ(т) (так!) его. тако и кнѣзи. а ници тако и властелинь; 36–36: Д иж(д)ивоуть; 37: Д имь; 38: С и, Ц предшествует и; 39–40: Д бестоудьны змы.; 40: С отсутствует; Д следует тьи.; 41: Д С Ц пола; 42–44: С отсутствует; 43: Д всѹмы; 45: Д и сь веселиемь; С вьсе езикы съ собою; 46–46: Д тацѣмь же wбразомь новы женихь. поведеть дроугы свое на бракъ, С тако и нови женихь дрѹги свои, Ц тацѣмь wбразомь пове(д)ть тако новы женихь дроугы свое на брак; 47: Д р(ч)еть; 48: С Ц отсутствует; 49–50: С отсутствует; 50: Д следует на бракь; 51–53: С отсутствует; 52: Ц отсутствует; 54: С и; 55: Д поидеть, Ц придеть; 56: Д отсутствует; 57–57: Д вьскан (так!), С w крага; 58: Д Ц земле, С земли; 59: Д и видить, Ц вѣ(д)ти; 60: Д следует тогда; 61: Д придеть, С идеть; 62: Д Ц отсутствует; 63: Д следует иже нарицаеть се коньстатинь градь.; 64–69 С отсутствует; 65: Ц гавет(с)е, Д отсутствует; 66: Ц ко(с)ноувшѹ се; 67: Ц следует и; 68: Д отсутствует; 69: Д Ц тавора. и тогда; 70: Д изидета; 71: Д С сты́е, С следует w; 72–72: Д два моужа. гаже наричета се акы софиа.; С два мѹжа иже нарицаетъ се стаа сѡфїа. (по изданию Н.С. Тихонравова); 73: Д келинь, Ц моуж; 74: Д Ц именемь; 75: Д архангльскымь, Ц аг(г)льском, С агг̀ль (по изданию Н.С. Тихонравова); 76: С Ц оу; 77: Д С Ц отсутствует; 78: С оузри; 79–80: С Ц отсутствует; 80: Д следует сь; 81: Д отсутствует; 82: Д Ц следует тьг(д)а вьжасноувьше се и; 83: Д следует вельми; 84–84: Д исѣкоуть се сами. тако трава польска., С и сьсекѹ́тсе дрѹгь сь дрѹгомь своимь (в издании Н.С. Тихонравова следует: та̀ко и̑ сено полс́коѥ.), Ц и сѣкоут(с)е дроу(г) сь дроу(г)мь тако и польска трава; 85: Д С Ц мороу; 86: С отсутствует; 87: Д крьве; 88: Д всѣхь земль, С Ц вьсѣ(х) езыкь; 89: С wле; 90: Д дивьноѥ, Ц велїе, С отсутствует; 91–91: Д како боудеть тог(д)а скрьбь, С тогда бѹдеть скрьбь, Ц тог(д)а скрьбь б(д)ѣть тоу, 92: Д отсутствует; 93: Д С: начела; 94–94: Д сего мира, С Ц всего мира; 95–96: Д и Ц то ни имать быти.; С: ни же можеть быти.; 96: Д следует ти потомь; 97: Д блажень есть чл̀вкь ть, С бл̀женъ; 98: С отсутствует (по изданию Н. С. Тихонравова); 99: Д избоудеть, С изидеть (по изданию Н.С. Тихонравова); 100: Д С Ц отсутствует; 101–101: С Ц ча(с) того; 102: С лютааго, Д следует сирѣчь сѣча того.; 103: Ц следует тако; 104–104: Д змию томоу. пасти; 105: Ц отсутствует; 103–105 С тако паднеть змеи; 106: Д нарицаемѣмь ад(р)инополе, С: на адрѣнополи.

В "Видении Исайи пророка о последнем времени" затем следует обращение к Иерусалиму, но дальнейшая часть памятника в списке ЗМ-НСРК утрачена.

Для сравнения здесь также приводится окончание особой редакции "Слова святого Григория изобретено в толцех" по Чудовскому списку, включающее вторую вставку из "Слова Иоанна Златоуста" и заключительные слова:

а се инаꙗ злоба в крⷮтꙗнеˣ. ножемъ крⷮтꙗть хлѣбъ. а пиво крⷮтꙗть чашею. и а инымъ чимъ. а се поганьскы творꙗть. смокочють къ пивоу. или к медоу. а се поганьскаꙗ жертва. оже что прокынетсѧ. или прольетъ. то ѡни припадше на колѣнеˣ. аки пси. пиють или водоу. а се поганьскы творꙗть. водꙗть невѣстоу на водоу даюче замоужь и чашю пиють бѣсомъ и кольца мечють в водоу и попасы. о злое дѣло крⷮтꙗномъ се творити ѡставльше бⷠа давшаго намъ всѧко ѡбилье ѿ земныˣ плодовъ. мы же ѡставльше живодавца || къ дыаволоу бѣжимъ. и того волю творимъ. а и дѣла его дѣлаемъ. иже не хощеть никомоу же сп҃ниꙗ. но съ собою хощеть въ дно адово въвести. аⷨлъ реⷯ. сбираеши собѣ гнѣвъ въ дⷩь гнѣва. и ꙗвлениꙗ праведнаго соуда бж҃иꙗ. еже ѿдасть комоужо по дѣломъ его. бг҃оу же нашеⷨ слава. сиⷭ повѣсть велика. но мы лѣности раⷯ. написахоⷨ мало. [л. 224: 14 – л. 224об.: 7][17].

Сравнение списка ЗМ-НСРК со списками Д и С показывает, что список ЗМ-НСРК наиболее близок древнейшему списку “Видения Исайи пророка о последнем времени”, находящемуся в Драголовом сборнике (список Д). В списке ЗМ-НСРК отсуствуют бессистемные сокращения, отмеченные А. Милтеновой в более поздних списках С и Ц. Если не считать пропусков отдельных слов, то в списке ЗМ-НСРК сравнительно со списком Д исключены только риторические восклицания: **ѡле чюдо се дивноѥ** и **ѡ дивьноѥ чюдо** (имеются также в сокращенной редакции), объяснение того, что означает Новый Иерусалим: **ѥже нарицаѥть се коньстатинь градь**, а также еще одно “объяснительное замечание”: **сирѣчь сѣча того**.

Анализ разночтений между списками также показывает наличие общих или близких чтений у списков ЗМ-НСРК и Д, противопоставляющих их списку С. Ср. **не ймаеть и скоуменъ съ лѣ́омъ пожити коупно** (ЗМ-НСРК), **не имать скумень сь лівомь пожировати** (Д) – **не имать львь с кымь вькупе пожировати** (С) (сравнение всех трех списков позволяет предположить, что в этом месте имеются отклонения от первоначального текста и в других списках – пропуск в списке Д наречия **вькупе** или **коупно** и замена в списке ЗМ-НСРК **пожировати** на близкое по звучанию и написанию **пожити**, которая могла иметь причиной механический пропуск переписчиком двух слогов); **миромъ** (ЗМ-НСРК), **моримь** (Д) – **мачь** (С); **и съберетъ расточеныа** (ЗМ-НСРК), **и сьбереть расточеннаꙗ** (Д) – **и сьбереть вьсе расточеннаꙗ** (С); **съ всеми странами . и повѣдеть а** (ЗМ-НСРК), **сь всѣмы странами . и поведеть ѥ** (Д) – **и повѣдеть вьсе езикы** (С); **приидеть** (ЗМ-НСРК, Д) – **идеть** (С); **възрить** (ЗМ-НСРК, Д)

[17] Цит. по: (Зубов 2004: 329–330).

– оузри (С); **аки польскаѧ трава** (ЗМ-НСРК) – **ꙗко трава польскаꙗ** (Д) – **ꙗко и̑ сено полскоꙋ** (С, по изданию Н. С. Тихонравова); **тоѓа кака скорбъ боудеть** (ЗМ-НСРК) – **како боудеть тогда скрьбь** (Д) – **тогда бу̑деть скрьбь** (С); **ни и̑маеть быти** (ЗМ-НСРК), **то ни имать быти** (Д) – **ни же можеть быти** (С); **и̑збоудꙋ̑ть** (ЗМ-НСРК), **избоудеть** (Д) – **изидеть** (С); **пасти змию** (ЗМ-НСРК) – **зми̑ю томоу пасти** (Д) – **паднеть змеи** (С).

Можно предположить, что и список ЗМ-НСРК, и список Д восходят к одному общему протографу, более древнему, чем Драголов сборник. Сам список Д нельзя считать протографом списка ЗМ-НСРК, поскольку некоторые чтения последнего не совпадают со списком Д, но находят соответствия в списках краткой редакции, ср.: **да прии̑деть ѿтрокъ ѿ краи̑ землѧ** (ЗМ-НСРК), **да придеть ѿрокь ѿ краи̑ земле** (Ц), **и пр҃иде(т) ѿрокь ѿ краꙗ земли** (С) – **да поидеть вьскаи̑ земле** (Д), где очевиден пропуск в списке Д слова *отрок*, без которого остается непонятным, кто совершает действие; **в новы̑ гра̑ і҆е̑рлмъ** (ЗМ-НСРК), **въ нови гра̑ і҆е̑рлмь** (С) – **вь новы иерслмь** (Д), где также весьма вероятен пропуск слова *град* в списке Д; **с҃таꙗ софиа̑** (ЗМ-НСРК), **с҃таа сѡфі҆ꙗ** (С) – **акы софиꙗ** (Д).

Кроме того, первая сохранившаяся, хотя и не полностью фраза списка ЗМ-НСРК несмотря на лексическую замену совпадает со списком С и в порядке слов, и в употреблении формы множественного числа имени существительного: **ѿ крови кладѧзи** (ЗМ-НСРК) – **и напльнетсе ѿ крьви ст҃ꙋ̑дѣнци.** (С) – **напльнить се стоуденьць ѿ крьве ихь.** (Д).

Следует также указать случаи совпадения списка ЗМ-НСРК со списком Ц, вторым списком краткой редакции, когда в списке С обнаруживается пропуск слова или же чтение списка С совпадает со списком Д: **подвигнѣть сѧ змии бестоудны̑** (ЗМ-НСРК) – **змии бестоудни** (Ц) – **подвигнѣ́т се змі҆и** (С), ср. **подвигнеть се бестоудьны змы. тьи.** (Д). Также (**скорбъ**) **ꙗко же и̑ѣ была ѿ сложені҆ꙗ мира всего .** (ЗМ-НСРК), **ꙗко же и̑ѣ была ѿ сложені҆ꙗ всего мира** (Ц) – **ꙗко же и̑ѣ была ѿ начела всегѡ мира** (С), **ꙗко нѣсть была ѿ начела сего мира** (Д). Также имеется один случай употребления в списках ЗМ-НСРК и Ц лексем **вѣликъ** (ЗМ-НСРК) и **вѣлии** (Ц), близких по звучанию и тождественных по своему основному значению, в том месте, где в списке Д находится лексема **дивьныи** (Д), а чтение списка С можно объяснить искажением чтения списка Ц: **ѿ вѣликоє̑ чю҆о҆** (ЗМ-НСРК) – **ѡ велі҆е чюдо** (Ц) – **ѡле чюдо** (С) – **ѡ дивьное чюдо** (Д).

Весьма вероятным представляется то, что в тех случаях, когда чтения списка ЗМ-НСРК совпадают со списками краткой редакции, они отражают первоначальный текст памятника, подвергшийся изменению в списке Д. На-

сколько об этом можно судить, "Видение Исайи пророка о последнем времени" не является переводом (в прямом смысле этого слова) какого-либо византийского эсхатологического сочинения, поэтому при анализе разночтений необходимо исходить только из данных, предоставляемых славянскими списками памятника. Несмотря на это, "Видение Исайи пророка о последнем времени" находится в тесной связи с византийскими текстами, относящимися к жанру эсхатологических пророчеств и видений. А. Милтенова отмечает наличие в нем топосов, характерных для византийской пророческой литературы[18].

Что же касается собственно лингвистической характеристики списка ЗМ-НСРК, то его орфография характерна для древнерусского извода церковнославянского языка, но практически лишена псковских диалектных черт, отмеченных в данной рукописи[19], которые отразились и в списке "Слова святого Григория изобретено в толцех", ср. смешение **ц** и **ч** в словах **наричающіе** (л. 147, 1 стб.: 28), **колча** (л. 148, 2 стб.: 4). Единственным исключением является написание **скорбъ** (л. 148об., 2 стб.: 21) с отвердением конечного губного согласного, но это явление характерно не только для северо-западных, но и для части средне- и южнорусских говоров[20]. В списке ЗМ-НСРК имеется определенное количество южнославянизмов: фонетические – неполногласные формы (**кладязь**), слова с начальным **є** на месте восточнославянского начального **о** (**єдинъ**), слова с начальным **а**, соответствующим восточнославянскому **га** (**азъ**), слова с начальным **ра**, соответствующим восточнославянскому **ро** (**разоумно**), морфологические – форма родительного падежа единственного числа существительного склонения на -*ja с флексией **-я** (**землѧ**), но все они широко употреблялись и в оригинальных древнерусских текстах в особенности церковно-книжного содержания.

С другой стороны, в морфологии списка "Видения Исайи пророка о последнем времени", не представлены те восточнославянские флексии, которые были свойственны живой речи, но имели в древнерусском изводе церковнославянского языка южнославянские по происхождению соответствия. Это хорошо видно на примере местоименного склонения прилагательных, где в списке "Видения Исайи пророка о последнем времени" употребляются исключительно "нормативные" церковнославянские флексии в отличие от списка "Слова святого Григория изобретено в толцех", в котором встречаются и восточнославянские флексии, как, например, флексия родительного падежа единственного числа мужского и среднего родов **-ого**, ср. **проклатого** (л.146, 1 стб.: 23; л.146об., 1 стб.: 12–13).

[18] Милтенова 1992: 78.

[19] Бобров, Черторицкая 1990: 347, прим. 29.

[20] Филин 1972: 329–331.

Список "Видения Исайи пророка о последнем времени" в рукописном сборнике XV века Златая Матица

Во многих случаях текст "Видения Исайи пророка о последнем времени" по списку ЗМ-НСРК сохраняет архаичные грамматические формы, такие как двойственное число у имен существительных (**подъ крилѣ**, **моужа два**) и глаголов (**въстанета**), хотя у последних наблюдается и нарушение согласования в числе (сказуемое в единственном числе при подлежащем в двойственном числе: **изыдеть** <...> **моужа два**). Также есть основания считать форму **видѣть**, употребленную с целевым значением при глаголе движения: **приидеть штрокъ w краи земла . видѣть премоудрость соломоню**, супином глагола **видѣти**, а не новой формой инфинитива с редукцией до нуля конечного **и**, поскольку все остальные формы инфинитива в тексте имеют суффикс **-ти**, а не **-ть** (**пожити**, **въстати**, **наполнитѣ**, **быти**, **пасти**). Написание же **ь** вместо этимологического **ъ** в этой форме можно объяснить не только влиянием живой речи восточнославянского переписчика, в которой уже могла проявляться редукция конечного **и** в суффиксе инфинитива[21], но и орфографическими особенностями протографа списка ЗМ-НСРК: или одноеровым правописанием, характерным для сербского извода церковнославянского языка (остальные списки "Видения Исайи пророка о последнем времени" имеют сербское правописание[22]), или смешением **ъ** и **ь**, часто встречающимся в среднеболгарских рукописях[23]. Следует отметить, что формы супина употребляются и в списке Д "Видения Исайи пророка о последнем времени": **приде анг҃ль г҃нь. поѥть ме на высотоу тврьди**[24].

В списке ЗМ-НСРК следует отметить и ряд отличий от остальных списков "Видения Исайи пророка о последнем времени". Некоторые из них объясняются неправильным пониманием переписчиком текста протографа, как, например, ЗМ-НСРК: **повѣдеть инокы и женихъ . дроугыа на бракъ** – Д: **новы женихь. поведеть дроугы свое на брак** (в С: **ꙗко и нови женихь дроуги свои**), где форма **инокы** появилась, скорее всего, по причине сходства в написании букв **в** и **к**. Но многие из отмеченных расхождений свидетельствуют, как представляется, о том, что в древнерусской среде текст подвергался определенному редактированию, не затронувшему содержание памятника, но проявившемуся в замене отдельных лексем и незначительных изменениях в морфологии и синтаксисе.

---

[21] Н. Каринский отметил употребление форм инфинитива на *-ть* в некоторых псковских памятниках 2-й половины XV века, в частности, в Палее 1494 г., см. (Каринский 1909: 39–41, 198 прим. 1).

[22] Милтенова 1992: 77–78; Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 227.

[23] См. (Щепкин 1967: 120–129).

[24] Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 232.

Так, в списке ЗМ-НСРК формы глаголов атематического спряжения регулярно заменяются на формы соответствующих глаголов, образованые по тематическому спряжению: **би вѣдѣль** (Д) – **бы вѣдалъ** (ЗМ-НСРК); **имать** (Д) – **имаеть** (ЗМ-НСРК) (в составе форм сложного будущего времени).

Имеется и ряд таких случаев, когда слову, находящемуся в остальных списках, в списке ЗМ-НСРК соответствует другая лексема: **кладязь** (ЗМ-НСРК) – **стоуденьць** (Д, С); **разоумно даю** (ЗМ-НСРК) – **даю знамение** (Д); **дроужил сѧ** (ЗМ-НСРК) – **се дрьжаль** (Д); **оубозии** (ЗМ-НСРК) – **ници** (Д); **вѣльможа** (ЗМ-НСРК) – **властелинь** (Д).

Следует отметить, что в этих лексических заменах не используются лексемы, ограниченные в своем употреблении тем или иным регионом, что позволило бы сделать предположения о месте редактирования текста. В ряде случаев обе варьирующиеся лексемы могли выступать и в древнейших славянских письменных памятниках, и в древнерусских текстах (оригинальных и переписанных с южнославянских протографов) как полные синонимы: **оубогъ** – **нищь**[25], **кладязь** – **стоуденьць**[26] или как слова, близкие по значению: **вѣльможа** – **властелинь**[27], что весьма затрудняет установление того, какая из этих лексем первична, а какая появилась в результате замены.

Хотя глагол **дроужити сѧ** (с кем) и не зафиксирован словарями старославянского языка, а исторические словари русского языка дают примеры его употребления только из оригинальных русских текстов (Статейный список посольства Ф. Е. Елчина в Грузию, Повесть о Горе-Злочастии – памятники XVII в.[28]; наиболее ранняя фиксация – в Молении Даниила Заточника, датируемом XII–XIII вв.[29]), соответствующий глагол имеется в современных южнославянских языках: болг. *дружа се*[30], серб. *дружити се*. Что же касается глагола **дрьжати сѧ**, то в значении ‘придерживаться чего-либо, быть приверженцем кого-, чего-либо’ он достаточно широко употребляется в церковнославянских и древнерусских текстах, но обычно в сочетании с формами родительного и дательного падежа или с предлогом **по**; употребление данного глагола с предлогом **съ**, как в списке Д (**аще би вѣдѣль западьны. то не би се дрьжаль сь змиємь**), не

[25] Старославянский словарь:382; 722; Срезневский 1895: 457; Срезневский 1912: 1113.

[26] Старославянский словарь: 284; 631.

[27] SJaS 4: 178; SJaS 5: 199; СРЯ 2:72; 216–217.

[28] СРЯ 4: 364.

[29] Срезневский 1893: 731.

[30] Современный толковый словарь болгарского языка снабжает это слово пометой “устаревшее”, см. Речник на българския език. Т. IV. София, 1984. С. 437.

зафиксировано[31]. Учитывая также фонетическую близость двух лексем, нельзя исключать того, что в данном случае именно чтение списка ЗМ-НСРК отражает первоначальный текст памятника.

Все же представляется, что некоторые лексические особенности списка ЗМ-НСРК дают почву для осторожных предположений о возможности их восточнославянского происхождения.

Так, выше уже было сказано, что лексемы **кладѧзь** (ЗМ-НСРК) и **стоуденьць** (Д, С) со значением 'колодец' встречаются уже в языке древнейших славянских письменных памятников[32]. Они также фиксируются и в древнерусских текстах, преимущественно книжного характера[33], но все же имеются некоторые основания считать, что лексема **кладѧзь** наряду с параллельной восточнославянской формой **колодѧзь** была более употребительной на Руси, чем лексема **стоуденьць**. Многие из приведенных И. И. Срезневским примеров употребления слова **стоуденьць** относятся к текстам, восходящим к южнославянским протографам (Остромирово Евангелие, Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского), хотя некоторые из употреблений данной лексемы зафиксированы и в оригинальных русских текстах (Путешествие архидьякона Геннадия и гостя Василия Позднякова в Святую землю), ср. также рус. диалектное *студенец* 'колодец', 'ключ из земли', 'родник'[34]. В древнерусских памятниках имеются случаи, когда лексема **стоуденьць** объясняется посредством лексемы **кладѧзь**: *стюдеѣць рекомыи кладѧзь близъ ега бѣ* (Ипатьевская летопись, в описании церкви св. Иоанна Златоуста в Холме, датированным 6767 (1259) годом)[35]. Представляется, что в списке ЗМ-НСРК менее употребительная в восточнославянском регионе лексема могла быть заменена на более употребительную. С другой стороны, нельзя исключать и того, что лексема **кладѧзь** принадлежит древнейшему тексту "Видения Исайи пророка о последнем времени", поскольку она встречается в ряде древних славянских текстов болгарского происхождения и выделяется как одна из лексических особенностей, характерных для словоупотребления преславских книжников эпохи царя Симеона[36].

Из лексических особенностей списка ЗМ-НСРК наибольший интерес представляет сочетание **разоумно даю**, которому в списке Д соответствует **даю**

[31] Старославянский словарь: 198; SJaS 10: 521–522. Срезневский 1893: 777.

[32] Старославянский словарь: 284; 631.

[33] Срезневский 1893: 1212–1213; Срезневский 1912: 575–576.

[34] Даль 1955: 347.

[35] ПСРЛ II: стб. 844.

[36] Славова 1989: 99.

знамение, хотя бы в связи с тем, что данное сочетание, имеющее фразеологический характер в силу определенной семантической слитности компонентов, не зафиксировано русской исторической лексикографией. Наречие **разоумно** в предикативном употреблении со значением ‘понятно’ и ‘известно’ встречается достаточно широко в древнерусских оригинальных и переводных текстах, причем как созданных на Руси, так и переписанных с южнославянских оригиналов. Это наречие может употребляться и в составе устойчивых сочетаний, например, **разоумно быти** ‘пониматься, толковаться каким-либо образом’ (Изборник 1073 г.)[37] (по этой модели могли образовываться и другие устойчивые сочетания, например, **вѣдомо быти**), **разоумно оумѣти** ‘понимать, разуметь’ (Лаврентьевская летопись, под 6731 (1223) годом)[38].

Сочетание **разоумно дати** (кому, что) ‘толковать, объяснять’ или ‘делать известным’ (кому-либо что-либо) не зафиксировано ни одним из исторических словарей русского языка, не удалось обнаружить его и в исторических словарях других славянских языков, но по своей структуре оно аналогично сочетанию **вѣдомо дати** (**давати**, **дати**) ‘доводить (довести) до сведения’, которое с конца XIV в. получает распространение в деловом языке Руси (сначала ее западных и южных регионов). Последнее по своему происхождению является калькой латинского оборота *scitum* (*notum*) *dare*, широко употреблявшегося в средневековой латыни, в частности, в латинских текстах, созданных в Польше[39]. В восточнославянских текстах сочетание **вѣдомо дати** впервые фиксируется в грамоте смоленского великого князя Юрия Святославича о союзе с польским королем Владиславом Ягеллом и литовским великим князем Скиргайлом, датированной 1386 г.[40]; в конце XIV – XVII вв. это устойчивое сочетание получает распространение и в староукраинском, и в старобелорусском, и в обиходно-деловом языке Московской Руси, хотя, насколько об этом позволяют судить данные исторических словарей, по частотности оно уступает синонимичному сочетанию **вѣдомо чинити**[41] (в польском языке XIV–XV вв. зафиксирован только оборот

---

[37] СРЯ 21: 257–258.

[38] Срезневский 1912: 55.

[39] Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. T. III. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1969–1974. S. 797.

[40] СДРЯ 2: 289.

[41] Словник староукраінськоі мови XIV–XV ст. Т. І. Київ, 1977. Ñ. 227. Словник українськоі мови XVI – першоі половини XVII ст. Вип. 6. Львів, 1999. С. 127–128. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 3. Мінск, 1983. С. 57. Вып. 7. Мінск, 1986. С. 219. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. II (рукопись).

wiadomo czynić, калькирующий латинское выражение notum facere[42]). Фразеологизм **вѣдомо дати** мог послужить моделью для образования сочетания **разумно дати**, которое могло появиться и в результате преобразования оборота **дати (дати) разумъ** 'дать понимание, осознание чего-либо', встречающегося в древнейших славянских письменных памятниках, например, **дастъ бо ти г(оспод)ъ разумъ о въсемъ** (Енинский апостол XI в.) – буквальный перевод греч. δώσει γάρ σοι ὁ κύριοι σύεσιν ἐν πᾶσιν (2 Тим 2: 7)[43]; подобное фразеологическое сочетание зафиксировано и в современном чешском языке: to dб rozum 'это ясно; ясное дело; понятно; разумеется'[44].

В списке ЗМ-НСРК можно отметить лишь один случай изменения построения высказывания сранительно с другими списками: **и его̑а сконьчаетъ̑ цр̑тво на земли мѣзинѣи** (ЗМ-НСРК) – **иг(д)а оузрите сконьчание црьствиа на земли мѣзинѣи** (Д), хотя общий смысл здесь в целом сохраняется. Остальные синтаксические расхождения списка ЗМ-НСРК с другими списками памятника касаются порядка слов, а также наличия или отсутствия некоторых служебных слов, например, союза **и**, частицы **же**, и не влияют на содержание текста.

Как уже было сказано выше, для "Видения Исайи пророка о последнем времени" не удалось обнаружить иноязычный оригинал, данные которого можно было бы привлечь при анализе расхождений между списками. К этому следует добавить, что вопрос об отношении "Видения Исайи пророка о последнем времени" к близким ему по тематике византийским текстам, некоторые из которых имеют и славянские переводы, не может быть рассмотрен в рамках данной статьи в силу ограниченности ее объема. Можно лишь отметить наличие общих мест, сближающих "Видение Исайи пророка о последнем времени" с византийскими апокрифическими "видениями", приписанными пророку Даниилу ("Видение Даниила о последнем времени и о скончании мира", "Слово святого отца нашего Иоанна Златоуста из Видений Даниила"[45]), некоторыми редакциями Откровения Мефодия Патарского[46], а также с "эсхатологическими частями" Жития Андрея Юродивого[47]. Но эти общие места включают только отдельные мотивы, сравнения, библейские цитаты или, в случае славянских

[42] Słownik staropolski 1989: 100.

[43] (Старославянский словарь: 573). Греческий текст цитируется по (GNT 1983: 733).

[44] Mokienko, Wurm 2002: 442.

[45] Schmoldt 1972: 202–218, 220–236.

[46] Истрин 1897.

[47] Молдован 2000.

переводных текстов, особенности словоупотребления. Как целостный текст "Видение Исайи пророка о последнем времени" представляет собой самостоятельное литературное произведение.

Подводя итоги, следует сказать, что список ЗМ-НСРК несмотря на то, что он сохраняет текст "Видения Исайи пророка о последнем времени" не полностью, весьма важен, как представляется, для изучения истории этого памятника. Как показало предпринятое в настоящей статье исследование, список ЗМ-НСРК наряду со списком Д относится к старейшей редакции "Видения Исайи пророка о последнем времени", причем сравнение этих двух списков свидетельствует о том, что они имеют общий протограф, более древний, чем список Д, находящийся в Драголовом сборнике, датируемом третьей четвертью XIII в. Кроме того, существование восточнославянского списка южнославянского эсхатологического сочинения, идейно близкого византийским памятникам этого жанра, является еще одним свидетельством оживленных литературных контактов между народами христианского Востока.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бобров, Черторицкая 1990: Бобров А. Г., Т. В. Черторицкая. "К проблеме Златой Матицы // ТОДРЛ XLIII, 1990, 341–358.

Буланин 1991: Буланин Д. М., *Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв.* München, 1991.

Гальковский 1913: Гальковский Н., *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси.* Т. II. Москва, 1913.

Даль 1955: Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка.* Т. IV. Москва, 1955 (воспроизведение 2-го издания: СПб.–Москва, 1882).

Зубов 2004: Зубов М. І., *Лінгвотекстологія средньовічних слов'янських повчань проти язичництва*. Одесса, 2004.

Истрин 1897: Истрин В. М., *Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах.* Исследования и тексты. Москва, 1897.

Калоянов, Моллов 2002: Калоянов А., Т. Моллов. "Слово на тълкувателя – един неизползван източник за старобългарската митология." // Българска етнология, 2002, Кн. 4, С., 25–41.

Каринский 1909: Каринский Н., *Язык Пскова и его области в XV веке.* СПб., 1909.

Милтенова 1992: Милтенова А., " 'Видение на пророк Исайя за последните времена' – историко-апокалиптично съчинение от XIII век." // Palaeobulgarica / Старобългаристика, 1992, № 2, 77–81.

Молдован 2000: Молдован А. М., *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности.* Москва, 2000.

Моллов 1997: Моллов Т., *Мит – епос – история. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492).* Велико Търново, 1997.

ПСРЛ II: *Полное собрание русских летописей.* Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.

Порфирьев 1877: Порфирьев И. Я., *Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки.* СПб., 1877.

Славова 1989: Славова Т., "Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод." // КМС 6, 1989.

Словарь книжников 1987: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в.* Отв. ред. Д. С. Лихачев. Выпуск 1-й. Ленинград, 1987.

*СДРЯ 2:*Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 2. Москва, 1989.

СРЯ 2: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 2. Москва, 1975.

СРЯ 4: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 4. Москва, 1977.

СРЯ 21: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 21. Москва, 1995.

Срезневский 1893: Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.* Т. I. СПб., 1893.

Срезневский 1895: Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.* Т. II. СПб., 1895.

Срезневский 1912: Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.* Т. III. СПб., 1912.

Старославянский словарь: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Москва, 1994.

Тихонравов 1894: Тихонравов Н. С., "Апокрифические сказания" //Сб ОРЯС т. LVIII, 1894.

Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: Тъпкова-Заимова В., А. Милтенова. *Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България.* С., 1996.

Филин 1972: Филин Ф. П., *Происхождение русского, украинского и белорусского языков.* Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Щепкин 1967: Щепкин В. Н., *Русская палеография.* Москва, 1967.

GNT 1983: The Greek New Testament. Edited by K. Aland, M. Black, C. Martini, B. Metzger, A. Wikgren. 3 Ed. Stuttgart, 1983.

Katalog Kirchenslavischer Homilien 1994: Vorläufiger Katalog Kirchenslavischer Homilien des Beweglichen Jahreszyklus. Aus Handschriften des 11. – 16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provinienz. Zusammengestellt von Tat'jana Čertorickaja unter der Redaktion von Heinz Miklas. Wien, 1994.

Mokienko, Wurm 2002: Mokienko V., A. Wurm. *Česko-ruský frazeologický slovník.* Olomouc, 2002.

Schmoldt 1972: Schmoldt H. *Die Schrift "Vom Jungen Daniel" und "Daniels letzte Vision": Herausgabe und Interpretation zweier apokalyptischer Texte.* Hamburg, 1972.

SJaS: Slovník jazyka staroslověnského. 4. Praha, 1961; 5. Praha, 1962; 10. Praha, 1965.

Słownik staropolski 1989: Słownik staropolski. T. X. Zeszyt 2 (62). Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1989.

Несколько слов об авторе . . .

Щекин Алексей Сергеевич закончил филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета (отделение русского языка и литературы) (1999), обучался в аспирантуре филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра русского языка) (1999-2002). С 2000 г. работает в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина в должности старшего лаборанта. Участвует в составлении "Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.". Область научных интересов – лингвистическое и текстологическое изучение древних славянских переводов сочинений Григория Богослова, в частности "Слова святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще кланялися идолом, то и ныне творят", а также историческая лексикология и лексикография русского языка.

Автор статьи: Фрагмент "Слова св. Григория изобретено в толцех" из рукописного сборника XVI века РНБ F.I.4 и некоторые проблемы текстологии памятника. // *Грани русистики. Филологические этюды. Сборник статей в честь 70-летия профессора В.В. Колесова.* СПб., 2004 (в печати). 321-336.

Составитель словарных статей *Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.* (отрезки "блин – бляшка", "бояться – брашен"). Т. 1. СПб., 2004 (в печати).

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4/2005-2006

Греческий вариант апокрифа о борьбе архангела Михаила и Сатанаила

Ольга Афиногенова

В 1981 г. А. Милтеновой были опубликованы две славянских редакции апокрифа о борьбе Михаила и Сатанаила (Милтенова 1981). Этот текст ранее был известен по двум поздним спискам (Поппунчов сборник, 1796 г. НБКМ № 693, 2. Сборник 1820 г. ЦИАИ, № 232, и другой, более ранний: 2-я пол. XVI в., ЦИАИ № 1161)[1]. Обе редакции в рукописях приписываются Иоанну Златоусту.

В данной статье впервые публикуется греческий вариант того же апокрифа с переводом на русский язык и краткими комментариями. Как будет видно из публикации, греческий текст не является переводом ни одной из славянских редакций, опубликованных А. Милтеновой. Однако явно богомильская основа сюжета позволяет сделать вывод, что источником греческого варианта послужил какой-то славянский текст, возможно, не сохранившийся. Сюжет апокрифа был известен не только в Болгарии, но и в Сербии, о чем свидетельствует изображение в церкви архангела Михаила в Леснове (роспись ок. 1346 г.), представляющее собой непосредственную иллюстрацию к апокрифу,[2] и косвенно – наличие сербизмов в сборнике № 1161 и предположение, что он был создан в Сербии.

Греческая рукопись. Мне известна только одна греческая рукопись этого апокрифа – *Vatic. gr. 1190a. 1542. fol. 1387.* Сборник, содержащий апокриф, подробно описан Эрхардом.[3] Согласно надписям и пометкам в рукописи, ее владельцами были епископы Ситии и Иерапетры (Крит), и тем не менее ее происхождение остается невыясненным, т. к. сведений о том, что она была написана именно на Крите нет. Первоначально рукопись имела больший формат,

[1] Первая опубликованная редакция – сб. № 1161. Л. 40а–55б, вторая – Поппунчов сб. Л. 28б–40а. Подробнее об этих списках см. (Милтенова 1981: 98–99).

[2] Габелић 2004. № 102 (Пад Сатане). Благодарю О. В. Лосеву, привлекшую мое внимание к публикации этого изображения.

[3] Erhard 1932–1952: Bd. 3, 870–871

впоследствии ее края были обрезаны. Шрифт имеет сходство с италогреческим. Оформление рукописи очень простое, нумерация страниц сбита. Трехтомный сборник представляет собой большое (ок. 211) не менологическое собрание текстов разного жанра, большинство из которых агиографические (133), из них, в свою очередь, треть – жития святых, написанные Симеоном Метафрастом. Остальной комплекс текстов включает речи на Господские и Богородичные праздники, гомилии на переходящие праздники церковного года, последние 29 текстов – часть Константинопольского патриаршего собрания гомилий. Из апокрифической литературы представлены Апокалипсис Марии, Апокалипсис Иоанна, Слово Иоанна Богослова на Успение и публикуемое слово о Михаиле, не имеющее заголовка. Последнее, видимо, не понравилось пользователю или владельцу, т.к. оно крест-накрест перечеркнуто пером на каждой странице. Примерно треть текста написана одним почерком, остальная часть – другим.

Текст. Явных признаков того, что греческий текст представляет собой не оригинал, а перевод со славянского, мною не обнаружено. Однако вероятность того, что перед нами именно перевод славянского богомильского апокрифа на мой взгляд выше, чем самостоятельное существование апокрифа на греческом языке, хотя последнее совершенно исключить нельзя. Косвенным признаком того, что греческий текст был создан на основе (или переведен) славянского, является уже упомянутое изображение в Леснове, датируемое сер. XIV в. наряду с поздними грамматическими формами и лексикой греческого текста, вполне соотносимых с датировкой рукописи – сер. XVI в.

В тексте присутствуют основные черты богомильских сказаний. 1. Ярко выраженный дуализм (противостояние Михаила и Сатанаила) с характерным для богомильства победой добра над злом[4]. 2. Сатана представлен как демиург[5] 3. Употребляется один из вариантов имени "Сатанаил"[6]. В греческом тексте дьявол именуется Самуилом. Это скорее всего говорит о том, что в оригинале (греческом или славянском) имя Сатанаил было представлено в одном из известных вариантов: Саваил[7] или Самаил[8], а переписчик заменил непонятное слово

[4] Об этом мотиве в богомильских легендах подробнее см. (Ivanov 1976: 256–260) "О море Тивериадском" и passim.

[5] См. также (Ivanov 1976: 292–298).

[6] В других богомильских легендах часто повторяется сюжет, в котором разъясняется происхождение имен двух главных действующих лиц: так Михаил носил раньше имя "Миха", но был награжден Богом именем "Михаил", а падший ангел Сатанаил был, напротив, развенчан и назван Сатаной.

[7] PG 117, Col. 149 (Минологий Василия II)

[8] Delehaye1902: (Propylaeum ad ActaSS Nov.). Col. 203. "Σαμαῆλ"; прим. 2.

более знакомым. Мне известна еще одна богомильская легенда, сюжет которой очень похож на этот апокриф, с той лишь разницей, что в ней не упоминается ангельское одеяние. В тексте Сатанаил замышляет поставить свой трон на небесах и облаках и Бог посылает Михаила свергнуть его. Тот опаляет Сатанаила, но и сам получает ожоги. Бог переименовывает Миху в Михаила, а Сатанаила в Сатану. Второй раз Бог посылает Михаила к Сатане, но тот решается пойти только после определенных колебаний, и скипетром свергает Сатану и ангелов его в бездну. Здесь мы видим все те же характерные для нашего сюжета черты: противостояние Михаила Сатанаилу, замешательство Михаила перед Сатанаилом, и непременный вред, хотя и минимальный, причиняемый Сатанаилом Михаилу.

Итак, мы можем предположить, что либо греческий текст – это произвольный пересказ богомильского апокрифа, либо что существовала еще одна, самая пространная из всех известных славянская редакция этого апокрифа, с которой и был сделан греческий перевод. Если последнее предположение верно, то перед нами – уникальный случай в греческой литературной традиции.

Имеющийся у нас греческий текст совершенно очевидно представляет собой не оригинал перевода, а список с него, несмотря на то, что в рукописной традиции апокриф не получил широкого распространения. За то, что это не оригинал, говорит, во-первых, наличие двух почерков, во-вторых, обилие описок и небрежностей, вряд ли присущих оригиналу перевода. Последний, скорее всего, не намного старше списка, т. к. в нем присутствуют несколько грамматических форм, характерных для позднего периода греческого языка (отмечены в греческом тексте).

Λόγος τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαήλ, ὅταν ἐπῆρεν τὴν στολήν [9]

Vatic. gr. 1190a. 1542. Fol. 882–887
(BHG 1288n)

Sigla: < > addenda; [...] lacuna; [ ] delenda.

Орфография изменена в соответствие с правилами греческой грамматики и нормой, принятой при издании византийских текстов. Синтаксис (управление глаголов и предлогов) сохранен. Спорные случаи и повторы отражены в сносках.

(882) Ὁ μὲν οὖν Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν ἐν σοφίᾳ ἐδημιούργησεν τοὺς οὐρανοὺς καὶ πάντα τὰ χερουβὶμ, καὶ πᾶσαν τῆν κτίσιν, καὶ συνηρίθμησεν

[9] Заголовок взят из статьи в BHG, в рукописи он отсутствует.

τοῖς ἄστροις. ὁ δὲ βέβηλος καὶ ἀρνησόθεος, καὶ ἐσκοτισμένος καὶ ζεζοφωμένος διάβολος ὑψοῦτο καὶ ἔλεγεν καθ᾽ ἑαυτοῦ, δι᾽ὅταν ἦν ἐν τῷ οὐρανῷ πρωτάγγελος καὶ πρῶτος τῶν ἀγγέλων, ἔλεγεν καθ᾽ ἑαυτοῦ καὶ συνεβούλετο πονηρὰ κατὰ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, καθὼς καὶ πονηρὸς καὶ βροτοκτόνος ἐστίν. καθότι δὲ καὶ ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀπόστολοις εἶπεν, ὅτι

(882v) πᾶς ὁ ἡψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται[10], καὶ πάλιν ὁ προφήτης Δαυὶδ προέφησεν· ἀλάκκον ὤρυξεν καὶ ἀνέσκαψεν αὐτὸν καὶ ἐμπεσεῖται εἰς βόθρον ὃν εἰργάσατο'[11]. καὶ ἔλεγεν γὰρ ἐν ἑαυτῷ· τί ποιήσω ὅτε κατέλθω ἐπὶ τῆς γῆς· σαλεύσω αὐτὴν τῇ ἐμῇ τεχνουργείᾳ[12] καὶ ποιήσω οὐρανὸν καὶ κρεμάσω αὐτὸν εἰς σημείωσιν καὶ θήσω τὸν θρόνον μοῦ ἐπάνω τῶν νεφελῶν καὶ ἔσομαι ὅμοιος τῷ ὑψίστῳ. καὶ ἐμένετο καὶ ἐσκοπεῖτο τὸ πῶς ἀποδράσει ἐκ τῶν στερεωμάτων τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῶν ἐπουρανίων δυνάμεων. καὶ ταῦτα ἐνεθυμήθη αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀποσκοπεύσας ἐπὶ τὴν γῆν, ἐπλάνησεν καὶ ἥρπασεν πλῆθος ἀγγέλων πολλῶν, ὅσους ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἐπεκράτει. καὶ ἔλαθεν τῇ αὐτοῦ πονηρᾷ ἐνθυμήσει τὰς ἄνω ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας, καὶ ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμῶν ἀπερριφεὶς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀπὸ προσώπου τοῦ θεοῦ τοῦ ὑψίστου καὶ κατῆλθεν ἐπὶ τῆς γῆς. συνηκολούθει δὲ αὐτῷ καὶ ἡ στρατιὰ αὐτοῦ ἀγγέλων πολλῶν, ὅτι πάντες οἱ ἄγγελοι πρῶτον εἶχον αὐτὸν καὶ ἐφοβοῦντον, ὅτι φοβερώτερος ἐν τοῖς πᾶσιν ἀγγέλοις καὶ ἀρχάγγελοις καὶ ἐξουσίας καὶ δυνάμεις. καὶ γνοὺς ὁ Κύριος καὶ θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς [...] ἀπ᾽ αὐτοῦ τὴν μόρφωσιν τῆς ἀγγελικῆς στολῆς καὶ κατέλιπεν αὐτὸν ἄμορφον καὶ ἄδοξον. [...] τῆς οὐρανίου ταξιάρχιας, ἵνα νοήσουσιν οἱ ὑπηρέται αὐτοῦ, ὅτι κακῶς καὶ σφοδρῶς ἐπλανήθησαν μετ᾽ αὐτοῦ. ὁ δὲ ἀρχάγγελος Γαβριὴλ ἔφη· Κύριε τὴν κέλευσίν σου παρακοῦσαι οὐ δύναμαι καὶ πρὸς αὐτὸν ἀπελθεῖν οὐ τολμῶ εὖ γὰρ γινώσκεις τὴν ἀκάκιστον[13] αὐτοῦ διαγωγὴν καὶ τὴν ἄπληστον καὶ ἀκόρεστον αὐτοῦ γνώμην, ὅτι ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπῆρχε, καὶ αἱ δύναμεις τῶν στερεωμάτων σου ἐθροοῦσαν αὐτὸν καὶ τῇ δυναστείᾳ ἐγρέμισας αὐτὸν ἐκ τῆς οὐρανίου ταξιαρχίας διὰ τὴν κακίστην αὐτοῦ βουλὴν καὶ μένεται καθ᾽ ἡμῶν τρύζων τοὺς ὁδόντας αὐτοῦ καὶ βρύχων καθ᾽ ἡμῶν κατὰ τὰς οὐρανίου σοῦ δυνάμεις. Σὺ γὰρ Κύριος ὢν ὁ προγιγνώσκων τὰ πάντα πρὶν γενέσθαι αὐτῶν, τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ καὶ δυναστείᾳ καὶ εὐσπλαγχνίᾳ[14] δύνασαι κατ᾽ αὐτοῦ ὁπλίσαι, ὡς οἶδας

[10] Лк. 18:14; Лк 14:11; Мт 23:12

[11] Пс. 7:16

[12] Ita cod. τεχνουργίᾳ?

[13] Ita cod.

[14] Rep. cod.

(883) ὡς θέλει, ἐγὼ δὲ ὁ δούλος σοῦ οὔτε τολμῶ παρακοῆσαί σου οὔτε πάλιν ἀπελθεῖν καὶ ἰσχύσαι πρὸς αὐτόν. συχώρησόν μου, δέσποτα, περὶ τοῦ ἀνημέρου δράκοντος. Συγγινώσκεις, Κύριε, τὰ περὶ τοῦ ἀρνησοθέου καὶ ἀντιχρίστου, ὅτι ἐνηθυμήθη πονηρὰ καὶ ἐκρημνίσθην διὰ τοῦ ῥήματός σου ἐκ τοῦ οὐρανοῦ. ὑπῆρχεν δὲ παμμεγέθης· ὁ ποὺς αὐτοῦ ὑπῆρχεν σπιθαμῶν ἕξ, καὶ ὁ ἀκόρεστος αὐτοῦ τράχηλος σπιθαμῶν β΄, καὶ τὸ στόμα αὐτοῦ ὡς φάραγξ μεγάλη, οἱ ὀδόντες αὐτοῦ ὡς λίθοι στερεοὶ ἐν φάραγγι βυθοῦ. Καὶ τὸ προσταχθὲν ἐκτελέσαι οὐ δύναμαι᾽. Καὶ ὁ Κύριος συνεπάθησεν τὸν μέγαν Γαβριὴλ καὶ εἶπεν· ᾽καλέσα τέ μοι τὸν μέγαν ἄρχοντα Μιχαήλ᾽. καὶ λέγει αὐτῷ ὁ Κύριος· ᾽γέγονας ἀρχάγγελέ μου Μιχαήλ πρῶτος ἐξουσιάρχης καὶ πρόκριτος λειτουργός μου καὶ νῦν κελεύω σοι κατελθεῖν ἐπὶ τῆς γῆς πρὸς τὸν ἀρνησόθεον καὶ ἀντίχριστον καὶ ἆραι ἀπ᾽ αὐτοῦ τὴν μόρφωσιν καὶ στολὴν τὴν ἀγγελικὴν καὶ ποίησον αὐτὸν ἄμορφον καὶ ἐσκοτισμένον τὸν νοῦν καὶ τὴν καρδίαν, ὅπως νοήσωσιν ποίας δόξης ἐξέπεσαν καὶ ἔλαθεν τὰς ἄνω ταξιαρχίας καὶ δυνάμεις τῶν ἀγγέλων καὶ συλλαβὼν μορφὴν καὶ στολὴν ἐπλάνησεν τοῖς ἀγγέλοις, καὶ οὐχ ὡς ἀγγέλλοις ἀλλὰ δαίμοσιν, καὶ ἠκολούθησαν τῷ ἀρνοθέῳ καὶ ἀντιχρίστῳ. καὶ κατ᾽αὐτῶν ὁπλίσω ξυλίνη<ν> λόγχην κατὰ τὰς καρδίας αὐτῶν. καὶ δώσω αὐτῷ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων καὶ ποιήσουσιν ὅπλον κατ᾽αὐτοῦ καὶ καταργῶσιν αὐτὸν ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος, καὶ ὕστερον κληρονομήσουσιν τὴν αἰωνίαν καὶ ἀτελεύτητον κόλασιν τὴν οὐκ ἔχουσαν τέλος. σὺ δέ ἀρχάγγελε Μιχαήλ, κάτελθε κατ᾽αὐτοῦ, ἐγὼ δὲ τῇ ἐμῇ ἐξουσίᾳ κελεύω τὸν ἥλιον ἐξελθεῖν ἔξω τοῦ οὐρανοῦ καὶ λάμψαι τὰς ἀκτῖνας αὐτοῦ ὥσπερ ἄσβεστον τοῦ κατακαῦσαι αὐτὸν σὺν τοῖς πεπλανημένοις αὐτοῦ δαίμοσιν, ἵνα νοήσωσιν τελείως τὴν κάτω ῥῆξιν αὐτῶν. κἀγὼ θελήματί μου ἐπιλέξομαι ἐκ τούτων ἄνθρωπων γένος καὶ διακοσμήσω ἐν ταὐτῷ ἕτερον τάγμα. αὐτοὶ δὲ οἱ κάτω ῥιφθέντες ἔστωσαν εἰς τὸ σκό

(883v) τος τὸ ἐξώτερον μετὰ τοῦ πατρὸς αὐτῶν τοῦ διαβόλου᾽. ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἀκούσας ὁ μέγας ταξιάρχης τῆς δυνάμεως Κυρίου εἶπεν· ᾽Κύριε, τὴν κέλευσίν σου παρακοῆσαι οὐ τολμῶ, ἀλλ᾽ [ε] ἐὰν κελεύεις ἀπελθεῖν πρὸς τὸν κάτω ῥιφθέντα, μεγάλως μοι συναγώνισον, ὅτι καὶ τὸ ῥῆμα ὃ λαλῶ λέγειν πρὸς αὐτόν· ἄμυνά μοι ἐστιν τῆς ἀληθείας ὅπως τροπώσομαι τὴν κάκιστον αὐτοῦ βουλήν· μήπως αὐτὸς ἀκριβολωγήσει, τί ἐν ἐμοί. συ δέ, Κύριε, οἶδας αὐτόν, ὅτι πανουργότερός ἐστιν καὶ πονηρός, καὶ τῇ αὐτοῦ πανουργίᾳ καὶ πονηρίᾳ τὸν πρωτόπλαστόν σου Ἀδὰμ τὸν ἡγεμόναν τῆς ἀνατολῆς, ὃν ἐφίλησας καὶ ἐτίμησας πλεῖστα ἐν τῷ παραδείσῳ, διὰ τῆς αὐτοῦ πανουργίας ἐξόριστος γέγονεν ἐκ τοῦ παραδείσου, οὗ ὁ φραγμὸς ἡ γῆ, ὁ λόγος σου, ὁ στερεώσας τοὺς οὐρανούς[15], καὶ πάλιν τῇ αὐτοῦ

[15] [...] ?

συνειδήσει ἐπλάνησεν τοὺς ἀγγέλους καὶ κατῆλθεν ἐπὶ τῆς γῆς λαθὼν πάντας ἡμᾶς καὶ ἀρτίως ἔχων τὴν μανίαν καὶ ἦν μαινόμενος καθ᾽ ἡμῶν, καὶ τρύζων τοὺς ὀδόντας κατὰ τοῦ γένους τῶν ἀνθρώπων, σὲ δὲ τὸν εὐεργέτην ἀμύνων ἀντίχριστος γέγονεν, καὶ ἐὰν ψεύσωμαι αὐτῷ οὐκέτι λοιπὸν πραΰνω᾽. καὶ ὁ Κύριος ἔφη· ῾σὺ λέγεις ἀρχάγγελε Μιχαὴλ καὶ πρῶτε τῶν ἀγγέλων; κάτελθε καὶ αἰχμαλώτευσον αὐτὸν καὶ ὡς θέλει ψεύσου, ὅπερ τὸ ψεύδος εἰς εὐλογίαν γενήσεται. μόνον σπουδῇ ἄπελθε᾽. καὶ εὐθὺς ταθείς ὁ μέγας ὁ ἄναρχος πατὴρ τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖρας ἀνέδειξεν τὸν στέφανον τοῦ ἀρχαγγέλου πρὸς καῦσιν τοῦ ἀντιχρίστου καὶ τοῖς σὺν αὐτῷ, ἵνα ὅταν βλέψῃ ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ, ἐκ τῆς αὐτοῦ θεωρίας τρομάζει ἡ ἄβυσσος καὶ ἐκλονήθη ἡ κτίσις καὶ στενάξουσι οἱ οὐρανοί, καὶ τὴν ῥομφαίαν αὐτοῦ ἀνέωσεν καὶ τὸ ὕδος θανατοὶ[16] τοῖς ὁρῶσιν. τὰς δὲ πτέρυγας αὐτοῦ ἔστησεν ὁμβώμεν † τραπέχας[17] τριακοσίας. καὶ εὐθέως ὁ μέγας ταξιάρχης ὁρμήσας πετάζεσθαι πρὸς τὰ κάτω. ἐσχίζοντο τρέμοντες οἱ οὐρανοὶ καὶ κατήρχετο ὁ μέγας ταξιάρχης

[884] καὶ ἄρχων τῶν οὐρανίων δυνάμεων. ἀπὸ δὲ τοῦ θεομόρφου αὐτοῦ καὶ τῆς θανατηφόρου καὶ τοῦ ἤχους τοῦ γοργοπετάσματος αὐτοῦ ἐτράπη ἡ γῆ εἰς φυγὴν καὶ ἐδονήθη πᾶσα ἡ κτίσις καὶ ἡ ἄβυσσος ἐταλανίζετο. ὁ δὲ ἀρνητὴς τοῦ θεοῦ καὶ ἀντίχριστος ὁ βύθιος δράκων ταλανιζόμενος ἐπάνω τῆς γῆς καὶ ἀτενίσας, εἶδεν τὸν μέγαν ἀρχάγγελον Μιχαὴλ κατερχόμενον πρὸς αὐτοῦ, ἐκέλευσεν τοῖς ἄγγελοις αὐτοῦ προσαπαντῆσαι αὐτῷ, ἀλλὰ <ὁ> καῦσις τοῦ ἡλίου καὶ ἡ μορφὴ τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ οὐκ ἐδέχετο τοὺς κάτω ῥιφθέντας. μετὰ οὖν τὸ κατελθεῖν τὸν δυνατώτατον ἀρχάγγελον Μιχαὴλ καὶ πρὸς αὐτὸν εἶπεν· ῾ποῦ ἦν ὁ δυνατώτατος δημιουργὸς τῶν ἔργων χειρῶν;᾽ ὅπερ βλέπων καὶ ἀπεκρίθη ὁ ἀρχάγγελος Μιχαήλ· οἶδα ὅτι μεμηνὼς εἶς καὶ δύνασαι καὶ τῇ σῇ δυναστείᾳ συνέλαβες τὴν στολὴν τὴν ἀγγελικὴν καὶ τὰ πλήθη τῶν ἀγγέλων καὶ κατήλθετε ἐπὶ τῆς γῆς. ἐγὼ δὲ βλέπων σου τὰς δυναστείας ἦλθον εἶναι σὺν σοί. οἶδα οὐρανοὺς στερεωμένους καὶ διὰ τῶν χειρῶν σου. οἶδα ἀστέρας πλουμησθέντας † διὰ σοῦ. οἶδα ἀστέρας[18], ἥλιον ἔκφωτον, οἶδα νεφέλας καὶ ὑετὸν ἐκχεόμενον καὶ οὐρανοὺς κρεμωμένους, οἶδα ἀνέμους σφενδονίζοντας σὺν σοὶ, καὶ οὐ δύναμαί σε κατελεῖψαι. ὁ δὲ ἀντίχριστος ταῦτα ἀκοῦσας ἐπλήσθη χαρᾶς μεγάλης καὶ εἶπεν· ῾σήμερον ἄγγελοί μου χαίρεσθε καὶ ἀγαλλιᾶσθε· ἰδοῦ γὰρ ὁ μέγας στρατηγὸς Μιχαὴλ μεθ᾽ ἡμῶν εἶναι, ὁ ἄνω ἀρχάγγελος καὶ λειτουργὸς τῶν ἄνω στερεωμάτων, χαίρεσθε καὶ ἀνανεοῦσθε, τάγματά μου, νενίκηκα μὲν κατὰ

---

[16] Fortasse θανάτου vel θάνατος legendum est.

[17] πῦχυς legendum est

[18] Rep. cod.

ἀκριβείας, ἐὰν γὰρ πρὸς ἡμᾶς οὗτος ἦλθε. καὶ ἔστε πάντες ἔλθωσιν πρὸς ἡμᾶς, οὗτος ἦλθε καὶ ἔστε πάντες ἔλθωσιν πρὸς ἡμᾶς[19] καὶ κρατήσομεν πᾶσαν ἀγγελαρχίαν. καὶ γενήσεται ἡ βοήθεια ἡμῶν, ἡ χαρὰ καὶ ἀνίκητος. χαίρεσθε, ἄγγελοί μου, λειτουργοί μου, ὅτι ὁ στρατηγὸς ὁ μέγας ὁ μυριάδων ἀγγέλων σήμερον ἦλθεν πρὸς ἡμᾶς, χαίρεσθε πάντες ἄγγελοί μου, ὁ δυνατώτατος ταξιάρχης ἦλθεν ἐξ οὐρανοῦ τοῦ εἶναι σὺν ἐμοί, ὁπότε ἀγαπημένος καὶ κατενώπιον τῶν ἄνω θεῶν λειτουργός. καὶ παντάναξ ἦλθεν ἐκεῖσε σὺν ἡμῖν καὶ ἐάν αὐτὸς ὅλως ἦλθεν ἐκεῖσε σὺν ἐμοί καὶ πρὸς ἡμᾶς, γιγνώσκετε ἀκριβές, ὅτι ἐκκενοῦται πᾶσα ἡ δύναμις τῶν ἀγγέλων καὶ πάσης ἀρχικῆς φύσεως πορεύει

(884v) πρὸς ἡμᾶς, μήπω ἦσθα, ἄγγελοί μου καὶ δυνάμεις μου καὶ λειτουργοί μου, ὅτι ἐγώ εἰμί, καὶ ἡ δύναμις μου ἐν ἐμοί μένει. καὶ ἀρτίως ἔγνωκεν ὁ Μιχαὴλ τὸ γεγονὸς καὶ διὰ τούτου ἦχθη[20] πρόθυμος εἰς ἡμᾶς. ἀλλὰ δεῦτε ἄγγελοί μου καὶ δυνάμεις μου καὶ λειτουργοί μου ταχὺ αὐτὸν φαιδρῶς ὑποδεξόμεθα τὸν πυρίφλογον Μιχαὴλ καὶ στρατηγὸν τῶν ἀγγέλων, δεῦτε ἄγγελοί μου ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει ὑποδεξώμεθα καὶ ὑπαντήσωμεν τὸν μέγαν Μιχαήλ. οὐκ ἔλεγον ὑμῖν, ἄγγελοί μου· ἐάν ἀκούσετέ μου καὶ κατήλθετε μετ᾽ ἐμοῦ, οὗτοι πάντες οἱ ἄγγελοί μου πρὸς ἡμᾶς ἐλεύσονται. ἀρτίως δὲ πάντες βλέποντες καὶ ἐν ᾧ κείται τὸ γεγονὸς τῆς ἐμῆς δυναστείας, πάντες οἴδατε, ὅτι ὁ πρῶτος τοῦ ἀοράτου θεοῦ ὁ μέγας ἀρχιστράτηγός ἐστιν μεθ᾽ ἡμᾶς. ἄλλως καὶ αὐτὸς ἰδεῖν καὶ ἔγνωκεν καὶ πρὸς ἡμᾶς πρόθυμος ἐπορεύθη᾽. ὁ δὲ Μιχαὴλ ἤγγισεν πρὸς αὐτὸν καὶ εἶπεν· ᾽ἐλεύσομαι πρὸς σὲ ἕως τοῦ νῦν᾽, καὶ ἁπλώσας ὁ ἀντίχριστος τὰς χεῖρας περιεπλάκη τὸν Μιχαὴλ τὸν μέγαν ἄρχοντα καὶ ταξιάρχην Κυρίου καὶ εἶπεν· ᾽καλῶς ἦλθας, ἡ δύναμις αὐτοῦ τῶν ἀγγέλων, καλῶς ἦλθας, τὸ ἡλιόμορφον φῶς ἐν ᾧ γεμίζοντα[21] τὰ πλάτη τῶν οὐρανῶν, καλῶς ἦλθας, ὁ διὰ τοῦ ὕμνου τοῦ μυριολέκτου γεμίσας τὰ πλάτη τῶν οὐρανῶν, καλῶς ἦλθας, ὁ φθόγγος τῶν στερεωμάτων, καλῶς ἦλθας, ὁ μυρίων μυριάδων καὶ χιλίων χιλιάδων ἄρχων καὶ πρόκριτος, καλῶς ἦλθας, ψυχῆς ἐμῆς καρδίας[22]. σήμερον μετ᾽ ἐμοῦ εὐφραίνου εἰς τὰ ταμεῖα τῶν ἡμῶν στερεωμάτων, εἰς τὰ ἀγαθὰ τῆς ἐμῆς πλουσιοδότου ἀρετῆς μου. σὺ κυριάρχης καὶ ἐξουσιάρχης πάντων καὶ ἀπὸ πάσης βουλῆς μου μὴ ἀποδράσεις᾽. ὁ δὲ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ ἐγνωκὼς τοῦ αὐτοῦ δολιότητος καὶ τοῦ πονηρὰν καὶ ἀσελγὴν καὶ πεπλανημένην αὐτοῦ γνώμην εἶπεν· ᾽ἐγὼ μὲν ἦλθον ἀπὸ γῆς πρὸς ἀπάντησιν οὐρανοῦ᾽. αὐτὸς δὲ εἶπεν· ᾽δέχομαι προθύμως

[19] Rep. cod.

[20] Ita cod.

[21] Ita cod. γεμίζονται?

[22] χαρά vel simile quid supplendum est.

τὰ σὰ καὶ ἄκουε[23] ἀκριβῶς καὶ διαμένω ἐν τῷ σῷ θελήματι, ὦ ἄγγελε, ἀλλὰ δεῦρο ἀποδέξασθαι τὰς δυνάμεας τῆς ἐμῆς κακίστης συμβουλίας καὶ τὰ ἔργα τῶν χειρῶν μου καὶ τὰς δημιουργίας μου, ἵνα ἔχεις αὐτὰ ἔντισον[24] κλῆρον καὶ δεσπόζεις αὐτὰ ἀπὸ τοῦ νῦν τῆς ἔμῆς πανυπειρόχου βασιλείας᾽. ταῦτα ἀκούσας ὁ μέγας στρατηγός τῶν ἀγγέλων εἶπεν· ᾽πορευσώμεθα, ὡς θέλεις᾽. καὶ ἐκίνησεν ὁ ἀρχάγγελος

(885) Μιχαὴλ ἐν μορφῇ θεικῇ. καὶ ἀνοίξας τὸ στόμα αὐτοῦ ὁ πυρίφλογος Μιχαὴλ εἶπεν τῷ ἀντιχρίστῳ· ᾽ποῦ ἐστιν αἱ δυνάμεις σου;᾽ καὶ λέγει ὁ ἀντίχριστος· ᾽ἐγὼ τῇ ἐμῇ δυναστείᾳ ἐποίησα οὐρανοὺς καὶ ἐκρέμασα αὐτοὺς καὶ ἐσκέπασα ὕδατα, καὶ τῷ λόγῳ ἐστερεοῦσα αὐτά, κατέστησα δὲ τροχοὺς εἰς βροντάς, τὰς δὲ βολίδας τῆς ἀστραπῆς καὶ τὴν ὑπόθεσιν, τῆς[25] ἡ βουλὴ καὶ πρόνοία διατελήσας᾽. καὶ ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ ἀνάψεν τὸν στέφανον, καὶ ἡ δόξα τῆς θεότητος ἀπετέφρωσεν δαιμόνων πλήθη πολλά. καὶ ὁ ἥλιος ἐκ τοῦ ἀοράτου θεοῦ ὡς πῦρ ἄναψεν ἄσβεστον μεμεστωμένον θυμοῦ καὶ ὀργῆς καὶ ἀπειλῆς ἄμετρον, καὶ κατέπαυσεν πᾶσαν τὴν δόξαν αὐτοῦ. ὁ δὲ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ λέγει τῷ ἀντιχρίστῳ· ᾽δεῦρο ἐπὶ τῶν παγετῶν σου οὐρανῶν᾽. ἀτενίσει ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ εἰς τὸν παγετὸν οὐρανὸν, ἐκ τῆς πυρὸς διελύθη τὸ πάγος τοῦ δημιουργήματος αὐτοῦ, καὶ συνέπεσεν ἡ δημιουργία τοῦ ἀντιχρίστου καὶ ἠλιώθη διὰ παντός. καὶ ὁ ἥλιος τοῦ δημιουργοῦ τοῦ ἀνάψαι σφόδρα, τοῦ κατακαῦσαι πάντας τοὺς κάτω ῥιφθέντας μετὰ τοῦ ἀντιχρίστου. καθὼς εἶπεν ὁ Κύριος πρὸς τὸν ἀρχάγγελον Μιχαήλ· ᾽ὅτι ἄπελθε πρὸς τὸν κάτω ῥιφθέντα μετὰ τοῦ ἀντιχρίστου, σὺ δὲ ἀρχάγγελε Μιχαήλ, οἶδα τὴν ἐμὴν βουλήν;᾽ καὶ ὁ ἀρχάγγελος ἔφη· ᾽γιγνώσκω᾽. καὶ ὁ ποιητὴς τῶν ἁπάντων λέγει πάλιν πρὸς τὸν ἀρχάγγελον· ᾽ἄπελθε πρὸς τὸν ἀντίχριστον καὶ ὡς θέλεις ψεύσου᾽. ἀλλ᾽ ἐπὶ τὸ προκείμενον ἐπανέλθωμεν. λέγει δὲ ὁ ἀρχάγγελος πρὸς τὸν ἀντίχριστον· ᾽ἀρτίως τί ἔχομεν ποιῆσαι, ὅτι ὁ παγετὸς οὐρανὸς διελύθη, καὶ αἱ δημιουργίαι σου ἅπασαι ἄφανται γεγόνασιν. καὶ ἰδοῦ ἀόρατος καὶ δημιουργὸς θεὸς ἐμανίωθη δι᾽ ἐμοὶ πολλὰ, διότι ἄφησα αὐτὸν καὶ ἦλθον πρὸς σὲ καὶ ὠργίσθη μετὰ θυμοῦ καὶ καίει ἡμᾶς. σὺ δέ, ἀδέσποτα, εἴ τι κελεύεις ποιῆσαι, ὅτι οὐκ ἔχομεν ποῦ ἀποκρύψαι αὐτοὺς ἐκ τοῦ καύσωνος καὶ τῆς μανίας τοῦ δημιουργοῦ τῶν ὅλων;᾽ καὶ ὁ ἀντίχριστος εἶπεν· ᾽μὴ πτοοῦ, ἀρχάγγελε Μιχαὴλ, σὺ γὰρ οἶδας, ὅτι πρὶν τῆς δημιουργίας ἤμην καὶ ἤμην[26] καὶ ἀνυμνοῦσιν[27] καὶ ὑπὸ τῶν ἀγγέλων

---

[23] Ita cod. ἀκούω legendum est

[24] Ita cod. ἔντιμον?

[25] Ita cod. τίς legendum est

[26] Rep. cod.

[27] ἀνυμνούμενος?

καὶ δυνάμεις πολλαὶ μένουσιν ἐν ἐμοί καὶ ἡ ἐμὴ βουλὴ καὶ δημιουργία. οὐδὲν προσδοκῶ σοῦ εἶναι ἐν κινδύνοις. φθάσωμεν δὲ, προσδοκῶ τούτῳ πάλιν τοῖς ἀνθρώποις νικῆσαι ἡμῖν. ἀλλὰ δεύρο ἄκουσον ἀγαπητὲ
(885v) καὶ γνῶστε Μιχαήλ, καὶ ὃ ἐάν σου ὑποδείξω προθύμως ποίησω μὲν, ἵνα εὑρεθῶμεν νικῶντες καὶ οὐ νικώμενοι᾽. καὶ λέγει ὁ ἀρχιστράτηγος Μιχαήλ· ᾽τελεσθήτω ὁ λόγος σου, δέσποτα, ὅτι διὰ σὲ κατῆλθον ἐκ τῶν ἄνω στερεομάτων, ἵνα ἐκ<τελέσω>[28] τὴν βουλήν σου καὶ διατάξες ἄν μοι[29] λόγοις. ὡς κελεύεις ποιῶ᾽. καὶ ὁ ἀντίχριστος· ᾽δεῦρο ἐπιλέγεις, ὡς κελεύεις ποιῶ᾽[30]. καὶ ὁ ἀντίχριστος· ᾽δεῦρο ἐπὶ τὸν τόπον, ὃν ἂν σοι δείξω, καί ἐστιν ἐκεῖσε ἐν κρυφίῳ τόπῳ. ἡ πέτρα κοιλάδος τοῦ Ἰωσαφάτ ἦν ἐκεὶ, πέτρα στερεὰ σκέπουσα λίμνην κρύαν οὖσαν, οὗ τὸ βάθος τέλος οὐκ ἔχει. ἐάν ἐκεὶ κατέλθωμεν, κρύψομεν[31] τοῦ ἄνω τὴν μανίαν καὶ τὸν καύσωναν τοῦ ἡλίου, καὶ παρερχομένοις[32] τῆς ἡμέρας ταύτης πάλι πᾶσαν μανίαν ὁ ἄνω[33], καὶ εὑρεθῶμεν νικῶντες καὶ οὐ νικώμενοι᾽. καὶ ὁ ἀρχιστράτηγος· ᾽ὡς κελεύεις, ἀδέσποτα, ποιῶ᾽. λέγει ὁ ἀντίχριστος· ᾽ἂς ἀπέλθωμεν ἐν τῷ τώπῳ, ὅπου ἡ κρύα λίμνη ἐστὶν᾽, καὶ ἀπελθόντες ἐκεῖσε λέγει ὁ ἀντίχριστος· ᾽καὶ λέγω σοι δυνατώτατε Μιχαὴλ τοῦ εἰσελθεῖν πρῶτος εἰς τὴν λίμνην τοῦ λούσασθαι καὶ ἀναπαυθῆναι εἰς τὸ κρύος αὐτῆς, ὅτι ὁ καύσων τοῦ ἄνω μείζων μαίνεται πρὸς ἡμᾶς, καὶ ἰδοῦ ἐγώ ὑπηρετήσω σου, ὡς πρέπον καὶ ὡς ἁρμόζει, ἐπειδὴ ὁ πόθος μου πρὸς σὲ ἀμέτρητός ἐστιν᾽. λέγει ὁ ἀρχιστράτηγος Μιχαήλ ᾽οὐκ ἔστιν δοῦλος μείζων τοῦ πέμψαντος αὐτοῦ, οὐ δυνατόν ἐστι τοῦτον, ἵνα συνυπηρέτης μου γένῃς. οὐκ οἶδας, ὅτι ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπῆρχες καὶ ἐν τῷ σῷ φόβῳ ἐθροούμεθα καὶ ἐφρίττομεν πάντα τὰ πλῆθη τῶν ἀγγέλων τὴν σὴν δυναστείαν. οὐκ οἶδας ὅτι ἀπέστειλεν ἡμᾶς ὁ οὐράνιος, ἵνα φυτεύσωμεν τὸν παράδεισον καὶ ἄνευ σου ἡ φύτευσις οὐ γέγονεν. οὐκ οἶδας, ὅτι σὺ προνοίᾳ τὸν πρωτόπλαστον Ἀδὰμ ἐξήνεγκας ἐκ τοῦ παραδείσου. οὐκ οἶδας, ὅτι κατήλθομεν ἐπὶ τῆς γῆς καὶ τῆς σῆς δυναστείας ὅλως οὐκ ἠσθανόμεθα καὶ τὸν οὐρανον οὐκ ἤκουσεις, [...] πάντως δύνασαι πολλά, ἡμεῖς δὲ οὐ τι γινώσκομεν ταῦτα, οὐκ ἐπὶ χειρί σοῦ εἰ μὴ ἄλλος τις[34], ἀλλὰ μᾶλλον δυνατόν ἐστι τοῦτο, δοῦλος πρὸς τὸν δεσπότην καθυπηρέτην ἐκτελέσαι, ὡς κἀγὼ πρὸς σέ, καὶ θέλω ἵνα ὑπακούσες με καὶ εἰσῆλθες πρῶτος εἰς τὴν κολυμβήθραν, κἀγὼ δὲ ὑπηρετήσω σοι, ὡς ἱκανόν μού ἐστιν, καὶ

[28] vel similem supplendum est

[29] σοι?

[30] Очевидно, испорченное место

[31] κρυψόμεθα?

[32] Ita cod. παρερχομένης?

[33] Rep. cod. [...] ? νικῆσομεν?

[34] Возможно, порча текста.

ἀνερχομένου σου προσκυνήσω σοι ἐν τῷ θρόνῳ τῷ οὐρανίῳ σου, καὶ μεγάλη ἡ δύναμις τοῦ Κυρίου σου[35], ὥστις νικήσει καὶ οὐ νικηθήσεται᾽. ὁ δὲ ἀντίχριστος προσδοκῶν, ὅτι Κύριον αὐτὸν ὀνομάζει, μεγάλῃ τερπόμενος εἶπεν· (886) ᾽ὁρκίζω σε, ἀρχιστράτηγε Μιχαήλ, τῷ ὅρκῳ τούτῳ, ἵνα με πληροφορήσῃ ἐάν ἐπορεύθης ὅλως πρὸς μὲ ἕως τοῦ νῦν᾽. τότε Μιχαὴλ ἀκούσας τὴν ἑαυτοῦ πανοῦργον καὶ πονηρὰν γνώμην, ἀτενίσας εἰς τῶν οὐρανόν, εἶπεν· ᾽Κύριε, Κύριε, σὺ γιγνώσκεις, καθὼς προεῖπόν σοι περὶ τοῦ ἀντιχρίστου, καὶ ἀρῶ τὸ δεινὸν θηρίον μαινόμενον δεινῶς κατ᾽ ἐμοῦ, καὶ ἐάν δείξω πρὸς αὐτὸν ψεῦδος, οὐκ ἔστι τρόπος ἀποσκιάσματος᾽. καὶ ταῦτα λέγων ὁ ταξιάρχης τῆς δυνάμεως Κυρίου, καὶ ἰδοῦ χεῖρες Κυρίου ἦλθον ἐπ᾽αὐτὸν καὶ τοῦτο γνούς, ὁ μέγας ταξιάρχης ἤρξατο πληροφορεῖν τὸν δεινὸν καὶ ἐσκοτισμένον δόλιον τύραννον, καὶ λέγων· ᾽μὰ τὰ στερεώματά σου καὶ τοῖς ἀγγέλοις σου, μὰ τὸν βραχίονά σου καὶ τὸ ὄμμα σου τὸ ἀνύστακτον οὐκ ἀποθήσομαι ἀπὸ τῆς δόξης σου οὐδὲ ἀποχωρισθῶ σοι ἕως τοῦ νῦ᾽. ὡς δὲ ἤκουσε ὁ ἀντίχριστος τοὺς λόγους τοῦ ἀρχαγγέλου, ἐπληρώθη <ὕβρικτος>[36] ἡ ἄπληστος αὐτοῦ καρδία καὶ δολία συνείδησις, λέγων τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ᾽ ᾽τέρπεσθε, τάγματα ἀγγέλων, ἀγάλλου καὶ ὑψοῦ ὁ θρόνος μου. σήμερον ὁ ἀρχιστράτηγος ἐπορεύθη πρὸς μέ, σήμερον ὁ ἀρχάγγελος τῶν ἄνω δυνάμεων, ὁ πρόκριτος τῶν ἄνω ταγμάτων ἦλθεν πρὸς ἡμᾶς, σήμερον τὸν πυρίφλογον Μιχαὴλ μετὰ τὴν στολὴν εἰσέλθομεν εἰς τὸ ὕδωρ ἢ οὔ;᾽ καὶ λέγει αὐτῷ ὁ ταξιάρχης· ᾽πρόσεστι δυνατὸν, ἀδέσποτα εἰσελθεν μετὰ τὴν στολὴν ἐπὶ τοῦ ὕδατος, ἀλλὰ γυμνὸς ἀναπαύου. τὴν δὲ στολὴν ἐγώ σοι παρέξω, μὰ τὰς δυνάμεις σου τὰς πολλάς· οὐκ ἔστιν δόλος ἐν ἡμῖν᾽[37]. τότε στήσας ὁ ἀντίχριστος τὴν βουλὴν εἰς μίαν συναγωγὴν εὐθέως ἐξήνεγκεν τὴν στολὴν, καὶ ἔδωκεν ἐν ταῖς χερσὶν Μιχαὴλ το ἀρχιστρατήγου. καὶ καταδειξάμενος αὐτὴν καταφιλήσας ἐκράτησεν αὐτὴν. ὁ δὲ ἀντίχριστος εἰσπηδήσας εἰς τὸ ὕδωρ κατῆλθεν εἰς τὸν βυθὸν εἰς τὸν βυθὸς[38] πῆχας πεντακοσίας. πονηρὸς δὲ ὢν σπουδῇ ἐξῆλθεν ἕως τοῦ ὕδατος καὶ ἀτενίσας πρὸς τὸν ἀρχάγγελον. ἰδὼν αὐτὸν ἑστῶτα καὶ λέγει αὐτῷ· ᾽χαῖρε Μιχαήλ, ἡ δύναμίς μου μετὰ σοῦ ἔσται᾽. καὶ ὁ ἀρχάγγελος εἶπεν· ᾽ἀμήν, μετὰ σοῦ᾽[39]. καὶ ἦχθη πάλιν εἰς τὴν ἄβυσσον καὶ πάλιν πονηρὸς ὢν ἀνέβη συντόμως διὰ τοῦ ὕδατος, καὶ ἰδὼν τὸν Μιχαὴλ ἑστῶτα εἶπεν· ᾽χαῖρε, στρατηγὲ πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας᾽. καὶ ὁ μέγας ταξιάρχης εἶπεν· ᾽ἄπελθε σύ, ἀδέσποτα, ἄπελθε,

---

[35] μοῦ supplendum est

[36] In cod.: ἀβρικσ.../ἀβρικτ...

[37] Ita cod.

[38] Rep. cod.

[39] μετὰ σοῦ legendum est

[886a] ὅσα σε μεθ᾽ ὅρκου καὶ οὐ χρῄζομαί σε᾽. τότε ὁ ἀντιχριστος [...] θεὶς καὶ πιστωθεὶς καὶ εἰπὼν πρὸς αὐτοῦ, ἕως τοῦ ἀμέτρου καὶ ἀτελοῦς βυθοῦ ἀπῆλθεν. ὁ δὲ μέγας ταξιάρχης γνοὺς τὸ γεγονὸς καὶ ἄνω κομώσας[40] τὰς φοβερὰς αὐτοῦ πτέρυγας εἶπεν· Κύριε, Κύριε, κλίνων ὁ οὐρανούς, καὶ δέξω με, ἵνα μὴ φθασθῶ ὑπὸ τοῦ ἀντιδίκου μου᾽. καὶ σὺν σπουδῇ ἐπετάσθη ὑπὸ θεοῦ βοηθείας καὶ ἀνῆλθεν ἐπὶ τὰ ὕψει. ὁ δὲ ἀντίχριστος ἐν τῷ ἄβυσσῳ ὑπάρχει, γνοὺς δὲ τὸ γεγονὸς καὶ φρίξας δεινῶς, ἐπετάσθη ἀπὸ τῆς ἀβύσσου ὥστε ἐπὶ τοῦ κριγμοῦ[41] αὐτοῦ καὶ μανίας ἐτρόμαζεν ἡ ἄβυσσος, ἡ δὲ λίμνη ἣν κρατουμένη ὑποκάτω τῆς πέτρας πῆχας πεντακοσίας μθ. ὥστε ἐφώνησεν ὁ ἀντικείμενος καὶ μιαρὸς Σαμουὴλ[42] καὶ εἶπε· οὐαί μοι, οὐαί μοι, ὅτι αἰχμάλωτος γέγονα᾽, καὶ ἀνερχόμενος ἐν σπουδῇ ἀπὸ τοῦ ὕδατος. κρούσας ἡ κεφαλὴ[43] αὐτοῦ τῇ πέτρᾳ, εἰσάγει ἐπὶ μυρίοις τόποις[44]. καὶ πάλιν ὁ μιαρὸς Σαμουὴλ λουόμενος τοῦ αἵματος αὐτοῦ ἐκόψεν· οὐαί μοι τῷ ἀθλίῳ, πῶς γέγονα αἰχμάλωτος ἀπὸ πᾶσαν μου δυναστείας᾽. καὶ εἰσπετόμενος ὁ ταξιάρχης ἔμπροσθεν, καὶ ὁ Σαμουὴλ ἐδίωκε σφοδρῶς, καὶ ἀπὸ τοῦ ἄρωος[45] τοῦ πετάσματος αὐτοῦ καὶ τοῦ ἤχους καὶ τῶν κρότων τῶν πτερύγων ἔτρεμον οἱ οὐρανοὶ καὶ ἐσείετο ἡ γῆ καὶ ἐσκοτίζετο ὁ ἥλιος καὶ ἔφευγεν ἡ θάλασσα καὶ ἐσάλευσεν ἡ ἄβυσσος. καὶ ἰδὼν ὁ μέγας ταξιάρχης τῆς δυνάμεως Κυρίου, ὅτι φθάζεται ὑπὸ τοῦ τυράννου, ἔλεγε· Κύριε, Κύριε, ἐπάκουσόν μου καὶ ἴδε καὶ κλίνον τὸ οὖς σου, τῇ ἀχράντῳ χειρὶ καὶ νεύσας κλίναι οὐρανοὺς καὶ δέξαι με, ἵνα μὴ φθασθῶ ὑπὸ τοῦ τυράννου᾽. καὶ ἰδοὺ γεγόνασιν βρονταὶ καὶ ἀστραπαὶ καὶ κρότοι φοβεροί, οἵ οὐκ ἐγενήθησαν ποτέ. καὶ ἔκλιναν οἱ οὐρανοί, καὶ ἠνοίχθησαν αἱ πύλαι τῶν οὐρανῶν καὶ ἐδέχοντο τὸν λειτουργὸν τοῦ θεοῦ, τῶν ἄνω ταγμάτων καὶ ταξιάρχην τῆς δυνάμεως Κυρίου. καὶ ἠκούσθη τό· ἠρήνευσε Μιχαήλ᾽. φθάσας δὲ ὁ ἀντίχριστος καὶ δράξας τοὺς πόδας τὸ ἄκρον τοῦ ἀρχιστρατήγου. Μιχαὴλ κρούσας αὐτὸν κατὰ τῆς κορυφῆς αὐτοῦ, κατήγαγον αὐτὸν ἕως τῆς ἀβύσσου. ὁ δὲ ἀρχιστράτηγος Μιχαὴλ ἀνῆλθεν εἰς τοὺς οὐρανοὺς καὶ ἐστάθη ἔμπροσθεν τοῦ Θεοῦ, καὶ προσεκύνησεν τὸν ἄχραντον πατέρα καὶ τὸν υἱὸν αὐτοῦ καὶ τὸ ἅγιον πνεῦμα, τὴν μίαν τριάδην τοῦ Μωϋσέως καὶ ἀχώριστον, καὶ ἀπέδοτο αὐτὸν τὴν θεόμορφον (887) τὴν θεόμορφον[46] καὶ ἀγγελικὴν στολὴν, καὶ κατέλιπεν τὸν τύραννον αἰχμάλωτον καὶ βεβυθισμένον ἐν τῇ γῇ ἕως τῆς σήμερον. ὁ δὲ Θεὸς καὶ

[40] Ita cod.

[41] Слово встречается только в словарях новогреческого языка.

[42] Ita cod.

[43] Ita cod.

[44] Ita cod.

[45] Ita cod. ἀθρόως legendum est

[46] Rep. cod.

ποιητὴς τῶν ὅλων εἶπεν πρὸς τὸν ἀρχάγγελον αὐτοῦ Μιχαήλ· ἔσῃ θεὸς δεύτερος καὶ κριτὴς καὶ λειτουργὸς καὶ στρατηγὸς [καὶ][47] δυνάμεως καὶ ὑπὸ σάλπιγγος διὰ στόματός σου ἀναστήσονται οἱ ἀπ᾽ αἰῶνος κεκοιμημένοι καὶ ἔσται ἡ δόξα σου ἀτελεύτητος εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ ἀπεράντους καὶ ἀτελευτήτους αἰῶνας, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος σὺν τῷ παναγίῳ καὶ ἀγαθῷ καὶ ζωοποιῷ σου πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων᾽. ἀμήν.

<Слово об архангеле Михаиле>[48]

(882) И вот Господь и Бог наш в мудрости сотворил Небеса и всех херувимов, и всякую тварь и исчислил звезды. Нечистый же и богоотступный, и помраченный, и лукавый диавол превознесся и сказал себе, потому что был на Небесах начальником ангелов и первым из ангелов, сказал себе и задумал злодеяние в мыслях своих, ибо был он злодей и человекоубийца. И как Господь наш Иисус Христос сказал своим святым ученикам и апостолам, что
(882v) "возвышающий себя, унижен будет"[49], и как в свою очередь предрек пророк Давид: "рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил"[50]. И сказал <диавол> себе: "Что я сделаю, когда сойду на землю? Я поколеблю ее своим искусством, и создам небо и повешу его у всех на виду *и поставлю престол свой выше облаков и стану подобен Всевышнему*"[51]. И ждал, и размышлял, как <ему> бежать с Небес и от Сил небесных. И, размышляя об этом, в то же самое время пристально глядел на землю. И обманул, и увлек <с собою> многое множество ангелов, которыми он управлял. И скрылся с помощью своего зловещего замысла от высшего началия и Властей, и *в мгновение ока* бросившись прочь с Неба и от лица Бога Вышнего, сошел на землю. За ним последовало и его многочисленное ангельское войско, потому что все ангелы сначала были под его руководством и боялись <его>, ибо он был страшен для всех ангелов и архангелов, и Властей, и Сил. И узнав <об этом>, Господь и Бог наш Иисус Христос <отнял> у него образ ангельского одеяния и оставил его безвидным и бесславным. ...небесного чиноначалия[52], чтобы заметили помощники его, что подло и злостно обмануты вместе с ним. Архангел Гавриил сказал: "Господи, не могу выполнить Твой приказ, и идти против него не дерзаю[53]. Ты

[47] Ita cod. τῆς supplendum est

[48] Заголовок в рукописи отсутствует.

[49] Лк. 18:14; Лк 14:11; Мт 23:12.

[50] Пс. 7:16

[51] Курсивом выделены дословные совпадения с первой болгарской редакцией апокрифа (Сб. № 1161 собрания ЦИАИ).

[52] Очевидный пропуск в тексте.

[53] Еще один весьма существенный пропуск. В пропущенном отрывке дьявол, ви-

ведь хорошо знаешь его злейший[54] образ жизни и алчный, и ненасытный образ его мыслей, который был у него на Небесах, и Силы Твои небесные пришли в ужас от него, и Ты Своей властью низверг его из небесного чиноначалия из-за злейшего его намерения[55], и пребывает он в скрежете зубовном на нас и рычит на нас, на небесные Твои Силы. Ты ведь, Господи, предвидящий заранее все, что они совершат, твердостью и властью Своей можешь вооружиться против него, ибо знаешь,

(883) чего он хочет. Я же, раб Твой, и ослушаться Тебя не дерзаю, но и пойти и одолеть его <не могу>. Прости меня, Владыко, за этого свирепого дракона. Ты знаешь, Господи, все об этом богоотступнике и антихристе, что задумал он дурное, и из-за речей своих был изгнан с неба. Был же огромен: нога его – шесть пядей, и ненасытное его горло – две пяди, и рот его, **как огромная пропасть, зубы его, как твердые камни в глубине этой пропасти.**[56] И я не могу выполнить приказание". И Господь посочувствовал великому Гавриилу и сказал: "Призови тогда ко мне великого военачальника Михаила". И говорит ему Господь: "Стал ты, архангел мой, первым властеначальником и избранным служителем Моим, и теперь приказываю тебе сойти на землю к богоотступнику и антихристу и забрать у него образ и одеяние ангельское, *и сделай его безвидным и помраченным разумом и сердцем, чтобы поняли <слуги его>, какой славы лишились,* и скрылся от высшего чиноначалия и сил ангельских, и, захватив образ и одеяние, обманул ангелов, и не как ангелы, а как демоны <они> последовали за богоотступником и антихристом. И против них я вооружу <тебя> деревянным копьем на сердца их. И дам ему род человеческий, и сделают оружие против него и уничтожат его до скончания века, и после унаследуют вечное и нескончаемое наказание, которому не будет конца[57]. Ты же, архангел Михаил, иди на него, Я же, Своею властью приказываю, чтобы солнце сошло с небес и сияло бы своими лучами пока не сожгло бы этого неукротимого вместе с заблудшими демонами его, чтобы поняли наконец степень своего падения. И

димо, похищает отнятое у него Богом ангельское одеяние. Господь призывает арх. Гавриила и приказывает тому вернуть похищенное.

[54] В рукописи ἀκάκιστος, т. е. "незлобивейший", очевидная ошибка переписчика.

[55] В начале текста говорилось, что дьявол бежал по своей воле.

[56] Полужирным шрифтом отмечены дословные совпадения со второй болгарской редакцией (Сб. № 693 собрания НБКМ).

[57] Не совсем логичная фраза, т. к. не ясно, за что унаследуют вечное наказание уничтожившие Сатану. В обеих болгарских редакциях Господь говорит в этом месте, что изберет себе на место отпавших ангелов людей, которые будут творить волю его: пророков, апостолов, мучеников. И этих избранников будет в сто раз больше, чем падших ангелов. См. (Милтенова 1981: 100, 107).

я волей Своей выберу из этих людей род и устрою в нем другой порядок. Эти же падшие пусть пребывают в кромешной тьме
(883v) вместе с отцом их, диаволом". Выслушав все это, великий предводитель сил Господних сказал: "Господи, последовать Твоему приказу не дерзаю, но если приказываешь идти на падшего, *посодействуй мне* как можно больше в отношении речи, с которой я обращусь к нему. Защита моя в истине, которой я сокрушу злейший его замысел. Но как бы не пронюхал он, что мне <за дело до него>. Ты же, Господи, знаешь, что он коварнейший и подлый, и своим коварством и подлостью <соблазнил> первозданного Твоего Адама, предводителя Рая[58], которого <Ты> любил и почитал больше всего в Раю, через его коварство <он> стал изгнанником из Рая, оградой которому <служила> земля, Твое слово, укрепившее небеса[59], снова сознательно обманул ангелов и сошел на землю, забрав многих из нас, и теперь пребывающий в исступлении, и <ранее> неиствовавший на нас, и скрежещущий зубами на род человеческий. Тебя же, благодетеля, отвергнув, стал антихристом, и если не солгу ему, то не смогу укротить его". И сказал Господь: "Ты говоришь, архангел Михаил и первый из ангелов? *Спустись и плени его, и что хочешь соври ему, ложь эта будет тебе в благословение.* Только иди скорее". И тотчас Безначальный Отец простер Свои непорочные руки и освятил венец архангела для сожжения антихриста и бывших с ним, чтобы когда появится архангел Михаил перед его взглядом, задрожала бы бездна, и содрогнулась бы тварь, и возопили бы небеса. И вытащил <Михаил> меч свой, и вода смерти узревшим <его>[60]. И его крылья сделались в триста локтей размахом, и тотчас великий чиноначальник полетел вниз. Разорвались дрожащие небеса, и спустился великий чиноначальник
[884] и предводитель небесных сил. От богоподобного и смертоносного его <вида>, и от шума его быстрого полета земля обратилась в бегство, и содрогнулась всякая тварь и бездна возопила. Богоотступник же и антихрист, глубоко таящийся дракон, стенающий на поверхности земли, поглядел и увидел великого архангела Михаила, спускающегося к нему, и приказал своим ангелам встретить его. Но жар солнца и вид архангела Михаила были непереносимы для падших. После чего снизошел к нему могущественнейший архангел Михаил и сказал: "Где могущественнейший творец всего рукотворного?" Увидев, ответил архангел Михаил[61]: "знаю, что ты в бешенстве, и ты могуч, и своей властью взял ангельское одеяние и множество ангелов и спустился на землю.

---

[58] В рукописи "предводителя востока"

[59] Очевиден какой-то пропуск, или порча текста.

[60] Здесь можно предположить, что "вода смерти" – это троп смерти.

[61] Не исключен пропуск в тексте.

Я же, видя твою власть, пришел к тебе. Знаю, что твердь небесная <сотворена> твоими руками. Знаю, что звезды <возникли> благодаря тебе. Знаю, что звезды и пресветлое солнце, знаю, что облака и проливной дождь, знаю, что и небеса нависающие, знаю, что мятущиеся вихри, <все это> с тобой, и не могу тебя оставить". Антихрист, услышав это, исполнился великой радости и сказал: "Сегодня, ангелы мои, радуйтесь и ликуйте, ибо вот с нами великий архистратиг Михаил, высший архангел и служитель высших сил! Радуйтесь и воспаряйте, воинство мое, ибо я уже точно победил, если он к нам пришел! И когда все придут к нам, будем мы владеть всем воинством ангельским. И да будет <он> помощь наша, и радость, и непобедимый! Радуйтесь, ангелы мои, помощники мои, что великий предводитель десяти тысяч ангелов сегодня пришел к нам! Радуйтесь, все ангелы мои, что могущественнейший чиноначальник пришел с небес, чтобы быть со мной, ибо <он> возлюбленный и стоящий пред лицом высших сил помощник и верховный владыка пришел сюда с нами. И если он всецело пришел сюда со мной и к нам, знайте же точно, что опустошается вся сила ангельская, и всю начальственную природу <он> предоставил
[884v] нам, чтобы ты, ангелы мои, и силы мои, и помощники мои, стал бы таким, каков я есть[62], и сила моя осталась бы во мне. И едва узнал Михаил о случившемся, из-за этого добровольно приведен к нам. Но давайте же скорее, ангелы мои, и силы мои, и помощники мои, с веселием примем огненного Михаила и полководца ангелов, давайте, ангелы мои, в радости и ликовании примем и встретим великого Михаила. Разве я не сказал вам, ангелы мои: если послушаете меня и последуете за мной, то и все остальные ангелы мои придут к нам. И вот теперь вы все видите, в чем заключена суть нашей власти. Все знайте, что первый у невидимого Бога великий архистратиг сейчас вместе с нами. Сам он впрочем решил увидеть <все> и добровольно пришел к нам". Михаил же приблизился к нему и сказал: "Теперь пришел к тебе". И распростер антихрист объятия Михаилу, великому военачальнику и чиноначальнику Господню и сказал: "Добро пожаловать, сила ангелов Его, добро пожаловать, солнечновидный свет, которым наполняется множество небес! Добро пожаловать, наполнивший множество небес тысячекратным гимном, добро пожаловать, голос небес, добро пожаловать, начальник тьмы тем и тысячи тысяч и лучший <из них>! Добро пожаловать, <радость> души нашей <и> сердца! Сегодня со мной, обрадованным, <он> в тайных покоях наших небес, во благе присущей мне, многоодаренному, доблести. Ты, властитель господ и начальник властвующих над всеми, от всякого моего замысла не убежал". Архангел же Михаил, зная его хитрость, а также подлость и разнузданность и заблуждение его помыслов,

[62] Смысл передан примерно, т. к. в тексте испорченное место.

сказал: "Я пришел с земли на встречу с небом". Тот же сказал: "С радостью принимаю тебя и внимательно слушаю, и остаюсь в твоей воле, о ангел, но <я хочу>, чтобы и ты принял силу злобного моего замысла и дела рук моих, и творения мои, чтобы ты получил это, как ценный жребий, и владел этим отныне <согласно> моей неодолимой царской власти". Выслушав это, великий полководец ангельский сказал: "Совершим, как ты хочешь". И принял архангел [885] Михаил божественный облик[63]. И открыв рот, огненный Михаил сказал антихристу: "Где твои силы?" И ответил антихрист: "Я своей властью создал небеса и повесил их, и отгородил воды и одним словом заморозил их[64], установил круговращения в громах и ударах молний, и основании, некий замысел и попечение завершив". И архангел Михаил надел венец, и слава божественная ослепила все множество демонов. И солнце от невидимого Бога, словно огонь неугасимый, полный гнева и ярости и безмерной угрозы, обожгло и низложило всю славу его[65]. Архангел же Михаил сказал антихристу: "давай <пойдем> к твоим небесным льдам". <Когда> взглянул архангел Михаил на небесный лед, от огня лед сотворенного им[66] растаял, и пало творение антихриста, и было навсегда испепелено солнцем. И солнце творения <Божьего> его ярко вспыхнуло и сожгло всех падших вместе с антихристом[67]. Как сказал прежде Господь архангелу Михаилу: "Иди к падшим вместе с антихристом. Ты ведь, архангел Михаил, знаешь мое желание?". И архангел ответил: "знаю". И Творец всего снова сказал архангелу: "Иди к антихристу, и как хочешь солги". Но обратимся же к дальнейшему <повествованию>. Сказал архангел антихристу: "Что же нам теперь делать? Ведь лед небесный растаял, и все творение твое исчезло. И вот невидимый Творец и Бог страшно разгневался на меня, *потому что я оставил Его и пришел к тебе. <Вот и> пребывает Он в сильном гневе, и жжет нас.* Ты же, безначальниче, что прикажешь делать, нет ведь у нас убежища, где бы мы могли скрыться от жара и от страшного гнева Творца всего". И антихрист сказал: "*Не бойся, архангел Михаил,* ибо ты знаешь, что и до сотворения я пребывал и прославлялся ангелами,[68] и многочисленные силы остались при мне, и моя воля, и творение. Я ни сколько не считаю, что ты находишься в опасности. Поспешим же, <ибо> я думаю, что этим мы победим людей[69]. Но вот послушай, возлюбленный

[63] Не ясно, что имеется в виду, ведь до этого не говорилось, что Михаил предстает перед сатаной в каком-либо другом облике.

[64] В рукописи "сделал их твердыми"

[65] Дьявола

[66] Дьявола

[67] Т.е. только падших ангелов

[68] В рукописи испорченное место.

[69] Не совсем понятно, почему людей.

(885v) Михаил, и знай, что если я тебя принял с радостью, то сделаю так, чтобы мы стали побеждающими, а не побежденными". И говорит архистратиг Михаил: "Да исполнится слово твое, господин, ибо ради тебя я сошел с небес, чтобы <исполнить> твою волю, которую ты установил бы своими речами[70]. Что ни прикажешь, сделаю". И антихрист: "Вот называешь" "Что ни прикажешь, сделаю"[71]. И антихрист: "<Давай отправимся> в некое место, которое я, пожалуй, покажу тебе. Оно находится в холодном месте, и там лежит камень из долины Иосафата[72], твердые камни закрывают находящееся там ледяное озеро, глубина которого не имеет предела. Если спустимся туда, укроемся от гнева Всевышнего, и жара солнца, и когда минет этот день, <одолеем> всякий гнев Всевышнего, и станем побеждающими, а не побежденными". И архистратиг: "что ни прикажешь, безначальниче, сделаю". Говорит антихрист: "пойдем же в это место, где находится холодное озеро". И когда отправились они туда, говорит антихрист: "Говорю тебе, могущественнейший Михаил, чтобы ты шел первым в озеро, и окунулся и отдохнул в прохладе его, ибо еще больший жар свыше гневается на нас. Я же помогу тебе, как это подобает и как следует, так как любовь моя к тебе не знает границ". Говорит архистратиг Михаил: "*Раб не больше пославшего его*[73]. Не возможно, чтобы ты стал моим слугой. Разве не знаешь, что <когда> ты пребывал на небесах, мы дрожали от страха перед тобой, и трепетало перед тобой все множество ангелов? Разве не знаешь, что небесный послал нас, чтобы насадить Рай, и без тебя насаждения не выходят? Разве не знаешь, что ты нарочно изгнал из Рая первочеловека Адама? Разве не знаешь, что мы сошли на землю и твоей власти всецело не почувствовали, и небо ты не послушал, <но ты и сам> многое можешь, мы же сами этого не знаем, <чтобы> не пребывал в твоей власти если не кто-нибудь другой[74], но скорее возможно, чтобы раб стал помощником господину, как и я – тебе, и я хочу, чтобы ты послушал меня и первым спустился в купальню, а я последую за тобой, как мне и подобает, и когда ты выйдешь, преклонюсь перед

---

[70] Не совсем ясное место в рукописи.

[71] Очевидно, испорченное место.

[72] "Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами, и землю Мою разделили" (Иоиль. 3:2); "Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить все народы отовсюду". (Иоиль. 3:12). Т.о., долина Иосафата – место, где произойдет Страшный суд. Подробнее см. (Лопухин 1904: 302–303).

[73] Не совсем точная цитата из Евангелия от Иоанна: "Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его". (Ио. 13:16).

[74] Возможно, порча текста. Смысл этого предложения до конца не ясен.

тобой, <сидящем> на небесном троне, и велика сила Господа моего[75], которая побеждает, но не побеждается". Антихрист же, думая, что это его он называет Господом, с великим трепетом сказал:
(886) "Заклинаю тебя, архистратиг, этой клятвой, что исполнишь для меня <все>, когда всецело последуешь за мной до сего дня". Тогда Михаил, услышав этот подлый и злобный замысел его, взглянув на небо, сказал: "Господи, Господи, Ты знаешь все, сказанное Тобой раньше об антихристе, и я одолею ужасного зверя, страшно на меня разъярившегося, но если обнаружится ложь против него, мне не будет возможности укрыться <от него>". И говоря так, чиноначальник Господних сил увидел, что руки Господа опустились на него, и зная это, великий чиноначальник стал уверять страшного и убийственного хитрого тирана, говоря: "Клянусь небесами твоими и ангелами твоими, и клянусь руками твоими и очами твоими недреманными, <что> от славы твоей не откажусь и от тебя не отступлюсь никогда". Как услышал антихрист слова архангела, наполнились <радостью> его наглое ненасытное сердце и коварная совесть. И сказал ангелам своим: "Радуйтесь, воинство ангельское, пусть славится и возвышается трон мой! Сегодня архистратиг Михаил пришел ко мне, сегодня архангел высших сил, избранник высших воинств пришел к нам, сегодня <вместе с> огненным Михаилом и вместе с одеянием войдем в воду. Или нет?" И говорит ему чиноначальник: "Можно, безначальниче, спуститься в воду и в одеянии, но <лучше> отдохни обнаженным. Одеяние же я тебе подержу, клянусь силами твоими многими, <что> не собираюсь обманывать". Тогда, поразмыслив, антихрист принял решение и тотчас отдал одеяние в руки Михаилу архистратигу. И <тот>, приняв его и поцеловав, держал его. Антихрист же вошел в воду и погрузился на глубину в пятьдесят локтей, но, будучи подлым, спешно вынырнул из воды и взглянул на архангела. Увидев его, стоящего на месте, сказал ему: "Радуйся, Михаил, <ибо> сила моя с тобой!" И архангел сказал: "Воистину так, со мной". И снова <дьявол> погрузился в бездну, и опять, будучи подлым, быстро вынырнул из воды. И увидев Михаила, стоящего на месте, сказал: "Радуйся, начальник всякого начала и власти!". И великий чиноначальник сказал: "Ступай, безначальниче, ступай,
(886v) поскольку с тобою клятва, не нужно тебе <смотреть за мной>". Тогда антихрист, уверившись, и сказав ему[76], ушел на неизмеримую и бесконечную глубину. Великий же чиноначальник, узнав о случившемся, и <вскинув> вверх свои огромные крылья, и сказал: "Господи, Господи! Наклони небеса и прими меня, чтобы не догнал меня враг мой!" И спешно был вознесен с Божьей помощью и поднялся наверх. Антихрист же, пребывая в бездне, узнал, что

[75] В рукописи "твоего"

[76] Испорченное место.

произошло, и страшно ощетинившись, был вознесен из бездны, словно с помощью своего хрипа и бешенства. Задрожала бездна, озеро же было завалено скалой на пятьсот сорок девять локтей. Поэтому закричал враждебный и нечестивый Самуил[77], и сказал: "Увы мне, увы мне, ибо я оказался пленен!", и спешно вышел из воды. И, ударив голову о камень, ввел в десять тысяч мест[78]. И снова нечестивый Самуил, смывающий кровь свою, заплакал: "Увы мне, несчастному, ибо я отлучен от всей моей власти!". А чиноначальник взлетел выше. И Самуил погнался <за ним>, и от внезапного его полета и от звука и шума крыльев <его> содрогнулись небеса, и поколебалась земля, и помрачилось солнце, и вышло из берегов море, и покачнулась бездна. И, увидев, что догоняет его тиран, великий чиноначальник сил Господних сказал: "Господи, Господи, услышь меня и взгляни <на меня>, и преклони ухо Твое, мановением непорочной руки Твоей прикажи наклониться небесам и принять меня, чтобы не догнал меня тиран!" И тут раздались громы и молнии и страшный шум, какого никогда не бывало. И наклонились небеса, и открылись врата небес и приняли помощника Божия и высших сил, и чиноначальника силы Божией. И будучи услышан, успокоился Михаил. Догнал же <его> антихрист и схватил за кончики ног архистратига. Михаил ударил его по голове и сбросил в бездну. Архистратиг же Михаил взошел на небеса и предстал перед Богом, и поклонился непорочному Отцу и Сыну Его и Святому Духу, единой Троице Моисеевой и нераздельной, и вручил им боговидное ангельское одеяние, и оставил тирана плененным и погребенным под землей до сего дня. Бог же и Творец всего сказал архангелу своему Михаилу: "Ты – второй Бог и судья, и помощник, и полководец сил, и под трубные гласы из уст твоих восстанут спящие вечным сном, и да будет слава твоя бесконечна в беспредельных и бесконечных веках, да будет слава и сила со всесвятым и благим и животворящим твоим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь".

БИБЛИОГРАФИЯ

Габелић 2004: Габелић С.,*Византијски и поствизантијски циклуси арханђела XI–XVIII в.* Београд, 2004.

Лопухин 1904: Лопухин А. П., *Толковая библия.* Т. 1. Москва, 1904.

Милтенова 1981: Милтенова А., "Апокрифът за борбата на архангел Михаил със Сатанаил в две редакции." // СЛ, 9, 1981, 98–113.

Delehaye 1902: Delehaye H. (éd.), *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano.* Bruxelles, 1902.

[77] Так в рукописи. Очевидно, глосса переписчика, см. прим. 7 и 8 в предисловии.

[78] Очевидно, порча текста

Erhard 1932–1952: Erhard A., *Überlieferung und bestand der hagiographischen und homeletischen literatur der Griechischen Kirhe*. Leipzig, 1932–1952
Ivanov 1976: Ivanov J., *Livres et legednes bogomiles.* Paris, 1976. (Пер. на фр. яз.: Иванов Й., *Богомилски книги и легенди,* С., 1925)

Несколько слов об авторе . . .

Афиногенова Ольга Николаевна. Родилась в 1975 г. Закончила историко-филологический факультет Российского православного института Иоанна Богослова (Москва). Аспирантка Института всеобщей истории (Российская академия наук), специальность: история Византии. *Место работы*: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», должность: старший редактор отдела агиографии Восточных христианских Церквей. *Научные интересы:* византийская агиография, культ архангела Михаила в византийской истории и литературной традиции.

REVIEWS / РЕЦЕНЗИИ

Българска книга: Енциклопедия. Съставител Ани Гергова. Pensoft, София–Москва, 2004. 506 с.

Bulgarian Book: Encyclopaedia. Compiled by Ani Gergova. Pensoft, Sofia–Moscow, 2004, 506 pp.

Подобному изданию несомненно могут позавидовать многие страны мира. Отобразить в одном объемном прекрасно иллюстрированном томе богатство национального книжного пространства, задача необычайно сложная и трудоёмкая. Составителю и главному организатору этой огромной работы, профессору Ани Герговой удалось собрать большой авторский коллектив, состоящий почти из ста известных болгарских специалистов, и с честью выполнить ее. Прежде всего хочется отметить необычайно точное следование законам "энциклопедического жанра" – очень ёмкие лапидарные статьи, искусство исключить неизбежные казалось бы повторы, хорошо продуманные графико-экспозиционные модели воспроизведения материала. Всего в "Энциклопедии" около 1300 статей и чувствуется, что составлению их словника на предварительном этапе её подготовки было уделено очень серьезное внимание. Всё это в конечном итоге и определяет явный успех издания, в выходных сведениях которого наряду с Софией значится и Москва.

Трудно найти крупные явления в истории болгарской книжности, рукописной и печатной, которые не были бы отображены в "Энциклопедии". А вот, что касается личностей, оказавших значительное влияние на развитие этой книжности или её изучение, то тут, увы, иногда возникают сомнения. Особенно, если иметь ввиду иностранцев, которых в издании упомянуто немного. Нам кажется, что необходимо было бы указать большинство тех, кто стоял у истоков изучения болгарской книжности. К их числу относится, например, профессор М. К. Бобровский, кстати, специально упомянутый в Т. 1 "Кирило-Методиевской енциклопедии" (С., 1985. с. 204–205). Именно он, в частности, был среди первооткрывателей болгарского "Абагара" (Рим, 1651), статьей о котором открывается "Энциклопедия". М. К. Бобровским описано и множество рукописных книг. По путям, проложенным им, первооткрывателем Супрасльской рукописи XI в., затем следовали десятки и сотни болгарских и зарубежный ученых-болгаристов.

Не меньшие сложности и с отображением институций, связанных с книжной деятельностью, а ещё большие с теми иными лицами, внесшими конкретный весомый вклад в это дело. Здесь можно вести спор по многим позициям, также как и если иметь ввиду сами направления подобной деятельности. Безусловно, редколлегия и авторы "Энциклопедии" были вынуждены ввести ограничения и в такие её разделы как научные и научно-практические отрасли знания, связанные с книжностью; исторические, теоретические и практические аспекты Книги; традиционные и новые формы публикации, распространения, сохранения, библиотечно-информационной обработки тех или иных текстов; основные термины, связанные с "письменно-печатными процессами" и информационными технологиями; присутствие иностранной литературы и книжности на болгарской земле; источники сведений по проблеме Книга и т. д. Без неизбежных сокращений корпус выпущенной в свет "Энциклопедии" разросся бы необычайно, что бывает нередко, и всё вышло бы за грани разумных пределов. Вместе с тем, авторскому коллективу удалось достаточно удачно совместить и с той или иной степенью подробности отобразить многообразие дисциплинарных подходов к Книге со стороны книговедов, филологов, библиотековедов, культурологов, искусствоведов, технологов и других специалистов. Причем, при этом по возможности учесть исторические, теоретические и прагматические аспекты и обстоятельства реализации подобных исследовательских и иных подходов.

При анализе всего содержания "Энциклопедии" становится очевидным, что авторы неизбежно должны были одновременно говорить о Книге как явлении всеобщем, общечеловеческом и о болгарской книге, на примере которой им весьма удачно и почти постоянно удается рассказать и о Книге вообще и многом с ней связанном.

Совсем недавно мы рецензировали немецкий *"Практический справочник о Книге"* ("Reclams Sachlexikon des Buches"), составленный профессором Урсулой Раутенберг и вышедший в Штутгарте в 2003 г. (см.: *Книга: Исследования и материалы.* М., 2005. Сб.84). "Энциклопедия" и немецкий справочник одновременно свидетельствуют о явной издательской тенденции и читательской потребности дать/получить надежное сводное пособие по широкому кругу вопросов, связанных с прошлым и настоящим книжной эпохи в истории человечества, в том числе с учётом информационно-технических новаций самого последнего времени. И вновь в последнем случае болгарским авторам приходится говорить о всеобщих, мировых реалиях с ориентацией на собственное, национальное. Правда, делается это иногда не совсем удачно, особенно если анализировать библиографические примечания к статьям, посвящённым, например, электронным книгам, Интернету, компакт-дискам и т. д. Приводится, к сожалению,

устаревшая литература десятилетней давности и читателя эти источники удовлетворить ни в коей мере не могут. Впрочем, и специальных статей, связанных с новыми информационными технологиями в "Энциклопедии" явно маловато. В этом "Энциклопедия" значительно уступает упомянутому немецкому справочнику, в котором они являются одной из доминант. Почемуто в "Энциклопедии" отсутствуют и ссылки на электронно-сетевые ресурсы, в том числе болгарские. В международной практике подобные указания давно стали нормой. Их ценность вполне очевидна.

Вместе с тем, статьи, посвящённые так сказать традиционным библиотековедческим, библиографоведческим и книговедческим толкованиям основных явлений, связанных с Книгой, отличаются своей выверенностью и целостностью. Важно отметить, что опыт российских научных школ, как давних, так и современных, хорошо известен авторам этих статей. Он постоянно ими учитывается наряду с научным наследием учёных других зарубежных стран, но всё же российские специалисты и их труды оказываются наиболее часто цитируемыми и привлекаемыми в качестве ведущих мировых авторитетов.

И для зарубежного и для болгарского читателя самым ценным в "Энциклопедии" является всё, связанное с Болгарией и болгарской книгой. Именно эта содержательная часть издания представляется несомненно выдающейся по своему значению. Подобных аналогов нет в большинстве стран мира, в том числе и в России. Перед нами по сути предстаёт развитие книжной культуры Болгарии в самом широком плане, с упоминанием множества имён, фактов, памятников. Тысячелетнее бытие болгарской книги прослеживается от появления первых рукописей до образования мощной книжной индустрии наших дней, со множеством больших и малых издательских фирм, международной кооперации и т. д. Кстати, и сама "Энциклопедия" вышла в свет в издательстве "Pensoft", организованном болгарским и российским учёными, которое ныне стало не только одним из ведущих производителей, но и продавцов научной книжной продукции, преимущественно естественнонаучной, в Восточной Европе.

Авторы "Энциклопедии" уделяют большое внимание древней болгарской рукописной книге; болгарско-русским книжным связям; дают обширный и очень разнообразный материал о болгарском Возрождении (известные книги, типографии, около ста книжников, в большинстве с приложением к статье-персоналии портрета того или иного описываемого лица); рассказывают более чем о ста крупнейших болгарских издательствах XX–XXI в. и не меньшем числе болгарских исследователей болгарской книги; о 21 "исследователе болгарской книги – иностранце", среди которых более половины – наши соотечественники; о болгарских библиотеках и книговедческих организациях; о более чем ста болгарских издателях и известных деятелях книги; о десятках болгарских

периодических изданий, связанных с болгарской книгой; о справочниках, исключительно историко-литературных, так или иначе представляющих болгарскую книгу и книжность; о художниках болгарской книги; об иностранной книжности в Болгарии и т. д.

Болгарско-русским книжным связям X–XIX в. посвящена огромная по размерам статья (с. 103–108), но собственно о русской книге в Болгарии специальной обобщающей статьи нет. Не спасает это досадное положение ни обширная статья "Русское книгоиздание в Болгарии" (с. 381–383), ни некоторые беглые упоминания в материалах другого рода, ни скромное по размеру повествование о русском книжном магазине И. Д. Сытина и А. С. Суворина в Софии (с. 381). Со второй половины XIX в. русская книга стала широко распространяться в Болгарии и этот поток год от года нарастал. До сих пор и в болгарских общественных и в частных библиотеках мы можем видеть целый пласт этой русской книжности начиная с изданий XIX в. Достаточно пройтись в наши дни по букинистическим магазинам крупных городов Болгарии, чтобы оценить тот размах распространения русской книжности среди болгарского народа, который стал особенно заметен к началу XX в. Во второй половине XX столетия этот процесс ещё более усилился, чему в немалой степени способствовали не только политические обстоятельства, но и родственность культур и языков двух народов, а также многовековая их духовная близость и симпатия. До сих пор русская книга, особенно в болгарской провинции, едва ли не превалирует среди печатной продукции других стран и народов. Да и в самой столице, в Софии, сейчас у торговцев наиболее ходовыми книгами русские занимают самое почётное место.

Несколько слов хочется сказать о важной теме, которую мы исследуем давно, касающейся множества народов и стран, в том числе и Болгарии, но не отражённой в "Энциклопедии". Мы имеем ввиду народную книгу, болгарскую народную книгу, о которой в издании ничего не сказано. Как ни покажется парадоксальным, но она существует до сих пор, хотя, конечно же, новые социально-информационные обстоятельства продолжают всё активнее влиять на её бытование. Она и сейчас распространяется в рукописном виде, гораздо чаще в провинции, преимущественно среди людей среднего и пожилого возраста. По содержанию эта народная книжность разнообразна, среди самых популярных её составляющих поэтические произведения, очень часто песенного плана, в том числе религиозные. Народная книжность – значительная область национальной культуры Болгарии и прежде всего, конечно же, болгарской книжной культуры, изучению которой необходимо как можно скорее уделить должное внимание.

"Българска книга" вышла из печати в мае 2004 г. и стала лучшим подарком к широко отмечаемому не только в Болгарии и России, но и в других странах

Дню славянской письменности и культуры. Эту свою национальную и международную ценность "Энциклопедия", как нам кажется, будет сохранять долгие годы, ибо болгарскими исследователями была проделана огромная успешная работа, создан замечательный образцовый труд, подобный которому хотелось бы иметь и у нас в России.

Юрий Лабынцев, Лариса Щавинская

Светлана Куюмджиева. ***Стихираръ на Йоан Кукузел. Формиране на нотирания възкресник.*** Изд. къща "Гутенберг", София, 2004. 220 с.

Svetlana Kujumdžieva. ***John Koukouzeles' Sticherarion. The Formation of the Notated Anastasimatarion.*** Gutenberg Publ. House, Sofia, 2004. 220 pp.

The appearance of a new book in the reformative work of St. John Koukouzeles (active c. 1300) comes at a propitious moment in musical scholarship. During the past decades a number of authors have researched the processes that transformed Byzantine chant in the course of the Paleologan period. The findings of this long-standing scientific effort have as their primary concern the innovative techniques of embellishment, which changed the traditional formulaic chanting into florid musical style, but they also relate to the liturgics and theology, thus addressing the music's very function within the worship. S. Kujumdžieva builds upon these accomplishments (Chapter 1, *History of the Problem*) and goes further exploring the principles of formation and reformation of chant repertories before, during, and after the Koukouzelean epoch. In order to detect certain traits distinguishing the work of the Maistoros and his circle, the author follows hundreds of chant texts in their movement through several types of notated manuscripts.

The source material, as indicated in the title, is taken largely from the Sticherarion. In its complete version the Byzantine Sticherarion comprises some 1400 hymns (stichera and troparia) for the three main cycles of the ecclesiastical year: the cycle of the fixed celebrations of the Menaia, the cycle of the movable feasts of the Triodion and Pentekostarion, and the eight-week/eight-mode cycle of the Oktoechos. The author focuses solely on the Oktoechos, her objective being to discern, comprehend, and elucidate every change in its contents and arrangement (Chapter 2, *The Sticherarion*).

All accessible Sticheraria dating from the twelfth to the sixteenth centuries are put under consideration. These include eight little-known manuscripts with Middle Byzantine Notation located in Sofia – four of them at the Patriarchal Institute of Ecclesiastic History and Archives (MSS 812, 813, 815, and 818), the other four at

the Ivan Duičev Center for Slavo-Byzantine Studies (MSS Д. гр. 49, Д. гр. 62, Д. гр.188, and Д. гр.292). Most of these codices are employed for the first time in musicological research, a fact that contributes significantly to the merit of the book. In addition to the manuscripts found in the Bulgarian libraries, S. Kujumdžieva examines dozens of microfilms made for the Library of Congress at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai, which are available at the Library of the Bulgarian Academy of Sciences in Sofia as well. The author selects 27 Sinai Sticheraria and studies in detail the Oktoechoi contained in them. All manuscripts are presented and commented upon in consecutive order (Chapter 3, *The Oktoechos within the Sticherarion: Sources*). Some of the commentaries run into extensive historical and biographical data linking certain fourteenth-century Sticheraria not only to the reform of John Koukouzeles, but also to the spiritual movement of his time – the hesychasm.

The overall changes observed by S. Kujumdžieva in the Oktoechos section of the Sticherarion show a threefold tendency of regrouping: first, the systematic arrangement of chants shifts to a cyclic one, in other words, the initial genre collections reorder into liturgical sequences; second, some newly notated hymns supplement the core repertory; and third, certain traditional chants fall into disuse (pp. 86–88). These transforming trends appear toward the very end of the thirteenth century and fully unfold in the course of the fourteenth century. At the same time, a new chant book becomes largely accepted, namely the Akolouthiai or "Orders of Service." The title itself tells that this book, just like the revised Oktoechos, complies with the liturgical (cyclic) principle of chant arrangement. Another similarity between the two books is the introduction of newly notated repertory. It is not a coincidence, therefore, that both the revision of the Sticherarion and the compilation of the Akolouthiai are regarded as John Koukouzeles' work.

What distinguishes the Akolouthiai, though, is the influx of notated psalm verses. The fixed psalms of the evening and morning offices – Κύριε ἐκέκραξα (Ps. 140:1,2), Θεὸς Κύριος (Ps. 117:27a, 26a), Αἰνεῖτε τὸν Κύριον (Ps. 148:1), etc. – are for the first time put down in musical notation. Most importantly, the psalms occur as eight-mode settings, which tend to combine with the hymns of the Oktoechos in successions that reflect the actual flow of chants during worship on Saturday evening and Sunday morning. S. Kujumdžieva follows this development in the example of nine Sinai manuscripts dating from the end of the 14th century to the beginning of the 16th (Chapter 4, *The Oktoechos within the Akolouthiai-Antologies*). She detects two types of eight-mode repertory – extended and short, the former characterized by lengthy series of psalms and hymns combined, the latter restricted in most cases to the psalm verses only. It appears, however, that a rendition similar to the short repertory can be traced back as far as the end of the 13th century: S. Kujumdžieva discovers notated incipits of the fixed psalms of the Office added to the Oktoechos

sections of two Paris Sticheraria – *Ancien fonds gr.* 260 and 261 (pp. 115-119). This finding shows that the process of bringing hymns and psalms together started earlier and touched more types of musical manuscripts than previously thought.

The driving force behind the renovation of the Byzantine chant books was undoubtedly of liturgical essence. After the Paleologan restoration in 1261 and especially during the hesychast ascendancy in the 14th century, the neo-Sabaitic liturgical rule ultimately replaced the Studite Rite. Chant repertories had to be brought up to the regulations of the new Typikon of St. Sabas (Jerusalem Typikon) and, as S. Kujumdžieva points out, to the demands of the augmented Sunday services in particular (Chapter 5, *From the Oktoechos to the Anastasimatarion: John Koukouzeles' Role*). Several generations of Byzantine musicians undertook this task, but the one name entirely representative of the reform was that of the Maistoros – Ioannes Koukouzeles. By revising and renewing the chant repertories for the Saturday evening and Sunday morning offices, he set the pattern for yet another chant book – the Anastasimatarion. Despite the fact that the book itself took an autonomous shape two centuries later, the early "Anastasimatarion within the Akolouthiai-Antologies" (p. 217) can indeed be credited to John Koukouzeles and his followers.

Turning to the musical aspect of her study, the author selects six stichera and compares their melodic readings on the basis of more than twenty Sticheraria dating from the twelfth to sixteenth centuries (Chapter 6, *The Music in the John Koukouzeles' Sticherarion: A Stroke to His Biography*). The outcome of this comparative work indicates a stable tradition relying on established melodic formulas. The changes, which appear from the fourteenth century on, exemplify an introduction of melodic variants, on the one hand, and an increased use of medial signatures and subsidiary signs, on the other. These results allow S. Kujumdžieva to conclude that John Koukouzeles preserved the traditional melodies of the Sticherarion, and at the same time broadened the options of singers and scribes alike to choose among different variants of a given chant (pp. 133–134).

After a brief summary (Chapter 7, *Instead of a Conclusion: What Does It All Mean?*), the volume closes with functional indices, musical examples, and facsimiles.

The issues addressed in the book go well beyond the subject matter outlined by the headings: various pertinent topics are discussed, such as the Georgian sources of the Jerusalem Tropologion (Chapter 2), or the Old-Slavonic translation of the Byzantine Sticherarion (Chapter 6). Most significantly, the work motivates and gives a foundation for the specialized studies that certainly must follow.

Mariana Dimitrova

България и Сърбия в контекста на византийската цивилизация. Сборник статии от българо-сръбски симпозиум 14–16 септември 2003, София. Академично издателство "Марин Дринов", С., 2005, 447 с.

***Bulgaria and Serbia in the context of the Byzantine civilization. Proceedings from the Bulgarian-Serbian conference*, 14–16 September 2003,** Academic Publishing House "Marin Drinov", Sofia, 2005, 477 pp.

The contribution of contemporary Bulgarian and Serbian medievalists to the study of Bulgarian-Serbian-Byzantine cultural and literary relations in the Middle Ages is doubtless, as well as regarding the place of the two Slavic states in the context of Byzantine civilization. The interest of both the Serbian and Bulgarian scholars in the problem range of the symposium was definitely considerable (38 reports), as also indicated by the discussions, on individual issues and high commendations of specialists. The appearance of a volume of articles dedicated to different aspects of a forum of medieval studies of similar character is a rare occasion in Bulgaria and European Slavonic and Byzantine studies.

The volume comprises 25 articles (12 by Serbian and 13 by Bulgarian scholars) totaling 447 pages. The articles are divided into three main sections: History, Art History and Archaeology, Literary Studies.

In the first section, **History**, the individual aspects of the problem field are discussed in the following types of studes:

A) Articles of summarising character encompassing large historical periods. The article of the Serbian historian Ljubomir Maksimović, *Serbia and the Byzantine Kingdom* reveals comprehensively, from the point of view of Serb historiography, the peculiarities and complex relations between Serbia and Byzantium, Serbia and Bulgaria from the middle of the 9th to the middle of the 15th century. The publication of the Bulgarian historian Vassil Gyuzelev *Bulgaria and the Byzantine Empire* uses historical sources (Slavonic, Greek and Latin) to characterize their political, ecclesiastic and cultural ties and to prove the thesis that in the history of Bulgaria there is no other external factor besides Byzantium to have had so continuous and comprehensive an influence on it.

B) Articles dedicated to separate periods, monuments or genres, revealing the peculiarities of relations between Byzantium and the Balkan states. Miloš Blagoević (*Byzantine Ruler Hierarchy in the Light of Serbian Sources from the 12th-15th c.*) tracks the semantics and changes in Byzantine and Serbian ruler hierarchy through the various historical periods of Slavo-Byzantine relations: on the one hand, the perception of the Byzantine basileios as ruler in Christ's stead on earth and "spiritual father" of the Christian rulers and, on the other – a review of the degrees of

"spiritual kinship" of the Serbian princes with the Byzantine emperor: "brethren", "sons", "friends" and "servants". A stress is laid on the relations between the members of the Nemanja dynasty and the Nicaean, Bulgarian and the Salonica rulers in the second half of the 13th century. On the basis of the data featured in Chapter 32 of Constantine Porphyrogenitus' *De Administrando Imperio* the article of Tibor Živković *Ruler Ideology and Its Influence on Serb-Bulgarian Relations in the Early Middle Ages* offers an analysis of Serb-Bulgarian relations in the second half of the 9th century – the first half of the 10th century during the reign of the Bulgarian rulers Kroum, Presian, Simeon and Peter. Another type of relations is the subject of the study *Duklja, Bulgaria and Byzantium in the Southern Adriatic at the end of the 10th-the beginning of the 11th c.* by the Serbian scholar Srđan Pirivatrić. With the help of historical and legendary sources (Chronicle of the Priest of Duklja, *Synopsis historiarum* by John Scylitzes, etc.) the author discusses the role of Tsar Samuil (976–1014) for the renovation of the Bulgarian kingdom, his military marches to the Southeastern Adriatic, the significance of family ties between Samuil and John Vladimir for later relations between Bulgaria and Serbia. The attitude of the Byzantine Empire and the Kingdom of Serbia to the Bulgarian separatist holdings at the end of the 13th century is the subject of the article of Georgi Nikolov *Separatism in Bulgaria's Northwest and the Kingdom of Serbia at the end of the 13th c.*, which dwells on the reasons why the Kingdom of Bdin lost its Bulgarian character.

Some of the articles pertain to individual monuments and sources whose study contributes to the more comprehensive clarification of the main problem field. The Serbian researcher Smilja Marjanović-Dušanić analyses charters of Serbian and Bulgarian rulers in the 14th century, proving the authenticity of the charters of King Dušan and Ivan Alexander, and the forgery of Stefan Dečanski's charter of 1330 (*The Complex of Charters for the St. Nicholas of Mrac Monastery in Orehovo. A Contribution to Serbian and Bulgarian Diplomacy*). The article was translated into Bulgarian by Radoslava Stankova. Radivoj Radić presents the results of the study of the *Chronicle of the Turkish Sultans*. Written by an unknown author in vernacular Greek, it contains information about Bulgaria and Serbia from the end of the 14th to the beginning of the 15th century. In her study entitled *Bulgaria, Serbia, Byzantium – Historical Records about the 15th Century on the Balkans* Snežana Rakova systematizes and interprets historical records about the century in question in Bulgarian, Serbian and Byzantine sources (short historical records, histories, anonymous chronicles, vitae, etc.). The final article in the section treats the problem of the cult of St. Paraskeve of Tărnovo in medieval Serbia (*The Relics of St. Parakeve: Gloria Bulgariae – Gloria Serbiae*) and its author, the Belgrade researcher Danica Popović, provides the answer to many questions from the interesting and rarely studied subject about the history of St. Paraskeve of Tărnovo relics on Bulgarian and Serbian

territory. The author has based her study on works of Gregory Tsamblak, Euthymius of Tărnovo, Serbian literary sources and others.

The **Art History and Archaeology** section includes the articles of Serbian archaeologist Marko Popović (Belgrade), Bulgarian art historians Elka Bakalova, Aksinia Džourova and Georgi Gerov, as well as of music historian Elena Tončeva. The work of the Serbian scholar Marko Popović, *The Necropolis of St. Nicholas Church in Staničene*, presents an exceptionally detailed description of anthropological data pertaining to the necropolis by the church in Staničene, erected between the 1330s and the end of the 14th century for patron and ruler families. Special attention is paid to the archaeological finds (silver coins) related to the 14th century Bulgarian rulers Mihail Šišman and Ivan Alexander. It is the conclusion of the archaeologist that there are also traces of Cuman population, which was settled in the royal estates. The article of Elka Bakalova (*The Rila Miraculous Reliquary Icon, Constantinople and Mara Branković*) dedicated to an exceptionally interesting cult object at Rila monastery, the Rila miraculous icon, which is related to old Byzantine traditions, monastery folklore and special rituals in the monastery service. The problem is developed in detail in the following sections: 1. Historical information; 2. Description, content and location of the relics; 3. Typology; 4. Ritual and 5. Commissioner and dating. The author voices the assumption that the unique icon of the Blessed Virgin Mary with the infant Jesus was donated by Sultanina Mara Branković. The illustrations attached to this publication lend a particular value to the study. Concrete problems about the influence of Byzantine ornamental art (from the eastern Greek provinces) on the illumination ornaments in 13th century Serbian manuscripts is the subject developed by Aksinia Džourova in an article bearing the interesting title *What Did St. Sava Bring from Jerusalem?* After analysing the ornaments of the Serbian manuscript Evangelium No. 19 of the Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem the author comes to the conclusion that the copy was made in a polyethnic settlement with Greek and other manuscripts and that, as a result of his travels to Jerusalem and Sinai, St. Sava of Serbia brought such a type of tradition in the illumination of 13th century Serbian codices. Convincing proof in support of this author's opinion is supplied by the abundant illustrations (texts from Evangelium No. 19, samples of interlaced-geometrical type Neo-Byzantine initials, illuminations from other manuscripts). In his article *The Murals in the Southwestern Portion of Zemen Church* Georgi Gerov pays attention to another aspect of the influence of Byzantine on Bulgarian church art – that of the logical ensemble of the components of "image – text – composition", as well as the symbolism of the mural Presentation of the Blessed Virgin as regards the idea for purity (mainly in its spiritual sense). The only one of its kind in terms of content, the article of Elena Tončeva treats the ethnonyms of "Serbian" and "Bulgarian" in Late Byzantine musical manuscripts and reveals the peculiarity of national

identification of the Orthodox Balkan community (*The Ethnonyms "Serbian" and "Bulgarian" in Late Byzantine Musical Manuscripts. About the Peculiarity of National Identification in the Balkan Orthodox Community in the Middle Ages*).

The third section of the volume – **History of Literature** – features problems from the field of Bulgarian, Serbian and Byzantine literary traditions. Here we have four articles by Serbian scholars and six – by Bulgarian experts on literature. Here, too, one encounters a variety of opinions and scientific results, which shed light on some essential problems and distinctive characteristics of Bulgarian and Serbian literature in regard to the Byzantine model. From a new point of view, the article of Vassilka Tăpkova-Zaimova and Anissava Miltenova follows the ways and forms of penetration of the "chrysms" of Emperor Leo the Wise (886–912) in Slavonic Balkan literature, and their updating with events taken from Bulgarian and Serbian history. The two authors conclude that the oracles related to the name of Leo VI the Wise became stable mythologemes in the perception and interpretation of the history of the Slavo-Byzantine commonwealth. The article of Klimentina Ivanova is about the 17th century menologia of Monk Averkios, a copyist of colossal output – 16 bulky volumes with 12,000 pages. The author has defined the content, linguistic features of six of these, complete with analysis of the marginal notes and the concept of the writer (*17th-Century Hilandar Menologia of Monk Averkios*).

The object of attention of the Serbian medievalist Đorđe Trifunović is a rarely encountered theme – the ancient teaching of the five senses and more particularly smell (the sense of aroma) as an aesthetic and hagiological category in Serbian writers – on the basis of material from Biblical texts and works about Serb national saints St. Simeon and St. Sava Nemanjić the scholar makes an exceptionally interesting "interpretation" of the vocabulary expressing "fragrance" – symbol of the Holy Spirit (chrism and the relics of saints exude fragrance), of such aromas like incense – symbol of the bloodless sacrifice ; the very teaching of Christ is compared to an aroma that the apostles spread across the world; the Serbian scholar considers the hagiological meaning of the antithesis "fragrance" (holiness) – stench (sin). In his article entitled *The Sense of Smell of Old Serbian Writers. A Circle of Works about St. Simeon and St. Sava (An Aesthetic and Hagiological Study* he also poses a number of interesting issues of medieval aromatherapy (e.g. in the infirmaries).

The article of Tatjana Subotin (Belgrade), *The Influence of the Transfer of the Relics of St. Paraskeve to the Serbian Despotate on the Development of Her Cult in Serbian Environment*, is the fruit of a comprehensive study of the cults of all-Balkan saints and enriches the notion of the cult of all-Balkan saints on Serbian territory. The author presents 15 Serbian manuscripts from the 13th–17th century, containing the divine service of St. Paraskeve of Tărnovo. The main conclusion of the article boils down to the following: the cult of St. Parasekve in Serbia became known in

Serbia almost simultaneously with its inception in Bulgaria. The transfer of the relics of the saint to Belgrade in 1398 marked the beginning of the creation of new hymnographical works dedicated to her on Serbian soil. As a result of her archaeographical research in manuscript collections in Slovenia and Romania, Elena Tomova makes an attempt (by analysis of the laudations in the content of divine services) to go into the literary history of the cults of South Slavic saints in the 16th and the 17th century (*Literary History of the Cult of South Slavic Saints in the 16th-17th Century. Laudations of Saints in Cyrillic Manuscripts in Slovenia and Romania*). Irena Špadijer (Belgrade) focuses on an important moment in Serb-Bulgarian relations, outlining her hypotheses in the publication entitled *The Theodosius Service of St. Sava in Bulgarian Manuscript Collections* and tracing the reception of the Theodosius service of St. Sava in Bulgarian manuscripts dating from the 14th to the 17th century. Against a broad literary and cultural background Nina Georgieva discusses the concept of the *Miscellany of Simeon*, reflected in the *Izbornik of 1073* in the context of South Slavonic royal miscellanies. The author presents here observations in an interesting article entitled *South Slavonic Royal Miscellanies in the Mirror of Orthodox Rulers: the Concept and Function of the Miscellany of Simeon Reflected in the Izbornik of 1073*. According to the author, the idea of a connection between the content of royal miscellanies and ruler ideology and practice deserves attention and helps clarify the problem of the conceptual design of miscellanies in South Slavonic tradition and their relation to Byzantine tradition.

New information about Byzantine cosmological sections in Slavonic translation in the Late Middle Ages is offered by Ninoslava Radošević. The subject of her article *Byzantine Cosmological Sections in the Slavonic Translation of the Late Middle Ages* is a quest for a connection between different Slavonic cosmological texts, their manuscript tradition and their Greek sources. Aspects of the cult of St. George in South Slavonic literary tradition (Balkan Cyrillic manuscripts) are dealt .in detail in the study of Ana Stoikova, *Works about St. George in Balkan Cyrillic Manuscripts. Preliminary Notes*. One of the objectives of the author is to take a glance at the mechanisms of adaptation of the Byzantine cultural and religious model among Balkan Slavs through the cult of St. George (more than 40 hagiographical works have been dedicated to him, as well as numerous hymnographic works). The distribution of damascenes in the 17th and 18th century contributed to the popularization of the cult of the saint in Bulgaria even in the National Revival. The conclusive article in the volume encompasses the results of many years of hagiographical research of Radoslava Stankova, summarized in the paper *Old Bulgarian Literary heritage in Serbian Copies from the 13th and the Beginning of the 14th Century*. It covers two diachronic aspects of study: a) Cyrillo-Methodian traditions and b) the translations and original works of Cyrillo-Methodian disciples. Particular attention is paid to the

following types of books: 1. Liturgical books with hymnographic and euchological texts; 2. Church books with narrative and rhetorical texts; 3. Miscellanies related to monastery literature. The author makes the important conclusion that Serbian manuscripts of the said period preserved the original Old Bulgarian works, which became affixed in South Slavonic Orthodox context through the church ritual.

It is my opinion that the articles are of high scientific value and convincingly present the subject matter of the conference. With the broad scope of themes, the variety of researcher approaches, the expression of different opinions on issues of discussion in Slavo-Byzantine medieval relations, the volume presents a topical and very productive interdisciplinary dialogue between Bulgarian and Serbian Paleo-Slavonic studies. It will open new prospects for fruitful academic cooperation in the study of the intellectual history of Balkan peoples.

Elena Tomova

Киселева, Л.И. Письмо и книги в Западной Европе в Средние века (Лекции по латинской палеографии и кодикологии) С.-Пб, "Дмитрий Буланин", 2003, 310 с., ISBN 5-86007-376-3.

Kiseleva, L. I. ***Script and Books in Western Europe during the Middle Ages (Lectures in Latin Palaeography and Codicology).*** St.-Petersburg, "D. Bulanin" Publ. House, 2003, 310 pp., ISBN 5-86007-376-3.

The work under review is a synthesis of the lecture experience of the most outstanding contemporary expert in Latin paleography in Russia, Lyudmila Kiseleva – professor at the Saint-Petersburg State University, leading researcher at the manuscript division of the National Library of Russia, member of the *Comité international de paléographie latine* (CIPL). The book also presents the achievements of the entire Petersburg paleographical school of which Kiseleva is now the undoubted doyen.

If the Slavonic manuscript funds in St. Petersburg are among the greatest treasures of Slavic cultural history, the collections of West European manuscripts there, albeit not so numerous, feature exceptional samples of Latin paleography, including such dating from the 5th, 6th and 8th century. Most of the oldest fragments in St. Petersburg belonged to the Benedictine Maurist Congregation in Paris, the actual founders of paleographical studies. They were brought to St. Petersburg by the then Russian diplomat in Paris Peter Dobrovsky so it was not by chance that the first school of Latin paleography in Russia originated in St. Petersburg.

The backbone of this school was doubtless formed by three lecturers in Latin paleography in St. Petersburg: O. A. Dobiaš-Rožděstvenskaya (1874–1939), A. D.

Lyubinskaya (1902–1980) who followed in her steps, and L. Kiseleva herself, who received from Lyubinskaya the lectures in Latin paleography at the then Leningrad State University. The author presents the achievements of her predecessors, their contributions to the description and study of West European manuscript collections in Russia, their theoretical studies on general paleographical problems, as well as their works on individual manuscripts or scriptoria – for example the research and description of the Corby manuscripts of the 5th–9th century in Leningrad by Dobiaš-Roždestvenskaya, her textbook in Latin paleography,[1] as well as her methodological papers on work with medieval codices.

It is with the deepest of respect that Kiseleva reveals the work of her direct teacher A. Lyublinskaya and here theoretical studies, according to which paleography was not only an auxiliary historical science, but also a history of letters, a specific field in the history of European culture. A review has also been made of the studies of T. V. Luizova (1917–1957) on the genesis of Gothic script; of V. L. Romanova, V. N. Malov and I. P. Mokretsova on Gothic manuscript and documentary script in France in the 13th–18th centuries; the studies of V. Mažuga and T. Tatsenko on the documents from the collections of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences. It is with respect that Kiseleva notes the work of the last generation of Russian paleographers, some of whom are her disciples: S. Vyalova, O. Bleskina, A. Bannikov and A. Novožilov.

Against the backdrop of this comprehensiveness the achievements of L. Kiseleva herself remain noted almost anonymously in some cases. Besides her impressive book on West European manuscript and printed books in the 14th–15th centuries (1985), she should have presented in greater detail her work as a lecturer, her contributory monograph on Gothic cursive, as well as the particularly significant descriptions of Latin manuscripts at the Library of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg and at the Matenadaran in Yerevan.[2]

The actual paleographical part of the book presents paleography in the system of auxiliary historical disciplines, taking into account its transformation into an independent part of science that studies the history of letters (pp. 88–198). The format

---

[1] The beautiful contemporary edition of this textbook was in 1987: Добияш-Рождественская О. А., *История письма в средние века.* Руководство к изучению латинской палеографии. Издание третье, дополненное. Москва, "Книга", 1987, 320 с.

[2] Before the publication of the present review L. Kiseleva also published her description of 13th century Latin manuscripts at the Russian national Library in St. Petersburg: Киселева Л. И., *Латинские рукописи XIII в.: Описание рукописей Российской национальной библиотеки.*СПб., 2005, 294 с.

is set down by the course of lectures in paleography, which presents the diachronic appearance of the various types of medieval scripts and their characteristics. What is of particular value here are the samples that accompany the description of the various scripts and their transcription, which enhances the didactic value of the book under discussion. These samples have been extracted mainly from manuscripts from the St. Petersburg funds.

Special attention has been paid to the illumination of medieval manuscripts (pp. 199–226). The author follows the technology of artistic design of codices, the ways of text segmentation used by medieval copiers, as well as the distinctive features of the ornaments related to the typology of illuminated medieval books.

Codicological problems are underscored throughout the edition, particularly in the chapters dedicated to the unity between the handwritten and the printed book and the typology of West European medieval books (pp. 227–273). Analysis of the manuscript codex structure allows the author to show what precisely was inherited by the printed book and what further improvements appeared in the book body after the discovery of printing.

The book ends with the above-mentioned presentation of the St. Petersburg school of Latin paleography, preceded by a discourse on the problems of Latin paleography and codicology in the second half of the 20th century – it was precisely in this period that scholars of paleography set up a uniform organization that set down the leading parameters of paleographical studies and the main criteria for researching medieval manuscripts. There is also a presentation of some of the institutions most closely related to the development of paleographical and codicological problems, as well as of the periodicals they publish. The author has also summed up the achievements of individual scholars, the most distinguished representatives of Latin paleography. In fact this is where one could levy one of the few possible criticisms regarding the work of L. Kiseleva and more specifically the bibliography featured in it. Although it aims to represent paleography in the second half of the 20th century, the author has quoted mainly publications that appeared before 1985 (with not numerous exceptions from following years). Probably, taking into account the peculiarity of her work as a training aid, the author narrowed bibliographical references to a considerable degree, but they nevertheless should have been updated at least until the end of the century.[3] There is also a definite absence of at least some of the numer-

[3] A case in point that should not be absent, for example, is the most authoritative bibliography on Latin paleography and codicology, published in 1984 by the late Prefect of the Vatican Apostolic Library Leonard E. Boyle: *Paleografia latina medievale: introduzione bibliografica*; (con supplemento 1982–1998). Roma, 1999, XXIV, 493 pp.

ous Web sites that present medieval Latin manuscripts and their study by means of application of contemporary digital technologies.[4]

As a whole one should underscore that we are faced with a valuable, imbued with plenty of information work, which can be exceptionally beneficial not only to students of history and philology, but also to a wide circle of specialists in medieval studies, as well as to all those interested in West European culture. Nor should one overlook the good polygraphic quality of the publication or the wonderful selection of illustrations the author has chosen for her book.

Slavia Barlieva

Нихоритис, Константинос. ***Славистични и българистични проучвания.*** Велико Търново: Праксис, 2005, 318 с.

Nichoritis, Konstantinos. ***Works in Slavistics and Bulgaristics.*** Veliko Tărnovo, Praksis, 2005, 318 pp.

In 2005 Veliko Tărnovo "Praksis" Publishing house issued selected works of Konstantinos Nichoritis, who is an assistant professor at the Department of Balkan Studies, University of Western Macedonia – Greece, and distinguished researcher in the field of Slavonic and Balkan studies. The book ***Славистични и българистични проучвания*** collects reprints of articles published over the past ten years in various periodicals and miscellaneous volumes or delivered by the author during numerous conferences. These are supplemented with some new works that have not been presented to the scholarly public so far. The articles are rendered into five chapters dedicated to various topics, starting from the earliest stage of Slavonic literary tradition and going up to the historical and cultural interrelations on the Balkans in the dawn of the modern times. All the works are united by the theme of Mount Athos as a historical treasure and still living religious and cultural centre. Its very important and unique role in the history and spiritual life of the Balkan nations are explained and underlined throughout the book.

[4] For example, the site presenting the illuminated manuscripts of the Manuscript Department at the National Library in Paris (http://mandragore.bnffr/html/accueil.html) or the Manuscripta mediaevalia project (http://www.manuscripta-mediaevalia.de/handschriften-forum.htm). L. I. Kiseleva herself is very well versed in this new aspect of work with manuscripts and incunabula. For example, she participated in a seminar of the CERL project (Consortium of European Research Libraries), creating databases for access to incunabula, with a report titled "*Записи на книгах как исторический источник и их использование в базе данных*" (http://www.nlr.ru/tus/121103/kiseleva.htm).

The volume opens with the article *Историческото развитие на агиографските извори за св. св. Кирил, Методий и техните ученици и "Византийското мълчание" през IX–X век* [Historical development of the hagiographic sources for SS Cyril, Methodios and their disciples and the "Byzantine silence" in the 9th–10th c.; repr. of Βυζαντιακά 15 (1995), p. 413–442]. This overview, delivered during the 15th Greek historical congress in Thessaloniki (27–29 May 1994), studies the place of the reach longtime Greek tradition, since the 11th up to the 20th c., in the whole hagiographic corpora serving the cult to the Holy Brothers and their disciples.

The Cyrillo-Methodian theme, which has been one of the main in the surveys of K. Nichoritis, is further developed in the first chapter of the book: *Атонската традиция и разпространението на Кирило-Методиевите извори (Нови находки)* [The Athonite tradition and the dissemination of Cyrillo-Metodian sources (New findings)]. Here a few manuscript copies, created in the Athonite monasteries and witnessing hagiographic works for saints connected to the Cyrillo-Methodian tradition, have found their first edition. Two of these works describe the holy life of St Climent of Ochrid. The first article, entitled *Непубликуван светогорски препис от краткото житие на св. Климент Охридски* [Unpublished Athonite copy of the short Vita of St Climent of Ochrid] offers an edition of the text as found in the 14th–15th c. Greek Ms Dochiariou 198. While the second one: *Непубликуван пълен препис на Пространното житие на свети Климент Охридски* [Unpublished complete cope of the extensive Vita of St Climent of Ochrid] discusses the place of the copy of St Climent's vita in the 15th c. Ms Dochiariou 73 among the rest of the witnesses. The author states, on a basis of comparative analysis, the existence of Athonite tradition of the text. In Ms Dochiariou 198 K. Nichoritis has also identified a Service to St Konstantinos Kavasilas, archbishop of Ochrid. This newly discovered text and its translation into modern Bulgarian are presented in *Неизвестна гръцка служба в чест на Охридския архиепископ Константин Кавасила* [Unknown Greek service to Konstantinos Kabasilas, archbishop of Ochrid; paper delivered to the International conference "Greek continuers of the religious and literary activity of the brothers Cyril and Methodios in the Slavonic world", Thessaloniki, 16–19 November 1995]. The last article of the chapter is entitled *Из атонската книжовна балканска традиция* [From the Athonite Balkan literary tradition; repr. of Пѣти достоинъ. *Сборник в памет на Стефан Кожухаров.* С., 2003, с. 36–45]. It contains observations on the role of the Athonite tradition in dissemination of Cyrillo-Methodian sources, including some data on newly discovered copies of the short and extensive vitae of St Climent of Ochrid and text critical notes on the Methodios' Canon to St Demetrios of Tessaloniki. Some 18th–19th c. Athonite works devoted to Bulgarian saints are also presented.

Chapter **Атонската традиция и Търновската школа (Нови находки)** [The Athonite tradition and Tărnovo literary school] includes two articles discussing hagiographic texts for St Petka (Paraskeve of Epibatai). The first one *Неизвестен препис от Стишното житие на св. Петка Епиватска-Търновска* [Unknown copy of St Petka of Tărnovo) from the Verse Prolog; published also in *Старобългарска литература* 33–34 (2005), p. 221–224] offers some notes on the history of the text and an edition of its copy found in the 16th-c. Slavonic Festal menaion № 801 from the library of Dionisiou monastery on Mount Athos.

The same manuscript contains a copy of Grigorij Tsamblak's service to St Petka, which text is edited by K. Nichritis in *Непубликувани преписи от Цамблаковата редакция на Службата и от проложните жития на св. Петка Епиватска-Търновска* [Unpublished Athonite copies of Tsamblak's redaction of the Service and prolog vitae of St Petka of Tărnovo; repr. of *Сборник в чест на проф. Георги Данчев.* Велико Търново: 2004, p. 152–175]. This study summarizes data on the copies of hagiographic works for the saint in Athonite manuscripts and gives an exhaustive bibliography on the subject.

The third chapter: **Атонската традиция през Османското иго** [Athonite tradition during the Turkish yoke] entitles articles discussing various topics concerning the role of the Holy Mountain in Bulgarian Revival and the cults to the Athonite saints of Bulgarian origin.

Из влиянието на Света Гора – Атон в просветата на православните българи (XVIII–XIX век) [About the influence of The Holy Mountain – Mount Athos on the education of Orthodox Bulgarians (18th–19th c.); repr. of "Възрожденският текст. Прочити на литературата и културата в Българското възраждане." // *Сб. в чест на 70-годишнината на проф. Дочо Леков.* С., 1998, p. 351 –367] offers an account of Bulgarian men of letters who worked on Athos, as well as lists of Athonite Academy alumni, of Athonite monks founders or teachers in Bulgarian schools, of painters and psalmodists educated on Athos, of Athonite monks consecrated as Bulgarian metropolitans, of monks who were mendicant friars, as well as of Athonite editions in Bulgarian language.

A newly discovered Greek text in Old Church Slavonic translation is presented by edition in the second article: *Непубликувана служба за чудотворната икона "Предвъзвестителка" и за Светите Двадесет и шест Зографски мъченици* [Unpublished Service to the wonder-making icon of Theotokos the Pre-Herald and to the Holy Twenty and six martyrs of Zographou monastery; paper delivered during the international conference "The Holy Mountain Minor", Zheravna, 2–5 September 2004].

The last three studies in this chapter deal with the phenomenon of the Neomartyrdom. Attention to some theoretical aspects of the subject is paid in the articles *Светогорските светци изразители на атонската традиция с оглед на новомъченичеството* ["The saints exponents of the Athonite traditions. The Neomartyrdom", paper delivered during the international conference for the 70th anniversary of prof. Totyu Koev, Veliko Turnovo, 2001] and *По проблема за новомъченичеството* [On the problem of Newmartyrdom; repr. of "Памет и дълг при глаголемите на българската литература." // *Сборник по повод 60-годишнината на проф. Иван Радев*. Велико Търново, 2003, 71–83]. While the text *Светогорската килия "Св. Николай" в Иверския скит като център за подготовка на българското новомъченичество* [St Nikolaos cell to the Athonite monastery Iviron as a schooling centre for Bulgarian Neomartyrs; repr. of *Традиция, приемственост, новаторство*. С., 2001, 132–145] provides also a lot of data on the cults of Bulgarian neomartyrs SS Ignatij of Stara Zagora, Onufrij of Gabrovo, and Prokopij of Varna.

Chapter: **Българо-гръцки книжовни връзки през Възраждането** [Bulgarian-Greek literary relations during the Revival] is an attempt on bringing light over some purely studied aspects of this subject.

Български интелектуалци, завършили или преподавали в гръцки училища през XVIII–XIX век (Едно първаначално докосване до темата) [Bulgarian intellectuals alumni or lecturers in Greek schools in the 18th–19th c. (An approach to the subject)] contains a check list of Bulgarians who were active in the Geek education at that time. The article *Фактори, повлияли върху характеризирането на гърците в българската литература до третата четвърт на XIX век* [Factors that influenced the image of Greeks in Bulgarian literature up to the 3rd quarter of the 19th c.; repr. of *Сборник, посветен на 60-годишнината на проф. Кирил Топалов*. С., 2003, p. 241–250] analyses six determinants of Bulgarian notion concerning the neighbor nation.

Chapter: **Атон и Русия** [Mount Athos and Russia] is the last chaprer in the volume and includes a single article: *Контактите на Русия със светогорския манастир Дионисиу (по данни на архива)* [The contacts between Russia and the Athonite Dionisiou monastery (after archival data); repr. of "Културните текстове на миналото." // *Сборник, посветен на 60-годишнината на проф. Казимир Попконстантинов*. Т.1, Велико Търново, 2005, 221–228]. It analyses ten documents from the monastery archives which text is provided in the publication in modern Bulgarian translation.

The book concludes with the essay *Атон – вселена, етнос и светогорски мистицизъм* [Mount Athos – universe, ethnos, and Holy Mountain mysticism; published also in *Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев*. С., 2005, p. 212–219].

It dwells on the spirit of the unique monastic republic both in the past and nowadays and helps in better understanding of the milieu in which phenomena discussed in the book appeared as well as of the very important role of Mount Athos in the development of the culture of *Balkania Orthodoxa*, to which studying K. Nichoritis has given a deep devotion.

Dilyana Radoslavova

Словенско средњовековно наслеђе, зборник посвећен професору Ђорђу Трифуновићу. Београд, 2001. Чигоја штампа, уредници Зорица Витић, Томислав Јовановић, Ирена Шпадијер.

Slavic Medieval Heritage. Festshrift dedicated to Prof. ***Đorđe Trifunović.*** Zorica Vitić, Tomislav Jovanović and Irena Špadijer (eds.). Belgrade, 2001.

Die Festschrift *Словенско средњовековно наслеђе* vereint die wissenschaftlichen Arbeiten von über 50 Paläoslavisten aus verschiedenen Ländern zu Ehren des 65. Geburtstags von Prof. Đorđe Trifunović, des Historikers der altserbischen Literatur, des Herausgebers slavischer mittelalterlicher Quellen, des Übersetzers alter und gegenwärtiger fremdsprachiger Texte ins Serbische, des Autors zahlreicher Rezensionen und des akademischen Lehrers an der Philologischen Fakultät der Belgrader Universität. Die Festschrift enthält die vollständige Bibliographie der Schriften Trifunovićs von 1955 bis 2002, die seine weitgefächerten Interessen und Tätigkeiten belegen.

Anatolij A. Alekseev untersucht die serbische Handschriftentradition der Evangelien, konkretisiert die Besonderheiten der sogenannten "bogomilischen" Codices der bosnischen Häretiker und weist die These von ihrem unkanonischen Charakter zurück. Die Topoi im Porträt des Ivan Alexander im Sofioter Pesnivec werden von *Elka Bakalova* nach den rhetorischen Anweisungen in Menanders Traktat "Περὶ ἐπιδειτικῶν" dekonstruiert. *Zlata Bojović* vergleicht zwei poetische Werke, die der Translation der Reliquien von Heiligen nach Dubrovnik nach dem Erdbeben von 1667 gewidmet sind, und publiziert eines davon, dasjenige von Nikola Bunić. *Mirjana Boškov* untersucht den Chronographen aus der Handschriftensammlung von Grigorovič (Moskau, RGB, Grigor Nr. 1711) und gelangt zur Schlussfolgerung, dass er in der selben Redaktion des serbischen Chronographen entstanden ist wie der Chronograph von Žitomislić (Belgrad, PB Nr. 327). *Ljupka Vasilev* identifiziert den Künstler Jovan als Illustrator des Psalters des Gavrilo Trojičanin (Wien, ÖNB, cod. slav. Nr. 83). *Zorica Vitić* beschäftigt sich mit den Abschreibfehlern in der Hilandarer Urkunde Stefans des Erstgekrönten und in der Služba des hl. Sava für den hl. Simeon. *Smiljka Gabelić* vertritt die These, dass die Inschriften auf den Fresken im Erzengel-

Michael-Kloster von Lesnovo (1346-1349) von Malern, und nicht von den Schreibern des Klosterskriptoriums stammen. *Lidija Gavrjušina* analysiert den dogmatischen Begriff "Angleichung an Gott" und seine poetische Interpretation in den hagiographischen Texten Domentians. *Nina Gagova* und *Irena Špadijer* vergleichen die Vita des hl. Peter von Koriše von Teodosije und die Vita des Ivan von Rila des Evtimij, und setzen sie mit der für dieses Genre paradigmatischen Vita des hl. Eremiten Antonius in Beziehung. Dem Artikel ist eine Beschreibung des Inhalts des Panegyrikons von Rila von Vladislav Gramatik aus dem Jahr 1479 angeschlossen, das die Vita des Evtimij enthält. Die Beziehungen zwischen Folklore und apokrypher Literatur sowie einige soziokulturelle Spezifika des apokryphen Schaffens bei den Slaven behandelt *Dimitrinka Dimitrova-Marinova*. *Mirjana Đurić-Tatić* stellt detailliert die göttliche Weisheit als zentrales Thema in dem von Despoten Stefan Lazarević erbauten Kloster Resava dar, und verweist auf einige Parallelen zu anderen serbischen Kirchen. *Klimentina Ivanova* identifiziert den Inhalt der Hs. Moskau, GIM Muz Nr. 3483 (1425), die auch als Bogorodičnik bekannt ist. Die Handschrift, die im Auftrag der Mara Leševa geschrieben wurde, wird mit einem Sammelband vom Beginn des XVI. Jh. – Nikoljac 53 – verglichen. Nach den Untersuchungen von *Živorad Janković* spiegelt die Beschreibung der Krönung Stefans des Erstgekrönten in der Vita des Teodosije eher die serbischen Hoffnungen auf Unabhängigkeit wieder als eine reale Unterstützung durch Rom, Byzanz und Ungarn. Eine Beschreibung eines bisher nicht bekannten serbischen Tetraevangeliums aus Dochiaru (Nr. 424) bietet *Biljana Jovanović-Stipčević* in ihrem Beitrag. *Tomislav Jovanović* veranschaulicht einige linguistischen Besonderheiten der Vita des Paulus von Caesarea in serbischen Abschriften vom Beginn des XVI. Jh. und aus dem XVIII Jh. *Yannis Kakridis* analysiert das utopische Uniaten-Projekt des Ipatij Potij, das er in seinem zweisprachigen (polnisch-russischen) Werk "Harъmonija alьbo sohlasie věry, sakramenъtov i ceremonej svjatoe Vostočъnoe cerъkvi s kostelom Rymъskim" veröffentlichte. Die dritte, älteste (aus dem Jahre 1520 stammende) und bisher unbekannte Abschrift der "Песма смрти", die vom Presbyter Kostadin angefertigt wurde, publiziert *Katarina Mano-Zisi*. *Roland Marti* und *Dušan Hajduk-Veljković* gehen den theoretisch möglichen Varianten der Texttradition von Übersetzungswerken nach, und sie veranschaulichen dies anhand der handschriftlichen Tradition des "Libellus de fide orthodoxa" des Michael Synkellos. Der Untersuchung ist die Edition der Abschrift in der Hs. HAZU III a 47 beigefügt. *Anisava Miltenova* vergleicht die älteste erhaltene südslavische Abschrift der Interpretation des Vaterunsers (Wien, ÖNB, cod. slav. Nr. 12, XIII. Jh.) mit seiner griechischen Entsprechung und gibt den Wiener Text mit Varianten der Moskauer Hs. (RGB, f. 256, № 6, XV Jh.) heraus. Eine analytische Beschreibung der Hs. Nr. 87 aus der Grujić-Sammlung (MSPC; XVII. Jh.), sowie eine Edition des Betkanons für den hl. Fürsten Lazar findet sich im Beitrag von *Predrag Miodrag*. *Aleksandar Mladenović* ediert zwei Urkunden des

Fürsten Lazar an Dubrovnik, die im Historischen Archiv der Stadt aufbewahrt werden. Die Geschichte der serbischen Schriftsprache im XVIII. Jh. wird von *Rosanna Morabito* im Kontext der kirchenslavischen Kultur unter besonderer Berücksichtigung der Werke von Zaharija Orfelin behandelt. *Aleksander Naumow* analysiert den Akafist zu Ehren der hll. Kyrill und Method, der im XX. Jh. im orthodoxen polnischen Kloster der "Hll. Brüder [Kyrill und Method]" (Gebiet von Przemyśl) enstand. *Georgi Petkov* korrigiert auf Grund der Untersuchung des Inhalts der Hs. Nikoljac 34 (zweite Hälfte des XIV. Jh.) die bisherige Auffassung, dass die ältesten Prologviten aus Trnovo nur in bulgarischen Abschriften bekannt seien. *Sreten Petković* entdeckt eine "umgekehrte Beziehung", die im Buchschmuck von alten, nach dem XVI. Jh. entstandenen Druckwerken, sowie in der Ornamentierung und in Miniaturen von bulgarischen und serbischen Handschriften, zum Ausdruck kommt. *Maja Petrova* vergleicht die fünf bekannten slavischen Abschriften der Vita der heiligen Sünderin Thais, wobei sie die altertümliche Sprache des Textes betont; ebenso weist sie auf einige Genre-Besonderheiten hin, die ihn zu einem Übergangstyp zwischen Kurzvita und Erbauungstext machen. *Miodrag M. Petrović* verfolgt die Deutungsversuche rund um die Identität der sogen. Bogomilen von Srebrenica im XV. Jh., welche in der Vita des Despoten Stefan Lazarević erwähnt werden, kommt jedoch zum Schluss, daß es sich dabei um zugewanderte Katholiken – Händler und Bergleute – handelt. *Sonja Petrović* ergänzt und korrigiert die Interpretationen des Topos "Sturz vom Pferd" in der mittelalterlichen serbischen Literatur und Folklore anhand einiger neuer Beispiele – Kraljević Marko, Sultan Musa und Fürst Lazar. Gestützt auf die Inschrift auf dem steinernen Hagiasma in der Nikolauskirche im Dorf Končulić äußert *Danica Popović* die Ansicht, dass dieses in Wirklichkeit ein Wasserbecken für das Fest der Epiphanie ist, und kein Taufbecken, wie man traditionell angenommen hat. *Tanja Popović* untersucht sprachliche, genremäßige und inhaltliche Transformationsprozesse des mittelalterlichen serbischen Erbes in den Werken von Laza Kostić, Momčilo Nastasije und Vasko Popa. *Radivoj Radić* und *Dušan Korać* berichten über wenig beachtete Nachrichten zur Geschichte von Belgrad im XIII. Jh. aus den Texten des flämischen Reisenden und Franziskaners Wilhelm von Rubruck *Janko Radovanović* beschreibt ein seltenes ikonographisches Motiv, den Kauf von Myrrhe durch die Sünderin auf einem Fresko in der Kirche "Bogorodica Ljeviška" in Prizren, ebenso ein verwandtes, jedoch viel beliebteres Motiv – die Fußwaschung Christi durch die Sünderin – in den Kirchen der Klöster Gračanica und Dečani. *Ninoslava Radošević* untersucht die geographischen Teile der Hs. Nikoljac 49 und verbindet sie mit der Übersetzertätigkeit des Konstantin von Kostenec. *Johannes Michael Reinhart* schlägt eine neue Lesung einer unklaren Stelle der Vita Methodii (Kap. 9) vor, der zufolge der mährische (*moravьskъ*) König als bayerischer (*bavorьskъ*) König interpretiert wird, wobei die Vermutung geäußert wird, dass sich dahinter Ludwig der Deutsche verbirgt. *Jelka Redžep* bringt neue Nachrichten über

den ungarischen Feldherren Janko (János Hunyádi) und die Schlacht von Varna aus der Chronik von Đorđe Branković. *Nikola Rodić* korrigiert die Meinung L'vovs, dass das Wort ѵасъ ein ostbulgarisches Lexem für griech. ὥρα ist, und zeigt, dass ѵасъ und година in serbischen Evangelien aus dem XII-XIV Jh. regelmäßig und häufig als Synonyme verwendet werden. *Sneћana Samardžija* analysiert die Symbolik im Lied "Пропаст царства српскога" vom Standpunkt der Beziehungen dieser Symbolik zu Folklore und Literatur. *Dimitrije Stefanović* untersucht redaktionelle Veränderungen in der Synaxarvita des hl. Sava innerhalb der Menäe von Titoš/Töttös aus dem XVI. Jh. und gelangt zum Schluss, dass diese Abschrift Spuren einer Redaktion aus dem XIV. Jh. verrät. Nach der Untersuchung von *Ana Stoykova* besteht der hymnographische Text für den hl. Georg in der Hs. HAZU III a 10 aus dem XVI. Jh. aus apokryphen Gebeten, die auf der ältesten apokryphen südslavischen Vita des Heiligen beruhen, und wahrscheinlich von einem serbischen Literaten kompiliert wurden. Eine neue serbische Abschrift der Liturgie des Evtimij für die Kaiserin Theophano nach der Hs. MSPC 180 ediert *Tatjana Subotin-Golubović. Boško Suvajdžić* untersucht die wissenschaftliche Biographie des großen serbischen Gelehrten Ilarion Ruvarac, dessen weitgefächerte Interessen sich auf Gebiete wie serbische Folklore, germanische Mythologie, Literaturgeschichte und moderne Historiographie erstreckten. Serbische und balkanische Heilige auf den Fresken in Studenica aus dem XVI Jh. Behandelt ausführlich *Branislav Todić*, er verbindet diese klösterliche Ikonographie mit einer weitreichenden künstlerischen und literarischen Tätigkeit dieser Epoche. *Ida Tot* behandelt die Änderungen, die Jagić in seine lateinische Übersetzung des *Slovo premudrago Josopa* eingefügt hat, um die slavische Übersetzung des griechischen Originals zu „verbessern". *Anatolij A. Turilov* verbindet die Karlowitzer Abschrift des grammatischen Traktats des Konstantin Kostenečki (Belgrad, PB 129, XVII. Jh.) mit der Aktivität der literarischen Schule von Etropole und äußert die Vermutung, dass die Handschrift als Geschenk des serbischen Patriarchen Gavrilo für eine hochgestellte Persönlichkeit während seiner Reise nach Moskau bestimmt war. *Milanka Ubiparip* kommentiert und publiziert die Notizen des "рабъ Иванко" in der Menäe des Bratko (NBS 647). Die Toponymie in den Notizen bulgarischer Schreiber aus dem XV.-XVII. Jh. wird von *Elena Uzunova* in mehrfacher Hinsicht untersucht, und zwar Oikonyme, von Ortsnamen gebildete Siedlungsnamen, von Adjektiven abgeleitete Toponyme usw. *Giorgio Ziffer* bestimmt weitere Quellen des Traktats des Černorizec Chrabr: er kann zeigen, dass dieser nicht nur die Scholien zum Werk "Τέχνη γραμματική" des Dionysios Thrax benützte, wie V. Jagić meinte, sondern auch das Werk selbst. *Brankica Čigoja* beschreibt die frühe Vokaliserung (erste Hälfte des XIII. Jh.) der schwachen Jerlaute (Halbvokale) in der Inschrift einer „Děvica" namens Maria aus Vidoštak bei Stolac. *Aksinija Džurova* und *Vasja Velinova* berichten über den fast unbekannten Literaten Papa Mavrudin Sofijalija aus dem XVIII. Jh., der einige Kodizes geschrieben hat,

die heute im Kloster Hilandar, im Gottesmutterkloster in Samokov, in der Nationalbibliothek Kyrill und Method in Sofia, in der Plovdiver Bibliothek sowie im „Hilandarer Zimmer" der Universität Ohio aufbewahrt werden. *Ljubica Štavljanin-Đorđević* beschreibt eine sprachliche Besonderheit in der Abschrift von Ilovica des Nomokanons des hl. Sava (1262) – die Verwendung des verdoppelten Jerlauts (üü) im Genitiv Plural der Substantiva.

Die imponierende Anzahl von Artikeln in dem besprochenen Sammelband, welche vielfältige Aspekte der Mediävistik behandeln, sind nicht nur ein deutlicher Ausdruck der Hochschätzung für den großen Gelehrten Prof. Đorđe Trifunović, sondern auch ein schönes Zeichen von zahlreichen und fruchtbaren freundschaftlichen Beziehungen. Das seinem Jubiläum gewidmete Werk spiegelt indirekt auch das enzyklopädische Wissen Trifunovićs wieder, da es zahlreiche Untersuchungen zu Literaturgeschichte, Linguistik, Textologie, Paläographie, Kunstgeschichte, Geschichte usw. enthält.

Irina Kuzidova

Georgi Vasilev. ***Dualist Ideas in the English Pre-Reformation and Reformation (Bogomil-Cathar Influence on Wycliffe, Tyndale, Langland and Milton).*** Publishers House Bulkoreni. Sofia, 2005. 212 pp.

This study argues that since the 12th century the presence of Dualist apocrypha in England is clearly denoted, right until the 17th and 18th (i.e. in the works of John Milton and William Blake), and that there was an infusion of a potent cultural and philosophical trends in English culture, trends which were founded on the basis of Dualist Bogomil-Cathar heresy.

The Dualist theology tells us that the universe is under the rule of two Gods – the Good God, and the Bad/Evil one (Satan, Lucifer), and the earthly world is created and predominated by Satan.

The Lollards with their iconography, the reformers John Wycliffe and William Tyndale, the poet William Langland, the apocryphal volume *Cursor mundi*, as well as the Anglo-Norman variants of *The Legend of the Tree of the Cross* and *Les enfaunces de Jesus Christ*, are all profoundly keen to the word in John Milton's great poems *Paradise Lost* and *Paradise Regained*. All they converge within this time span, in a rich blend of ideas and strongly perceptible imagery or cognitive concepts. Yes, we are faced with a chain of dualist events, works and outstanding individuals who frequently reach the pinnacles in English culture.

Anissava Miltenova

LEIMWN PNEUMATIKOS. ***Pratum spirituale. A facsimile edition (cod. Florentinus mediceus laurentianus, plut. x, 3).*** Edited and intriduced by Evgueni D. Zashev. Tekst-konsult, Sofia, 2005, 352 pp.

The aim of this edition is to present one of the versions of the work *Pratum spirituale*, created by the early medieval Byzantine writer John Moschus. According to the unanimous opinion of all modern scholars, this is the most complete and relevant version, known up to now. This version is contained in a Greek manuscript, preserved in the library of Lorenzo Medici in Florence: ***Florentinus Mediceus Laurentianus, Plut., X, 3 (F)***. All the observations in the study are based on a monochromatic microfilm copy of the codex.

The publication is aimed mostly at the scholarly community of the researchers in Slavic Studies, because the Florence version appeared to be the only copy with identical content and sequence to the single full version of the Slavic translation of Moschus' work, contained in the so-called Sinai Paterikon: Ms. No. 551 (11th century) from the Collection of the Holy Synod in the State Museum of History in Moscow (*Sin 551*). A purpose of the edition is to enable the easiest possible access to the text of *Pratum spirituale* as a whole and to its composing parts. To this effect, in the introductory study one could find a chapter, representing the incipita of the 301 chapters and the corresponding leaves of the manuscript with corresponding parallels from PG 87. Further, the Greek codex and the Slavonic Sinai Patericon are juxtaposed. The book provides an index of personal namesand an index of toponyms

The publication of the work will certainly also be useful for a broader circle of researchers, who might be interested in John Moschus and *Pratum spirituale*. In the study preceding the phototype edition the author has attempted to introduce the basic literary and cultural context within which the version of the Florence manuscript should be placed. The author presents the path, which led him to this interesting and unusual work of the Byzantine literary heritage, summarizes and popularizes the data on the writer's curriculum. There is also an attempt to reveal the literary nature of the work *Pratum spirituale* and to underline its leading characteristic features: spiritual benefit, historicity and popularity.

Anissava Miltenova

SCRIPTA
&e-SCRIPTA
3-4 / 2005 - 2006

NEW BOOKS

Margaret Dimitrova

2001

Cyrillo-Methodiana in honorem Aemiliae Bláhová et Venceslai Konzal, vydaly Zoe Hauptová, Eva Šlaufová. *Slavia*, 70, 2001, 3-4. Praha, Euroslavica, 2001, 531 str.

This festschrift contains 24 articles (16 written in Czech, 3 in German, 2 in Serbian, 1 in Russian, 1 in Polish, and 1 in Italian). Most of the articles deal with medieval Slavonic lexis: there are articles on *večnъ*, *prisnъ*, *žiznь*, *pivo*, *snetь*, *aminь*, *pravo*, *plenъ*, *goveti*, *plъnije*, and also on lexical archaisms in Croato-Glagolitic sources, on nouns denoting money, on Latin loanwords in the Dečani 111, and on lexical peculiarities of Černorizec Xrabr's *O pismenexъ*. An article is dedicated to etymology, lexis and syntax, other on the adjectives in *–jь, -ьjь*, and another on *jako recitativum* in medieval Slavonic texts. Further, there are papers analysing particular texts and manuscripts, such as the translation of Minor Prophets, early Slavonic hymnography, St. Savva of Serbia's Psalter, gospel quotations preceding homiletic texts in the Temporal of 13th-15th century Croato-Glagolitic Breviaries, and Franciscus Skorina's Apostolos of 1525. H. Keipert views "Old Church Slavonic" as a construct and V. Vavřinek discusses rulership of Boris I, Rastislav, and Vladimir from the perspective of the idea of the "new Constantine".

2003

АТАНАСОВ, Асен. ***Византийски музикални ръкописи в България. Репертоар. I. Средновизантийски стихирар XII-XIV в.*** [*Byzantine musical manuscripts in Bulgaria: A Repertory*. Vol. I, *12th–14th Century Sticheraries*.] Научен център за славяно-византийски проучвания "Иван Дуйчев" към СУ "Св. Климент Охридски". Series Catalogorum VIII. Българска академия на науките. Институт по изкуствознание. София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски", 2003, 297 стр.+ 16 ил.

This book studies the *stichera* in the 12th–14th-century manuscripts kept in Ivan Dujtchev Centre for Slavo-Byzantine Studies (Sofia) and in the Church Historical and Archival Institute (Sofia). The material is arranged under the Church Calendar (movable and immovable feasts): for every feast starting from September 1 the incipit of the *sticheron*, its Slavic counterpart and its place in the manuscripts examined are given. There are also given the incipts of *stichera* in the *Octoechos*. Further, the Church Calendar according to the Greek manuscripts is represented. There is an index of the liturgical function of the *stichera*, an alphabetical index of the incipits, and an index of the personal names attested in the sources examined.

Будапещенское евангелие. **Среднеболгарский памятник XIII–XIV века** *[Budapest gospel. A Middle Bulgarian manuscript dating from the 13th–14th century]*, изд. И. Заимов, И. Х. Тот, Г. Л. Балаж. Сегед, Szegedi Tudomanyegyetem, 2003, 416 стр.

This is an edition of the 13th–14th -century Bulgarian *Tetraeuangelion* kept in Budapest. The description of the palaeography and orthography is made by Imre H. Toth, while the morphological analysis is done by G.L. Balacz. There is a table of the lections according to Church Calendar made by Ekaterina Dogramadžieva and a list of gospel readings and commentaries executed by Mihaly Kocsis.

Кирило-Методиевска енциклопедия *[Cyrillo-Methodian Encyclopaedia]*, гл. ред. Лиляна Грашева. Том. 3 (П–С), 794 стр.; Том 4 (Т–Я), 750 стр. София, Академично издателство "Марин Дринов", 2003.

These are the last two volumes of the Cyrillo-Methodian encyclopedia which include extensive and precise information on the primary sources concerning the activities of SS Cyril and Methodios and their disciples, on the historical and cultural context of the early Slavonic written culture, and on the scholars dealing with these problems.

RIBAROVA, Zdenka. ***Indexy k Staroslovenskému slovníku*** [*Indexes to the Old Church Slavonic Dictionary*] Praha, Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2003, 242 pp.

This book is a useful lexicographical tool for studying the lexis of the earliest Slavonic sources (most of them are of Bulgarian origin). It contains 8 indexes to a revised and extended version of *Staroslavjanskij slovarь (po rukopisjam X–XI vekov)* based on 24 sources, including the newly discovered ones. The book offers the

following indexes: Index of headwords with lexemes' frequency (the source is given in case a lexeme is attested only once); Index of the new headwords (here are given cases of change of a headword chosen in the 1st edition of *Staroslavjanskij slovarь*); Index of variant forms of headwords (it allows to study the variation in the early period, particularly in the adaptation of loanwords); Index of homonyms; Index of reflexive verbs; Index of proper names with their frequency; Reverse index; and Index of frequency: here one finds a list of lexemes that appear only in one manuscript (the index is arranged under the sources), a list of lexemes that appear in 2 sources, then in 3 sources, etc.

ШИШКОВ, А. М. ***Средневековая интеллектуальная культура*** *[Medieval intellectual culture]* Москва, Издательство Савин С. А., 2003, 592 стр.

The author of this book appoaches medieval intellectual culture through the life and activities of people of the «second role». He focuses not only on philosophers and theologians but also on medieval monks. He analyses the ancient heritage in medieval culture. A chapter is dedicated to translations and their role in the twelfth and thirteenth centuries. Further, a chapter deals with medieval knowledge about nature and rational tendencies. Problems of the transition from medieval to modern times are also discussed. The book ends with an essay on the metaphysics of light. (Irina Morozova)

2004

АРЦИХОВСКИЙ, А. В. ***Древнерусские миниатюры как исторический источник*** *[Old Russian miniatures as a historical source]* Томск, М. Водолей, 2004, 352 стр.

The book of the famous Russian historian and archeologist is a result of the study of thousands of book miniatures. The author draws conclusions about the medieval Russian masters of miniatures as people having knowledge on various aspects of human life, including on national customs and economical activities. (Irina Morozova)

БИЛЯРСКИ, Иван. ***Покровители на царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка*** *[Saintly patrons of the kingdom. St. Tsar Peter and St. Parasceve-Petka]* София, Вулкан-4, 2004, 111 стр.

This book views the cults of St. Peter, the Bulgarian tsar, and St. Petka of Epibatai in the context of royal ideology. The two cults are compared with the cults of St. Constantine the Great and Theotokos which were the two main cults with political significance in Constantinople.

БРУНИ, Алессандро Мария, ***Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы. / Θεολόγος. I codici slavi anitichi delle Orazioni di Gregorio di Nazianzo ed i loro prototipi bizantini.*** Москва – Санкт-Петербург: Российская Академия наук, Институт всеобщей истории, 2004 (Россия и Христианский Восток, Библиотека, выпуск 6), 255 pp.

The young scholar's study is based on the evidenvce of numerous Greek, Slavonic, Gerorgian, Syriac and other manuscripts from the 9th to the 18th century containing the Homilies of the Gregory of Naziansus. The book is divided in two main parts, "Древнейшая славянская рукопись Слов Григория Назианзина и ее византийские прототипы (РНБ, Q.п. I.16, XI в.) ["The Oldest Slavonic Manuscript of the Homilies of Gregory of Naziansus and its Byzantine prototypes"] (pp. 27–86) and "Славянская литургическая коллекция 16-ти Слов Григория Назианзина и ее византийские прототипы" ["The Slavonic Liturgical Colections of 16 Homilies of Gregory of Naziansus and its Byzantine prototypes"] (pp. 89–204), each of which is subdivided into three chapters. They are followed by an Addition where for the first time is published the Slavonic text of Niketas of Herakleia's *Preface* with its parallel Greek version (pp. 206–230). After the Conclusion the reader can find the Summary in Italian.

As the author points out, his is not only the first monograph on the Slavonic manuscript tradition of the Homilies, but it is also the first, and successfull, attempt to combine the textological analysis with the achievements of the modern Greek palaeography. By using this fruitful research method he has been able to affirm the paramount importance of the Slavonic manuscripts as witnesses to the original Byzantine tradition. (E. Mussakova)

ВИТЛЯНОВ, Стоян. ***Военноадминистративни сгради от двореца във Велики Преслав, IX–X век*** *[Buildings of military administration in Great Preslav in the 9th–10th centuries]* София, Академично издателство "Марин Дринов", 2004, 167 стр.

This book reports on the results of archeological excavations made in the inner town of the medieval Bulgarian capital Preslav. Two big buildings are identified as buildings which served the military administration of the First Bulgarian Kingdom.

ГАГОВА, Красимира. ***Кръстоносните походи и средновековна България*** *[The crusades and medieval Bulgaria]* София, Унив. Издателство "Св. Климент Охридски", 2004, 298 стр.

The author discusses the crusades from the point of view of the Bulgarian history. Both political relations and contacts of the local population with the knights are viewed. The image of the Bulgarian lands in foreign sources is outlined.

Герменевтика древнерусской литературы *[Hermeneutics of Old Russian Literature]* Выпуск 11. Общество исследователей древней Руси, отв. ред. М. Ю. Люстров. Москва, Языки славянской культуры, Прогресс–Традиция, 2004, 912 стр.

This volume contains 30 papers (all written in Russian) on the medieval Russian original literary compositions, on Old believers' literature, on Priest Avvakum's imagery, on calendars and calculations in medieval Rus', on Russian-Swedish and Russian-Turkish literary contacts. A special section is dedicated to saints' *vitae* and monastery legends, another one – to Russian chronicles, and a third one – to Russian charters and epistles. Three papers deal with *Slovo o polku Igoreve,* in particular with its sources, its place in the context of Old Russian Literature, and with the expressions *ponizit' stjazi* and *uže bo vyskočiste izъ dednej slave*.

ГЮЗЕЛЕВ, Васил. ***Апология на Средновековието*** *[Apology of the Middle Ages]* София, Класика и стил, 2004, 169 стр.

This book contains several etudes on the perception of the Middle Ages in the modern times. The author analyses the character of the Middle Ages and their role for European civilization. Further, he discusses different scholarly approaches towards this period. Also, he dedicates a chapter to the Bulgarian medieval history.

Древнерусское изкусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. [*Old Russian Art. Art of the Manuscript. Byzantium. Old Rus'.*] Отв. ред. Э. Добрынина. С.-Петербург: "Димитрий Буланин", 2004, 480 pp.

This long-expected book is the next volume of the well-known series *Древнерусское изкусство* [*Old Russian Art*] and contains the full versions of papers read at the international conference under the same title, held in the Institute of Art Studies in Moscow in 1998, together with other papers on the topic. The interdisciplinary character of the edition is due not only to the selection of participants but also to their approaches to the subjects. I. Lozovaja and B. Fonkič explore the liturgical content of the Xludov Psalter ("О происхождении Хлудовской псалтири/ On the Problem of the Khludov Psalter Origin"), pp. 7–20, E. Smirnova has studied the Psalter of Gertrude ("Миниатюры XI и начала XII в. в молитвенике княгины Гертруды. Программа, датировка, мастера/ The miniatures in the Prayer Book of Princess Gertrude. Program, Dates, Painters"), pp. 73–106. The Byzantine miniature is represented by O. Popova "Греческий иллюстрированный кодекс (Евангельские чтения) второй половины X в. из Парижской Национальной библиотеки (Coislin 31)/ The Greek Illustrated Lectionary From the National Library in Paris (Coislin 31)", pp. 45–72, I. Hutter "Some Aspects of Byzantine Manscript Illumination Reconsidered", pp. 21–44 and L. Lifšic "Новый памятник византийской книжной миниатюры XII в./ The 12th Century Unknown Byzantine Miniature", pp. 164–172, while M. Pankova deals with the Byzantine ornament ("Эмальерный стиль византийского орнамента греческих рукописей X–XIV вв./ Enamel Style Byzantine Ornament of the Greek Manuscripts 10th–14th Centuries", pp. 182–197). More authors has inquired the local production of different workshops or scribal schools within the Byzantine sphere: E. Dobrynina "Художественная продукция скриптория монастыря Одигон/ The Art-production of the Hodegon Scriptorium", pp. 199–220, A. Saminskij "Грузинские и греческие рукописи третьей четверти XI в. из области Антиохии/ Georgian and Greek Illuminated Manuscripts From the Region of Antioch (1050's–1070's)", pp. 129–148 and "Оклад Лабскалдского Евангелия – грузинский константинопольской рукопси второй четверти XII в./ The Binding of the Labskaldy Gospels – a Georgian Constantinopolitan Manuscript of the Second Quarter of the 12th century", pp. 245–261, L. Evseeva "Проблема образцов в византийском искусстве и рукописи Монтекассино около 1072 г./ Problème des modèles dans l'art byzantin et dans le manuscrits de Montecassin vers 1072", pp. 107–128, X. Muratova "Англия и Сицилия в XII в.: к вопросу о циркуляции художественных моделей/ La Sicile et l'Angleterre au XIIe siècle: a propos du problème de la circulation des modèles artistiques", pp. 149–163. The Byzantine influence on the Slavonic manuscript production is discussed by E. Uxanova ("К вопросу о происхождении принципов оформления глаголических рукописей X–XI вв./ On the Problem of Sources of Glagolitic Manuscript Decoration", pp. 221–244) and E. Moussakova ("The Illuminated Old-Bulgarian Lectionaries in the Light of Their Probable Byzantine Models./ Иллюстрированные древнеболгарские

апракосы в свете их возможных византийских образцов", pp. 277–289). To a single miniature in a famous Slavonic codex is dedicated the paper of R. Stichel "Загадочная миниатюра Мюнхенской сербской псалтири/ Ein Ausspruch des Heraklit gegen das Opferwesen", pp. 319–334. Nine authors represent various aspects of the Russian manuscript tradition: T. Anisimova "Троицкий стисок Хроники Георгия Амартола (приписки на миниатюрах и на полях рукописи)/ The Tver Copy of Chronicle of Georgius Hamartolos (The Inscriptions on its Miniatures and Marginalia)", pp. 290–318, A. Frjuxtel "Оформление псковских рукописей конца XIV–первой четверти XV в., написанных дьяконом Лукой/ Die Dekoration des /sic!/ Pskow Handschriften von Diakon Luka (Ende 14.–Anfang 15. Jahrhunderten /sic!/), pp. 336–341, N. Petrova "Инициалы лицевого Евангелия Успенского собора Московского Кремля. Результаты исследований в процессе реставрации/ Initials of Illuminated Gospel From the Moscow Kremlin Uspensky Cathedral. The Results of Investigations During Conservation Treatment", pp. 342–362, M. Orlova "О некоторых типах орнаментов в рукописях и монументальной живописи Древней Руси XIV–XV вв./ About Some Types of Ornament in Manuscripts and Murals of Ancient Russia in the 14th–15th Cent.", pp. 363–372, A. Turilov "К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (Проблема Христофора)/ On History of the Library and Scriptorium of Kirillo-Belozersky Monastery in the First Third of the 15th Century (article 1: Christofor's Problem), pp. 373–390, V. Sorokatyi "Новгородская миниатюра начала XVI в. из собрания Музея им. Андрея Рублева/ Novgorod Book Miniature of the Beginning of the 16th Century From the Collection of the Museum Andrej Roublev", pp. 391–398, E. Serebrjakova "О миниатюрах Псалтири с восследованием 30-х гг. XVI в. из собрания ГИМ (Син. 709)/ About the Miniatures of the Synodal Psalter of the First Third of the 16th Century (SHM Syn. 709), pp. 399–416, N. Kvlividze "Лицевой летописный свод и Годуновская Псалтирь 1591 г. Отражение иконографии миниатюра в монументальной живописи и иконописи конца XVI в./ The Illustrated Chronicle Cod /sic!/ and Godunov's Psalter of 1591. The Influence of Iconography of Miniatures in Frescoes and Icon Painting of the Second Half of the 16th Century, pp. 417–430, the next three authors being concerned with more specific topics – I. Sterligova "О лицевых окладах древнерусских напрестольных евангелий XII-первой половины XIV в./ About the Old Russian Book Covers of the 12th-First Half of the 14th Centuries", pp. 263–275, A. Sirenov "О бумаге списков Годуновской Псалтири и Степенной книги/ On the Problem of the Origin of Houdonov Psalters (1594–1600)", pp. 431–441 and A. Konotop "Песнопения строчного многоголосия в богослужебной практике XVI–XVII вв./ Russian Line Polyphony in Liturgical Practice of the 16th–17th Centuries", pp. 442–452.

In the volume are included the bibliography of articles on Byzantine and Old Russian art, published in the Annual *Памятники культуры. Новые открытия* [Monuments of Culture. New Findings] for 1974–2001, pp. 453–460, a table of the shelf-numbers of the manuscripts, according to the repositories and funds, and a list of the illustrations. (E. Mussakova)

ЛАЛЕВА, Таня. ***Севастияновият сборник в българската ръкописна традиция*** *[The Sevastijanov Sbornik in the Bulgarian manuscript tradition]* София, Полис, 2004, 312 стр.

The author makes an edition of the early 14th-centiry miscellany kept in Moscow, in Russian State Library, Sev. II. 41/ M. 1467. She analyses its contents, palaeography, orthography, and language in comparison with the Old Bulgarian and with Middle Bulgarian sources.

МИЛТЕНОВА, Анисава. ***Erotapokriseis. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература*** *[Erotapokriseis. Compositions of short questions and responses in Old Bulgarian Literature]* София, Дамян Яков, 2004, 574 стр.

The study on the erotapokritical texts (*quaestiones et responsiones*) is made in the context of the original and translated Slavonic texts which are representative for the profane literature from the period of the First Bulgarian Kingdom until the Early National Revival. The book provides the reader with detailed archaeographical data on Balkan Cyrillic manuscripts (and in some cases Croato-Glagolitic) containing such compositions as *Commentary on the Lord's Prayer*, *Constitution of the [Holy] Words*, *Quaestiones et responsiones about the Creation of Adam*, *Razumnik*, *Razumnik-Ukaz*, and dialogues between St. Basil the Great and St. Gregory the Theologian. The author differentiates the initial translations from their further revisions and new compilations made of the existing translations. Proper attention in the book is paid to the Greek and Latin medieval traditions of *erotapocriseis*. The Byzantine works are systematized according to their textual structure and Miltenova discovers partial analogies with Slavonic versions.

The book provides an edition of Slavonic translations and compilations. Each one of the six texts published [*Commentary on the Gospel Parables; Constitution of the [Holy] Words; Razumnik, Questions of St. Ephraim, Comments on Church Utensils*, and an anonimous compilation according to a miscellany from Samokov] in the appendix is compared to other versions. (Irina Kuzidova)

Россия и греческий мир в XVI веке *[Russia and the Greek world in the sixteenth century]* Том.1, отв. ред. С. М. Каштанов. Москва, Наука, 2004, 527 стр.

This book contains description and edition of 16th-century documents, mainly charters and other acts, shedding light on Russian – Greek contacts. There three useful indexes: an index of personal names, an index of place names, and an index of terms and titles.

Россия и Христианский Восток *[Russia and the Christian East]* Выпуск II-III. Москва, Индрик, 2004, 688 стр.

This book is a collection of articles on the political and cultural relations of Russia and the Christian lands in the East. Most of them deal with the 15th–20th centuries and only some of them touch the modern times. (Irina Morozova).

Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии *[The handwritten book of Old Rus' and Slavic countries: From codicology to textology]*, отв. ред. А. А. Романова. Москва, "Дмитрий Буланин", 2004, 224 стр.

This book contains 14 articles, all in Russian, on the methods of description of manuscript covers and binding, on medieval chronicles and literary centres among East Slavs, and on the cult of Prince Mstislav among South Slavs. Several articles deal with late medieval Russian texts and manuscripts.

ТОДОРОВА, Олга. ***Жените от Централните Балкани през османската епоха (XV-XVII век)*** *[The Women from the Central Balkans in the Ottoman Period (15th–17th centuries)]* София, ИК "Гутенберг", 2004, 515 стр.

This book compares the life of the women in Muslim and Christian communities living on the Balkans in the Ottoman Empire. It opens with a survey of general Islamic doctrines and practices concerning women and further reveals the female world during the three centuries of the Ottoman domination on the Balkans. Marriage, motherhood, female work, possessions, social roles, and public activities are discussed. The status of women is viewed through the study of published and unpublished Ottoman, western, and Bulgarian sources. It is shown how the Islamic religious law, Christian canon law, Ottoman secular law and Bulgarian and Turkish

customary laws shaped the position of women in the family and society. A chapter is dedicated to the Islamisation of Christian women in the *Pax Ottomanica*.

Хиландарски зборник *[The Hilandar Zbornik]*. Т. 11, уредник Војислав Кораћ. Београд, Српска Академија наука и уметности, Хиландарски одбор, 2004, 352 стр.

This book has 19 articles (most of them in Serbian) on medieval Serbian and Balkan history and culture. Most of the papers are dedicated to monastic culture. Several papers deal with the Hilandar Monastery, in particular with the Serbian women rulers who were patrons of it, with the tomb of St. Simeon of Serbia in it, with frescoes in the church of St. Basil there, with a Hilandar Diptychon and with a dispute on the monastic estate of Kakovo on Chalcidice. Manuscripts kept in the Hilandar Monastery are also studied, viz. prayers in Hilandar parchment sources and hymnographic texts of Philoteios Kokkinos in some Hilandar manuscripts. Further, the 14th-century monk Jakov from the Hilandar Monastery is focused on. The Litourgiarion of Simeon and the Karyes Scriptorium are discussed. An article addresses Varlaam of Calabria's composition *Against the Latins*. Other Balkan monasteries are viewed also, viz. the monastery of St. Niketas near Skopje; the Iviron Monastery on Mount Athos and Konstantin Dragaš; a Thessaloniki monastery dedicated to Theotokos; and the Archives of the Monastery of Xeropotamou. Two articles deal with two vakfiyes of Mara Branković and medieval charters in the Shari'ah court, respectively.

Хризограф. Сборник статей к юбилею Г. З. Быковой. / Chrysograph. Gatherings in Honor of G. Z. Bykova. Москва: Издательство "Сканрус", 2003, 366 pp.; *Хризограф.* Вып. 2. / *Chrysograph.* Vol. 2. Москва: Издательство "Сканрус", 2005, 334 pp.

Compiled and edited by Elina Dobrynina, the two volumes, of which the first is dedicated to the prominent Russian art-restorer Galina Bykova, comprise papers mainly on mediaeval manuscripts with art historical value but other artistic media like printing, fresco or icon painting are also taken into consideration.

In the first volume several authors deal with the problems of restoration and technology of painting (Natalija Petrova, Vladimir Kučkin, Inna Mokrecova, Valerija Mefodieva). The style and method of work are discussed by Lev Lifšic and Vladimir Sarabjanov, while only one article is of a textological aspect (Tatjana Anisimova). Individual codices, with their palaeographical characteristics, the illu-

mination included, are represented in the articles of Olga Knjazevskaja and Larisa Korobenko, Emilija Šulgina and E. Dobrynina. However, the most numerous are the publications concerned with the paleographical and codicological attribution of manuscripts (Alexander Lifšic, Engelina Smirnova, Anna Jakovleva, Genadij Popov, Anatolij Turilov, Maja Naumova, Elena Serebrjakova, Yurij Gribov, Boris Fonkič). The article of Irina Sterligova is concerned with a precious book-cover.

Having almost the same structure, the second volume gives more space for articles on textological subjects (T. Afanasieva, Elena Uxanova, Ljudmila Moškova) at the expence of the "pure" codicological issues, offered only by G. Bykova. As in the first volume the prevalence is given to articles focussing on the attributive methods, of which those of A. M. Bruni, A. Turilov and Elissaveta Moussakova explore the paleographical and/or codicological characteristics of single or groups of monuments, while those of E. Smirnova, L. Lifšic, E. Dobrynina, Georgi Parpulov and Valery Igošev are examples of art historian analysis of miniatures and icons. More specific is the paper of Irina Lebedeva, establishing the models of certain late miniatures. Of descriptive character are the articles of E. Šulgina and Žanna Ivanova, dedicated to particular monuments. B. Fonkič, A. Lifšic and Sergej Žemaitis are concerned with the archeography of some collections or single manuscripts. The second volume is further supplied with reviews of the latest books of Maria Luisa Agati and A. M. Bruni (see above) and the three-volume edition of Aliza Cohen-Mushlin. It also includes the congratulation for the 85th Anniversary of Olga Aleksandrovna Knjazevskaja.

The same way as the objects studied by the scholars cover the large time span between the early Middle Ages and the Modern times, the applied research methods vary between the classical and the innovative ones. Among the individual monuments represented in the two volumes it is worth mentioning such well-known and important art-pieces like the Izbornik of Svjatoslav of 1073, the Four Gospels of King Georgi Terter of 1322, The Kiev Psalter, Xitrovo Gospels and Koška Gospel Lectionary. No doubt, to the quality of representation of these and the other, less- or unknown, monuments, brings the considerable number of excellent color and black-and-white illustrations. (E. Mussakova)

ХРИСТОВА, Боряна, Даринка КАРАДЖОВА и Елена УЗУНОВА. ***Бележки на българските книжовници. Т. 1. X–XV век*** (с предговор от Божидар Райков) *[Notes of Bulgarian scribes. Vol. 1. 10th–15th centuries]* (with an introduction by Božidar Rajkov)] София, Народна библиотека "Св. св. Кирил и Методий", Археографска комисия, 2003, 248 стр.; ***Т. 2.***

XVI–XVIII век *[Vol. 2. 16th–18th centuries]*. София, Народна библиотека "Св. св. Кирил и Методий", Археографска комисия, 2004, 388 стр.

Each volume consists of four sections. In the first section, the colophons and marginal notes are published in their original language and information on their date and location is provided. In the second section, a translation into modern Bulgarian is given. The third section offers the commentaries of the editors on the scribes, manuscripts, historical and cultural context. The fourth section contains reproductions (of excellent quality) of some of the notes. The first volume contains 153 scribal notes, while the second one – 513. The two altogether have more than 90 reproductions. The second volume ends with indexes of personal names, of place names, of concepts, and of scribes.

Црквене студије. **Годишњак Центра за црквене студие** *[Church Studies. Annual of the Centre for Church Studies]*. Т. 1. Ниш, 2004, 393 с.

This volume contains theological studies on human nature; on time and space; on eternity; on the philosophy of John of Damascus; and on Gnosticism. There are several articles on medieval Slavonic writing and culture, such as on St. Benedict in Orthodox Slavic culture; on the *Vita* of Petar Koriški; on the Cyrillo-Methodian heritage in early Serbian sources; on the confessional texts in Serbia and Rus'; on the lexis of the translation of George Hamartolos' Chronicle; on the lexis denoting church inventory; on *vitae* and homilies in manuscript no. 304, kept in Russian Academy of Sciences; and on some other issues. Also, texts by Nikon of Jerusalem, by bishop Nikolaj Velimirović, and by metropolitan Michael are focused on. There are articles on Stefan IV Uroš, on archbishop of Oxrid Nikola in the mid-14th century, on ethno-confessional phenomena in the 17th century in Podravina. Four papers deal with Christianity and medicine, with epilepsy of saints, and with monastery hospitals in medieval Serbia.

ЧЕРНЫЙ, В. Д. ***Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы, методы изучения*** *[Medieval Russian miniature: Trends, Problems, and Methods of Study]* Москва, РОССПЭН, 2004, 592 стр.

The author makes an attempt to interpret different approaches towards the miniatures in medieval books. First, he deals with the beginning of the scholarly interest in the 18th and 19th centuries. Further, he analyses different trends and methodological paradigms at the end of the 19th century and in the 20th century. The last

chapter discusses the level of integration of various methods in the present-day scholarship. (Irina Morozova)

***Bollettiono della Badia Greca di Grottaferrata.* Vol. 1.** Roma, Terza serie, 2004, 320 pp. + 10 ills.

This volume contains 11 articles (6 in Italian, 4 in English, and 1 in Greek) which concern the following issues: the history of the Grottaferrata Monastery in 1463-1824 according to archival sources; a seventh-century catena of Old Testament quotations in Greek written on the apsidal arch of *Santa Maria Antiqua* in Rome as a reflection of the readings of Good Friday in the Hagiopolyte/ Sabaitic Liturgy; Byzantine patriarchal documents (from the 11th to the 15th century) kept in St. John the Theologian's Monastery in Patmos; unedited liturgical canons in Greek manuscripts kept in Bulgarian libraries (an *incipitarium*); peculiarities of the Cypriot manuscript, *Euchologion* Karditsa *Korones 8*; saints anchorites and founders of monasteries in medieval Bulgarian tradition; *translationes* of relics of the Serbian saints Symeon and Sava; comparison of Byzantine and Gregorian chants; catacomb "Ad decimum"; *Vita* of St. Leone Luca of Corleone, Sicily (9th-10th century); and the function of the great and small *omophoria* (parts of episcopal vesture) in the Orthodox churches.

Glagoljica i hrvatski glagolizam [*Glagolitic alphabet and Croatian Glagolitic written culture*] Sbornik radova međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb–Krk 2.– 6. listopada 2002), uredili Marija-Ana Dürrigl, Milan Mihaljević, Franjo Velčić. Zagreb, Krk, Staroslavenski institute, Krčka buskupija, 2004, 736 str.

This book contains 58 papers (37 in Croatian, 7 in German, 3 in Czech, 3 in English, 3 in Russian, 2 in Bulgarian, 1 in Italian, 1 in Polish, and I in Slovene) given at the International Conference dedicated to the 100th anniversary of the Slavonic Academy on Krk and the 50th anniversary of the Old Slavonic Institute in Zagreb. It was held 2-6 October 2002 in Zagreb and Krk. Several papers in the volume deal with the role of the Slavonic Academy and Old Slavonic Institute as well as with the contributions of particular people to the preservation and study of the Glagolitic heritage, such as Josef Dobrovský, Franjo Rački, Ivan Feretić, Nikola Žić, Josef Vajs, Biserka Grabar, and Josip Tandarić. Radoslav Katičić's paper views Croatian Glagolitism in the context of Croatian culture in general. Mile Bogović puts forwards new hypothesis on the use and origin of Glagolitic in Croatian lands before 1248.

Francis Thomson reveals the influence of the Glagolitic (Latin) rite on the decision of the Council of Trent about the use of the vernacular in the liturgy. Leszek Moszyński discusses the presence of Glagolitism in medieval Poland. Many papers deal with the origin, inventory, and alterations of the Glagolitic alphabet during the centuries; in particular there are studies of the letters denoting consonants in the Glagolitic alphabet; of the possible reforms of it; of the Glagolitic palaeography, periodisation, and classification; of the forms of the Glagolitic letters in the Kiev Folia; of the form of letter *отъ* in the *Psalterium Sinaiticum;* of the role of the newly discovered Glagolitic manuscripts on Mount Sinai; of the Bamberg Glagolitic *Abecenarium*; of particular scribes; of the interaction between Glagolitic and Cyrillic in Bulgarian lands, and between Glagolitic and Latin script in Croatian lands. Particular attention is paid to the Glagolitic manuscripts kept in the National Library in Zagreb, to Glagolitic fragments in Kapuchin monasteries, to Glagolitic inscriptions in Slavonia, to the Croatian Glagolitic amulet in comparison with Cyrillic amulet books and texts, to medical texts in Croatian Glagolitic sources. A group of papers sheds light on the textual features of the biblical lections in Croato-Glagolitic liturgical books, such as the Old Testament pericopes in breviaries, the Books of Daniel and of Esther in breviaries and missals, the Nicodemus Gospel, and Apocalypse. Further are discussed the translation and revisions of homilies, *Acta Johannis*, and texts for Franciscan saints and for St. Martin in Croatian milieu. Another group of papers discusses linguistic characteristics of Croato-Glagolitic manuscripts, viz. the interaction of the literary language and the vernacular; the archaisms and innovations in the *lexis*; its influence on Old Czech; the grammar of the oldest fragments; the adverbs in the *Istarski razvod*; the syntax in the *Senj Korizmenjak*; vernacular feast names in liturgical sources; the morphology of the Levaković Missal and M. Karaman's missal and breviary; and the language of Levaković's editions. Frane Paro sheds light on the *ars impressoria* in the *Editio princeps* of 1483, while Izak Špralja elucidates the chanting of the *glagoljaši* by studying the *introitus*. Every article is provided with an abstract in its original language and in another language as well as with keywords.

Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce. Katalog *[Church Slavonic manuscripts in Poland. A Catalogue]* Opracowali Aleksander Naumow oraz Andrzej Kaszlej przy współpracy Ewy Naumow i Jana Stradomskiego. Kraków, Scriptum, 2004, 572 pp.

The catalogue (written in Polish), includes descriptions of 1064 Slavic manuscripts kept in different libraries in Poland. The books are arranged by type in alphabetical order. The manuscript description includes: type of the manuscript, date,

place in which it is kept, old and new signatures, number of folios, dimensions, manuscript damage, history of the manuscript. There is also information on covers, binding, and illumination. Further, the description of manuscript contents follows, the Slavic saints being mentioned. The most important information contained in the scribal notes is given but they are not reproduced in their original language. It is useful that there is an index of the texts identified in the manuscripts described (the titles are given in their original language with Latin transliteration). Indexes of personal names and of place names as well as a concordance of manuscript signatures arranged by town and library are provided.

2005

***Acta palaeoslavica*. Vol. 2. *In honorem professoris Angelinae Minčeva*.** (eds. Margaret Dimitrova, Petko Petkov, Iskra Hristova). Sofia, Heron Press, 2005, I–XVIII + 232 pp.

This festschrift includes introductory words about Professor Minčeva, her bibliography, and 32 papers by Bulgarian and foreign scholars on medieval Slavonic written culture. Most of the papers deal with lexical problems, such as words denoting parts of human body in the translation of the *Erotapocriseis* by Pseudo-Kaisarios; words denoting vessels in Slavonic gospel manuscripts; words denoting 'shame' in Old Bulgarian sources; a possible concordance of lexical variants in Slavonic multiple translations; *nomina agentis* in the translation of Gregory the Great's Homilies, and words *radi, obrъšь/obrežь, skrinja, utrosъ/othrosъ, neprijaznь, mьska,* and the *locus obscurus pęčęštija* in the Preslav translation of Baruch 2:29. Further, there are articles on *Homily about Angels*; on the ancient culture in Gregory Tsamblak's writings; on discourses on reading; on the structure of gospel *menologia*; on the Slavonic *menaia* kept in the libraries in Cracow; on the commentated Book of Oseas in Vid of Omišalj's Beviary; on the so-called Preslav redaction of the Psalter; on the earliest translation of the *Vita* of Prophet Avdias; on the late translation of the Song of Songs in Rila Monastery manuscript 2/24; on the commentaries on *Pater noster* in Ivan Alexander's *Pesnivec*; on the attitudes towards book; on the edition of the early translation of the *Vita* of St. Antonios (corrigenda); and on the translation of Cyril of Jerusalem's Catechesis in Vissarion of Debăr's copy. In addition, there are articles dealing with the history of the Bulgarian language, with simile in Patriarch Euthymij's compositions, with Neofit of Rila and the history of modern Bulgarian literary language, and with Bulgarian dialects in Greek setting.

Bollettiono della Badia Greca di Grottaferrata. **Vol. 2.** Roma, Terza serie, 2005, 328 pp.

This volume contains 13 articles (7 in Italian, 4 in English, 1 in French, and 1 in German) dealing mostly with particular medieval Greek manuscripts, such as the *Menologion* of *Apostolos* manuscript *Paris. gr. 382*; Lectionary Gospel *Crypt. A. α. XVI*; twin Lectionary Gospels with musical notation, one kept in the University Library in Iaşi, *Iaşi 160 (IV-34)* and another kept in the Apostolic Library of Vatican, *Vat. Gr. 351*; a 13th-century *Euchologion*, which is the upper part of the palimpsest with a 10th-century copy of Archimedes's works (now kept in Walters Art Gallery of Baltimore); texts attributed to Bartolomeo of Grottaferrata; witnesses of medieval Greek *materica* (meterika) and women saints; and five unknown post-Byzantine archival documents from the Vatopedi Monastery on Mount Athos. Three papers address problems of Slavonic written tradition, in particular newly found Greek hymnographic sources of texts in the *Il'ina kniga*; St. Demetrius and the Bulgarian King Kalojan and the hagiographic literature; and a 18th-century Russian *Sticherarion* of Old-Believers. Further, a paper is dedicated to sources concerning the origin of the Church of Catania. Another one analyses unedited sources for the history of the confraternity of St. Silvester of Troina. R. Taft's study juxtaposes in detail cathedral (parish) liturgy and monastic one in the Christian East. The volume closes with reviews of three books on medieval and Slavonic codices and with useful lists of recent publications in medieval studies.

BRATULIĆ, Josip and **Stjepan DAMJANOVIĆ.** ***Hrvatska pisana kultura. Izbor djela pusanih latinicom, glagoljicom i ćirilicom od VIII. do XXI. stoljeća.*** **1. Svezak:** ***VIII. – XVII. stoljeće.*** [Croatian written culture. A Selection of works written with Latin, Glagolitic, and Cyrillic letters from the eighth to the twenty first century. Vol. 1: Eighth – seventeenth century]. Zagreb, Kriħevci: Veda, 2005, 360 pp.

This book has the character of history and album of Croatian writing and is of excellent polygraphic quality. It offers information on major centers of writing and publishing, on Croatian men of letters, on the peculiarities of the three scripts (Glagolitic, Latin, and Cyrillic) used by them, on illumination of manuscripts and printed books and their language. All this information, sometimes concise, is accompanied with excellent reproductions of the main sources: early inscriptions, manuscripts, and printed books. The material is divided into three main chapters: Middle Ages (8th-15th century), Humanism and Renaissance (16th century), and Baroque (17th century). The book ends with an index of literary works, texts, and printed books and an index of personal names.

АВДЕВ, Стоян. ***История на златодобива по българските земи*** *[A history of gold mining in the Bulgarian lands]* София, Бесике ЕООД, 2005, 360 стр.

The author draws a broad picture of gold mining starting with archeological findings from the prehistoric period and ending with the present-day production of gold in Bulgaria. Chapters are dedicated to Antiquity, medieval Bulgarian states, and the period of Ottoman Empire. Particular attention is paid to the technologies used for the extraction of gold in different periods on the present-day Bulgarian territory, to the legal documents concerning gold mining, and to the guilds of goldsmiths (to their organization and social role). Five indexes are added informing the reader on the places in which gold was/is extracted, on the prices of gold in different periods, on Ottoman coins, and on specific terms used in the Ottoman period.

БОЯДЖИЕВ, Андрей. ***Григорий Цамблак. Слово за Връбница*** *[Gregory Tsamblak. A Homily on Palm Day]* София, Ерѣмѧ, 2005, 164 с.

The critical edition of the Homily on Palm Day is the centre of this book. This homily, on *Vrăbnica*, is compared to another homily by Gregory Tsamblak on the same feast (called by him a homily on *Tsvetonosna nedelja*), in terms of their structures, language, and style. Further, a juxtaposition is made with St. Kliment of Ochrid's homily on the same feast as well as with several Byzantine compositions related to this day in the Orthodox Church Calendar. The author provides an index of the forms in the original text of the homily and a reverse index by the endings of the lexemes. (Mari Tsankova)

Годишник на Софийския университет "Св. Климент Охридски". Център за славяно-византийски проучвания "Иван Дуйчев" *[Annual of St. Kliment Ohridski University of Sofia. Ivan Dujtchev Centre of Slavo-Byzantine Studies]* Том 93 (12) 2003. Международна научна конференция "Манастирската култура на Балканите, по случай 230-годишнината от основаването на Девическия манастир Покров Богородичен в град Самоков, Самоков-Боровец, 29 септември – 1 октомври 2002. София, Софийски Университет "Св. Климент Охридски", Център за славяно-византийски проучвания "Иван Дуйчев", 2005, 454 стр.

This volume contains 37 papers given at the international conference dedicated to the 230th anniversary of the foundation of the nunnery *Pokrov Bogorodičen* (Virgin Protectrix) in Samokov. Some of the papers deal generally with Byzantine, Bul-

garian, and Serbian monasticism, with Greek and Slavonic monastic terminology, with the role of the cults of saints, with Hesychasm and Balkan monasteries, with relations between medieval monasteries and villages, and with the pilgrimage to the Holy Land. Most of the articles elucidate the history of a particular monastery and the iconographic programmes of particular medieval churches, such as the 10th-century monastery in Černoglavci, a monastery in Preslav, Middle Byzantine monasteries on Mount Athos, Čerepiš Monastery, Besarbovo Monastery, Lesnovo Monastery, rock monasteries in Ivanovo, St. Paul's Monastery in Plovdiv, Kykkos Monastery in Cyprus, Theotokos Speliotissa and Theotokos Pantanassa Monasteries in Melnik, Bačkovo Monastery, post-Byzantine churches in Kastoria (Kostur), church "St. Archangel Michael" in Prilep, Christological cycles in the 16th-century churches of Athonite type; and some others. Here a paper on icons with St. George warrior, pedestrian, and dragon-killer and a paper on the popular legends about St. John of Rila are included. A special session is dedicated to women and monasticism, including studies of early female monasticism on the Balkans, early female monasticism and gender studies, and the history of nunneries in the Bulgarian lands.

ДАСКАЛОВА, Ангелина и Мария РАЙКОВА. ***Грамоти на българските царе*** *[Charters of Bulgarian tsars]* София, Академично издателство "Марин Дринов", 2005, стр. 444 + ил. 7 стр.

Eight charters of medieval Bulgarian tsars are published, starting with Vatoped charter of Ivan Assen II and ending with Braşov charter of Ioan Sratsimir. A linguistic analysis is made. An extensive dictionary of all the lexemes attested in the charters published is provided.

•

ДОБРЕВ, Иван. ***Прозрения в българската старина*** [Insights into Bulgarian past]. София: Slavia Verlag, 2005, 478 с.

This new book of the outstanding Bulgarian scholar deals mostly, but not only, with the post-Symeonic period of the First Bulgarian Kingdom. It has an interdisciplinary character: the facts and hypotheses are seen from the standpoints of philologists, historians and art historians and various sources are consulted: historical (Slavonic, Byzantine, and Latin), visual, linguistic, and folklore. The book opens with an analysis of the miniature in the *Codex Gertrudianus* (a part of the *Codex mixtus*, now kept in the National Archeological Museum in Udine, Italy under sign. Cod. CXXXVI, previously kept in Cividale) representing Gertruda (praying for her son to St. Peter) and two figures, of a man and a woman. Further, the author offers insights in the time of the Bulgarian king Peter (927-970) and his wife Maria and the transition of Bulgarian books to Kiev. Thus, he puts forward the idea that

this codex preserves traces of a Preslav book and 4 miniatures. The Bulgarian scholar contributes to many controversial questions in his book, such as the history of the Bulgars and First Bulgarian Kingdom, the Cyrillo-Methodian mission, and the Bulgarian – Byzantine and Bulgarian – Rusian contacts.

ДРАГОВА, Надежда. ***Старобългарската култура. Седем етюда*** *[Old Bulgarian Culture. Seven etudes]* София, ИК ЛИК, 2005, 426 с.

The author views medieval Bulgarian culture (9th-14th centuries) from different standpoinds through an interdisciplinary approach. The following aspects are particularly focused on: the Cyrillo-Methodian mission; the legal culture, army, and Bogomils in medieval Bulgarian state; the cultural programme of the archbishopric of Ochrid; monastic and secular culture; saints and relics in and around the medieval Bulgarian capitals; and Kesar Xreljo and Rila Monastery. (Ivo Janev)

Drugi Hercigonjin zbornik *[Second Festschrift for Eduard Hercigonja]*, ur. Stjepan Damjanović. Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada, 2005, 468 str.

This festschrift contains 36 papers (34 in Croatian, 1 in Polish, 1 in German; every article has an abstract in English), a short biography and a bibliography of the jubilee (pp. 9-22). Most of the papers concern aspects of the Croatian Middle Ages, such as the terms *glagolitism* and *glagoljaštvo*; a graphematic approach towards the Croato-Glagolitic writing; a Croato-Glagolitic fragment of Pseudo-Matthew; the Gotha fragment of a Glagolitic missal; a Glagolitic inscription on a plate found in Sveti Križ; the oldest Glagolitic inscription from Zadar region; Glagolitic activities of Franciscan Tertiaries and the *Ivančićev Zbornik*; the Book of Ezekiel in Croato-Glagolitic sources; two texts of *Pater noster* in the Cod. Slave 73, kept in Paris; the Croato-Glagolitic version of *Treatise about Seven Deadly Sins*, its language and original; genre and narration in the Croato-Glagolitic legend of St. Paul the Hermit; the cult of St. Martin in Croato-Glagolitic manuscripts; northčakavian and literary elements in 15th-century testaments; the lexis and idioms in medieval Croatian poetry; accentuation in the *Bašćanska Ploča*; the translation of the Latin *Genitivus obiecti* in Croatian Glagolitic and Latinic sources; verb forms in the Croato-Glagolitic version of *Regulae Sancti Benedicti*; temporal adjectives in Croato-Glagolitic sources; the vernacular feast name Križeva, direct object, and errors and misinterpretations in them.

Some papers discuss Croatian sources written in Latin script, such as Juraj Manzin's *Hervatski Missal*; the Zagreb statute; the Book of brethren of Dubrovnik; and the Croatian version of the Legend of St. Mary of Egypt written with Latin script and its Italian source (Italian translation of Alonso de Villegas' *Flos sanctorum*). Furthermore, Dragica Malić studies the influence of Latin script on Glagolitic

and Cyrillic in the Croatian lands.

Other papers contribute to the study of other South Slavic written traditions, such as Cyrillic inscriptions found in Bosnia and Herzegovina; the Kopitar *tetraeuangelium* and the Konikovo gospel.

Играта през Средновековието *[The play in the Middle Ages]*, под редакцията на Цочо Бояджиев. София, СОФИ-Р, Унив. издателство "Св. Климент Охридски", 2005, 144 стр.

This book contains 8 papers (all in Bulgarian) given at a conference in Gjulečitsa in the spring of 2005. Most of them address the idea of play in Western sources but there are also interpretations based on Byzantine ones. The following problems and texts are discussed: time and play in the Later Middle Ages; the play and Christianity; the play under the Cross; the reception of Patriarch Photios's "syllogistic heresies"; the coronation of French kings seen as a play of juridical positions; the Amazons in medieval histories; the play of nations in Isidore of Seville's Etymologies; and the play of meanings and medieval etymology.

ИЛИЕВ, Иван. ***Епитетът в славянобългарската агиография от XIV–XV век*** *[The epithet in the 14th–15th-century Slavic-Bulgarian hagiography]* Пловдив, Пигмалион, 2005, 389 стр.

The material analysed is culled from *vitae*, eulogies, and a *translationes* (of saint's relics) by Patriarch Euthymios, Kiprian, Joasaf of Bdin, Gregory Tsamblak, Constantine of Kostenec, Dimitar Kantakuzin, and Vladislav the Grammarian. The relation between Hesychasm and the use of epithets is discussed. Several classifications of the epithets are offered, according to the words they refer to, according to their semantics, stylistics, and word-formation. The style of the particular authors is analyzed in regard to their use of epithets.

Jews and Slavs*. Vol. 15. *Judaeo-Bulgarica, Judaeo-Russica et Palaeoslavica, ed. by Wolf Moskovich and Svetlina Nikolova. Jerusalem, Sofia: The Center for Slavic Languages and Literatures of the Hebrew University of Jerusalem, The Cyrillo-Methodian Research Centre of the Bulgarian Academy of Sciences, 2005, 332 pp.

This volume contains 21 articles written in English (7), Russian (7), Bulgarian (3), French (3), and Italian (1) accompanied with abstracts in English. Several papers are dedicated to the Old Testament in medieval Slavonic manuscripts and cul-

tures: on the Bulgarian scholarly contributions to the study of the Old Testament; on the Ruthenian translation of the Book of Job in manuscript no. 262/19 kept in Vilnius; on the Book of Exodus in the Slavonic manuscript no. 3 kept in the Moscow State Historical Museum, Barsov Collection; on the Old Testament motifs and characters in St. Clement of Oxrid's homilies; on the Masoretic text in Russia; on the Slavic translations of the biblical Hebrew color term [ièrek]; on the name *Adonai* in medieval Slavic texts; on the images of Maccabees in medieval painting in Bulgaria; and on Old Testament quotations as well as on the Jewish-Christian dialogue in the Extensive *Vita* of St. Constantine-Cyril the Philosopher. L. Parpulova's article deals with the Bulgarian queen Theodora who was said to have been of Jewish origin. B. Velčeva discusses the influence of the Hebraic alphabet on the Glagolitic one. T. Slavova identifies the sources used for the commentaries of the Bulgarian compiler of the *Palaea Interpretata*. A. Kulik reveals the role of the "retroversion: for the study of Slavonic text transmission (the example of the translation of the Apocalypse of Abraham is used). Other papers in the volume deal with modern Jewish-Slavic language and cultural contacts.

КАПРИЕВ, Георги. ***Id quo nihil maius cogitari possit.*** Университетска библиотека 446. София, Унив. издателство "Св. Климент Охридски", 2005, 508 стр.

This book is dedicated to the philosophy of Anselm of Canterbury. It is viewed in the context of medieval Western philosophy and theology. Further, the author studies the reception of Anselm's argument in the next centuries until the present day.

КРЫСЬКО, В. Б. ***Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131.*** Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. [Il'ina kniga. Manuscript RGADA, Tip. 131. Linguistic edition, Greek text, comments, and indices by V. B. Krys'ko] Москва, Индрик, 2005, 904 стр.

An 11th-12th-century East Slavonic manuscript with hymnographic content (services arranged by month) is edited with variant readings from many other Slavonic sources and is compared to the Greek tradition. An index of the Slavic forms with their grammatical characteristics and Greek counterparts as well as Greek-Slavic index and a reverse index by the endings of the Slavic forms are appended.

Културните текстове на миналото. *Носители, символи и идеи. Материали от Юбилейната международна научна конференция в чест на 60-годишнината на проф. д. и. н. Казимир Попконстантинов, Велико Търново, 29-31 октомври 2003. [Cultural texts of the past. Mediators, symbols, and ideas. Papers from the International conference in honor of the 60th anniversary of Professor Dr., Dr. habil., Kazimir Popkonstantinov, Veliko Tărnovo, 29-31 October 2003]* Т. 1-4. София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски", 2005

This festschrift consists of four volumes. The fist one, *Texts of History, History of Texts,* contains a short biography and a full bibliography of Professor Popkonstantinov and 34 papers. The first 4 papers were given at the plenary session of the conference dedicated to the outstanding scholar. They deal, respectively, with the marriage of the Bulgarian Tsar Petăr (927–962) with the Byzantine princess Maria Irene Lecapenos (V. Gjuzelev); with Oxrid as an ecclesiastical and political centre (P. Schreiner); with the Slavic codex in its European context (A. Džurova); and with the evidence of manuscript graphics (H. Miklas). Many papers in this book focus on prehistoric and ancient archeology and history. Others address medieval topics, in particular: time, memory, and oblivion in the *Pax Nomadica* in the 6th-9th centuries; two coins of emperor Philippicus Bardanes (711–713) found in southeastern Bulgaria; a seal of Georgi, archbishop in Pliska, found in Zaalavar (Hungary); the use of term *knjaz* in the First Bulgarian Kingdom; Vlakherines and their interpretations; the death of Tsar Boris II (970–971) and the frontier issue; the idea of identity and centre-periphery in the ethnopolitical contexts in the 10th–11th-century Balkans; the evidence of epistolary and oratory prose for the history of metropoleis of Philippopolis and Serdica in the 4th–14th centuries; the 13th-century Batoševo inscriptions; two sgraphito dishes with Cyrillic inscription found in Veliko Tărnovo; the contacts of Russia and the Athonite Dionisiou Monastery; and 15th–17th-centiry settlements in the region of Polski Trămbeš. The last four papers in the volume deal with modern history.

The second volume of the festschrift reviewed, entitled *Texts of Cult and Religion,* contains 19 papers on ancient (Hebrew, Greek, and Roman) and medieval cults and texts related to them. In this book are included studies of the late legends about St. Demetrios; of the *Vita* of St. Andrew the Holy Fool; of the monastery of St. John of Rila; of monks *kolibadoi* and the cult of St. Petka of Epibatai; and of newly found Old Bulgarian inscriptions.

The third volume, *Signs, Texts, Mediators,* contains 22 papers dealing with ancient and medieval signs and inscriptions on different materials, such as pottery,

bronze monuments of Hermes, bronze plastic, lead plates, belts, rings, bronze seals amulets, coins, textile, and stone. Chinese, Greek, Runic, and Cyrillic inscriptions are discussed.

The fourth book has two parts. The first one, *Texts in Architecture and Images*, includes 12 articles mostly on medieval architecture and art; in particular, there are articles discussing images in an early Christian *deambulatorium*; the buildings of the Bulgarian Athonite monastery Zographou in the Middle Ages; a newly discovered church near the village of Iskra (Plovdiv region); a copper plate with Crucifixion found in Veliko Tărnovo; unpublished paintings from the Church of Holy Virgin in Lubonje (Albania); iconography and iscriptions in Boboševo Church (Kjustendil region, Bulgaria), the church "St. Demetrios" in Arbanasi; frescoes in the church "St. John the Baptist" in the village of Vărbovo (Belogradchik region); the miracles of Theotokos in the church of the Sokolski Monastery; and two hunting scenes in the Feast *Menaion* of daskal Filip of Adžar. The second part of this book, *Words, Text, Message,* contains 17 articles addressing Latin, French, and medieval Bulgarian literatures. There are papers dealing with: the word *kuča* in Bulgarian; the Ichergu Boilas Mostič; lexemes denoting crafts and professions in Old Bulgarian sources; possessive pronouns in the Old Bulgarian gospel manuscripts; the monastic lexis of the *Egipetski Paterik;* Old Bulgarian epigraphics; the Dobrejšo Gospel; the Index of Forbidden Books; medieval Bulgarian *scriptoria*; the so-called Patriarch Euthymian reform; the Oxford Gospel of 1429, and the compound words in the Slavic translations of Theodoret of Cyrrhus's Interpretations of the Song of Songs. The volume ends with a paper on the arrogance in the old French fabliaux.

МАВРОДИНОВА, Лиляна. *Иконография на дванадесетте големи църковни празника в средновековната стенна живопис в България (IX–XIV в.)* / *Iconography of the Twelve Great Church Feasts*. София: Българска Академия на науките, Кирило-Методиевски научен център, 2005, 156 стр.

The author's purpose is to introduce in a popular style the readers and first of all, the "young specialists", to a general picture of the development of the Byzantine iconography and partly, of its mediaeval Bulgarian version. Focussing on the cycle of the Twelve Great Feasts, she makes short descriptions of each of the mural compositions for each of the twenty-two extant mediaeval churches on ex– and present–day territories of Bulgaria. Information about the architectural characterisitcs of these buildings is given in an appendix (pp.140–144). The book is supplied with black-and-white illustrationds, bibliography and a summary in French. (E. Mussakova)

МИНЕВА, Евелина. ***Пет химнографски творби за св. Петка Търновска*** *[Five hymnographical works about St. Petka of Tărnovo]* София, Изток-Запад, 2005, 140 стр.

This book contains editions of hymnographical texts dedicated to St. Petka (Parasceve) of Tărnovo as preserved in the following manuscripts: Ms 1138 (the Karadimov Psalter) containing a *troparion, kondakion*, and *sticheron* for the saint; Ms 665 containing a service for St. Petka; Ms 539 containing a part of the service; Ms 116 containing a service and a short *vita* of the saint; all four manuscripts being kept in SS Cyril and Methodius National Library in Sofia; and Ms 461 kept in Hilandar Monastery and containing a service and short *vita* of the saint. Also, the cult of the saint in the Balkans is discussed by the author.

нѣстъ оученикъ надъ оучителемь своимь. Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев, член-кореспондент на БАН и учител. *[Festschrift for Professor, Dr. Habil. Ivan Dobrev, corresponding member of the Bulgarian Academy of Sciences, and a teacher]* София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски", 2005, 590 pp.

This festschrift opens with introductory words for Professor Ivan Dobrev by the editors and ends with his full bibliography (from 1961 to 2004). The 43 papers (41 in Bulgarian and 2 in English) are divided into four sections of the book. The first one, entitled *Medieval History and Culture,* includes articles on the following topics: Bulgarian medieval culture and the present-day culture; Joseph's *Hypomnestikon*, Joseph Flavius and medieval Slavonic *Erotapocriseis*; the authority of the Athonite Zographou Monastery before the introduction of Jerusalem Typikon as reflected in medieval Slavonic gospel *menologia*; Gregory Tsamblak and Byzantine chronicles; taboo in *Vita Constantini*; the Middle Ages seen as a hypertext; the linguistic philosophy of Konstantin of Kostenec; Slavonic manuscripts of *Slovo o vetxomь Aleksandre;* the scope of the translation activities of SS Cyril and Methodius and their closest disciples; the types of books brought by the Cyrillo-Methodian disciples to Bulgaria; the royal library in Preslav and its fate; the "Ethiopians" in the Bulgarian Anonymous Chronicle; the logical paradox "Crocodile" in Symeon's correspondence; southern Slavonic predictions about the future of a person according to birth time; the so-called "Russian" cults in the *Codex Assemanianus* and *Oxrid Apostolos*; and ethnicity and mysticism on Mount Athos.

The second part of the festschrift Dobrev, entitled *Textual Criticism and Manuscript Edition,* includes 13 papers addressing the following problems: Ms Sof. 1324, kept in the Russian National Library, St.-Petersburg, and Bulgarian cults; the

contents of *Menaion* 1039 kept in SS Cyril and Methodius National Library (Sofia); an interpolation on writing in the Karakallou Apostolos; the Slavonic Canon for St. Symeon as a work by St. Kliment of Oxrid; manuscript tradition of the so-called First Homily on Christ's Birth by John the Exarch; the early translation from Greek of the *Vita* of St. George in Croato-Glagolitic fragments; the pre-Euthymian *Vita* of St. Petka of Epibatai; narrative sources for Bulgarian saints in the Kopitar Collection, Ljubljana; redactions and translations of the biblical songs in medieval Slavonic Psalters; the principles of a possible critical edition of the Old Bulgarian gospel translation; the *Story of Theophano* in Ms 326 kept in SS Cyril and Methodius National Library (Sofia); images and Cyrillic inscriptions in the Greek manuscript Roe 27, kept in the Bodleian Library (Oxford); and the apocryphal *Story of apostle Thomas* in Ms 369, kept in Church Historical and Archival Institute (Sofia).

The third part, *Language History, Etymology, and Lexicology,* includes papers dealing with the following issues: the translation of the Greek adjective *homophues* in medieval Bulgarian sources; the etymology of *veke/ veče*; the *lexis* of the Slavonic translations of Nikon of Black Mountain's Pandects; the *hapax legomenon oplazosrьdь*; the meaning of *koren* and the origin of the Indo-European –n-stem; the *patericon* in Ms 421 kept in the Hilandar Monastery; and the language of the 15th-century Moldavian charters.

The fourth part of the book includes two papers on modern literature and five papers by doctoral students discussing verbal and non-verbal forms of oath; a 14th-century icon of St. John of Rila; the cardinal numbers in the homilies by St. Patriarch Euthymij; the vocabulary of gospel quotations in the early translation of Gregory the Great's homilies; and the Martyrdom of St. Arethas in archaic medieval Slavonic *menaia* (I. Sekulova)

ПАВЛИКЯНОВ, Кирил. ***История на българския светогорски манастир Зограф от 980 до 1804 г.*** *[The History of the Bulgarian Athonite Zographou Monastery from 980 to 1804]* София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски", 2005, 260 стр.

The author analyses and publishes the Greek and Slavonic documents concerning the Zographou Monastery. A facsimile edition is also provided. The chapter on the history of the monastery appears both in Bulgarian and English. There is a chapter on the monks whose names appear in the written documents studied. The book ends with an index of the names mentioned.

ПЕТКАНОВА, Донка. ***По книжовния друм на миналото.*** София, Време, 2005, 284 стр. *[Petkanova, Donka. On the literary road of the past].* Sofia, Vreme, 2005, 284 pp.

In this book there are selected articles written by professor Donka Petkanova in the last two decades. Some are reprinted without changes, others are published revised and extended, third ones are presented for the first time in this book. The book has three parts. The first one is dedicated to the relations between medieval Bulgarian literature and folklore and contains studies of the presence of the moon, human body, personal names, and healing prayers in medieval sources. A special emphasis is placed on apocrypha and Bogomils. Medieval literature is viewed as a source of Balkan folklore. The second part of the book deals with Gregory Tsamblak: ancient sources of his works are discussed and the influence of the *Vita* of Stephan Dečanski on the Serbian chronicles is highlighted. The third part contains papers on the concept of time and the symbols of cry and tears in medieval Bulgarian literature. It ends with the article "The Spiritual Life in Žeravna in the Later Middle Ages and early modern times" which is published for the first time in this book. (M. Panova)

ПЕТРУНОВА, Бони. ***Ранни паметници на османската култова архетектура в българските земи*** *[Early monuments of Ottoman cult architecture in the Bulgarian lands]* София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски", 2005, 144 стр.

This book is a survey of the cult Ottoman architecture in the Bulgarian lands. The earliest monuments date from the late 14th and early 15th centuries. The author who is an archeologist studied in detail the mosque in Gotse Delčev and the mosque of Ibrahim paşa in Razgrad and compared them with other mosques in the Bulgarian lands from the 15th–17th centuries. She traces back the influence of Byzantine and medieval Bulgarian architecture on early Ottoman monuments. She emphasizes the continuity of cult places belonging to different confessions during the centuries. In the book, there is a catalogue of türbes and tekkes in the Bulgarian lands. Some of them have been scarcely known before this book is published. There is an index of specific terms and names. Also, 85 images in black-and-white are included. (V. Xadžiangelov)

Преславска книжовна школа. **Т. 8. Изследвания в чест на доц. д-р Мария Тихова** *[Preslav Literary School. Vol. 8. Festschrift for Marija Tixova]*, ред. Христо Трендафилов и др. Шумен, Университетско издателство "Епископ Константин Преславски", 2005, 388 стр.

This festschrift contains 29 papers (24 in Bulgarian and 5 in Russian). Most of them deal with problems of Old Bulgarian culture, in particular with St. Cyril the Philosopher's view on holy images; with attitudes towards war in Preslav; with the hypothesis that the Preslav Council opened on the Second Sunday (the Sunday of the Prodigal Son) of 893; with the suggestion that Lenten sermons by St. Kliment of Oxrid could be seen as a "diary" of 894 Council; with the hypothesis that the *Pentekostarion* was not translated and compiled by St. Kliment of Oxrid but by St. Methodios and his disciples Sava and Leon; with Gorazd and the data in the *Vita Constantini* about him. Several papers are dedicated to particular sources, texts or manuscripts, such as the Extensive *Vita* of St. Kliment of Oxrid (written in Greek); the ontology, gnoseology, and aesthetics in the *Hexameron* of John the Exarch; the *Slovo o tvari* in the *Zlatostruj*; Preslav elements in the *Germanov Sbornik*; the Greek original of the Slavonic Sinai *Patericon*; the legend about king's mantle in the Preslav translations of the Chronicles by Georgios Hamartolos and John Malalas, respectively; the early Slavonic and Arabic translations of Pandects of Antiochus; the three medieval Bulgarian versions of the *Scala Paradisi* and the changes in translation techniques and lexical choices; the *Vita* of Stefan of Perm and 'pletenie sloves', *Xoždenie Daniila* and medieval pilgrimage. Three papers have linguistic topics: the lexemes *taibьna, taibьnikъ, taibьno* in the *Codex Suprasliensis*, idioms in it; and lexemes denoting instruments of torture in the *Prolog*. Other articles in the volume focus on the Preslav and generally Bulgarian literary traditions as preserved in later East Slavic manuscripts and with the so-called East Slavic influence on South Slavic literature in the 12th – 14th centuries. A paper deals with Preslav pottery and its decoration. Another paper is dedicated to the ancient *martyria* found in the present-day Bulgarian lands. An article discusses Theodore Studites's views against iconoclasm. Some papers have abstracts in English.

Сборник в чест на проф. д-р Ангел Давидов *[Festschrift for Professor Angel Davidov]*, отг. ред. Димитър Кенанов. Велико Търново, Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий", 2004, 587 с.

This festschrift contains 49 papers given at an international conference, held in Veliko Tărnovo, 13–14 December 2002, as well as an introduction dedicated to ProfessorAngel Davidov, his bibliography with short annotations and his biography. The articles are divided into three sections. In the first one, *The history of the Bulgarian language*, there are papers on the possible native place of St. John of Rila, on the cult of Prince Mstislav among the South Slavs, on medieval Slavonic lexis (the concept "angel" in hymnographical translations; the gospel lexis in the translation of the Instructional Gospel of 1343; Old Bulgarian vocabulary in the *Germanov*

Sbornik; compound adjectives in the Middle Bulgarian translation of Abbas Doroteus' homilies; the *Zlatostruj* and Old Bulgarian lexicon; rare lexemes in the Vatican Palimpsest; the history of the Bulgarian words denoting 'lord', 'orphan', and 'theft'; and lexemes denoting question and aim); on word-formation (word-formation and synonymy of masculine nouns in Paraenesis of Ephrem Syrus; the suffixes –ota, -ьstvo, -ina); on textual criticism (Canon to St. Demetrius; the Tărgovishte Gospel and the Ostrih Bible); on the writings of the little Onfim from Novgorod, and on August Leskin, neo-grammarians and Bulgarian linguistics. The second section of the book includes articles on modern Slavic and Balkan languages. The third part, *History, Theology, and Visual Arts*, has papers on Bogomils; on two 10th-century amulets with incantations against feaver; on the so-called "trilingual heresy"; on the location of Potuka, on Hesychasm; on a cross-encolpion kept in Stara Zagora Museum; on the iconography of St. George; on the iconographic programme of the church "SS Peter and Paul" in Svištov; and on some issues of modern Bulgarian history.

СТАНКОВ, Ростислав. ***Слово о полку Игореве. Наблюдения и размышления одного скептика*** *['Slovo o polku Igoreve': Observations and Reflections of a Sceptic]* София, Heron Press, 2005, 331 стр.

The author defends the hypothesis that *Slovo o polku Igoreve* is not an original medieval composition: his arguments concern the orthography of the witnesses, language, and textology of the composition. Further, he analyses the existing interpretations of this text and its place in the 18th-century Russian culture.

СТЕПАНОВ, Цветелин. ***Българите и степната империя през Ранното средновековие. Проблемът за другите*** *[The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The problem of the 'Others']* София, ИК Гутенберг, 2005, 187 стр.

This book focuses on the attitudes of the nomads and semi-nomads towards the "other" and on the formation of their own identity during the Early Middle Ages. The global (Eurasian) perspective, the regional one (Inner Eurasian), and the local ones, those of Bulgars, ancient Turks, Uighurs, and Khazars, are considered. The book has two chapters. The first one discusses the ideas of the *Pax nomadica* about the "outside other", addressing the nomadic idea of freedom, the images of otherness, and the attitudes towards religions, foreign and their own. The second chapter, "The Inside Other" deals with the attitudes in the *Pax nomadica* towards women and female work, towards smiths and shamans, and towards those who had non-state religion. The book ends with a summary in English (pp. 174–187).

Теодосиеви четения. 640 години от успението на преподобния Теодосий Търновски *[Proceedings of the Conference dedicated to the 640th anniversary of the death of Teodosij of Tărnovo]*; отг. ред. Димитър Кенанов. Велико Търново, Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий", 2005, 294 стр.

This book contains 30 papers given at the international conference held 27 November 2003 in the Kilifarevo Monastery. Most of the papers deal with the life, work, and role of the first Bulgarian Hesychast, Teodosij, and his monastery. There are also studies of the literary production and literary life in Tărnovo and the surrounding monasteries, of Hesychasm in Slavonic context, of the translation and dissemination of Gregory Sinaites's works in Slavonic written tradition, and of the religious and monastic life in the time of Tsar Ivan Alexander. A paper is dedicated to Pamvo Kaloferski, a follower of Teodosij's school.

ТОНЧЕВА-ТОДОРОВА, Христина. ***Развой на старобългарските чинопоследования за встъпване в монашество през X–XVIII век.*** **Коментар и текстове** *[Development of the rites for becoming a monk in the 10th–18th centuries. Commentaries and texts]* Пловдив, Университетско издателство "Паисий Хилендарски", 2005, 107 стр.+ 3 ил.

The author studies three rites in the 11th-century Glagolitic *Euchologium Sinaiticum* and in 19 later Cyrillic sources kept in Bulgarian libraries, the Hilandar Monastery, and Vatican Library. She discusses their textual history and versions. She provides an index of the lexemes translating one and the same Greek lexeme: the first lexeme is that found in the Old Bulgarian manuscript followed by the lexemes attested in later sources and the last one is the Greek lexeme. The second part of the book contains editions of these rites in their more archaic and more innovative versions.

ФЕДЕР, Уилям. ***Хиляди години като един ден. Животът на текстовете в православното славянство*** *[Veder, William. Thousand years as one day. The life of texts in Orthodox Christianity]*, отг. ред. Светлина Николова. София, БАН, Кирило-Методиевски научен център, 2005, 464 стр.

In this book, articles by William Veder on medieval Bulgarian and in general Orthodox Slavic manuscript traditions are collected and reproduced in the language in which they were initially written. Here one finds insights in text transmission,

textual criticism, and archeography as well as studies of particular manuscripts and texts, such as the *Izbornik* 1076, discourses on reading, *paterika*, Instructional gospel, *O pismenexъ*, and some others.

Црквене студије. Годишњак Центра за црквене студие *[Church Studies. Annual of the Centre for Church Studies]*. Т. 2. Ниш, 2005, 378 с.

This volume contains studies on the theology of St. Gregory the Theologian, on the human nature in John Climax, on the time and motion in *Hexameron* by Basil the Great, on Christianity in Persia, on the Bačkovo Monastery and the grave of Patriarch Euthymios, on the Monastery Beočin, on the everyday life in *Responsa papae Nicolai Primi*, on metropolitan Ignatius of Tărnovo and the Council of Ferrara-Florence, and several other contributions to the history of religion. Also, the volume includes papers on Slavonic written culture, such as on Old Testament apocrypha and the folklore of Orthodox Slavs, on the acrostich in the Old Bulgarian Canon to St. Trinity, on the Short *Vita* of Michael the Warrior in Serbian 14–17th-century manuscripts, on *Melissa* in medieval Slavonic sources, and some others.

SCRIPTA
& e-SCRIPTA
3-4/2005-2006

ABSTRACTS / РЕЗЮМЕТА

Kliment Std – безплатен шрифт за слависти-медиевисти

Себастиан Кемпген

Шрифтът Kliment Std е резултат на работата на автора над редица шрифтове, използвани в медиевистичните издания – те включват глаголически шрифтове, шрифтове на старобългарска кирилица, специални диакритични знаци и шрифтове с декоративно оформление. Въпреки че са добре известни от академичните издания, те не бяха широко достъпни за славистичната общност и това положение се коригира с разпространяването на предлагания шрифт. Той се намира на официалната Web страница на автора и може легално да се използва за академични цели, издания и изследвания. Основните ограничения са: 1) да не се използва в издания и мероприятия, които нарушават авторското право; 2) потребителят няма право да изменя, модифицира или преименува този продукт.

Шрифтът е разработен на базата на стандарта Unicode и се разпространява във формат TTF. Това го прави използваем както в системата MS Windows, така и в сиситемата Mac OS X. Той съдържа гарнитури: латиница, кирилица, глаголица, гръцка, диакритики, специални препинателни знаци. Тъй като съдържанието и разположението на старобългарската кирилица в Unicode пространството още не е окончателно установено, шрифтът има възможности за еволюция, за да се отразят адекватно всички изисквания на този стандарт.

Морфологични ограничения при загубата на слабите ерове в префикси и суфикси

Анна-Мария Тотоманова

В статията последователно са анализирани всички случаи със задържан слаб ер в представките съ-, къ- и къʒ- в съвременния български език. В представката съ- еровата гласна на префикса се запазва не само пред следващ корен с начално *с* или *з*, но и пред съгласни от всякакъв тип, срв. *събарям, събитие, съблазън, събличам, съблюдавам, съболезновавам, събудя, събуя, съвет, съвещавам, съгласна, съглася се, съдействам, съжаля, съкруша, съчиня, съшия.* Пред следваща гласна ерът винаги се пази, срв. напр. *съединя, съеша, съоръжа,*

съумея, съорудя, съобразя и т.н. Особено показателни са случаите, в които при един и същ морфемен състав в един случай ерът е изпаднал, както диктува фонетичната му позиция, а в друг – се е запазил. Тези случаи в българския език съвсем не са малобройни, срв. *сбера, сбирам, сбор* (в значение на *сума* и на *събор*), но *събера, събирам, събор; свестя, свяст и съвест; свършен и съвършен, сгледам, сгледа* и *съгледам*; *сграда* и *съградя; сгреша* и *съгреша; сдружа* и *съдружа; сдържам* и *съдържам; скрия, скрит*, но *съкровен, съкровище; спрегна* и *съпрежен; сторя* и *сътворя*.

Представката **въ-** обикновено губи крайния си *ер* пред следващи глаголни корени с начален консонант, като тук самата странност на новоопluчното съгласково съчетание (в редица случаи в пълно противоречие с наследената от праславянски структура на сричката, срв. *встъпвам, встрастявам, всмуквам, всмръквам* и под.) подпомага морфемното членение на думата и разпознаването на представката. Обобщаването на предлога-представка като *ф* в разговорния език също е израз на стремежа да се постигне ясна морфемна структура. В представката **въz-** с изключение на някои русизми като *взрив* и *взвод* слабият *ер* винаги се задържа. Единственото изключение в домашна дума е глаголът *взема*, който в българския език се възприема като образуван от *зема* и представка *в*, както си личи и от производните му – *иззема, възземa* и т.н. и чиято съдба ясно показва, че изпадането на *ера* във *въз-* води до разчленяването на единната морфема *вз-* на предлог *в-* и начално коренно *з-* до нежелана декомпозиция на думата.

Поведението на слабите ерове в суфиксите също подлежи на морфологични ограничения, свързани най-вече със стремежа за обощаване на основата на думата. В някои случаи задържането на слабия *ер* носи и допълнителна граматическа информация: в наставката *–ъкъ ерът* се задържа в слаба позиция, само ако името е съществително, срв. *жълтък, жълтъци* и *малък, малки*; бройната форма и членната форма на имената от м.р. също задържат слабия *ер* и т.н.

Направеният подробен анализ показва, че подобно на поведението на коренните *ерове*, и поведението на еровете в представките и наставките се подчинява предимно на морфологични и морфонологични закономерности и в по-слаба степен зависи от чисто фонетичните условия като позицията на ера и неговото фонетично обкръжение.

Типологичната характеристика на родителен падеж в старобългарски език с оглед на глаголното управление

Антоанета Джелъова

В статията се анализира типологията на родителния падеж в старобългарски език чрез характеристиката на два класа думи – съществителни и глаголи.

Изследват се бинарните опозиции при употребата на родителен падеж – активни съществителни имена (обозначаващи названия на хора и животни) и инактивни съществителни имена (обозначаващи природни обекти, явления, деца и малки животни, продукти на човешка дейност и др.) и, съответно – активни и инактивни глаголи. Заключенията се основават на тезата, че предикативни центрове са съществителните имена от определен тип, които имат собствена вътрешна и външна активност – субект, или които имат само собствена вътрешна активност – квазисубект. Формирането на семантичните понятия се основава на представата за а) активност (външно или вътрешно активно действие или състояние), б) инактивност (само вътрешно действие или състояние), в) за отделима–неотделима принадлежност и г) за дискретност–недискретност. На детайлен анализ са подложени граматическите определители на родителния падеж и техните варианти. Проследена е връзката между семантиката на съществителните имена и съответните форми на родителен падеж. Доказва се глаголното управление на родителен падеж, като са разгледани случаите на родителен падеж с различни семантични групи глаголи (които означават лишаване; които означават емоционални или психически състояния на субекта; глаголи с отрицателната частица *-не*; преходни глаголи; глаголи под формата на супин и др.). Изводът е, че родителният падеж е граматически израз на квазисубекти и неразделно свързани с тях квазиобекти.

Среднобългарският фрагмент в ръкопис НБКМ № 113 и историята на преводите на славянските служебни миней

Роман Кривко

В статията се разглежда историята на преводите на служебните миней в славянската традиция по 14 славянски ръкописа. Анализира се ръкопис № 113 НБКМ, фрагмент от служебен миней от XIII в., български по произход, в който е представен най-старият превод. Съпоставките с друг служебен миней – от манастира Дечани, № 32 от XIII–XIV в. показват, че най-старият превод е бил подложен на прередактиране. Установява се следващ независим превод в ръкописите № 114 НБКМ, фрагмент от XIII в. и № 1/5 ОГНБ (част от Добрияновия миней) от XIII в., който не съвпада нито с най-ранния превод, нито с този, който се съдържа в южнославянските минеи от XIV–XV в. по Йерусалимския устав. Обосновава се гледището, че всеки химнографски жанр (отпустителен тропар, стихира, седален, кондак и икос, канон и всеки отделен тропар на канона) в състава на службата трябва да се разглежда самостоятелно в контекста на историята на преводите на служебните минеи, което ще позволи да се уточни обемът на многократните преводи. Изследваният материал показва, че появата

на най-късния "атонски" превод на служебните минеи, основан на Йерусалимския устав, е предшестван от нови преводи на отделни служби (или части от тях), направени през XIII в., без да се опират на този устав. Във връзка с многократните преводи на един и същи текст (Службата за първомъченик Стефан има четири превода) би било некоректно да се говори за "първи" (ранен) и "втори" (късен) превод на служебните минеи (определения на В. Ягич), тъй като всяка служба има своя отделна история на текста. В приложение се публикува критическо издание на откъси от службите за втори и трети август – кондак и икос от Службата за първомъченик Стефан, както и фрагменти от канона за преподобните Далмат, Исакий и Фавст, паралелно с гръцкия текст, придружени с подробен коментар.

Славянският текст на Житие на св. апостол Тома

Боряна Велчева, Андрей Бояджиев

Изследването е посветено на преписите на два текста в ръкопис НБКМ 1039: "Житие на св. апостол Тома" и "Мъчение на св. апостол Тома". Те са сравнени с гръцката традиция въз основа на известните критични издания. Изказани са две хипотези: за близостта на славянския вариант до конкретна текстологична група от гръцки текстове и за разликите в начините на превод на двете произведения. Обърнато е внимание на редки или неизвестни от средновековните извори думи и изрази. Двата текста са издадени наборно като сегментацията на текста следва разделението в гръцките издания.

Творящихъ влъшвениа и плъдовь влъвениа в Бориловия Синодик (бележки към едно писмено свидетелство)

Марияна Цибранска-Костова

Статията разглежда възможното етнокултурно съдържание на една от анатемите в Бориловия Синодик от XIV в., свързана с деня на Йоан Кръстител (Еньовден), в контекста на доктриналните и социо-историческите аспекти на дуалистичните ереси на българските богомили и катарите от Лангдок, Южна Франция. Нейната основна цел е да коментира, а не да разреши комплексния въпрос за взаимодействието на фолклорната култура и ритуалните практики на еретиците, тъй като той остава недостатъчно документиран от писмените извори и предполага множество, често противоречиви или изключващи се, интерпретации. Като привежда отделни факти от изследвания върху южнофренски етнографски материал и акцентира върху основните семантични кодове на празника в

колективната памет на Европейското Средновековие, авторката застъпва схващането за идентичност на оценъчните парадигми спрямо ересите и езичеството. Направен е опит тези – повече хипотези, отколкото изводи, да се успоредят с ръкописен текстов материал там, където той позволява релевантни прочити. Повдигнатият въпрос се причислява към редица други, на които няма категоричен отговор и които предполагат по-задълбочено изследване върху парадоксите на номинацията по темата "*Богомилите за себе си и другите за тях*".

Третата руска редакция на Търновското проложно житие на св. Иван Рилски

Елена Томова

Обект на изследователския интерес е литературната история на т. нар. Трета руска редакция на Търновското проложно житие на българския национален светец Иван Рилски. Редакцията е представена в шест преписа от края на XV до XVII в. (най-ранен в пролог за септември-февруари от края на XV в., РНБ, Осн. собрание, №. F.I. 297) и е разпространена в сборници с постоянен и смесен състав: в пролози за зимната половина на църковната година, в кодекси с жития, поучения и сказания, в сборници със служби и жития. Осветяват се проблеми около Третата редакция на Пролога, чието възникване е свързано с литературата на Новгород и Псков, и в състава на която откриваме най-ранните преписи от новата редакция. В българската, сръбската и молдовлахийската агиографска традиция тази редакция не е известна.

Новата версия на Търновското проложно житие по-късно прониква в литературата на Московската държава и московските културни центрове, а разпространението й продължава през XVI и XVII в. По този начин тя се превръща в съществен елемент от цялостния култ на българския светец в средновековната славянска кирилска традиция. Представени са резултатите от текстологическото проучване на преписите и взаимоотношенията между отделните текстове.

Пропуски и грешки в славянския превод на Диалозите на Псевдо-Кесарий

Явор Милтенов

В статията се анализират механичните пропуски и грешки в текста на Диалозите на Псевдо-Кесарий на базата на текстологическото проучване на девет от известните досега единадесет славянски преписа на съчинението. Установява се, че в него фигурират три типа липси на текст: 1) дължащи се на липса на

листове в хипархетипа на част от наличните свидетели, 2) дължащи се на физически дефект в старобългарския протограф, от който произлизат руските копия и 3) липси, възникнали при превода. За пръв път се публикуват фрагменти, непопаднали в изданието, извършено от архим. Леонид. В статията се изследват и някои типични грешки и преосмисляния, чиято поява се свързва с технологията на превеждане. Броят на грешките, които не биха могли да бъдат извършени, ако текстът е бил пред очите на преводача, води до предположението, че преводът на Диалозите вероятно е бил извършен чрез диктуване, произнасяне на глас на гръцкия текст.

Принципи на изоколното изграждане в среднобългарското житие

Екатерина Панчева

Имайки предвид, че особено организираната ритмична фраза е една от най-характерните особености на стила на Св. Евтимий Търновски, авторката на тази статия насочва вниманието си към фигурата на речта *изоколон*. Нейната цел е да набележи основни принципи за структуриране на изоколона в Светиевтимиевите жития и похвални слова, а с това и принципите за анализ на тези изоколони. Авторката предпочита да се концентрира върху един единствен изоколон, тъй като цялостен анализ на ритмиката в Светиевтимиевия стил не би могъл да бъде обект на толкова сбито изследване.

За пример е взет изоколон от Житието на св. Петка. В него се анализират пунктуацията, синтагматичната структура, ритмиката, граматичната и лексикалната структура. Наблюденията свидетелстват, че смисълът, синтаксисът и ритъмът образуват единна структура, в която ясно личат две половини с усложнена симетрия помежду им. Натрупването на няколко показателя за структурата на колоните в изоколона може да се тълкува като защитен механизъм, кодиран от автора, срещу по-късни намеси в текста и текстовата структура при преписването и изпълняването му.

Основните принципи на изграждане на изоколона са усложнен паралелизъм и противопоставяне. Усложненият паралелизъм се проявява както между съответни колони, така и между половините на изоколния период. Този особен паралелизъм се изразява в следното: 1) наличие на синтактични, смислови и реторични прилики и разлики в съответните колони на изоколона, 2) броят на ударенията в двете половини на периода е еднакъв, но разпределението им в съставящите ги колони е различно и 3) по дадени показатели (предимно реторични) първите два колона във всяка половина на изоколона са паралелни, а останалите не са. Анализът на синтагматичната структура показва, че пунктуацията следва едновременно и синтактични, и реторични принципи.

Старославянските източници и функционалният (семантически) подход към изучаване развитието на езиковата система – върху примери от български език

Иван Петров

В статията е направен опит да се означи спектърът от проблеми, възникващи при изучаването на историческия синтаксис. Обсъжда се материал, подлежащ на изучаване, който количествено и качествено се отличава от предмета на синхронистичните изследвания. Преди всичко се вземат пред вид старославянски извори, в широкия смисъл на понятието, съдържащи свидетелства за езика на древни епохи, между които едно от централните места заема Библията. Авторът предлага да се подложат на анализ представители на най-древния период, среднобългарския период, преводи на дамаскини от късния период, представители на църковнославянската традиция и съвременния книжовен език. Изворите, които могат да се изберат за анализа, отразяват основните етапи на развитието на българския език; тяхното функционално (семантично) изследване, основано на представителна извадка от форми, реализиращи конкретната семантична категория, би позволило да се постигнат целите на функционалния подход. Изводите от подобно изследване, от гледна точка на развитието на самите форми, едва ли ще ни донесат някакви открития. Предполага се все пак, че резултатите от подобен анализ ще ни помогнат, поне в малка степен, да се приближим към отговора на въпроса как функционира и се развива езикът.

Императорският адвентус и екфразисите на Павел Силенциарий за "Св. София" и за нейния амвон

Весела Валявичарска

Статията поддържа тезата, че екфразисите на Павел Силенциарий (*Екфразис за Св. София* и *Екфразис за амвона й*), които обикновено се разглеждат като официални риторични описания (екфразис) или като императорски слова (*basilikos logos*), са съставени като адвентуси, може би в чест на императорски военен триумф при церемония по посрещане на владетеля в града. Въпреки че основните части на словата са съставени от риторични описания на „Св. София" и нейния амвон, в тях са използвани стандартни за адвентуса изрази според предписанията на наръчниците по риторика и отражението им в художествени произведения. Задължителните възхвали на делата и добродетелите на императора, обаче, са заменени от описание на сградата като олицетворение на императорската добродетел. Павел Силенциарий възхвалява император Юстиниан като

победител на конспирациите и демоничните сили, и като строител и защитник на една християнска империя.

Иконичното пространство – надпис и преобразяване: парадоксалната риторика на свещеното изображение в поствизантийската епоха

Николета Изар

Студията разглежда третирането на разказа чрез езика на изображението в една от най-интересните църкви в Молдавия (Румъния) – Sucevița, като се опитва да даде по-общи изводи за подобен вид транскрипция в поствизантийската епоха.

Принципно изобилието на надписи, вписани в изображението, съдържа в себе си силна риторична конотация. В първата част на студията обект на изследването е епиграфското многословие в изображението като залог за наративност – така надписът се разглежда като средство за разказвателност. Въпросът за дискурсивността на изображението обаче се превръща в проблем за иконичността на написаното – текстът излиза от рамките на наративното, за да се превърне сам в иконичен знак. Още по парадоксален става този проблем в епохата на исихазма – тогава настъпва напрежение породено от дискурсивността на свещеното изображение и исихасткото изискване за безмълвие.

Някои наблюдения върху славянските извори за *тита*-нотацията

Мариана Л. Димитрова

Музикалният знак с форма на гръцката буква θ (*тита*) се използва в старовизантийските нотации за обозначаване на мелодически орнамент, или мелизма. Този знак закономерно преобладава в *тита* нотацията, която по своята специфика отразява само отделни мелизми. Установено е, че местата на *тита* знаците съвпадат в различно нотираните преписи на дадено гръцко песнопение; с други думи, ако забележим *тита* над отделна дума в стихира от гръцкия Миней (или Триод, Пентикостар, Октоих и пр.), почти сигурно е, че ще намерим същия знак над същата дума в цялостно нотирания препис на стихирата в гръцкия певчески Стихирар. Това съвпадение ни дава основание да считаме, че различните византийски нотации отразяват сходна мелодическа структура, свързана с особеностите на конкретния текст.

Що се отнася до славянските текстове, в които се среща *тита* нотация, те досега не са съпоставяни със съответния нотиран репертоар в специализираните

певчески ръкописи. Тази статия представя някои резултати от първото подобно проучване.

Отправна точка на изследването са стихирите с *типа* нотация, съдържащи се в издадените от В. Ягич Служебни минеи за септември, октомври и ноември. Те се сравняват с паралелните текстове в руски Стихирар с *крюкова* нотация и гръцки Стихирар с *Коален* нотация (Таблица 1 a-b-c). Оказва се, че 80% от *типа* знаците, поставени в Ягичевите минеи, имат еквивалент както в руския, така и в гръцкия певчески Стихирар. Следователно употребата на знака в славянските текстове се придържа както към принципа, заложен във византийската традиция, така и към конкретния гръцки модел (в случай, че песнопението е преводно).

Противоположен обаче е резултатът от съпоставянето на Драгановия миней със същите два Стихирара: само 20% от *типа* знаците, които се забелязват в стихирите за септември, октомври и ноември, имат паралел в преписите с развита нотация (Таблица 2). Това се дължи главно на своеобразието на текстовете, поместени в Драгановия миней. Преводът на повечето стихири, който може да се окачестви като "парафраза", не съвпада с буквалния превод в руския Стихирар и следва различна музикално-поетична схема.

Византийските закони и техният славянски превод в Първото българско царство

Десислава Найденова

Изследването е насочено към един конкретен момент от българската история – времето от приемането на християнството (864) до завладяването на Източна България от император Йоан Цимисхий (971). Този период от българската история дава възможност да се проследят етапите на формиране на един нов културен и политически модел в една новопокръстена държава: Създаването на държава от имперски тип, което се случва в почти всички православни страни, градящи идентичността си под влиянието на Константинопол.

Обект на проучване са следните законодателни паметници: Законът за съдене на хората, Номоканонът от XIV Титула, Еклогата, Прохиронът и Земеделският закон. Изследването поставя два акцента:

1. Извори и състав на каноничните и юридическите сборници. Първата група проблеми, които поставя темата, са свързани с изясняването на въпроса кои правни паметници са съществували в ранносредновековна България, в цялост или отделни техни части; какви са текстологичните им взаимоотношенията спрямо техните гръцки прототипи.

2. Значение на правните паметници. В Първото български царство

преводните византийски законодателни паметници изпълняват на първо място роля на един културен (книжовен) паметник и на второ – на истински законодателни актове. Въз основа на съдържанието на юридическата книжнина в статията се прави опит да се изясни, доколко и как се копират или трансформират византийските идеологически и културни модели с цел: 1) приемането на новопокръстената българска държава в рамките на християнската общност; 2) изграждането въз основа на християнството на нова концепция за държава, народ и владетел; 3) регламентирането на отношенията между държавата (владетеля) и църквата.

Инфинитивът в Житието на св. Антоний

Анета Димитрова

Използването на инфинитива представлява важна особеност при изучаването на старобългарския език. и особено на текстовете, които са преведени през IX–X в. От съществено значение е сравняването на инфинитивните конструкции със съответните гръцки текстове. В статията за пръв път се сумират резултатите от проучването на инфинитива в Житието на св. Антоний Велики, написано от Атанасий Александрийски, преведено на старобългарски език през X в. Преводът се свързва с името на преславския книжовник презвитер Йоан. Целта на изследването е да се установи синтактичната роля и структурните особености на инфинитивните форми спрямо гръцкия оригинал, а също така да се сравнят евентуални алтернативни форми на изразяване. Разглеждат се случаите на зависим (динамичен и декларативен) и на независим инфинитив. Проучването е част от дисертационен труд върху синтаксиса на житията на св. Антоний, св. Йоан Златоуст, св. Нифонт Констанцки и св. Теодор Студит, преведени по време на Първата българска държава.

Преписи на книга Откровение на св. Йоан Богослов в състава на календарни сборници

Ива Трифонова

Описанието и проучването на съхранените славянски кирилски текстове на Апокалипсиса досега са били съсредоточени основно върху най-многобройните руски тълковни преписи, върху приетите за текстологично най-ранни босненски преписи и хърватски глаголически фрагменти. Последните изследвания се насочват към издирване, систематизиране и проучване на съхранените южнославянски преписи, ненамерили все още полагащото им се място в цялост-

ната текстологична история на книгата. Като резултат от тези изследвания до момента са познати три редакции при разпространението на текста, които се отличават по структура, предназначение и разположение в състава на сборниците, в които са включени. Това са: тълковната версия на книгата от Андрей Кесарийски, разделена на 24 слова, 72 гл҃ави и 314 стиха, разпространена предимно сред източните славяни; босненските кирилски преписи, нетълковни, поделени на 72 глави, и сръбският препис НМ 474, също разделен на 72 глави (първите 5 са изписани, останалите са отбелязани с инициал); хърватските глаголически текстове, поделени на 22 глави по латинската традиция.

В настоящата статия се въвежда в научна употреба още една непозната до момента южнославянска традиция на разпространение на текста. Това е българската панегирична редакция, представена от българския препис от средата на XIV в., предатонски, свързан с източнобългарската търновска книжовност. Не е била обект на научно внимание и редакцията на книгата в сръбските тълковни преписи, съхранени от XV и XVI в., която вероятно е резултат от делото на атонските книжовници. Целта е да се проследи традицията, която те отразяват въз основа на лексикалните данни. С помощта на изследването на К. Грюнберг са проследени лексикалните замени, последователно проведени между приетия за първоначален превод на книгата от XV в. и обработките на текста от XIV и XV в. Приетият за първоначален превод е представен от босненските кирилски преписи от XV в. (H), а обработките на текста от XIV и XV в. – от най-ранния български препис (MS), сръбските тълковни преписи (Pl), най-ранния сръбски препис (НМ), Апокалипсиса от Чудовия Нов завет и неговото копие от 1493 г. (Č), подкрепени с данните от източнославянските тълковни преписи (N1) и текста от Острожката библия (O).

Преписът на "Видение на пророк Исайя за последните времена" в ръкописния сборник "Златая матица" от XV в.

Алексей Щекин

В статията се съобщава за новооткрит препис на "Видение на пророк Исайя за последните времена" в сборник "Златая матица" (НСРК № F.312), от 70-те години на XV в., сбирка на Руската национална библиотека в Санкт Петербург. Той механично е присъединен към текста на ранното славянско съчинение "*Слово святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят*". Последният текст представлява поучение против езическите обичаи, което се отнася към много ранна епоха от историята на славянските литератури и култури. Установява се, че историко-апокалиптичната творба "Видение на пророк Исайя" според

новооткритото копие е близка до най-ранния известен препис – в Драголовия сборник от третата четвърт на XIII в. Авторът анализира ръкописната традиция на "Слово святого Григория изобретено в толцех", очертава историята и спецификата на произведението, като същевременно прави предположения за проникването на "Видение на пророк Исайя" в руските ръкописи. Публикуван е текстът от сборника "Златая матица" с разночетения по останалите преписи, придружен от анализ на някои важни езикови особености.

Гръцката версия на апокрифа за борбата между архангел Михаил и Сатанаил

Олга Афиногенова

Сред голямото количество богомилски апокрифи съществува един, който разказва за борбата между архангел Михаил и Сатанаил, който е откраднал свещената му дреха. А. Милтенова публикува две славянски версии на този текст в "Старобългарска литература". (кн. 9, 1981, с. 98–113). Сюжетът на този апокриф е познат в богомилските среди в България и в Сърбия (съществува стенопис от XIV в. в църквата "Св. Архангел Михаил" в Лесново, който изобразява сюжета на апокрифа). Освен славянската версия, обаче, съществува и пространен гръцки вариант на същия текст. Разказът има типични богомилски черти. Сатанаил решава да бъде равен с Господа и избягва от рая, като взима със себе си ангелското одеяние. Господ заповядва на Архангел Михаил да върне дрехата. Той се престорва, че взима страната на Сатанаил, измамва го и открадва дрехата. Гръцката версия е позната по единствен ръкопис, Vatic. Gr. 1190a. 1542. Fol. 882–887. Текстът доста се различава от двете славянски версии, публикувани от А. Милтенова. Произходът на гръцкия вариант е доста неясен. Няма преки доказателства за превода на този текст от славянски на гръцки, но богомилският му произход е очевиден, така че такъв превод изглежда възможен. В такъв случай това би бил уникален случай в поствизантийската литературна традиция. Гръцката версия е публикувана за пръв път, с превод на руски език, кратък увод и бележки.

ABBREVIATIONS

EDITIONS AND PERIODICALS CITED

ABAW	Abhandlungen der königlichen Bayerishen Akademie der Wissenscheften. Philosofisch-philologische und historishe Klasse. München.
	Académie royale de Belgique. Bulletin classe de lettres. Bruxelles.
AE	American Ethnologist.
AB	Analecta Bollandiana. Bruxelles.
	Annales des Economies, Societies et Civilisations. Paris.
	Annual of Medieval Studies at CEU. Budapest.
	Aproach to semiotics.
	Balkan Cultural Studies. Boulder, Ca.
	Bulletin of the School of Oriental and African Studies.
	Bulletin de la Société royale belge de géographie. Bruxelles.
	Byzantinoslavica. Praha.
	Byzantion. Bruxelles.
BZ	Byzantinische Zeischrift. Leipzig.
	Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wischenschaften. – Philosophisch-historische Klasse. Wien.
DOP	Dumbarton Oaks Papers. Washington.
ECQ	Eastern Churches Quarterly.
ECR	Eastern Churches Review.
EB	Études balkaniques. Sofia.
	Faith and Thought. Journal of the Transactions of the Victoria Institute.
GJ	<The> Geographical Journal.
GOTR	<The> Greek Orthodox Theological Review.
HTR	Harvard Theological Review. Harvard.
	<Der> Islam.
HJ	Historishes Jahrbuch
JA	Journal asiatique. Paris.
JNES	Journal of Near Eastern Studies
JRS	Journal of Roman Studies. London.
	Journal des savants. Paris.
	Mémoires de la Société finno-ougrienne.
MJ	Mittellateinisches Jahrbuch
	Missionary Herald.

MW	<The> Moslem World.
	<Le> Muséon. Louvain, Londres.
	Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philol.-hist. Klasse. Göttingen.
OCA	Orientalia christiana analecta. Roma.
OCP	Orientalia christiana periodica. Roma.
	Palaeobulgarica / Старобългаристика. София
PG	Migne J.-P., Patrologiae cursus completus. Seria Graeca. Paris, 1857–1866.
PL	Migne J.-P., Patrologiae cursus completus. Seria Latina. Paris, 1844–1855.
	Proceedings of the British Academy. London.
	Proche-Orient Chrétien
	Religion, State and Society. Oxford.
REB	Revue des études byzantines. Paris.
RESEE	Revue des études sud-est europeénnes
RHR	Revue d'histoire des réligions. Paris.
ROC	Revue de l'Orient chrétien. Paris.
RPhE	Revue de philologie et d'ethnographie.
RS	Richerche slavistiche. Roma.
	Rivista di storia e letteratura religiosa. Roma.
	Rivista di studi bizantini e neoelenici. Roma.
	Semiotica.
	Slavia. Praha.
	<Die> Slawischen Sprachen. Salzburg.
	Slovo. Zagreb.
	Speculum. Cambridge, Mass.
	Starine. Zagreb.
SP	Studia patristica et liturgica. Regensburg.
	Südost-Forschungen. München.
ZfdA	Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Berlin.
ZdmG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.
АП	Археографски прилози. Београд.
	Библиотекар. Београд.
БЕ	Български език. София.
БПр	Български преглед. София.
БФ	Български фолклор. София.
	Векове. София.

Abbreviations

ГСУД	Гласник Српскога ученог друштва. Београд.
	Годишник на музеите в Пловдивски окръг. Пловдив.
	Годишник на музеите от Северна България.
	Живая старина. Санкт Петербург.
	Записки Восточно-сибирского отдела Русского археологического общества
ЗИК	Зборник историје књижевности Српске академије наука и уметности. Београд.
ЗЛУ	Зборник за ликовне уметности.
ИИБЛ	Известия на Института за българска литература. София
Изв. ОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санкт Петербург – Петроград – Ленинград.
Изв. НБКМ	Известия на Народната библиотека "Св. Св. Кирил и Методий". София.
	Изкуство. София.
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе. Одесса – София.
ИП	Исторически преглед. София.
КМЕ	Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1 – 3, С., 1982 – 2003.
КМС	Кирило-Методиевски студии. София.
ЛБКД	Летопис на Българското книжовно дружество. София.
ЛМ	Литературна мисъл. София.
МСб = СбНУ	
ПИ	Проблеми на изкуството. София.
ПСп	Периодическо списание на Българското книжовно дружество. Браила – София
Сб ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Санкт Петербург – Петроград – Ленинград.
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София
СЛ	Старобългарска литература. София.
	Современост. Скопје.
ТОДРЛ	Труды Отделения древней русской литературы Института литературы РАН, Санкт Петербург.
Трудове ВТУ	Трудове на Великотърновския университет "Кирил и Методий".
	Трудове на катедрата по история и богословие на Шуменския университет "Епископ Константин Преславски". Шумен.
	Университетские известия. Императорский университет св. Владимира. Киев.

Уч. Зап. ТГУ	Ученые записки Тартусского государственного университета. Тарту
ЧОИДР	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва.

LIBRARIES AND INSTITUTIONS

БАН – Българска Академия на науките
БАН СПб – Библиотека Академии Наук, Санкт Петербург.
БРАН – Библиотека Российской Академии Наук, Санкт Петербург.
ГБЛ – Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей, Москва.
МАНУ – Македонска академија на науката и уметностите
МГУ – Московский Государственный Университет
МСПЦ – Музеј српске православне цркве, Београд
НБКМ – Народна Библиотека "Св. Св. Кирил и Методий", София
НБС – Народна библиотека Србије, Београд
НМРМ – Национален музей "Рилски манастир"
ОГБ – Одесская Государственная Библиотека, Одесса
ОР ГИМ – Отделение рукописей ГИМ, Москва
ПНБ – Народна библиотека "Иван Вазов", Пловдив
РАН – Румънска Академия на науките
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов, Москва
РГИА – Российский Государственный исторический архив, Санкт Петербург
РГБ – Российская Государственная Библиотека, Москва
РНБ – Российская Национальная Бибилиотека, Санкт Петербург
САНУ – Српска академија наука и уметности
ЦДИА – Централен държавен исторически архив, София
ЦГАДА – Центральный Государственный архив древних актов, Москва
ЦИАИ – Църковно–исторически и архивен институт, София
ЦИАМ – Църковен историко–археологически музей при Св. Синод, София
ЦСВП – Център за славяно–византийски проучвания "Акад. Ив. Дуйчев"
УБ – Университетска библиотека
PIO – Pontificio Instituto Orientale, Roma.

Abbreviations of Biblical Books
Сокращенные названия библейских книг

Gen	Genesis	Бытие	Быт
Ex	Exodus	Исход	Исх
Lev	Leviticus	Левит	Лев
Num	Numeri	Числа	Чис
Deut	Deuteronomium	Второзаконие	Втор
Jud	Judicum	Судии	Суд
Jes	Jesaia	Исайя	Ис
Jer	Jeremia	Иеремия	Иер
Ez	Ezechiel	Иезекиил	Иез
Hos	Hosea	Осия	Ос
Joel	Joel	Иоиль	Иоил
Am	Amos	Амос	Ам
Obad	Obadia	Авдий	Авд
Jona	Jona	Иона	Ион
Mich	Micha	Михей	Мих
Nah	Nahum	Наум	Наум
Hab	Habakkuk	Аввакум	Ав
Hag	Haggai	Аггей	Агг
Zach	Zacharia	Захария	Зах
Mal	Maleachi	Малахия	Мал
Ps	Psalmi	Псалмы	Пс
Pr	Proverbia	Притчи	Пр
Hiob	Hiob	Иов	Иов
CC	Canticum Canticorum	Песнь Песней	ПП
Ruth	Ruth	Руфь	Руфь
Eccl	Ecclesiastes	Экклесиаст	Эккл
Esth	Esther	Эсфирь	Эсф
Dan	Daniel	Даниил	Дан
Esra	Esra	Эзра	Эз
Neh	Nehemia	Неемия	Неем
Mt	Euangelium sec. Mattheum	Евангелие от Матфея	Мт
Mc	Euangelium sec. Marcum	Евангелие от Марка	Мк
Lc	Euangelium sec. Lucam	Евангелие от Луки	Лк
Io	Euangelium sec. Iohannem	Евангелие от Иоанна	Ио
Acta	Acta Apostolorum	Деяния апостолов	Деян

1 Pt	Epistula ap. Petri I	Первое послание ап. Петра	1 Пт
2 Pt	Epistula ap. Petri II	Второе послание ап. Петра	2 Пт
1 Io	Epistula ap. Iohannis I	Первое послание ап. Иоанна	1 Ио
2 Io	Epistula ap. Iohannis II	Второе послание ап. Иоанна	2 Ио
3 Io	Epistula ap. Iohannis III	Третье послание ап. Иоанна	3 Ио
Ju	Epistula ap. Judae	Соборное послание ап. Иуды	Иу
	Epistulae ap. Pauli	Послания ап. Павла	
Rom	- Ad Romanos	- к римлянам	Римл
1 Cor	- Ad Corinthios I	- первое к коринфянам	1 Кор
2 Cor	- Ad Corinthios II	- второе к коринфянам	2 Кор
Gal	- Ad Galatas	- к галатам	Гал
Ephes	- Ad Ephesios	- к ефесянам	Ефес
Philip	- Ad Philippenses	- к филиппийцам	Филип
Col	- Ad Colossenses	- к колоссянам	Кол
1Thess	- Ad Thessalonicenses I	- первое к фессалоникийцам	1 Фесс
2Thess	- Ad Thessalonicenses II	- второе к фессалоникийцам	2 Фесс
1 Tim	- Ad Timotheum I	- первое к Тимофею	1 Тим
2 Tim	- Ad Timotheum II	- второе к Тимофею	2 Тим
Tit	- Ad Titum	- к Титу	Тит
Philem	- Ad Philemonem	- к Филимону	Филим
Hebr	- Ad Hebraeos	- к евреям	Евр
Ap	Apocalypsis	Откровение Иоанна Богослова	Откр

5974-410

Scripta & *e*-Scripta
The Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies
Volume 3–4
2005–2006

Editor: Anissava Miltenova
Executive editors of this issue: Sebastian Kempgen, Tatjana Slavova
Book designer: Milena Vălnarova

Format 70/100/16
Pre-press: Rumyan Lazov
Printing press: "Simolini"
"Boyan Penev" Publishing Centre
Institute of Literature, BAS

ISSN 1312-238X

